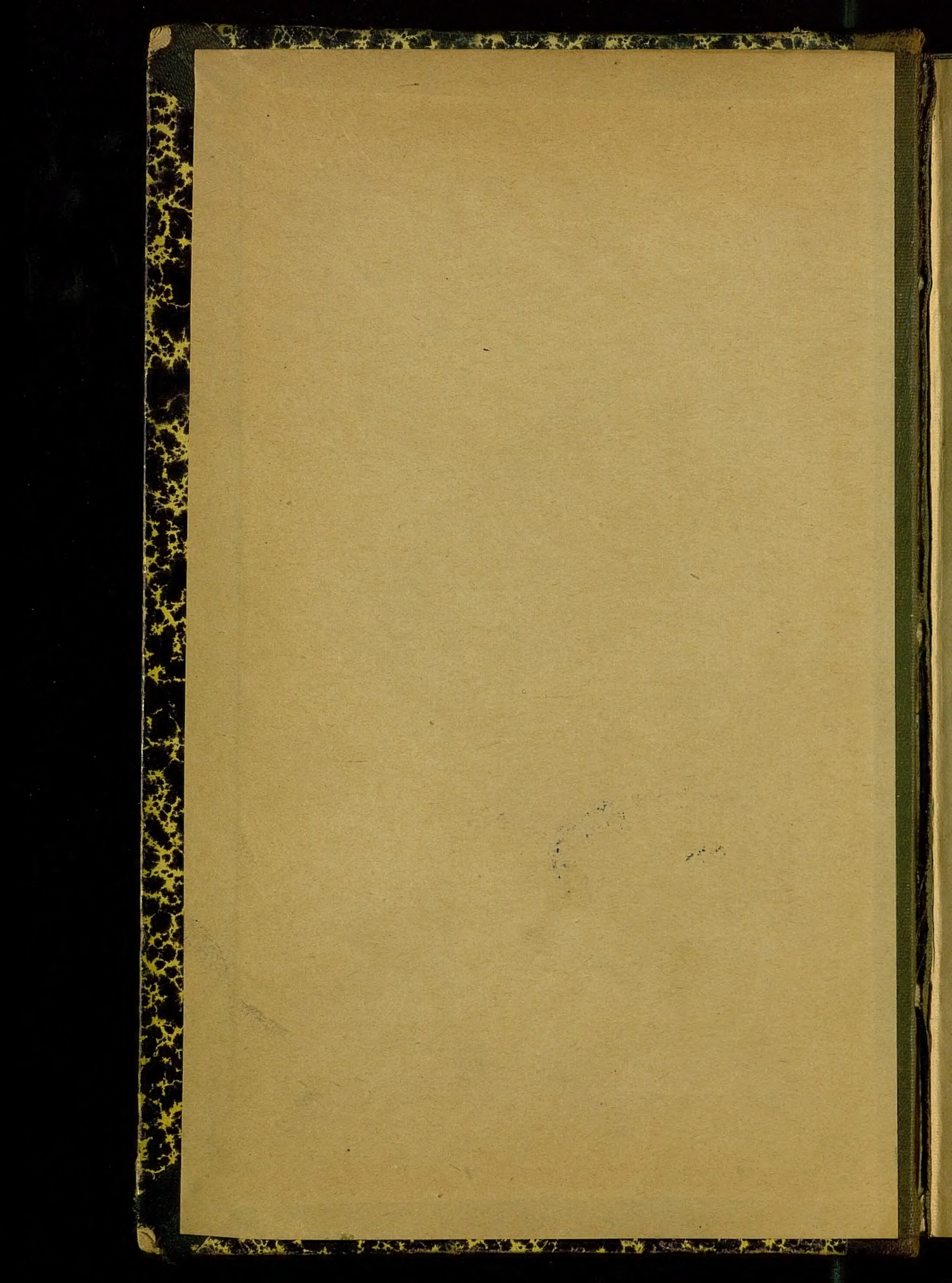

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

МАРТЪ, 1886.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ.

(Некрологъ).

Января 27-го, въ 7 часовъ вечера, скончался въ Москвѣ И. С. Аксаковъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей настоящаго столѣтія. Смерть подкралась къ нему почти незамѣтно и застигла его на томъ же боевомъ посту, на которомъ создалось его громкое имя и завидная слава.

Самъ И. С. не собирался такъ скоро покончить земные счеты, хотя и не забывалъ о бремени лѣтъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ и подтачивавшихъ его крѣпкое здоровье. Но не въ его правилахъ было слагать оружіе, пока оставались силы для работы, т. е. для борьбы, потому что работа была для него борьбой — неустанной, кипучей, полной одушевленія и отваги, а эта борьба — работой, призваніемъ жизни, нравственнымъ долгомъ передъ родиной. Подкрѣпившись кратковременнымъ отдыхомъ въ Крыму, втеченіе весны и лѣта прошлаго года, И. С. по возвращеніи въ Москву съ обычною бодростью принялся за свое дѣло. Всѣмъ еще памятны его блестящія статьи о событіяхъ въ славянскомъ мірѣ, его филиппики противъ нашихъ дипломатовъ, его, исполненное достоинства, объясненіе съ цензурнымъ вѣдомствомъ... Все это было недавно и все это было живымъ свидѣтельствомъ, что И. С. остается тотъ же, какимъ былъ до болѣзни — съ своимъ неувядающ. талантомъ, съ своею пламенною рѣчью, съ своимъ даромъ страстно увлекаться и увлекать.

Есть извѣстіе, что съ весны нынѣшняго года И. С. намѣревался поставить свое изданіе иначе, чтобы обезпечить себѣ большій досугъ для приведенія въ порядокъ своего об-

ширнаго семейнаго архива (почти за 75 лѣтъ) и для изложенія своихъ воспоминаній. Въ письмѣ къ одному изъ старыхъ друзей, харьковскому профессору Безсонову, незадолго до смерти, И. С., сообщая объ этихъ планахъ своихъ, прибавилъ: «если не будетъ войны» — до такой степени была ему чужда мысль, что вотъ онъ можетъ преспокойно снять съ себя боевые доспѣхи и отдаться дѣлу, хотя и не чисто личному, даже очень нужному, но въ сторонѣ отъ текущихъ злобъ дня.

Судьба рѣшила иначе. Не прошло и полугода послѣ крымскаго отдыха, какъ недуги Аксакова возобновились. Надломленное здоровье настоятельно требовало устраненія отъ срочной утомительной работы, требовало душевнаго покоя, а тутъ какъ разъ подоспѣли событія, глубоко взволновавшія весь славянскій міръ. И. С. не могъ въ такую минуту оставаться спокойнымъ зрителемъ, тѣмъ болѣе не могъ оставить дѣла, которое лежало на немъ одномъ. И этотъ яркій свѣточъ русской мысли догорѣлъ и погасъ почти внезапно, къ великой скорби всѣхъ мыслящихъ патріотовъ русской и другихъ славянскихъ земель...

И. С. Аксаковъ, второй сынъ извѣстнаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, родился въ селѣ Надеждинѣ, Куроѣдовѣ тожъ, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ., 26-го сентября 1823 г. Черезъ три года послѣ того, семья Аксаковыхъ перебралась въ Москву, гдѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ нѣкоторое время служилъ сперва въ должности цензора, а потомъ — инспектора межеваго училища, преобразованнаго при его ближайшемъ содѣйствіи въ Константиновскій межевой институтъ. Какъ въ эти, такъ и въ послѣдующіе годы, семья Аксаковыхъ жила попреимуществу интересами литературы и искусства. Переводчикъ Мольера, знатокъ и любитель театра, отецъ Ивана Сергѣевича былъ въ тѣсной дружбѣ съ корифеями тогдашней московской сцены, начиная Щепкинымъ. Въ то же время сотрудничество въ тогдашнихъ московскихъ изданіяхъ («Московскій Вѣстникъ» Погодина, «Атеней» — Павлова, «Галатея»—Раича, «Молва»—Надеждина и «Труды Общества любителей россійской словесности») сблизило его со многими выдающимися писателями. Гоголь питалъ къ семьѣ Аксаковыхъ, можно сказать, родственныя чувства и былъ не рѣдкимъ гостемъ Сергѣя Тимоѳеевича. При чисто русскомъ благодушіи и хлѣбосольствѣ просвѣщеннаго хозяина, домъ Аксаковыхъ сталъ въ Москвѣ оживленнымъ центромъ образованности, ума, даровитости и изящнаго вкуса.

Таковы были особенности этой русской семьи, въ атмосферѣ которой слагались первыя мысли и первыя сознательныя стремленія дѣтей Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Съ другой сто-

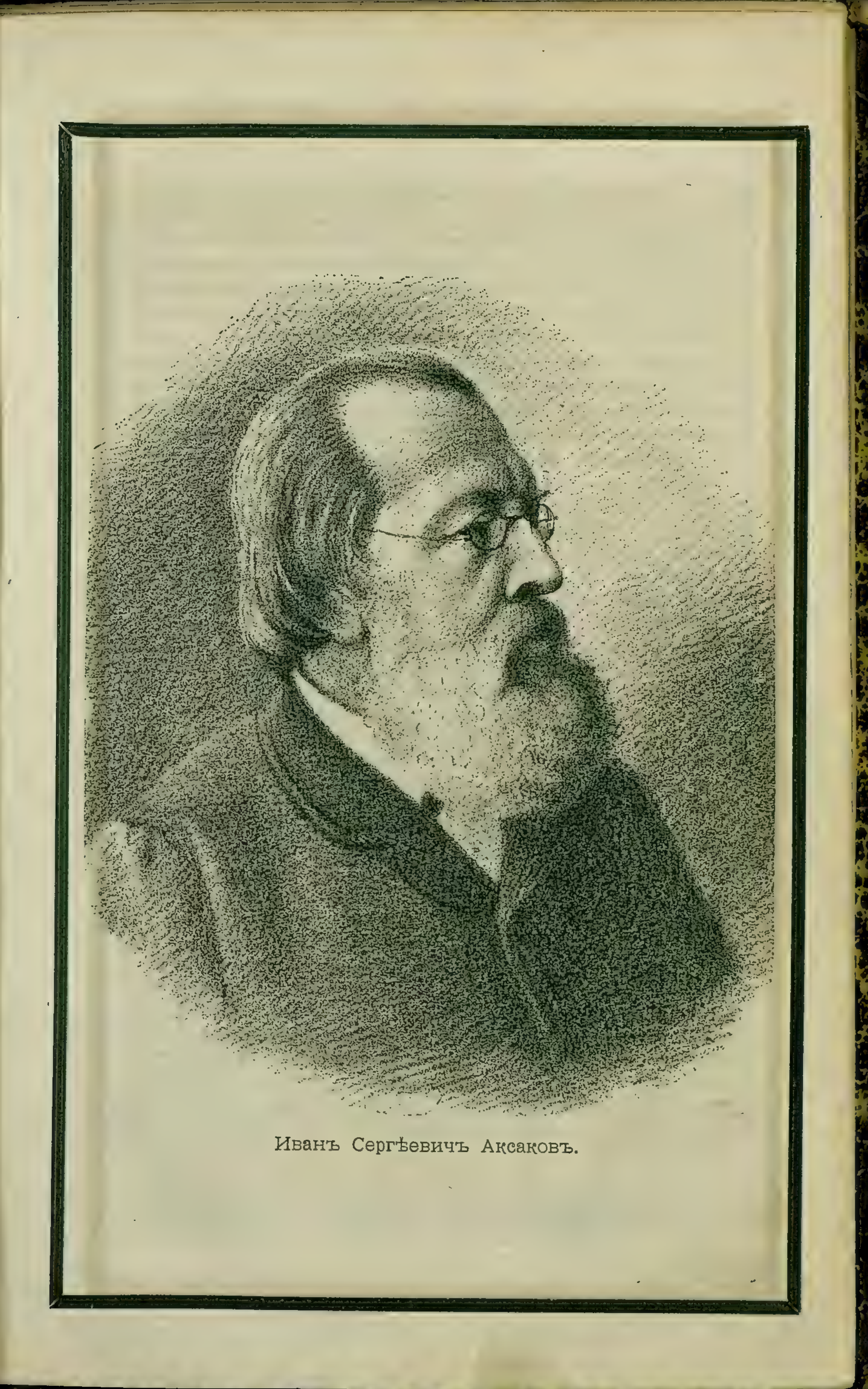
роны, въ семьѣ Аксаковыхъ крѣпко держались патріотическія преданія суворовскаго времени (мать И. С., Ольга Семеновна, была дочь Суворовскаго генерала Заплатина) и воспоминанія двѣнадцатаго года. Эти счастливыя условія первоначальнаго воспитанія, безъ сомнѣнія, играли важную роль въ послѣдующемъ направленіи дѣятельности Ивана Сергѣевича, какъ и его старшаго брата Константина. Богато одаренный природою, отъ младыхъ лѣтъ вращаясь среди писателей, артистовъ и художниковъ, съ молокомъ матери всосавши возвышенныя патріотическія чувства, И. С. очень рано угадалъ свое призваніе. Уже на 21 году своей жизни, онъ, какъ бы провидя будущее, въ энергическихъ строфахъ высказалъ (стихотвореніе «Колумбъ», 1-го ноября 1844 г.):

Пойду впередъ съ своимъ стремленьемъ,
Исторгну помыслъ изъ глуши,
Съ неколебимымъ убѣжденьемъ,
Залогомъ искреннимъ души!
И вѣрю я: наступитъ время,—
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,—
Но долетитъ святое сѣмя
До почвы избранной своей!..
Я не страшусь суда людскаго,
Я двину смѣло мысль впередъ,
И далеко отгрянетъ слово
И слухъ внимательный найдетъ!
Крикъ близорукаго участья
Меня не тронетъ, не смутитъ...
Я равнодушно жду несчастья,
Мнѣ тайный голосъ говоритъ:
Терпи, Колумбъ, терпи и вѣдай:
На зло сомнѣнью и врагамъ,
Ты увѣнчаешься побѣдой...
Но быть грозѣ, гремѣть бѣдамъ!

Образованіе Иванъ Сергѣевичъ получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, которое тогда только что было учреждено. Первоначальныя цѣли этого училища и идеи, смутно бродившія въ его преподавателяхъ и воспитателяхъ,—идеи суда справедливаго, неподкупнаго, о чемъ тогда можно было только мечтать,—тоже не остались безъ вліянія на впечатлительную душу И. С. По окончаніи курса въ Училищѣ, онъ поступилъ на службу (въ 1842 г.) въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ сената. Эта судебная служба была своего рода чистилищемъ для будущаго писателя: здѣсь онъ впервые лицомъ къ лицу встрѣтился съ неказистою дѣйствительностью тогдашней Руси, и уже никогда не могъ излечиться отъ первыхъ впечатлѣній дореформеннаго суда. Въ послѣдній годъ своей жизни, какъ и при началѣ писательской карьеры, И. С. не могъ безъ содроганія вспоминать видѣнное на

судебной службѣ и не могъ безъ негодованія слушать или читать хвалебные дифирамбы судебнымъ порядкамъ по образу и подобію суда дореформеннаго, предлагаемымъ въ отмѣну и замѣну суда новаго.

Изъ сената, въ сентябрѣ 1848 года, И. С. перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ командированъ въ Бессарабію по нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣламъ, причемъ имѣлъ случай основательно ознакомиться какъ съ положеніемъ раскольниковъ, со складомъ ихъ отношеній между собой и ко внѣшнему міру, такъ и съ общимъ смысломъ раскола въ русской жизни. Вскорѣ затѣмъ, И. С. былъ командированъ въ Ярославскую губернію для ревизіи городскаго управленія, для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ единовѣріи, введенію котораго противился ярославскій архіепископъ, а также для изученія, въ составѣ особой коммиссіи, секты бѣгуновъ или странниковъ. Эта командировка дала Аксакову случай близко ознакомиться съ условіями народной жизни въ Великороссіи. Едва ли не впервые И. С. съ поразительною ясностью увидалъ тогда жизненную антитезу, раскрытіе которой составляло потомъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ и вмѣстѣ важнѣйшую заслугу его публицистической дѣятельности. Эта антитеза: самобытное и самородное, или земское, въ русской жизни и казенное, или «казенщина», какъ онъ выражался. Вотъ любопытный фактъ, съ которымъ, встрѣтился И. С. при ревизіи городскихъ управленій Ярославской губерніи и который онъ любилъ вспоминать какъ въ своихъ статьяхъ, такъ и въ устныхъ бесѣдахъ: по полученіи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, Екатерининской жалованной грамоты городамъ и по торжественномъ, какъ слѣдуетъ, открытіи городской думы съ городскимъ головой и гласными, жители постановили секретный общественный приговоръ такого содержанія: такъ какъ вновь учреждаемая дума имѣетъ распоряжаться лишь доходами, указанными въ законѣ, расходовать на предметы, также указанные, вообще дѣйствовать на точномъ основаніи закона, подъ контролемъ начальства, то рядомъ и одновременно съ нею имѣть негласно прежнее общественное управленіе подъ завѣдываніемъ того же городскаго головы и тѣхъ же гласныхъ, и въ распоряженіе этого негласнаго управленія предоставить небольшой капиталъ, нарочно для сего и составленный по общей раскладкѣ. Такимъ образомъ съ 1786 по 1847 г., втеченіе 61 года, существовало два городскихъ самоуправленія: одно оффиціальное, казенное, съ 4 тысячами руб. дохода; другое тайное, но въ сущности настоящее, достигшее 20 тысячъ руб. дохода; по одному велись смѣты, отчеты представлялись губернскому правленію и казенной палатѣ, по другому ве-

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

лись особыя книги, въ которыхъ отчетъ отдавался самому обществу. Городъ процвѣталъ, къ удивленію всѣхъ губернаторовъ, пока, наконецъ, начальство не узнало случайно причины процвѣтанія. Узнавъ, оно предало голову суду, прекратило неказенное самоуправленіе и отдало капиталы казенному. «Городъ пришелъ въ упадокъ и довольно скоро»,—прибавлялъ, обыкновенно, И. С. вмѣсто всякихъ выводовъ...

Изученіе секты бѣгуновъ дало матеріалъ для солиднаго труда «О бѣгунахъ». Въ печати появилась только заключительная глава этого сочиненія, замѣчательнаго въ особенности характеристикой причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникла секта.

Въ 1852 году, И. С. вышелъ въ отставку и возвратился въ Москву, къ отцу и брату, которые около того времени усердно занимались литературой [1]). Литературная дѣятельность И. С. началась, какъ упомянуто, значительно раньше, а именно его первое напечатанное стихотвореніе («Колумбъ») появилось въ № 1 «Москвитянина» за 1845 г. Кромѣ другихъ стихотвореній, къ этому же времени относится и поэма «Бродяга», по поводу которой автору, ранѣе появленія ея въ печати, именно въ 1849 году пришлось держать отвѣтъ передъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, на письменно предложенный вопросъ: «почему онъ, Аксаковъ, безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ герои»... Эти непріятности въ связи съ литературными занятіями (напримѣръ, въ 1848 г. И. С. неизвѣстно за что былъ арестованъ на нѣкоторое время), вѣроятно, ускорили рѣшимость его оставить службу, такъ какъ выбора между службой и литературой, для него не представлялось по существу его стремленій и убѣжденій.

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, именно около времени возвращенія И. С. къ отцу, въ Москвѣ сплотился литературный кружокъ такъ называемой славянофильской окраски. Кружокъ имѣлъ въ виду пропагандировать свои идеи путемъ печатнаго слова. Первымъ опытомъ изданій кружка былъ «Московскій Сборникъ», предпринятый въ 1852 году. И. С. былъ редакторомъ I тома, гдѣ, между прочимъ, появилась въ отрывкахъ и упомянутая поэма «Бродяга», но на томъ и остановилось предпріятіе кружка, впрочемъ, для «Сборника», а не для И. С. Аксакова: послѣднему, по выходѣ I тома «Московскаго Сборника», дальнѣйшее продолженіе этого изданія было запрещено, съ лишеніемъ права быть и впредь редакторомъ какого бы то ни было изданія.

[1]) С. Т. Аксаковъ издавалъ (1847 г.) «Записки объ уженьѣ рыбы», а К. С. печаталъ диссертацію свою о Ломоносовѣ (тоже 1847 г.).

После этого въ литературной дѣятельности И. С. послѣдовалъ значительный перерывъ, которымъ онъ воспользовался для ознакомленія съ народнымъ бытомъ въ различныхъ его формахъ и проявленіяхъ. Такъ, въ 1853 году, И. С. принялъ предложеніе русскаго географическаго Общества — описать торговлю на украинскихъ ярмаркахъ. Въ концѣ 1853 года, И. С. отправился въ Малороссію и провелъ въ разъѣздахъ по ней весь слѣдующій годъ. Результатомъ этой поѣздки явилось обширное «Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», изданное впослѣдствіи географическимъ Обществомъ (въ 1859 году). Автору географическое Общество присудило за его изслѣдованіе большую Константиновскую медаль. Академія наукъ за то же изслѣдованіе удостоила И. С. половинной Демидовской преміи. Изслѣдованіе это основывалось на фактахъ, собранныхъ, большею частью, самимъ авторомъ, такъ какъ статистическіе матеріалы, имѣвшіеся въ то время, были ниже всякой критики. По свойству задачи И. С. не могъ ограничиться однѣми малороссійскими ярмарками, но долженъ былъ обнять почти все торговое и промышленное движеніе въ тогдашнихъ главныхъ центрахъ его, такъ какъ малороссійскія ярмарки имѣли важное значеніе не только для юга, но и для сѣвера Россіи. Изслѣдованіе это познакомило И. С. съ нашимъ торговымъ сословіемъ, съ характеромъ и нуждами русской торговли. Установленное имъ различіе великоросса и малоросса, по скольку тотъ и другой со своими особенностями проявляются въ торговлѣ и въ частности на ярмаркахъ, до сихъ поръ не утратило своего интереса и значенія.

Изъ Малороссіи И. С. вернулся въ Москву въ самый разгаръ Восточной войны и вызваннаго ею патріотическаго одушевленія. Онъ добровольно поступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, бывшую подъ начальствомъ князя Гагарина. Пылкая, прямая натура И. С. и здѣсь сказалась во всей силѣ. Начальникъ дружины очень не радъ былъ имѣть подъ своимъ начальствомъ такого человѣка. Серпуховская дружина дальше Бессарабіи не пошла и въ дѣлахъ противъ непріятеля участія не принимала. При первыхъ извѣстіяхъ о мирѣ, въ мартѣ 1856 года, И. С. вернулся въ Москву; но въ маѣ того же года онъ снова отправился на югъ, именно въ Крымъ, приглашенный княземъ Васильчиковымъ участвовать въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Впрочемъ, конца слѣдствія И. С. не дождался. Въ декабрѣ 1856 года, онъ возвратился въ Москву.

Извѣстно, какое тогда наступало время, какіе вопросы были выдвинуты на очередь. И. С. всецѣло посвятилъ этимъ вопросамъ свои недюжинныя силы и свой блестящій талантъ.

Въ 1858 году, онъ принялъ на себя (неоффиціально) редакцію журнала «Русская Бесѣда», оффиціальнымъ редакторомъ котораго считался А. И. Кошелевъ. Вокругъ этого органа сплотились всѣ лучшія силы такъ называемаго славянофильскаго кружка. И. С. выпустилъ III и IV томы «Русской Бесѣды» за 1858 годъ и шесть книжекъ за 1859 годъ. Въ то же время сняли съ него запрещеніе быть редакторомъ, и И. С. Аксаковъ предпринялъ съ 1859 г. изданіе еженедѣльной газеты «Парусъ». По замыслу издателя, «Парусъ» долженъ былъ служить центральнымъ органомъ славянской мысли. Но этому изданію не посчастливилось: по выходѣ двухъ первыхъ №№, оно было прекращено за нарушеніе цензурныхъ правилъ. Цензурѣ не понравилось обозрѣніе событій предшествовавшаго года и нѣкоторыя изъ стихотвореній, въ томъ числѣ и принадлежавшія самому И. С.

Весь 1860 годъ, отчасти вслѣдствіе болѣзни брата Константина Сергѣевича, котораго врачи послали умирать на островъ Занте, И. С. провелъ въ заграничномъ путешествіи, главнымъ образомъ по славянскимъ землямъ, чтобы лично ознакомиться съ выдающимися политическими и литературными дѣятелями западнаго и южнаго славянства. Между прочимъ, это путешествіе И. С. ознаменовалось извѣстнымъ эпизодомъ въ Бѣлградѣ, куда онъ привезъ «Посланіе къ сербамъ», подписанное многими, частью людьми его кружка, частью сочувствовавшими лишь нѣкоторымъ изъ его взглядовъ. Незадолго передъ тѣмъ закончившаяся итальянская война, неудача Австріи и торжество идеи національнаго объединенія итальянцевъ,—все это отразилось сильнымъ броженіемъ въ славянскихъ земляхъ. Среди сербовъ и хорватовъ усилились освободительныя стремленія относительно Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. И. С. былъ встрѣченъ здѣсь съ распростертыми объятіями, хотя «Посланіе къ сербамъ» въ Бѣлградѣ не понравилось.

Возвратившись въ Москву, И. С. выхлопоталъ разрѣшеніе издавать подъ своей редакціей еженедѣльную газету «День». Газета была разрѣшена ему безъ политическаго отдѣла и съ тѣмъ, чтобы цензура имѣла особое наблюденіе за этимъ изданіемъ. «День» сталъ выходить въ концѣ 1861 года, при участіи того же славянофильскаго кружка, и сразу занялъ выдающееся положеніе. «День», конечно, отводилъ видное мѣсто славянскому міру и славянскимъ дѣламъ; тогда и внѣшній былъ поводъ, потому что въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе. Но едва ли не больше славянскихъ вопросовъ занимался «День» жгучими задачами начавшагося преобразованія Россіи, такъ какъ сразу на очередь стали вопросы о крупнѣйшихъ реформахъ, какъ-то: крестьянской, судебной, земской. Наконецъ,

около того же времени зашевелилась Польша, и польскій вопросъ занялъ немаловажное мѣсто въ ряду живыхъ интересовъ русскаго общества, хотя на первыхъ порахъ лишь въ академической постановкѣ. Все это давало «Дню» множество случаевъ высказать во всемъ блескѣ одушевлявшія его высокія стремленія и надежды, пылкій энтузіазмъ его руководителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непоколебимую вѣру въ Россію, въ ея особое призваніе. Голосъ Аксакова, мужественный, бодрый, увлекательный и всегда нѣсколько дерзновенный, не могъ оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ періодовъ дѣятельности И. С.; за нимъ окончательно упрочилась слава талантливаго, честнаго, смѣлаго вождя славянофильской партіи. Имя Аксакова стало извѣстно всей образованной Россіи и Европѣ и, какъ нынѣ выражаются, сдѣлалось политическимъ знаменемъ. Личный, рыцарски безупречный, характеръ Ивана Сергѣевича стяжалъ ему не только горячія симпатіи друзей, но и общее уваженіе противниковъ.

Изданіе «Дня» шло довольно благополучно, если не считать сравнительно маленькихъ цензурныхъ непріятностей, напримѣръ, запрещенія отдѣльныхъ статей, вслѣдствіе чего газета нерѣдко выходила безъ передовой статьи съ помѣткой лишь даты: «Москва, N. N. числа». Въ 1862 году, послѣдовала, впрочемъ, болѣе крупная непріятность, именно временное отстраненіе Аксакова отъ редакторства. Случилось это, по объясненію самого И. С., единственно вслѣдствіе того, что онъ не счелъ для себя нравственно возможнымъ объявить, какъ отъ него требовалось, имя автора одной корреспонденціи. Въ виду положительнаго закона, И. С. предпочелъ принять на себя и понести за автора отвѣтственность, но это предложеніе не было принято, и И. С. на время былъ отстраненъ отъ редакторства, съ разрѣшеніемъ передать званіе редактора Ю. Ф. Самарину, хотя фактически оставался редакторомъ самъ же И. С. Это было въ іюнѣ 1862 года, а въ октябрѣ того же года И. С—чу вновь послѣдовало разрѣшеніе издавать «День» подъ собственной редакціей. «День» просуществовалъ до конца 1865 года, когда личныя обстоятельства заставили И. С. добровольно прекратить это изданіе. Его послѣдняя передовая статья въ «Днѣ» — прощальная — заканчивалась словами:

«Прощай, читатель, и да спасетъ тебя русская правда отъ всякой иноземной лжи, которою долго еще не перестанутъ — наши аристократы и демократы, доктринеры-чиновники и нигилисты и все это старое общество—мутить поверхность нашего могучаго, величаваго, глубокаго народнаго моря».

Одновременно съ изданіемъ «Дня», И. С. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ учрежденнаго въ 1858 г. москов-

скаго славянскаго Комитета, — при жизни Погодина въ качествѣ ближайшаго его сотрудника, а послѣ смерти Погодина въ качествѣ его преемника, по званію предсѣдателя Комитета. Этого рода дѣятельность И. С. была очень разнообразна и порой хлопотлива, не говоря уже о постоянныхъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, съ которыми она связывалась для самого И. С—а. Тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ И. С. не покидалъ ея, не смотря на всѣ послѣдующія перемѣны какъ въ собственныхъ его дѣлахъ, такъ и въ судьбѣ славянскаго Комитета.

Перерывъ издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики продолжался для И. С. одинъ годъ. Его пылкая натура была какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ политической газетѣ, и въ 1867 г. онъ вновь предпринялъ изданіе газеты—«Москва». Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ газетъ, когда либо возникавшихъ въ Россіи. Она просуществовала съ 1-го января 1867 года по 21-е октября 1868 года, т. е. менѣе двухъ лѣтъ, и втеченіе этого короткаго времени подверглась девяти предостереженіямъ и тремъ пріостановкамъ — на три, на четыре и, наконецъ, на шесть мѣсяцевъ. Другими словами, просуществовавъ неполныхъ два года, «Москва» болѣе года (13 мѣсяцевъ) была въ пріостановкѣ. Частью во время этихъ пріостановокъ ее замѣнялъ «Москвичъ», отличавшійся отъ «Москвы» только заголовкомъ, хотя выходившій подъ редакціей (номинальной, конечно) другаго лица. Главнымъ поводомъ административныхъ гоненій на «Москву» были статьи ея противъ генерала Потапова, удивительно управлявшаго Сѣверо-Западнымъ краемъ, и противъ тогдашнихъ порядковъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ нѣмецкое меньшинство проводило политику онѣмеченія большинства, не стѣсняясь для того самыми крутыми средствами противъ населенія. Раздраженный этими гоненіями и придирками, И. С., конечно, не всегда соблюдалъ въ своихъ статьяхъ академическій стиль, а нерѣдко чувствительно затрогивалъ самолюбіе самого министерства, къ чему немало представлялось поводовъ, особенно въ неискренней политикѣ бюрократіи относительно земскихъ учрежденій и печати. Но въ общемъ «Москва» была газетой строго выдержанной въ томъ самомъ направленіи, которое всегда отличало такъ называемый «славянофильскій» кружокъ, и которое если чѣмъ прегрѣшало противъ взглядовъ правительственной среды, то единственно развѣ допущеніемъ критики о дѣйствіяхъ самихъ правительственныхъ лицъ, въ предположеніи, что и они могутъ ошибаться. Но этого-то и не прощали «Москвѣ» вмѣстѣ съ ея независимымъ отношеніемъ къ различнымъ текущимъ вопросамъ политики. Незадолго до своей смерти, по случаю новаго столкновенія съ цен-

зурой, И. С. припоминалъ въ «Руси», безъ сомнѣнія, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, что въ вопросахъ, за которые больше всего пострадала «Москва», правительство въ настоящее время само стоитъ на точкѣ зрѣнія, которую тогда защищала «Москва» и за которую это изданіе въ концѣ концовъ было запрещено.

Запрещенію «Москвы» предшествовалъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ нашей печати процессъ, который И. С. велъ въ сенатѣ противъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Тимашева. Послѣдній, пріостановивши «Москву» на 6 мѣсяцевъ, согласно нынѣ отмѣненной статьѣ законовъ 1865 года о печати, вошелъ въ сенатъ съ рапортомъ о необходимости, по его мнѣнію, вовсе прекратить изданіе «Москвы». Узнавъ объ этомъ, И. С. Аксаковъ подалъ въ сенатъ прошеніе съ просьбой допустить его къ представленію, въ свою защиту, объясненій противъ министерскаго рапорта, и прошеніе это было сенатомъ уважено. Тогда И. С. по каждой статьѣ обширнаго обвинительнаго рапорта представилъ объясненія и справки въ тѣхъ видахъ, чтобы опровергнуть основную мысль обвиненія, будто «Москва» — изданіе вреднаго направленія, и въ отношеніи этого главнаго пункта обвиненія И. С. выигралъ процессъ: изъ департамента за разногласіемъ дѣло было перенесено въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи. Но и въ общемъ собраніи на сторонѣ генералъ-адъютанта Тимашева не получилось потребныхъ двухъ третей голосовъ. Разногласіе не устранилось и послѣ соглаcительнаго предложенія министра юстиціи, вслѣдствіе чего дѣло перешло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но и тамъ единогласіе не получилось, такъ что потребовалось перенести дѣло въ общее собраніе государственнаго совѣта. Здѣсь большинство согласилось съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но при окончательной редакціи мнѣнія большинства сдѣлана была оговорка въ томъ смыслѣ, что хотя газета и запрещается, однако же направленіе ея по существу нельзя признать вреднымъ.

Съ закрытіемъ «Москвы» И. С. въ отношеніи издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики оставался подъ запрещеніемъ цѣлыхъ 12 лѣтъ. Всѣ хлопоты его и друзей его снять это запрещеніе не имѣли успѣха до самаго 1880 г., когда во главѣ общаго управленія поставленъ былъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Но этотъ продолжительный перерывъ въ издательскихъ трудахъ не былъ для И. С. періодомъ успокоенія отъ патріотической и общественной дѣятельности, или періодомъ отрѣшенія отъ политическихъ и вообще высшихъ интересовъ своего времени; такого успокоенія и отрѣшенія не могло быть ни по свойствамъ натуры И. С., ни по особенно-

стямъ его общественнаго положенія. Вотъ именно здѣсь мы и встрѣчаемся съ тѣмъ, совершенно исключительнымъ у насъ, явленіемъ, что человѣкъ частный, стоящій вдали отъ вліятельной оффиціальной среды, въ добавокъ пользующійся прямо неблагосклонностью этой среды, — человѣкъ, не имѣющій ни высокихъ чиновъ, ни какихъ либо особыхъ отличій въ условномъ смыслѣ, — наконецъ, человѣкъ, насильственно лишенный права голоса на той единственной аренѣ, которая отрыта у насъ частнымъ людямъ, въ печати, — И. С. Аксаковъ, не смотря на все это, сдѣлался не только виднымъ, но и несомнѣнно вліятельнымъ политическимъ центромъ, вокругъ котораго естественно совершался обмѣнъ симпатій и надеждъ между Востокомъ и Западомъ славянскаго міра... И случилось это какъ-то само собою, безъ всякихъ усилій со стороны И. С. Будучи членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ славянскаго Комитета, И. С. дѣлалъ то, что требовало отъ него принятое на себя званіе, но онъ дѣлалъ это съ душой и по убѣжденію, онъ находилъ опору для этой дѣятельности въ себѣ самомъ, въ своихъ славянскихъ чувствахъ, вѣрованіяхъ, идеалахъ; увлекаясь самъ, онъ увлекалъ за собой и другихъ.

Когда на славянскомъ юго-востокѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, появилось движеніе, перешедшее сперва въ герцеговинское возстаніе (1875 г.), а потомъ въ сербско-турецкую (1876 г.) и русско-турецкую или вторую Восточную войну (1877—1878 гг.), И. С. Аксаковъ выступилъ естественнымъ руководителемъ русскихъ общественныхъ симпатій. Московскій славянскій Комитетъ, имъ предсѣдательствуемый, превратился въ самое оживленное коммиссіонерское бюро, куда со всѣхъ концовъ Россіи стекались пожертвованія на славянское дѣло, распредѣлявшіяся Комитетомъ, т. е. въ сущности его предсѣдателемъ, черезъ особо довѣренныхъ людей. Наконецъ, потекли въ славянскія земли уже не рубли только, а и люди русскіе для помощи славянамъ личнымъ трудомъ и, если нужно, личнымъ пожертвованіемъ на полѣ брани... Объ этомъ времени И. С. вспоминалъ въ послѣдней статьѣ, вышедшей изъ-подъ его пера: «Пишущему эти строки привелось въ 1876 и 1877 годахъ быть не только свидѣтелемъ, но отчасти и практическимъ посредникомъ высокаго народнаго одушевленія, охватившаго Русскую землю; непосредственно изъ народныхъ рукъ (онъ) принималъ народныя лепты, не святѣе коихъ была лепта евангельской вдовицы; (передъ нимъ) живы до сихъ поръ образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на колѣняхъ упрашивавшихъ, какъ о «Божеской милости», дарованія имъ способовъ «померѣть», мученическій вѣнецъ пріять за освобожденіе братій-

христіанъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ отъ бусурманскаго ига или нашествія». Нельзя не прибавить къ этимъ строкамъ, что тогдашнія рѣчи Ивана Сергѣевича въ славянскомъ Комитетѣ передавались изъ уста въ уста, облетали всю Россію, электризуя русскихъ людей своимъ энтузіазмомъ, зажигая одушевленіе высокой идеей «мученическаго вѣнца» за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ и племени...

Отвѣтомъ народному движенію въ той же Москвѣ явились приснопамятныя слова покойнаго императора въ Кремлѣ къ представителямъ дворянства и купечества,—слова, говорятъ, неожиданныя для нашихъ дипломатовъ и не входившія въ ихъ планы, но которыя рѣшили дальнѣйшую судьбу славяно-турецкой распри. Впрочемъ, и послѣ того славянскому Комитету еще не была дана отставка. Преобразованный правительствомъ, въ началѣ 1876 г., въ «московское славянское Общество», онъ оставался у дѣлъ, и дѣла эти были посерьёзнѣй обычнаго благотворенія. Между прочимъ, славянское Общество, т. е. опять-таки главнымъ образомъ И. С. Аксаковъ, заготовило въ Германіи оружіе для болгарскихъ дружинъ, которыя первоначально предполагалось сформировать на сербской территоріи,—что-то около 20 тысячъ ружей, съ соотвѣтственнымъ количествомъ патроновъ, и 12 крупповскихъ орудій съ необходимыми къ нимъ снарядами... Всѣ эти запасы оружія, дѣйствительно, пошли на вооруженіе болгарскихъ дружинъ, хотя и не тѣмъ путемъ, какой предполагался въ началѣ. И донынѣ подарокъ московскаго славянскаго Общества не потерялъ цѣны для освобожденной Болгаріи...

Берлинскій трактатъ послѣ богатырскихъ подвиговъ русскаго солдата и въ награду за великія жертвы, понесенныя Россіей,—былъ для русскаго чувства нѣчто невмѣстимое, невозможное, и русское чувство прорвалось громовою рѣчью И. С. Аксакова въ томъ же славянскомъ Обществѣ... Эта рѣчь сдѣлалась цѣлымъ политическимъ событіемъ... И она, дѣйствительно, была именно событіемъ: она показала Европѣ, что за русскими дипломатами, умѣющими такъ очаровательно улыбаться, стоятъ русскіе люди, у которыхъ въ груди—не полированная фраза, а настоящее сердце, горячее, дерзновенное, живо чувствующее обиду и позоръ... и хотя славянское Общество былъ тотчасъ закрыто, даже безъ соблюденія установленныхъ на такіе случаи формальностей (капиталами, напримѣръ, распорядились даже безъ вѣдома жертвователей и т. п., словомъ: «съ отмѣннымъ упрощеніемъ формъ», какъ выразился И. С. незадолго до своей смерти...), а самъ И. С. былъ высланъ изъ Москвы въ деревню, но берлинскій трактатъ былъ принятъ Россіей не въ той оцѣнкѣ, какую дѣлали ему наши дипломаты, а въ той, какую дало ему патріоти-

ческое проклятіе Аксакова на собраніи славянскаго Общества...

Въ 1880 году, благодаря графу М. Т. Лорисъ-Меликову, И. С. Аксаковъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету «Русь», которой и посвятилъ остатокъ своей жизни, казалось, еще крѣпкой, бодрой не однѣми надеждами, но и силами. Пишущій эти строки имѣлъ случай познакомиться съ И. С. какъ разъ передъ выпускомъ первыхъ нумеровъ «Руси». Нужно было видѣть, съ какой свѣжестью чувства трактовалъ И. С. задачи своего новаго изданія; какъ вѣрилъ онъ въ силу твердаго, искренняго слова, съ какой отвагой смотрѣлъ впередъ. Онъ не ошибался на счетъ того, что «Русь» встрѣтятъ въ печати недружелюбно, онъ неособенно разсчитывалъ и на сочувствіе къ ней со стороны тогдашней правящей среды. Но онъ, всетаки, надѣялся имѣть вѣсъ въ рѣшеніи самоважнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, которые были тогда поставлены на очередь. И. С. хорошо зналъ, что ему придется идти противъ теченія, но это не обезкураживало его,—напротивъ...

Когда черезъ три съ половиной мѣсяца по выходѣ «Руси» случилось позорное злодѣяніе 1-го марта, И. С., потрясенный вмѣстѣ со всѣми русскими людьми, почувствовалъ тѣсноту въ газетѣ и выступилъ съ торжественнымъ исповѣданіемъ «гражданскихъ и нравственныхъ задачъ и идеаловъ русскаго народа», въ собраніи с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества, 22-го марта. Его блестящая рѣчь произвела огромное впечатлѣніе; то былъ страстный протестъ противъ увлеченія чужеземщиной и грозное предостереженіе, выраженное съ необычайною силою. «Не обольщайтесь тѣмъ,— говорилъ И. С.,— что великій народъ нашъ безмолвствуетъ. Онъ недоумѣваетъ. А понимаете ли, что значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно океанъ вздымается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ... Заныла вся душа его, изъязвлена совѣсть».

...«Это и скорбь, и горесть, и стыдъ, и ужасъ, какой-то торжественный, вѣщій ужасъ. Это судъ Божій творится надъ нами»...

Очертивъ затѣмъ вожделѣнія, которыми жила значительная часть нашей интеллигенціи, Аксаковъ съ полною прямотою и откровенностью заявилъ: «Нѣтъ, этому не бывать! отъ духа лестча, враждебенъ нашему народу и преуспѣянію его въ доброй христіанской нравственности тотъ либерализмъ, который сулитъ намъ политическія и соціальныя блага, проповѣдуя въ то же время презрѣніе къ политическому и духовному исповѣданію Русской земли!»

Эта пламенная рѣчь заканчивалась «исповѣданіемъ» положительной программы въ слѣдующихъ словахъ: «Нужно, необходимо, до крайности нужно припасть къ стопамъ Богомъ даннаго намъ царя и молить его, молить неотступно... да обновится вновь въ животворной силѣ и дѣйствіи старый союзъ царя съ народомъ, на началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимнаго искренняго общенія»...

Мы съ подробностью остановились на этой замѣчательной рѣчи не только потому, что она обнимаетъ сущность всего, что проповѣдывалъ Аксаковъ въ своей долголѣтней публицистической дѣятельности, но и потому еще, что эта рѣчь была первымъ всенароднымъ исповѣданіемъ началъ, долгое время бывшихъ, такъ сказать, подъ опалой у «общественнаго мнѣнія». Аксаковъ лицомъ къ лицу предсталъ передъ обществомъ и имѣлъ мужество рѣзко высказать ему въ глаза то самое, за что общество будто бы отвернулось отъ людей Аксаковскаго направленія... И что же? — петербургское избранное общество проводило Аксакова, послѣ его рѣчи, съ настоящимъ тріумфомъ!..

«Русь» начала выходить 15-го ноября 1880 года и продолжала выходить по день смерти И. С., съ полугодовымъ перерывомъ въ 1885 году, по случаю болѣзни редактора. Въ 1883 году, «Русь» была преобразована въ двухнедѣльное изданіе, и два года выходила въ этомъ преобразованномъ видѣ. Но въ 1885 году И. С. вернулся къ первоначальной формѣ еженедельника. Газета эта, какъ и объяснялъ И. С., была его личнымъ органомъ, и значеніе ей давали главнымъ образомъ статьи самого редактора, имѣвшія несомнѣнно «громкій резонансъ», по любимому его выраженію, хотя матеріальнаго успѣха въ тѣсномъ смыслѣ «Русь» не имѣла, да Иванъ Сергѣевичъ и не искалъ такъ называемой популярности. У него былъ совершенно особый взглядъ на задачи журналиста, къ сожалѣнію, очень рѣдкій въ наше время. Вслѣдствіе этого взгляда онъ, напримѣръ, печаталъ нѣкоторыя статьи завѣдомо «для немногихъ читателей», но для такихъ, которые сами имѣютъ около себя значительную аудиторію или которые могутъ оказать, гдѣ нужно, давленіе въ желаемомъ направленіи. Къ печатному слову И. С. относился какъ къ дѣлу самому серьёзному, которое несомнѣнно даетъ человѣку въ руки могучее орудіе воздѣйствовать на общество и даже на ходъ событій, но съ которымъ связаны не одни права, а еще больше обязанностей. Иногда, подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣйствительности, И. С. бросалъ слово сомнѣнія о пользѣ этого особаго служенія родинѣ путемъ печатнаго слова, но то были скоропреходящія минуты дурнаго настроенія, ибо служеніе Аксакова тѣмъ основнымъ началамъ, органомъ которыхъ была его

газета, столько же вытекало изъ глубокаго проникновенія этими началами съ молодыхъ лѣтъ, сколько изъ свѣтлаго взгляда на даровитость русскаго племени, изъ непоколебимой вѣры въ его высокое призваніе на міровой аренѣ.

Въ дополненіе этого бѣглаго очерка общественной дѣятельности Аксакова, нелишне упомянуть, что среди своихъ главныхъ занятій онъ находилъ досугъ и силы служить обществу и иными путями. Такъ, онъ былъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ россійскомъ миссіонерскомъ Обществѣ, предсѣдателемъ въ московскомъ Обществѣ любителей россійской словесности и гласнымъ московской думы.

Значеніе И. С. Аксакова во всемъ объемѣ опредѣлилось лишь по случаю его кончины, и опредѣлилось не какой либо мѣткой формулой, обнимающей его заслуги передъ Россіей и славянствомъ, а самымъ фактомъ общественныхъ заявленій, вызванныхъ этою кончиною и сразу показавшихъ, что смерть Аксакова не что нибудь заурядное въ жизни стомилліоннаго народа русскаго, а цѣлое событіе — столько же горестное, сколько важное въ политическомъ и общественномъ смыслѣ. Не только въ Россіи, но и за границей именно такъ понята и оцѣнена утрата, понесенная нами въ лицѣ И. С. Аксакова.

Государь Императоръ соизволилъ почтить память покойнаго телеграммой, на имя его вдовы Анны Ѳедоровны, и съ трогательною сердечностью выразилъ общую русскую скорбь передъ этой тяжкой утратой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Императрица и Я съ душевнымъ прискорбіемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали, какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силъ перенести эту тяжелую сердечную потерю.

«АЛЕКСАНДРЪ».

Выраженіемъ соболѣзнованія почтили память И. С. Аксакова: князь Николай Черногорскій, великая княгиня Александра Петровна, сербскій митрополитъ Михаилъ, болгарскіе митрополиты Климентъ и Герасимъ со всѣмъ болгарскимъ духовенствомъ, общественныя учрежденія многихъ болгарскихъ городовъ, выдающіеся политическіе кружки Болгаріи, сербскій посланникъ Груичъ, бѣлградское ученое общество, славянская учащаяся молодежь Вѣнскаго университета, хорваты, галичане, галицко-русская печать—вотъ кто откликнулся на русско-славянскую утрату изъ заграничныхъ славянъ. Что же касается Россіи, то кончина Аксакова оплакивается всюду, гдѣ есть просвѣщенные патріоты, способные цѣнить истинныя заслуги передъ отечествомъ. Достаточно сказать, что од-

нѣхъ телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю этой кончины доставлено на имя вдовы покойнаго свыше 130, изъ того числа едва ли не большая часть колективныя— отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ сословій, городовъ, ученыхъ корпорацій, учащейся молодежи, органовъ печати и т. д., и т. д. Здѣсь, въ Петербургѣ, высшіе чины государства — военные и гражданскіе — присутствовали на торжественныхъ панихидахъ по скончавшемся русскомъ гражданинѣ; петербургская городская дума особымъ постановленіемъ выразила уваженіе къ памяти И. С.; московская дума рѣшила поставить въ своей залѣ портретъ И. С., учредить стипендію его имени въ университетѣ и присутствовать въ полномъ составѣ на его похоронахъ. Почти всѣ органы печати столичной и провинціальной, независимо отъ направленій, посвятили памяти И. С. статьи, проникнутыя сознаніемъ, что смерть его — огромная потеря для Россіи. Московскія и нѣкоторыя петербургскія изданія, различныя общества и учрежденія возложили на гробъ И. С. вѣнки. Редакціи петербургскихъ изданій послали на похороны И. С. особую депутацію съ хоругвью, нарочно изготовленною для этого печальнаго торжества. Было много другихъ депутацій на похоронахъ отъ общественныхъ учрежденій и кружковъ. Похоронная процессія сама собой превратилась въ величавую общественную манифестацію; за гробомъ Аксакова шла вся Москва, въ лицѣ представителей всѣхъ классовъ московскаго населенія, а самый гробъ отъ университетской церкви до Ярославскаго вокзала несла на рукахъ университетская молодежь.

Тѣло И. С. Аксакова погребено въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

Можно бы составить цѣлую книгу изъ отзывовъ объ Аксаковѣ, появившихся какъ въ русской, такъ и заграничной печати по случаю его кончины. Для полноты нашего очерка, приводимъ лишь нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ:

«Московскія Вѣдомости» высказали: «Скоропостижная кончина И. С. Аксакова — вотъ событіе, которое отзовется далеко. Его помянутъ повсюду».

«Новое Время»: «Не русскій талантливый писатель только скончался, скончался общественный трибунъ, обладавшій даромъ зажигать сердца, скончался искренній человѣкъ, человѣкъ высокой честности и правды, никогда, ни единымъ словомъ не измѣнявшій своему призванію. Онъ несъ свое знамя втеченіе многихъ лѣтъ твердою и непоколебимою рукою, ни разу не опуская его, несъ, какъ мужественный воинъ, съ вѣрою въ то дѣло, которому служилъ и котораго не оставилъ и тогда, когда смерть явно подкрадывалась къ нему».

«Journ. de St.-Petersbourg»: «Скончался великій патріотъ, человѣкъ безусловной честности».

«С.-Петербургскія Вѣдомости» видятъ особенную тяжесть утраты въ томъ, что Аксаковъ былъ русскій человѣкъ и журналистъ: «Аксаковъ, — сказали онѣ, — не только зналъ и любилъ Россію, — ее многіе знаютъ и любятъ, — но онъ былъ гордъ Россіею, онъ носилъ въ своей крови и въ мозгу сознаніе ея величія и силы, и когда громко въ его пламенной и образной рѣчи звучало это сознаніе, русскіе люди чувствовали себя бодрѣе, лучше, способнѣе для большаго національнаго дѣла».

«Современныя Извѣстія»: «Потеря невознаградимая! И. С. Аксаковъ былъ не только литераторъ, публицистъ, общественный дѣятель: онъ былъ знамя, онъ былъ общественная сила».

«Русскія Вѣдомости», называя смерть Аксакова «важной общественной утратой», замѣтили при этомъ: «Русское общество лишилось одного изъ наиболѣе видныхъ своихъ дѣятелей, честнаго и независимаго публициста, воплощавшаго въ своемъ лицѣ цѣлое самобытное направленіе, которое при немъ и чрезъ него не только приняло наиболѣе опредѣленныя формы, но и успѣло заявить себя рядомъ важныхъ фактическихъ результатовъ».

«Недѣля» сказала объ Аксаковѣ: «Это былъ «общественный дѣятель», въ полномъ смыслѣ слова. Чуждый всего казеннаго, онъ втеченіе всей жизни своей былъ силенъ только своимъ чисто общественнымъ значеніемъ. Основною чертою его природы было глубокое чувство «народности», вѣра въ русское народное начало, въ своеобразность и достоинство этого начала».

Въ томъ же смыслѣ высказалось большинство остальныхъ русскихъ газетъ. Русскіе политическіе органы, выходящіе на окраинахъ («Варшавскій Дневникъ», «Кіевлянинъ»; «Рижскій Вѣстникъ» и нѣк. др.) указали заслуги Аксакова и въ нелегкой борьбѣ русскаго государственнаго начала съ инородческой «опричиной»...

Наконецъ, и заграничная печать, въ особенности славянская, англійская и нѣмецкая, отозвалась на русское горе если не вся съ сочувствіемъ, то въ большинствѣ своемъ во всякомъ случаѣ съ уваженіемъ къ личности покойнаго главы «славянофиловъ» и «панславистовъ», какъ онѣ разумѣли Аксакова. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ заслуживаютъ того, чтобы сохранить ихъ на память объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Такъ, «Народные Листы», выражая безпредѣльное горе о новомъ жестокомъ ударѣ, постигшемъ сердце великой славянской семьи, между прочимъ, высказали: «Не только матушка-Москва, но и весь славянскій міръ глубоко опечаленъ кончиною Аксакова. Но голова его, нынѣ холодная и мертвая, недаромъ тру-

дилась, думала, стремилась къ своему идеалу. Идеи, волновавшія эту голову и переданныя ею человѣчеству, не окоченѣютъ и не истлѣютъ».

Англійская газета «Standard» называетъ смерть Аксакова «національной потерей» для Россіи.

Враждебный Россіи и, конечно, Аксакову, «Pesther Lloyd» сказалъ объ немъ, что «это былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ дѣятелей своего времени: онъ приводилъ въ движеніе монарховъ, народы и идеи».

Нѣмецкая печать худо скрыла злорадство по поводу кончины Аксакова и тѣмъ расписалась въ своемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, какъ это было и по поводу смерти Скобелева. Въ Аксаковѣ видѣли врага и хотя объясняли это будто бы «враждебнымъ его отношеніемъ къ нѣмецкому элементу», но на самомъ дѣлѣ Аксаковъ, очевидно, потому считался врагомъ, что онъ былъ чуткимъ стражемъ русскихъ интересовъ и, по его выраженію, высоко держалъ русское національное знамя, не допуская и мысли, чтобы Россія принижалась передъ нѣмецкимъ могуществомъ. Его послѣдняя политическая статья оканчивается предупрежденіемъ противъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ съ германскимъ міромъ для рѣшенія русско-славянскаго вопроса: «Не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары русско-славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами»... вотъ предсмертный завѣтъ Аксакова русскимъ людямъ, и вотъ откуда эта вражда къ нему нѣмцевъ: даже и въ могилѣ онъ кажется имъ опасенъ...

Русская печать въ Галиціи также обозначила себя въ оцѣнкѣ Аксакова: между тѣмъ какъ «Слово» и «Проломъ» присоединились къ согласному хору русскихъ газетъ, украинофильское «Діло» вмѣстѣ съ польскими и нѣмецкими газетами (любопытный союзъ!) обнажило,—правда, безвредное для покойнаго,—жало клеветы и двусмысленныхъ укоризнъ.

Упомянутыя выше телеграммы изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ юго-и-западно-славянскихъ земель въ большинствѣ выражаютъ не одно соболѣзнованіе, но и оцѣнку И. С. и его дѣятельности, а также надежду, что сѣмя, имъ посѣянное, «не умретъ» и дастъ желанные плоды—на благо Россіи и всего славянскаго міра. Особенно знаменательны нѣкоторыя телеграммы, полученныя изъ славянскихъ земель. Такъ, «хорватскіе, словенскіе и болгарскіе студенты» Вѣнскаго университета въ своей телеграммѣ высказали:

«Вѣсть объ утратѣ, понесенной русскимъ народомъ и всѣми славянами со смертію незабвеннаго Ивана Сергѣевича, поразила насъ, которымъ онъ всегда и въ самые роковые часы былъ неустрашимымъ защитникомъ. Утрата русскаго народа — утрата наша. Вмѣстѣ съ сильнымъ братскимъ наро-

домъ русскимъ мы плачемъ у одра безсмертнаго покойника, но надѣясь, что русскій народъ дастъ намъ преемника его идей и стремленій».

Эти подробности точнѣе всякихъ соображеній обозначаютъ размѣры событія, которое повергло въ скорбь всю мыслящую Россію. Въ могильной тишинѣ замеръ вѣщій голосъ, будившій наше національное самосознаніе. Померкла блестящая звѣзда на славянскомъ горизонтѣ, во мракѣ свѣтившая путь братскимъ Россіи народамъ. Не стало человѣка, который смѣлою и твердою рукой несъ передъ нами знамя самобытнаго политическаго и гражданскаго развитія,—знамя, на которомъ кровью сердца написанъ былъ столь еще необычный у насъ девизъ: уваженіе къ святымъ завѣтамъ нашей исторіи, довѣріе къ доблестному и даровитому народу русскому, и вѣра въ живыя творческія силы Земли, создавшей могущественное государство... Нѣтъ, недаромъ эта общая скорбь русскихъ людей передъ свѣжей могилой: другаго Аксакова не осталось съ нами!

А. Никольскій.

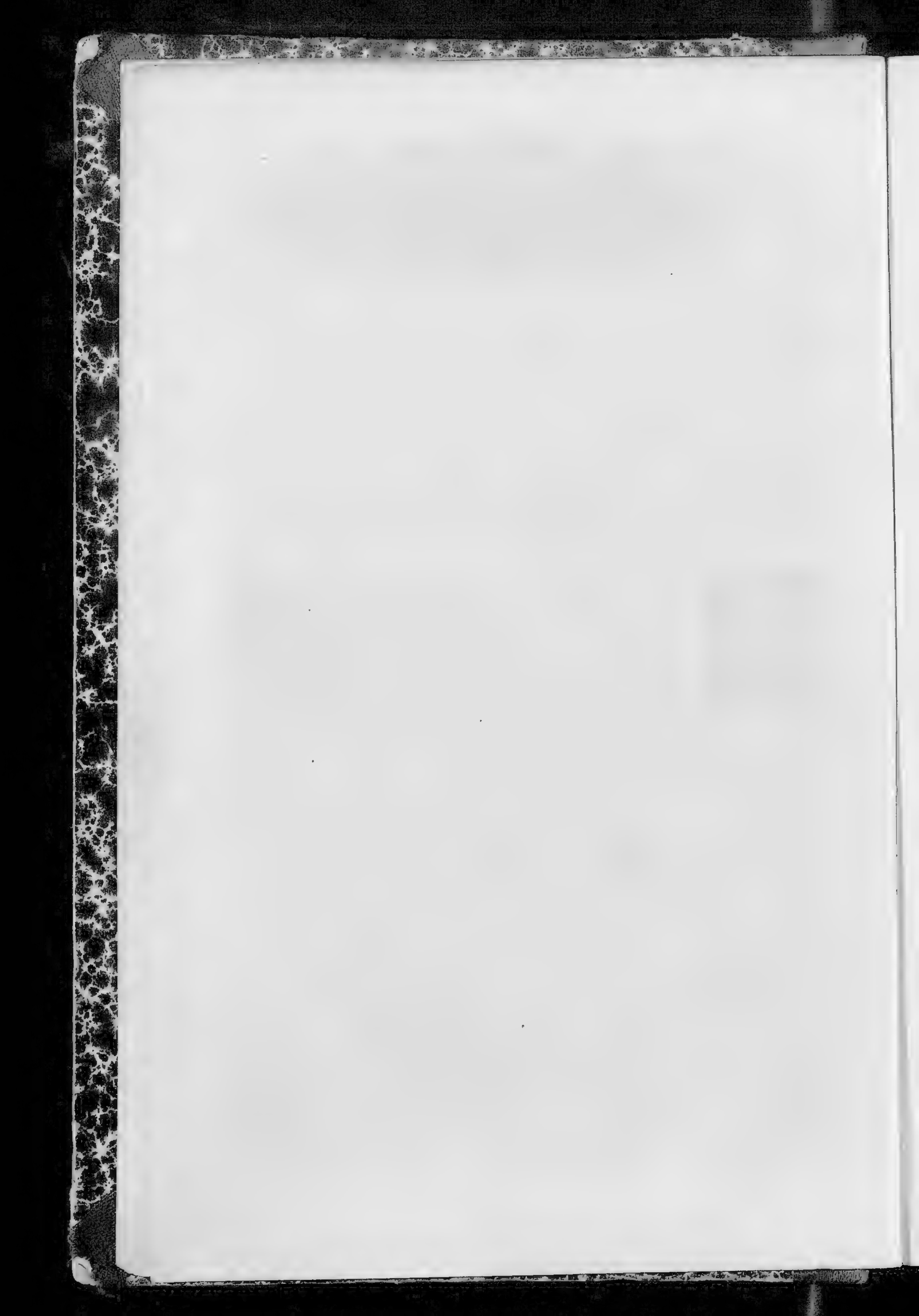

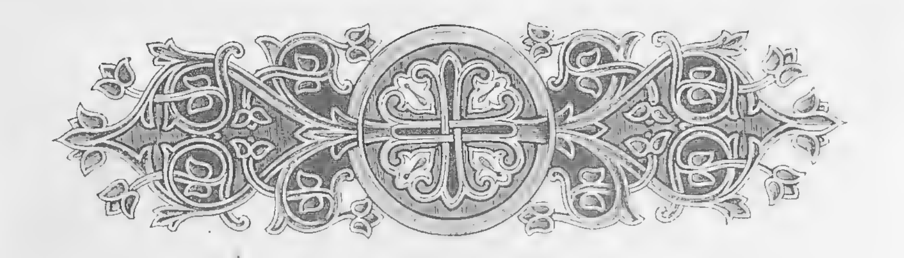

ДРУЖЕСКАЯ ГРУППА.

А. С. Хомутовъ. И. С. Аксаковъ. М. В. Авдѣевъ. А. В. Поповъ. Унковскій. Я. А. Купріяновъ.
Князь А. В. Оболенскій. Графъ Ю. И. Стенбокъ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. В. Поповымъ).

Н. А. ПОЛЕВОЙ И ЕГО ЖУРНАЛЪ „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ".

Въ ИСТОРІИ русской литературы первой половины нашего столѣтія неоспоримое значеніе имѣетъ дѣятельность Н. А. Полеваго. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ этой кипучей дѣятельности служитъ журналъ «Московскій Телеграфъ», возбуждавшій живое сочувствіе въ современникахъ и оставившій яркіе и глубокіе слѣды въ литературѣ. Журналистика была истиннымъ призваніемъ Полеваго; журнальная струя пробивалась во всѣхъ его литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. По замѣчанію Бѣлинскаго, во всемъ, что ни написалъ Полевой, даже въ «Исторіи русскаго народа», онъ былъ «журналистомъ, а не историкомъ». Таковъ былъ складъ его ума, таковы особенности его блестящаго дарованія. Въ этомъ заключалась тайна его вліянія на читателей; изъ этого же источника происходили и всѣ невзгоды, которыми такъ богата литературная дѣятельность Полеваго.

Что касается до вліянія, а слѣдовательно и значенія Полеваго, какъ журналиста, то всего умѣстнѣе привести отзывы писателей, бывшихъ свидѣтелями его упорной борьбы за существованіе и того впечатлѣнія, которое производили его статьи на образованнѣйшую часть тогдашняго общества. «Московскій Телеграфъ», — говоритъ Бѣлинскій, — былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ первой до послѣдней книжки своей, издавался онъ съ тѣою постоянною заботливостію, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первую мысль, которую

тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіею и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы... Полевой показалъ **первый**, что литература—не дѣтская забава; что исканіе истины есть ея главный предметъ... Журналъ Полеваго Телеграфъ, вѣрный своему названію, былъ полнымъ представителемъ своей эпохи. Въ немъ было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности; онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями умственнаго развитія въ Европѣ, и тотчасъ же передавалъ ихъ такъ, какъ они отражались въ его понятіи» [1]).

Говоря о ходѣ работъ своихъ по изученію и изданію Державина, академикъ Я. К. Гротъ съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ о Полевомъ и его заслугахъ. Въ своей, такъ сказать, литературной исповѣди, нашъ уважаемый ученый говоритъ слѣдующее: «Я сталъ читать Державина по смирдинскому изданію тридцатыхъ годовъ, съ помощью отдѣльныхъ къ нему объясненій, напечатанныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. При этомъ позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы отдать справедливость слишкомъ забытому нынче писателю, въ свое время принесшему великую пользу литературѣ, именно Полевому. Его критическія статьи о русскихъ авторахъ, помѣщавшіяся сперва въ «Московскомъ Телеграфѣ», а потомъ составившія книгу: «Очерки русской литературы», при всемъ несовершенствѣ своемъ съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, имѣли, однакожъ, очень **благотворное дѣйствіе, распространяя въ обществѣ историко-литературныя знанія и возбуждая любознательныхъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ**. Ему былъ я обязанъ первымъ моимъ знакомствомъ съ названными двумя комментаріями къ Державину» [2]).

Правдивая лѣтопись литературныхъ невзгодъ Полеваго можетъ, въ свою очередь, представить много любопытныхъ чертъ, для обрисовки умственной и общественной жизни того времени. Обладая крупнымъ дарованіемъ и неутомимою энергіею, онъ отзывался на всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія окружавшей его дѣйствительности. Для исторіи литературы имѣютъ несомнѣнное значеніе журнальныя предпріятія Полеваго, и не только тѣ, которыя увѣнчались успѣхомъ, но также и тѣ, которымъ суждено было погибнуть въ самомъ зародышѣ. Весьма любопытны планы или программы литературныхъ изданій, предпринятыхъ Полевымъ въ раз-

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго. 1846 г. Стр. 37—38, 41, 44—45.

[2]) Записка, составленная Я. К. Гротомъ въ 1868 году (рукопись).

ныя времена. Они наглядно знакомятъ съ тогдашними требованіями и вкусами, съ тогдашнимъ состояніемъ образованности. При изложеніи судьбы «Московскаго Телеграфа» и другихъ литературныхъ предпріятій Полеваго, мы пользовались прямыми и вполнѣ достовѣрными источниками, изъ которыхъ многіе впервые появляются въ печати.

Призваніе Полеваго обнаружилось чрезвычайно рано; еще ребенкомъ пытался онъ выступить на журнальное поприще. Будучи десяти лѣтъ отъ роду, онъ замышлялъ въ Иркутскѣ издавать газету «Азіатскія Вѣдомости» и журналъ «Другъ Россіи», въ подражаніе «Московскимъ Вѣдомостямъ» и «Московскому Меркурію», отъ котораго приходилъ въ восторгъ [1]). Мысль объ изданіи журнала постоянно занимала Полеваго во время его молодости. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ Москвѣ образовалось нѣсколько литературныхъ обществъ или кружковъ, и въ какомъ бы изъ нихъ ни появлялся Полевой, сейчасъ же заходила рѣчь объ изданіи журнала. Во время близкой пріязни съ Филимоновымъ, Н. А. Полевой составилъ планъ журнала, въ которомъ думалъ участвовать и Вердеревскій; но «они не могли согласиться ни въ планѣ, ни въ направленіи журнала» [2]). Вступивши въ литературное общество, членами котораго были Раичъ, Шевыревъ, Погодинъ и другіе, Полевой предложилъ издавать журналъ. Погодинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Много толковъ было о журналѣ, котораго программу представилъ Н. А. Полевой, принятый въ наше общество. Она не понравилась намъ, и Полевой отстранился» [3]).

Завѣтной мысли Полеваго, наконецъ, суждено было осуществиться: онъ сдѣлался издателемъ самостоятельнаго журнала, которому предстояла блестящая будущность. О происхожденіи «Телеграфа» князь Вяземскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Полевой былъ въ то время еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ, ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы», въ отвѣтъ на мое извѣстное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды, засталъ онъ у меня графа Михаила Вьельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что̀ онъ дѣлаетъ теперь. — Да покамѣстъ ничего, — отвѣчалъ онъ. — Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? — продолжалъ

[1]) Очерки русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. 1839. Часть I, стр. XXX—XXXI.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго, составленныя братомъ его К. Полевымъ. 1860. Часть I, стр. 114—115.

[3]) Воспоминаніе о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ. М. Погодина (изъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія»), 1869, стр. 7.

графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе. Дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, зачато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя «Телеграфу». Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Иная книжка «Телеграфа» была наполовину наполнена мною или матеріалами, которые я сообщалъ въ журналъ» [1]).

Нѣсколько иначе излагаетъ дѣло братъ издателя «Телеграфа», Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой. «Было,—говоритъ онъ,—нѣсколько попытокъ издавать журналъ въ сообществѣ съ другими, но онѣ оканчивались ничѣмъ. Послѣ многихъ планъ, думъ и раздумываній, въ половинѣ 1824 года, братъ рѣшился испросить позволеніе издавать журналъ отъ своего имени, а сотрудникомъ имѣть одного меня. Онъ составилъ програму, по которой въ будущій журналъ его могло входить все, кромѣ политики, все,—какъ выразился одинъ изъ его противниковъ,—начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ. Мы не заготовляли никакихъ матеріаловъ и, правду сказать, не имѣли настоящаго понятія о томъ, что значитъ срочное изданіе. Намъ казалось, что очень пріятно будетъ пописывать да отдавать въ печать свои юношескія сочиненія» и т. д. [2]). Но и К. А. Полевой признаетъ, что участіе князя Вяземскаго много содѣйствовало успѣху «Московскаго Телеграфа». По словамъ К. А. Полеваго, князь Вяземскій былъ радъ появленію новаго журнала и охотно вызвался быть въ немъ постояннымъ сотрудникомъ. К. А. Полевой называетъ князя Вяземскаго «главнымъ одушевителемъ редакціи» и приводитъ, въ ненапечатанной части своихъ Записокъ, очевидныя доказательства того, какъ издатель «Телеграфа» передѣлывалъ свои собственныя статьи по совѣту и указаніямъ князя Вяземскаго.

Право разрѣшать повременныя изданія принадлежало тогда министру народнаго просвѣщенія, а министромъ былъ въ то время А. С. Шишковъ. Представленное ему «предположеніе» объ изданіи журнала написано было Полевымъ такимъ образомъ, что не могло оскорбить литературныхъ понятій и вкуса писателя-министра. Издатель заявляетъ, что цѣль его—чтеніе серьёзное, а отнюдь не поверхностное и легкое; что просвѣщеніе и добродѣтель неразлучны и т. п. Названіе «Телеграфъ» объяснялъ тѣмъ, что журналъ долженъ служить для взаимнаго общенія русской литературы и науки,

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1878, томъ I, стр. XLVIII—XLIX.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго. 1860. Часть I, стр. 115.

съ умственною жизнію другихъ европейскихъ народовъ: «Телеграфъ» будетъ передавать читателямъ «изящное и полезное» въ области знаній, появляющееся въ Россіи и внѣ ея предѣловъ. Если иностранное названіе журнала могло и не понравиться отъявленному гонителю чужеземныхъ словъ Шишкову, то первыя строки программы должны были произвести на него самое пріятное впечатлѣніе: молодой издатель приводитъ выдержку изъ рѣчи при открытіи Бесѣды любителей россійскаго слова, надъ которою такъ подсмѣивались молодые литераторы.

Планъ «Телеграфа», какъ и планы другихъ изданій, составленные Полевымъ, служатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ не только для исторіи журналистики, но и вообще для исторіи русской литературы того времени. Поэтому мы приводимъ ихъ съ совершенною точностью и полнотою, въ томъ самомъ видѣ, какъ сохранились они въ первыхъ источникахъ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ

объ изданіи съ будущаго 1825 года новаго повременнаго сочиненія подъ названіемъ „Московскій Телеграфъ“ [1]).

Nisi utile est quod facimus, stulta est gloria.
Федръ, кн. III, б. 17.

«Опытъ и здравое разсужденіе научаютъ насъ, что взглядъ на состояніе наукъ и словесности въ какомъ либо государствѣ есть вѣрный размѣръ его нравственной силы и могущества, и цвѣтущее состояніе наукъ и словесности есть вѣрное доказательство просвѣщенія народнаго: «Степень просвѣщенія,—сказалъ почтеннѣйшій нашъ писатель, открывая Бесѣду любителей русскаго слова,—опредѣляется большимъ или меньшимъ числомъ людей, упражняющихся и прилежащихъ къ полезнымъ знаніямъ и наукамъ».

«Сколь же пріятно сердцу русскому, обозрѣвая отечество, видѣть умножающуюся повсюду ревность къ ученымъ занятіямъ, къ упражненіямъ умственнымъ, утверждающимъ въ насъ вѣру въ Бога, любовь къ отечеству, вѣрность къ избранному Богомъ монарху нашему, ибо главнѣйшее основаніе просвѣщенія есть вѣра, добродѣтель и тщательное исполненіе обязанностей человѣка и гражданина: человѣкъ просвѣщенный есть человѣкъ добродѣтельный.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣла 1824 года, № 114.

«Столь же и лестно для каждаго русскаго участвовать въ семъ великомъ дѣлѣ посильными своими способностями.

«Сими одушевляясь чувствами, нижеподписавшійся осмѣливается предположить, съ будущаго 1825 года, изданіе новаго повременнаго сочиненія.

«Въ настоящемъ состояніи наукъ и словесности въ Россіи, повременное сочиненіе, производя быстрое сообщеніе ученыхъ занятій, доставляя писателямъ удобный способъ сообщать свои сочиненія публикѣ и слышать мнѣнія просвѣщенныхъ особъ, предварительно прежде изданія оныхъ вполнѣ, въ то же время сообщая новѣйшія сочиненія, изысканія и открытія иностранныхъ ученыхъ мужей, представляя публикѣ чтеніе пріятное по самому разнообразію онаго, у насъ принесетъ пользы, конечно, болѣе, нежели въ каждомъ другомъ государствѣ. Все зависитъ отъ цѣли и намѣреній издателя.

«Нижеподписавшійся не поставляетъ цѣлью своего повременнаго изданія—легкое, поверхностное и забавное чтеніе, переводы летучихъ повѣстей, печатаніе мелкихъ стихотвореній и статей спорныхъ, гдѣ острота иногда замѣняетъ пользу.

«Избирая названіе «Московскаго Телеграфа», онъ желаетъ означить симъ названіемъ, что вниманіе его главнѣйше будетъ обращено на слѣдующее:

«1-е. Сообщеніе отечественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи, географіи, статистики и словесности, которыя бы иностранцамъ показывали благословенное отечество наше въ истинномъ его видѣ.

«2-е. Сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, или что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ, касательно наукъ, искусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ народовъ.

«Вслѣдствіе сего «Телеграфъ» будетъ передавать взаимно изящное и полезное.

«Изъ «Телеграфа» исключаются: новости, извѣстія, замѣчанія и разсужденія политическія.

Въ «Телеграфѣ» не будетъ особеннаго раздѣленія статей, однакожъ, каждая книжка должна заключать сочиненія или переводы по слѣдующимъ четыремъ предметамъ.

I. Науки и искусства.

а) Исторія и археологія.

«Отрывки изъ классическихъ сочиненій — изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, памятникахъ всѣхъ народовъ; историческая критика — разборъ лучшихъ историческихъ и археологическихъ со-

чиненій; извлеченія и переводы изъ древнихъ писателей греческихъ, латинскихъ, скандинавскихъ и славянскихъ, какъ-то: сербскихъ, польскихъ, богемскихъ.

«Главное мѣсто займетъ исторія отечественная, изслѣдованія о народахъ славянскихъ, народахъ сѣверныхъ, азіатскихъ, относительно Россіи: ихъ языкахъ, памятникахъ, лѣтописяхъ и проч., и проч.

«Непремѣнными и весьма обширными статьями въ «Телеграфѣ» будутъ слѣдующія:

«1-е Критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій, относящихся къ русской исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени.

«2-е. Критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи, кромѣ такихъ, гдѣ явная нелѣпость извѣстій не заслуживаетъ вниманія и опроверженія.

«Кромѣ того, нижеподписавшійся сообщитъ публикѣ многія, донынѣ малоизвѣстныя и вовсе неизвѣстныя рукописи и описанія древнихъ русскихъ памятниковъ, имѣя таковыя у себя уже готовыя и надѣясь на обѣщанія почтенныхъ любителей всего отечественнаго.

б) География и статистика.

«Кромѣ извѣстій географическихъ и статистическихъ о Россіи и описанія различныхъ многочисленныхъ обитателей нашего отечества, будутъ помѣщаемы лучшія географическія статьи изъ иностранныхъ журналовъ и новѣйшихъ сочиненій; изслѣдованія ученыхъ мужей и новыя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта.

в) Эстетика. Изящныя искусства.

«Все, что можетъ служить къ утвержденію чистаго вкуса въ поэзіи и краснорѣчіи: древнія и новыя изслѣдованія писавшихъ о семъ предметѣ будутъ сообщаемы съ самымъ строгимъ выборомъ.

II. Словесность.

«Новѣйшія произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, во всѣхъ родахъ прозы, какъ-то: повѣсти, рѣчи, разговоры, описанія и проч.

«Отрывки изъ древнихъ классическихъ писателей. Нижеподписавшійся надѣется имѣть переводы съ языковъ: арабскаго, китайскаго, англійскаго и итальянскаго.

«Касательно стихотвореній, преимущественно будутъ помѣщаемы переводы изъ классическихъ авторовъ, или сочиненія, гдѣ

поэты изобразятъ русскія историческія событія или предметы нравственные. Рѣшительно въ «Телеграфъ» не будутъ принимаемы стихи нескромные и посредственные.

III. Библіографія и критика.

«Извѣстія о всѣхъ книгахъ, въ Россіи выходящихъ. Разборъ и замѣчанія на русскія книги по части изящной словесности, исторіи, географіи и статистики.

«Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ вообще и разборъ примѣчательнѣйшихъ произведеній словесности французской, нѣмецкой, англійской и итальянской.

«Въ сихъ статьяхъ нижеподписавшійся обязанностію почтетъ: предлагать публикѣ сужденія безпристрастныя, тщательно соблюдая, чтобы не однѣ погрѣшности были замѣчены; но наиболѣе показаны достоинства сочиненій и разсуждаемо только о самыхъ сочиненіяхъ, не касаясь никакимъ образомъ до особы сочинителя.

«Посему антикритика и возраженія, гдѣ не соблюдено сіе правило, и вообще такія, гдѣ рѣчь идетъ о какихъ нибудь отношеніяхъ постороннихъ, а не объ настоящемъ дѣлѣ, помѣщаемы не будутъ.

«Кромѣ книгъ, будутъ разсматриваемы карты, рисунки и музыкальныя произведенія.

IV. Извѣстія и смѣсь.

«Собраніе небольшихъ статей, достойныхъ вниманія читателей, какъ-то: извѣстія иностранныя — не политическія; извѣстія отечественныя; анекдоты, жизнеописанія славныхъ или замѣчательныхъ современниковъ; новыя произведенія художествъ; выставки, засѣданія и задачи ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ; новыя открытія и изобрѣтенія; московскія событія, заслуживающія въ какомъ нибудь отношеніи быть извѣстными; извѣстія коммерческія; мелкія прозаическія сочиненія, какъ-то: мысли, притчи, нравоучительныя изрѣченія и проч.

«Для наполненія «Московскаго Телеграфа» нижеподписавшійся имѣетъ уже немалое количество статей разнаго содержанія и, предполагая выписать всѣ лучшіе журналы французскіе и нѣмецкіе, онъ отдѣляетъ значительную сумму на покупку новѣйшихъ сочиненій, которыя будутъ изданы въ слѣдующемъ году.

«Въ его трудахъ принимаютъ участіе многіе извѣстные русскіе писатели.

«Московскій Телеграфъ» будетъ состоять изъ 24 книжекъ въ годъ: черезъ двѣ недѣли, то-есть 1-го и 15-го чиселъ каждаго

мѣсяца, должна выходить одна книжка, содержащая отъ 5 до 4-хъ печатныхъ листовъ.

«Курскій 2-й гильдіи купецъ Николай, Алексѣевъ сынъ,

«Полевой».

Права Полеваго на изданіе журнала указаны въ слѣдующемъ представленіи попечителя Московскаго учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія [1]).

«Курскій 2-й гильдіи купецъ Николай Полевой, желая съ генваря мѣсяца будущаго 1825 года издавать здѣсь въ Москвѣ повременное сочиненіе, подъ названіемъ: «Московскій Телеграфъ», проситъ позволенія на изданіе онаго. Касательно же ученія своего объявляетъ, что, не оставляя купеческаго званія, слушалъ онъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ 1811 и 1812, также въ 1820 и 1821 годахъ; изъ сочиненій же его и переводовъ многія статьи помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Благонамѣренномъ» и въ трудахъ московскаго Общества любителей россійской словесности, къ сотрудникамъ коего причисленъ онъ въ 1822 году; а за разсужденіе подъ названіемъ: «Новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ», въ томъ же году представленное въ императорскую россійскую академію, удостоенъ награжденія серебряною медалью.

«Церзурный при императорскомъ Московскомъ университетѣ комитетъ, основываясь на предписаніи предмѣстника вашего высокопревосходительства отъ 29-го іюня 1818 года, разсмотрѣвъ предположеніе о вышеозначенномъ повременномъ сочиненіи, не находитъ съ своей стороны никакого препятствія къ изданію «Московскаго Телеграфа».

«Представляя при семъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства подробное изложеніе статей, планъ и цѣль означеннаго журнала, испрашиваю дозволенія вашего на изданіе сего журнала.

«Князь Андрей Оболенской».

Въ 1825 году, началъ выходить «Московскій Телеграфъ», журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ. Первая книжка «Телеграфа» открывается статьею о призваніи журналиста. Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей для русскаго журналиста Полевой считаетъ безпристрастное наблюденіе за отечественною литературою, похвалу уму и знаніямъ и обличеніе невѣжества. Критика—пробный камень дарованій и добросовѣстности журналиста. Позволительна шутка надъ глупостью, но невыносимы личныя придирки и зависть къ таланту, пытающаяся avec respect enfoncer

[1]) Тамъ же.

le poignard. Хорошій актеръ негодуетъ на хлопанье райка; горе журналисту, если онъ нравится литературной черни [1]).

Въ первой книжкѣ «Телеграфа» появилось стихотвореніе Пушкина «Телѣга жизни» съ нѣкоторыми перемѣнами, сдѣланными княземъ Вяземскимъ:

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: «валяй по всѣмъ по тремъ!»
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги,
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги,
Кричимъ: «полегче, дуралей».
Катитъ попрежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И, дремля, ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены: обозрѣніе русской литературы въ 1824 году и краткіе отзывы о различныхъ сочиненіяхъ на иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ:

Минье — Histoire de la révolution française, и проч.

Шлоссера — Weltgeschichte in zusammenhängender Erzählung, и проч.

Narrative of a pedestrian journey, и проч. Описаніе путешествія пѣшкомъ черезъ Россію, отъ китайской границы до Ледовитаго моря и до Камчатки.

Osservationi intorno ai moderni sistemi sulli antichità Etrusche, и т. д.

Интересъ журнала возросталъ съ каждою новою книжкою. По замѣчанію одного изъ нашихъ писателей, со времени «Телеграфа» журналы стали преобладать въ нашей литературѣ, и только такія явленія, какъ поэма Пушкина или повѣсть Гоголя, могли обратить на себя всеобщее вниманіе и заставить, хотя на время, журналу предпочесть книгу.

Но чѣмъ сильнѣе былъ успѣхъ «Телеграфа», чѣмъ болѣе нравился онъ читателямъ, тѣмъ рѣшительнѣе выступали его противники, подвизавшіеся на журнальномъ поприщѣ. Въ высшей степени любопытны сужденія и взгляды, которые высказывались въ

[1]) «Московскій Телеграфъ» 1825 года, № 1, январь. Письмо издателя къ N. N., стр. 3—17; 49; 76—96.

тогдашней печати и литературныхъ кругахъ, а также и въ образованнѣйшей части общества.

Наиболѣе рѣзкія порицанія слышались въ журнальномъ мірѣ; чувство недоброжелательства весьма ясно обнаруживалось въ отзывахъ, и гласныхъ и негласныхъ, нѣкоторыхъ редакторовъ повременныхъ изданій, преимущественно «Сѣверной Пчелы». И самъ Полевой, и князь Вяземскій, предполагали и догадывались, что главная роль въ обвиненіяхъ, и притомъ не литературнаго свойства, принадлежала редакціи именно этой газеты. А такого рода обвиненія становились тѣмъ серьёзнѣе, что тогда еще живы были воспоминанія о роковомъ днѣ 14-го декабря со всѣми его послѣдствіями.

Помимо своекорыстныхъ разсчетовъ, дѣйствовали противъ Полеваго и другаго рода соображенія. Несочувствіе къ усвоенному имъ направленію выражали и писатели, не имѣвшіе ничего общаго съ людьми, прибѣгавшими къ навѣтамъ и доносамъ. Бывшій долгое время «одушевителемъ» «Московскаго Телеграфа» князь Вяземскій отшатнулся отъ него по причинамъ чисто-литературнымъ. По мнѣнію князя Вяземскаго, Полевой имѣлъ вредное вліяніе на нашу литературу въ томъ отношеніи, что онъ «у насъ родоначальникъ литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери, низвергателей законныхъ литературныхъ властей. Онъ изъ первыхъ пріучилъ публику смотрѣть равнодушно, а иногда и съ удовольствіемъ, какъ кидаютъ грязью въ имена, освященныя славою и общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, въ имена Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Пушкина» [1]). Прочитавши въ «Телеграфѣ» критику на исторію Карамзина, князь Вяземскій навсегда разстался съ издателемъ «Телеграфа». Нападки на Карамзина возбудили также негодованіе и въ Жуковскомъ, и въ Пушкинѣ. Даже Бѣлинскій, при всемъ своемъ сочувствіи къ критическимъ статьямъ и пріемамъ Полеваго, называетъ одною изъ важнѣйшихъ ошибокъ автора «Исторіи русскаго народа» отношеніе его къ историческому труду Карамзина. Бѣлинскій говоритъ: «Полевой напечаталъ въ своемъ журналѣ критическую статью объ «Исторіи государства Россійскаго». Статья была превосходно написана; мѣра заслугъ Карамзина оцѣнена въ ней была вѣрно, безпристрастно, съ полнымъ уваженіемъ къ имени знаменитаго писателя. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ «Телеграфѣ» объявленіе о скоромъ выходѣ «Исторіи русскаго народа». Тогда появилась противъ Полеваго страшная буря: его статья объ исторіи Карамзина объяснялась его противниками, какъ предисловіе къ объявленію о подпискѣ на собственную исторію. Но всѣ эти вопли Полевому легко было сдѣ-

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1884 года, томъ IX, стр. 211.

лать ничтожными: ему стоило только всегда сохранять тонъ должнаго уваженія къ Карамзину, даже доказывая его ошибки. Но онъ не вытерпѣлъ, и досаду на своихъ противниковъ сталъ вымѣщать на исторіи Карамзина. Исторія русскаго народа явилась съ двойнымъ текстомъ: въ одномъ была исторія, а въ другомъ — довольно нехладнокровныя нападки на Карамзина, и каждому изъ этихъ текстовъ было отведено ровно въ полустраницѣ... Пожалѣемъ о слабости замѣчательнаго человѣка, но не будемъ оправдывать его слабости или называть ихъ добродѣтелью» [1]).

Въ обществѣ нашемъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой его части, журналъ Полеваго возбуждалъ весьма оживленныя пренія и толки. Одни изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей того времени высказывали большее или меньшее сочувствіе къ цѣли и направленію журнала; другіе относились къ нему весьма враждебно.

Московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ былъ почти постояннымъ защитникомъ Полеваго, стараясь нѣсколько смягчать карательныя мѣры противъ либеральнаго журналиста. Графъ Бенкендорфъ также принималъ иногда сторону Полеваго. Когда на Полеваго пало тяжкое обвиненіе въ распространеніи преступныхъ мыслей посредствомъ своего журнала, графъ Бенкендорфъ старался какъ бы выгораживать Полеваго. Послѣднее его объясненіе съ графомъ Бенкендорфомъ, въ въ присутствіи Уварова, требовавшаго запрещенія «Телеграфа», Ксеноф. Ал. Полевой описываетъ такимъ образомъ: «Вообще, какъ говорилъ мнѣ братъ мой, графъ Бенкендорфъ казался больше защитникомъ его, или, по крайней мѣрѣ, доброжелателемъ. Онъ не только удерживалъ порывы Уварова, но иногда подшучивалъ надъ нимъ, иногда просто смѣялся, и во все время страшнаго допроса, какой производилъ министръ просвѣщенія, шефъ жандармовъ старался придать характеръ обыкновеннаго разговора тягостному состязанію бѣднаго журналиста съ его обвинителемъ. Съ этой поры братъ мой составилъ себѣ мнѣніе о прекрасныхъ качествахъ души графа Бенкендорфа, который оправдалъ такое мнѣніе во всѣхъ послѣдующихъ сношеніяхъ съ нимъ» [2]). Не подобныя ли отношенія къ шефу жандармовъ послужили поводомъ къ тому, что Пушкинъ въ дневникѣ своемъ назвалъ Полеваго баловнемъ полиціи, умѣвшимъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска [3])?

Враждебныя отношенія Уварова къ издателю «Телеграфа» братъ издателя объясняетъ колкими замѣчаніяніями, появлявшимися въ «Телеграфѣ» о календаряхъ, издаваемыхъ академіею наукъ, гдѣ

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго, 1846 года, стр. 48.

[2]) Рукописныя записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго, часть II, глава VII, стр. 149.

[3]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое. 1882 года. Томъ V, стр. 233.

Уваровъ былъ президентомъ, и о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», выходившихъ также при академіи.

Искреннимъ доброжелателемъ Полеваго былъ Н. С. Мордвиновъ, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей своего времени. Вліяніе Мордвинова отражается и въ отношеніяхъ Шишкова къ издателю «Телеграфа». Лично для Шишкова особенно пріятно было то, что Полевой—коренной русскій человѣкъ, вышедшій изъ народа. Открывая русскому купцу возможность дѣйствовать въ литературѣ, Шишковъ былъ счастливъ тѣмъ, что даетъ ходъ чисторусскому дарованію.

Намѣтивши въ общихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ дѣйствовалъ Полевой, представимъ нѣсколько наиболѣе крупныхъ и выдающихся данныхъ изъ исторіи его журнальной дѣятельности.

Прошло не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ со времени появленія «Телеграфа», и Полевой нашелъ уже возможнымъ вмѣсто одного журнала издавать три повременныя изданія: газету—«Компасъ», литературный журналъ—«Московскій Телеграфъ» и ученый журналъ—«Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ». Въ іюлѣ 1827 года, Полевой представилъ въ цензурный комитетъ Московскаго университета планъ своихъ предполагаемыхъ изданій [1]):

«Предположивъ, въ концѣ 1824 года, издавать въ Москвѣ повременное сочиненіе, подъ названіемъ: «Московскій Телеграфъ», поставилъ я правиломъ для онаго: соединеніе полезнаго съ пріятнымъ и доставленіе отечественнымъ читателямъ разнообразнаго, и сколько поучительнаго, столько и занимательнаго, чтенія. Сего надѣялся я достигнуть, помѣщая въ «Телеграфѣ» статьи разнаго рода, изъ ученыхъ иностранныхъ новыхъ книгъ и журналовъ, присоединивъ къ тому: сочиненія отечественныхъ и иностранныхъ писателей, собственно къ словесности относящіяся; разныя современныя новости; критику на важныя или замѣчательныя явленія иностранныхъ литературъ и полное критическое обозрѣніе современной русской литературы, такъ что «Телеграфъ» составился изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) науки и искусства; 2) критика и библіографія; 3) современныя происшествія; 4) словесность (стихи и проза); 5) смѣсь.

«Объемля сіи предметы, съ нѣкоторыми измѣненіями въ наружномъ расположеніи, втеченіе 1825 и 1826 продолжалъ я, и въ семъ 1827 году продолжаю, мое изданіе. Одобреніе трудовъ и занятій моихъ можетъ ручаться за нѣкоторый успѣхъ моего предпріятія. Имѣвъ честь удостоиться словесныхъ, письменныхъ и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о «Телеграфѣ» отъ почтеннѣйшихъ особъ и литераторовъ отечественныхъ, изъ коихъ весьма многіе почтили «Те-

[1]) Архивъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета, дѣла 1827 года, № 87.

леграфъ» своимъ участіемъ, я былъ, сверхъ того, удостоенъ принятія въ дѣйствительные члены московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, санктпетербургскаго Общества любителей словесности и казанскаго Общества любителей отечественной словесности. Осмѣливаюсь замѣтить, что «Телеграфъ» получилъ многія одобренія во французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ и книгахъ. Статьи изъ онаго переводимы были съ похвалою въ иностранные журналы.

«Такое вниманіе отечественной и иностранной публики побуждало меня къ дальнѣйшему распространенію полезной цѣли моего изданія. Не смотря на нѣкоторый успѣхъ предпріятія, я видѣлъ, что цѣль моя достигнута не вполнѣ, ибо обзоры иностранныхъ литературъ были въ «Телеграфѣ» весьма недостаточны, обозрѣніе современныхъ происшествій неудовлетворительно, а также и обозрѣніе современной русской литературы.

«Главнѣйшимъ препятствіемъ былъ недостаточный размѣръ журнала; ибо, хотя число листовъ было увеличено мною, противъ обѣщаннаго въ программѣ, почти вдвое, я не могъ вмѣстить въ «Телеграфъ» ни одного отдѣленія вполнѣ, и весьма часто любопытныя и важныя статьи принужденъ былъ оставлять по недостатку мѣста. Многія извѣстія не могли имѣть цѣны новости, а желаніе ускорить сообщеніемъ вдругъ разнообразныхъ предметовъ замедляло появленіе книжекъ. Соображая все сіе, дабы составить полное обозрѣніе современнаго просвѣщенія и настоящія лѣтописи современной исторіи, нахожу я необходимымъ распространить и раздѣлить содержаніе моего журнала, и предполагаю издавать три слѣдующаго содержанія изданія:

«1) Газету по два раза въ недѣлю, въ которой немедленно и кратко должны быть сообщаемы новости политическія и литературныя.

«2) Журналъ, въ которомъ должны заключаться ученаго и литературнаго содержанія статьи, сочиняемыя и переводимыя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ; критическіе разборы замѣчательныхъ произведеній, переводимые изъ иностранныхъ журналовъ, и критика отечественныхъ и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ временную занимательность, и, наконецъ,

«3) Журналъ совершенно ученаго содержанія, который могъ бы образовать собою авторитетъ русской ученой критики.

«Для выполненія такого полезнаго литературнаго предпріятія, предположено мною съ будущаго 1828 года, сверхъ «Телеграфа», еще изданіе газеты: «Компасъ», и журнала: «Энциклопедическія лѣтописи». Расположеніе какъ «Телеграфа», такъ и сихъ изданій предначертывается слѣдующее:

«Компасъ».

«Политическая и литературная газета должна выходить въ назначенные дни, два раза въ недѣлю, каждый разъ по одному листу, а всего 104 нумера въ годъ. Содержаніе оной:

«1) Извѣстія о современныхъ происшествіяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, извлекаемыя изъ иностранныхъ вѣдомостей.

«2) Извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Россіи, важнѣйшихъ статистическихъ перемѣнахъ, ученыхъ и художественныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и проч.

«3) Ученыя извѣстія объ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ другихъ государствахъ, объ ученыхъ обществахъ, біографическія и некрологическія извѣстія.

«4) Иностранная библіографія: извѣстія о произведеніяхъ иностранныхъ литературъ, съ краткими замѣчаніями.

«5) Отечественная библіографія: извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ и журналахъ, географическихъ картахъ, важнѣйшихъ эстампахъ и нотахъ.

«6) Московскія записки: извѣстія о разныхъ событіяхъ московскихъ, увеселеніяхъ и проч.

«7) Театръ: извѣстія о новыхъ пьесахъ, представляемыхъ на с.-петербургскомъ и московскомъ театрахъ.

«8) Извѣстія коммерческія: о цѣнахъ товаровъ, вексельныхъ и денежныхъ курсахъ и другихъ предметахъ, касательно коммерціи отечественной и иностранной.

«По причинѣ скораго выхода сей газеты, осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія выпуска оной изъ типографіи, послѣ надлежащей цензуры, и не въ опредѣленные для собранія цензурнаго комитета дни.

«Московскій Телеграфъ».

«Журналъ словесности, критики, наукъ и искусствъ, который, на прежнемъ основаніи, долженъ выходить книжками два раза въ мѣсяцъ, а всего 24 № въ годъ. Содержаніе онаго:

«1) Литература. Статьи касательно теоріи и практики всѣхъ вообще знаній и наукъ (кромѣ богословія, медицины, математики, физики и химіи). Сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ русскихъ литераторовъ.

«2) Критика. Разборы замѣчательныхъ явленій иностранныхъ литературъ, переводимые изъ иностранныхъ новыхъ книгъ и журналовъ. Разборы русскихъ сочиненій, составляемые иностранными критиками, съ замѣчаніями на оные. Разборы произведеній отечественной и иностранной словесности, составляемые русскими критиками.

«3) Смѣсь. Переводныя и сочиняемыя статьи о нравахъ, обычаяхъ различныхъ народовъ; замѣчанія литературныя; разныя извѣстія.

«Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ».

«Сей журналъ долженъ состоять единственно изъ обширныхъ критическихъ разборовъ важнѣйшихъ произведеній русской, нѣмецкой, французской, англійской и итальянской литературъ,—такъ, какъ составляются извѣстные ученые журналы: Wiener Jahrbücher der Litteratur, Göllingische gelehrte Anzeigen, Quarterly Review, Journal des Savans и другіе.

«Разборы сіи будутъ обнимать всѣ отрасли знаній и будутъ составляемы извѣстнѣйшими учеными людьми нашего отечества, которые обѣщали, каждый по своей части, участвовать въ семъ совершенно новомъ въ Россіи, по содержанію своему, журналѣ.

«По составу и содержанію своему сей журналъ, требуя тщательной отработки и особеннаго внимательнаго занятія, будетъ выходить только четыре раза въ годъ, книгами отъ 15-ти до 20-ти печатныхъ листовъ каждая.

«Подкрѣпляемый вниманіемъ публики и участіемъ многихъ литераторовъ и ученыхъ мужей, осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что новыя предпріятія мои получатъ успѣхъ, при тѣхъ благотворныхъ содѣйствіяхъ, какими подкрѣпляются въ Россіи всѣ благія начинанія для пользы и чести отечества.

«Издатель «Московскаго Телеграфа»
«московскій 2-й гильдіи купецъ
«Николай, Алексѣевъ сынъ, Полевой».

На случай, если бы какія либо непредвидимыя обстоятельства воспрепятствовали, до истеченія годоваго срока, самому Полевому заниматься изданіемъ, онъ предоставлялъ право на всѣ три изданія члену-корреспонденту академіи наукъ Павлу Михайловичу Строеву, извѣстному многими учеными трудами. П. М. Строевъ изъявилъ полное согласіе продолжать, въ случаѣ надобности, дѣло начатое Полевымъ.

Главный цензурный комитетъ полагалъ дозволить Полевому изданіе журналовъ: «Московскій Телеграфъ» и «Энциклопедическія лѣтописи» и газеты «Компасъ»; что же касается политическихъ извѣстій и статей о театрѣ, то комитетъ представилъ это на разрѣшеніе министра. Министръ Шишковъ приказалъ снестись съ министромъ иностранныхъ дѣлъ на счетъ отдѣла полити-

ческихъ извѣстій. Сужденія о театральныхъ пьесахъ и объ игрѣ актеровъ не рѣшился дозволить на томъ основаніи, что «вопросъ о семъ остался неразрѣшеннымъ» и распоряженіе бывшаго министерства полиціи, запретившее печатать статьи объ игрѣ актеровъ, оставалось еще въ силѣ и даже вновь подтверждено въ 1824 году. «На прочее министръ изъявилъ свое согласіе». Но ему пришлось, неожиданно для него самого, перемѣнить свое рѣшеніе и, вмѣсто согласія, отвѣчать отказомъ. Такая перемѣна произошла вслѣдствіе того, что шефу жандармовъ Бенкендорфу представлено было нѣсколько записокъ, съ настойчивыми и весьма нехладнокровными обвиненіями Полеваго и его сотрудниковъ. Втеченіе пяти дней Бенкендорфъ получилъ три обвинительныя записки слѣдующаго содержанія:

I.

«19-го августа.

«Издатель журнала «Московскій Телеграфъ», купецъ Полевой, старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты, съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

«1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностію къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой, по происхожденію своему, принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привиллегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочинено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ, и Дидеротъ выведены на сцену для защиты правъ московскаго купечества. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ го-

во[рит]ъ о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторг[о]мъ помѣщается въ «Московскомъ Телеграфѣ». Сіе замѣчено уже [и] генераломъ Волковымъ.

«2) Г. Полевой, по своему рожденію, не имѣя мѣста въ кругу больш[ог]о свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающи[х]ся литературою, и, само по себѣ разумѣется, одинакаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, который, промотавшись, всѣми средствами старается о пріобрѣтеніи денегъ. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной пьесѣ: Негодованіе, служившей катехизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности и непомѣрной склонности къ игрѣ и крѣпкимъ напиткамъ. Сей-то Вяземскій есть Меценатомъ Полеваго и надоумилъ его издавать политическую газету [1]).

«3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже «Думы» Рылѣева и его поэма Войнаровскій, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается безъ малѣйшаго затрудненія въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія, и журналы, даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ ихъ часто столь неудачно съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще, московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго, они почти безусловно ему повинуются.

«4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который, по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина, находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Не взирая на то, что самъ Карамзинъ зналъ истинную цѣну Вяземскаго, Блудовъ, изъ уваженія къ памяти Карамзина, не откажетъ ни въ чемъ Вяземскому. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать

[1]) Эти обвиненія вскорѣ сдѣлались извѣстны князю Вяземскому и вызвали со стороны его горячія опроверженія въ письмахъ къ князю Д. В. Голицыну, напечатанныхъ въ «Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго» (томъ IX, стр. 99—106. См. также томъ II, стр. 98—102 и др.).

политику въ своемъ двухъ-недѣльномъ журналѣ «Московскомъ Телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

«Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи.

II.

«21-го августа.

«Я на угадъ выбралъ по одной книжкѣ изъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1827 года. Въ прошлыхъ годахъ есть гораздо сильнѣйшія вещи, именно политическія.

«1) Если со вниманіемъ прочесть замѣченныя мѣста въ первой статьѣ № 1, то ясно обнаружится желаніе издателя — дать почувствовать читателямъ, что письмо сіе пишется Николаю Тургеневу подъ вымышленными буквами, явный ропотъ противу притѣсненія просвѣщенія, которое называютъ запретною розою, и сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ, на страницѣ 9, было всѣми понято и доставило большой ходъ журналу. Въ статьѣ все жалуются на два послѣдніе года, т. е. 1825 и 1826 — время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиковъ. Все такъ ясно изъяснено, что не требуетъ поясненій.

«2) Въ № 4, февраль, статья: Путешествіе въ Эрменонвиль, написана въ такомъ духѣ, что сочинитель Contrat Social представленъ первымъ и величайшимъ философомъ. Извѣстно, сколько зла надѣлалъ Руссо своими мечтаніями, а ему велятъ вѣрить! Стоитъ прочесть всю статью, что отмѣчено.

«3) Въ № 6, мартъ, статья: Философія исторіи, наполнена революціонныхъ правилъ. Стоитъ прочесть замѣченныя мѣста. Особенно достойно примѣчанія мѣсто на концѣ 113 и переносъ на 114 страницу. Спрашивается, что значитъ: «ученіе средины послѣдняго вѣка, которое навѣки пребудетъ убѣжищемъ всѣхъ избранныхъ душъ». Каждый школьникъ знаетъ, чему учили энциклопедисты въ половинѣ 18-го столѣтія.

«4) Въ № 7, апрѣль, приведено доказательство, какъ издатель умѣетъ въ рецензіи поэзіи примѣшивать политику. Замѣченныя мѣста содержатъ въ себѣ самый явный карбонаризмъ.

III.

«23-го августа.

«Издатель «Московскаго Телеграфа». Полевой самъ пріѣхалъ сюда хлопотать о позволеніи издавать съ будущаго 1828 года политическую газету: «Компасъ», т. е. указатель и руководитель

мнѣній. Полеваго покровительствуютъ всѣ такъ называемые патріоты, и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники «Телеграфа». Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы. Дѣло о «Компасѣ» уже въ ходу, и всѣ русскіе такъ называемые патріоты торжествуютъ. Здѣсь ходатаемъ Полеваго нѣкто Нечаевъ, принадлежавшій къ союзу благоденствія, какъ то оказалось изъ добровольнаго сознанія тульскаго почтмейстера. Самъ Полевой нынѣ въ Петербургѣ; Нечаевъ возилъ его къ Мордвинову, и онъ уже похваляется согласіемъ Блудова и министра и говоритъ, что для него будетъ разрѣшено печатать извѣстія безъ сношенія съ министерствами.

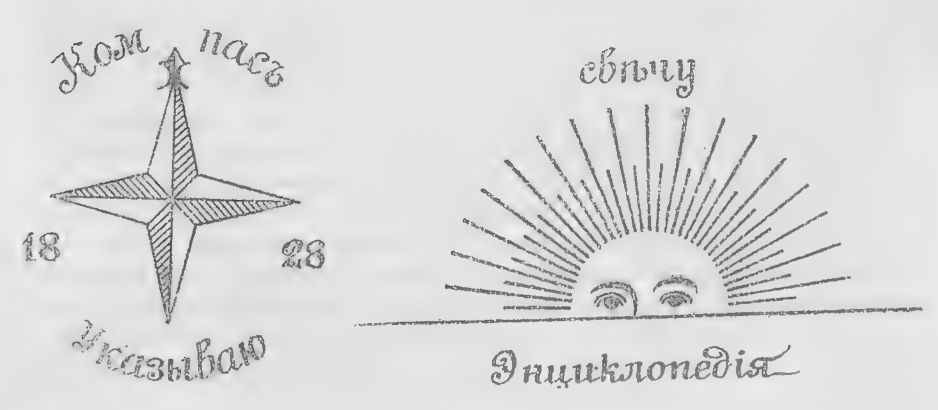
«Я счелъ непремѣннымъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на сей предметъ; ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. Соболевскій, побочный сынъ Сойманова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ Кирѣевскому, прибылъ сюда и остановился у кавалергардскаго офицера князя Трубецкаго, въ домѣ Устинова, у Семеновскаго моста.

«Кирѣевскаго также ожидаютъ.

«Т..овъ здѣсь служитъ въ иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ.

«Вчера въ цензурномъ комитетѣ подписанъ журналъ о дозволеніи издавать въ Москвѣ: газету «Компасъ» (политическую) и журналъ «Энциклопедія». Какія заглавія одни!!

«Вотъ ихъ виньеты:

«Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ вообра-

женіемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь Вяземскій и Полевой; пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи. Соболевскій водится съ кавалергардами».

Въ одной изъ приведенныхъ записокъ, стихотвореніе князя Вяземскаго «Негодованіе» называется катехизисомъ декабристовъ. Въ этомъ, весьма длинномъ, стихотвореніи, написанномъ въ 1818 году, поводомъ къ обвиненію автора послужили стихи въ родѣ слѣдующихъ [1]):

Безстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ...
Зрѣлъ промышляющихъ спасительнымъ глаголомъ,
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святымъ,
Въ забвеньи Бога душа — однимъ земнымъ престоламъ
Кадящихъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ.
Хранители казны народной,
На правый судъ сберитесь вы;
Отвѣтствуйте: гдѣ дань отчаяной вдовы?
Гдѣ подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбилъ ихъ развратъ.
Презрѣвъ укоръ людей, забывъ небесъ угрозы,
Испили жадно вы средь пиршескихъ прохладъ
Кровавый потъ труда и нищенскія слезы.
На хищный вашъ алтарь въ усердіи слѣпомъ
Народъ имущество и жизнь свою приноситъ...
...Загорится день, день торжества и казни;
Раздастся пѣснь побѣдъ вамъ, истины жрецы,
Вамъ, други чести и свободы!
Вамъ—плачъ надгробный, вамъ, отступники природы,
Вамъ, притѣснители, вамъ, низкіе льстецы!..

По собственному свидѣтельству князя Вяземскаго, стихотвореніе «Негодованіе» написано имъ «не въ мятежномъ и не въ ниспровергающемъ, а въ либеральномъ и конституціонномъ духѣ, или законно-свободномъ, по выраженію императора Александра»[2]).

Статья «Московскаго Телеграфа», помѣщенная въ первой книжкѣ 1827 года, въ видѣ письма будто бы къ Николаю Тургеневу и будто бы сѣтующая о судьбѣ декабристовъ, въ дѣйствительности называется: Взглядъ на русскую литературу 1825 и 1826 годовъ, письмо въ Нью-Іоркъ, къ С. Д. П., т. е. къ Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому, съ которымъ Полевой находился въ дружескихъ отношеніяхъ, начиная съ 1825 года[3]). Такъ какъ статья посвящена краткому обзору русской литературы 1825 и

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1880, томъ III, стр. 164—169.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1879, томъ II, стр. XI.

[3]) Объ отношеніяхъ Н. А. Полеваго къ С. Д. Полторацкому говорится въ запискахъ Кс. А. Полеваго, 1860, ч. I, стр. 226—230.

1826 годовъ, то весьма естественно, что въ ней идетъ рѣчь именно объ этихъ годахъ. Обвиненіе въ порицаніи притѣснительныхъ мѣръ противъ просвѣщенія относится къ слѣдующему мѣсту статьи: «Со времени двухлѣтней отлучки твоей, съ тѣхъ поръ, какъ ты самъ перестамъ быть внимательнымъ наблюдателемъ литературы отечественной, участь ея мало перемѣнилась. Эта запретная роза остается попрежнему запретною: соловьи свищутъ около нея, но, кажется, не хотятъ или не смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ, а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи. Подумаешь, что русская литература выбрала девизомъ: впередъ не забѣгай, назади не оставайся и въ срединѣ не вертись». Весьма прозрачный намекъ на декабристовъ, немало способствовавшій успѣху журнала, видѣли въ словахъ статьи: «Смотрю на кругъ друзей нашихъ, прежде оживленный, веселый, и часто, думая о тебѣ, съ грустью повторяю слова Сади или Пушкина, который намъ передалъ слова Сади: Однихъ ужъ нѣтъ; другіе странствуютъ далеко» [1]).

Обвинительныя записки сдѣлали свое дѣло. Шишковъ долженъ былъ взять назадъ свое дозволеніе и, вопреки своему желанію и рѣшенію, отвѣчать цензурному комитету такимъ образомъ: «Я не могу изъявить своего согласія, во-первыхъ, потому, что въ составъ одного изъ сихъ сочиненій входятъ политическія извѣстія, которыя московскій цензурный комитетъ, не имѣя опредѣленнаго уставомъ о цензурѣ особаго наставленія, разсматривать и одобрять къ напечатанію безъ затрудненія не можетъ; и, во-вторыхъ, что для позволенія г. Полевому распространить кругъ дѣйствія своего, какъ повременному издателю, надлежитъ, на основаніи существующихъ узаконеній, имѣть правительству надежнѣйшее того обезпеченіе, которое признано достаточнымъ для издаванія одного только «Телеграфа». При семъ почитаю нужнымъ подтвердить г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ при выборѣ помѣщаемыхъ въ ономъ статей, дѣйствовалъ съ величайшею осмотрительностію» [2]).

Враги Полеваго, торжествуя побѣду, поспѣшили заявить, куда, слѣдуетъ, о впечатлѣніи, которое произвелъ отрицательный отвѣтъ Шишкова. Они писали Бенкендорфу:

«Достойно замѣчанія, что за Полевымъ, намѣревавшимся издавать «Компасъ» и «Энциклопедію» въ Москвѣ, кромѣ своего «Телеграфа», пріѣхала въ Петербургъ цѣлая когорта москвичей, изъ коихъ самый дурной, сотрудникъ его, Соболевскій, а самый

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1827, ч. XIII. Отдѣленіе первое, стр. 5—9.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1825—1827 г., № 188 (127,219); 1-й столъ.

безтолковый и подозрительный цензоръ его Снигиревъ, который, имѣя порученіе визитировать школы въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Петербургъ. Полеваго сильно протежировали такъ называемые русскіе патріоты, или, какъ ихъ въ насмѣшку называютъ, русскіе думники. Первымъ протекторомъ былъ Н. С. Мордвиновъ. Блудовъ протежировалъ лишь по связи съ Вяземскимъ. Возплъ повсюду Полеваго извѣстный журналистъ Свиньинъ, который слыветъ подъ именемъ мѣднаго лба и patriote réchauffé. Кикинъ сильно дѣйствовалъ въ его пользу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и всѣ крайне удивились, когда Шишковъ объявилъ въ свое оправданіе, что запрещено свыше. Впрочемъ, Шишковъ, вѣроятно, видѣлъ предосудительныя мѣста въ «Телеграфѣ», ибо онъ былъ раздосадованъ на Полеваго и даже сказалъ: «Если бъ мнѣ порядочно досталось за этотъ журналъ, то въ первый разъ было бы подѣломъ!» Жена Шишкова говорила, что Н. С. Мордвиновъ сильно нападалъ на ея мужа, зачѣмъ онъ не отстоялъ Полеваго, ибо онъ купецъ и патріотъ, а намъ должно поддерживать русскія дарованія.

«Литераторы здѣшніе и даже многіе москвичи чрезвычайно рады этому запрещенію. Полевой приписываетъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну сіе запрещеніе. Патріоты, такъ называемые думники, повѣсили носъ.

«Здѣсь получено извѣстіе, что Вяземскій переходитъ къ другой партіи и научаетъ молодыхъ людей: Михайлу Дмитріева, Писарева молодаго и еще нѣсколькихъ, испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ. Ему непремѣнно хочется имѣть въ Москвѣ частную политическую газету».

Полученный отказъ и зловѣщее «подтвержденіе» послужили началомъ цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ противъ журнальныхъ предпріятій Полеваго. Не смотря на множество замѣчаній, выговоровъ, внушеній и совѣтовъ, имѣвшихъ обязательную силу приказаній, Полевой не падалъ духомъ и съ замѣчательною послѣдовательностью стремился къ достиженію намѣченной цѣли. Въ 1831 году онъ выступилъ съ новымъ проектомъ, который здѣсь и приводимъ [1]):

«Начертаніе «Московскаго Телеграфа» на 1832-й годъ.

«Не смотря на лестные отзывы и письменныя и печатныя похвалы мужей ученыхъ и достойныхъ всякаго уваженія, также постоянное вниманіе читающей публики, издатель «Московскаго Телеграфа» полагаетъ, что онъ не достигалъ вполнѣ своей цѣли.

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1831 года. № 420. (147,081).

«Разнообразное, пріятное и полезное чтеніе имѣлъ издатель въ виду. Для чего соединялъ онъ въ каждой книжкѣ «Телеграфа» статьи самаго различнаго содержанія: ученыя, литературныя, сатирическія, стихотворенія, описанія модъ и проч.

«Но сіе соединеніе представляло болѣе пестроту, нежели систематическое разнообразіе. Статьи мѣшались одна съ другою, прерывались невольно, и всегда была теряема читателями послѣдственность предметовъ.

«Общій планъ для каждой книжки «Телеграфа», съ малыми измѣненіями, состоитъ въ семъ 1831 году въ слѣдующемъ:

«1) Статьи ученаго содержанія;

«2) Изящная словесность;

«3) Рецензіи;

«4) Библіографія;

«5) Матеріалы для наукъ и знаній;

«6) Статьи о театрѣ;

«7) Отечественныя извѣстія;

«8) Мелкія статьи и смѣсь.

«9) Особое прибавленіе сатирическаго содержанія подъ названіемъ: Новый живописецъ общества и литературы, и при немъ парижскія моды.

«Съ 1832 года издатель предполагаетъ издавать «Телеграфъ» въ трехъ разныхъ отдѣленіяхъ, а именно:

«1) Четыре большія книжки въ годъ, каждая черезъ четыре мѣсяца, подъ названіемъ: «Московскій Телеграфъ».

«2) Пятьдесятъ двѣ небольшія книжки въ годъ, каждая черезъ недѣлю, подъ названіемъ: Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу».

«3) Сто четыре полулиста на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: Journal des modes.

«На сіе послѣднее отдѣленіе подписка будетъ приниматься отдѣльно, а два первыя отдѣленія будутъ выдаваемы на подписку совокупно.

«Московскій Телеграфъ».

«Содержаніе его составятъ:

«1) Рецензіи на книги русскія и иностранныя. Содержаніе рецензій будетъ опредѣляться книгами, которыя составятъ предметъ критическаго разбора. А посему все, что только входитъ въ область литературы, наукъ, искусствъ, художествъ, знаній, даже ремеслъ, будетъ здѣсь заключаться въ обширныхъ систематическихъ статьяхъ.

«Исключаются только статьи о книгахъ духовныхъ, и вобще до богословія касающихся; также статьи касательно современной по-

литики. Но событія нашего времени въ исторической формѣ, то есть, когда они поступили въ область исторіи, а не составляютъ предмета политики, не исключаются. Такъ, напримѣръ, если бы встрѣтилась книга, заключающая въ себѣ описаніе послѣдней войны Россіи съ Турціею, она можетъ быть предметомъ рецензіи; но книги о событіяхъ 1830 и 1831 годовъ исключаются.

«2) Матеріалы для исторіи, географіи и статистики русской, какъ-то: грамоты, древнія сочиненія, описанія городовъ, областей русскихъ, и вообще историческія, географическія и статистическія изслѣдованія о Россіи, древней и новой.

«Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу».

«1) Статьи оригинальныя и переводныя, о наукахъ, искусствахъ, художествахъ, знаніяхъ, даже ремеслахъ, всѣхъ безъ исключенія, съ исключеніемъ только статей духовныхъ, богословскихъ вообще, и касающихся современной политики, съ оставленіемъ историческихъ очерковъ современныхъ, когда они не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго.

«2) Изящная словесность: сочиненія и переводы всѣхъ родовъ, въ стихахъ и прозѣ.

«4) Библіографія русская и иностранная.

«4) Статьи о театрѣ.

«5) Мелкія разныя статьи; сатирическія статьи; статьи о нравахъ, обществѣ, литературѣ; смѣсь и пр.

«Journal des modes.

«Содержаніе каждаго полулиста составятъ краткія замѣчанія о модахъ, модныхъ обычаяхъ, книгахъ, составляющихъ легкое чтеніе, смѣсь, анекдоты, словомъ: легкое чтеніе для дамъ.

«При каждомъ полулистѣ будетъ находиться картинка парижскихъ дамскихъ или мужскихъ модъ; иногда изображенія мебелей, экипажей и проч.

«При книжкахъ «Телеграфа» и «Прибавленія» будутъ иногда находиться портреты, картинки, ноты, карты географическія и проч.

«При такомъ расположеніи, можно надѣяться скорѣе удовлетворить какъ любознанію читателей, ищущихъ чтенія важнаго и систематическаго, такъ и охотѣ тѣхъ читателей, которые ищутъ только пріятнаго, занимательнаго чтенія и бѣглаго удовлетворенія любопытства новостью и пестротою статей журнальныхъ.

«Излишне было бы говорить здѣсь, что какъ донынѣ священною обязанностію поставлялъ издатель глубокое благоговѣніе къ священнымъ истинамъ религіи и государственныхъ постановленій,

такъ и впредь первымъ долгомъ себѣ поставитъ сію обязанность христіанина, гражданина и честнаго человѣка. Пламенное усердіе къ отечеству, руководствуемое вѣрноподданническою любовію къ престолу великаго монарха нашего, будетъ одушевлять все, что онъ мыслитъ и пишетъ. Послѣ сихъ основныхъ правилъ—возможное стараніе быть полезнымъ литературными трудами своими соотечественникамъ — такова цѣль его!

«Николай Полевой,

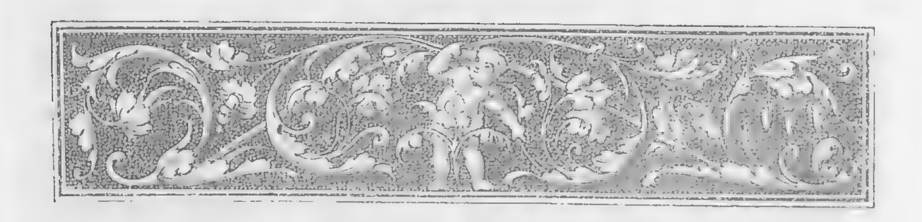
московскій 2-й гильдіи купецъ и кавалеръ, членъ совѣта московской практической коммерческой академіи, московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта и ученыхъ обществъ: московскаго исторіи и древностей россійскихъ, московскаго любителей россійской словесности, с.-петербургскаго соревнователей благотворенія и просвѣщенія и казанскаго любителей россійской словесности».

Представляя въ главное управленіе цензуры проектъ Полеваго, предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета князь С. М. Голицынъ счелъ нужнымъ присовокупить собственное свое мнѣніе, заключающееся въ томъ, дабы «журналъ «Московскій Телеграфъ», на предбудущее время, ограничивался одною только литературою, по той причинѣ, что неоднократно въ ономъ помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ-то были одобряемы высшимъ начальствомъ, и что издатель онаго, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенною довѣренностію правительства». Министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ представилъ государю программу предполагаемыхъ Полевымъ изданій. Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго». Рѣшеніе это послѣдовало въ Москвѣ 7 ноября 1831 года.

М. И. Сухомлиновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.

(Помѣстье графа Л. Н. Толстаго).

Изъ ПИСЬМА къ редактору: «Вы мнѣ предложили разсказать для читателей «Историческаго Вѣстника» о моемъ недавнемъ посѣщеніи Ясной Поляны, помѣстья графа Л. Н. Толстаго. Охотно беру изъ моей записной книжки, относительно этой поѣздки, то, что̀ въ правѣ былъ бы, не нарушая чужой скромности, разсказать всякій, посѣтившій жилище знаменитаго отечественнаго писателя».

Это было минувшею осенью. Стояла теплая, тихая погода. Легкія бѣлыя облачка рѣдѣли и таяли надъ зелеными холмами, долинами и желтѣющими лѣсами Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. Солнце готовилось выглянуть. Былъ полдень 22 сентября.

Скорый поѣздъ курской дороги, не доѣзжая Тулы, остановился на двѣ минуты у станціи Ясенки. Я вышелъ изъ вагона и пересѣлъ въ тарантасъ.

Каждый, кому дорого имя любимѣйшаго изъ русскихъ писателей, творца «Войны и мира» и «Анны Карениной», пойметъ, съ какимъ чувствомъ, получивъ на пути пригласительную телеграмму, я ѣхалъ навѣстить хозяина Ясной Поляны.

Иностранцы, въ особенности англичане, съ особенною любовью встрѣчаютъ въ печати описанія жилищъ и домашней обстановки своихъ писателей, художниковъ, общественныхъ и государствен-

ныхъ дѣятелей. Въ «Graphic», «Illustrated London News» и другихъ изданіяхъ давно помѣщены превосходныя фотогравюры и описанія деревенскихъ жилищъ Теннисcона, Диккенса, Гладстона, Вальтеръ-Скотта, Коллинза и друг. Здѣсь изображены не только «рабочіе кабинеты», «пріемныя» и «столовыя» лучшихъ слугъ Англіи, но и мѣста ихъ обычныхъ сельскихъ прогулокъ, скамьи подъ любимыми деревьями, виды на поля и пруды и проч. Нельзя не пожалѣть, что наши художники еще не ознакомили русскаго общества съ видами помѣстьевъ Гоголя, Аксаковыхъ, Островскаго, Хомякова, Григоровича, Фета, Л. Н. Толстаго и другихъ. Это въ особенности приходитъ въ голову при посѣщеніи Ясной Поляны.

Ѣдучи въ это помѣстье, я невольно вспомнилъ и другое обстоятельство, а именно тѣ странные и противорѣчивые толки и слухи, которые въ послѣднее время возникли о гр. Л. Н. Толстомъ, не только въ обществѣ, но и въ печати. Еще недавно, въ изданной весною 1884 года, въ пользу литературнаго фонда, перепискѣ Тургенева, всѣ съ недоумѣніемъ прочли трогательное, предсмертное письмо карандашемъ автора «Дворянскаго гнѣзда» къ графу Л. Н. Толстому. Умирающій Тургеневъ обращался къ послѣднему (въ іюнѣ 1883 года, изъ Буживаля) съ такими загадочными, послѣдними словами: «Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель Русской земли, внемлите моей просьбѣ...». Разнообразные толки и пересуды о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ извѣстно, выросли, наконецъ, въ цѣлыя легенды. Иностранная печать подхватила эти толки и пошла еще далѣе. Въ одномъ изъ выпусковъ извѣстнаго парижскаго журнала «Le Livre» (№ 70, 1885 г., стр. 549) подъ заглавіемъ «Россія» явилось даже такое чудовищное извѣстіе: «Увѣряютъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой постигнутъ умопомѣшательствомъ и что его должны подвергнуть заключенію». Въ этомъ извѣстіи удостовѣряется, между прочимъ, будто Л. Н. Толстой «бросилъ перо писателя, чтобы лично заняться усовершенствованіемъ обуви и одежды», и проч., и проч.

Намъ, русскимъ, не въ диковину подобныя разглашенія о людяхъ, съ самостоятельнымъ, сильнымъ умомъ, переживающихъ душевную борьбу. «Милліонъ терзаній» Чацкаго кончился извѣстною сценою:

«Съ ума сошелъ? — А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ...
Схватили, въ желтый домъ и на цѣпь посадили!
«— Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ...
«— Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили!».

Помню, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ же ложныхъ толковъ я ѣхалъ когда-то съ покойнымъ О. М. Бодянскимъ впервые къ Гоголю. Объ этомъ свиданіи я разскажу въ другое время. Надо

надѣяться, что извѣстный, острый эпизодъ съ отношеніями русской критики пятидесятыхъ годовъ къ Гоголю, по поводу его «Переписки съ друзьями» будетъ когда нибудь за-ново пересмотрѣнъ и рѣшенъ другимъ, болѣе спокойнымъ и безпристрастнымъ составомъ «присяжныхъ» цѣнителей. Былыя разглашенія о Гоголѣ, какъ и о Чаадаевѣ, въ сущности та же трагикомедія Чацкаго. Неудивительно, что злые пересуды коснулись и современнаго намъ, своеобразнаго русскаго писателя.

Рѣзвыя, сытыя лошадки, погромыхивая бубенцами, весело неслись съ холма на холмъ, между жнивьевъ и свѣжихъ озимей, по которымъ паслись овцы и скотъ.

— Что это за поселокъ? — спросилъ я на пути возницу.

— Кочакй.

— Помѣщичій?

— Купцы.

— А та, вонъ, вдали деревня, на взгорьѣ? чей домъ за лѣсомъ, съ зеленою крышей?

— Ясная Поляна... домъ графа Льва Николаевича.

Тарантасъ, свернувъ съ шоссе, понесся большою дорогой.

Скажу нѣсколько словъ о моей первой встрѣчѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Я съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Тогда авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ молодымъ и статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій и Дружининъ. Графъ Л. Н. Толстой, какъ теперь помню, вошелъ тогда въ гостиную хозяйки дома, во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такою горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такою искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена. Надо вспомнить, что это сужденіе было высказано задолго до поры, когда русское общество, а подъ конецъ и самъ Герценъ—разочаровались во многомъ, чему тогда такъ отъ души поклонялись.

Припоминается мнѣ и другой случай разногласія графа Л. Н. Толстаго съ признанными авторитетами былаго времени, гдѣ онъ опять явился побѣдителемъ. Это было лѣтъ десять спустя.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, сперва въ отрывкахъ,—въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—потомъ отдѣльнымъ, полнымъ изданіемъ, вышелъ въ свѣтъ знаменитый романъ графа Л. Н. Толстаго «Война и миръ». Вскорѣ затѣмъ въ «Военномъ Сборникѣ» явился разборъ этого произведенія А. С. Норова, подъ заглавіемъ: «Война и миръ, 1805—1812 гг., съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника». Пріѣхавъ съ юга въ Петербургъ, я осенью 1868 года навѣстилъ въ Павловскѣ А. С. Норова, при которомъ, незадолго передъ тѣмъ, я служилъ въ качествѣ его секретаря. Онъ прочелъ мнѣ свой отзывъ о романѣ графа Л. Н. Толстаго.

Увлеченный достоинствами романа, я съ досадою слушалъ разборъ А. С. Норова и спорилъ съ нимъ чуть не за каждое его замѣчаніе. На мои возраженія Норовъ отвѣчалъ одно: — «Я самъ былъ участникомъ Бородинской битвы и близкимъ очевидцемъ картинъ, такъ невѣрно изображенныхъ графомъ Толстымъ, и переубѣдить меня въ томъ, что̀ я доказываю, никто не въ силахъ. Оставшійся въ живыхъ, свидѣтель Отечественной войны, я безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства не могъ дочитать этого романа, имѣющаго претензію быть историческимъ». На это я отвѣтилъ Норову, что не всегда отдѣльные участники и очевидцы крупныхъ историческихъ событій передаютъ ихъ вѣрнѣе позднѣйшихъ изслѣдователей, хотя бы и романистовъ, получающихъ доступъ къ болѣе всестороннимъ и разнообразнымъ источникамъ, и что, между прочимъ, художественная правда произведенія графа Толстаго вовсе не зависитъ только отъ того, стояла ли именно такая-то колонна, во время описаннаго имъ боя, направо или налѣво отъ полководца и проч., и проч.

Болѣе всего Норовъ нападалъ на одно мѣсто въ романѣ.

— Графъ Толстой,—говорилъ онъ мнѣ:—разсказываетъ, ка̀къ князь Кутузовъ, принимая въ Царёвѣ-За̀ймищѣ армію, болѣе былъ занятъ чтеніемъ романа Жанлисъ—«Les chevaliers du Cygne», чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. И есть ли какое вѣроятіе, чтобы Кутузовъ, видя передъ собою всѣ арміи Наполеона и готовясь принять рѣшительный, ужасный съ нимъ бой, имѣлъ время не только читать романъ Жанлисъ, но и думать о немъ?

— Но что же тутъ невозможнаго? — возразилъ я критику: — быть можетъ, это былъ разсчетъ со стороны Кутузова, чтобы видимымъ своимъ спокойствіемъ ободрить окружающихъ. Да, притомъ такъ свойственно всякому человѣку стремленіе, подчасъ, чѣмъ либо совершенно постороннимъ, чтеніемъ книги или неидущимъ къ дѣлу разговоромъ, успокоить потрясенныя свои чувства и, черезъ это внѣшнее отвлеченіе, хотя бы на мигъ оторваться отъ тяжелой и роковой дѣйствительности.

Я приводилъ Норову примѣры изъ жизни великихъ людей Цезаря, Петра I, Александра Македонскаго и друг. При этомъ

я ему напомнилъ, что Александръ Македонскій въ персидскомъ походѣ не разставался съ Гомеромъ и, среди столкновеній съ азіатскими кочевниками, переписывался съ своими друзьями въ Греціи, прося ихъ о высылкѣ ему произведеній греческихъ драматурговъ. Наконецъ, указывая Норову на описанія послѣднихъ дней приговоренныхъ къ смертной казни, я просилъ его вспомнить, что иные изъ нихъ, за нѣсколько часовъ до неминуемой смерти, искали бесѣды съ тюремщиками о театрѣ и другихъ новостяхъ дня или съ увлеченіемъ читали своихъ любимыхъ поэтовъ.

— Все это такъ, мой милый, все это могло случиться, но съ другими людьми и въ иныя времена!— возражалъ мнѣ Норовъ: — мы же въ двѣнадцатомъ году не были искателями приключеній, въ родѣ Цезаря или македонскаго героя, а тѣмъ паче производителями пышныхъ, шарлатанскихъ эффектовъ, на подобіе гильотинированныхъ во время французской революціи клубистовъ. До Бородина, подъ Бородинымъ и послѣ него, мы всѣ, отъ Кутузова до послѣдняго подпоручика артиллеріи, какимъ былъ я, горѣли однимъ высокимъ и священнымъ огнемъ любви къ отечеству и, вопреки графу Льву Толстому, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. И я не знаю, какъ посмотрѣли бы товарищи на того изъ насъ, кто бы въ числѣ своихъ вещей дерзнулъ тогда имѣть книгу для легкаго чтенія, да еще французскую, въ родѣ романовъ Жанлисъ.

А. С. Норовъ, черезъ два мѣсяца послѣ напечатанія своего отзыва о романѣ гр. Толстаго, скончался. Въ январѣ 1869 года, послѣ его похоронъ, мнѣ было поручено составить для одной газеты его некрологъ. Каково же было мое удивленіе, когда, собирая источники для некролога, я въ семействѣ В. П. Поливанова, роднаго племянника покойнаго, случайно увидѣлъ крошечную книжку изъ библіотеки Норова «Похожденія Родерика Рандома» («Aventures de Roderik Random, 1784») и на ея внутренней обертке прочелъ слѣдующую, собственноручную надпись А. С. Норова: «Читалъ въ Москвѣ, раненый и взятый въ плѣнъ французами, въ сентябрѣ 1812 г.» («Lu à Moscou, blessé et fait prisonnier de guerre chez les français, au mois de septembre, 1812»).

То, что было съ подпоручикомъ артиллеріи въ сентябрѣ 1812 года, забылось черезъ сорокъ шесть лѣтъ престарѣлымъ сановникомъ, въ сентябрѣ 1868 года, такъ какъ не подходило подъ понятіе, невольно составленное имъ, съ теченіемъ времени, о временахъ двѣнадцатаго года. Нельзя, разумѣется, утверждать, что романъ о Родерикѣ-Рандомѣ Норовъ держалъ подъ подушкой у Царёва-Займища, гдѣ Кутузовъ читалъ романъ Жанлисъ. Но нельзя отвергать и предположенія, что Норовъ могъ читать романъ о Рандомѣ даже подъ самымъ Бородинымъ, какъ впослѣдствіи раненый онъ дочиталъ его, во время занятія Москвы французами, въ голицын-

ской больницѣ, изъ оконъ которой онъ, по его же словамъ, съ такимъ искреннимъ презрѣніемъ, смотрѣлъ потомъ во-очію на уходившаго изъ Москвы Наполеона.

Это обстоятельство я тогда же подробно записалъ и сообщилъ графу Л. Н Толстому.

Тарантасъ, миновавъ поселокъ Ясной Поляны, повернулъ между двухъ кирпичныхъ сторожевыхъ башенокъ влѣво и въѣхалъ въ широкую аллею изъ красивыхъ развѣсистыхъ березъ. На взгорьѣ, въ концѣ аллеи, обрисовалась графская усадьба.

Каменный въ два этажа яснополянскій домъ, въ которомъ теперь графъ Л. Н. Толстой живетъ почти безвыѣздно уже около вадцати пяти лѣтъ (съ 1861 г.), передѣланъ имъ изъ отцовскаго флигеля. Большой же отцовскій домъ, въ которомъ родился авторъ «Войны и мира» (въ 1828 г.), былъ имъ сломанъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ старый домъ, лѣвѣе и невдали отъ новаго. Оно заросло липами, обозначаясь въ ихъ гущинѣ остаткомъ нѣсколькихъ камней былаго фундамента. Здѣсь подъ липами стоятъ простыя скамьи и столъ, за которыми въ лѣтнее время семья графа собирается къ обѣду и чаю. Колоколъ, прицѣпленный къ стволу стараго вяза, созываетъ сюда, подъ липы, изъ дома и сада, членовъ графской семьи.

У этого вяза обыкновенно, между прочимъ, собираются яснополянскіе и другіе окрестные жители, имѣющіе надобность—переговорить съ графомъ о своихъ деревенскихъ нуждахъ. Онъ выходитъ сюда и охотно бесѣдуетъ съ ними, помогая имъ словомъ и дѣломъ. Не всѣ, однако, сосѣди умѣютъ, какъ слышно, цѣнить вниманіе и щедрость графа. Онъ невдали отъ своего двора, лѣтъ пятнадцать назадъ, посадилъ цѣлую рощицу молодыхъ ёлокъ. Елки поднялись, почти въ два человѣческихъ роста, и немало утѣшали своего насадителя. Недавно графъ вздумалъ пройдти въ поле, полюбоваться ёлками, и возвратился оттуда сильно огорченный: болѣе десятка его любимыхъ, красивыхъ ёлокъ оказались безжалостно вырубленными подъ корень и увезенными изъ рощи. Онъ досадовалъ и на происшествіе, и на свое неудовольствіе. — «Опять вернулось мое былое, старое чувство, досада за такую потерю!» — говорилъ онъ и, узнавъ, что, по домашнимъ развѣдкамъ, виновникомъ дѣла оказался домашній воръ, тайно свезшій ёлки, подъ праздникъ, въ городъ,—просилъ объ одномъ, чтобы этотъ случай не былъ доведенъ до свѣдѣнія графини — его жены.

Тарантасъ, обогнувъ лѣвый уголъ дома, остановился у небольшаго крыльца, ведущаго въ сѣни нижняго этажа. Не успѣлъ я здѣсь, внизу, войдти въ переднюю, въ нее отворилась дверь изъ смежнаго графскаго кабинета, и на ея порогѣ показался графъ

Левъ Николаевичъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ.

Давно не видя графа, я, тѣмъ не менѣе, сразу узналъ его — по живымъ ласково-задумчивымъ глазамъ и по всей его сильной и своеобразной фигурѣ, такъ художественно-схоже изображенной на извѣстномъ портретѣ Ив. Н. Крамскаго. Помню, какъ на Парижской всемірной выставкѣ, восемь лѣтъ назадъ, въ отдѣлѣ русской живописи, всѣ любовались этимъ портретомъ, гдѣ графъ Л. Н. Толстой написанъ, съ длинною темнорусою бородой и въ темной, суконной рабочей блузѣ. Съ такою же бородой и въ такой же точно блузѣ я увидѣлъ графа и теперь. Ему въ настоящее время пятьдесятъ семь лѣтъ, но никто, не смотря на сѣдину, проступившую въ его окладистой, красивой бородѣ, не далъ бы ему этихъ годовъ. Лицо графа свѣжо; его движенія и походка живы, голосъ и рѣчь звучатъ юношескимъ жаромъ.

При входѣ въ яснополянскій домъ, невольно вспоминаются всѣмъ извѣстныя картины «Дѣтства» и «Отрочества» его владѣльца: его покойная мать, въ голубой косыночкѣ,—жившій здѣсь когда-то его учитель Карлъ Ивановичъ, съ хлопушкой на мухъ,—дворецкій Ѳока, ключница Наталья Саввишна и ея сундуки, съ картинками внутри крышекъ, дядька Николай, съ сапожною колодкой, учительница музыки Мими и юродивый Гриша, за ночною трогательною молитвой котораго дѣти, съ испугомъ и умиленіемъ, однажды наблюдали изъ темнаго чулана.

Графъ провелъ меня, черезъ переднюю часть своего кабинета, за перегородку изъ книжныхъ шкафовъ. Мы сѣли у его рабочаго стола,— онъ на своемъ обычномъ, рабочемъ креслѣ, я — на другомъ креслѣ, противъ него, за столомъ, оба закурили папиросы и стали бесѣдовать.

Опишу вкратцѣ кабинетъ графа.

Это свѣтлая высокая и скромно убранная комната, аршинъ 12 длины и около 6-ти аршинъ ширины. Два большихъ книжныхъ шкафа, изъ лакированной, бѣлой березы, раздѣляютъ эту комнату пополамъ — на нѣчто въ родѣ пріемной и уборной графа и на его рабочій кабинетъ. Окна и стеклянная дверь этой комнаты выходятъ на невысокое садовое, покрытое каменными плитами, крыльцо. Мебель въ обѣихъ половинахъ — старинная и, очевидно, не только отцовская, но и дѣдовская.

Въ пріемной — мягкій, широкій и длинный диванъ, покрытый зеленою клеенкой, съ зеленою сафьянною подушкой. Передъ диваномъ — круглый столъ, съ грудою разбросанныхъ на немъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ книгъ. У стола и возлѣ стѣнъ — съ полдюжины креселъ. На этажеркѣ — опять книги. Между дверью въ садъ и окномъ — умывальный столъ. Вправо отъ окна, въ углу, березовый комодъ, съ зеркаломъ. Надъ нимъ — оленьи рога, съ

брошеннымъ на нихъ полотенцемъ. На заднихъ стѣнахъ книжныхъ шкафовъ висятъ разныя вещи—верхнее платье, коса для кошенія травы и круглая мягкая шляпа графа. Въ углу, за этажеркой, нѣсколько простыхъ, необдѣланныхъ, съ суковатыми ручками, палокъ для прогулки. Стѣна надъ диваномъ увѣшана коллекціей гравированныхъ, фотографическихъ и акварельныхъ портретовъ родныхъ и знакомыхъ графа,—его жены, отца, братьевъ, старшей дочери и друзей. Между послѣдними — фотографическая группа Левицкаго, съ портретами Григоровича, Островскаго и др., и отдѣльные портреты Шопенгауэра, А. А. Фета, Н. Н. Страхова и другихъ. Въ стѣнной нишѣ — гипсовый бюстъ покойнаго старшаго брата графа, Николая. На окнѣ разбросаны сапожные инструменты; подъ окномъ—простой, деревянный ящикъ, съ принадлежностями сапожнаго мастерства,—колодками, обрѣзками кожи и проч.

Въ рабочемъ кабинетѣ, за перегородкою, направо—у другаго окна въ садъ, письменный столъ графа, налѣво—желѣзная кровать, съ постелью для гостей. Полки березовыхъ шкафовъ, съ стеклянными дверцами, обращенныя въ эту часть комнаты, снизу до верху уставлены старыми и новѣйшими, иностранными и русскими изданіями. За рабочимъ кресломъ графа, въ большой стѣнной нишѣ—открытыя полки, съ подручными книгами, справочниками, словарями, указателями и проч. Остальныя свободныя стѣны этой части комнаты также заняты полками съ книгами. Здѣсь, какъ и въ шкафахъ и въ нишѣ, виднѣются,—въ старинныхъ и новыхъ переплетахъ и безъ переплетовъ,—изданія сочиненій Спинозы, Вольтера, Гете, Шлегеля, Руссо, почти всѣхъ русскихъ писателей, затѣмъ—Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена-Констана, Де-Сисмонди, Іоанна Златоуста и другихъ, иностранныхъ и русскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ мыслителей. Житія святыхъ, «Четьи-Минеи», «Пролога», — переводъ на русскій языкъ «Пятикнижія» Мандельштамма, еврейскіе подлинники «Ветхаго Завѣта» и греческіе тексты «Евангелія». — «Міровоззрѣніе талмудистовъ» съ нѣмецкими, французскими и англійскими коментаріями,—уставлены на полкахъ, рядомъ съ извѣстными русскими проповѣдниками и русскими и иностранными, духовно-нравственными, дешевыми изданіями для народа [1]).

Простой письменный столъ графа, аршина въ два длины и въ аршинъ ширины, покрытый зеленымъ сукномъ и обведенный съ трехъ сторонъ небольшою рѣшоткой, извѣстенъ обществу по но-

---

[1]) Въ числѣ послѣднихъ виднѣются на полкахъ: «Progress and poverty, by Henry George» (1884); «God and the Bible, by Matthew Arnold» (1885 г.); «Israel Sack» (1885 г.); «A discourse of matters, partaining to religion, by Theodore Parker» (1875 г.).; «The twenty essays of Ralph W. Emersen» (1877 г.); «Litterature and Dogma, an essay towards a better apprehension of the Bible, by M. Arnold» (1877 г.) и др.

вѣйшему, прекрасному портрету графа, работы профессора Н. Н. Ге. На этомъ портретѣ, бывшемъ на передвижной выставкѣ, графъ изображенъ пишущимъ за этимъ именно столомъ. Справа и слѣва чернильницы разбросаны рукописи, книги и брошюры. Здѣсь лежатъ—«Новый завѣтъ» въ греческомъ переводѣ Тишендорфа и новѣйшее изданіе еврейскаго подлинника библіи. На окнѣ—нѣсколько портфелей, съ рукописями, и опять книги.

Верхъ окна прикрытъ зеленою шерстяною занавѣской. Передъ окномъ—лужайка, съ клумбами еще свѣжихъ, нетронутыхъ морозомъ цвѣтовъ. За цвѣтникомъ—столбъ, съ веревками, для такъ называемой игры «гигантскіе шаги». Кучка яснополянскихъ ребятишекъ, свободно проникая въ садъ, бѣгаетъ въ эту минуту у названнаго столба.

Изъ окна—видъ на садъ, спускающійся къ пруду, и на живописныя окрестности. Вправо изъ окна—виднѣются вершины густой, березовой аллеи, по которой дорога поднимается къ дому. Влѣво—аллея изъ старыхъ, громадныхъ липъ. Прямо—просторный, гладкій скатъ къ пруду, у котораго красиво зеленѣетъ нѣсколько высокихъ, живописно-разбросанныхъ елей. Между липовою и березовою аллеями, за низиной, въ которой прячется прудъ, видъ на шоссе, на дальнія поля, холмы и голубоватые лѣса, а между холмами и лѣсами—на полосу желѣзной дороги, по которой время отъ времени взвивается дымъ и проносятся московско-курскіе поѣзда.

У этого окна, въ дѣдовскомъ креслѣ, работы XVIII-го вѣка, съ узенькими, ничѣмъ необитыми подлокотниками и съ потертою, зеленою, клеенчатою подушкой, графъ Л. Н. Толстой писалъ свои знаменитыя произведенія. Здѣсь, на этомъ простомъ столѣ, днемъ, поглядывая на синѣющую даль, а вечеромъ и ночью—при свѣчахъ, въ старинныхъ, бронзовыхъ подсвѣчникахъ,—онъ писалъ исторію Наташи Ростовой, Андрея Болконскаго и Пьера Безухаго. Здѣсь же онъ разсказывалъ поэму любви Китти Щербацкой и Левина, рисовалъ образы Вронскаго и Стивы Облонскаго, набрасывалъ очерки лошади Фру-фру и собаки Ласки и съ такою глубиною разсказалъ полную трагизма судьбу Анны Карениной.

Бесѣду съ графомъ о прошломъ и настоящемъ прерываетъ, вбѣгая, красивая, рыжая, лягавая собака. Она ложится у ногъ хозяина.

— Это не Ласка?—спрашиваю я, вспоминая Анну Каренину.

— Нѣтъ, та пропала; эта охотится съ моимъ старшимъ сыномъ.

— А вы сами охотитесь?

— Давно бросилъ, хотя хожу по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ каждый день... Какое наслажденіе отдыхать отъ умственныхъ занятій, за простымъ физическимъ трудомъ! Я ежедневно, смотря по времени года, копаю землю, рублю или пилю дрова, работаю косою, рубанкомъ или инымъ инструментомъ.

Я вспомнилъ о ящикѣ, съ сапожными колодками, подъ окномъ пріемной графа.

— А работа съ сохой!— продолжалъ графъ: — вы не повѣрите, что за удовольствіе пахать! Не тяжкій искусъ, какъ многимъ кажется, — чистое наслажденіе! Идешь, поднимая и направляя соху, и не замѣтишь, какъ ушелъ часъ, другой и третій. Кровь весело переливается въ жилахъ, голова свѣтла, ногъ подъ собой не чуешь; а апетитъ потомъ, а сонъ?—Если вы не устали, не хотите ли пока, до обѣда, прогуляться, поискать грибовъ? Недавно здѣсь перепали дожди; должны быть хорошіе бѣлые грибы.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ я.

Графъ надѣлъ свою круглую, мягкую шляпу и взялъ лукошко; я тоже надѣлъ шляпу и выбралъ одну изъ палокъ за этажеркой. Мы, безъ пальто, вышли съ передняго крыльца, невдали отъ котораго, у воротъ на черный дворъ, стоялъ станокъ для гимнастики.

— Это также для васъ? — спросилъ я графа, указывая на станокъ.

— Нѣтъ, это для младшихъ моихъ дѣтей; у меня здѣсь другія упражненія, — отвѣтилъ онъ, поглядывая за ворота, гдѣ виднѣлась груда свѣже-нарубленныхъ дровъ.

Неувидительно, что, при постоянномъ физическомъ трудѣ, графъ такъ сохранилъ свое здоровье. Этому, въ значительной степени, помогло и то обстоятельство, что бо̀льшую часть своей жизни Л. Н. Толстой провелъ въ деревнѣ. Лишившись въ ранніе годы матери, урожденной княжны Волконской, онъ 9 лѣтъ отъ роду, въ 1837 году, былъ увезенъ въ Москву, въ домъ бабки, потомъ опять жилъ въ деревнѣ, въ 1840 году поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ былъ по восточному, затѣмъ по юридическому факультету, съ 1851 по 1855 года провелъ въ военной службѣ на Кавказѣ, на Дунаѣ и въ Севастополѣ, и съ 1861 года почти безвыѣздно, живетъ въ Ясной Полянѣ. Изъ 57 лѣтъ онъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ провелъ—въ деревнѣ.

Пройдя черезъ смежный съ усадьбой, молодой плодовый садъ, насаженный графомъ, мы вышли въ поле и направились въ ближній лѣсъ. Отъ этого лѣса, за небольшимъ ручьемъ, виднѣлись другіе лѣски и поляны. Отъ одной лѣсной чащи, то взгорьемъ, то долинкой, мы переходили къ другой, останавливаясь и разговаривая. Солнце выглянуло и опять спряталось за легкія, пушистыя облачка. Свѣжій воздухъ былъ напоенъ лиственнымъ, влажнымъ запахомъ. Золотившійся листъ медленно сыпался съ деревьевъ. Ни одна вѣтка не шелохнулась въ безвѣтренной тишинѣ.

Я шелъ рядомъ съ графомъ, любуясь его легкою походкой, живостью его рѣчи и простотою и прелестью всей его такъ сохранившейся могучей природы. — «Боже мой, — думалъ я, глядя на него и слушая его: — его прославили потеряннымъ для искусства,

мрачнымъ, сухимъ отшельникомъ и мистикомъ... Посмотрѣли бы на этого мистика!»

Графъ съ сочувствіемъ говорилъ объ искусствѣ, о родной литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ. Онъ горячо соболѣзновалъ о смерти Тургенева, Мельникова-Печерскаго и Достоевскаго. Говоря о чуткой, любящей душѣ Тургенева, онъ сердечно сожалѣлъ, что этому, преданному Россіи, высоко-художественному писателю пришлось лучшіе годы зрѣлаго творчества прожить внѣ отечества, вдали отъ искреннихъ друзей и лишенному радостей родной, любящей семьи.

— Это былъ независимый, до конца жизни, пытливый умъ, — выразился графъ Л. Н. Толстой о Тургеневѣ: — и я, не смотря на нашу когда-то мимолетную размолвку, всегда высоко чтилъ его и горячо любилъ. Это былъ истинный, самостоятельный художникъ, не унижавшійся до сознательнаго служенія мимолетнымъ потребамъ минуты. Онъ могъ заблуждаться, но и самыя его заблужденія были искренни.

Наиболѣе сочувственно графъ отозвался о Достоевскомъ, признавая въ немъ неподражаемаго психолога-сердцевѣда и вполнѣ независимаго писателя, самостоятельныхъ убѣжденій которому долго не прощали въ нѣкоторыхъ слояхъ литературы, подобно тому, какъ одинъ нѣмецъ, по словамъ Карлейля, не могъ простить солнцу того обстоятельства, что отъ него, въ любой моментъ, нельзя закурить сигару.

Коснувшись Гоголя, котораго Л. Н. въ своей жизни никогда не видѣлъ, и нынѣ живущихъ писателей, Гончарова, Григоровича и болѣе молодыхъ, графъ заговорилъ о литературѣ для народа.

— Болѣе тридцати лѣтъ назадъ, — сказалъ Л. Н.: — когда нѣкоторые нынѣшніе писатели, въ томъ числѣ и я, начинали только работать, — въ стомилліонномъ русскомъ государствѣ грамотные считались десятками тысячъ; теперь, послѣ размноженія сельскихъ и городскихъ школъ, они, по всей вѣроятности, считаются милліонами. И эти милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галча́та, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа, родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живаго, литературнаго слова; избавьте насъ отъ все тѣхъ же лубочныхъ Еруслановъ Лазаревичей, Милордовъ Георговъ и прочей рыночной пищи. Простой и честный русскій народъ сто̀итъ того, чтобы мы отвѣтили на призывъ его доброй и правдивой души. Я объ этомъ много думалъ и рѣшился, по мѣрѣ силъ, попытаться на этомъ поприщѣ.

. . . .

Мы стали возвращаться изъ лѣса, гдѣ графъ разсчитывалъ найдти много хорошихъ, бѣлыхъ грибовъ и гдѣ они уже отошли.

— Ка̀къ тепло и ка̀къ пахнетъ листво̀й! — сказалъ онъ, подходя къ ветхому, полуразрушенному мостику черезъ узкій ручей: — удивительная сила непосредственныхъ впечатлѣній отъ природы. И ка̀къ я люблю и цѣню художниковъ, черпающихъ все свое вдохновеніе изъ этого могучаго и вѣчнаго источника! Въ немъ единая сила и правда.

При этихъ словахъ графа, я вспомнилъ его разсказъ «Севастополь въ маѣ, 1885». — «Герой моей повѣсти, — сказалъ въ заключеніи этого разсказа Л. Н., — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда».

Мы разговорились о различныхъ художественныхъ пріемахъ въ литературѣ, живописи и музыкѣ.

— Недавно мнѣ привелось прочесть одну книгу, — сказалъ, между прочимъ, графъ Л. Н., останавливаясь передъ бревнышками, перекинутыми черезъ ручей: — это были стихотворенія одного умершаго, молодаго испанскаго поэта. Кромѣ замѣчательнаго дарованія этого писателя, меня заняло его жизнеописаніе. Его біографъ приводитъ разсказъ о немъ старухи, его няни. Она, между прочимъ, съ тревогой замѣтила, что ея питомецъ нерѣдко проводилъ ночи безъ сна, вздыхалъ, произносилъ вслухъ какія-то слова, уходилъ при мѣсяцѣ въ поле, къ деревьямъ, и тамъ оставался по цѣлымъ часамъ. Однажды, ночью, ей даже показалось, что онъ сошелъ съума. Молодой человѣкъ всталъ, пріодѣлся въ потьмахъ и пошелъ къ ближнему колодезю. Няня за нимъ. Видитъ, что онъ вытащилъ ведромъ воды и сталъ ее понемногу выливать на землю; вылилъ, снова зачерпнулъ и опять сталъ выливать. Няня въ слезы: «спятилъ, малый, съ ума». А молодой человѣкъ это продѣлывалъ, съ цѣлью — ближе видѣть и слышать, ка̀къ въ тихую ночь, при лунномъ сіяніи, льются и плещутся струйки воды. Это ему было нужно для его новаго стихотворенія. Онъ въ этомъ случаѣ провѣрялъ свою память и заронившіяся въ нее, поэтическія впечатлѣнія — тою же природой, какъ живописцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ пособію натурщиковъ, которыхъ они ставятъ въ нужныя положенія и одѣваютъ въ необходимыя одежды. Читая своихъ и чужихъ писателей, я невольно чувствую, кто̀ изъ нихъ вѣренъ природѣ и взятой имъ задачѣ, и кто̀ фальшитъ. Инаго моднаго и расхваленнаго, особенно изъ иностранныхъ, не одолѣешь, съ первой страницы, ка̀къ ни усиливаешься. Даже угроза тѣлеснымъ наказаніемъ, кажется, не могла бы заставить меня прочесть инаго автора.....

Въ одной изъ критическихъ статей Н. Н. Страхова о «Войнѣ и мирѣ» говорится, что, если Достоевскій былъ психологъ-идеалистъ, то графа Л. Толстаго слѣдуетъ назвать психологомъ-реалистомъ. «Война и миръ», по выраженію почтеннаго критика, «по-

дымается до высочайшихъ вершинъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, до вершинъ, обыкновенно недоступныхъ людямъ. Графъ Л. Толстой—поэтъ, въ старинномъ и наилучшемъ смыслѣ слова. Онъ прозрѣваетъ и открываетъ намъ сокровеннѣйшія тайны жизни и смерти. Его идеалъ—въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Онъ самъ говоритъ: нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды.—Голосъ за простое и доброе противъ ложнаго и хищнаго—вотъ существенный, главнѣйшій смыслъ «Войны и мира».—Кто умѣетъ цѣнить высокія и строгія радости духа, кто благоговѣетъ передъ геніальностью и любитъ освѣжать и укрѣплять свою душу созерцаніемъ ея произведеній, тотъ пусть порадуется, что живетъ въ настоящее время».

Бесѣдующій съ графомъ Л. Н. Толстымъ объ искусствѣ невольно вспоминаетъ эти выраженія его лучшаго истолкователя.

Мы приблизились обратно къ усадьбѣ, мимо молодыхъ, собственноручныхъ насажденій графа. Красивыя, свѣжія деревца яблонь и грушъ, съ круглыми, сильными кронами вѣтвей, стояли въ шахматномъ порядкѣ на обширной плантаціи, невдали отъ усадьбы. Крестьянскія дѣвочки, съ серпами въ рукахъ, копались надъ чѣмъ-то въ бурьянѣ, у сосѣднихъ хлѣбныхъ скирдъ. Графъ разговорился съ ними, называя каждую по имени.

— Знаете ли, что онѣ дѣлаютъ?—спросилъ онъ:—жнутъ крапиву, для обставки на зиму стволовъ плодовыхъ деревьевъ; это лучшее средство противъ зайцевъ и мышей, которые не любятъ крапивы и бѣгутъ даже отъ ея запаха.

Вотъ и домъ. Я взглянулъ на часы. Мы провели въ прогулкѣ около трехъ съ половиною часовъ и прошли пѣшкомъ не менѣе шести-семи верстъ. Графъ, послѣ такого движенія, смотрѣлъ еще болѣе молодцомъ и, казалось, былъ готовъ идти далѣе. Но былъ уже шестой часъ: жена графа, Софья Андреевна, возвратилась изъ Тулы, куда возила на почту просмотрѣнныя графомъ и ею корректуры новаго полнаго собранія его сочиненій, и насъ ждали обѣдать.

— Вы не устали?—спросилъ Л. Н., весело посматривая на меня и бодро всходя, по внутренней лѣстницѣ, въ верхній этажъ своего дома:—для меня ежедневное движеніе и тѣлесная работа необходимы, какъ воздухъ. Лѣтомъ въ деревнѣ, на этотъ счетъ, приволье; я пашу землю, кошу траву; осенью, въ дождливое время,—бѣда. Въ деревняхъ нѣтъ тротуаровъ и мостовыхъ,—въ непогоду я крою и тачаю сапоги. Въ городѣ тоже одно гулянье надоѣдаетъ;—пахать и косить тамъ негдѣ,—я пилю и рублю дрова. При усидчивой, умственной работѣ, безъ движенія и тѣлеснаго труда, сущее горе. Не походи я, не поработай ногами и руками, втеченіе хоть одного дня, вечеромъ я уже никуда не гожусь; ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать другихъ; голова кружится, а въ глазахъ—звѣзды какія-то, и ночь проводится безъ сна.

Въ московскомъ, недавно купленномъ своемъ домѣ (въ Долгохамовническомъ переулкѣ), Л. Н. обыкновенно съ утра самъ рубитъ для печей дрова и, вытащивъ воды изъ колодезя, подвозитъ ее въ кадкѣ на саняхъ къ дому и къ кухнѣ.

— «А досужіе-то вѣстовщики, свои и чужіе, въ особенности свои?» — подумалъ я, слушая эти простыя откровенія знаменитаго писателя: — «чего они не наплели? и литературу-то онъ оставилъ для шитья платьевъ и сапоговъ, и якшается съ чернью, подъ видомъ рубки дровъ на Воробьевыхъ горахъ!»

Верхній этажъ яснополянскаго дома занятъ семейнымъ помѣщеніемъ и столовою графа. По деревянной лѣстницѣ, на средней площадкѣ которой стоятъ старинные, въ деревянномъ футлярѣ, англійскіе часы, мы поднялись направо въ залъ. Здѣсь у двери стоитъ рояль, на пюпитрѣ котораго лежатъ раскрытыя ноты «Руслана и Людмилы». Между оконъ — старинныя, высокія зеркала, съ отдѣланными бронзой подзеркальниками. Посрединѣ залы—длинный, обѣденный столъ. Стѣны увѣшаны портретами предковъ графа. Изъ потемнѣлыхъ рамъ глядятъ, какъ живые, представители восьмнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ, мужчины — въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ, женщины — въ робронахъ, кружевахъ и пудрѣ. Одинъ портретъ особенно привлекаетъ вниманіе посѣтителя. Это портретъ, почти въ ростъ, красивой и молодой монахини, въ схимѣ, стоящей въ молитвенной задумчивости передъ иконой. На мой вопросъ, графъ Л. Н. отвѣтилъ, что это изображеніе замѣчательной по достоинствамъ особы, жены одного изъ его предковъ, принявшей постриженіе, вслѣдствіе даннаго ею обѣта Богу. Въ комнатѣ графини, смежной съ гостиною, мнѣ показали превосходный портретъ Л. Н—ча, также работы И. Н. Крамскаго. Этимъ портретомъ семья Л. Н. особенно дорожитъ.

Вошла жена графа; возвратился съ охоты его старшій сынъ, Сергѣй, кончившій въ это лѣто курсъ въ Московскомъ университетѣ и нѣсколько дней назадъ пріѣхавшій изъ самарскаго имѣнія отца; собралась и остальная, наличная семья графа: взрослая, старшая дочь Татьяна, вторая дочь Марія и младшіе сыновья. Всѣ, въ томъ числѣ и маленькія дѣти, сѣли за обѣдъ. Всѣхъ дѣтей у графа нынѣ восемь человѣкъ (второй и третій его сыновья, въ мой заѣздъ въ Ясную Поляну, находились въ ученіи въ Москвѣ; младшій ребенокъ, сынъ, скончался въ минувшемъ январѣ). Нѣжный, любящій мужъ и отецъ, графъ Л. Н., среди своихъ взрослыхъ и маленькихъ, весело болтавшихъ дѣтей, невольно напоминалъ симпатичнаго героя его превосходнаго романа «Семейное счастье». Скромный въ личныхъ привычкахъ, Л. Н—чъ ни въ чемъ не отказываетъ своей семьѣ, окружая ее полною, нѣжною заботливостью. Занятія по домашнему хозяйству раздѣляютъ, между прочимъ, съ графиней и старшія дѣти графа.

Когда-то наша критика назвала великаго юмориста-сатирика Гоголя русскимъ Гомеромъ. Если кого изъ русскихъ писателей можно дѣйствительно назвать Гомеромъ, такъ это, какъ справедливо замѣтилъ А. П. Милюковъ, графа Л. Н. Толстаго. Въ «Иліадѣ» воспѣтъ воинственный образъ древней Греціи, въ «Одиссеѣ» — ея мирная, домашняя жизнь. Графъ Л. Н. Толстой въ поэмѣ «Война и миръ» одновременно изобразилъ бурную и тихую стороны русской жизни. Но главная сила графа Л. Н. Толстаго—въ изображеніи мирныхъ, семейныхъ картинъ. Въ отдѣльныхъ главахъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» и въ цѣломъ романѣ «Семейное счастіе» онъ является истиннымъ и могучимъ поэтомъ тихаго, семейнаго очага.

Начало вечера было проведено въ общей бесѣдѣ. Подвезли со станціи продолженіе корректуръ новаго изданія графа. Его жена занялась ихъ просмотромъ. Мы же съ Л. Н. спустились внизъ, въ его пріемную. На мой вопросъ, онъ съ увлеченіемъ разсказалъ о своихъ занятіяхъ греческимъ и еврейскимъ языками,—благодаря чему, онъ въ подлинникѣ могъ прочесть Ветхій и Новый Завѣтъ,— о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области христіанства и пр. Зашла рѣчь объ «истинной вѣрѣ, фанатизмѣ и суевѣріи». Сужденія объ этомъ Л. Н—ча не новость, они проходятъ и отражаются по всѣмъ его сочиненіямъ, еще съ его «Юности» и исповѣди Коли Иртеньева. Коснувшись современныхъ событій, графъ говорилъ о послѣдней восточной войнѣ, о крестьянскомъ банкѣ, податномъ, питейномъ и иныхъ вопросахъ, и снова—о литературѣ. Мы проговорили за полночь...

Я затруднился бы, на ряду съ доступными для каждаго внѣшними чертами Ясной Поляны, передать подробно, а главное—вѣрно, внутреннюю сторону любопытныхъ и своеобразныхъ сужденій графа Л. Н. Толстаго по затронутымъ въ нашей бесѣдѣ вопросамъ.

Ясно и вѣрно вспоминаю одно, что я слушалъ рѣчь правдиваго, скромнаго, добраго и глубоко-убѣжденнаго человѣка.

Онъ, между прочимъ, удивлялся одному явленію въ нашей общественной жизни. Привожу его мысли по этому поводу, не ручаясь за точность ихъ изложенія.

...Вслѣдъ за видимымъ и кореннымъ погромомъ стариннаго, дворянско-помѣстнаго землевладѣнія, въ нѣкоторой части общества особенно горячо и искренно усиливаются поощрять и навязывать крестьянамъ покупку дворянскихъ и иныхъ земель. Но для чего? для того ли, чтобы вовсе не было на свѣтѣ помѣщиковъ? Оказывается, что отнюдь не въ тѣхъ видахъ, а чтобы сейчасъ же выдумать, искусственно сдѣлать новыхъ помѣщиковъ-крестьянъ. И мало того, — сюда втянули, кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ, и недумавшихъ о томъ государственныхъ крестьянъ, обративъ ихъ изъ вольныхъ пользователей, оброчниковъ свободныхъ казенныхъ земель— въ подневольныхъ земельныхъ собственниковъ, т. е. опять-таки въ помѣщиковъ. Но кто поручится, что новымъ помѣщикамъ-крестьянамъ все это, съ теченіемъ времени, не покажется недостаточ-

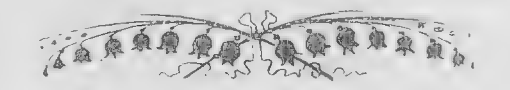
нымъ и что они, за свой суровый сельскій трудъ и за свои деревенскія лишенія и тяготы, не станутъ справедливо добиваться былыхъ привилегій и, между прочимъ, стать дворянами?.. Забываютъ примѣръ Китая, Турціи и большей части древняго Востока. Тамъ вся земля казенная, государственная, и ею, за извѣстный оброкъ правительству, казнѣ, пользуются изъ всѣхъ сословій только тѣ, кто дѣйствительно, тѣмъ или другимъ способомъ, личнымъ трудомъ или капиталомъ, ее обработываетъ. Для такой цѣли выкупъ въ казну, и при посредствѣ казны, частныхъ земель имѣлъ бы скорѣе и свое оправданіе, и полезный для государства исходъ. На этотъ способъ пользованія землею давно обращено вниманіе западныхъ и въ особенности американскихъ ученыхъ, напримѣръ, Джорджа и другихъ. Это, безъ сомнѣнія, предметъ далекаго будущаго; но не слѣдуетъ, среди современныхъ европейскихъ доктринъ, забывать и того, чѣмъ живетъ и рядъ тысячелѣтій зиждется великій, древній Востокъ...

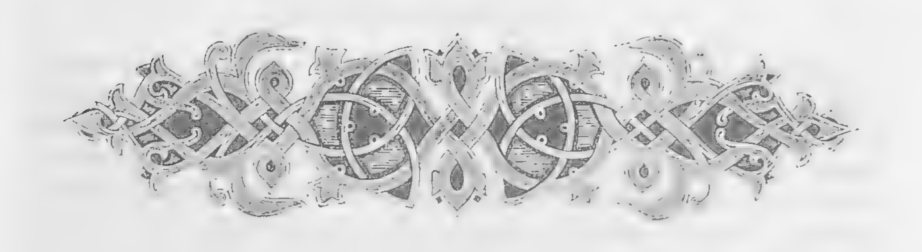
Я ночевалъ въ кабинетѣ графа, на кровати, за перегородкой изъ книжныхъ шкафовъ. Послѣ новой, утренней бесѣды, прогулки съ Л. Н. по парку и завтрака въ его семьѣ, я уѣхалъ въ его экипажѣ въ Тулу и далѣе по чугункѣ въ Москву.

Оставивъ Ясную Поляну, я съ отрадой разбиралъ и провѣрялъ свои впечатлѣнія. Графъ Л. Н. Толстой, послѣ этой новой нашей встрѣчи, остался въ моихъ мысляхъ тѣмъ же великимъ и мощнымъ художникомъ, какимъ его узнала и знаетъ Россія. Онъ вполнѣ здоровъ, бодръ, владѣетъ всѣми своими художественными силами и, внѣ всякаго сомнѣнія, можетъ еще подарить свою родину не однимъ произведеніемъ, подобнымъ «Войнѣ и миру» и «Аннѣ Карениной». Скажу болѣе. Какъ затишье и перерывъ, послѣ «Дѣтства», «Отрочества» и «Севастопольскихъ разсказовъ» (когда онъ занялся вопросами педагогіи и издавалъ «Яснополянскій журналъ»), были не апатіей и не ослабленіемъ его художественныхъ силъ, а только невольнымъ отдыхомъ, втеченіе котораго въ его душѣ зрѣли образы «Войны и мира»,—такъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, изучивъ въ подлинникѣ Ветхій и Новый Завѣтъ и Житія святыхъ, посвящаетъ свои досуги разсказамъ для народа,—онъ, очевидно, лишь готовится къ новымъ, крупнымъ художественнымъ созданіямъ, и его теперешнее настроеніе—только новая ступень, только приближеніе къ инымъ, еще болѣе высокимъ образамъ его творчества.

Г. Данилевскій.

2 февраля, 1886 г., Спб.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ [1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XIII.

ЛУКЬЯНЪ Партановъ, или всѣмъ хорошо извѣстный въ Астрахани «Лучка», былъ человѣкъ не простой...

Отчаянный буянъ и пьяница запоемъ, Партановъ былъ лихой, умный и добрый малый. Вдобавокъ, онъ былъ, какъ говорится, мастеръ на всѣ руки. Всѣ вѣрили, что Партановъ умѣетъ все сдѣлать. Не было дѣла, ремесла или промысла, которыхъ бы Партановъ не испробовалъ. Переходя по непостоянству характера отъ одного занятія къ другому, быстро усвоивалъ онъ всякое дѣло и быстро бросалъ. Все надоѣдало, прискучивало ему. Онъ будто вѣкъ искалъ дѣла по себѣ и не могъ найдти его.

Одно время, заработавъ довольно много денегъ, сдѣлавшись временно слесаремъ, онъ не пропилъ собранныхъ гривенъ, а купилъ диковинный калмыцкій инструментъ въ родѣ балалайки, скоро сталъ порядочно играть на ней и заткнулъ за поясъ самыхъ первыхъ искусниковъ. Лучку стали зазывать въ дома побренчать на его инструментѣ. Но и страсть къ музыкѣ продолжалась недолго. Онъ бросилъ ее и началъ цѣлые дни мазать углемъ по всѣмъ стѣнамъ и заборамъ, и вскорѣ вдругъ пошелъ въ маляры.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 283.

Теперь въ Астрахани было много затѣйливо выкрашенныхъ ставней у слободскихъ домовъ, которые свидѣтельствовали о временномъ прилежаніи и даже искусствѣ временнаго живописца Лучки. Изъ этихъ ставней выглядывали на прохожихъ и яблоки, и арбузы, и рыбы, и всякіе узоры, яркія хитросплетенныя краски, въ родѣ тѣхъ, что бываютъ на персидскихъ коврахъ.

Но всякое ремесло было прихотью, которая занимала Лучку запоемъ, и во сколько онъ любилъ новую затѣю впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, во столько же ненавидѣлъ ее послѣ. Теперь, не смотря на безденежье, какія бы золотыя горы ни предлагалъ кто Лучкѣ, чтобы расписать ставни, онъ отвѣтилъ бы одной бранью. Къ тому же, странное дѣло, онъ и не могъ бы «живописать» теперь. Онъ бы не съумѣлъ, хотя бы и постарался, даже приблизительно, сработать такъ красками и мазкомъ, какъ безъ труда и усилій потрафлялось тогда.

Однажды Лучка пропалъ изъ Астрахани. Его считали погубившимъ себя, утонувшимъ иль зарѣзаннымъ въ степи ногаями, киргизами. Но потомъ оказалось, что Лучка нанялся въ ямщики около Красноярска къ юртовскимъ татарамъ, которые содержали ямъ или почтовое сообщеніе Астрахани съ городами Волги и Украины.

Затѣмъ Лучка объявился снова въ Астрахани, разсказывалъ, какъ онъ возилъ проѣзжихъ, какъ загналъ у юртовскихъ татаръ до десятка коней, ибо ѣздилъ также шибко, какъ звѣзда съ неба падаетъ. Татарскіе старшины его за это, конечно, прогнали.

Въ это же время бурей сорвало часть крыши съ колокольни собора и покосило крестъ. Надо было поправить. Два мѣсяца собирался митрополитъ Сампсонъ уничтожить соблазнъ для жителей, зрящихъ христіанскій и православный крестъ на боку.

Отъ этого покосившагося креста породилась куча всякихъ пересудовъ, толковъ и слуховъ. Инородцы говорили, что конецъ московскому правленію надъ Астраханью, что калмыцкіе ханы и ханши собираютъ войска, хотятъ объявить войну русскому царю, и такъ какъ онъ воюетъ со шведомъ за тридевять земель, то, конечно, вся прикаспійская округа сдѣлается вновь Астраханскимъ ханствомъ.

Покосившійся крестъ, угрожавшій паденіемъ, смущалъ и духовенство.

— Нехорошо, соблазнительно, колебанію умовъ способствуетъ,— говорили и повторяли на разные лады разные батюшки, дьячки, до послѣдняго астраханскаго звонаря.

А поправить дѣло было невозможно!

Гнѣвался владыко Сампсонъ, разсылалъ сыщиковъ во всѣ края, предлагалъ большія деньги всякимъ кровельщикамъ и другимъ лазунамъ. Нѣкоторые приходили, оглядывали, другіе пробовали лѣзть на остроконечную колокольню, и всѣ одинъ за другимъ от-

казывались наотрѣзъ, говоря, что всякому своя голова дороже денегъ.

— Слабодушные люди, — гнѣвался митрополитъ: — вѣдь кто нибудь да строилъ колокольню, кто нибудь да лазилъ и ставилъ крестъ!

Въ Астрахани находился въ это время москвичъ, присланный изъ Троицкой лавры, игуменъ Георгій Дашковъ. Онъ строилъ въ Астрахани монастырь, новую обитель, которая долженствовала получить тоже наименованіе Троицкой.

Дашковъ былъ чрезвычайно умный человѣкъ, уже пожилой, но юный лицомъ, характеромъ и разумомъ. За короткій промежутокъ времени, что жилъ въ Астрахани монахъ Троицкой лавры, онъ сталъ уже извѣстенъ всѣмъ обывателямъ. Всѣ любили и уважали его. Онъ уже имѣлъ вліяніе на самого митрополита Сампсона и на самого воеводу Ржевскаго и даже на чиновныхъ инородцевъ-мурзъ, завѣдывавшихъ караванъ-сераями въ качествѣ блюстителей порядковъ и правилъ, установленныхъ при обмѣнѣ товаровъ. Даже эти хивинцы, персиды или сомнительные азіатскіе выходцы, обозначаемые общимъ именемъ индійцевъ, всѣ равно съ уваженіемъ и довѣріемъ относились къ гостю московскому, т. е. къ Дашкову.

Астраханцы, любители присочинить, уже пустили слухъ, что быть Дашкову скоро митрополитомъ на мѣсто Сампсона.

Вотъ этотъ-то именно строитель Троицкаго монастыря, какъ человѣкъ дѣятельный, вмѣшивавшійся во всякое дѣло ради совѣта и помощи, иногда въ дѣло, совершенно до него не касавшееся, вмѣшался и въ дѣло о покосившемся крестѣ.

Соблазнъ, дѣйствительно, благодаря суевѣрію, былъ великъ.

— Здѣсь не на Москвѣ,—говорилъ Дашковъ митрополиту: — покосись крестъ на Иванѣ Великомъ или на Успенскомъ соборѣ, никто на это и вниманія не обратитъ. Дѣло простое, христіанскому вѣроученію не попрёкъ, не знаменіе какое Божье или чудо предупредительное для грѣшныхъ людей, чтобы опамятовались и покаялись. И на Москвѣ народъ умница, это сейчасъ пойметъ. Здѣсь татарва густа, здѣсь, гляди, и не Русь. Здѣсь такое простое учиненіе стихій природы съ крестомъ соборнымъ можетъ привести умы въ опасное смятеніе.

И Георгій Дашковъ, уже знавшій всѣ напрасныя хлопоты митрополита о томъ, чтобы найдти кровельщиковъ или какого искусстника, предложилъ простое, и потому умное дѣло: объявить черезъ всѣхъ священниковъ въ храмахъ и черезъ воеводскихъ приказныхъ людей на всѣхъ базарахъ, по всѣмъ слободамъ, что управленіе митрополичьяго двора вызываетъ охотниковъ исправить крестъ и кровлю, заранѣе объявляя, что отважный искусникъ, который поставитъ крестъ на мѣсто, получитъ сто рублей.

— Сто рублей!—ахнулъ владыко, но, однако, тотчасъ же согласился.

И въ три дня вся Астрахань уже знала и толковала объ объявленіи митрополита.

— Сто рублей!—ахнула тоже вся Астрахань.

— Сто рублей!—ахнулъ даже воевода Ржевскій.

Дѣйствительно, сто рублей по времени были деньги не большія, а огромныя,—маленькое состояніе.

— Сто рублей!—думало днемъ, а то и ночью, въ безсонницу много головъ отважныхъ, много молодцовъ-астраханцевъ, ища въ себѣ или уже чуя въ себѣ достаточно удали, чтобы отважиться на это похвальное, богоугодное, всѣмъ людямъ видимое, да къ тому же и выгодное дѣло.

— Сто рублей!—подумалъ про себя, покачивая головой, и тотъ молодецъ, который всегда брался за все и все исполнялъ толково и лихо, буянъ Лучка Партановъ. Разумѣется, молодецъ продумалъ недолго, отправился и объявилъ митрополиту, что берется поставить крестъ на мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исправить кровлю на колокольнѣ, такъ какъ онъ когда-то и этимъ мастерствомъ занимался.

Лучка только поставилъ условіемъ, чтобы, помимо награды въ сто рублей, ему отпустили необходимый матеріалъ для устройства затѣйливаго пути отъ колоколовъ до креста, на протяженіи двухъ съ половиной саженъ.

— Путь недальный,—сказалъ онъ митрополиту, усмѣхаясь:—отъ колоколовъ до креста-то сажени три, и тѣхъ нѣтъ. Путь идетъ снизу вверхъ, но коли оттуда продолжится нечаянно сверху да внизъ, такъ и ста рублей не придется получить. Развѣ контора духовная передастъ деньги въ соборъ, на поминъ души.

Митрополитъ, конечно, на все согласился, но послалъ отважнаго молодца къ Дашкову посовѣтоваться съ нимъ.

И два даровитыхъ человѣка, Дашковъ и Партановъ, придумали вмѣстѣ такой способъ взлѣзть и исправить крестъ, что если и нужна была большая отвага, то не было особенной опасности. Въ крайнемъ случаѣ, Лучка, свернувшись на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ землей, долженъ былъ повиснуть на воздухѣ и висѣть, покуда не стащутъ его снова къ колоколамъ.

Разумѣется, вся Астрахань собралась смотрѣть, какъ отважный молодецъ лазилъ къ кресту, какъ тамъ стряпалъ и хлопоталъ. Когда крестъ качнулся, выпрямился и сталъ на мѣсто, гулъ народный огласилъ всю площадь и всѣ слободы. Въ этотъ день вся Астрахань узнала, кто таковъ Лукьянъ Партановъ и каковъ онъ собой лицомъ. Если бы теперь кто отозвался, что ему невѣдомо, кто таковъ Лучка, то прямо бы попалъ въ дураки и олухи.

— Только въ русскомъ народѣ выискиваются такіе молодцы,—разсудилъ Георгій Дашковъ и... ошибся.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ Астрахани жилъ аманатъ, или заложникъ, отъ киргизъ-кайсацкаго хана въ обезпеченіе штрафнаго платежа за разгромъ въ степи русскаго каравана. Киргизскій аманатъ по имени Дондукъ-Такій прожилъ долго въ Астрахани. Хотя онъ былъ изъ ханскаго или княжескаго рода, но у отца его было очень много сыновей, а денегъ мало, и потому на родинѣ все собирались выкупать заложника.

Впрочемъ, въ Астрахани живало всегда изъ года въ годъ по нѣскольку аманатовъ отъ разныхъ инородцевъ. Ихъ не обижали, обращались хорошо, и имъ полагалось содержаніе и жалованіе изъ воеводскаго правленія. Нѣкоторые имѣли право на казенный счетъ держать при себѣ прислугу, иногда многочисленную, чуть не свиту.

Аманатовъ отпускали домой только послѣ аккуратной и полной уплаты «винныхъ» или штрафныхъ денегъ, что̀ случалось обыкновенно черезъ два, три года послѣ залога молодца. Иногда допускался вымѣнъ аманата, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы новый, вновь присланный взамѣнъ молодецъ былъ не «худороднѣе» и не «подлѣе» перваго, дабы отъ обмѣна не произошло ущерба государственнымъ интересамъ.

Судьба Дондука-Такія была иная. О немъ будто бы забыли или не хотѣли выкупать, жалѣя денегъ. Явился онъ аманатомъ въ русскомъ городѣ двѣнадцатилѣтнимъ ханчикомъ со свитой въ пять человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и сановникъ, нѣчто въ родѣ мурзы, для обученія его на чужбинѣ родной грамотѣ. Свита эта постепенно какъ-то разстаяла и, наконецъ, исчезла, а шестнадцатилѣтній князекъ гулялъ уже по Астрахани въ русскомъ платьѣ и одинъ-одинехонекъ. Наконецъ, минули ему всѣ двадцать лѣтъ, а изъ родины на его счетъ не было ни слуху, ни духу.

— Застрялъ, братъ, видно, судьба переходить въ нашу вѣру и въ наше христіанское состояніе,—говорили Дондуку-Такію со всѣхъ сторонъ его русскіе, но уже и давнишніе друзья.

Конечно, этимъ дѣло и кончилось. Киргизъ-кайсацкій ханчикъ, или князекъ, сдѣлался православнымъ, посадскимъ, съ именемъ Лукьянъ и съ фамиліею Партановъ, полученной отъ крестнаго отца, простаго хлѣбопека.

Такимъ образомъ, этотъ лихой малый, въ которомъ было такъ много характерныхъ чертъ русскаго удалаго парня, былъ чистокровный киргизъ-кайсакъ. И всякій невольно дивился этому или ошибался, какъ Дашковъ, считая Партанова россіяниномъ.

Впрочемъ, самъ Лучка дивился теперь, что онъ не природный русскій. Онъ даже обижался, когда ему кто напоминалъ про его происхожденіе.

— Что̀ во мнѣ кайсацкаго,—восклицалъ онъ:—помилуй Богъ!

И, будучи смѣтливымъ малымъ, онъ прибавлялъ полушутя, полусерьёзно:

— Я вотъ какъ, братцы, полагаю: былъ я махонькій сыномъ московскихъ бояръ, а меня киргизы выкрали, да за своего выдали, а тамъ, ради обмана властей, въ аманаты сдали. Вотъ Господь-то и вернулъ меня опять на истинный путь.

И трудно было сказать, шутитъ ли иной разъ Лучка, или дѣйствительно самъ вѣритъ въ свою выдумку.

Само собой понятно, что перекресть изъ киргизовъ былъ, всетаки, выбитый изъ жизненной колеи человѣкъ, который не могъ ужиться на свѣтѣ также, какъ и всякій другой. Въ его жизни завязался узелъ, который распутать было мудрено и его личной волѣ, и обстоятельствамъ. Родись онъ, вырости и живи въ Россіи бояриномъ или посадскимъ, или хоть простымъ крестьяниномъ, жизнь пошла бы проще, зауряднѣе, какъ бы направленная и указанння еще до рожденія.

А тутъ вышла нечаянность, несообразность, и киргизъ-кайсацкій князекъ, даровитый и пылкій нравомъ, пошелъ скачками на своемъ насилованномъ обстоятельствами жизненномъ пути и быстро свертѣлся. А причина, что изъ аманата и ханчика, пріѣхавшаго со свитой въ Астрахань, сдѣлался за пятнадцать лѣтъ уличный буянъ и пьяница, была, конечно, самая простая.

Покуда онъ жилъ въ городѣ аманатомъ на казенный счетъ, на полномъ продовольствіи и содержаніи изъ воеводскаго правленія, то, разумѣется, жилъ барченкомъ, ничего не дѣлалъ. Онъ проводилъ день въ томъ, что гулялъ и забавлялся, франтя въ красивомъ костюмѣ по улицамъ и базарамъ, распѣвалъ пѣсни киргизскія и русскія, да прельщалъ горожанокъ, и купчихъ, и боярынь и офицершъ своимъ красивымъ лицомъ. Многое и многое сходило ему съ рукъ!.. Вѣдь онъ аманатъ! Когда власти астраханскія стали догадываться, что ханчикъ выкупленъ не будетъ, что онъ брошенъ и застрялъ у нихъ, то содержаніе, конечно, сдѣлалось хуже, денегъ стали отпускать все менѣе. Затѣмъ изъ просторнаго дома въ татарской слободѣ перевели кайсацкаго аманата уже безъ свиты въ стрѣлецкую слободу. Вскорѣ и содержаніе прекратилось. Понемногу дѣло дошло до того, что кайсацкій князекъ сталъ голодать. Пришлось изворачиваться, чтобы достать средства на пропитаніе, такъ какъ подьячіе воеводскаго правленія утягивали и тѣ малыя деньги, которыя воевода изрѣдка, уже изъ жалости, приказывалъ выдавать на пропитаніе аманата.

Затѣмъ съ переходомъ въ православіе и съ записью въ астраханскіе обыватели, въ разрядъ «гулящихъ людей», т. е. не имѣющихъ никакой осѣдлости, началась и новая жизнь: будто «на юру», будто «съ боку-припёку».

За это именно время бывшій князекъ Дондукъ-Такій, подъ именемъ уже Лучки Партанова, сталъ кидаться на всякія ремесла и разныя затѣи ради требованія прихотливаго ума, но равно ради

зашибанія денегъ. Но, вмѣстѣ, съ тѣмъ, въ какой-то несчастный день, когда именно—самъ Лучка не помнилъ, онъ сталъ запивать, а запивъ, началъ буянить.

Теперь одно только удивительно было астраханцамъ, что Лучка, бывшій часто мертво пьянымъ, валявшійся на улицахъ иногда цѣлыя ночи, иногда и зимой, всетаки, во дни трезвости выглядывалъ молодцомъ и даже красавцемъ. Онъ могъ еще прельстить всякую астраханку. Къ нему даже засылали сватовъ отъ домовитыхъ и зажиточныхъ лицъ. И не одна дѣвушка мечтала выйдти замужъ за красавца буяна Лучку, надѣясь, что его исправитъ семейная жизнь и достатокъ.

Но Лучка былъ, очевидно, не изъ той породы, чтобы жениться, обзавестись семьей и начать жить мирно и порядливо.

Лучка объяснялъ, что пьетъ съ горя, бунтуетъ тоже съ горя, но онъ лгалъ. Этого горя у него не было, такъ какъ объ родинѣ онъ не жалѣлъ. Для него буйство и расправа подъ пьяную руку съ кѣмъ нибудь на улицѣ были какимъ-то лакомствомъ, доставляли какое-то наслажденіе.

XIV.

Рядомъ съ мѣстомъ заключенія, гдѣ томились люди въ ямѣ, въ большомъ каменномъ домѣ, который внѣшнимъ видомъ своимъ очень походилъ на судную избу, т. е. былъ такой же плотный, гладкій, изъ розоваго кирпича, съ такимъ же фронтономъ и подъѣздомъ, всѣ окна были отворены и всюду виднѣлись празднично одѣтыя фигуры военныхъ, духовныхъ и посадскихъ. Хозяинъ праздновалъ день своего рожденія и назвалъ гостей изъ самыхъ видныхъ и именитыхъ обывателей города. Въ домѣ этомъ жилъ полковникъ Никита Григорьевичъ Пожарскій, прямой начальникъ и комендантъ немногочисленнаго кремлевскаго войска

Пожарскій былъ пожилой и женатый человѣкъ, но на видъ крайне моложавый, по нраву своему беззаботно веселый, подвижной, балагуръ и шутникъ. Какъ начальственное лицо въ городѣ, онъ былъ дѣятеленъ, строгъ и взыскателенъ, смѣлъ и рѣшителенъ во время.

Этотъ человѣкъ былъ прямая противоположность воеводы Тимоѳея Ивановича. Даже относительно склонности ко сну и отдохновенію они рѣзко отличались. Воевода спалъ, когда только могъ, даже сидя въ канцеляріи своей за зерцаломъ. Полковникъ Пожарскій наоборотъ хвастался, что ложится спать послѣдній въ городѣ передъ полуночію и поднимается вмѣстѣ съ солнцемъ круглый годъ. Если солнце запаздывало въ иное время года, то и Пожарскій позволялъ себѣ лишній часокъ потягиваться на кровати.

Въ городѣ къ полковнику всѣ относились съ уваженіемъ, отъ властей гражданскихъ и духовныхъ до всѣхъ именитыхъ инородцевъ. Пожарскій сталъ лишь недавно астраханскимъ должностнымъ лицемъ, ибо служилъ прежде въ Кіевѣ и числился офицеромъ полевой пѣшей команды, называвшейся уже московскимъ полкомъ. Онъ былъ лично извѣстенъ могущественному Александру Даниловичу Меншикову и теперь надѣялся скоро замѣнить очумѣвшаго отъ лѣни и тучности Ржевскаго, такъ какъ воеводство Астраханское было ему уже съ полгода обѣщано Меншиковымъ при первомъ случаѣ. Пожарскій нетерпѣливо желалъ и ожидалъ этого случая. Иногда онъ надѣялся, что Ржевскаго какъ нибудь разобьетъ параличъ, иногда же видя, что толстякъ не хочетъ ни болѣть, ни умирать, Пожарскій разсчитывалъ, что случится какая либо бѣда въ Астраханской округѣ, прогнѣвается строгій царь и непремѣнно укажетъ ссадить тотчасъ съ воеводства малоумнаго и лѣниваго воеводу.

— Вѣрно это. Вѣрнѣе смерти. Но какой у насъ быть здѣсь бѣдѣ? Нечему быть-то!—досадливо соображалъ полковникъ Никита Григорьичъ.—Труса или потопа отъ Каспія быть не можетъ. Гладъ или моръ — не бѣды! Воевательства какого или нашествія непріятельскаго быть не можетъ. Кто тутъ сунется? Не персидскій же шахъ! И не крымскій Гирей! Вотъ развѣ еще ханъ хивинскій соберется походомъ на Россію, такъ онъ до насъ не дойдетъ... Киргизы или калмыки тоже, какъ завсегда, разгромятъ по Волгѣ и раззорятъ нѣсколько приписныхъ городовъ и посадовъ и, награбивъ въ волю всякаго добра, уйдутъ опять во-свояси за Волгу. Смута какая народная — вотъ бы хорошо! Смуты частенько въ нашемъ краю бывали со временъ царя Грознаго по сіе мѣсто. А теперь случись колебаніе государственное, Тимоѳей нашъ Иванычъ такое колѣно отмочитъ или такой финтъ выкинетъ, по своей природной шалости разума, что ужъ неминуемо государь повелитъ его въ шеи гнать съ воеводскаго мѣста.

И немало удивились бы всѣ астраханцы — «знатные» люди, а равно и «подлый» народъ, если бы могли они заглянуть въ душу кремлевскаго военачальника и коменданта и увидѣть, чего этотъ власть имущій воинъ всѣмъ сердцемъ желаетъ. Да, ахнули бы обыватели, прочитавъ его мысли.

«Онъ» властный, а ему чѣмъ мутнѣе вода будетъ, тѣмъ больше рыбы въ руки перепадетъ. Ему, вишь, подай Боже хоть настоящій грабительскій и кровавый бунтъ. Коли на его счастье разгорится возмущеніе до того, что подлый народъ убьетъ воеводу, то онъ самъ себя въ воеводы произведетъ, потому что послѣ Ржевскаго онъ—первое лице въ городѣ и въ округѣ. Разумѣется, всѣ эти тайные помыслы Пожарскаго никому не могли быть извѣстны и даже женѣ его Агаѳьѣ Марковнѣ, женщинѣ веселой, слово-

охотливой и потому крайне болтливой. Полковникъ никогда не довѣрялся въ важныхъ вещахъ Агаѳьѣ Марковнѣ: сказать ей что нибудь было все одно, что на соборной колокольнѣ въ кремлѣ въ набатъ ударить и надѣяться при семъ, что никто ничего не услышитъ въ городѣ.

Въ обществѣ многіе еще не знали навѣрное объ обѣщаніи могущественнаго Александра Даниловича Меншикова, но догадывались, что быть Пожарскому неминуемо воеводою астраханскимъ послѣ Ржевскаго. Нѣкоторыя лица въ обществѣ этому очень радовались, а нѣкоторые, кто былъ поумнѣе и подальновиднѣе, загодя тревожились, ибо соображали и доказывали, что дѣятельный и живой на подъемъ человѣкъ, полковникъ Никита Григорьевичъ, будетъ во сто кратъ хуже и «погубительнѣе» для города и всей округи безобиднаго отъ тучности и снолюбія Тимоѳея Ивановича. Ржевскій былъ добрякъ, тихъ, не завидущъ и не корыстенъ, а за полковникомъ водился уже теперь лихой грѣхъ. На его мѣстѣ въ должности коменданта этотъ грѣхъ былъ чуть замѣтенъ, и отъ него терпѣли немногіе. А стань Пожарскій воеводой и властителемъ всего богатаго края, то грѣшокъ изъ вершковаго станетъ саженнымъ. Какъ многіе и многіе правители, властные или «знатные» люди, полковникъ Никита Пожарскій былъ на деньги жаденъ, былъ лихоимецъ изъ самыхъ отъявленныхъ. Теперь онъ тащилъ послѣдній алтынъ со всякаго, съ кого только по должности своей могъ тащить. Офицеры, ему подчиненные, не получали даже своего жалованія полностію, ибо у нихъ оттягивалъ полковникъ, что могъ. Даже въ деньгахъ на содержаніе и прокормленіе своей команды кремлевскій полковникъ урѣзывалъ, гдѣ, что и сколько могъ. За недолгое время, что Пожарскій былъ въ Астрахани, онъ уже успѣлъ скопить лишнюю тысячу. Сядь этотъ человѣкъ воеводой въ такомъ торговомъ краю, какъ Астрахань, гдѣ идетъ милліонный оборотъ товарамъ съ Европой и Азіей, гдѣ суда и караваны снуютъ вѣки вѣчные со всякимъ добромъ, а окрестность запружена промысломъ — рыбою! Стань этотъ человѣкъ правителемъ и судьей этого богатаго края! Получи онъ власть распоряжаться надъ инородцами, караван-сераями, надъ учугами и ватажниками!

— Да что же это будетъ? — спрашивалъ умный человѣкъ Георгій Дашковъ у своихъ собесѣдниковъ и прибавлялъ шутя:

— Вѣдь это будетъ погромный ясырь.

«Погромный ясырь» — мѣстное выраженіе немало смѣшило собесѣдниковъ Дашкова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрно опредѣляло характеръ управленія краемъ будущаго воеводы астраханскаго.

Послѣ похода русскихъ войскъ на крымскаго хана или на калмыковъ и киргизовъ и погрома ихъ, весь край и городъ переполнялись всякой всячиной, дорогой и дешевой, въ полномъ изобиліи. Все, отъ глинянаго горшка и шкурки мѣха, до дорогой пистоли и бу-

латнаго ятагана, отъ табуна коней до золотаго ожерелья, отъ стада барановъ курдюковъ или верблюдовъ до сотенной толпы уведенныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей ради продажи за грошъ въ рабство, весь этотъ награбленный движимый и живой товаръ носилъ общее названіе «погромнаго ясыря».

Умный монахъ вѣрно понялъ Пожарскаго. Хорошій кремлевскій полковникъ, дѣятельный, распорядительный и строгій, сдѣлался бы кровопійцей и людоѣдомъ ради своего ненасытнаго корыстолюбія, попавъ на мѣсто властителя всего богатаго края. Только однажды въ году тратился полковникъ, скрѣпя сердце, накупалъ всякихъ сластей, доставалъ изъ подваловъ и кладовыхъ разнаго вина и всякой провизіи... Это бывало въ день его рожденія.

— Сія есть неукоснительная должность всякаго человѣка праздновать день сей со своими благопріятелями и угощать своихъ добродѣевъ, —говорилъ Пожарскій, какъ бы оправдываясь предъ своей совѣстью скряги и смягчая чувство жалости ко всему гостями уничтоженному, безполезно съѣденному и зря выпитому.

— А потому собственно должно сей день праздновать, — разсуждалъ, вздыхая, Пожарскій: — что если бы ты, человѣкъ, не родился на свѣтъ Божій, то ничего бы и не пріобрѣлъ. Былъ бы неимущъ, ибо самъ не былъ бы.

Это философское разсужденіе собственнаго сочиненія скряга-хозяинъ буквально изъ году въ годъ повторялъ своимъ гостямъ, убѣдительно сзывая ихъ къ себѣ на пированіе. Теперь онъ то же самое объявилъ гостямъ, когда всѣ съѣхались.

Въ числѣ полсотни лицъ, прибывшихъ къ полковнику, находились, конечно, и всѣ власти. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ митрополитъ Самсонъ, уже дряхлый старикъ, добродушный, слегка подслѣповатый, по природѣ глуповатый, но, тѣмъ не менѣе, въ пору зрѣлыхъ лѣтъ извѣстный своей плутоватостью. Говорили, что митрополитъ, будучи еще архимандритомъ, плутнями своими навлекъ на себя гнѣвъ даже «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича и былъ удаленъ съ царскихъ глазъ. Вслѣдъ за митрополитомъ верхомъ на пѣгенькой лошадкѣ пріѣхалъ недавній временный житель Астрахани, игуменъ Дашковъ, строитель новаго Троицкаго монастыря.

Возлѣ Самсона сидѣлъ и отдувался и отъ жары, и отъ невольнаго передвиженія въ гости тучный добрякъ Тимоѳей Ивановичъ. Здѣсь же въ числѣ именитыхъ посадскихъ людей былъ и «законникъ» Кисельниковъ. Онъ держался съ достоинствомъ, обращался вѣжливо и предупредительно со всѣми, но, всетаки, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ему не наступали на ногу. Охотникамъ намекнуть посадскому богатому человѣку, явившемуся сюда гостемъ, на пословицу: «не въ свои сани не садись», Кисельниковъ напоминалъ нѣчто подобное пословицѣ: «мала птичка, да ноготокъ во-

стеръ». Онъ умѣлъ такъ отрѣзать, что шутникъ уже второй разъ не пробовалъ соваться съ своею вольностію. Причина, по которой посадскій очутился въ средѣ именитыхъ гостей и властей, была простая и всѣмъ даже извѣстная. Полковникъ былъ долженъ Кисельникову нѣсколько сотенъ рублей. Но, кромѣ того, что было еще никому неизвѣстно, даже самому Кисельникову, полковникъ собирался еще призанять нѣсколько сотенъ. И Кисельниковъ, человѣкъ очень богатый, а отъ природы щедрый, конечно, съ удовольствіемъ и радостію готовъ былъ въ подобномъ случаѣ размахнуться особенно широко, къ полному удовольствію полковника. На это были у него свои важныя причины, никому неизвѣстныя, кромѣ жены его. Богачъ посадскій имѣлъ свою слабость, свой грѣхъ, какъ и Пожарскій. Если этотъ былъ корыстолюбивъ до страсти, то посадскій человѣкъ темнаго происхожденія былъ честолюбивъ до страсти.

У честолюбца была дочь, очень некѝзистая по имени Маремьяна... У корыстолюбца былъ дальній племянникъ, офицеръ Московскаго полка Палаузовъ... Посадскому человѣку уже давно мерещилось, какъ въ одно прекрасное утро хорошо бы могли зажить въ его домѣ дочь съ зятемъ, а потомъ внучата по фамиліи Палаузовы, по званію офицерскія, а не посадскія дѣти. Молодой родственникъ должника уже бывалъ часто въ домѣ Кисельникова. А барыня Пожарскаго, полковничиха, бывала въ гостяхъ у посадской жены Кисельниковой, и женщины ладили втихомолку сватовство для сочетанія безъалтыннаго офицерства съ зажиточнымъ посадствомъ.

— Чѣмъ посадская—не дѣвица? Все у ней, что требуется дѣвицѣ,—есть,—говорила одна сторона.

— Офицерское званіе великое дѣло, но на его поддержаніе—иждивеніе требуется!—говорила другая сторона.

Кисельниковъ не зѣвалъ и давалъ деньги взаймы, но по мелочамъ, самой полковничихѣ, и ждалъ, высматривая зорко, что будетъ? «Клюнетъ рыбка или сожретъ червячка и вильнетъ на дно»!

Въ этотъ день намѣченный посадскимъ женихъ для неказистой Маряши былъ тутъ же въ числѣ гостей.

— Кафтанъ-то на тебѣ, милый человѣкъ, совсѣмъ не праздничный. Да и сапоги хлѣба просятъ,—соображалъ Кисельниковъ, оглядывая небогатаго офицера.—Поженились бы вы—я тебѣ двѣ пары платья состроилъ бы хоть до вѣнца. Съ кармазиномъ бы состроилъ!

Умный, разсудительный и степенный Кисельниковъ потому намѣтилъ себѣ въ зятья Палаузова, что видѣлъ ясно въ немъ особенное добронравіе и добродушіе.

— Этотъ драться не будетъ съ женой и меня въ уваженіи соблюдетъ,—рѣшилъ онъ.

Кромѣ того, въ числѣ разныхъ гостей всякаго званія и состоянія были тутъ еще двѣ сомнительныя личности: первый, хорошо и давно всѣмъ знакомый, даже пріятель, нѣкто Осипъ Осиповичъ Гроднеръ, съ острымъ лицемъ, длиннымъ носомъ, клинообразной бородой, черный какъ смоль и съ буклями на вискахъ — сказывался нѣмцемъ. Второй — недавно допущенный въ общество властителей и офицеровъ церковный староста, князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ, который еще за шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ былъ магометаниномъ и простымъ слободскимъ татариномъ по имени Гильдей Завтылъ Бодукчей. Явился онъ въ Астрахань чуть не босикомъ нѣсколько лѣтъ назадъ, изъ Ногайскихъ степей, никуда не показывался и княземъ не назывался. Но къ недавнему его преображенію всѣ уже успѣли привыкнуть.

Сомнительный нѣмецъ былъ теперь съ большими деньгами, нажитыми на глазахъ у всѣхъ,—но какъ, никто не зналъ. Сомнительный князь и церковный староста былъ теперь богатъ по простымъ и законнымъ причинамъ, такъ какъ на его родинѣ умеръ какой-то дядя и оставилъ ему большое наслѣдство, за которымъ Бодукчей съѣздилъ въ Ногайскую степь, но едва не оставилъ тамъ своей шкуры отъ членовредительнаго пріема, сдѣланнаго ему тамошними родственниками, съ которыми пришлось дѣлить наслѣдство.

Здѣсь же былъ, наконецъ, извѣстный ватажникъ Климъ Егоровичъ Ананьевъ, но держался смирно въ уголкѣ и даже виду не показывалъ, что онъ въ гости пріѣхалъ.

— Ну, что подшибленный? Здорово! Перекосило, братъ—тебя! Поцѣлуемся хоть и въ кривую рожу! — встрѣтилъ Ананьева хозяинъ, когда онъ въ числѣ первыхъ смущенно появился въ домѣ.— Ну, что она, рожа-то? Совсѣмъ не хочетъ на мѣсто стать?

— Нѣтъ, на мѣсто ужъ гдѣ же,—отвѣчалъ добродушно глупый Ананьевъ.—А хоть малость бы самую передвинулась къ прежнимъ мѣстамъ, и то бы радъ былъ.

Усадивъ гостя въ углѣ горницѣ, какъ несмѣлаго и стѣснявшагося въ обществѣ властителей, Пожарскій подошелъ къ племяннику и Кисельникову, бесѣдовавшимъ у окна «о дѣвичьихъ ухваткахъ въ предметѣ мытья себя въ банѣ».

— Вотъ, гляди,—сказалъ полковникъ:—Ананьева расшибло совсѣмъ. Все рыло гдѣ-то въ уѣздѣ. Ничего не найдешь. Одинъ глазъ спитъ, а другой кричитъ: горимъ, братцы. Носъ, что крюкъ завернулся на сторону, того гляди, зацѣпитъ тебя и платье испортитъ. Ротъ на третье ухо смахиваетъ. Бѣда сущая... А здоровый былъ. А вотъ кому бы надо расшибиться давно на тридевять частей, лопнуть да развалиться,—тотъ живетъ и все у него на мѣстѣ...

— Да-съ! И самъ на мѣстѣ!—съострилъ какъ изъ-подъ земли

выросшій Георгій Дашковъ.—Добраго здоровья. Мое почтеніе хозяину и гостямъ!

Пожарскій даже оробѣлъ отъ намека остраго монаха и, начавъ разсыпаться предъ нимъ мелкимъ бѣсомъ, повелъ его сѣсть на почетное мѣсто около митрополита Самсона.

— Да-съ. Эта ухватка дѣвичья,—говорилъ Кисельниковъ чаемому зятю:—держать себя въ неукоснительной чистотѣ, особливо дѣвицѣ. Дѣвица любитъ и уважаетъ баню всѣмъ сердцемъ. Мою Маремьяну изъ бани не выгонишь, такъ бы тамъ вѣкъ свѣковала. — И Кисельниковъ думалъ про себя: «Мотай, братъ, себѣ на усъ».

— Бываютъ дѣвицы красавицы писанныя,—продолжалъ Кисельниковъ свою атаку на жениха.—Но, подь, человѣкъ, глянь-ко поближе... А отъ нея, отъ иной запахъ, козлятиной отшибаетъ. Опять скажу, здоровье—великое дѣло. Больная жена, что худая мошна, ни денегъ, ни дѣтей съ такими не наживешь... Моя вотъ Маремьяна вся въ мать. Здорова—ахтительно. А все отъ баннаго прилежанія.

— Эта повадливость къ самоочищенію—доброе дѣло!—отозвался, наконецъ, офицеръ Палаузовъ, понимая отлично намеки посадскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ: «Что жъ, я бы на твоей Маремьянѣ не прочь жениться, какъ наускиваетъ меня полковница, только бы ты ей денегъ далъ побольше. А коли грязна, это не помѣха. Послѣ вѣнца самъ вымыть на-чисто могу».

Когда гости были всѣ въ сборѣ, хозяинъ усадилъ всѣхъ за столъ, и началось угощеніе. Черезъ часъ всѣ уже закусили плотно и выпили немало—повеселѣли и загорланили. Одинъ Ананьевъ, сидя на концѣ стола около пріятеля и своего незадачливаго зятя, перекрестя-князя, мало говорилъ и больше слушалъ другихъ. Громче всѣхъ раздавались голоса самого хозяина, остряка и умницы Дашкова и одного офицера, родомъ кандіота. Грекъ, по имени Варваци, офицеръ, явился, когда уже всѣ сидѣли за столомъ, прямо съ караульной службы и долго извинялся передъ хозяиномъ за невѣжество. Варваци говорилъ за столомъ громче всѣхъ, но не потому, чтобы желалъ заставить всѣхъ слушать свои разсужденья, какъ хозяинъ, или свою какую остроту, какъ игуменъ, а потому что совершенно не могъ тихо говорить по особенному устройству груди и горла. Грекъ этотъ былъ забавникъ и потѣшникъ всего общества, ибо умѣлъ свистать соловьемъ, токовать по тетеревиному, шипѣть кунгуромъ, ревѣть бѣлугой и особенно умѣлъ изумительно вѣрно передразнивать и подражать голосамъ своихъ знакомыхъ. Кромѣ того, отлично говоря порусски, онъ загадывалъ дивныя загадки, показывалъ всякіе финты-фанты и пѣлъ сотни пѣсенъ на всѣхъ языкахъ, отъ голландскаго до калмыцкаго. Но въ разговорѣ голосъ его былъ сущее наказаніе для собесѣдниковъ, ибо гремѣлъ громче предполагаемаго трубнаго гласа при кончинѣ міра.

— Не ори! Оглушилъ!—то и дѣло останавливали его. Онъ принимался шептать и шипѣть могучимъ шепотомъ, но чрезъ нѣсколько мгновеній забывалъ сдерживаться и снова ревѣлъ благимъ матомъ на весь домъ.

— Эхъ, кабы этого офицера Варваци, да обернувъ вверхъ ногами, повѣсить на моей строящейся колокольнѣ!—заявилъ теперь Дашковъ на ухо сосѣду своему воеводѣ.

— Зачѣмъ? Господь съ тобой?—спросилъ, удивляясь, Ржевскій.

— И что̀ бы это, воевода, за гулъ да звонъ пошелъ на всю округу твою. И Боже мой! Звончѣй всякаго Ростовскаго колокола.

— Не гоже!.. Грѣхъ... рѣшилъ воевода укоризненно, не понявъ шутки и повѣривъ, что строитель троицкой обители способенъ повѣсить за ноги грека, вмѣсто колокола.

На этотъ разъ гости, развеселясь, тоже попросили Варваци потѣшить ихъ своимъ «искусничествомъ». Офицеръ съ удовольствіемъ согласился и какъ всегда добродушно спросилъ: «что угодно?».

Засвиставъ неподражаемо соловьемъ, онъ залился въ страстныхъ треляхъ... Казалось весной запахло вдругъ въ столовой горницѣ Пожарскаго, теплынью ночнаго звѣзднаго неба, зеленью муравы и дубравы повѣяло на гостей среди іюньской духоты, стоявшей въ Астрахани... Но вдругъ очарованье изчезло!.. Вмѣсто соловья заголосило что-то дикое, нелѣпое, грубое и, хотя ясно сказалась жгучая боль и слышался вопль страданья, но онъ не могъ тронуть сердца человѣка и не вызывалъ жалости или сочувствія... Заревѣла бѣлуга и шибко, но мягко шлепала хвостомъ по песку... Раскатистый хохотъ гостей даже заглушилъ эту бѣлугу. Затѣмъ хозяинъ попросилъ Варваци «одолжить» и мигнулъ на другую горницу... Офицеръ вышелъ. Гости притихли и стали прислушиваться. Въ сосѣдней горницѣ послышалась бесѣда:

— Полагательно надо думать, что это раскольничье дѣло. Я бы, по вашей ввѣренной вамъ власти въ краѣ семъ, всѣхъ сихъ отщепенцевъ подъ судную избу отправилъ!—говорилъ одинъ голосъ.

— Безпремѣнно укажу... Я давно на нихъ глазъ имѣю... Да все вотъ недосугъ...

— Время дорого, воевода... Колебаніе народное произойдти можетъ.

— Завтра же я укажу... А то послѣзавтрева—безпремѣнно.

И снова общій смѣхъ заглушилъ слова этихъ двухъ собесѣдниковъ въ сосѣдней горницѣ... сидѣвшихъ, однако, тутъ же за столомъ и захохотавшихъ надъ собой пуще другихъ... И Ржевскій съ Дашковымъ дивились пуще всѣхъ... Они сами не могли бы такъ «сходственно» заговорить. Да и самый характеръ предполагаемой бесѣды былъ вѣрно подмѣченъ офицеромъ.

Гости пировали долго и поздно засидѣлись у новорожденнаго.

Воевода успѣлъ разъ шесть соснуть крѣпко, но домой, всетаки, не собрался, чтобы не обижать хозяина. Добродушный Ржевскій, конечно, и не воображалъ, что полковникъ мѣтитъ на его мѣсто — воеводы.

Уже ввечеру, когда изъ всѣхъ гостей Пожарскаго оставалось не болѣе десяти человѣкъ, бесѣда перемѣнилась и приняла болѣе дѣльное направленіе. Въ числѣ засидѣвшихся были Дашковъ и Кисельниковъ, и они-то двое и были виновниками, и руководителями важныхъ матерій, обсуждаемыхъ послѣ цѣлаго дня болтовни. Дашковъ разсказалъ, между прочимъ, что къ нему на постройку часто навѣдываются разные обыватели и спрашиваютъ: «Будетъ ли оное созданіе православнымъ монастыремъ, или нѣмецкой киркой, какъ ходитъ слухъ?». Разговоръ перешелъ на любимую тэму Кисельникова. Говорить объ астраханскихъ слухахъ—матерія была для него неисчерпаемая: посадскій не умолкалъ битый часъ и все помянулъ, чуть не за сто лѣтъ. Онъ вспомнилъ даже слухъ объ индѣйскомъ идолѣ, святомъ болванѣ, который вдругъ забеременѣлъ и родилъ чудомъ въ разъ: морскаго верблюда, трехъ костромскихъ бабъ, дюжину Гишпанскихъ лягухъ и глиняный горшокъ съ яхонтовой ручкой.

Дашковъ передъ прощаніемъ заявилъ, что намѣренъ жаловаться воеводѣ письменной бумагой на пономаря Никольской церкви Бесѣдина за распространеніе смутительнаго слуха о строящейся обители.

Наконецъ, домъ Пожарскаго опустѣлъ, потемнѣлъ и стихъ. Уже засыпая, полковникъ заявилъ женѣ:

— Эхъ, Агаѳья Марковна, кабы бы я былъ воеводой теперь, всю бы нонѣшнюю затрату въ одно утро вернулъ!

XV.

Однажды, около полудня, два стрѣльца отворили желѣзную дверь ямы и стали звать двухъ заключенныхъ къ допросу. Они выкрикивали изъ всей мочи два имени.

— Васька Костинъ! Степка Барчуковъ!

Нескоро во мракѣ и за гуломъ голосовъ заключенныхъ отыскались двое, отвѣтившіе на призывъ.

— Ну, прости, бѣдняга. Держись крѣпче. Не наговаривай на себя... произносилъ грустнымъ голосомъ Партановъ, обнимая пріятеля.

— Что жъ дѣлать-то?.. Дѣлать что? Научи!—бормоталъ растерявшійся Барчуковъ.

— Ничего не подѣлаешь. Милосердія проси не проси—не выпросишь,—отвѣчалъ Лучка.—А сказываю тебѣ, на дыбѣ иль отъ инаго

какого пристрастья, не малодушествуй и не наговаривай на себя попусту. Оно легче на время, отпустятъ пытать, а помѣтивши чернилами на бумагѣ твое якобы сознанье въ винахъ своихъ, опять примутся за тебя.

— Степка Барчуковъ! Лѣшій треклятый! —оралъ стрѣлецъ среди мрака.—Ищи его, вы! Толкай его сюда, дьяволы вы эдакіе!..

— Сейчасъ!—крикнулъ Партановъ.—Идетъ... И онъ снова заговорилъ быстро пріятелю:

— Вѣстимое дѣло, тебя на допросъ вызываютъ. Начнутъ пытать. Стой на своемъ: невиноватъ. Изломаютъ—да что жъ дѣлать. А начнешь на себя наговаривать отъ ломоты въ костяхъ—совсѣмъ пропалъ. Ну, иди...

— Ахъ Господи... Да за что жъ все это!.. взмолился молодой малый и чуть не всплакнулъ.

— Барчуковъ! Степанъ! Чортово колесо! Аль тебя бердышемъ пойдти разыскивать?—крикнулъ уже ближе разсерженный голосъ.

— Иду! Иду!.. отозвался Степанъ и двинулся ощупью среди тьмы и рядовъ сидящихъ на полу.

Стрѣльцы, при его приближеніи, начали ругаться и желать парню всякой всячины—и треснуть, и лопнуть, и подохнуть, и провалиться сквозь землю.

Дверь снова загудѣла и захлопнулась, а два стрѣльца и двое арестантовъ стали подниматься по каменной лѣстницѣ, на которой съ каждымъ шагомъ становилось свѣтлѣе и какъ-то радостнѣе на душѣ отъ воздуха. На мгновенье, даже забывъ страхъ ожидаемой пытки, Барчуковъ жадно вдыхалъ полной грудью чистый воздухъ, какъ жаждущій пьетъ воду. Онъ даже пріободрился и поглядѣлъ на своего спутника, товарища по заключенью. Это былъ низенькій и приземистый человѣкъ, казалось, не старый, а весь сѣдой. Судя по зеленоватому лицу и по тому, какъ онъ щурилъ гнойные глаза отъ дневнаго свѣта,—видно было, что онъ уже давно сидитъ въ ямѣ. Онъ двигался медленно и пошатывался, какъ пьяный.

— Не могу!—хрипливо проговорилъ онъ, наконецъ, и вдругъ присѣлъ на ступени, почти упалъ...

Стрѣльцы остановились, не отвѣчая и почти не оборачиваясь на упавшаго. Они привыкли къ этому явленію. Надо было обождать. Это случалось постоянно. Спасибо еще, если, посидѣвъ, арестантъ встанетъ и самъ пойдетъ. Случалось, что, отсидѣвъ въ смрадной тѣснотѣ и темнотѣ мѣсяца два-три, заключенный не могъ идти совсѣмъ... И свѣтъ бьетъ въ глаза, заставляя жмуриться съ отвычки, и ноги какъ плетки подкашиваются и не несутъ легкаго, изможденнаго голодомъ тѣла.

Барчуковъ съ трепетомъ на сердцѣ глядѣлъ и на сидящаго, и на выходъ. Здѣсь былъ образчикъ того, чѣмъ можетъ сдѣлаться человѣкъ, заключенный долго въ ямѣ. А тамъ... Тамъ была дверь

въ судную горницу, гдѣ чинится допросъ виновному съ дыбой, плетьми, конькомъ... гдѣ ломаютъ кости и спускаютъ кожу съ живыхъ людей...

Барчуковъ замѣтилъ, что у него стучатъ зубы...

— Зачѣмъ меня?.. Куда меня?.. чрезъ силу выговорилъ онъ.

Стрѣльцы равнодушно оглянули парня.

— Не давно сѣлъ?.. спросилъ одинъ.

— Десять дней... Семь ли... Забылъ...

— За что?.. Убилъ?

— Нѣтъ, зря... Даже не воровалъ.

— Всѣ вы—зря... Васъ послушай...

— Ей Богу... Что жъ... Куда меня теперь указано?.. Въ пытку?

— Нѣтъ. Тебя къ подъячему Копылову... Должно, что нибудь особливое.

— Хуже пытки? — воскликнулъ испуганно Барчуковъ.

Стрѣльцы разсмѣялись голосу парня...

— А ты что, разстрига... Тебя и не узнаешь... сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ постарше, обращаясь къ старику.—Я тебя, помню, водилъ какъ-то зимой въ допросъ. Ты вѣдь разстрига изъ дьяконовъ, кажись?

— Да, — отозвался сидящій и чуть-чуть пріоткрылъ глаза, начинавшіе сносить кой-какъ свѣтъ.

Наступила пауза.

— Ну, скоро ль... Пробуй... Не до вечера же сидѣть... Вставай!— крикнулъ старшій изъ стрѣльцовъ.

Разстрига поднялся и тронулся снова за стражей, слегка швыряясь, какъ пьяный... Барчуковъ вздохнулъ глубоко и тоже двинулся.

— Что же со мной будетъ! Не въ судную избу, а къ подьяку... Что же это?—повторялъ онъ мысленно.

Они вышли на улицу... Свѣтъ, солнце... Бѣлыя облачка на синемъ небѣ... Движенье и говоръ мимоидущихъ прохожихъ, всѣ голоса которыхъ показались Барчукову веселыми. Офицеръ, проѣхавшій на гнѣдомъ конѣ... Трое ребятишекъ, дравшихся шибко изъза найденнаго клочка бумаги. Все съ разу увидѣлъ и перечувствовалъ Барчуковъ. Все это радостное, счастливое, чудное, послѣ всего того, что пережилъ онъ за нѣсколько дней тамъ, подъ землей, въ смрадѣ и тьмѣ.

— Ну, сведи своего въ судную, да ворочайся въ правленье!— сказалъ старшій стрѣлецъ товарищу, указывая глазами на разстригу... За этимъ, гляди, дольше простоимъ у подьяка.

— Я живо...

Стрѣльцы и острожные раздѣлились. Барчуковъ со старшимъ двинулся къ знакомому подъѣзду воеводскаго правленія.

Когда Барчуковъ вошелъ въ прихожую, гдѣ еще недавно ждалъ

воеводу, чтобы подать свой выправленный якобы въ Москвѣ письменный видъ, — ему бросилась въ глаза знакомая фигура, сидѣвшая на ларѣ.

Онъ ахнулъ невольно.

Фигура поднялась и, добродушно ухмыляясь, подошла къ нему. Это была Настасья.

— Что Варвара Климовна? — воскликнулъ парень.

— Что... Ничего. Слава Богу. Убивается только шибко. А вотъ тебѣ... Отъ нея... Наияоминъ по ней...

И Настасья передала Барчукову красный шелковый платокъ, который хорошо зналъ молодецъ. Его всегда носила на шеѣ Варюша. Любимая вещь была прислана съ Настасьей, какъ доказательство, что она помнитъ... не забыла... мучается...

Барчуковъ понялъ этотъ восточный обычай, пробравшійся въ полу-татарку Астрахань и уцѣлѣвшій еще отъ ханскихъ временъ. Молодецъ взялъ платокъ, засунулъ за пазуху, и слезы показались на его глазахъ.

— Скажи... Скажи ей... началъ было молодой малый, но махнулъ рукой и выговорилъ: — да, что говорить... Вотъ что вышло...

— Богъ милостивъ. Ты не кручинься... Сударушка указала тебя обнадежить. Скажи, говоритъ, ничего не пожалѣю для Степана... Хоть опять топиться побѣгу, и ужъ второй разъ не выудятъ изъ рѣчки.

Это утѣшенье плохо подѣйствовало на молодца и не ободрило его.

Между тѣмъ стрѣлецъ уже давно велѣлъ доложить подьяку объ острожномъ.

Вышелъ, наконецъ, какой-то худой и кривой калмыкъ и крикнулъ картаво:

— Котолый — тутъ Балсюковъ?

— Балсюкова нѣту, а вотъ Барчукова бери? — пошутилъ стрѣлецъ.

— Ну, сагай за мной, воловское сѣмя, — сказалъ важно калмыкъ и повелъ Барчукова чрезъ длинный корридоръ, гдѣ онъ еще никогда не бывалъ.

Въ концѣ этого темнаго и грязнаго корридора, который, однако, показался Барчукову послѣ ямы свѣтлѣе и чище бѣленаго полотна, — калмыкъ остановился и ткнулъ въ дверь пальцемъ.

— Плоходи... Здѣсь подьякъ. Я плиду, когда позовёсъ.

Барчуковъ вошелъ въ горницу, низенькую и маленькую, въ одно окно со шкафами и скамьями по стѣнамъ. По срединѣ стоялъ столъ, какъ у воеводы, а на немъ лежали книги и исписанныя тетради.

Подьякъ Копыловъ сидѣлъ за этимъ столомъ, нагнувшись, уткнувъ носъ въ бумагу, и, сопя какъ кузнечный мѣхъ, выри-

совывалъ старательно и медленно, поскрипывая перомъ, крупныя литеры.

— Степанъ... Ты?.. Барчуковъ? — строго выговорилъ Копыловъ, не подымая ни головы, ни глазъ на вошедшаго.

— Я...

— Гдѣ жилъ до заключенія?

— Только что вернулся было въ городъ изъ Москвы.

— Прежде-то гдѣ жилъ.

— У ватажника Ананьева.

— Варвару Климовну знаешь?..

Барчуковъ пробормоталъ что-то... Вопросъ этотъ былъ для него сомнительнымъ, ибо былъ, казалось ему, страннымъ голосомъ произнесенъ.

— Ну, то-то... гусь! — проворчалъ Копыловъ, какъ бы получивъ уже требуемый отвѣтъ. — То-то, крапива!

Подьякъ заткнулъ перо за ухо, выпрямился и, глянувъ на стоящаго у дверей парня, выговорилъ, ухмыляясь:

— Подойди... Ближе. Небось... Ближе.

Барчуковъ подвинулся.

— Въ ямѣ тѣсновато у васъ. А?

Барчуковъ развелъ руками. Что жъ было на это сказать. Всякій астраханецъ знаетъ, что такое яма.

— Да. И темненько. Зги не видно,—продолжалъ подьякъ.—Мѣсто совсѣмъ не спокойное и не утѣшное... Ну, говори, на волю хочешь?

Барчуковъ даже не понялъ вопроса.

— Хочешь освобожденіе получить? Ну, слушай, да въ оба слушай и въ оба гляди. Проворонишь и проморгаешь мою рѣчь, то набалванишь, и твоя же спина виноватая будетъ. А я чистъ и правъ.

И затѣмъ подьякъ толково и даже подробно объяснилъ Барчукову, что черезъ часъ ихъ, острожниковъ, въ числѣ трехъ дюжинъ поведутъ по городу ради сбора милостыни, и онъ можетъ воспользоваться прогулкой, чтобы бѣжать. Барчуковъ, озадаченный и подозрѣвая западню, хотѣлъ было заявить судейскому крючку о своихъ намѣреніяхъ дожидаться правильнаго суда и законнаго освобожденія. Но Копыловъ прикрикнулъ на молодца:

— Цыцъ, щенокъ! Коли я такъ научаю, такъ, стало, тому и быть слѣдуетъ. Что, ты будешь меня учить? Я эдакихъ, какъ ты, еженедѣльно выпускаю на волю. И, слава Богу, ни они на меня не злобствуютъ за то, что на свѣтъ Божій выскочили, ни я еще своему начальству не попадался въ просакъ. А за что я тебя хочу освободить отъ плети, покуда не твое дѣло. Послѣ самъ узнаешь.

Объяснивъ Барчукову, что онъ долженъ сговориться съ кѣмъ нибудь изъ острожниковъ, съ двумя—тремя, Копыловъ пояснилъ

ему, что его одного онъ выпустить не можетъ, дабы не было подозрѣнія. Надо, чтобы человѣка три самыхъ разношерстныхъ бѣжало вмѣстѣ.

— Я чаю, у тебя уже есть пріятели въ ямѣ?— спросилъ онъ.

— Есть,—нерѣшительно отвѣтилъ Барчуковъ, и, конечно, тутъ же сердце ёкнуло въ немъ при мысли, что онъ можетъ спасти и Партанова.

— Ну, вотъ сговоритесь вмѣстѣ и бѣжите.

— А стрѣльцы?—выговорилъ Барчуковъ.

— Не твое дѣло, дуракъ. Ты пень, что ли, совсѣмъ? Коли я тебѣ приказываю бѣжать, то, стало быть, понятно, и стрѣльцамъ, что нибудь прикажу. Ей-Богу, пень совсѣмъ малый. Ну, теперь слушай во всѣ уши. Теперь самая главная суть.

И подьякъ снова подробно объяснилъ Барчукову, что онъ долженъ черезъ два дня, если желаетъ быть на свободѣ, прійдти въ то же воеводское правленіе и повалиться въ ноги воеводѣ, отдаваясь опять во власть начальства. Барчуковъ невольно вытаращилъ глаза.

— Вѣрно я сказываю,—выговорилъ Копыловъ, слегка усмѣхаясь.—Совсѣмъ малый пень. Если бѣжать тебѣ такимъ способомъ, можешь ты въ Астрахани жить припѣваючи? Вѣдь не можешь, долженъ скрываться отъ насъ, или уходить изъ города. Коли хочешь такъ, иное дѣло. А вѣдь ты, пойди, пожелаешь жить около Варвары Ананьевой, вольнымъ человѣкомъ, отъ нашихъ глазъ не укрываться. Ну, стало быть, и дѣло долженъ наладить на законный путь. Вотъ когда ты въ ногахъ поваляешься у воеводы Тимоѳея Ивановича, да онъ тебя проститъ, то будешь уже ты не бѣглый. Понялъ ты, пень?

— А коли не проститъ и опять въ яму отправитъ?—проговорилъ Барчуковъ.

Подьячій треснулъ кулакомъ по столу.

— Экій куликъ проклятый. Знай все свое пищитъ. А хочешь сейчасъ въ яму идти, еще того проще? Коли я посылаю къ воеводѣ и по совѣсти, по душѣ, научаю, какимъ способомъ его ублажить, то, стало, такъ и слѣдуетъ. Не подводить же я тебя хочу. Смотри, что я съ тобой словъ зря потерялъ. Ну, пошелъ къ чорту.

И подьякъ снова взялся за перо.

— Куда же идти?—выговорилъ Барчуковъ съ радостнымъ чувствомъ на сердцѣ.

— Вѣстимо, въ яму. Тамъ сговоритесь. Еще двухъ—трехъ подъищи, вмѣстѣ въ кучу становитесь какъ выведутъ. А какъ увидите, что стрѣльцы зазѣвались, то стало, такъ и знай. Въ это мановеніе и пользуйся.

— А зѣвать-то ты ужъ имъ укажешь?—выговорилъ Барчуковъ.

— Пошелъ къ дьяволу. Дура! — крикнулъ подьякъ уже сердито.

Когда Барчуковъ былъ въ дверяхъ, Копыловъ прибавилъ:

— Тамъ въ прихожей стрѣлецъ отведетъ тебя въ яму. А черезъ часъ за вами придутъ.

— Господи помилуй! Господи помилуй!—взмолился Барчуковъ, крестясь и шибко двигаясь по корридору.— Вотъ обрадую Лучку...

XVI.

Въ тотъ же день, въ то время, когда благовѣстили къ вечернѣ, четыре человѣка вмѣстѣ скрывались въ грядахъ большаго огорода въ Шипиловой слободѣ. Это были бѣжавшіе изъ-подъ стражи Барчуковъ, Партановъ, Костинъ и неизвѣстный имъ человѣкъ. Доброму Барчукову изъ жалости такъ захотѣлось спасти вмѣстѣ съ собой несчастнаго разстригу, что онъ рисковалъ самъ не уйдти. Костинъ еле двигался на ногахъ. Барчуковъ вмѣстѣ съ пріятелемъ долженъ былъ въ минуту бѣгства подхватить маленькаго человѣчка подъ руки и чуть не волочить за собой.

Четвертый самъ присталъ къ бѣглецамъ, догадавшись, въ чемъ дѣло. Это былъ рослый и широкоплечій богатырь, по имени Шелудякъ, просидѣвшій восемь мѣсяцевъ въ ямѣ, но не побѣжденный ею. Здоровье его устояло и выдержало мракъ, тѣсноту и голодъ. Шелудякъ былъ извѣстный разбойникъ, грабившій и убивавшій проѣзжихъ между Краснымъ Яромъ и Астраханью. Онъ сидѣлъ уже въ ямѣ два раза и два раза бѣжалъ. Теперь былъ третій побѣгъ.

Узнавъ, кто ихъ случайный сотоварищъ по освобожденію, друзья пригорюнились. Этотъ злодѣй могъ какъ нибудь ихъ дѣло испортить, ибо могъ въ ту же ночь кого нибудь убить на улицахъ Астрахани. Воевода тогда озлится, подниметъ на ноги всѣхъ стрѣльцовъ и ужъ, конечно, не проститъ бѣглецовъ, а отправитъ снова въ заключеніе.

Бѣжали всѣ четверо, конечно, очень просто, такъ какъ два стрѣльца, шедшіе около нихъ, не только зазѣвались, а даже просто зашли въ кабакъ. Если бы выведенные острожники захотѣли разбѣжаться или могли бы бѣжать на своихъ отсиженныхъ ногахъ, то отъ всѣхъ выведенныхъ на прогулку за прошеніемъ подаянія, конечно, не осталось бы дюжины человѣкъ.

Спрятавшись теперь на огородѣ, четыре бѣгуна совѣщались, какъ быть, куда дѣваться. Партановъ, всегда живой, смѣтливый, былъ такъ радъ и доволенъ полученной свободѣ, что ничего придумать не могъ.

— У меня отъ радости гудитъ въ головѣ,— рѣшилъ онъ.

Отъ счастья очутиться на волѣ даже изморенный и изможденденный разстрига оживился и глядѣлъ бодро. Онъ меньше щу-

рился и голосъ его какъ будто успѣлъ окрѣпнуть. Онъ горячо благодарилъ Барчукова за помощь. Теперь, сидя на грядѣ около огромной тыквы, маленькій человѣкъ заговорилъ:

— За то, ребята, что вы меня изъ жалости увели съ собой, я теперь васъ тоже отблагодарю. Есть у меня такой человѣкъ въ городѣ, который дастъ мнѣ пріютъ. Богобоязненный, добрый человѣкъ. Я пойду къ нему и попрошу принять всѣхъ насъ четверыхъ, денька на два укрыть у себя. А тамъ видно будетъ.

Такъ какъ Барчуковъ не передалъ своимъ товарищамъ по бѣгству о томъ, что приказалъ ему сдѣлать черезъ два, три дня самъ подьякъ, то Костинъ и не зналъ, что̀ предполагалъ молодецъ сдѣлать.

— Какъ чуточку стемнѣетъ,—продолжалъ разстрига:—я схожу къ этому человѣчку доброму и попрошу его насъ укрыть. Его домъ тутъ шагахъ въ двухстахъ отъ насъ. Но только уговоръ, ребята. Святое слово вы всѣ скажете, что не будетъ ему отъ васъ никакого худа. Хорошее ли дѣло, если онъ насъ укроетъ, да мы же ограбимъ или убьемъ его?

— Что ты, Господь съ тобой!—воскликнулъ Барчуковъ.

— Я вотъ на счетъ этого,— выговорилъ Костинъ, указывая на Шелудяка.— Въ ямѣ всѣмъ вѣдомо, что онъ за человѣкъ. Онъ можетъ въ неурочный часъ и хозяина дома и насъ троихъ прирѣзать однимъ махомъ.

Шелудякъ сталъ клясться и божиться, что, хотя онъ и душегубъ по большимъ дорогамъ, но что эдакаго поганаго дѣла, чтобы своихъ товарищей или укрывателя убить не только онъ, но самый распропоганый индѣецъ не сдѣлаетъ.

— Да мнѣ только до вечера передохнуть, съѣсть хлѣбца малость, а за ночь я домой проберусь.

— Куда? — спросилъ Партановъ.

— Домой, подъ Красноярскъ.

— То-то, — усмѣхнулся Партановъ: — не въ городъ и подъ городъ, на большую дорогу. Тамъ у тебя домъ-то.

Шелудякъ расхохотался богатырски. Партановъ покачалъ головой.

— Чудной народъ. Только что спасся и опять завтра за душегубство, чтобы черезъ два, три мѣсяца въ яму опять попасть. Диковина!

— Что подѣлаешь,—страннымъ голосомъ выговорилъ богатырь.— Развѣ я бы не радъ, человѣче, стать хоть бы посадскимъ или купцомъ въ своемъ домѣ на слободѣ жить. Да что же? Ты мнѣ домъ подаришь или жену съ дѣтьми? Одинъ я какъ перстъ, ни кола, ни двора, вида письменнаго даже не имѣю. А работать не могу! Про работу,—и онъ грозно поднялъ кулакъ,—не смѣй мнѣ никто и сказывать. Убью за это. Не хочу я работать,—заоралъ онъ вдругъ,

выходя изъ себя и мѣняясь въ лицѣ.—Слышите вы, черти, не хочу я работать. Я самъ себѣ судья и воевода, почище вашихъ намѣстниковъ и митрополитовъ. Не хочу работать, и коли безъ работы жить нельзя, такъ я на большихъ дорогахъ ножемъ работаю и дубиной молочу.

Что-то диковинное, полубезумное сказалось и въ словахъ, и въ голосѣ, и въ лицѣ разбойника. Три товарища его пристально смотрѣли на разсвирѣпѣвшаго вдругъ безъ всякой причины душегуба.

Послѣ маленькой паузы, во время которой разстрига колебался, идти ли ему къ своему покровителю и вести ли туда душегуба, тотъ же разбойникъ Шелудякъ продолжалъ, какъ бы догадавшись.

— Слышь-ка ты, разстрига. Я звѣрь лютый, но Бога знаю и помню. Вѣдомо мнѣ, что буду я передъ Господомъ Богомъ отвѣтъ держать, когда мнѣ на Астрахани отрубитъ голову палачъ. Но вотъ я тебѣ скажу, не робѣй и безъ всякой опаски веди меня только до вечера, къ своему человѣку. Мухи я у него не трону и крохи хлѣба безъ его спросу въ ротъ не положу. Вотъ тебѣ, на, убей меня Мати Божія.

И разбойникъ началъ креститься, поднимая глаза на небо. Голосъ звучалъ искренностью и чувствомъ.

Къ сумеркамъ Костинъ былъ уже нѣсколько крѣпче на ногахъ и, уйдя съ огорода, пропалъ на цѣлый часъ. Потомъ онъ вернулся и позвалъ съ собой троихъ дожидавшихся его товарищей.

— А все же скажи, къ кому ты насъ ведешь?—проговорилъ Партановъ, какъ бы смущаясь, чтобы разстрига не наглупилъ.

— Зачѣмъ тебѣ? Сказано, добрый человѣкъ, укроетъ на два дня. Чего же еще?

— Нѣтъ, все же таки, говори, а то не пойду,—сказалъ Партановъ. — Я въ Астрахани всѣхъ знаю, стало и твоего добродѣтеля знаю. Къ предателю не заведи насъ.

— Изволь, скажу: — Грохъ.

— Вона какъ!—воскликнулъ Шелудякъ.

Бурчуковъ тоже удивился. Ему показалось страннымъ, что извѣстный въ городѣ посадскій человѣкъ Носовъ, такой важный, сумрачный на видъ, такой законникъ, и вдругъ способенъ укрывать у себя бѣглыхъ изъ ямы людей.

— Ну, не судьба,—выговорилъ разбойникъ.—Ступайте, братцы, я останусь.

— Что такъ? — отозвались товарищи.

— Не могу я къ Гроху идти, онъ мнѣ на это запретъ положилъ. Я ему божбу далъ, что никогда черезъ его околицу не переступлю, не перелѣзу ни днемъ, ни ночью, ни за добрымъ, ни за злымъ дѣломъ. Ступайте, а я тутъ какъ нибудь проваляюсь до ночи, а тамъ темнотой и хвачу изъ огорода. Только вотъ если бы кто нибудь изъ васъ, ради Христа, Сына Божія, прислалъ мнѣ сюда съ ка-

кимъ нибудь ребеночкомъ краюшку хлѣба, а то отощалъ сильно. Мнѣ вѣдъ верстовъ пятьдесятъ идти безъ передышки.

— Пришлю, — выговорилъ Партановъ. — А некого будетъ — самъ въ вечеру, какъ стемнѣетъ, принесу и хлѣба, и воды.

Трое бѣглыхъ двинулись огородами и пустыремъ, а разбойникъ остался и снова залегъ между двухъ высокихъ грядъ.

Бѣглые вошли въ дворъ дома Носова съ задняго хода, черезъ пустырь и пришли прямо въ клѣть, гдѣ было заперто нѣсколько барановъ. Не прошло и получасу, какъ къ нимъ медленной, степенной походкой пришелъ самъ хозяинъ Грохъ. Пристальнымъ и проницательнымъ взглядомъ оглядѣлъ онъ онъ обоихъ товарищей разстриги и, казалось, въ одно мгновеніе узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ какъ будто прочелъ у каждаго насквозь все, что у него было на душѣ.

— Я тебя видѣлъ, — проговорилъ онъ тихо, обращаясь къ Партанову.

— Какъ не видать, и я тебя знаю, хозяинъ. Тысячу разовъ въ Астрахани встрѣчались.

— Э, я помню, — аманатъ.

Партановъ слегка вспыхнулъ. Онъ не любилъ, когда ему напоминали это.

— Да, былъ, да уже давно сплылъ и пересталъ быть, — проговорилъ онъ угрюмо.

— Ну, что же оставайтесь у меня денька два, а тамъ видно будетъ, что̀ вамъ дѣлать.

— Да мы, хозяинъ, знаемъ, что намъ дѣлать, — сказалъ Барчуковъ и тутъ же просто и искренно разсказалъ Носову все, что ему было приказано Копыловымъ. Носовъ, выслушавъ, усмѣхнулся, что бывало съ нимъ чуть ли не разъ въ мѣсяцъ, и улыбка его, будто отъ непривычки губъ, была какая-то особенная, злая. На этотъ разъ Грохъ дѣйствительно злобно усмѣхнулся.

— Сотни людей загубляютъ пыткой, — думалось ему: — тысячи людей погибаютъ у нихъ въ ямѣ отъ сидѣнья, безвинно, зря, а захотятъ, тоже зря выпускаютъ, кого вздумается, сами побѣгъ устраиваютъ. Правители!!

И онъ прибавилъ уже вслухъ:

— Да, правители!

Разспросивъ бѣглецовъ подробнѣе, кто они и что намѣрены дѣлать послѣ полнаго освобожденія, то есть прощенія воеводы, Носовъ узналъ, что четвертый бѣглецъ не пошелъ къ нему, и что это разбойникъ Шелудякъ. Грохъ поникнулъ головой, задумался, даже засопѣлъ, а черезъ мгновеніе вздохнулъ глубоко и проговорилъ вслухъ, но какъ бы самъ себѣ:

— Да, душегубъ, Каинъ, дьяволово навожденіе на землѣ, а, гляди, въ иныхъ дѣлахъ прямодушнѣе и достойнѣе самихъ нашихъ

правителей. Вотъ что, молодецъ,—обратился Грохъ къ Партанову:— ты вызывался сбѣгать снести ему хлѣба и воды. Такъ уже все одно, сбѣгай за нимъ и веди сюда. Скажи ему, что я съ него клятву сымаю, пускай идетъ. Что за дѣло было между нами, какой переплетъ былъ, то, скажи, Грохъ запамятовалъ и его нынѣ хоть недѣлю цѣлую укрывать будетъ. Когда самъ Господь Іисусъ Христосъ на крестѣ разбойника простилъ, такъ я уже, грѣшный человѣкъ, истомленный тоже будто на крестѣ, гдѣ мнѣ сердце распинаютъ, могу тоже разбойника лютаго простить и къ себѣ въ домъ взять.

Голосъ Гроха при этихъ словахъ звучалъ такъ диковинно, что трое бѣглецовъ поняли, какая въ груди хозяина буря поднялась. Будто вспомнилъ онъ что-то и злоба заклокотала въ немъ.

Въ этотъ же вечеръ четверо бѣжавшихъ каторжниковъ сидѣли въ небольшой горницѣ въ подвальномъ этажѣ дома Носова. Они уже сыто поѣли. Разстрига давно дремалъ и клевалъ носомъ, но за то другіе трое вели тихую бесѣду осторожно и вполголоса съ самимъ хозяиномъ, сидѣвшимъ передъ ними. Грохъ вышелъ изъ дому, объявивъ домочадцамъ, что идетъ въ гости, а самъ, обойдя пустырь, проникъ въ подвалъ къ своимъ гостямъ, изъ которыхъ понравились ему особенно двое... Многіе знакомцы и друзья Гроха въ городѣ, знавшіе его, какъ угрюмаго и молчаливаго человѣка, подивились бы, какъ словоохотливо и красно толковалъ теперь Грохъ Партанову о томъ, что порядки на Руси таковы, при коихъ доброму человѣку житья нѣтъ, а ложись да умирай.

Часа три пробесѣдовали новые знакомые и разстались чуть не друзьями.

— Славныхъ два молодца попались мнѣ,—думалъ Грохъ, уходя отъ гостей и пробираясь тѣмъ же пустыремъ.—Если мнѣ начать счетъ сводить, то изъ всѣхъ двухъ сотенъ, что я подобралъ, эти будутъ изъ лучшихъ. Да, ребята хорошіе.—И, подумавъ, Носовъ прибавилъ:

— А домъ-то, всетаки, продаешь, изъ гнѣзда бѣжишь, потому что, всетаки, подѣлать ничего не можешь.

Грохъ вздохнулъ, остановился и, поднявъ голову, сталъ глядѣть на звѣздное ночное небо.

— Какъ тамъ у васъ-то, звѣздочки, ладно да хорошо,—шепнулъ онъ самъ себѣ.—А у насъ-то, у насъ что творится! Ржевскій—воеводой, правителемъ, а я вотъ, Грохъ, посадскій, а, гляди, черезъ мѣсяцъ и вовсе шатуномъ буду по всей Руси.

XVII.

Черезъ два дня по освобожденіи, какъ было указано подьякомъ, Барчуковъ, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и Партановъ, отправились

оба въ кремль, около полудня, прямо въ воеводское правленіе. Барчуковъ смущался и все повторялъ:

— А ну, какъ онъ насъ въ яму пошлетъ?

Партановъ, наоборотъ, былъ совершенно спокоенъ и увѣренъ, что это все ихнія судейскія хитросплетенія.

— Воры они и алтынники, Степушка, — говорилъ Партановъ пріятелю. — Гляди, не мы первые эдакъ-то выпущены изъ ямы. Но живъ я не буду, покуда не разузнаю, какъ и за что тебя подьякъ освободилъ. Это, братецъ ты мой, хитрая хитрость. Ужъ кто нибудь тебя да выкупилъ. А спасибо тебѣ, и я на волю попалъ.

Барчуковъ давно уже думалъ, что Варюша этому дѣлу причастна, что не даромъ онъ видѣлъ въ прихожей воеводы Настасью. Но, не смотря на новыя дружескія отношенія съ Партановымъ, молодецъ, всетаки, не хотѣлъ признаться и передать ему свои соображенія. Даже имя возлюбленной онъ ни разу не упомянулъ въ ямѣ при бесѣдѣ съ Лучкой. Онъ подробно и не разъ передалъ ему всѣ свои приключенія, но, всетаки, Ананьевыхъ не поминалъ.

Разстрига остался дома и не пошелъ съ ними къ воеводѣ просить прощенія, такъ какъ чувствовалъ себя совсѣмъ скверно и чуть не собирался уже умирать. Хорошая пища въ волю, свѣтъ и воздухъ подѣйствовали на изнуреннаго заключеніемъ пожилаго человѣка, казалось, какъ бы ядовито. Онъ совершенно разнемогся и лежалъ, изрѣдка впадая въ бредъ.

Шелудякъ и подавно не захотѣлъ показываться воеводѣ на глаза, такъ какъ зналъ, что его уже никакъ власти не простятъ и послѣ третьяго побѣга засадятъ въ яму уже на цѣпи. Партановъ и менѣе смѣтливый Барчуковъ оба равно смекали, что между Грохомъ и душегубомъ есть что-то чудное, загадочное. Грохъ странно обращался съ этимъ разбойникомъ, у котораго на совѣсти было много человѣческихъ жизней. Какъ-то особенно холодно и ласково вмѣстѣ, свысока, но внимательно, будто духовникъ священникъ съ своимъ духовнымъ сыномъ, грѣхи котораго онъ знаетъ наизусть и котораго по неволѣ долженъ прощать.

Войдя въ кремль и приблизившись къ воеводскому правленію, друзья еще издали увидали на крыльцѣ самого воеводу. Тучный Тимоѳей Ивановичъ сидѣлъ на вынесенной лавочкѣ въ прохладѣ, такъ какъ крыльцо дома было въ тѣни. Онъ сидѣлъ молча и неподвижно, упершись куда-то взоромъ, въ небо или на куполъ сосѣдней церкви, или же просто, закинувъ голову, дремалъ, какъ всегда. Тутъ же на лавочкѣ стоялъ, около него, кувшинчикъ съ квасомъ и стаканъ. Вокругъ вился рой мухъ и лазалъ по стакану, лавкѣ, по рукамъ и лицу властителя.

Площадь передъ правленіемъ была пустынна. Въ эту пору, благодаря жарѣ и часу отдохновенія большинства обитателей города, повсюду на улицахъ становилось тихо. Оба молодца подошли къ

самому крыльцу и оба чувствовали сильное смущеніе. Вѣдь отъ этого дремлющаго, очумѣвшаго отъ сна и бездѣлья человѣка зависитъ ихъ судьба, ихъ жизнь, проснется онъ сейчасъ, невѣдомо, какъ разсудитъ дѣло, зря разозлится и зря пошлетъ ихъ обратно въ яму.

Оба молодца, приблизившись къ ступенькамъ крыльца шагахъ въ пяти отъ сидящаго воеводы, упали на колѣни. Теперь только они разглядѣли вблизи, что глаза воеводы прищурены, можетъ быть, отъ дремы, а можетъ, просто отъ жары, а то и отъ лѣни глядѣть...

— Прости насъ, помилуй, помилосердуй, Тимоѳей Ивановичъ,— произнесъ Барчуковъ.

— Прости, помилуй, — прибавилъ и Партановъ на распѣвъ.

Оба они поклонились въ землю и приподняли снова головы отъ нижней каменной ступени, ожидая рѣшенія участи. Но воевода молчалъ, и они услышали вдругъ легкій сапъ. Воевода крѣпко спалъ, сидя.

— Ишь идоломъ какимъ раскапустился, — произнесъ Партановъ вслухъ, чуть не въ лицо заснувшему. Барчуковъ даже обмеръ отъ страху.

— Ей-Богу, идолъ. Гляди, Степа, рыло-то какое.

— Полно, — шепнулъ Барчуковъ.

— Чего полно, — громко говорилъ Партановъ. — Нешто, ты думаешь, этого идола разбудишь? Его теперь палкой по макушкѣ— и то не сразу въ чувство приведешь. Рыло-то, сдается, какъ у мертваго...

— Полно, ей-Богу, съ тобой бѣда, — шепталъ Барчуковъ.

Партановъ разсмѣялся и началъ умышленно кашлять. Но воевода все спалъ и сопѣлъ.

— Что жъ это? Пѣтухомъ, что ль, закричать?

И прежде, чѣмъ Барчуковъ успѣлъ пальцемъ двинуть, чтобы остановить пріятеля, Партановъ, какъ настоящій искусникъ и не хуже Варвации, такъ дивно прокричалъ «кукуреку» на всю площадь, что воевода раскрылъ глаза и мутнымъ взоромъ озирался вокругъ себя. Не даромъ онъ любилъ домашнихъ птицъ. Казалось, даже во снѣ воевода какъ знатокъ смекнулъ, что кричитъ самый породистый цицарскій пѣтухъ.

— Прости, помилосердуй, — заговорилъ Барчуковъ съ самымъ жалобнымъ лицомъ, и оба пріятеля снова повалились въ землю.

Не сразу Ржевскій сообразилъ въ чемъ дѣло. Ему уже, конечно, доложили, что изъ-подъ стражи бѣжало четыре человѣка, изъ которыхъ извѣстный разбойникъ Шелудякъ бѣжалъ уже не въ первый разъ. Воевода шибко злился; но пуще всего онъ былъ золъ за побѣгъ извѣстнаго въ краю душегуба, такъ какъ изъ-за него ему уже разъ былъ выговоръ съ Москвы. Если опять подъ

Краснымъ Яромъ начнутъ гибнуть проѣзжіе, опять пойдутъ жалобы, опять будетъ нахлобучка воеводѣ.

Такимъ образомъ, благодаря Шелудяку, бѣгство Партанова, Барчукова, а тѣмъ паче разстриги, неизвѣстно даже за что сидѣвшаго въ ямѣ, было Ржевскому—трынъ-травой. Наконецъ, воевода призналъ лица молодцевъ, хорошо ему знакомыхъ.

— А, вы, бѣгуны! Чего на глаза лѣзете! — проговорилъ, наконецъ, Тимоѳей Ивановичъ, какъ бы совсѣмъ приходя въ себя.

— Прости, помилуй,—сказалъ Барчуковъ и повторилъ слово въ слово то, что приказывалъ ему подьякъ. Совѣсть мѣшала ему оставаться на свободѣ и потому пришелъ онъ просить воеводу или милосердно простить его вину, или же по волѣ своей властной, государской, отправить его опять въ яму. То же повторилъ, почти тѣми же словами, и Партановъ.

Воевода сопѣлъ и молчалъ... Затѣмъ, онъ налилъ себѣ квасу, выпилъ стаканъ, потомъ налилъ другой и отпилъ еще половину, а остатокъ выхлестнулъ въ лице Барчукова. Шутка властителя свидѣтельствовала о томъ, что дѣло обстоитъ благополучно. Воевода, дѣйствительно, уже собирался сказать: «Ну, васъ, Богъ съ вами», но вдругъ повелъ какъ-то бровями и проговорилъ:

— Ладно, приведите мнѣ сообщника Шелудяка, и тогда я васъ прощу и освобожу.

— Гдѣ же его теперь найдти? Вмѣстѣ съ вѣтромъ бѣгать, не сыщешь,—заговорилъ Партановъ.—Онъ и бѣжалъ-то не съ нами, мы въ одну сторону, а онъ въ другую. Помилосердуй, гдѣ же намъ найдти его.

— Мое слово воеводино крѣпко,—заговорилъ Ржевскій.—Пошли, ищите душегуба, гдѣ хотите—по всей Астрахани, по всей округѣ, по всѣмъ приписнымъ городамъ астраханскимъ, хоть на Веницейское море идите, а словите мнѣ разбойника. Приведите вотъ сюда и получите прощеніе всѣмъ своимъ злодѣйствамъ. А покуда не смѣть на глаза мнѣ казаться. Не смѣть никакихъ воротъ кремлевскихъ переступать. Увижу, въ яму отправлю и на цѣпь посажу.

Къ удивленію Барчукова, Партановъ вдругъ согласился за обоихъ, сталъ даже благодарить воеводу и объявилъ, что они все свое усердіе приложатъ съ пріятелемъ, чтобы скорѣйше розыскать и привести душегуба Шелудяка.

— Ну, вотъ ладно, ступайте.

Когда друзья отошли на нѣкоторое растояніе отъ крыльца воеводскаго правленія, то Барчуковъ невольно воскликнулъ:

— Что ты очумѣлъ, что ли? Нѣшто можно? Хоть онъ и разбойникъ, а, всетаки, воля твоя, у меня сердца не хватитъ прійдти вотъ, свалить его, взять и тащить въ яму. Зачѣмъ ты пообѣщался? Все же таки, это—предательство. Ужъ лучше застрѣлить его, чѣмъ

предавать воеводѣ, лучше голову отрубить, чѣмъ онъ заживо сгніетъ въ ямѣ.

— Дурень, ты дурень, Степка. Нѐшто я выдавать буду Шелудяка? Ты пойми, что̀ воевода надумалъ. Выпустилъ насъ на волю не гуляющими людьми безъ алтына въ карманѣ, безъ крова, безъ хлѣба, а выпустилъ насъ якобы своими на службѣ у него состоящими повытчиками или сыщиками. Понялъ ты это, или нѣтъ? Мы вѣдь теперь сыщики, во всякій домъ влѣзать можемъ, всякаго добра требовать. Хочешь, вотъ сейчасъ въ любомъ домѣ я намъ обѣдать потребую. Сыщики де пришли отъ Тимоѳея Ивановича. Намъ де отъ него государскій указъ разыскивать двухъ или трехъ бѣжавшихъ разбойниковъ! Пойми, что намъ всюду дорога теперь, всюду, почетъ и страхъ. Мы съ тобой, братъ Степка, не только на волѣ, а мы важные люди. А когда-то бы душегуба разыщемъ, да когда-то къ воеводѣ приведемъ, то невѣдомо. Будетъ это, братецъ мой, можетъ какъ разъ дня за два, за три до свѣтопреставленія.

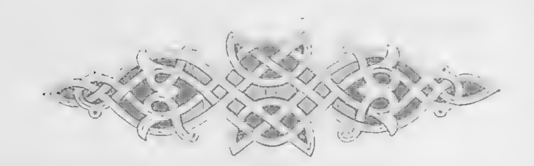
— А коли попадемся ему на глаза?—спросилъ Барчуковъ.

— Что же, попадемся,—заоретъ на насъ, а мы въ отвѣтъ: ищемъ, молъ. Да и опять же, братецъ мой, утро вечера мудренѣе. Что̀ черезъ недѣли двѣ будетъ съ нами или въ Астрахани, кто про то вѣдать можетъ. Можетъ, вся Астрахань къ тому времени провалится въ тартарары. Что впередъ-то загадывать!

Барчуковъ ничего не отвѣтилъ пріятелю, но рѣшилъ, однако, мысленно въ тотъ же вечеръ или на другой день повидать Копылова, или подослать къ нему кого нибудь, чтобы узнать, какъ быть въ виду указа воеводы. Вернувшись къ Носову, друзья узнали, что Шелудякъ уже изчезъ, вѣроятно, уйдя домой, т. е. на большую дорогу, къ Красному Яру.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА [1].

III.

Никольское. — Горнозаводчикъ Твердышевъ. — Н. И. Дурасовъ. — В. И. Григоровичъ. — Декабристъ Ивашевъ и Камилла Ledentu. — Докторъ Кельцъ. — Исторія семейства Кротковыхъ. — Праздникъ въ Никольскомъ. — Перемѣна въ образѣ жизни отца. — А. Л. Нарышкинъ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — С. А. Еропкина. — П. С. Яковлевъ. — Дядя графъ Л. И. Сологубъ и его семья. — Князь А. М. Горчаковъ. — Князь Г. С. Голицынъ. — Семейство Шуазель-Гуффье. — Князь Сергѣй (Ѳирсъ) Голицынъ и его чудачества. — 14 декабря 1825 года. — Императоръ Николай Павловичъ. — Мое поступленіе въ Дерптскій университетъ. — Образъ жизни русскихъ студентовъ. — Семейство Золотаревыхъ. — Знакомство съ Гоголемъ и Пушкинымъ. — Окончаніе курса въ Дерптскомъ университетѣ и возвращеніе въ Петербургъ. — Прискорбное недоразумѣніе съ М. Е. Салтыковымъ (Щедринымъ).

ДОМЪ въ Никольскомъ былъ огромный и построенъ на вѣка — изъ кирпича и желѣза. Онъ состоялъ изъ главнаго корпуса и четырехъ флигелей по угламъ. Передъ главнымъ фасадомъ, обращеннымъ къ красивой рѣкѣ Черемшану, располагался за желѣзной рѣшеткой цвѣтникъ, безъ цвѣтовъ. Съ другой стороны у противоположнаго фасада устроенъ былъ въѣзжій дворъ съ окружающимъ его каменнымъ заборомъ. За заборомъ тянулся на нѣсколько десятинъ огромный садъ — паркъ, раздѣляющій село на двѣ половины. Въ саду находились значительныя каменныя теплицы, но за то не было ни ве-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 321.

селой растительности, ни зеленыхъ лужаекъ, ни вѣковыхъ деревьевъ, ни живописныхъ видовъ; садъ былъ желтоватый, суровый, скучный, точно всегда отцвѣтающій. Вотъ что было тому причиною. Русло Черемшана песчано до безобразія, на берегахъ его лежатъ большія пространства сыпучаго песку, напоминающія африканскую Сахару; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра песокъ вздымается и носится по воздуху тучами, не допуская ни свѣжести, ни свободы произрастанія. Мысль основать тутъ сады при огромной усадьбѣ была практическою нелѣпостью, но она возникла слѣдующимъ образомъ. Никольскимъ долгое время владѣлъ извѣстный въ свое время горнозаводскій промышленникъ милліонеръ Твердышевъ. Отъ него пошли богатства Казицкихъ (княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская и графиня Лаваль), Пашковыхъ, Дурасовыхъ. Твердышевъ владѣлъ и Никольскимъ и окружающими его вотчинами. Въ пунктѣ центральномъ онъ воздвигнулъ цѣнную усадьбу, причемъ вальяжность и обширность имѣлись несравненно болѣе въ виду, чѣмъ уютность и красота. Церковь, хоромы съ флигелями, манежъ и конный заводъ возникли каменные съ желѣзными связями, выписанными изъ уральскихъ собственныхъ заводовъ.

Главная осѣдлость приняла основаніемъ рѣку, не смотря на неудобство ея береговъ. Все приняло размѣры купеческаго широкаго распоряженія. Громадный лѣсъ, чуть не въ 10,000 десятинъ, оставался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дома, рига и гумно отбросились версты на полторы. Къ амбарамъ надо было ѣхать на лошадяхъ; то, что въ другихъ имѣніяхъ отдѣляется саженями, тутъ отдѣлялось верстами. Я отъ того такъ подробно описываю Никольское, что я имъ отъ матушки наслѣдовалъ, и оно безсмысленнымъ, неудобнымъ расположеніемъ, своею несимпатичностью, много повліяло на мою судьбу. Впрочемъ, самъ Твердышевъ, какъ кажется, никогда не жилъ въ Никольскомъ и врядъ ли даже когда нибудь бывалъ въ немъ. Туда изрѣдка наѣзжалъ его преемникъ, Николай Алексѣевичъ Дурасовъ, человѣкъ тоже весьма богатый и чрезвычайно хлѣбосольный. Въ Москвѣ долго славилась его баснословная стерляжья уха, подаваемая въ честь «голубенькихъ» и «красненькихъ», то есть въ честь Андреевскихъ и Александровскихъ кавалеровъ. Въ Никольскомъ въ то время были еще другія затѣи, свой доморощенный театръ, своя доморощенная музыка. Къ Дурасову съѣзжалось дворянство трехъ губерній, и онъ устроивалъ пиры уже съ черемшанскими стерлядями, давно теперь разбѣжавшимися отъ устройства мельницы. Послѣ Дурасова Никольское перешло въ руки братьевъ Обрѣзковыхъ, отъ которыхъ оно и было пріобрѣтено на имя матушки черезъ посредничество Захара Николаевича Посникова. Нашъ управляющій Василій Ильичъ Григоровичъ былъ, что называется, мастеръ своего дѣла; я поговорю о немъ подробно, потому что онъ родитель Дмит-

рія Васильевича Григоровича, составившаго себѣ громкую извѣстность и на литературномъ, и на художественномъ поприщѣ. Василій Ильичъ былъ человѣкъ очень типическій, своеобразный.

Онъ былъ не великъ ростомъ, сухопарый, крѣпко сложенный, гладко выбритый и подстриженный; во всей его фигурѣ проглядывалъ отставной кавалеристъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Здоровья онъ былъ изумительнаго и дѣятельности необычайной.

Едва займется заря, ужъ онъ на конѣ скачетъ на работы, приказываетъ, распоряжается, журитъ. Крестьяне его побаивались, но обращались къ нему за совѣтами по своему собственному хозяйству, что для крестьянскаго упрямаго самолюбія образуетъ высшую степень уваженія. Живо помню, какъ вечеромъ Василій Ильичъ въ сѣромъ застегнутомъ по военному сюртукѣ приходилъ въ кабинетъ отца бесѣдовать о хозяйствѣ. Говорилъ онъ отрывисто и дѣльно. Родомъ онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, долго служилъ въ кавалеріи, дослужился до чина полковника и вышелъ въ отставку по непреодолимой страсти къ сельскому хозяйству; онъ любилъ агрономію, какъ музыкантъ любитъ музыку и живописецъ живопись. Женатъ былъ Василій Ильичъ на Сидоніи Петровнѣ Ledentu, дочери почтенной Madame Ledentu, воспитательницы дочерей богатаго симбирскаго помѣщика генерала Ивашева. Ростомъ Сидонія Петровна была высокая, худая, отчего держалась немного сгорбленно, но лицо имѣла очень пріятное и умное; мы ее, какъ и мужа ея, очень любили. Во время нашего пребыванія въ Никольскомъ, къ Сидоніи Петровнѣ пріѣзжала ея младшая сестра, Камилла Петровна, прелестная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, призванная, увы! къ очень романической и очень печальной судьбѣ. Я сказалъ выше, что г-жа Ledentu воспитывала дочерей генерала Ивашева. Единственный сынъ Ивашевыхъ, служившій въ Петербургѣ, навѣщалъ своихъ родныхъ въ деревнѣ; онъ влюбился въ Камиллу Петровну, но старики на этотъ бракъ не согласились; такъ прошло около года. Вдругъ на Ивашевыхъ обрушился ударъ громовый, молодой человѣкъ оказался участникомъ въ заговорѣ 14-го декабря; судъ приговорилъ его въ ссылку на каторгу. Тогда Камилла Петровна заявила, что она готова за нимъ слѣдовать. Старушка мать отвезла ее въ Сибирь, гдѣ и состоялась ихъ свадьба. Оба умерли въ Сибири, оставивъ трехъ дѣтей, которыя впослѣдствіи возвратились въ Россію.

Въ Никольскомъ, во время управленія Василія Ильича, царствовало благоустройство, составившее даже эпоху въ исторіи имѣнія, но не было, какъ во многихъ тогда помѣстьяхъ, ни школъ, ни больницъ. Добрѣйшій отецъ мой особенно огорчался этимъ послѣднимъ и рѣшилъ немедленно этому горю помочь. Для больницы былъ очищенъ деревянный удобный домъ, служившій до того времени вотчинной конторой. Контора же перенеслась къ Черемшану, въ

одинъ изъ флигелей господскаго дома. Больница распредѣлилась на двѣ половины — мужскую и женскую, по срединѣ возникла аптека съ должными принадлежностями. Изъ Симбирска выписаны были кровати и вся нужная утварь. Устройствомъ больницы орудовалъ нашъ домашній докторъ Кельцъ. Скоро все пришло въ надлежащій порядокъ. Больницу освятили и привезли перваго больнаго. При этомъ приключилось забавное обстоятельство, характеризующее тогдашніе нравы. Первый больной рѣшительно не понималъ, что хотятъ съ нимъ дѣлать, сталъ чего-то страшиться и тосковать. Когда мой отецъ посѣтилъ его, онъ вскочилъ съ кровати на полъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшка, ваше сіятельство, — завопилъ онъ: — будьте отцомъ роднымъ, прикажите за себя вѣчно Богу молить! Позвольте меня домой отправить, человѣкъ я женатый, хозяйка моя горюетъ, ребятишки мои плачутъ. А я на свое мѣсто пришлю меньшаго брата, парень онъ еще холостой, здоровый!

Должно предполагать, что этотъ диковинный больной видѣлъ въ больницѣ новый видъ барщины. Другой случай оказался уже не забавный, а отвратительный, и не по невѣжеству мужика, а по безчеловѣчности просвѣщеннаго врача. Привезли еще другаго больнаго съ сильнымъ воспаленіемъ на ногѣ. Осмотрѣвъ его, отецъ спросилъ Кельца:

— Не поставить ли больному піявки?

— Непремѣнно поставить, — отвѣтилъ докторъ.

На другой день отецъ вернулся и съ досадой замѣтилъ, что больному гораздо хуже и что нога его страшно распухла. На вопросъ — ставили ли ему піявки? — онъ отвѣтилъ, «что одна приходила, немного покусала и ушла прочь». Оказалось, что изъ разумной экономіи не піявки были принесены къ больному, а больной былъ посланъ къ піявкамъ, то есть въ рѣку, гдѣ онъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ въ водѣ и піявкамъ не понравился.

Послѣдствіемъ такого дешеваго способа леченія было изгнаніе доктора Кельца изъ Никольскаго. Онъ исчезъ съ своимъ сѣрымъ фракомъ и гусарскими сапожками, и я никогда болѣе о немъ не слыхивалъ; его замѣнилъ при матушкѣ другой врачъ, имени котораго не припомню.

Между тѣмъ знакомство съ ближайшими сосѣдями установилось. Симбирская губернія была въ то время — губернія преимущественно дворянская. Отдаленность отъ Москвы при первобытности путей сообщенія была причиной, что богатые помѣщики лѣтомъ проживали въ своихъ имѣніяхъ, а на зиму переселялись съ семьями въ губернскій городъ, то есть Симбирскъ. Дворянство симбирское считалось образованнымъ, вліятельнымъ и богатымъ. Здѣсь я услыхалъ впервые имена Ивашевыхъ, Тургеневыхъ, Ермоловыхъ, Бестужевыхъ, Столыпиныхъ, Кротковыхъ, Киндяковыхъ, Татарино-

выхъ, Родіоновыхъ и многихъ другихъ. Между ними были люди замѣчательно просвѣщенные, но и встрѣчались также оригиналы, или, скорѣе, самодуры большой руки.

Сосѣдъ нашъ Дмитрій Степановичъ Кротковъ принадлежалъ ко второму разряду, то есть самодуровъ, и въ домѣ его происходили разныя безобразія. Онъ былъ человѣкомъ уже преклонныхъ лѣтъ, старшимъ братомъ Степана Степановича и Ивана Степановича, какъ и онъ самъ, богатыхъ симбирскихъ помѣщиковъ. Дмитрій Степановичъ слылъ хорошимъ хозяиномъ и былъ по природѣ человѣкомъ не дурнымъ, семейнымъ, чадолюбивымъ, хлѣбосольнымъ, но оборотная сторона медали была отвратительная. Имѣніе его Городище отстояло отъ Никольскаго всего въ двухъ верстахъ и представляло для помѣщичьей усадьбы несравненно болѣе удобства, чѣмъ наше помѣстье. Домъ, хотя и деревянный, стоялъ весело на холмѣ, его окружала почва растительная, твердая. Вблизи зеленѣла роща съ пчельниками, сзади темнѣлъ боръ; внизу извилисто текла рѣчка Черемшанъ. На дворѣ торчали кривые сѣрые амбары, лаяли гончія собаки, суетились съ бѣльемъ прачки, шлепали истоптанными башмаками комнатныя дѣвушки и въ числѣ ихъ самоварщица, исключительно приставленная къ самовару. Весь обиходъ скорѣе походилъ на цыганскій таборъ, чѣмъ на господскій дворъ. Въ домѣ, вправо отъ прихожей, располагалась половина барина. Въ первой комнатѣ, сколько мнѣ помнится безъ мебели, шевелилась на полу какая-то уродливая масса, безобразная, страшная... Это лежала въ убогихъ отрепьяхъ, едва прикрывающихъ ея голыя ноги, старая, грязная, смуглая, широколицая, сумасшедшая калмычка Стешка. Подлѣ нея на полу стоялъ ушатъ съ квасомъ. Какъ пойманный хищный звѣрь, она водила вокругъ комнаты озлобленными глазами, что-то бѣшено мурлыкала и поминутно встряхивала нечесанными и еще черными какъ смола волосами, висѣвшими клочьями вокругъ ея огромной головы. Около нея егозила и подпрыгивала другая дура Аришка съ бѣльмомъ на глазу и въ чепчикѣ, украшенномъ вербными цвѣточками. Грязное ея платье отличалось претензіями на щегольство и моду. Она болтала безъ умолку, перемѣшивая французскія слова съ русскими площадными. Была еще третья дура, имени которой не припомню, и два дурака. Днемъ они служили потѣхою, а ночью несли службу нелегкую. Отъ безпрерывнаго своего возбужденія спиртными напитками баринъ могъ спать только урывками, безпрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидѣли дураки и дуры съ обязанностью говорить, шумѣть, ссориться и даже драться между собою; тутъ же сидѣлъ и кучеръ съ арапникомъ. Какъ только отъ усталости и дремоты шумъ утихалъ, кучеръ долженъ былъ «поощрять» задремавшихъ арапникомъ,—гвалтъ начинался снова, и баринъ опять засыпалъ. Таковы бывали барскія ночи.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Кротковымъ, забѣгу впередъ и передамъ еще о нѣкоторыхъ случаяхъ, приключившихся впослѣдствіи. Дмитрію Степановичу принадлежало еще другое богатое помѣстье «Шигоны», на горной сторонѣ Черемшана; тутъ онъ выстроилъ великолѣпную каменную церковь. Обошлась она весьма дорого. Освященіе церкви воспослѣдовало торжественное, но хозяина, какъ разсказывали, привели подъ руки и на самое короткое время. Затѣмъ онъ въ Городище болѣе не возвращался, а жилъ или въ Шигонахъ, или въ Симбирскѣ, въ собственномъ домѣ. Управленіе Городищемъ онъ передалъ своему старшему сыну, Михаилу, неглупому и даже недурному малому, но, къ сожалѣнію, наслѣдовавшему слабости и привычки отца. Я въ то время по желанію матушки часто наѣзжалъ въ Никольское; это было, сколько я припоминаю, въ 1836-мъ году. Онъ затѣялъ съ нами тяжбу и для разрѣшенія оной предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Шигоны въ его экипажѣ. Я согласился и ничего не видѣлъ возмутительнѣе этой поѣздки. Ѣхали мы въ тарантасѣ, степью, и, къ счастью, никого не повстрѣчали, а то я бы умеръ со стыда. Съ нами сидѣли казачокъ съ фляжкой и кисетомъ черезъ плечо и нѣмой рослый дуракъ въ длинномъ балахонѣ сѣраго солдатскаго сукна; на капюшонѣ балахона торчали большіе сѣрые же суконные рога, а на спинѣ было грубо вышито краснымъ сукномъ слово «дуракъ». Михаилъ Дмитріевичъ во время пути то и дѣло командовалъ казачку: «въ зубы!»—это обозначало набить и подать ему трубку. Онъ то и дѣло также требовалъ водки, причемъ казачекъ наливалъ и подавалъ серебряную чарку. Михаилъ Дмитріевичъ чарки не выпивалъ до дна и остаткомъ водки брызгалъ дураку въ лицо, и тѣшился потомъ его гримасами. Когда же мы переправлялись черезъ Волгу и уже причаливали къ берегу, гребцамъ онъ отдалъ приказаніе бросить дурака въ воду. Я пришелъ въ негодованіе,—дѣло было въ исходѣ сентября,—но приказаніе, всетаки, было исполнено. Дуракъ барахтался, мычалъ, перепугался до полусмерти; когда его вытащили, онъ совсѣмъ было окоченѣлъ. Михаилъ Дмитріевичъ много этому смѣялся, смѣялись и гребцы.

Съ тѣхъ поръ я Михаила Дмитріевича болѣе не видѣлъ; не по силамъ ему было подражать отцу; онъ занемогъ горловою чахоткою и умеръ въ Симбирскѣ. При этомъ произошелъ случай знаменательный: когда его положили въ гробъ, то старика Кроткова привели проститься къ тѣлу сына; онъ зарыдалъ и громко воскликнулъ: «Миша, Миша, встань Миша! Пойдемъ, выпьемъ!» Нѣтъ юмористическаго писателя въ мірѣ, который осмѣлился бы придумать подобный драматическій эффектъ.

Кротковская легенда окончилась самымъ трагическимъ образомъ. Шигоны поступили во владѣніе третьяго сына, Дмитрія Степановича. Крестьяне взбунтовались, сожгли господскую усадьбу и бро-

сили молодаго помѣщика въ пламя! Само собою разумѣется, что, по прибытіи моихъ родителей въ Никольское, не могло бы установиться между ними и городищенскимъ помѣщикомъ дружественныхъ отношеній, если бы въ его домѣ не было другаго совершенно противорѣчащаго ему элемента. Женская половина его семейства была европейски образованная и, насколько было возможно, скрывала безобразный образъ жизни главы семейства. Супруга Дмитрія Степановича, Марья Ѳедоровна, неразъ бывала въ Петербургѣ и Москвѣ.

Уже въ лѣтахъ немолодыхъ, она сохранила остатки красоты, выписывала наряды съ Кузнецкаго моста изъ Москвы, выказывала нѣкоторую свѣтскость и любила, чтобы у нея веселились. Хотя и говорили, что при ней состояла тоже собственная дура, но это, видимо, допускалось «келейно», только въ угоду старинѣ, при свидѣтеляхъ же сохранялось тонкое приличіе, и городищенскіе съѣзды отличались радушіемъ, хлѣбосольствомъ и тономъ хорошаго общества. Тому много способствовало присутствіе въ домѣ замѣчательно умной, живой и образованной гувернантки француженки Mademoiselle Jeny, дѣвушки уже немолодой. Ея руководству поручалось воспитаніе трехъ дочерей Кротковыхъ: Александры, Елизаветы и Софіи.

Александрѣ Дмитріевнѣ минулъ въ то время семнадцатый годъ; она восхищала стройностью уже развитаго стана и миловидностью свѣжаго личика; когда впослѣдствіи я её увидѣлъ снова, я её ужъ не могъ узнать. Она вышла замужъ за А. В. Бестужева и, послѣ учащенныхъ родовъ, страшно растолстѣла. Вообще, въ то время деревенская халатная жизнь помѣщиковъ чрезвычайно содѣйствовала скорому утучненію прекраснаго пола; дворянки не уступали въ вѣсѣ купчихамъ. Другая сестра, Елизавета Дмитріевна, не отличалась здоровьемъ, и вскорѣ послѣ замужества съ П. С. Мельгуновымъ угасла еще въ очень молодыхъ лѣтахъ. Софья же Дмитріевна, въ дѣтствѣ тщедушная, обратилась въ роскошный типъ русской Матроны, вышла замужъ за М. П. Татищева, то же обзавелась семействомъ немалочисленнымъ и впослѣдствіи долго жила по зимамъ въ Москвѣ. Для брата и меня ничто не могло быть пріятнѣе общества двухъ меньшихъ сестеръ Кротковыхъ, почти намъ ровестницъ.

Знакомство завязалось самое дружеское — видались мы почти каждый день; по воскресеньямъ у Кротковыхъ устроивались танцы, домъ дрожалъ отъ кадрилей, вальсовъ, мазурокъ; я въ особенности отличался въ гроссъ-фатерѣ, стучалъ каблуками, билъ въ ладоши, доходилъ до изступленія; мой братъ былъ всегда несравненно сдержаннѣе, но тоже сильно веселился. По вечерамъ старикъ Дмитрій Степановичъ не показывался; онъ тѣшился, какъ я описалъ выше, со своими дураками и дурами. Въ то время къ Кротковымъ

пріѣзжали ихъ старшіе сыновья — Михаилъ, о которомъ я уже упоминалъ, и Николай. Оба служили въ армейской кавалеріи юнкерами; Михаилъ держалъ себя еще пристойно, а Николай былъ даже серьёзенъ, читалъ хорошія книги и нѣсколько философствовалъ; Гегель начиналъ тогда входить въ моду.

Между тѣмъ, отецъ мой не захотѣлъ отстать въ гостепріимствѣ и затѣялъ устроить въ Никольскомъ домашній спектакль.

Живописецъ Борисовъ оказалъ при этомъ чудеса; въ короткое время возникъ очень хорошенькій театръ съ декораціями, занавѣсью и всѣми нужными принадлежностями. Нашъ наставникъ Шарьеръ, всегда любившій блеснуть знаніемъ древней исторіи и классическихъ языковъ, присвоивалъ греческія именованія разнымъ мѣстамъ, пріуроченнымъ къ Никольскому. Такъ одинъ оврагъ онъ прозвалъ «Сижé», рощу онъ наименовалъ «Каллироэ»; Борисовъ этимъ воспользовался. По двумъ сторонамъ театральнаго портала, онъ изобразилъ двѣ статуи — одну съ подписью «Сижè», другую съ подписью «Каллироэ», что̀ возбудило общій хохотъ. Спектакль удался великолѣпно. Отецъ игралъ и пѣлъ превосходно. Отличалась и гувернантка Кротковыхъ m-lle Jeny, и старшая ихъ дочь Александра Дмитріевна. Исполнялась, во-первыхъ, сколько мнѣ помнится, пьеска Скриба «Ida» и еще двѣ другія.

17-го сентября, отецъ задалъ другой пиръ. Между церковью и господскимъ домомъ разставлены были столы для угощенія крестьянъ. Подъ балкономъ гремѣла выписанная полковая музыка. Изъ уѣзднаго города Ставрополя прибылъ съ офицерами полковникъ донскаго казачьяго квартировавшаго тамъ полка. Съѣхалось все сосѣдство, праздникъ вышелъ блистательный. Даже крестьянки — и тѣ принарядились для этого празднества, и на сохранившихся у меня рисункахъ Борисова, изображающихъ праздникъ, я вижу расшитые золотомъ кокошники и яркіе сарафаны. Крестьянки еще въ тѣ времена строго придерживались національнаго убора; впослѣдствіи, въ самомъ Никольскомъ, въ церкви, мнѣ случилось увидать жену зажиточнаго мужика въ розовомъ кисейномъ платьѣ и въ кринолинѣ. Празднованіе 17-го сентября было послѣднимъ днемъ пышности моего отца. Съ того дня онъ вдругъ измѣнилъ привычки своего широкаго барства. Онъ сдѣлалъ то, что немногіе сдѣлали въ Россіи; онъ остановился на краю окончательнаго раззоренія. Онъ имѣлъ твердость отказаться отъ фамильныхъ преданій, отъ личныхъ глубоко вкорененныхъ привычекъ. Никто такъ скоро, такъ равнодушно и такъ безтолково не раззоряется, какъ русскій человѣкъ. На моемъ вѣку я зналъ владѣтелей огромныхъ помѣстій, вельможныхъ дворцовъ, переполненныхъ сокровищами; я присутствовалъ на ихъ ослѣпительныхъ празднествахъ, изумляясь ихъ богатствамъ. и тѣхъ же самыхъ людей видѣлъ черезъ короткое время безъ пристанища, въ рубищахъ, чуть не просив-

шихъ милостыни, чтобы не умереть съ голода. Таковы примѣры Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, барона Крюднера, Похвистнева и многихъ, многихъ другихъ. И даже тѣ, которые не раззоряются, почти постоянно, не смотря на ихъ громадныя состоянія, нуждаются въ деньгахъ. Я много, въ первой молодости, слыхалъ отъ матушки разсказовъ о тароватости роднаго дяди моего отца, Александра Львовича Нарышкина, но, чтобы дать понятіе, во что обходилась ему эта тароватость, приведу къ примѣру слѣдующій случай: праздникъ, устроенный имъ на его дачѣ по Петергофской дорогѣ, праздникъ, описанный въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» того времени, былъ чудомъ великолѣпія. Государь Александръ I, присутствовавшій на этомъ праздникѣ, полюбопытствовалъ узнать, во что онъ обошелся.

— Ваше величество, въ 36,000 рублей,—отвѣтилъ Нарышкинъ.

— Неужели не болѣе!—съ удивленіемъ отозвался государь.

— Ваше величество,—замѣтилъ Нарышкинъ:—я заплатилъ только 36,000 рублей за гербовую бумагу подписанныхъ мною векселей!

Мнѣ говорили,—не знаю, насколько это вѣрно,—что нѣсколько времени спустя императоръ прислалъ Нарышкину альбомъ, или, скорѣе, книгу, въ которую вплетены были 100,000 рублей ассигнаціями. Нарышкинъ, всегда славившійся своимъ остроуміемъ и находчивостью, поручилъ передать императору свою глубочайшую признательность и присовокупилъ: «что сочиненіе очень интересное и желательно бы получить продолженіе». Говорятъ, государь и вторично прислалъ такую же книгу съ вплетенными въ нее ста тысячами, но приказалъ прибавить, что «изданіе окончено».

Впрочемъ, Александръ Львовичъ не раззорился и, хотя сильно разстроилъ свои дѣла, всетаки, оставилъ своимъ сыновьямъ Кириллу и Льву Александровичамъ большое богатство. Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о нашемъ имуществѣ; отъ громаднаго Сологубовскаго состоянія уцѣлѣла только сумма, на которую пріобрѣтено было Никольское. Дядя мой графъ Левъ Ивановичъ Сологубъ управлялъ общимъ съ братомъ—моимъ отцомъ—послѣднимъ оставшимся у нихъ имѣніемъ, впрочемъ, еще значительнымъ, и состоявшимъ изъ 17,000 душъ, пріуроченныхъ къ извѣстному мѣстечку «Горы-Горки», въ Могилевской губерніи. Онъ пожелалъ откупить долю отца, но такъ какъ имѣніе было уже заложено, то дополнительная отъ казны ссуда могла быть выдана только съ соизволенія самого императора. Таковое соизволеніе воспослѣдовало, и, какъ я уже говорилъ, Никольское было куплено на имя матушки. Вотъ почему, со дня возвращенія нашего изъ деревни въ Петербургъ, нашъ образъ жизни совершенно измѣнился. Пріемы, обѣды, выѣзды прекратились и замѣнились тѣснымъ кругомъ семейной жизни. Домъ на набережной былъ проданъ. Васильчиковы

же купили домъ на Большой Морской, такъ какъ ихъ состояніе увеличилось вслѣдствіе наслѣдства, полученнаго послѣ кончины графа Разумовскаго. Въ этотъ домъ они и переѣхали, а мы ихъ замѣнили въ общемъ помѣщеніи съ бабушкой Архаровой, для чего былъ нанятъ на Моховой пространный бель-этажъ дома Мальцова. Удобства здѣсь было много: прекрасная домовая церковь, обширный садъ, въ которомъ мы играли съ дѣтьми сосѣдей Мартыновыхъ. Въ квартирѣ, между прочимъ, была и теплица для тропическихъ растеній, но тропическихъ растеній у бабушки не оказалось; купить ихъ старушка, всегда разсчетливая, не захотѣла, а съ свойственнымъ ей добродушіемъ замѣтила своимъ знакомымъ, что они могли бы каждый поднести ей по «горшечку» зелени на новоселье. На другой же день оранжерея обратилась въ цвѣтущій садъ. Во времена пребыванія нашего въ Мальцовскомъ домѣ, я припоминаю нѣсколько оригинальныхъ личностей.

Во-первыхъ, помню старую дѣву, Софью Алексѣевну Еропкину, монументальную старуху, лѣтъ семидесяти. Она отличалась тѣмъ, что гнушалась экипажей и во всякую погоду двигалась пѣшкомъ. Шляпокъ она тоже не допускала и ходила по улицамъ въ чепчикѣ, съ огромнымъ бантомъ на самомъ темени; зимой поверхъ чепца, она надѣвала шерстяной вязанный платокъ. Подъ оборками чепца располагались симметрично взбитыя и бѣлыя какъ лунь букли; лицо Софьи Алексѣевны, не смотря на ея лѣта, было еще свѣжее, румяное, съ правильнымъ носомъ и обликомъ бурбоновскаго типа. Въ молодости она слыла красавицей, когда же мы ее знали, голова ея тряслась безостановочно, но ходила она еще бодро, опираясь на высокій костыль. Бывало, бабушка еще разъѣзжаетъ въ своемъ знаменитомъ рыдванѣ по городу, а Еропкина уже заблаговременно и величественно приплелась къ обѣду. Сидитъ она одна у стола въ гостиной и еще бойко вяжетъ шерстяной чулокъ, всегда что-то припоминаетъ и сама съ собою разговариваетъ. О дѣятеляхъ великаго екатерининскаго времени она говорила какъ о людяхъ, съ которыми встрѣчалась вчера. Бывало, зайдетъ въ то время рѣчь о видныхъ и модныхъ тогда молодыхъ людяхъ: о Строгановыхъ (братья Сергѣй и Александръ Строгановы), Шуваловыхъ, Горчаковѣ, Пушкинѣ и другихъ; Софья Алексѣевна молча слушаетъ, потомъ вдругъ крикнетъ своимъ басомъ:

— Нѣтъ, ужъ не говорите, противъ «нашего свѣтлѣйшаго» всѣ они дрянь!

Ей отвѣчаютъ, что князь Потемкинъ давно умеръ, а она смотритъ недовѣрчиво, точно не вѣря, что такой человѣкъ, какъ онъ, могъ умереть!

Въ самые цвѣтущіе дни своей молодости и во время силы и славы Потемкина, она была ему представлена на какомъ-то празднествѣ въ Москвѣ, и онъ произвелъ на нее неизгладимое впечат-

лѣніе на всю ея жизнь. А то бывало сидитъ Еропкина тихо и вдругъ ударитъ кулакомъ объ столъ и закричитъ:

— Боже мой! какъ эта свадьба долго тянулась!

— Чья свадьба, Софья Алексѣевна?—спросятъ у нея.

— Да вотъ Марковой Анны Ивановны, что на верху живетъ,— отвѣтитъ Еропкина.

Маркова эта была тоже старушка лѣтъ подъ восемьдесятъ и такая притомъ ветхая, что не только о своей свадьбѣ, но и обо всемъ остальномъ на свѣтѣ, казалось, давно перезабыла. Главнымъ и любимѣйшимъ нашимъ развлеченіемъ бывали обѣды, даваемые въ то время другой старушкой, тоже пріятельницей бабушки, графиней Апраксиной. Сколько мнѣ помнится, ихъ было двѣ сестры, обѣ суетливыя, неугомонныя, вѣчно жалующіяся на судьбу. Бывало, пригласятъ насъ двухъ съ братомъ, гувернера, приживалокъ бабушки и еще другихъ кого нибудь обѣдать. Подадутъ обѣдъ прекрасный; хозяйка въ концѣ обѣда спроситъ, хорошо ли угощеніе? Мы всѣ станемъ разсыпаться въ похвалахъ; вдругъ Апраксина разрыдается и заголоситъ:

— Да, вотъ обѣдъ хорошъ, а представьте — заплатить за него нечѣмъ, нечѣмъ.

Этотъ эпизодъ повторялся почти за каждымъ обѣдомъ. Помню также хорошо небольшаго очень чистенькаго старичка, большаго пріятеля бабушки, Платона Степановича Яковлева; родомъ онъ, кажется, былъ москвичъ, любилъ острить и выражаться собственнымъ языкомъ.

— Какова погода?—спроситъ его бабушка.

— Да нехорошо,—отвѣтитъ онъ:—совсѣмъ что-то размокропогодилось.

— А что же ты такъ давно не былъ?—опять спроситъ его бабушка.

— Служба одолѣла, Екатерина Александровна.

Онъ служилъ подъ главнымъ начальствомъ всесильнаго тогда графа Аракчеева.

— У насъ новый приказъ отданъ, что каждый усердный чиновникъ долженъ заниматься служебными обязанностями, по крайней мѣрѣ, 24 часа въ день, а кто можетъ—тотъ и болѣе!

Платонъ Степановичъ былъ любимый партнеръ бабушки для карточной игры; онъ игралъ превосходно во всѣ игры, что не мѣшало ему шутить и балагурить во время игры; когда преферансъ сталъ входить въ моду и у него была хорошая игра въ червяхъ, онъ обыкновенно объявлялъ «семь въ сердцахъ», то есть въ червяхъ, вольнымъ переводомъ. — «Ну, ну, перестань, батюшка,—что за прибаутки»,—шутя журитъ, бывало, его бабушка. —«И, матушка Екатерина Александровна, отчего же и не побаловать себя, коротка-то вѣдь жизнь».

Въ домѣ Мальцова мы прожили недолго и переѣхали въ домъ Голубцова, бывшій угловой домъ противъ Михайловскаго манежа; здѣсь родители мои прожили, если я не ошибаюсь, лѣтъ десять. Въ домъ Голубцова къ намъ переѣхала жить моя двоюродная сестра, дочь моего дяди графа Льва Ивановича, Наталья Львовна. Скажу нѣсколько словъ о семьѣ дяди, съ которою я до старости сохранилъ дружескія отношенія. Графъ Левъ Ивановичъ былъ женатъ, какъ я уже сказалъ выше, на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ впослѣдствіи знаменитаго канцлера, и имѣлъ съ нею шестеро дѣтей. Горчаковы были небогаты, и жена принесла дядѣ самое ничтожное приданое; самъ же дядюшка, какъ я уже сказалъ выше, раззорился окончательно вслѣдствіе несчастныхъ спекуляцій. Матушка очень любила своихъ племянницъ по мужу и, сколько могла, старалась доставлять имъ всякія удовольствія и развлеченія. Съ переѣздомъ къ намъ Натальи Львовны домъ нашъ снова оживился. Двоюродная сестра моя была красавица и въ свѣтѣ имѣла успѣхъ громадный. Она вскорѣ вышла замужъ за Обрѣзкова, который впослѣдствіи долгое время занималъ лестный постъ россійскаго посла при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій въ Неаполѣ. Вдова его послѣ кончины мужа навсегда тамъ поселилась, и долго послѣ я имѣлъ случай съ нею тамъ снова свидѣться и познакомился съ ея милыми дочерьми, которыя обѣ вышли замужъ за итальянцевъ. Вторая дочь дядюшки была также замѣчательно хороша собою, звали ее Надежда, она долгое время была фрейлиной великой княгини Елены Павловны, а потомъ вышла замужъ за Алексѣя Свистунова. Двѣ другія младшія вышли замужъ одна за Паншина, другая за Энгельгардта. Сыновья Левъ и Николай служили оба въ военной службѣ. Левъ былъ женатъ на румынкѣ, д-цѣ Розновано, и имѣлъ съ нею дочь, вышедшую замужъ за графа Олсуфьева. Николай женатъ на М. Н. Скуратовой, живетъ постоянно въ Москвѣ, его бѣговыя лошади славятся въ Россіи. Тетка моя, графиня Анна Михайловна, жила послѣдніе годы своей жизни въ деревнѣ, ей принадлежащей, кажется, въ Тверской губерніи; она была очень хороша собою, но еще въ молодости необычайно растолстѣла. Братъ ея, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, лицомъ очень походилъ на нее; онъ часто бывалъ у насъ по выходѣ своемъ изъ царскосельскаго лицея, и я его живо помню. Онъ былъ красивый и ловкій молодой человѣкъ, очень сдержанный и скромный, и въ ту пору, вѣроятно, никто не предугадывалъ, какая блистательная будущность ожидала его. Его часто сопровождалъ баронъ Дельвигъ, прелестный поэтъ, такъ рано унесенный смертью.

Родная сестра моего отца, княгиня Екатерина Ивановна Голицына, умерла въ молодыхъ годахъ, оставивъ дочь, вышедшую замужъ за графа Шуазель-Гуффье, и пять сыновей. Мужъ моей тетушки, князь Григорій Сергѣевичъ, былъ едва ли не одинъ изъ

замѣчательнѣйшихъ самодуровъ своего времени. Въ своемъ помѣстьѣ подъ Москвой онъ учредилъ нѣчто въ родѣ маленькаго двора изъ своихъ «подданныхъ», какъ выражались въ тѣ времена. Были у него и «камеръ-юнкеры», и «гофмаршалы», и «фрейлины», была даже «статсъ-дама» — необыкновенно толстая и красивая вдова попадья, къ которой «дворъ» относился съ большимъ уваженіемъ. Дядюшка выпрашивалъ у моей матушки и у другихъ своихъ родственницъ ихъ поношенныя атласныя и бархатныя платья. Эти платьи обшивались дешевыми золотыми позументами, и въ нихъ облекались дебѣлыя «придворныя дамы» Голицына. Въ праздники совершались выходы; эти выходы, по словамъ очевидцевъ, были послѣднимъ словомъ сумасбродства. У дядюшки былъ свой собственный «придворный уставъ», котораго онъ строго придерживался. Балы въ домѣ отличались особеннымъ этикетомъ; нечего и говорить, что на этихъ балахъ присутствовала только меньшая братья и «придворные». Въ великолѣпной ярко освѣщенной залѣ размѣщались приглашенные и, когда всѣ уже были въ сборѣ, подъ звуки тріумфальнаго марша вступалъ торжественно въ залу дядюшка, опираясь на плечо одного изъ своихъ «гофмаршаловъ». Балъ открывался полонезомъ, причемъ дядюшка велъ «статсъ-даму» — попадью, которая принимала лестное приглашеніе, предварительно поцѣловавъ князеву руку. Князь также удостоивалъ и другихъ «дамъ» приглашеніемъ на танецъ; причемъ онѣ всѣ прежде подобострастно прикладывались къ его рукѣ. Балъ завершался галопадомъ, который, увы! всегда превращался въ бѣшеную присядку. На эти-то причуды да на стаи гончихъ и удалыхъ троекъ ушло не только Голицынское состояніе, но и приданое моей тетки, очень значительное. Мнѣ говорили, что губернаторъ, немного смущенный этими причудами, намекнулъ издалека объ этомъ князю и даже донесъ въ Петербургъ, но въ Петербургѣ этому только посмѣялись: въ тѣ времена въ Россіи мудрено было удивить сумасбродствомъ. Сыновья князя Голицына были всѣ люди умные и способные, а дочь его, графиня Варвара Григорьевна Шуазель,—одна изъ милѣйшихъ женщинъ, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Мужъ ея былъ сынъ эмигранта графа Шуазель-Гуффье и долгое время состоялъ адъютантомъ фельдмаршала князя Воронцова, тогда графа, намѣстника кавказскаго и одесскаго генералъ-губернатора. Онъ былъ человѣкъ очень любезный пріятный въ обществѣ, но хотя въ тѣ времена въ военной службѣ требовались дисциплина и формальность самая строгая, позволялъ себѣ иногда нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя отступленія. Такъ однажды, сопровождая своего начальника въ заграничномъ путешествіи, онъ былъ удостоенъ приглашеніемъ къ столу короля прусскаго (родителя императрицы Александры Θеодоровны). Шуазель явился въ превосходно сшитомъ и щегольски сидѣвшемъ на

немъ мундирѣ, но въ такихъ фантастическихъ сапожкахъ, что король, прекрасно знавшій русскія военныя формы, выразилъ Воронцову свое удивленіе. Нечего и прибавлять, какъ, возвращаясь домой изъ дворца, начальникъ намылилъ голову своему адъютанту. Графиня Шуазель, овдовѣвъ, жила постоянно у Воронцовыхъ, но кончила свою жизнь начальницей сестеръ милосердія въ Одессѣ. Она всегда была очень набожна; по этому поводу я припоминаю одинъ случай, надѣлавшій ей много горя, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій свою весьма комическую сторону. Свою единственную дочь графиня Шуазель выдала замужъ за одного родственника своего мужа, имени его теперь не припомню, француза легитимиста. Свадьба состоялась въ Баденѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ православной церкви русской; ее замѣняетъ греческая церковь, построенная княземъ Стурдзой; въ ней и обвѣнчали молодую чету; священникъ, разумѣется, грекъ сказалъ новобрачнымъ подобающее слово, и вслѣдъ затѣмъ мы направились въ католическую церковь, гдѣ аббатъ-нѣмецъ совершилъ обрядъ вѣнчанія и также сказалъ молодымъ рѣчь.

Возвращаясь домой, графиня Шуазель залилась слезами.

— Какъ я несчастна, Боже мой! Какъ несчастна,—обратилась она ко мнѣ: — всю мою жизнь я старалась воспитать свою дочь въ самой теплой вѣрѣ, и вотъ сегодня, въ этотъ величайшій шагъ въ ея жизни, ее вѣнчали два раза, и оба раза ни она, ни ея мужъ, ни я, мы, ни слова не поняли; никто изъ насъ не говоритъ понѣмецки и, разумѣется, не понимаетъ погречески, и мы стояли какъ истуканы!

Я старался какъ могъ утѣшить свою разогорченную родственницу, но, признаюсь, не могъ удержаться отъ смѣха.

Братъ ея Сергѣй Голицынъ, по прозванью «Ѳирсъ», сохранилъ о себѣ память умнаго и веселаго собесѣдника, но шутника и шалуна легендарнаго; приведу одну изъ его шалостей, жертвою которой сдѣлался лично я.

Дѣло было, сколько припоминаю, въ 1835 или 1836 году. Матушка посылала меня въ Никольское, откуда я, окончивъ дѣла, выѣхалъ въ началѣ декабря въ Москву. Морозы стояли жестокіе; я утомился и наскучился долгой дорогой и, верстъ сорокъ не доѣзжая Бѣлокаменной, оставилъ съ поклажей и экипажемъ своего стараго камердинера Тита Ларіоновича дожидаться лошадей на станціи, а самъ сѣлъ въ легкія саночки и пустился въ Москву, куда и пріѣхалъ очень скоро, часовъ около девяти утра. Я всегда былъ неразсчетливъ, а тогда къ тому же былъ еще очень молодъ и потому, пріѣхавъ въ Москву, очутился въ шубѣ, мѣховой шапкѣ и валенкахъ, а мои чемоданы могли опоздать до вечера. Къ счастью, у пріятеля, у котораго я остановился, отыскалось мое бѣлье и платье, но не оказалось сапоговъ; мать же природа одѣ-

лила меня такими стопами, что мнѣ всегда приходится заказывать свою обувь, о покупкѣ сапоговъ нечего было и думать. Я вспомнилъ, что мой двоюродный братъ Сергѣй Голицынъ долженъ былъ находиться въ это время въ Москвѣ и что у него почти такія же большія ноги, какъ и мои, и я послалъ къ нему человѣка моего пріятеля.

Голицынъ, разспросивъ его подробно обо всемъ, принялъ самый серьёзный видъ и сказалъ слугѣ, что онъ ошибается, что онъ, правда, Голицынъ, но не тотъ, къ которому онъ посланъ за сапогами, и назвалъ ему того Голицына, у котораго онъ могъ получить сапоги. Въ то время Москвой управлялъ, въ Москвѣ царствовалъ, если можно такъ выразиться, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ то время сановниковъ въ Россіи. Это былъ въ полномъ смыслѣ настоящій русскій вельможа, благосклонный, привѣтливый и въ то же время недоступный. Только люди, стоящіе на самой вершинѣ, умѣютъ соединять эти совершенно разнородныя правила. Москва обожала своего генералъ-губернатора и въ то же время трепетала передъ нимъ. Къ этому-то всесильному и надоумилъ Ѳирсъ послать моего человѣка. Тотъ, только что взятый отъ сохи парень, очень спокойно отправился въ генералъ-губернаторскій домъ и, нисколько не озадаченный видомъ множества служителей, военныхъ чиновъ и такъ далѣе, велѣлъ доложить Голицыну, что ему нужно его видѣть (Ѳирсъ строго на строго приказалъ ему требовать — видѣть самого князя), къ немалому удивленію присутствующихъ (я, впрочемъ, забылъ сказать, что мой посланный объявилъ, что онъ пришелъ отъ графа Сологуба и что Голицынъ былъ съ моимъ отцемъ въ лучшихъ отношеніяхъ), — и такъ, къ немалому удивленію присутствующихъ, Голицынъ самъ къ нему вышелъ въ переднюю.

— Что надо?—спросилъ генералъ-губернаторъ.—Ты отъ графа?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, — отвѣтилъ мой посланный: — отъ ихняго сыночка, графа Владиміра Александровича.

Голицынъ посмотрѣлъ на него съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да что нужно? — повторилъ онъ еще разъ.

— Очень приказали вамъ кланяться, ваше благородіе, и просятъ одолжить имъ на сегодняшній день пару сапогъ!

Голицынъ до того удивился, что даже не разсердился, даже не разсмѣялся, а приказалъ своему камердинеру провести моего дурака въ свою уборную или свою гардеробную и позволить ему выбрать тамъ пару сапогъ. Надо замѣтить, что Голицынъ былъ малъ ростомъ, сухощавъ и имѣлъ крошечныя ноги и руки; увидавъ цѣлую шеренгу сапоговъ, мой человѣкъ похвалилъ товаръ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что «эти сапоги на насъ не полѣзутъ». Камердинеръ генералъ-губернатора съ ругательствами его прогналъ.

Надо вспомнить время, въ которое это происходило, то глубокое

уваженіе, почти подобострастіе, съ которымъ вообще обходились съ людьми высокопоставленными, чтобы отдать себѣ отчетъ, до чего была неприлична выходка моего двоюроднаго брата.

Возвратясь домой, слуга, какъ съумѣлъ, разсказалъ о случившемся. Все объяснилось. Я въ тотъ же день ѣздилъ къ генералъ-губернатору извиниться, разумѣется, всю бѣду сваливъ на ни въ чемъ невиноватаго слугу; Ѳирса я чуть не прибилъ, а онъ все смѣялся и отшучивался, идя со мной и предостерегая меня отъ острыхъ камней московской мостовой, которая могла бы потереть подошвы его сапоговъ, въ которые я былъ обутъ.

Зима 1825—1826 года прошла для насъ, или, скорѣе, для нашихъ родителей, очень тягостно. Осенью матушка неутѣшно оплакивала кончину императора Александра I, всегда, какъ я уже имѣлъ случай неоднократно высказать, особенно благоволившаго къ нашей семьѣ; потомъ какъ громовой ударъ разразилось возстаніе 14-го декабря. Многіе изъ самыхъ близкихъ друзей моего отца были замѣшаны въ бунтъ, и не проходило дня, не проходило, можно сказать, часа, чтобы мы не узнавали о новомъ несчастьѣ, постигшемъ какого нибудь изъ дружественныхъ намъ семействъ. Я не стану описывать возстаніе 14-го декабря: все, что можно было о немъ сказать, давно уже сказано; да и хотя я былъ очевидцемъ происходившаго, но былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы хорошо понимать все, что оно обозначало; могу сказать только одно, что, по мнѣнію людей истинно просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ, какъ въ то время, такъ и позже, это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, не смотря на полный благородства и самоотверженія характеръ заговорщиковъ. Оно вселило въ сердце императора Николая I навсегда чувство недовѣрчивости къ русскому дворянству и потому наводнило Россію тою мелюзгою фоновъ и берговъ, которая принесла родинѣ столько неизгладимаго на долгое время вреда. Я хочу сказать нѣсколько словъ о личномъ характерѣ императора Николая Павловича, о которомъ многіе, по незнанію, составили себѣ превратное понятіе. Правда, государь былъ одаренъ желѣзной волей и твердостью неуклонной, но въ глубинѣ его души была доброта неисчерпаемая, а его свѣтлый умъ все постигалъ и, — что покажется многимъ съ моей стороны безсмысленнымъ утвержденіемъ, — все прощалъ. Приведу въ примѣръ нѣсколько случаевъ изъ его частной жизни.

Проживая лѣтомъ въ сороковыхъ годахъ въ одномъ изъ загородныхъ петербургскихъ дворцовъ, государь часто ѣздилъ присутствовать на ученіи; у дороги, по которой слѣдовалъ императоръ, штрафованные солдаты рыли канаву; завидѣвъ царскую коляску, солдаты вытягивались въ шеренгу, снимали шапки и безмолвно дожидались, пока государь проѣдетъ, чтобы снова приняться за свою работу; съ ними, какъ съ наказанными, государь не могъ здоро-

ваться; это мучило его до того, что однажды, проѣзжая мимо штрафованныхъ, онъ не выдержалъ и своимъ зычнымъ голосомъ крикнулъ имъ:

— Здравствуйте, шалуны!

Нечего прибавлять, какимъ восторженнымъ «здравія желаемъ, ваше императорское величество» отвѣчали умиленные солдаты.

Государь имѣлъ привычку на масляницу во время качелей въѣзжать на Марсово поле и объѣзжать шагомъ весь квадратъ; однажды, среди общаго ликованья подгулявшаго народа, толпа крестьянскихъ дѣтей подбѣжала къ его санямъ и, не зная государя, запищала:

— Дѣдушка, покатай насъ, дѣдушка!

Стоявшіе подлѣ будочники кинулись было разгонять дѣтей, но государь грозно на нихъ крикнулъ и, разсадивъ, сколько умѣстилось дѣтей въ саняхъ, обвезъ ихъ вокругъ Марсова поля.

Въ 1831 году, когда холера впервые посѣтила Москву, императоръ, извѣщенный эстафетомъ, рѣшился тотчасъ туда ѣхать. Императрица Александра Ѳедоровна, напуганная невѣдомой и страшной болѣзнью, умоляла государя не подвергать себя опасности. Государь остался непреклоненъ; тогда императрица привела въ кабинетъ государя великихъ княженъ и великаго князя Константина Николаевича, тогда ребенка трехъ лѣтъ, думая, что видъ его дѣтей убѣдитъ болѣе императора.

— У меня въ Москвѣ 300,000 дѣтей, которыя погибаютъ, — замѣтилъ неуклонно государь и въ тотъ же день уѣхалъ въ Москву.

Посѣтивъ въ первый разъ послѣ польскаго возстанія Варшаву, государь присутствовалъ на балѣ у генералъ-губернатора, то есть намѣстника. Въ тотъ же вечеръ былъ открытъ заговоръ о покушеніи на жизнь императора (извѣстіе это впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ), и государя просили въ виду предосторожности не подходить къ окну, такъ какъ вся площадь передъ дворцомъ была запружена народомъ; государь открылъ окно, сталъ къ окну спиною и болѣе часа простоялъ такимъ образомъ, разговаривая съ окружавшими его сановниками.

Я современемъ еще приведу десятки подобныхъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о личной неустрашимой храбрости, а также безконечной добротѣ императора Николая Павловича. Но онъ вынужденъ былъ, такъ сказать, къ той неуклонной строгости, замкнутости, которою ознаменовалось все его царствованіе, именно обстоятельствами, предшествовавшими его восшествію на престолъ.

Трауръ по кончинѣ императора Александра I, судъ надъ декабристами, значительныя измѣненія въ высшихъ административныхъ сферахъ, заняли умы Петербурга на всю зиму 1825—1826 года. Но, какъ и всегда въ жизни, тучи прошли, наступило полное затишье, и въ августѣ 1826 года дворъ послѣдовалъ въ Москву, гдѣ

22-го августа совершилось съ пышностью необыкновенной коронованіе императора Николая Павловича на престолъ. Все способствовало блеску празднества: временное повсемѣстное спокойствіе въ Европѣ, водворившійся порядокъ въ самой Россіи, наконецъ, — и всего болѣе, — восторгъ, который вселяла въ народѣ молодая императорская чета. Императрица Александра Ѳеодоровна была тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты, она олицетворяла, такъ сказать, идеалъ русской царицы, соединяя въ себѣ царственность осанки съ безконечной привѣтливостью и добротой. О наружности самого императора мнѣ распространяться нечего, она сдѣлалась, такъ сказать, легендарной по всей Россіи; онъ представлялся народу чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, и по этому поводу я припоминаю разсказанный мнѣ однажды очевидцемъ анекдотъ.

Государь въ 1838 году производилъ огромный кавалерійскій смотръ въ Вознесенскѣ (Херсонской губерніи); въ то время въ Новороссійскомъ краѣ не только, разумѣется, о желѣзныхъ путяхъ, но и о шоссейныхъ дорогахъ не было помина. Къ пріѣзду императора починили мосты и кое-какъ привели въ порядокъ почтовыя дороги. Какъ всегда водилось, впереди высочайшихъ экипажей скакалъ на бѣшеной тройкѣ мѣстный исправникъ, наблюдая за порядкомъ. Однажды, не доѣзжая какой-то станціи, плотина, по которой едва успѣлъ пронестись царскій экипажъ, рухнула. Исправникъ помертвѣлъ и оглянулся на государя — бѣда миновала благополучно; вечеромъ за картами у знакомыхъ исправникъ разсказалъ постигшій его случай.

— Что же государь сказалъ? — со страхомъ допрашивали его присутствовавшіе.

— Помиловалъ, — отвѣтилъ крестясь исправникъ: — пальцемъ только мнѣ погрозилъ, а палецъ у него вотъ какой! — и исправникъ почти на аршинъ измѣрилъ руками.

Но возвращусь къ коронаціи. Отецъ мой, какъ я уже сказалъ выше, считался въ званіи оберъ-церемоніймейстера и въ силу этого сопровождалъ дворъ въ Москву. Мы съ братомъ, разумѣется, были еще слишкомъ молоды, чтобы присутствовать на блестящихъ празднествахъ, но всюду и вездѣ имѣли уголокъ, откуда все могли видѣть очень хорошо. Живо помню въѣздъ въ Москву и въ особенности выходъ императорской четы изъ Воскресенскаго собора; императрица — молодая, прекрасная, величественная, съ сіяющей короной на темныхъ волосахъ, облеченная въ драгоцѣнныя бѣлыя одежды, объ руку съ государемъ, котораго въ эту минуту описывать не берусь. Только Юпитеръ въ воображеніи древнихъ, снисходящій съ Олимпа съ громомъ и молніей въ десницѣ, могъ быть сравнимъ съ нимъ въ это мгновенье. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка, я пережилъ много горя и радостей, видалъ много зрѣлищъ поразительныхъ, но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ

впечатлѣніемъ восторга и почти ужаса, которое обуяло меня. Я до того кричалъ, билъ въ ладоши, топалъ ногами и кидалъ свою шапку вверхъ, что кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что свалился съ подмостковъ, на которыхъ мы съ братомъ стояли, подъ надзоромъ гувернера, и упалъ на толпу мужиковъ, стоявшихъ на площади; я ужасно испугался, вообразивъ себѣ почему-то, что они станутъ меня бить, но они нисколько на меня не разсердились, а одинъ изъ нихъ, я какъ теперь его вижу, рослый дѣтина, лѣтъ подъ сорокъ, съ огромной разноцвѣтной бородой, посадилъ меня къ себѣ на руки и съ той особенной суровой ласковостью, которая присуща только простому русскому народу, проговорилъ:

— Сиди, малецъ, ужъ больно хорошо, здорово кричишь ты!

Празднества смѣнялись празднествами и отличались, какъ водится въ этомъ случаѣ, необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Въ тѣ времена имена свѣтскихъ красавицъ не были еще достояніемъ газетчиковъ и упоминать о нихъ въ газетахъ считалось бы верхомъ неприличія, но въ устахъ всѣхъ были слышны имена графини Завадовской, графини Фикельмонтъ, рожденной графини Тизенгаузенъ, дочери въ то время извѣстной въ петербургскомъ свѣтѣ Елизаветы Михайловны Хитрово, одной изъ пяти дочерей фельдмаршала Кутузова, фрейлины княжны Урусовой и дѣвицы Нарышкиной, впослѣдствіи княгини Юсуповой. Всѣ четыре были красавицы писанныя, всѣ четыре звѣзды первой величины тогдашняго петербургскаго большаго свѣта. По окончаніи празднествъ, дворъ вернулся въ Царское Село, и мы также возвратились на обычную зимовку въ Петербургъ. Жизнь наша потекла обычнымъ порядкомъ: занятіе съ учителями, прогулки, обѣды у бабушки Архаровой и т. д. Я уже начиналъ пописывать кое-какую дрянь, къ которой, увы, относились слишкомъ снисходительно. Такъ прошло три зимы. Наконецъ, въ мартѣ 1829 года, къ крыльцу Голубцовскаго дома подъѣхала кибитка, въ которую сѣлъ мой отецъ и посадилъ меня подлѣ себя. Меня везли въ Дерптъ, для приготовленія къ студентскому экзамену и поступленію въ университетъ. Дѣтство наше рушилось. Г-нъ Массонъ отбылъ на родину; братъ мой поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, помѣщавшуюся у Синяго моста, на мѣстѣ, гдѣ теперь находится Маріинскій дворецъ. Въ то время воспитаніе было направленіемъ къ единственной цѣли — служебной. О братѣ было рѣшено между моими родителями, — такъ какъ въ то время родные рѣшали о будущности своихъ дѣтей, и дѣти этому безпрекословно подчинялись, — что братъ мой надѣнетъ солдатскую шинель въ виду генеральскаго чина, хотя это поприще не было согласно ни съ его вкусами, ни даже съ его здоровьемъ.

Въ бытность нашу въ Парижѣ въ 1822 году, насъ ежедневно водили гулять въ Тюльлерійскій садъ; тамъ, однажды, братъ мой

съ разбѣга ударился головой о мраморную статую и такъ сильно ушибся, что пролежалъ нѣсколько часовъ въ безпамятствѣ; я нисколько не сомнѣваюсь, хотя въ то время онъ и поправился, что этотъ ушибъ произвелъ въ его головѣ сотрясеніе мозга и былъ первой причиной его преждевременной кончины.

Итакъ братъ поступилъ въ военную службу, меня же рѣшено было помѣстить въ Дерптскій университетъ и приготовить меня къ блестящей дипломатической карьерѣ, къ чему я ни по моему характеру, ни по моимъ наклонностямъ не былъ пригожъ. Матушка сѣтовала о томъ, что мы съ братомъ въ нашемъ дѣтствѣ были пріучены къ роскоши, которой, по наступившимъ обстоятельствамъ дѣлъ моего отца, мы не могли имѣть въ будущемъ и отъ которой она всячески старалась насъ отучить. Вотъ почему отецъ не нанялъ мнѣ квартиры, не окружилъ меня, какъ это водилось въ тѣ времена, полдюжиной крѣпостныхъ людей, не приставилъ ко мнѣ ментора, а помѣстилъ меня у профессора X. [1]) и приставилъ ко мнѣ наемнаго камердинера старика, лѣтъ шестидесяти, Тита Ларіоновича, который и находился при мнѣ не только все время моего пребыванія въ университетѣ, но и долго послѣ этого. Отецъ остался въ Дерптѣ недолго, а я, послѣ его отъѣзда, сталъ серьёзно работать и пріучаться къ скромному обиходу студенческой жизни.

Скажу нѣсколько словъ о тѣхъ изъ моихъ товарищей, съ которыми впослѣдствіи я сохранилъ дружественныя отношенія. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый нашъ хирургъ Пироговъ; потомъ Иноземцевъ, сдѣлавшійся тоже впослѣдствіи извѣстнымъ врачемъ въ Москвѣ; сыновья писателя и историка Карамзина — Андрей и Владиміръ; наконецъ, извѣстный всему Петербургу Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ, съ которымъ мы позже были сослуживцами на Кавказѣ и навсегда остались друзьями близкими. Потомъ нѣсколько курляндцевъ, Липгарты, Таль и другіе. Поэта Языкова я уже не засталъ, но о немъ въ студенческомъ кружкѣ сохранилась лучезарная легенда. О разгульныхъ пирахъ его времени, о попойкахъ гомерическихъ, въ наше время не было и помина; всѣ мы были скромненькіе, ужъ впрямь «отецкіе сыны»; всѣ мы болѣе или менѣе серьёзно работали и, кромѣ того, усердно посѣщали «свѣтъ», состоявшій въ то время въ Дерптѣ изъ нѣсколькихъ семействъ богатыхъ курляндскихъ бароновъ и семействъ профессоровъ университетскихъ. Скромности нашей способствовало и то, что родители выдавали намъ на наши удовольствія очень мало денегъ. Такъ я, напримѣръ, считался богачемъ, имѣя всего на всего 50 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; правда, матушка платила отдѣльно за мою квартиру и столъ. Самымъ большимъ расходомъ, самой бѣшеной

[1]) Имя пропущено.

шалостью, почиталось провести вечеръ въ кондитерской, гдѣ мы истребляли невѣроятное количество плохихъ бутербродовъ и сладкихъ пирожковъ и запивали ихъ пресквернымъ виномъ или пивомъ. За то мы щеголяли платьемъ и бѣльемъ; о бородахъ и усахъ между студентами тогда еще, разумѣется, не было и помина. Весной мы устраивали «пикники», разумѣется, въ скромныхъ размѣрахъ, на которые приглашали дамъ; послѣ завтрака на лужайкѣ или въ лѣсу устраивались танцы, на которыхъ мы наперерывъ отличались. Одинъ изъ этихъ пикниковъ ознаменовался очень прискорбнымъ для меня приключеніемъ. Такъ какъ никто изъ насъ не былъ Крезомъ, то обыкновенно наканунѣ праздника распорядитель получалъ отъ каждаго изъ насъ нужную сумму для складчины; у меня въ тотъ день капиталу оказалось всего 11 рублей; я захотѣлъ попытать счастье въ первый разъ въ жизни въ карты и проигралъ Карамзину всѣ свои деньги; горе было непоправимое, раздобыть у одного изъ товарищей нужные рублей двадцать не оказалось возможности, а мое огорченіе было тѣмъ болѣе велико, что въ то время я безнадежно и трепетно былъ влюбленъ въ жену одного дерптскаго чиновника, которая въ видѣ исключенія допускалась въ наше общество. Впослѣдствіи я увидалъ свой «предметъ» и ужаснулся своему безвкусію, но тогда я пылалъ самой почтительной и самой нѣжной страстью. Я сказался больнымъ и, разумѣется, остался дома. Пока товарищи мои «блаженствовали», я излилъ свое горе въ слѣдующемъ стихотвореніи, за которое заранѣе прошу прощенія у читателей; мое единственное оправданіе состоитъ въ томъ, что мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Вотъ первые куплеты:

Ахъ, Настасья Еремѣевна,
Видно, суждено мнѣ такъ:
Ты на балѣ какъ царевна,
А я дома какъ дуракъ.

Пригласятъ тебя тамъ франты
На «англезы», на куранты,
Можетъ статься, на «тампетъ»,
А ты нюхай мой букетъ!..

И въ такомъ родѣ куплетовъ десять. Когда Золотаревъ возвратился съ пикника, такъ какъ онъ былъ повѣренный моей любви, я прочелъ ему мое произведеніе; онъ нашелъ, что стихи «хороши», но слишкомъ «вольны»!.. Золотаревъ былъ типъ добронравнаго благодушнаго юноши, воспитаннаго въ благочестивомъ домѣ. Отецъ его, человѣкъ зажиточный, былъ нотаріусомъ въ Москвѣ; кромѣ Ивана Өедоровича, у него были еще сынъ и дочь—красавица, выданная замужъ противъ воли за одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Москвѣ и вскорѣ послѣ этого умершая; ея свадьба, на которой

я присутствовалъ, послужила впослѣдствіи мнѣ сюжетомъ для одной изъ моихъ повѣстей. Братъ Ивана Золотарева тоже умеръ въ молодыхъ годахъ отъ чахотки. На сколько я уже начиналъ быть неряшливъ, на столько Золотаревъ былъ аккуратенъ и разсудителенъ. У него были, однако, двѣ слабости: первая изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ ежедневно отправлялся на почту освѣдомляться, нѣтъ ли для него писемъ — ему никто никогда не писалъ, но это его не обезкураживало, и онъ, всетаки, каждый день ходилъ на почту; вторая его слабость была менѣе игриваго свойства. Онъ былъ страстный охотникъ играть на скрипкѣ, а природа отказала ему рѣшительно въ музыкальныхъ способностяхъ; мы жили на одной квартирѣ, и читатели легко могутъ себѣ представить мой ужасъ, постепенно превращавшійся въ негодованіе, какъ только въ комнатѣ моего сосѣда начинали раздаваться жалобные звуки терзаемаго неопытной рукой инструмента. Возвратясь съ лекціи и зайдя, разумѣется, предварительно на почту, Золотаревъ снималъ свое новое платье, облекался въ старенькій сюртучекъ и принимался пилить гаммы на скрипкѣ; работа эта иногда длилась часа три; особенно гнусно выходилъ у него одинъ переходъ въ минорный тонъ, который никакъ ему не удавался, при этомъ я часто врывался въ комнату моего трудолюбиваго пріятеля, съ бѣшенствомъ выхватывалъ у него скрипку и осыпалъ его ругательствами. Онъ отвѣчалъ съ обычной своей добродушной улыбкой: «Ну, полно, Владиміръ, вѣдь я тебѣ не мѣшаю»! И чего мы не выдѣлывали съ этой злополучной скрипкой. И прятали ее, и швыряли на улицу, однажды, даже продали ее за полтора рубля ассигнаціями какому-то бродягѣ музыканту, и что же?—въ заведенный часъ опять раздавались ненавистные звуки; Золотаревъ какимъ-то тайнымъ чутьемъ зарозыскивалъ свое достояніе вездѣ. Главнымъ удовольствіемъ, завѣтной мечтой являлись, разумѣется, поѣздки на вакаціи лѣтнія и рождественскія къ роднымъ. Для меня двѣ изъ этихъ поѣздокъ остались незабвенными навсегда, такъ какъ мнѣ пришлось увидѣть и узнать, бывши студентомъ, двухъ гигантовъ русской литературы—Пушкина и Гоголя. Я прошу у читателей прощенія, если мнѣ придется повторяться, говоря объ этихъ двухъ великихъ русскихъ людяхъ; въ 1874-мъ году, я напечаталъ въ газетѣ «Русскій Міръ» нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній относительно Пушкина и Гоголя, но, во-первыхъ, «Русскій Міръ» не имѣлъ обширнаго круга читателей, во-вторыхъ, лучше сказать два раза, чѣмъ умолчать что либо, что относится къ нимъ. Итакъ лѣтомъ, сколько припоминаю въ 1832-мъ году, я пріѣхалъ къ своимъ родителямъ въ Павловскъ на вакаціи; поздоровавшись съ ними, я переодѣлся и отправился, какъ и слѣдовало, на поклонъ къ бабушкѣ Архаровой; время для бабушки уже было позднее, она собиралась спать. — «Пойди-ка къ Александрѣ Степановнѣ (ея приживалка), тамъ у Васильчиковыхъ

при Васѣ студентъ какой-то живетъ, говорятъ, тоже пописываетъ,—такъ ты пойди, послушай»,—сказала мнѣ бабушка, отпуская меня. Я отправился къ Александрѣ Степановнѣ; она занимала на дачѣ у бабушки небольшую довольно низенькую комнату; кровать стыдливо была загорожена ширмами, у стѣны стоялъ старомодный обтянутый ситцемъ диванъ, передъ нимъ круглый столъ, покрытый красной бумажной скатертью; на столѣ подъ темно зеленымъ абажуромъ горѣла лампа. Столъ былъ высокъ, а сидѣнья, то есть диванъ и стулья, низки, и потому лица присутствующихъ были ясно освѣщены пламенемъ лампы. Подлѣ Александры Степановны на диванѣ сидѣла другая приживалка бабушки, Анна Семеновна, тутъ же находилась третья старушка, призрѣнная Васильчиковыми, тоже какая-то дворянка, имени ея не помню; всѣ три старухи вязали чулки, глядя снисходительно поверхъ очковъ на тутъ же у стола сидѣвшаго худощаваго молодаго человѣка; старушки поднялись мнѣ навстрѣчу, усадили меня у стола, потомъ Александра Степановна, предварительно глянувъ на меня, обратилась къ юношѣ:

— Что же, Николай Васильевичъ, начинайте!

Молодой человѣкъ вопросительно посмотрѣлъ на меня; онъ былъ бѣдно одѣтъ и казался очень застѣнчивъ; я пріосанился.

— Читайте,—сказалъ я нѣсколько свысока:—я самъ «пишу» (Читатель, я былъ такъ молодъ!) и очень интересуюсь русской словесностью, пожалуйста, читайте.

Въ вѣкъ мнѣ не забыть выраженія его лица! Какой тонкій умъ сказался въ его чуть прищуренныхъ глазахъ, какая язвительная усмѣшка скривила на мигъ его тонкія губы. Онъ все также скромно подвинулся къ столу, не спѣша, развернулъ своими длинными худыми руками рукопись и сталъ читать. Я развалился въ креслѣ и сталъ его слушать; старушки опять зашевелили своими спицами. Съ первыхъ словъ я отдѣлился отъ спинки своего кресла, очарованный и пристыженный, слушалъ жадно; нѣсколько разъ порывался я его остановить, сказать ему, до чего онъ поразилъ меня, но онъ холодно вскидывалъ на меня глазами и неуклонно продолжалъ свое чтеніе. Когда онъ кончилъ, я бросился къ нему на шею и заплакалъ. Что онъ намъ читалъ, я и сказать не съумѣю теперь, но я, не смотря на свою молодость, инстинктомъ, можно сказать, понялъ, сколько таланта, сколько высокаго художества было въ томъ, что онъ намъ читалъ. Молодаго этого человѣка звали Николай Васильевичъ Гоголь, и черезъ нѣсколько лѣтъ ему суждено было занять въ отечественной литературѣ первое мѣсто послѣ великаго Пушкина. У тетки Васильчиковой было пятеро дѣтей: два сына, двѣ дочери и третій сынъ слабоумный съ дѣтства, впрочемъ, рано умершій; къ этому-то сыну въ видѣ не то наставника, не то дядьки и былъ приглашенъ Гоголь для того, чтобы по мѣрѣ возможности стараться, хотя немного развить это бѣдное существо. На другой день послѣ

чтенія я пошелъ опять къ Васильчиковымъ и увидалъ слѣдующее зрѣлище: на балконѣ, въ тѣни, сидѣлъ на соломенномъ низкомъ стулѣ Гоголь, у него на колѣняхъ полулежалъ Вася, тупо глядя на большую развернутую на столѣ, стоявшемъ передъ ними, книгу; Гоголь указывалъ своимъ длиннымъ худымъ пальцемъ на картинки, нарисованныя въ книгѣ, и терпѣливо разъ двадцать повторялъ слѣдующее:

— Вотъ это, Васинька, барашекъ—бе...е...е, а вотъ это корова—му...у...му...у, а вотъ это собачка — гау...ау...ау...

О Гоголѣ мнѣ придется говорить много, такъ какъ впослѣдствіи я былъ съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Гоголь у Васильчиковыхъ, впрочемъ, оставался недолго, и хотя впослѣдствіи онъ не любилъ припоминать того незавиднаго положенія, въ которомъ находился въ ихъ домѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что его будущей извѣстности, независимо, разумѣется, отъ его громаднаго таланта, много также способствовали знакомства, пріобрѣтенныя въ домѣ Васильчиковыхъ; вездѣ, а въ особенности въ Россіи, и въ тѣ времена только таланту, какъ бы великъ онъ ни былъ, трудно было пробиться на свѣтъ Божій. Кажется, въ слѣдующую же зиму послѣ моего знакомства съ Гоголемъ, я въ первый разъ, уже будучи взрослымъ, встрѣтилъ Пушкина; за вѣрность годовъ, впрочемъ, не ручаюсь, такъ какъ я смолоду былъ страшно безтолковъ и всю жизнь перепутывалъ и числа, и года. Вотъ какъ это было: я гостилъ у родныхъ на Рождественскихъ праздникахъ и каждый вечеръ выѣзжалъ съ отцомъ въ свѣтъ не на большіе балы, разумѣется, но къ нашимъ многочисленнымъ роднымъ и близкимъ знакомымъ.

Однажды, отецъ взялъ меня съ собою въ русскій театръ; мы помѣстились во второмъ ряду креселъ; передъ нами въ первомъ ряду сидѣлъ человѣкъ съ некрасивымъ, но необыкновенно выразительнымъ лицомъ и курчавыми темными волосами; онъ обернулся, когда мы вошли (представленіе уже началось), дружелюбно кивнулъ отцу, потомъ сталъ слушать пьесу съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ только, что называютъ французы, «les gens du metier, то есть люди сами пишущіе. — «Это Пушкинъ», — шепнулъ мнѣ отецъ. Я весь обомлѣлъ... Трудно себѣ вообразить, что это былъ за энтузіазмъ, за обожаніе толпы къ величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чѣмъ-то лучезарнымъ въ воображеніи всѣхъ русскихъ, въ особенности же въ воображеніи очень молодыхъ людей. Пушкинъ, хотя и не чуждъ былъ той олимпійской недоступности, въ какую окутывали, такъ сказать, себя литераторы того времени, обошелся со мною очень ласково, когда отецъ послѣ того, какъ занавѣсъ опустили, представилъ меня ему. На слова отца, «что вотъ этотъ сынишка у меня пописываетъ», онъ отвѣчалъ поощрительно, припомнилъ, что

видѣлъ меня ребенкомъ, играющимъ въ одеждѣ маркиза на скрипкѣ, и приглашалъ меня къ себѣ запросто быть, когда я могу. Я былъ въ восторгѣ и, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, все придумывалъ, что̀ бы сказать что нибудь поумнѣе, чтобы онъ увидѣлъ, что я уже не такой мальчишка, какимъ, всетаки, не смотря на его любезность, онъ меня считалъ; надо сказать, что въ тотъ самый день, гуляя часовъ около трехъ по полудни съ отцомъ по Невскому проспекту, мы повстрѣчали нѣкоего X., тогдашняго моднаго писателя. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно надутый и заносчивый, отецъ его довольно близко зналъ и представилъ меня ему, онъ отнесся ко мнѣ довольно благосклонно и пригласилъ меня въ тотъ же вечеръ къ себѣ.— «Сегодня середа, у меня каждую середу собираются, — произнесъ онъ съ высоты своего величія, — все люди талантливые, извѣстные, пріѣзжайте, молодой человѣкъ, время вы проведете, надѣюсь, пріятно». Я поблагодарилъ и, разумѣется, тотчасъ послѣ театра разсчитывалъ туда отправиться. Впродолженіе всего втораго дѣйствія, которое Пушкинъ слушалъ съ тѣмъ же вниманіемъ, я, благоговѣйно глядя на его сгорбленную въ креслѣ спину, сообразилъ, что спрошу его во время антракта, «что онъ, вѣроятно, тоже ѣдетъ сегодня къ X.». Не можетъ же онъ, Пушкинъ, не бывать въ домѣ, гдѣ собираются такіе извѣстные люди—писатели, художники, музыканты и т. д. Дѣйствіе кончилось, занавѣсъ опустился, Пушкинъ опять обернулся къ намъ.—«Александръ Сергѣевичъ, сегодня середа, я еще, вѣроятно, буду имѣть счастливый случай съ вами повстрѣчаться у X.»,—проговорилъ я почтительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь придать своему голосу равнодушный видъ, «что вотъ дескать къ какимъ тузамъ мы ѣздимъ». Пушкинъ посмотрѣлъ на меня съ той особенной ему одному свойственной улыбкой, въ которой какъ-то странно сочеталась самая язвительная насмѣшка съ безмѣрнымъ добродушіемъ.— «Нѣтъ,—отрывисто сказалъ онъ мнѣ:—съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ, я въ такіе дома не ѣзжу»! Меня точно ушатомъ холодной воды обдало, я сконфузился, пробормоталъ что-то очень неловкое и стушевался за спину моего отца, который отъ души разсмѣялся; онъ прекрасно замѣтилъ, что мнѣ передъ Пушкинымъ захотѣлось прихвастнуть, и что это мнѣ не удалось. Я же былъ очень разочарованъ; уже заранѣе я строилъ планы, какъ я вернусь въ Дерптъ и стану разсказывать, что я провелъ вечеръ у X., гдѣ собираются самые извѣстные, самые талантливые люди въ Петербургѣ, гдѣ даже самъ Пушкинъ... и вдругъ такой ударъ! Нечего и прибавлять, что въ тотъ вечеръ я къ X. не поѣхалъ, хотя отецъ, смѣясь, очень на этомъ настаивалъ. На другой день отецъ повезъ меня къ Пушкину—онъ жилъ въ довольно скромной квартирѣ на... улицѣ [1]); самого хозяина не было дома, насъ

---

[1]) Имя улицы пропущено въ рукописи.

приняла его красавица-жена. Много видѣлъ я на своемъ вѣку красивыхъ женщинъ, много встрѣчалъ женщинъ еще обаятельнѣе Пушкиной, но никогда не видывалъ я женщины, которая соединила бы въ себѣ такую законченность классически правильныхъ чертъ и стана. Ростомъ высокая, съ баснословно тонкой тальей, при роскошно развитыхъ плечахъ и груди, ея маленькая головка, какъ лилія на стеблѣ колыхалась и граціозно поворачивалась на тонкой шеѣ; такого красиваго и правильнаго профиля я не видѣлъ никогда болѣе, а кожа, глаза, зубы, уши? Да это была настоящая красавица, и не даромъ всѣ остальныя даже изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ меркли какъ-то при ея появленіи. На видъ всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. Въ Петербургѣ, гдѣ она блистала, во-первыхъ, своей красотой и въ особенности тѣмъ виднымъ положеніемъ, которое занималъ ея мужъ,—она бывала постоянно и въ большомъ свѣтѣ, и при дворѣ, но ее женщины находили нѣсколько странной. Я съ перваго же раза безъ памяти въ нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши въ Петербургѣ, который бы тайно не вздыхалъ по Пушкиной; ея лучезарная красота рядомъ съ этимъ магическимъ именемъ всѣмъ кружила головы; я зналъ очень молодыхъ людей, которые серьёзно были увѣрены, что влюблены въ Пушкину, не только вовсе съ нею незнакомыхъ, но чуть ли никогда собственно ее даже не видѣвшихъ! Живо помню одинъ балъ у Бутурлиныхъ и смѣшную сцену, на которой я присутствовалъ. Это было, сколько припоминаю, въ зиму съ 1835-го на 1836-й годъ; я уже въ то время вышелъ изъ университета; Бутурлинъ этотъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Комбурлея; онъ имѣлъ двухъ дѣтей—дочь, вышедшую потомъ замужъ за графа Павла Строгонова, и сына Петра; этому сыну было тогда лѣтъ тринадцать, онъ еще носилъ коротенькую курточку и сильно помадилъ себѣ волосы. Такъ какъ въ то время балы начинались несравненно раньше, чѣмъ теперь, то Петинькѣ Бутурлину позволялось (его по-тогдашнему родные очень баловали) оставаться на балѣ до мазурки. Онъ, разумѣется, не танцовалъ, а сновалъ между танцующими. Въ тотъ вечеръ я танцовалъ съ Пушкиной мазурку и, какъ только оркестръ проигралъ ритурнель, отправился отыскивать свою даму: она сидѣла у амбразуры окна и, поднеся къ губамъ сложенный вѣеръ, чуть-чуть улыбалась; позади ея, въ самой глубинѣ амбразуры, сидѣлъ Петинька Бутурлинъ и, краснѣя и заикаясь, что-то говорилъ ей съ большимъ жаромъ. Увидавъ меня, Наталья Николаевна указала мнѣ вѣеромъ на стулъ, стоявшій подлѣ, и сказала: — «Останемтесь здѣсь, всетаки, прохладнѣе»; я поклонился и сѣлъ. — «Да, Наталья Николаевна, выслушайте меня, не оскорбляйтесь, но я долженъ былъ вамъ сказать, что я люблю васъ, — говорилъ ей, между тѣмъ, Петинька, который до того по-

терялся, что даже не замѣтилъ, что я подошелъ и сѣлъ подлѣ,— да, я долженъ былъ это вамъ сказать,—продолжалъ онъ,—потому что, видите ли, теперь двѣнадцать часовъ, и меня сейчасъ уведутъ спать!» Я чуть удержался, чтобы не расхохотаться, да и Пушкина кусала себѣ губы, видимо, силясь не смѣяться; Петиньку, дѣйствительно, безжалостно увели спать черезъ нѣсколько минутъ.

Но возвращусь въ Дерптъ, куда послѣ вакацій я пріѣзжалъ съ немного помутившейся головой и не сразу могъ приниматься за работу. Впрочемъ, надо сказать, что то спокойствіе, которое царствовало въ Дерптѣ, скоро разсѣявало чадъ петербургскихъ удовольствій.

Годы проходили, между тѣмъ, и мы ревностно приготовлялись къ послѣднему экзамену. Тутъ случилось обстоятельство, повліявшее на мою будущность. Человѣкъ шесть изъ моихъ самыхъ близкихъ товарищей вознегодовали на одного изъ нашихъ профессоровъ, человѣка, въ самомъ дѣлѣ, очень непріятнаго и всячески насъ притѣснявшаго; я негодовалъ столько же, сколько они, но говорилъ, по обыкновенію, еще съ большимъ жаромъ. Однажды, послѣ веселаго ужина, они, проходя мимо квартиры профессора, швырнули ему въ окно нѣсколько камней; стекла разлетѣлись въ дребезги, поднялся шумъ, крикъ, профессоръ послалъ за полиціей, но товарищи мои успѣли уже убѣжать. Я не только не былъ въ ихъ обществѣ въ этотъ вечеръ, но меня, кажется, вовсе даже въ тотъ день не было въ Дерптѣ; тѣмъ не менѣе, въ городѣ распространился слухъ, что Соллогубъ началъ безчинствовать, бить у начальства окна и т. д. Профессоръ, который меня терпѣть не могъ и слышать не хотѣлъ, что я не находился въ ватагѣ, причинившей ему убытокъ и непріятности, и на выпускномъ экзаменѣ такъ возстановилъ своихъ собратовъ и вообще университетское начальство противъ меня, такъ, что называется, «затормошилъ» меня на экзаменѣ, что вмѣсто кандидатскаго диплома, на который я сильно разсчитывалъ, я скромно окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, къ великому неудовольствію моихъ родителей. Я покинулъ Дерптъ, который долженъ былъ въ будущемъ играть важную роль въ моей семейной жизни, и отправился къ роднымъ въ Петербургъ. Нѣсколько разъ мнѣ случилось въ моей жизни быть, какъ и въ Дерптѣ, безъ вины виноватымъ. Однажды, какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что я застрѣлилъ на дуэли— измѣннически убилъ сына одного изъ моихъ ближайшихъ пріятелей и родственниковъ, князя Аркадія Суворова; между тѣмъ, я ни разу, въ бытность мою на Кавказѣ, не дрался на дуэли, а Аркадій Суворовъ здравствуетъ до сихъ поръ, и я со всей его семьей въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Этотъ нелѣпый и лишенный всякаго основанія слухъ до того было укоренился, по возвращеніи моемъ изъ Тифлиса въ 1858 году, что только милостивыя

слова, снизошедшія съ высокихъ устъ, положили ему предѣлъ. Другая, также лишенная основанія, выдумка причинила мнѣ большое неудовольствіе и навсегда возстановила противъ меня человѣка, расположеніемъ котораго я, конечно, дорожилъ. Я всегда высоко цѣнилъ талантъ и уважалъ характеръ Салтыкова (Щедрина) и находился съ нимъ въ отношеніяхъ хорошаго знакомства. Однажды, послѣ довольно долгой разлуки, я встрѣтился съ нимъ, кажется, въ какомъ-то ресторанѣ и съ радушной улыбкой и протянутой рукой подошелъ къ нему; онъ меня встрѣтилъ такъ недружелюбно, такъ рѣзко отвѣчалъ на мои привѣтствія, что я, разумѣется, озадаченный, тотчасъ же отретировался; въ тотъ же вечеръ я съ досадой разсказалъ выходку Салтыкова одному изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

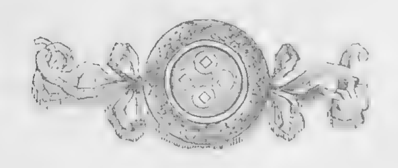
— Да, какъ же вы удивляетесь этому, графъ, — замѣтилъ мнѣ знакомый, — вѣдь вы сами подали къ этому поводъ...

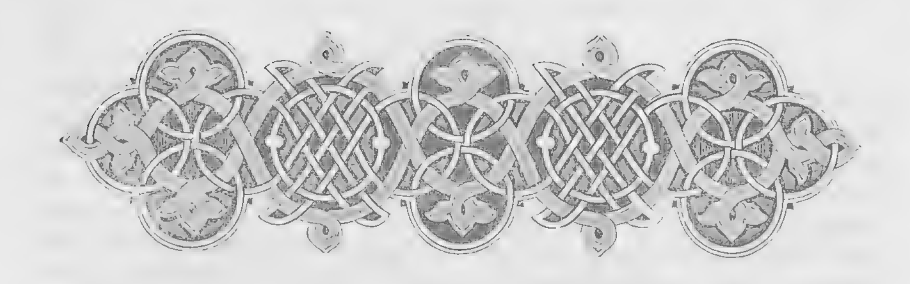
— Какъ? Чѣмъ?! — воскликнулъ я.

Оказалось, что снисходительная всероссійская молва приписывала мнѣ слѣдующее: я будто бы написалъ очеркъ, повѣсть, статью, пасквиль, ужъ не помню что, гдѣ въ самыхъ черныхъ краскахъ изобразилъ — «вывелъ» Щедрина; нечего и прибавлять, что я никогда ничего подобнаго не писалъ, что̀, однако же, не помѣшало ни Щедрину, ни многимъ другимъ быть увѣренными въ справедливости взведенной на меня сплетни до сихъ поръ. Что же сказать о моемъ второмъ бракѣ? Тутъ уже дѣйствовала не сплетня, эта зіяющая рана русской жизни, а злоба ненасытная, и такъ какъ дѣло шло отъ людей, если, увы, мнѣ и не дорогихъ, но близкихъ, то я вынужденъ былъ изложить, описать подробно мою женитьбу въ моихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ «Исторія моей жизни»; воспоминанія эти моя жена напечатаетъ послѣ моей кончины, когда ей заблагоразсудится; боюсь только, что съ свойственнымъ ей великодушіемъ она захочетъ пощадить людей, которые такъ мало щадили ее самоё.

Графъ В. А. Сологубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ ЛОНДОНѢ ВЪ 1844 ГОДУ [1].

III.

Пребываніе въ Англіи.

ВЪ ДЕСЯТЫХЪ числахъ мая стараго стиля, императоръ Николай выѣхалъ изъ Царскаго Села. Его сопровождала малочисленная свита, во главѣ которой находился генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде, обыкновенно сопутствовавшій его величеству при посѣщеніи имъ дворовъ австрійскаго и прусскаго, на этотъ разъ оставленъ былъ въ Петербургѣ.

Государь прибылъ въ Берлинъ въ Троицынъ день, 14-го (26-го) мая поутру, и остановился въ домѣ русскаго посольства. Въ посольской церкви шла обѣдня и читались молитвы съ колѣнопреклоненіемъ. Императоръ остался у входа и, сдѣлавъ знакъ, чтобъ никто не вставалъ, самъ опустился на колѣни. Разсказъ объ этомъ мы читаемъ въ письмѣ къ женѣ прусскаго посланника при лондонскомъ дворѣ, барона Бунзена, находившагося въ то время въ отпуску въ Берлинѣ и закончившаго письмо слѣдующими размышленіями: «Путешествіе царя будетъ имѣть громадныя послѣдствія. Все въ рукѣ Божіей. Сегодня пятидесятница, и мы празднуемъ величайшее изъ чудесъ» [2]).

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 343.

[2]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 14-го (26-го) мая 1844 года.

Къ обѣду въ Шарлотенбургѣ въ честь русскаго императора были приглашены лица его свиты, посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ баронъ Мейендорфъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько генераловъ и ученыхъ и въ числѣ послѣднихъ Александръ Гумбольдтъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV представилъ государю передъ обѣдомъ и Бунзена не только въ качествѣ министра при королевѣ великобританской, но и какъ своего личнаго друга. «Я надѣялся встрѣтить васъ въ Лондонѣ», — сказалъ ему императоръ. За столомъ разговоръ шелъ между королемъ и учеными его собесѣдниками о произведеніяхъ древней греческой словесности, между прочимъ, объ евменидахъ Еврипида. Государь не принималъ въ немъ участія и только спросилъ: — «Что такое евмениды?» — Король отвѣчалъ ему въ шуточномъ тонѣ: «Это превосходительства, получившіе чистую отставку и казенную квартиру за городомъ и т. д.». Государь, разсѣянно выслушавъ это объясненіе, продолжалъ свою бесѣду съ присутствовавшими генералами о военныхъ предметахъ. Не смотря на такое равнодушіе его къ классической древности, онъ произвелъ на Бунзена сильное впечатлѣніе. — «Въ каждомъ вершкѣ виденъ въ немъ императоръ», — писалъ о немъ прусскій дипломатъ своей женѣ [1]).

Въ Духовъ день государь выѣхалъ изъ Берлина, а въ Англіи еще ничего не знали о скоромъ прибытіи его. Лишь въ четвергъ 18-го (30-го) мая пришло туда извѣстіе, что его величество, посѣтивъ по пути короля нидерландскаго, прибудетъ въ Лондонъ въ субботу 20-го мая (1-го іюня) вечеромъ. Извѣстіе это застало англійскій дворъ въ расплохъ. Для приготовленій къ пріему оставалось не больше сутокъ, и они усложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одинъ день съ русскимъ императоромъ ожидали и короля саксонскаго. По приказанію королевы, для высокихъ посѣтителей отведены были покои въ Букингамскомъ дворцѣ.

Высадясь на берегъ въ Вульвичѣ, въ 10 часовъ вечера, государь ровно въ полночь прибылъ въ Лондонъ. Онъ не пожелалъ воспользоваться гостепріимствомъ двора и прямо пріѣхалъ въ Ashburnham House, гдѣ помѣщалась русское посольство. Оттуда онъ написалъ принцу Альберту собственноручное письмо, въ которомъ выражалъ желаніе свое какъ можно скорѣе имѣть свиданіе съ королевой.

На другой день, въ 10 часовъ утра, принцъ-супругъ явился къ императору и пробылъ у него около часу. Въ половинѣ втораго онъ снова пріѣхалъ въ посольство и сопровождалъ его величество въ Букингамскій дворецъ. Королева Викторія встрѣтила своего державнаго гостя на нижней ступени лѣстницы. Онъ завтракалъ съ королевскою семьею, посѣтилъ тетокъ королевы, герцогинь Кем-

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 14-го (26-го), 15-го (27-го), 16-го (28-го) мая 1844 года.

бриджскую и Глостерскую, и сдѣлалъ визитъ герцогу Веллингтону. Обѣдъ состоялся во дворцѣ, а ночевать государь возвратился въ домъ своего посольства.

Въ понедѣльникъ 22-го мая (3-го) іюня, императоръ утро посвятилъ прогулкѣ въ Риджентъ-паркѣ и по главнымъ улицамъ Лондона, а затѣмъ посѣщенію нѣсколькихъ знатныхъ лицъ. Онъ навѣстилъ леди Гейтесбюри, леди Пемброкъ, леди Кланрикардъ, занимавшихъ высшія должности при дворѣ королевы, а также перваго министра сера Роберта и леди Пиль. Къ завтраку въ посольствѣ приглашенъ былъ герцогъ Девонширскій, бывшій чрезвычайный посолъ при коронаціи 1826 года. Въ 6 часовъ вечера, государь отправился въ Виндзоръ, гдѣ на станціи желѣзной дороги снова встрѣтилъ его принцъ Альбертъ.

Въ Виндзорскомъ замкѣ императоръ Николай провелъ цѣлые четыре дня. Красота и великолѣпіе этого древняго жилища англійскихъ королей произвели на него пріятное впечатлѣніе.—«Оно достойно васъ, государыня»,—замѣтилъ государь королевѣ. Ея величество была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, и къ тому же англійскій дворъ носилъ трауръ по герцогѣ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ, отцѣ принца-супруга, а потому въ честь русскаго императора и короля саксонскаго нельзя было дать бала. Но въ развлеченіяхъ для высокихъ посѣтителей все же не было недостатка. Поутру происходили смотры, скачки, охоты. Вечеромъ многочисленное общество собиралось къ обѣду, происходившему въ большой Ватерлосской залѣ замка. На послѣдніе два обѣда гости были приглашены въ мундирахъ, по желанію государя, признавшагося королевѣ, что ему неловко во фракѣ, къ которому онъ не привыкъ. Съ военнымъ же мундиромъ,—прибавилъ онъ,—онъ до того сроднился, что разставаться съ нимъ ему также непріятно, «какъ если бъ съ него сняли кожу». И въ Виндзорѣ онъ не разстался со своими спартанскими привычками. По свидѣльству біографа принца Альберта, «первымъ дѣломъ его слугъ было по входѣ въ его спальню послать на конюшню за нѣсколькими снопами чистой соломы, чтобы набить его холщевой мѣшокъ, составлявшій матрацъ походной кровати, на которой онъ постоянно почивалъ» [1]).

Проводя весь день въ обществѣ королевы, императоръ Николай избѣгалъ, однако, разговоровъ съ нею о политикѣ. За то, онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы вступать въ подобные разговоры съ принцемъ Альбертомъ и главными министрами: серъ Робертомъ Пилемъ, лордомъ Абердиномъ, герцогомъ Веллингтономъ, находившимися въ числѣ приглашенныхъ къ королевскому столу. Бесѣды эти бывали очень продолжительны и длились иногда по нѣскольку часовъ. Собесѣдниковъ государя поражала необыкновенная прямота

[1]) Th. Martin: «The life of the Prince Consort», I, стр. 215.

и откровенность его рѣчей. «Я знаю, — говорилъ онъ имъ, — что меня принимаютъ за притворщика, но неправда. Я искрененъ, говорю, что думаю и сдерживаю данное слово» [1]).

24 мая (5 іюня), въ Виндзорскомъ паркѣ происходилъ большой парадъ. Войска и толпа собравшихся зрителей привѣтствовали русскаго императора восторженными кликами. Его величество оставилъ королеву лишь на нѣсколько минутъ, чтобы проѣхать вдоль фронта, и, возвратясь къ ней, благодарилъ ее за доставленный ему случай снова повидаться «со своими старыми товарищами». Похваливъ быстроту и точность движеній англійской артиллеріи, государь, обратясь къ королевѣ, сказалъ: «Прошу, ваше величество, разсчитывать и на мои войска, какъ на свои собственныя». Въ заключеніе всѣ бывшія на парадѣ части прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо королевы и императора. Во главѣ войскъ ѣхалъ престарѣлый главнокомандующій, герцогъ Веллингтонъ, а впереди своего полка—принцъ Альбертъ, салютовавшій ихъ величествамъ [2]).

На слѣдующій день были скачки въ Аскотѣ, національный праздникъ для всей Англіи. Пріемъ, сдѣланный императору безчисленными толпами народа, былъ еще шумнѣе и торжественнѣе, чѣмъ наканунѣ. Всеобщее вниманіе было устремлено на него. «Гдѣ онъ ни показывается, — писала мужу баронесса Бунзенъ, — всюду встрѣчаютъ его громкими восклицаніями. Статный и красивый мужчина всегда нравится Джону Булю, — такова національная его слабость. Кромѣ того, Джонъ Буль польщенъ столь высокимъ посѣщеніемъ, такимъ знакомъ вниманія, оказаннаго его королевѣ и ему самому. На скачкахъ государь причинилъ большое безпокойство своей свитѣ, отдѣлясь отъ нея и быстрыми шагами направившись одинъ въ самую середину толпы. Графъ Орловъ, баронъ Брунновъ напрасно пытались послѣдовать за нимъ. Хотя онъ и отдѣлялся отъ окружавшаго его народа высокимъ своимъ ростомъ и блестящимъ мундиромъ, но съ трудомъ пролагалъ себѣ путь въ толпѣ. Когда онъ возвратился къ своей свитѣ и замѣтилъ ея смущеніе, то засмѣялся и сказалъ: «Что съ вами? Эти люди не причинятъ мнѣ никакого зла!» Всякій со страхомъ вспомнилъ, — замѣчаетъ баронесса Бунзенъ, — о томъ, что̀ могли предпринять поляки [3])».

По мѣрѣ того, какъ императоръ Николай сближался со своими державными хозяевами, онъ все болѣе и болѣе располагалъ ихъ въ свою пользу. Государь былъ въ высшей степени предупредителенъ и любезенъ съ королевою, дружественно ласковъ съ принцемъ Альбертомъ, нѣженъ и привѣтливъ съ королевскими дѣтьми.

[1]) Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 400.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844 года. Ср. Guizot: Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, VI, стр. 209.

[3]) Баронесса Бунзенъ мужу, 26 мая (7 іюня) 1844 года.

«Вотъ сладкія минуты нашей жизни», — говорилъ онъ, указывая на нихъ ея величеству. Онъ бралъ дѣтей на руки, цѣловалъ ихъ, игралъ съ ними. О принцѣ Альбертѣ онъ отзывался съ крайнею похвалою. «Невозможно, — сказалъ онъ королевѣ, — представить себѣ бо́льшаго красавца, видъ его такъ благороденъ и добръ». Самому принцу онъ выразилъ надежду, что они когда нибудь встрѣтятся оба въ однихъ рядахъ на полѣ сраженія. Наконецъ, лорду Абердину его величество замѣтилъ, что хотѣлъ бы быть отцомъ такого сына, каковъ принцъ Альбертъ, а серу Роберту Пилю—что пожелалъ бы всякому германскому государю обладать способностями и умомъ супруга королевы [1].

Въ пятницу, 26 мая (7 іюня), дворъ возвратился въ Лондонъ. Въ этотъ разъ государь остановился уже въ Букингамскомъ дворцѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ женамъ министровъ и другимъ знатнымъ дамамъ, посѣтилъ леди Лондондери, леди Грахамъ и леди Канингъ и прогулялся по Гайдъ-парку. Обѣдъ происходилъ во дворцѣ, гдѣ вечеромъ былъ блестящій пріемъ, на которомъ собралось до 260 приглашенныхъ. Его величество, смѣясь, замѣтилъ королевѣ, что его смущаетъ представленіе незнакомыхъ ему лицъ, но представленіе все же состоялось: дамъ своего двора представляла императору сама королева, кавалеровъ — принцъ Альбертъ [2].

На томъ же вечерѣ представлялся его величеству дипломатическій корпусъ. При этомъ встрѣтилось затрудненіе, какъ поступить относительно представителей государей, либо не признанныхъ Россіею, либо такихъ, съ которыми были прерваны наши дипломатическія сношенія. Въ подобномъ положеніи находились министры бельгійскій, испанскій и португальскій. Императоръ согласился допустить и ихъ къ пріему и особенно ласково обошелся съ французскимъ посломъ, графомъ Сентъ-Олеромъ. Впрочемъ, милостивыя слова его величества относились лично къ послу и въ разговорѣ съ нимъ онъ даже ни разу не упомянулъ имени короля Людовика-Филиппа [3].

Утромъ, 27 мая (8 іюня), государь возобновилъ свои прогулки по Лондону, заѣзжалъ въ военный клубъ (United service club) и осматривалъ работы воздвигаемаго новаго зданія парламента, а потомъ отправился въ замокъ Чисвикъ, принадлежащій герцогу Девонширскому, давшему въ честь его блестящій праздникъ. Другой знатный членъ англійской аристократіи, также бывшій посолъ въ С.-Петербургѣ, лордъ Кланрикардъ, просилъ его величество удо-

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 23 и 30 мая (4 и 11 іюня) 1844 года. Ср. Th. Martin: «The life of the Prince Consort», стр. 218, съ Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 397.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844 года.

[3]) Ср. Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 396 и Guizot: Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, IV, стр. 210.

стоить своимъ посѣщеніемъ балъ, предположенный на слѣдующій понедѣльникъ 29 мая (10 іюня), но государь не принялъ этого приглашенія, такъ какъ отъѣздъ его былъ назначенъ на слѣдующій день, въ воскресенье. Въ Чисвикѣ онъ увидалъ лорда Мельбурна, бывшаго много лѣтъ главою министерства виговъ, столь враждебно относившагося къ Россіи. Въ тотъ же день за обѣдомъ во дворцѣ королева замѣтила, что лично министръ этотъ питаетъ глубокое уваженіе къ императору. «И я тоже очень уважаю лорда Мельбурна,—отвѣчалъ государь,—всѣ, кто служитъ вашему величеству, мнѣ дороги». Вообще, онъ былъ очень доволенъ сдѣланнымъ ему въ Чисвикѣ пріемомъ, съ похвалою отзывался о великолѣпіи и роскоши праздника и о большомъ числѣ присутствовавшихъ на немъ красавицъ [1]).

Приближался часъ разставанія. Отводя королеву подъ руку изъ-за стола въ гостиную, государь сказалъ: «Сегодня, къ несчастію, послѣдній вечеръ, когда я пользуюсь ласкою вашего величества, но воспоминаніе о ней вѣчно запечатлѣется въ моемъ сердцѣ. Я васъ, вѣроятно, больше не увижу». Королева Викторія возразила, что онъ легко можетъ снова посѣтить Англію. «Вы знаете, какъ трудно намъ предпринимать подобныя путешествія»,—воскликнулъ императоръ. «Но я поручаю вамъ дѣтей моихъ»,—прибавилъ онъ, съ грустью въ голосѣ [2]).

Вечеръ субботы окончился въ оперномъ театрѣ. Хотя тамъ и не ожидали королевы и ея августѣйшихъ гостей, но встрѣтили ихъ громомъ рукоплесканій. Не смотря на настояніе ея величества, государь не хотѣлъ занять мѣсто впереди ея. Тогда королева взяла его за руку и подвинула впередъ, при оглушительныхъ восклицаніяхъ публики [3]).

Въ день отъѣзда, приходившійся въ воскресенье, государь выслушалъ обѣдню въ церкви русскаго посольства и сдѣлалъ прощальные визиты первому министру и своему представителю при лондонскомъ дворѣ. За завтракомъ у королевы, онъ снова въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ выразилъ ей свою признательность и присовокупилъ: «Я уѣзжаю, съ чувствомъ глубочайшей преданности къ вашему величеству и къ тому (взявъ руку принца Альберта), кто сталъ для меня какъ бы братомъ».

Прощаніе императора съ королевскою семьею было задушевно. И гость, и хозяева казались растроганными. Сойдясь другъ съ другомъ ближе, они научились взаимно цѣнить и уважать одинъ другаго. «Я узнала императора,—писала королева Викторія дядѣ своему королю Леопольду,—а онъ узналъ меня». Въ дневникѣ своемъ

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844 года.
[2]) То же письмо.
[3]) То же письмо.

ея величество такъ описываетъ трогательную картину разставанья:

«Незадолго до пяти часовъ, мы спустились внизъ, чтобы ждать съ дѣтьми въ малой гостиной. Вскорѣ послѣ того вошелъ императоръ и началъ говорить съ нами. Затѣмъ, онъ сказалъ со вздохомъ и съ чувствомъ, смягчивъ всю строгость его осанки: «Я уѣзжаю отсюда, государыня, съ грустью въ сердцѣ, проникнутый вашею ласкою ко мнѣ. Вы можете всегда и вполнѣ положиться на меня, какъ на самаго преданнаго вамъ человѣка. Да благословитъ васъ Богъ!» Онъ снова поцѣловалъ и пожалъ мою руку, а я поцѣловала его. Онъ обнялъ дѣтей съ нѣжностью и сказалъ: «Богъ да благословитъ ихъ, вамъ на счастье». Онъ не хотѣлъ, чтобы я провожала его, говоря: «Умоляю васъ! Не идите дальше! Я упаду къ вашимъ ногамъ! Позвольте мнѣ отвести васъ въ ваши покои» [1])! Но, конечно, я не соглашалась и подъ руку съ нимъ направилась къ сѣнямъ... На верху немногихъ ступеней, ведущихъ въ нижнія сѣни, онъ снова крайне ласково простился со мною, и голосъ его обличалъ его смущеніе. Онъ поцѣловалъ мою руку, и мы обнялись. Увидавъ, что онъ дошелъ до двери, я спустилась съ лѣстницы, и онъ изъ кареты просилъ меня не оставаться тутъ; но я осталась и видѣла, какъ онъ съ Альбертомъ уѣхалъ въ Вульвичъ» [2]).

Въ Вульвичѣ государь осмотрѣлъ знаменитые доки и строящіяся на нихъ суда, и въ 7 часовъ вечера, простясь съ принцемъ Альбертомъ, отплылъ на англійскомъ кораблѣ «Black Eagle». Баронъ Брунновъ сопровождалъ его величество до Гревесенда, гдѣ государь вручилъ своему министру знаки ордена св. Андрея для принца Валлійскаго. Всѣ состоявшіе при императорѣ чины англійскаго двора были щедро одарены золотыми табакерками и другими богатыми подарками.

Передъ отъѣздомъ государь пожертвовалъ значительныя суммы на различныя патріотическія и благотворительныя цѣли. Независимо отъ приза, основаннаго имъ на англійскихъ скачкахъ, онъ велѣлъ препроводить отъ своего имени по 500 фунтовъ стерлинговъ герцогамъ: Веллингтону — на памятникъ Нельсону и Рутланду—на памятникъ самому Веллингтону. Такая же сумма была выдана, по его приказанію, для раздачи бѣднымъ англиканскаго прихода св. Георгія, въ чертѣ котораго находилось русское посольство; 1,000 фунтовъ стерлинговъ назначено обществу вспомоществованія неимущихъ иностранцевъ, а 100 фунтовъ на содержаніе учрежденной для иностранцевъ больницы [3]).

[1]) Королева была, какъ замѣчено выше, на седьмомъ мѣсяцѣ беременности. 25-го іюля (6-го августа) 1844 года, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ-принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ.

[2]) Изъ дневника королевы Викторіи, въ «Th. Martin: The life of the Prince Consort», I, стр. 221—222.

[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 1-го (13-го) іюля 1844 года.

На другой день по отъѣздѣ его величества долженъ былъ состояться балъ, ежегодно устраиваемый въ пользу проживающихъ въ Лондонѣ бѣдныхъ польскихъ выходцевъ. Государь разрѣшилъ барону Бруннову сдѣлать отъ своего имени приношеніе и отправить его къ стоявшей во главѣ предпріятія герцогинѣ Сомерсетской при письмѣ, въ которомъ посланникъ нашъ объявлялъ, что государю угодно видѣть въ покровительствуемомъ ею балѣ лишь дѣло благотворительности, а не политическую демонстрацію [1]).

По собственному выраженію королевы Викторіи, посѣщеніе Англіи императоромъ Николаемъ было «великимъ событіемъ и большою вѣжливостью» [2]). Всѣ были крайне польщены имъ, не только дворъ и министерство, но даже и оппозиція. Лордъ Пальмерстонъ писалъ по этому поводу: «Надѣюсь, что русскій императоръ останется доволенъ пріемомъ. Важно, чтобы онъ унесъ благопріятное впечатлѣніе изъ Англіи. Онъ могущественъ и во многихъ случаяхъ можетъ дѣйствовать или въ нашу пользу, или намъ во вредъ, смотря потому, хорошо или дурно онъ расположенъ къ намъ; и если мы можемъ пріобрѣсти его благоволеніе вѣжливостью, не жертвуя національными интересами, то было бы глупо не поступить такъ. Впрочемъ, я могу сказать, что онъ будетъ принятъ прекрасно, ибо извѣстно, что личность его, обхожденіе и манеры привлекательны» [3]).

Простота, непринужденность, ласковость въ обращеніи государя окончательно расположили въ его пользу и дворъ, и все англійское общество. Каждое появленіе его въ публикѣ вызывало восторженныя восклицанія. Но самую трудную побѣду одержалъ онъ надъ предубѣжденіями королевы Викторіи, до личнаго съ нимъ знакомства имѣвшей о немъ весьма неправильное представленіе, сложившееся подъ вліяніемъ предвзятыхъ и врожденныхъ взглядовъ на Россію и ея государя, бывшихъ въ то время въ ходу въ Западной Европѣ. Въ письмѣ, написанномъ тотчасъ по его пріѣздѣ къ королю бельгійцевъ, ея величество подробно изложила первое впечатлѣніе, произведенное на нее ея высокимъ гостемъ. Въ отзывѣ ея хотя и слышится кое-гдѣ, какъ бы отголосокъ прежнихъ предубѣжденій, но выражается прежде всего глубокое уваженіе къ личнымъ качествамъ русскаго императора.

«Видъ его, — писала королева, — безъ сомнѣнія поражаетъ; онъ все еще очень хорошъ собою; профиль его прекрасенъ, а манеры — полны достоинства и граціи. Онъ очень вѣжливъ, его внимательность и любезность даже внушаютъ опасеніе. Но выраженіе очей его строго, и не походитъ ни на что, прежде видѣнное мною. Онъ производитъ на Альберта и на меня впечатлѣніе человѣка несча-

[1]) Та же депеша. Ср. Guizot: Mémoires, IV, стр. 209.
[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 23-го мая (4-го іюня) 1844 года.
[3]) Лордъ Пальмерстонъ Вильяму Темплю, 24-го мая (5-го іюня) 1844 года.

стливаго, котораго давитъ и мучитъ тяжесть его безмѣрнаго могущества и положенія. Онъ рѣдко улыбается, а когда и улыбнется, выраженіе его улыбки несчастливое. Онъ очень простъ въ обхожденіи» [1]).

Въ другомъ письмѣ къ королю Леопольду королева продолжала: «Онъ (императоръ) былъ очень растроганъ, разставаясь съ нами, и искренно и непритворно тронутъ пріемомъ и пребываніемъ здѣсь, простота и спокойствіе которыхъ указываютъ на привязанность его къ семейной жизни. Привязанность эта дѣйствительно очень велика». И далѣе: «Теперь, разсказавъ все, что произошло, я передамъ вамъ мои мнѣнія и чувства объ этомъ предметѣ, которыя, смѣю сказать, раздѣляются и Альбертомъ. Я была очень настроена противъ посѣщенія, опасаясь стѣсненія и тягости, и даже въ началѣ оно мнѣ нисколько не нравилось. Но, проживъ въ одномъ домѣ вмѣстѣ, спокойно и нестѣснительно (въ томъ и состоитъ, какъ весьма справедливо полагаетъ Альбертъ, великое преимущество такихъ посѣщеній, что я не только вижу этихъ высокихъ посѣтителей, но и узнаю ихъ), я узнала императора, а онъ узналъ меня. Въ немъ есть многое, съ чѣмъ я не могу помириться, и я думаю, что надо разсматривать и понимать его характеръ такимъ, каковъ онъ есть. Онъ суровъ и строгъ, вѣренъ точнымъ началамъ долга, измѣнить которымъ не заставитъ его ничто на свѣтѣ. Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло — единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ; онъ не обращаетъ вниманія на искусства и на всѣ болѣе нѣжныя занятія; но онъ искрененъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, искрененъ даже въ наиболѣе деспотическихъ своихъ поступкахъ, будучи убѣжденъ, что таковъ единственно возможный способъ управлять. Я увѣрена, что онъ не подозрѣваетъ ужасныхъ случаевъ личнаго несчастія, столь часто имъ причиняемыхъ, ибо я усмотрѣла, изъ различныхъ примѣровъ, что его содержатъ въ невѣдѣніи о многихъ дѣлахъ, совершаемыхъ его подданными въ высшей степени продажными путями, тогда какъ онъ считаетъ себя чрезвычайно справедливымъ. Онъ помышляетъ объ общихъ мѣрахъ и не входитъ въ подробности; и я увѣрена, что многое никогда не достигнетъ до его слуха, да и не можетъ достигнуть, если пристально вглядѣться въ дѣло... Я готова сказать даже, что онъ слишкомъ откровененъ, ибо онъ говоритъ открыто передъ всѣми, чего бы не слѣдовало, и съ трудомъ сдерживаетъ себя. Забота его о томъ, чтобы ему вѣрили, очень велика, и я должна признаться, что сама расположена вѣрить его личнымъ обѣщаніямъ. Его чувства очень сильны. Онъ простъ, чувствите-

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 23-го мая (4-го іюня) 1844 года.

ленъ и ласковъ, а любовь его къ женѣ и своимъ дѣтямъ, и ко всѣмъ дѣтямъ вообще очень велика» [1]).

Королеву поразили мысли, высказанныя императоромъ о воспитаніи дѣтей и объ отношеніяхъ ихъ къ родителямъ. «Имъ слѣдуетъ внушать,—говорилъ онъ ей,—чувства возможно большаго почтенія, но также вселять въ нихъ и довѣріе къ родителямъ, а не страхъ». Про свое воспитаніе онъ замѣтилъ, что оно было очень строго и что онъ выросъ въ постоянной боязни передъ матерью. Не безъ удивленія услыхала ея величество изъ устъ русскаго самодержца выраженіе его глубокаго убѣжденія, «что въ настоящее время члены царственныхъ домовъ должны стремиться стать достойными своего высокаго положенія, чтобы помирить съ нимъ народное чувство». Взглядъ этотъ нашелъ себѣ задушевный отголосокъ въ сердцѣ принца Альберта,—замѣчаетъ его біографъ [2]).

Въ письмахъ къ королю Леопольду королева неоднократно возвращалась къ описанію наружности русскаго императора. «Онъ несчастливъ, и меланхолія, проглядывающая въ его внѣшности, по временамъ наводила на насъ грусть. Суровость его взгляда исчезаетъ въ значительной степени, по мѣрѣ того, какъ знакомишься съ нимъ, и измѣняется сообразно тому, владѣетъ ли онъ собою, или нѣтъ (его можно привести въ большое смущеніе,—замѣчаетъ въ скобкахъ королева), а также когда онъ разгоряченъ, такъ какъ онъ страдаетъ приливомъ крови къ головѣ. Онъ никогда не пьетъ ни единой капли вина и ѣстъ чрезвычайно мало. Альбертъ полагаетъ, что онъ слишкомъ расположенъ слѣдовать душевному импульсу или чувству, что заставляетъ его часто поступать несправедливо. Его восхищеніе женскою красотою очень велико... Но онъ остается вѣренъ тѣмъ, кѣмъ онъ восхищался двадцать восемь лѣтъ тому назадъ» [3]).

Эта послѣдняя черта въ характерѣ государя не ускользнула отъ вниманія и барона Стокмара. «Императоръ,—пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,—все еще великій поклонникъ женской красоты. Онъ выказалъ большое вниманіе всѣмъ англичанкамъ, бывшимъ прежде предметами его почитанія. Все это въ соединеніи съ повелительною его осанкою и предупредительною любезностью въ отношеніи прекраснаго пола, конечно, побѣдило большинство дамъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ. Мужчины хвалили его чувство собственнаго достоинства, тактъ и точность, отличавшіе его въ обществѣ» [4]).

Кратковременное пребываніе императора Николая въ Англіи несомнѣнно сдѣлало его крайне популярнымъ во всемъ Соединен-

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30-го мая (11-го іюня) 1844 года.
[2]) Изъ дневника королевы Викторіи.
[3]) Королева Викторія королю Леопольду. 30-го мая (11-го іюня) 1844 года.
[4]) Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 400.

номъ королевствѣ. О такомъ результатѣ его поѣздки баронъ Бринновъ писалъ графу Нессельроде въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Посѣщеніе Англіи нашимъ августѣйшимъ государемъ увѣнчало всѣ наши желанія и осуществило всѣ надежды. Невозможно дать вамъ вѣрное понятіе о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ въ этой странѣ присутствіемъ императора. Чувства дружбы, выраженныя ему ея величествомъ королевой, усердная заботливость о немъ принца Альберта, полныя довѣрія бесѣды его съ главными членами великобританскаго кабинета, воодушевленіе, съ которымъ встрѣтили его всѣ сословія англійскаго народа, наконецъ, искреннее удовольствіе, которое онъ испыталъ, увидавъ себя снова въ средѣ большаго числа лицъ, почтенныхъ его милостивымъ вниманіемъ во время перваго посѣщенія имъ Англіи, — всѣ эти обстоятельства въ совокупности вполнѣ отвѣчали справедливымъ ожиданіямъ нашего августѣйшаго государя» [1]).

Успѣхъ императорской поѣздки былъ единогласно признанъ и при другихъ иностранныхъ дворахъ. Австрійскій посланникъ въ Лондонѣ баронъ Нейманъ выразилъ по этому поводу свое удовольствіе барону Бруннову, а княгиня Меттернихъ, жена канцлера, занесла въ свой дневникъ, что, «повидимому, лондонская публика, не смотря на то, что она не была сначала расположена оказать императору Николаю хорошаго пріема, кончила тѣмъ, что помирилась съ нимъ и даже дошла до энтузіазма» [2]). Наконецъ, такой личный недоброжатель русскаго императора, какимъ былъ Гизо, вынужденнымъ нашелся признать обаяніе «государя-царедворца, прибывшаго съ цѣлью явить свое величіе и любезность, плѣнить королеву Викторію, ея министровъ, дамъ, аристократію, народъ, всѣхъ въ Англіи» [3]).

Но личнымъ успѣхомъ государя не исчерпывалось значеніе предпринятаго имъ путешествія. Оно имѣло важныя политическія послѣдствія, заслуживающія подробнаго изложенія.

IV.

Политическіе переговоры.

Въ Европѣ, предпринятой русскимъ императоромъ поѣздкѣ въ Англію единогласно приписывали большое политическое значеніе. Мы познакомились уже съ предположеніями, высказанными по поводу ея главою французскаго кабинета. Въ Берлинѣ терялись въ

---

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 1-го (13-го) іюня 1844 года.
[2]) Mémoires de Metternich, t. VII, p. 6.
[3]) Guizot, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. VI, p. 208—209.

догадкахъ, тѣмъ болѣе, что въ проѣздъ свой чрезъ этотъ городъ государь, повидимому, не счелъ нужнымъ открыть свои намѣренія королю Фридриху-Вильгельму. По крайней мѣрѣ, ближайшій другъ и довѣренный совѣтникъ короля, Бунзенъ, въ письмахъ къ женѣ своей, не высказывая ничего положительнаго, ограничивался соображеніями чисто гадательнаго свойства.

«Чего хочетъ императоръ»?—спрашивалъ онъ самъ себя.—«Во-первыхъ, онъ хочетъ сдѣлать непріятность королю Людовику-Филиппу; во-вторыхъ, подражать королю Фридриху-Вильгельму IV въ его царственной любезности относительно обладательницы Британскихъ островъ; въ-третьихъ, расположить въ свою пользу королеву Викторію, Пиля, Веллингтона и отстранить ихъ отъ Франціи. Эта послѣдняя цѣль—единственная разумная: она вдохновляетъ с.-петербургскій кабинетъ и составляетъ основаніе политики Бруннова». По мнѣнію Бунзена, это было нужно для осуществленія плановъ, касающихся близкаго будущаго, причемъ для Россіи важно было, чтобы Англія не дѣйствовала заодно съ Франціею. Въ этихъ видахъ, императоръ Николай, вѣроятно, подтвердитъ англійскимъ министрамъ то, въ чемъ они убѣждены и безъ того, а именно, что самъ онъ никогда не протянетъ руки Франціи для заключенія съ нею союзнаго договора, какъ того желали бы всѣ прочіе русскіе государственные люди (?), съ тѣмъ, чтобы подѣлить Турцію, не спрашиваясь ни Англіи, ни Германіи. Замѣчательно, что эта боязнь непосредственнаго соглашенія Россіи съ Франціею по восточнымъ дѣламъ одинаково свойственна англійскимъ и нѣмецкимъ министрамъ и дипломатамъ и не разъ находила себѣ выраженіе въ ихъ рѣчахъ и письмахъ.

«А потомъ?»—продолжаетъ спрашивать Бунзенъ.—«Потомъ? Ахъ! вотъ гдѣ міръ замкнутъ въ загородкѣ, мѣшающей ему видѣть суть вещей. Англія не даетъ условныхъ обѣщаній, не принимаетъ на себя условныхъ обязательствъ; среди ея нынѣшнихъ государственныхъ людей нѣтъ ни одного, кто былъ бы въ состояніи задумать относительно Турціи предусмотрительную политику и схватить топоръ за рукоятку; но если бы такой и нашелся, то онъ вынужденъ былъ бы отложить свои рѣшенія до наступленія кризиса, и не могъ бы ихъ принять въ виду будущаго. И такъ, въ концѣ концовъ, капризъ самодержца внушилъ ему мысль этого путешествія, во всякомъ случаѣ смѣлую мысль!» [1]).

Бунзенъ ошибался. Цѣль государя была и проще, и шире. Она состояла въ томъ, чтобы разсѣять укоренившіяся въ Англіи при дворѣ, въ правительствѣ, въ парламентѣ, въ общественномъ мнѣніи, предубѣжденія противъ русской политики, внушить довѣріе къ себѣ, къ своему личному характеру и откровеннымъ обмѣномъ

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 15 (27) мая 1844 года.

мыслей по главнымъ европейскимъ вопросамъ попытаться достигнуть искренняго и прочнаго соглашенія съ великобританскимъ кабинетомъ. Желаніе это раздѣлялось и главою этого кабинета серомъ Робертомъ Пилемъ, и министромъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ Абердиномъ, такъ много потрудившимися надъ осуществленіемъ императорской поѣздки, устраненіемъ всѣхъ представлявшихся ей препятствій.

Избѣгая политическихъ разговоровъ съ королевой, императоръ Николай не скрывалъ отъ нея, однако, что прибылъ въ Англію въ надеждѣ улучшить отношенія свои къ ея правительству. «Государямъ,—говорилъ онъ ей,—не мѣшаетъ время отъ времени взглянуть на положеніе дѣлъ собственными глазами, такъ какъ не всегда можно довѣрять дипломатіи. Личныя свиданія и переговоры возбуждаютъ въ нихъ чувства взаимной дружбы, сознаніе взаимныхъ пользъ; къ тому же въ простой бесѣдѣ каждому несравненно удобнѣе объяснить свои впечатлѣнія, намѣренія и побужденія, чѣмъ въ цѣлой массѣ посланій или писемъ» [1]). Коснувшись общаго состоянія Европы, государь утверждалъ, что главная его забота поддерживать хорошія отношенія съ Англіей, но отнюдь не въ ущербъ прочимъ державамъ, «лишь бы вещи оставались, каковы онѣ теперь». Не вдаваясь въ подробности и не разспрашивая королеву ни о чемъ, онъ упомянулъ только объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему востокомъ и внутреннимъ положеніемъ Австріи [2]).

Гораздо обстоятельнѣе и откровеннѣе былъ императоръ въ бесѣдахъ своихъ съ принцемъ Альбертомъ и съ членами кабинета. Съ ними онъ подвергалъ полному и всестороннему обсужденію всѣ главные насущные политическіе вопросы, и если не всегда успѣвалъ переубѣдить ихъ, за то не оставлялъ въ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своего прямодушія, чистоты намѣреній, твердости и непреклонности убѣжденій.

Англійское правительство и въ особенности дворъ были немало озабочены прерваніемъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Бельгіею. Молодое королевство со дня своего основанія пользовалось расположеніемъ сентъ-джемскаго кабинета, считавшаго его какъ бы своимъ созданіемъ. Кромѣ того, узы самой тѣсной дружбы и родства связывали королеву Викторію и ея супруга съ дядей ихъ, королемъ бельгійцевъ. Естественно было воспользоваться пребываніемъ въ Англіи императора Николая, чтобы возбудить съ нимъ вопросъ о возобновленіи прерванныхъ съ Бельгіею сношеній. Мысль эта была внушена лорду Абердину барономъ Стокмаромъ, неусыпнымъ блюстителемъ пользъ и выгодъ кобургскаго дома. По

---

[1]) См. Th. Martin: «The life of the Prince Consort», I, p. 215.

[2]) Изъ письма королевы Викторіи къ королю Леопольду, отъ 30-го мая (11-го іюня) 1844 года, тамъ же, стр. 223.

просьбѣ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Орловъ взялся предупредить о томъ государя.

Его величество имѣлъ съ лордомъ Абердиномъ продолжительную бесѣду 23-го мая (4-го іюня), на другой день по прибытіи своемъ въ Виндзорскій замокъ. Прежде чѣмъ министръ успѣлъ направить разговоръ на интересовавшій его предметъ, «вы хотите говорить со мною о Бельгіи?»—воскликнулъ съ живостью государь. «Хорошо. Давайте говорить о ней сейчасъ. Сядемте. Я забуду, что я императоръ; вы забудьте, что вы англійскій министръ. Будемте просто, я—Николай, вы—Абердинъ. Итакъ, вы говорите, что королева желала бы видѣть меня на дружеской ногѣ съ Леопольдомъ. Я самъ искренно желаю того же, я всегда любилъ и уважалъ дядю королевы, и былъ бы отъ души радъ возвратиться къ прежней нашей дружбѣ; но, пока польскіе офицеры останутся на службѣ короля,—это совершенно невозможно. Согласно нашему условію мы обсуждаемъ дѣло не какъ императоръ и министръ, а какъ джентельмены. Поляки были и остаются мятежниками. Позволительно ли джентельмену принимать къ себѣ на службу людей виновныхъ въ мятежѣ противъ его друга? Леопольдъ взялъ мятежниковъ подъ свое покровительство. Чтò бы сказали вы, если бы я сталъ покровительствовать О'Коннелю, вздумалъ назначить его своимъ министромъ? Что касается Скржинецкаго, это не такъ важно, онъ ранѣе оставилъ нашу службу, но Крушевскій—совсѣмъ другое дѣло, случай непростительный. Онъ былъ адъютантомъ брата моего Константина. Леопольдъ назначилъ его на довѣренный постъ, произвелъ въ генералы. Можетъ ли джентельменъ поступать такъ относительно другаго джентельмена? Скажите вашей королевѣ, что въ тотъ самый день, когда ея величество дастъ мнѣ знать, что поляки оставили службу короля бельгійцевъ, министръ мой получитъ приказаніе какъ можно скорѣе отправиться въ Брюссель».

«Я не призналъ бельгійской революціи, — продолжалъ государь,—и никогда ея не признàю. Впослѣдствіи, однако, я призналъ Бельгійское королевство. Я умѣю держать свое слово, уважаю договоры и свято исполняю ихъ. Я долгомъ считаю отнынѣ охранять существованіе Бельгіи, какъ и всякаго другаго установленнаго государства въ Европѣ. Я желаю преуспѣянія Бельгіи, кàкъ и всѣхъ прочихъ державъ» [1]).

На этомъ и остановилось дѣло. Въ виду категорическаго заявленія государя, англійскій министръ далѣе не настаивалъ. Лишь

[1]) Сохраненіемъ этого замѣчательнаго разговора императора Николая съ лордомъ Абердиномъ, а также приводимыхъ ниже разговоровъ его съ тѣмъ же Абердиномъ и серъ Робертомъ Пилемъ, мы обязаны барону Стокмару, записавшему ихъ со словъ англійскихъ министровъ. Своеобразные обороты, свойственные государю, не оставляютъ сомнѣнія въ подлинности означенныхъ рѣчей его. См. Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 394 и слѣд.

гораздо позже, а именно въ 1852 году, когда Бельгійскому королевству угрожали завоевательныя стремленія возстановленной имперіи во Франціи, и ему важно было заручиться поддержкою Россіи, король Леопольдъ рѣшился удалить бывшихъ въ его службѣ польскихъ офицеровъ. Вѣрный слову, данному лорду Абердину за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, императоръ Николай тотчасъ возобновилъ дипломатическія сношенія съ бельгійскимъ дворомъ.

Также рѣшительно и откровенно высказалъ государь лорду Абердину взглядъ свой на положеніе дѣлъ во Франціи и на правительство, народившееся въ ней изъ іюльскихъ баррикадъ. «Людовикъ-Филиппъ,—заявилъ онъ,—оказалъ Европѣ большія услуги, я признаю это. Лично, я никогда не буду его другомъ. Говорятъ, его семья примѣрна и вполнѣ заслуживаетъ похвалы; но самъ онъ,— что онъ сдѣлалъ? Чтобы основать, укрѣпить свое положеніе, онъ искалъ подкопать мое, подорвать достоинство мое, какъ русскаго императора. Я никогда ему этого не прощу». Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ сближенію Россіи съ Франціею въ глазахъ государя былъ самый принципъ іюльскаго правительства, принципъ революціонный, прямо противоположный и чувствамъ его, и политикѣ. Но, признавъ, въ 1830 году, Людовика-Филиппа, онъ не искалъ вредить ему, не давая врагамъ его ни малѣйшей поддержки. «Я не карлистъ, — говорилъ онъ лорду Абердину: — за нѣсколько дней до обнародованія указовъ, іюля 1830 года, я предостерегъ Карла X противъ всякой попытки совершить государственный переворотъ, я велѣлъ предсказать ему его послѣдствія; онъ далъ мнѣ честное свое слово, что и не помышляетъ о такомъ переворотѣ, и тотчасъ же приказалъ обнародовать указы. Я никогда не стану поддерживать Генриха V. Когда меня спросили подъ рукою, можетъ ли онъ посѣтить меня, я велѣлъ ему отвѣчать, что приму его, но только какъ частное лицо; а что въ виду того, что такой пріемъ могъ бы повредить его дѣлу въ глазахъ Европы, обезнадежить его друзей и сторонниковъ, лучше было бы, по моему мнѣнію, не возбуждать о немъ и рѣчи».

Государь замѣтилъ, что не одобряетъ «комедіи», разыгранной графомъ Шамборомъ въ Англіи; что послѣдній можетъ сохранять убѣжденіе, что онъ законный король Франціи, но что изображать изъ себя претендента—нелѣпо. Перейдя къ оцѣнкѣ современныхъ французскихъ государственныхъ людей, его величество прибавилъ: «Я совсѣмъ не люблю Гизо. Онъ мнѣ нравится еще меньше Тьера. Тьеръ хоть и фанфаронъ, но откровененъ; онъ гораздо менѣе вреденъ и опасенъ, чѣмъ Гизо, который такъ недостойно поступилъ съ Моле, самымъ честнымъ человѣкомъ во Франціи». О тѣсномъ союзѣ Англіи съ Франціей государь отозвался, что не жалѣетъ о немъ нисколько и желаетъ ему продолжаться какъ можно долѣе, хотя и не вѣритъ въ его долговѣчность. Первая буря въ палатѣ

разнесетъ его. Людовикъ-Филиппъ попытается сопротивляться, но если не почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, самъ станетъ во главѣ движенія, чтобы спасти свою популярность [1]).

Такія откровенныя рѣчи императора о нерасположеніи его къ существующему во Франціи порядку вещей вызвали горячія возраженія со стороны принца Альберта, а серъ Робертъ Пиль прямо заявилъ, что политика его направлена къ тому, чтобы по смерти короля Людовика-Филиппа французскій престолъ перешелъ безъ сотрясеній ближайшему законному наслѣднику Орлеанской династіи. «Я не имѣю ничего противъ этого,— отвѣчалъ государь.—Я желаю какъ можно больше счастія французамъ, но безъ спокойствія они не достигнутъ счастія. Они не должны производить взрывовъ внѣ своихъ предѣловъ. А потому будьте увѣрены, что я нимало не ревную васъ къ нимъ за ваше доброе согласіе съ Франціею, оно можетъ имѣть лишь благія послѣдствія для меня и для Европы. Вы пріобрѣтаете чрезъ него вліяніе, которое можете употребить съ пользою».

«Впрочемъ,—добавилъ его величество,—я пріѣхалъ сюда не съ политическою цѣлью. Я хочу завоевать ваше довѣріе, хочу, чтобы вы научились вѣрить, что я человѣкъ искренній, честный человѣкъ. Вотъ почему я открываю вамъ мои мысли объ этихъ предметахъ. Нельзя депешами достигнуть желаемаго мною результата».

Напомнивъ, что бывшій англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Дургамъ, скоро отрѣшился отъ прежнихъ предубѣжденій своихъ противъ него и Россіи, государь выразилъ увѣренность, что успѣетъ въ томъ же и относительно своего собесѣдника и Англіи вообще. «Надѣюсь,— воскликнулъ онъ съ жаромъ,—что личныя наши сношенія разрушатъ всѣ предразсудки, ибо я крайне дорожу мнѣніемъ англичанъ; но я не забочусь о томъ, что̀ говорятъ обо мнѣ французы, мнѣ плевать на ихъ слова» [2]).

На что было нужно государю довѣріе англійскаго правительства? Очевидно, не для осуществленія какихъ либо своекорыстныхъ плановъ на востокѣ, а для мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса путемъ общеевропейскаго соглашенія. Начало этому соглашенію уже было положено, въ 1833 году, въ Мюнхенгрецѣ, Россіею и Австріею, условившимися дѣйствовать сообща въ случаѣ распаденія Оттоманской имперіи. Къ этому условію примкнулъ берлинскій кабинетъ. Но успѣхъ его можно было считать обезпеченнымъ лишь съ той минуты, когда къ нему присоединилась бы и Англія. Въ такомъ случаѣ Франціи оставалось бы или безпрекословно подчиниться рѣшеніямъ прочихъ четырехъ великихъ державъ, или же дѣйство-

¹) См. тамъ же, стр. 395 и 397, и Гизо, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, VI, pp. 210—211.

²) См. Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 398.

вать одиноко противъ нихъ, очевидно, безъ малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ.

Ровно за годъ до поѣздки государя въ Лондонъ, графъ Нессельроде жаловался князю Меттерниху на подозрительность с.-джемскаго кабинета, основанную на распространенной въ Англіи традиціонной идеѣ, будто Россія силою или хитростью стремится вызвать паденіе Оттоманской имперіи, съ цѣлью найдти въ ея развалинахъ средство къ собственному расширенію [1]). Дабы разсѣять это предубѣжденіе, мы испрашивали согласія вѣнскаго кабинета на сообщеніе великобританскому правительству мюнхенгрецкой конвенціи по восточнымъ дѣламъ, но князь Меттернихъ нашелъ это неудобнымъ, ибо Англія могла бы спросить, почему актъ этотъ не былъ сообщенъ ей тотчасъ по вступленіи торіевъ въ министерство, и предложилъ взять на себя объявить лондонскому двору, что въ Мюнхенгрецѣ Россія и Австрія торжественно обязались другъ передъ другомъ поддерживать существующій порядокъ вещей въ Турціи [2]). Предложеніе это не только не отвѣчало намѣреніямъ императора Николая, но прямо противорѣчило имъ, а потому и было отклонено. Государь рѣшился самъ взять на себя трудное дѣло разсѣять предубѣжденія Англіи и побудить ее идти рука объ руку съ нами на востокѣ. Съ этой минуты поѣздка его въ Лондонъ была рѣшена.

Восточный вопросъ былъ главною тэмою разговора императора Николая съ министрами королевы. Глубоко убѣжденный въ неминуемости и близости распаденія Оттоманской имперіи, не смотря на искреннія усилія всѣхъ великихъ державъ, и въ числѣ ихъ и Россіи, поддержать ея существованіе, его величество приложилъ все стараніе, чтобы заставить главныхъ членовъ великобританскаго кабинета раздѣлить этотъ взглядъ.

«Турція умираетъ, — говорилъ онъ лорду Абердину: — сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умретъ, не умереть ей нельзя. Это будетъ критическая минута. Я предвижу, что мнѣ придется двинуть мои арміи. Австрія сдѣлаетъ то же. Въ этомъ кризисѣ я опасаюсь одной Франціи. Чего она захочетъ? Я ожидаю ее на многихъ пунктахъ: въ Африкѣ, въ Средиземномъ морѣ, далѣе, на востокѣ. Припомните ея экспедицію въ Анкону. Почему же ей не предпринять такой же въ Кандію, въ Смирну? При подобныхъ обстоятельствахъ развѣ Англія не должна будетъ перенести на востокъ всѣ свои морскія силы? Итакъ, въ этихъ странахъ встрѣтятся: русская армія, австрійская армія, большой англійскій флотъ. Сколько пороховыхъ бочекъ вблизи огня! Кто помѣшаетъ искрамъ взорвать ихъ?».

---

[1]) Гр. Нессельроде гр. Медему, 8-го (20-го) мая 1843 года.

[2]) Князь Меттернихъ гр. Нессельроде, 29-го мая (10-го іюня) 1843 года.

Еще откровеннѣе и гораздо опредѣленнѣе высказался государь въ разговорѣ своемъ съ первымъ лордомъ казначейства.

«Турція разрушается,—утверждалъ онъ:—дни ея сочтены. Нессельроде отрицаетъ это, но я въ этомъ убѣжденъ. Султанъ, хотя и не геній, но все же человѣкъ. Допустите, что съ нимъ случится несчастіе, что̀ увидимъ мы послѣ его смерти? Ребенка и регентство! Я не хочу единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы единый вершокъ».

Его величество говорилъ съ такимъ воодушевленіемъ, такъ громко, стоя у открытаго окна, что серъ Робертъ Пиль поспѣшилъ закрыть его изъ опасенія, чтобы слова государя не были услышаны на улицѣ. Онъ отвѣчалъ своему высокому собесѣднику, что Англія находится въ такомъ же точно положеніи относительно востока. Политика ея нѣсколько измѣнилась лишь въ одномъ пунктѣ: въ Египтѣ. Англія не согласится на установленіе въ этой странѣ слишкомъ сильнаго правительства, которое могло бы отказать въ проходѣ индійской почтѣ.

Императоръ продолжалъ:

«Теперь нельзя условиться о томъ, что̀ дѣлать съ Турціею въ случаѣ ея смерти. Подобный договоръ ускорилъ бы ея паденіе. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы сохранить настоящее положеніе. Но слѣдуетъ взглянуть честно, разумно на возможность разрушенія Турціи. Необходимо условиться на справедливыхъ основаніяхъ, установить вполнѣ искренно добросовѣстное соглашеніе, подобное тому, которое уже существуетъ между Россіею и Австріею»[1]).

Государь, очевидно, имѣлъ при этомъ въ виду тайную конвенцію, заключенную съ вѣнскимъ дворомъ въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ. Актомъ этимъ оба императорскіе кабинеты обязывались всѣми силами поддерживать существованіе Порты, но въ случаѣ ея распаденія ничего не предпринимать безъ предварительнаго соглашенія другъ съ другомъ[2]). Почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ опредѣлялось взаимное отношеніе Россіи и Англіи къ восточному вопросу въ меморандумѣ, излагавшемъ сущность происходившихъ въ Лондонѣ переговоровъ между императоромъ Николаемъ и великобританскими министрами и переданномъ бароном Брунновымъ лорду Абердину вскорѣ по возвращеніи государя въ Петербургъ. Исходя изъ того положенія, что сохраненіе Турціи, ея независимости и цѣлости составляетъ общій интересъ какъ Россіи, такъ и Англіи, русскій дворъ приходилъ къ слѣдующему заключенію:

---

[1]) Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 396—399.

[2]) Тайная мюнхенгрецкая конвенція по восточнымъ дѣламъ напечатана Мартенсомъ въ его собраніи трактатовъ и конвенцій, т. IV, ч. I.

«1) искать продлить существованіе Оттоманской имперіи въ ея настоящемъ положеніи, доколѣ эта политическая комбинація окажется возможною»;

«2) если мы (т. е. дворы с.-петербургскій и лондонскій) предвидимъ, что она должна разрушиться, то войдти въ предварительное соглашеніе относительно установленія новаго порядка вещей, имѣющаго замѣнить нынѣ существующій, и наблюдать сообща за тѣмъ, чтобы перемѣна, состоявшаяся во внутреннемъ положеніи этой имперіи, не посягала ни на безопасность ихъ собственныхъ владѣній и правъ, обезпеченныхъ каждому изъ нихъ договорами, ни на поддержаніе европейскаго равновѣсія» [1]).

Въ приведенныхъ здѣсь заключительныхъ словахъ русскаго меморандума нельзя не замѣтить старанія согласовать осторожную до боязливости политику графа Нессельроде съ личнымъ взглядомъ государя на неизбѣжность и близость паденія Оттоманскаго владычества въ Европѣ. Меморандумъ долженъ былъ неминуемо ослабить впечатлѣніе, произведенное въ Лондонѣ гораздо болѣе категорическимъ утвержденіемъ императора Николая по тому же предмету. Если вѣрить Бунзену, то государь прямо заявилъ англійскимъ министрамъ, что въ Россіи существуютъ два мнѣнія относительно Турціи: одни утверждаютъ, что она при смерти, другіе, что уже умерла. «Перваго мнѣнія,—продолжалъ его величество,—придерживается Нессельроде, самъ я держусь втораго».

Не подлежитъ сомнѣнію, что попытка нашей дипломатіи сгладить опасенія, которыя могли вызвать въ англійскомъ правительствѣ столь опредѣленныя слова государя, не была удачна. Она не только не разсѣяла свойственной англичанамъ подозрительности по отношенію ко всему, что касается дѣйствій Россіи на востокѣ, но даже дала ей новую пищу, подчеркнувъ противорѣчія между заискивающею дипломатическою фразою меморандума и прямодушною откровенностью рѣчей государя. Она устранила, такимъ образомъ, всѣ выгодныя послѣдствія этой откровенности и того благопріятнаго впечатлѣнія, которое всегда производитъ правдивое слово, сказанное въ сознаніи права, силы и достоинства. Ничего не можетъ быть вреднѣе въ политикѣ старанія прикрыть коренную противоположность интересовъ двухъ державъ разглагольствованіями о мнимомъ ихъ тождествѣ. Если иногда и удастся такимъ путемъ отдалить на нѣкоторое время столкновеніе, то совершенно устранено оно можетъ быть лишь при условіи открытаго признанія вышеупомянутой противоположности. Тогда является возможность, посредствомъ взаимныхъ уступокъ, не согласовать несогласуемое, какъ любятъ выражаться дипломаты, а уравновѣсить взаимныя пользы и выгоды. Именно эту цѣль и имѣлъ въ виду импе-

[1]) Тайный меморандумъ графа Нессельроде, іюль 1844 г.

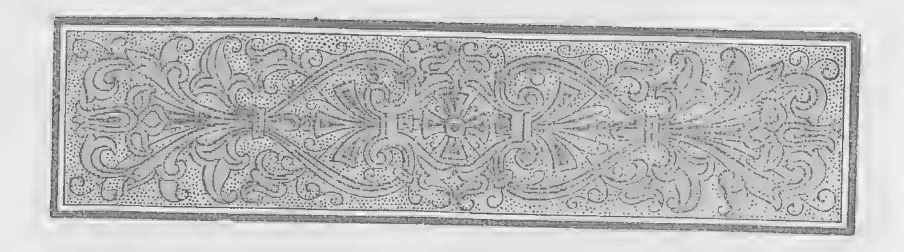
раторъ Николай, отправляясь въ Лондонъ, и достигнулъ ее лишь отчасти, прійдя къ соглашенію [1]) по частному средне-азіатскому вопросу. Къ сожалѣнію, услужливый тонъ меморандума графа Нессельроде лишилъ его плодовъ его царственной откровенности.

Положеніе, занятое Англіею десять лѣтъ спустя, въ виду несогласій нашихъ съ Турціею по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, и дѣятельное участіе ея въ Крымской войнѣ, служатъ тому безспорнымъ доказательствомъ.

С. Татищевъ.

[1]) Сущность этого соглашенія изложена бывшимъ дипломатомъ въ его Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, I, стр. 15. Послѣ напечатанія въ декабрской книжкѣ «Наблюдателя» 1885 года русскаго перевода первой главы этого изслѣдованія, стало извѣстно, что подъ псевдонимомъ «бывшаго дипломата», пишетъ старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ А. Г. Жомини.

И. С. АКСАКОВЪ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

—

I.

Въ ЯНВАРѢ 1851 года, пріѣхалъ я въ Ярославль на службу въ качествѣ младшаго чиновника по особымъ порученіямъ при тогдашнемъ военномъ губернаторѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бутурлинѣ. Попалъ я въ самый развалъ губернскаго зимняго сезона; общество дворянское на славу веселилось, и мнѣ, лишь два года тому назадъ сошедшему съ университетской скамейки, почти юношѣ и страстному танцору, удалось въ одну недѣлю перезнакомиться со всѣми и втянуться въ общій вихрь удовольствій. Жилось тогда вообще очень весело; само собою разумѣется, что въ юношескіе годы живется всегда веселѣе, чѣмъ въ 60 лѣтъ, но независимо оттого и веселиться умѣли тогда лучше, чѣмъ теперь. Дворянство было еще цѣло, а въ этомъ и была вся тайна этого искусства. Горяиновы, Шишкины, Левашовы, Осокины, Хомутовы, Волковы, Шубины, Татищевы—такія богатыя ярославскія фамиліи имѣли еще тогда въ полномъ смыслѣ барскую обстановку и не скупились на вечера и балы.

Среди молодежи встрѣтилъ я въ Ярославлѣ троихъ своихъ университетскихъ товарищей—В. Н. Никольскаго, А. Е. Львова и Н. А. Гладкова, всѣхъ троихъ профессорами Демидовскаго лицея; товарищескія отношенія наши возстановились, и такъ какъ моло-

дые профессора были въ Ярославлѣ уже второй годъ и познакомились съ мѣстнымъ міркомъ довольно близко, то при ихъ содѣйствіи мнѣ удалось вскорѣ въ немъ оріентироваться и за блестящею стороною его удовольствій увидать совсѣмъ иную подкладку. Ярославское начальство, какъ я узналъ, обрѣталось не въ авантажѣ, по случаю пребыванія въ губерніи особой слѣдственной коммиссіи, командированной сюда министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ для разслѣдованія крупныхъ злоупотребленій городской и земской администраціи.

Исторія состояла въ слѣдующемъ. Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ, свиты генералъ-маіоръ, когда-то кавалергардъ, рубака и герой турецкой и польской войнъ, а затѣмъ блестящій танцоръ придворныхъ баловъ, женившійся на любимой фрейлинѣ императрицы, графинѣ Ольгѣ Павловнѣ Сухтеленъ, взятый въ свиту, дослужившись до генеральскаго чина, получилъ губернаторское назначеніе въ Ярославль и тутъ впервые поставленъ былъ въ необходимость учиться дѣлу. Грамота эта, однако, ему не далась и больше всего помѣшало тому особое стеченіе обстоятельствъ въ самой губерніи. На должности вице-губернатора нашелъ онъ Валеріана Николаевича Муравьева (брата гр. Н. Н. Амурскаго), человѣка умнаго, честнаго, благонамѣреннаго, но, какъ всѣ Муравьевы, совсѣмъ цѣльнаго. Бутурлинъ, вполнѣ довѣряя его опыту, отдалъ себя его руководству, а на этомъ-то, къ сожалѣнію, они разошлись, такъ какъ вице-губернаторъ черезчуръ многаго потребовалъ отъ самолюбія своего старшаго и пустился чуть его не перевоспитывать; отношенія дружескія замѣнились вскорѣ колкими, раздражительными и черезъ какіе нибудь полгода они сдѣлались заклятыми врагами. А въ это время, какъ обыкновенно водится, явилось между ними третье лицо, подливавшее масло въ огонь и успѣвшее вполнѣ осѣдлать Бутурлина. То былъ правитель его канцеляріи, Александръ Ивановичъ С., посѣдѣлый во взяточничествѣ, кляузѣ и крючкотворствѣ іезуитъ, всегда невозмутимый, улыбающійся, ходившій неслышными шагами и успѣвшій забрать въ свои руки всю губернію. Концы свои хоронилъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Всѣмъ было извѣстно, напримѣръ, что въ Любимскомъ уѣздѣ сидѣлъ исправникъ Л., фаворитъ С., пристанодержатель и тайный атаманъ цѣлой разбойничьей и мошеннической шайки; но гусю этому все сходило съ рукъ, и всѣ доносы на него, даже въ Петербургъ, парализовались искусною рукою правителя канцеляріи. Бутурлинъ, въ ребяческой невинности своей по части дѣлъ, ничего подобнаго не подозрѣвалъ, въ С. души не чаялъ и подписывалъ все, что тотъ ему ни подавалъ, а досуги посвящалъ ухаживанію за прекраснымъ поломъ. Тутъ онъ былъ въ своей сферѣ и великимъ мастеромъ.

Но вотъ случилось ему поѣхать, однажды, зачѣмъ-то на 28 дней въ Петербургъ; Муравьевъ вступилъ въ губернаторскую должность

и тотчасъ же представилъ министру истинную картину положенія губерніи. Графъ Перовскій привскакнулъ на своемъ курульномъ креслѣ, прочитавъ донесеніе, и назначилъ въ Ярославль особую слѣдственную коммиссію подъ предсѣдательствомъ графа Юлія Ивановича Стенбока-Фермора, поручивъ ей разслѣдованіе и по дѣламъ раскола въ Ярославской губерніи, а въ члены и сотрудники далъ ему Ивана Сергѣевича Аксакова; другой же членъ, А. Н. Поповъ, взятъ былъ изъ ярославскихъ чиновниковъ, по указанію Муравьева. Не успѣлъ Бутурлинъ вернуться изъ Петербурга, какъ коммиссія нагрянула и при первыхъ своихъ дѣйствіяхъ обнаружила всѣ злоупотребленія, а тѣмъ временемъ Муравьевъ, получивъ другое назначеніе, уѣхалъ и вмѣсто него прибылъ изъ Петербурга новый вице-губернаторъ, З. А. Богдановъ.

Между коммиссіей и Бутурлинымъ, благодаря С., съ самаго начала сложились отношенія самыя натянутыя, и въ этотъ именно моментъ мнѣ и пришлось попасть въ Ярославль. Лицомъ самымъ выдающимся въ коммиссіи былъ, конечно, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ; товарищи мои, профессора, были съ нимъ уже знакомы и вскорѣ познакомили и меня.

Иванъ Сергѣевичъ жилъ у коллеги своего по училищу правовѣдѣнія, князя Андрея Васильевича Оболенскаго, товарища предсѣдателя уголовной палаты, котораго я зналъ еще по Петербургу, и это облегчило мнѣ сближеніе съ Аксаковымъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тридцать пять лѣтъ; послѣдній разъ мнѣ привелось встрѣчаться съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ 1883 году; но годы ни на іоту не измѣнили свѣжесть и чистоту его нравственнаго облика, съ молоду до конца своей жизни былъ онъ неутомимымъ борцомъ за правду.

Началъ службу свою Аксаковъ по министерству юстиціи и дослужился уже до званія оберъ-секретаря, что̀ въ молодые годы было очень успѣшно; но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, вышелъ въ отставку; поводомъ было крайне пристрастное рѣшеніе сената по дѣлу, которое онъ докладывалъ. Дѣло это было князя Ч. съ актрисой Аршиновой совсѣмъ вопіющее: дѣвушка сдѣлалась жертвою самаго безобразнаго разврата и насилія, послѣ чего послѣдовала ея смерть. Тутъ замѣшано было нѣсколько негодяевъ изъ тогдашней jeunesse dorée, дѣйствовали большія деньги, за нихъ отецъ продалъ свою дочь, и она погибла послѣ одной отвратительной оргіи. Словомъ, то была cause célèbre; князь Ч. содержался на гауптвахтѣ, и, казалось, каторги ему не миновать, но знатность, родство и опять же деньги взяли свое, и сенатъ оставилъ его въ сильномъ подозрѣніи. Иванъ Сергѣевичъ плюнулъ и тотчасъ же ушелъ изъ министерства юстиціи, а Перовскій поспѣшилъ пригласить его въ свое министерство. Новая дѣятельность представила Аксакову большой интересъ, и онъ вполнѣ ей отдался.

Въ тотъ вечеръ, какъ мы познакомились, онъ вернулся изъ уѣзда и привезъ собранный имъ матеріалъ по сектѣ бѣгуновъ, или странниковъ. Онъ первый ее открылъ, и весь вечеръ мы слушали отъ него подробности объ этомъ удивительномъ толкѣ. Свѣдѣнія о расколѣ вообще почерпнутыя тутъ были для меня совершенно новы, да вѣдь и мало кто тогда зналъ, что численность раскольниковъ дошла уже до громадной цифры и все болѣе прогрессируетъ и что въ нѣкоторыхъ сектахъ, какъ, напримѣръ, у бѣгуновъ, подкладка политическая. Министерство относилось съ большимъ вниманіемъ къ трудамъ Ивана Сергѣевича и оказывало ему въ нихъ живое содѣйствіе.

За первымъ вечеромъ пошли для меня и другіе; я часто посѣщалъ этотъ кружокъ и по мѣрѣ того, какъ знакомился съ Аксаковымъ, всею душою къ нему привязывался. Помимо дѣловой, раскрылась мнѣ и самая чарующая его сторона, какъ поэта, и я всегда оставался при томъ мнѣніи, что эта область была исключительнымъ его призваніемъ; онъ разсуждалъ только иначе, чѣмъ нашъ великій поэтъ, рожденный «не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ» и т. д., а весь отдался битвамъ и житейскимъ волненьямъ, въ особенности на поприщѣ публициста. Конечно, когда нибудь соберутъ и напечатаютъ всю массу неизданныхъ его поэтическихъ произведеній, и тогда вполнѣ обозначится образъ поэта въ молодые годы. Мнѣ привелось многія изъ нихъ читать, я могъ ихъ даже тогда списать; но, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого. «Бродяга», напримѣръ, никогда не появлялся во всей цѣлости, а тамъ, что ни сцена, что ни эпизодъ, все было прелестно. О «Чиновникѣ», другой его поэмѣ, совсѣмъ уже позабыли, а многіе ее даже не знаютъ, но и она была чрезвычайно оригинальна и мѣстами безподобна.

Разскажу здѣсь вкратцѣ ея содержаніе. Герой поэмы, кончившій курсъ, талантливый, прекрасно учившійся и вынесшій самые возвышенные идеалы студентъ, очутился за стѣнами университета совершенно одинокимъ на перепутьѣ жизни практической. Онъ человѣкъ бѣдный, долженъ трудомъ пролагать себѣ путь; а потому выборъ его составляетъ самый существенный покуда вопросъ, и въ этотъ моментъ являются къ нему два генія—добрый и злой. Добрый доворитъ: «Учись, отдай всѣ силы своей души наукѣ, нужда не должна тебя смущать, борьба съ нею будетъ тебѣ подвижничествомъ, спаси свой талантъ, не зарывай его въ землю. Но если область науки будетъ тебѣ не по силамъ, избирай всякое другое общественное поприще и служи на немъ только добру и правдѣ и отнюдь не своимъ личнымъ интересамъ, больше же всего бойся мертвящей все рутины; кого втягиваетъ она въ себя, тотъ навсегда погибъ для живаго, плодотворнаго дѣла». Злой духъ, между тѣмъ, коварно шепчетъ ему: «Все это лишь громкія слова и вздоръ.

Учился ты уже довольно и знаній у тебя достаточно, чтобы выдвинуться изъ толпы. Идеалами своими сытъ не будешь, плюнь ты на всю эту ахинею, міра не передѣлаешь; погляди, какъ онъ хорошъ, а для тебя найдется въ немъ не послѣднее мѣсто. Ты бѣденъ, иди служить; чиновники такіе, какъ ты, нужны. Брось мечты, дорожи своею молодостью; она сулитъ тебѣ много наслажденій, умѣй лишь извлекать средства для жизни, учись практикѣ. Рутиной не брезгуй, она во многомъ облегчитъ тебѣ пути».

Герой борется между этими двумя внушеніями геніевъ; но онъ слабъ, шопотъ злаго генія тлетворно дѣйствуетъ на его душу, и онъ, махнувъ на все рукою, вступаетъ въ храмъ чиновничества и промозглой рутины.

Далѣе изображается канцелярія. Хоръ чиновниковъ поетъ на мотивъ духовъ въ «Робертѣ». Они говорятъ, что имъ здѣсь живется прекрасно, что міръ бюрократіи доставляетъ имъ полное наслажденіе и что они ничего лучшаго для себя не желаютъ. Хоръ этотъ исполненъ юмора и сарказма.

И вотъ онъ служитъ и служитъ усердно. Повышенія идутъ своимъ чередомъ, его замѣтили, черезъ 10 лѣтъ онъ начальникъ отдѣленія, лицо совсѣмъ уже видное и много обѣщающее въ министерствѣ. Но какъ-то однажды, послѣ обѣденнаго стола, лежа на кушеткѣ, онъ переносится мыслію въ свое прошлое, и ему припоминается добрый геній. За десять лѣтъ нѣкоторые изъ его товарищей, далеко менѣе даровитые, чѣмъ онъ, успѣли уже составить своему имени извѣстность въ ученомъ мірѣ, о нихъ говорятъ, пишутъ, молодежь сдѣлала ихъ своими кумирами. Ну, а его-то работа чѣмъ обозначилась втеченіе этихъ десяти лѣтъ? Вопросъ этотъ наводитъ на него ужасъ. Что онъ можетъ на него отвѣтить? Писалъ, писалъ, писалъ, исписалъ сотни, тысячи стопъ... и никакого слѣда. Былъ значитъ машиной, автоматомъ. Сознаніе такого собственнаго ничтожества приводитъ его въ отчаяніе, и онъ взываетъ къ доброму генію. Тотъ является на его вызовъ и говоритъ ему: «Не отчаявайся, но не теряй ни минуты, брось все и примись за свое призваніе. Ты все еще наверстаешь».

Голосъ добраго генія его воодушевляетъ; онъ рѣшился раздѣлаться со своимъ чиновничествомъ, оно ему теперь противно; онъ беретъ листъ гербовой бумаги, пишетъ прошеніе объ отставкѣ и собирается его послать; но въ этотъ моментъ раздается звонокъ, входитъ курьеръ и подаетъ ему конвертъ, а въ немъ оказывается Анна съ короной. При видѣ этой цацы, все позабыто, и его тѣшитъ одна только мысль, что товарищъ его, тоже начальникъ отдѣленія, имѣетъ всего лишь Станислава въ петлицѣ. Какъ онъ ему теперь дастъ почувствовать свое превосходство!

Съ большею ретивостію отдается онъ теперь культу бюрократіи и дѣлается крайнимъ гонителемъ всякаго проблеска живой мы-

сли и высшаго образованія, называя ихъ вольнодумствомъ и неблагонадежностью. Спустя нѣкоторое время, онъ женится на богатой, окруженъ семьей, получающей модное воспитаніе. Вотъ пошли и звѣзды, служебное положеніе его очень высокое, но онъ спитъ и видитъ о бо̀льшемъ еще повышеніи. И вдругъ... случается что-то очень скверное: хватилъ его кондрашка. Организмъ его надорвался. Хилый, окруженный лекарствами, лежитъ онъ въ креслѣ, мысль его переносится опять назадъ въ отдаленныя времена молодости и вызываетъ трагическое состояніе души и полное безсиліе вернуть утраченное. Но онъ, всетаки, призываетъ добраго генія. Тотъ появляется печальный и говоритъ ему, что теперь уже поздно, онъ ничѣмъ не можетъ помочь ему.

Эпилогъ. Великолѣпныя похороны. Пѣвчіе, духовенство съ епископомъ во главѣ идутъ впереди, регаліи несутъ на нѣсколькихъ подушкахъ, катафалкъ запряженъ шестерикомъ, лошади покрыты черными сукномъ съ гербами. Гробъ золотой глазетовый, сверху его шляпа съ плюмажемъ. Каретъ и народу масса, среди народа идутъ толки,—между прочимъ, кричитъ старуха, которую чуть не задавили. Улица совсѣмъ запружена и черезъ нее съ трудомъ пробирается молоденькій, кавалерійскій офицеръ. У буточника онъ спрашиваетъ: «кого хоронятъ?» Такого-то, ваше благородіе,—называетъ бутарь.—«А кто онъ такой, помѣщикъ, купецъ?»—Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, чиновникъ.—«Чи-но-вникъ»!—говоритъ на распѣвъ офицеръ:—«такъ, должно быть, мошенникъ».

Занавѣсъ опускается.

Изъ произведенія этого, каково бы оно ни было по своей художественности, ясно видно, на сколько Иванъ Сергѣевичъ и тогда уже не возлюбилъ духъ чиновничества и бюрократіи и не скрывалъ этихъ чувствъ ни передъ кѣмъ. Теперь нельзя вспомнить безъ улыбки, что все, написанное имъ тогда, онъ думалъ печатать и посылалъ въ цензуру, а оттуда получалъ свои рукописи обратно съ сплошными зачеркиваніями красными чернилами. «Бродягу» и «Чиновника» мы читали именно въ такомъ видѣ. Это ужасно огорчало поэта, онъ понять не хотѣлъ, что гг. цензора совершенно иначе относятся къ объектамъ, ему ненавистнымъ, и громко ропталъ. Произведенія его списывались, ходили по рукамъ и, конечно, немало ему вредили. Въ томъ же самомъ Ярославлѣ, жандармскій полковникъ принадлежалъ къ числу усердныхъ ихъ чтецовъ и препровождалъ ихъ аккуратно въ III Отдѣленіе. Въ особенности помню, что одно изъ стихотвореній считалось очень вреднымъ. Оно кончалось слѣдующими строфами:

«Слабѣйте силы, вы не нужны,
Усни ты, духъ, давно пора,
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра».

А правда и добро, по убѣжденіямъ Ивана Сергѣевича, состояли въ честномъ служеніи землѣ, народу русскому и царю, но только не путемъ мертвящаго все живое бюрократизма и созданнаго имъ чиновничества.

II.

Девятнадцатилѣтнимъ юношей, со скамейки училища правовѣденія попалъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ московскій сенатъ и съ тѣмъ вмѣстѣ вернулся въ лоно своей почтенной и высокодаровитой семьи. Кѣмъ были его отецъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, и старшій братъ, Константинъ, считаемъ излишнимъ говорить, они слишкомъ извѣстны русскому обществу, потому уже, что всецѣло принадлежали къ плеядѣ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которыми имѣетъ право гордиться тогдашняя Москва. Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Погодинъ, Самаринъ, В. А. Поповъ, Валуевъ (оба послѣдніе рано похищенные смертью) и нѣсколько другихъ именъ, которыхъ теперь не припомню, считая въ средѣ своей и Аксаковыхъ, всѣ до одного располагая полнымъ арсеналомъ европейской науки, блюли во всей чистотѣ свое русское сердце и поставили себѣ задачею подъемъ русскаго національнаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ. Вокругъ нихъ стала быстро сгруппировываться и рости значительная часть тогдашной талантливой молодежи, и это явленіе не могло не вызвать протеста прежде всего среди самого общества, традиціонно воспитаннаго на европейскій ладъ. Корифеевъ русскаго дѣла иронически обозвали кличкой славянофиловъ и противъ нихъ выступили всѣ наличныя силы европейско-русскаго ареопага. Славянофилы назвали, въ свою очередь, противниковъ своихъ западниками, и отсюда началась извѣстная всѣмъ борьба, несомнѣнно принесшая громадную пользу для выясненія многихъ недоразумѣній и завершившаяся полнымъ торжествомъ русскаго національнаго дѣла.

Поэтическій талантъ Ивана Сергѣевича получилъ полный просторъ въ такой средѣ, а поверхностное образованіе училища, при воздѣйствіи той же среды, дополнилось имъ самимъ на столько, что, когда намъ привелось съ нимъ сойдтись, мы видѣли уже въ немъ человѣка съ обширнымъ и высокимъ образованіемъ.

Наши бесѣды охватывали собою самые жгучіе тогдашніе вопросы; но о конституціяхъ на европейскій ладъ у насъ и рѣчи никогда не заходило, мы и тогда уже, не смотря на сильныя вѣянія европейскія, ясно понимали значеніе русскаго самодержавія, какъ незыблемаго нашего устоя; но однимъ изъ главныхъ предметовъ чаще всего служилъ вопросъ крестьянскій. Иванъ Сергѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя думали, что этимъ дѣломъ нельзя медлить; между тѣмъ, общаго плана реформы ни у кого еще

не было, а все лишь одни отрывки, изъ которыхъ ничего не составлялось цѣлаго. Обязанные крестьяне князя Воронцова въ Муринѣ никого не удовлетворяли; порядки, заведенные Киселевымъ среди имѣній государственныхъ имуществъ, также какъ и порядки Перовскаго среди удѣльныхъ имѣній — сильно отдавали аракчеевщиной; смоленскихъ дворянъ съ княземъ Друцкимъ во главѣ считали завзятыми крѣпостниками; но la critique est aisée, mais l'art est difficile, и все сводилось къ тому, что, пеняя на медленность правительственную, никто ничего лучшаго его мѣропріятій не придумывалъ. Велись покуда одни толки и отнюдь не репетиловскаго пошиба, а имѣвшіе положительно полезную сторону тѣмъ уже, что вводили въ общее сознаніе неотложную необходимость отмѣны крѣпостнаго состоянія.

Когда все это припоминаешь теперь, нельзя не подивиться тому, какъ могло такъ глубоко запасть самое печальное недоразумѣніе между императоромъ Николаемъ и кружкомъ истыхъ русскихъ людей, называемыхъ славянофилами. Императоръ, самъ русскій человѣкъ до мозга костей, вступивъ на ступени трона при кровавомъ эпизодѣ 14-го декабря, пріуготовленномъ внутреннею и внѣшнею политикою предшествовавшаго царствованія, сознавалъ вполнѣ, что революціонное движеніе съ Запада можетъ быть остановлено однимъ лишь подъемомъ русскаго духа. Православіе, самодержавіе и народность — были его девизами, точно также какъ и славянофиловъ, а между тѣмъ онъ никогда славянофиламъ вполнѣ не довѣрялъ, и бывали моменты когда, подъ вліяніемъ разныхъ наговоровъ, конечно, нѣмецкихъ, видѣлъ въ нихъ революціонеровъ, а они, съ своей стороны, видѣли въ немъ поборника одной казенщины и тормазъ къ естественному ходу русскаго живаго дѣла. Это печальное недоразумѣніе лишило наше отечество многаго чрезвычайно важнаго и полезнаго. Что, если бы императоръ, втеченіе всего царствованія своего, думавшій только объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, вмѣсто Киселевыхъ и Перовскихъ съ Байковыми, умѣвшихъ придумывать одни только пальятивы и замаскированныя видоизмѣненія того же самаго крѣпостнаго права, обратился къ кружку русскихъ людей, понимавшихъ это дѣло несравненно глубже, и поручилъ бы имъ, хотя конфиденціально, разработку его деталей? Тогда бы, по всему вѣроятію, вопросъ разрѣшился бы еще за время его царствованія.

Но, къ сожалѣнію, недоразумѣніе это глубоко сидѣло, а въ Иванѣ Сергѣевичѣ предубѣжденіе противъ императора Николая оставалось во всю жизнь, и въ этомъ немалую роль играло давленіе николаевской цензуры на его молодыя произведенія. Она отбила у него охоту оставаться въ строгой рамкѣ поэзіи; поэтъ смолкъ и при новомъ царствованіи появился публицистъ, молчавшій почти все время въ послѣдніе годы царствованія Николая.

Но предубѣжденіе къ Николаю было не поголовнымъ у славянофиловъ, и прежде чѣмъ познакомиться съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я имѣлъ случай сойдтись съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ въ Симбирскѣ и слышалъ отъ него совершенно иной отзывъ о величавой личности императора, удостоившаго его продолжительной бесѣды по поводу его рижскихъ писемъ. Императоръ прочелъ эти письма въ то время, какъ Самаринъ сидѣлъ за нихъ по донесенію князя Суворова въ крѣпости, вызвалъ его оттуда и, повторяемъ, долго бесѣдовалъ. Объ этомъ Самаринъ вскользь говоритъ въ предисловіи къ «Окраинамъ Россіи», но я слышалъ отъ него подробный разсказъ объ этой бесѣдѣ. Государь укорилъ его въ томъ, зачѣмъ онъ не поискалъ пути, которымъ бы могъ писать къ нему прямо, и въ наказаніе за то, что онъ далъ огласку такимъ письмамъ, сказалъ, что назначаетъ ему мѣстомъ ссылки его же симбирскую деревню. «Но я тебя не позабуду, — заключилъ государь, — и поручаю тебѣ передать твоему почтенному батюшкѣ искреннюю мою признательность за внушенныя имъ тебѣ прекрасныя чувства патріотизма».

И Николай не позабылъ своихъ словъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, назначая Бибикова на должность кіевскаго генералъ-губернатора, онъ далъ ему правителемъ канцеляріи Самарина, въ виду чрезвычайно труднаго и сложнаго дѣла введенія инвентарей въ Юго-Западномъ краѣ.

Но возвратимся къ Ивану Сергѣевичу. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Ярославль братъ его, Константинъ, и, прогостивъ недѣли двѣ, очень оживилъ наши бесѣды. То была совсѣмъ иная личность, въ высшей степени любовная, по мнѣнію моему (которое да простятъ мнѣ читатели), далеко не такая талантливая, какъ Иванъ Сергѣевичъ. Константинъ производилъ впечатлѣніе монашеское, да онъ и былъ непостриженнымъ монахомъ въ дѣйствительности. Онъ составлялъ дополненіе къ высокодаровитой личности отца, Сергѣя Тимоѳеевича, и, приглядываясь къ нему, можно было замѣтить въ немъ отсутствіе полной оригинальности и самостоятельности. Вѣдь Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ, на самомъ дѣлѣ, очень крупный художникъ и человѣкъ замѣчательный. Сынъ его, Константинъ, стоялъ выше его, какъ ученый, но не какъ талантъ. Иванъ Сергѣевичъ же совмѣстилъ въ себѣ ихъ обоихъ и сохранилъ всецѣло свою собственную оригинальность.

Со мною, между прочимъ, вышло маленькое недоразумѣніе у Константина Сергѣевича. На одномъ изъ вечеровъ, когда онъ прекрасно и въ высшей степени интересно излагалъ взглядъ свой на крестьянскую общину, міръ, и необходимость сельскаго самоуправленія, я разсказалъ ему объ извѣстной мнѣ неудачной попыткѣ Ивана Петровича Мятлева (автора «Путешествій M-me Курдюко-

вой) ввести самоуправленіе у себя, въ симбирскомъ имѣніи, селѣ Порѣцкомъ. Исторія была такого рода.

Иванъ Петровичъ, очень богатый помѣщикъ, несчастливый въ супружествѣ, разъѣхался съ женой и отправился за границу искать развлеченія своему горю. Шляясь изъ угла въ уголъ, онъ заѣхалъ въ Шотландію, и здѣсь ему такъ понравилось все, что онъ прожилъ больше года въ какомъ-то деревенскомъ захолустьѣ, а въ это время пригляделся къ тамошнему самоуправленію. Альдермены, судьи, митинги, учитывающіе должностныхъ лицъ, все это было чрезвычайно просто и шло превосходно; любуясь такими порядками, онъ задумалъ ввести подобные имъ у себя, въ Порѣцкомъ, и, недолго откладывая, вернулся восвояси и принялся за дѣло. Иванъ Петровичъ, человѣкъ мягкій и добрѣйшій, притомъ надѣленный самымъ незлобивымъ юморомъ, далекъ былъ отъ угнетенія крестьянъ какими либо излишними поборами и тяжестями; такой же былъ у него и управляющій, Петръ Ивановичъ Кузьминъ. Призвалъ онъ прежде всего на совѣтъ Кузьмина, разсказалъ ему о предположеніи своемъ ввести сельское самоуправленіе, ни слова не намекая на его заморскій источникъ; Кузьминъ понялъ и одобрилъ, призвали батюшку и стариковъ; подолгу и не одинъ разъ обстоятельно толковали съ ними, и они, повидимому, поняли и одобрили, послѣ чего положено было ввести новое положеніе. Оно состояло главнымъ образомъ въ учрежденіи должности сельскаго старшины, съ помощниками, сельскаго суда изъ выборныхъ стариковъ судей и сельской сходки, вершающей всѣ важнѣйшіе вопросы.

Въ отличіе всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, Иванъ Петровичъ понавѣсилъ на нихъ различные знаки, въ видѣ мѣдныхъ бляхъ, и послѣ молебствія ввелъ положеніе въ дѣйствіе.

Какъ и почему не знаю, но только, не смотря на все стараніе барина и управителя, дѣло не пошло и вышла неимовѣрная путаница и чепуха. Два года бились Иванъ Петровичъ съ Кузьминымъ совершенно понапрасну, а въ заключеніе измаявшіеся крестьяне пришли сами и стали просить разрѣшенія возвратиться къ прежнимъ порядкамъ. Мятлевъ махнулъ рукой и сорвалъ досаду свою, написавъ тутъ же стихи на сельскую сходку. Они начинаются такъ:

«Ну, братцы, молодецъ нашъ староста Парфентій,
Ему ходить бы только въ лентѣ!
Ужъ мастеръ разсудить онъ каждаго изъ насъ!
Намедни дядюшка Тарасъ
Пришелъ къ нему въ субботу для разряду
И какъ-то»...

Дальше выходитъ непечатно, но дѣло въ томъ, что съ Тарасомъ и съ сельскою сходкою случилось общее несчастіе, отъ котораго пошелъ нехорошій запахъ, что не помѣшало старостѣ Парфентію черезвычайно мудро разсудить дѣло Тараса, но

«Съ тѣхъ поръ по всей артели про старосту пошелъ пріятный слухъ,
А мы узнали народный русскій духъ!»

Когда я разсказалъ этотъ эпизодъ и передалъ стихи, Иванъ Сергѣевичъ смѣялся до слезъ, и было чему смѣяться. Мятлевъ, выведенный изъ терпѣнія неудавшейся затѣей, обругался, какъ то дѣлаетъ всякій русскій человѣкъ въ минуту досады, и обругался до того крѣпко, что самъ расхохотался и другихъ разсмѣшилъ.

Немного спустя послѣ этого разсказа, я простился и ушелъ домой, нимало не подозрѣвая того, что сдѣлалъ себѣ недовольнаго мною, но объ этомъ сообщилъ мнѣ на другой день В. Н. Никольскій, зайдя ко мнѣ утромъ.

— Константинъ Аксаковъ, — сказалъ онъ мнѣ: — страшно возмущенъ твоимъ разсказомъ, и когда ты вчера ушелъ, онъ выразилъ даже удивленіе Ивану, какъ могъ тотъ смѣяться такой пакости, какъ стихи Мятлева. Подобная ругань на народъ есть кощунство. Развѣ виноваты мужики, что самодуръ помѣщикъ вздумалъ дѣлать надъ нами свои праздные эксперименты?

Когда мнѣ передалъ эти слова Никольскій, я схватилъ шляпу и побѣжалъ къ Константину Аксакову. Мнѣ ужасно было грустно, что я возмутилъ его безъ всякаго намѣренія. Съ первыхъ же словъ извиненія, онъ меня заставилъ замолчать и горячо обнялъ.

— Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы не въ состояніи сами кощунствовать на народъ; но, повторяя эти стихи, вы проглядѣли за смѣшной ихъ стороной глубоко кощунственный ихъ смыслъ въ устахъ досужаго и пустаго барина.

Мнѣ оставалось только увѣрить Константина Сергѣевича въ заблужденіи его относительно И. П. Мятлева, добрѣйшаго сердцемъ человѣка, глубоко несчастнаго своимъ семейнымъ горемъ и не способнаго тоже кощунствовать.

— Ну, такъ очень жаль за него, что онъ, не подумавъ хорошенько, такъ неловко сболтнулъ, да проститъ мнѣ Господь, что я его осудилъ.

Такъ говорилъ Константинъ Сергѣевичъ, замѣчательно чуткій ко всему, касающемуся народа, и прекрасный въ своемъ высокомъ идеализмѣ. А что бы онъ подумалъ, если бы ему сказали тогда, что черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, дѣло ихъ самоуправленія недалеко будетъ стоять отъ мятлевскихъ порядковъ, и въ литературѣ нашей явятся писатели, изъ числа такъ называемыхъ народниковъ, пришедшіе послѣ своихъ долговременныхъ наблюденій къ такому грустному убѣжденію, что народъ нашъ есть не что иное, какъ безформенная масса...

Съ такими-то писателями и приходилось за послѣдніе годы Ивану Сергѣевичу нерѣдко считаться въ своей «Руси».

Но на этомъ мы остановимся. Мѣсяца черезъ четыре, мнѣ привелось уѣхать изъ Ярославля, гдѣ я оставилъ еще Ивана Сергѣевича, такъ какъ дѣятельность коммиссіи далеко была не окончена. Обстоятельства мои сложились такъ, что въ Ярославль я уже бо-

лѣе не возвращался; Ивана Сергѣевича встрѣтилъ я года два спустя въ Москвѣ, бросившаго уже службу. Я нашелъ его ужасно раздраженнымъ противъ нашей казенщины; особенно онъ негодовалъ на косвенное прикосновеніе къ нему III-го Отдѣленія; въ рѣчи его слышались приведенные нами выше стихи:

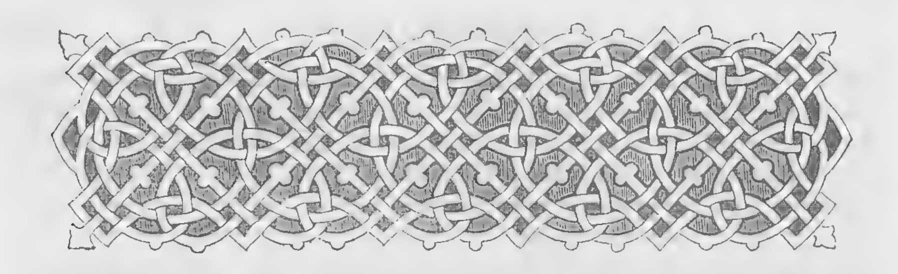
Слабѣйте силы, вы не нужны...

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ на Кавказъ и черезъ пятнадцать лѣтъ вернулся въ Москву, когда уже Иванъ Сергѣевичъ былъ на высотѣ своей дѣятельности публициста. Встрѣча наша произошла у Н. П. Колюбакина, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ припоминалъ времена нашего перваго знакомства въ Ярославлѣ.

Да будетъ на вѣки благословенна память этого прекраснаго русскаго человѣка, честно и неуклонно служившаго всю свою жизнь родинѣ, правдѣ и добру.

К. Бороздинъ.

ДРУЖЕСКАЯ ГРУППА.

НА ДОВОЛЬНО высокомъ правомъ берегу Волги, въ 16-ти верстахъ отъ Ярославля, по дорогѣ отъ него въ Нерехту, расположено при ручьѣ Великорѣчкѣ знаменитое село Сопѣлки. Извѣстность свою оно получило потому, что здѣсь развилась и окрѣпла секта, прозванная «странническимъ согласіемъ», «согласіемъ бѣгуновъ» или даже просто «сопѣлковцами». Объ этой сектѣ давно уже носились слухи, но правительство обратило на нее особенное вниманіе только съ 1850 года, вслѣдствіе обстоятельства, нарушившаго обычный ходъ жизни въ Ярославской губерніи. Въ 1849 году, ярославскіе жандармы захватили большую шайку разбойниковъ, вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ Пашкою. Шайка эта уже довольно времени хозяйничала въ Ярославскомъ уѣздѣ, но мѣстная полиція мирволила ей, извлекая свои выгоды изъ этого покровительства разбою[1]. Впрочемъ, въ тѣ времена не то бывало въ разныхъ углахъ Россіи. Можетъ быть, шайка Пашки не такъ скоро попалась бы въ руки правосудія, такъ какъ ей во время давали возможность укрываться отъ мѣръ, принимаемыхъ противъ нея высшею властью въ губерніи, но разбойники были выданы за денежное вознагражденіе любовницею атамана Пашки.

Пойманныхъ разбойниковъ предписано было изъ Петербурга судить военнымъ судомъ. Первоначально предполагалось находившихся въ близкихъ сношеніяхъ съ разбойниками бѣглыхъ крестьянокъ подвергнуть также наказанію по военному суду, но затѣмъ

[1]) См. «Труды ярославскаго статистическаго комитета», № 1, 1866 г.

такое предположеніе было измѣнено и найдено было полезнымъ предать женщинъ обыкновенному уголовному суду. Но, до назначенія надъ шайкою военнаго суда, признано было полезнымъ произвести подробное дознаніе о поводахъ образованія разбойничьяго скопища подъ начальствомъ атамана Пашки, а равно и о его дѣйствіяхъ. Для этого дознанія была образована въ Ярославлѣ особая слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго совѣстнаго судьи. Надобно полагать, что тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, остался недоволенъ дѣйствіями ярославской коммиссіи, потому что онъ вдругъ счелъ необходимымъ поручить производство слѣдствія своему чиновнику особыхъ порученій, графу Юлію Ивановичу Стенбоку, который и былъ назначенъ предсѣдателемъ означенной коммиссіи. Очень можетъ быть, что до свѣдѣнія министра дошло о томъ покровительствѣ, которое уѣздная полиція оказывала шайкѣ Пашки. Извѣстно, что графъ Л. А. Перовскій соперничалъ во власти съ всемогущимъ тогда шефомъ жандармовъ, графомъ А. Ѳ. Орловымъ, и въ качествѣ генералъ-полицеймейстера (министра внутреннихъ дѣлъ) стремился даже одно время выказывать передъ императоромъ Николаемъ I несостоятельность жандармеріи.

Графъ Стенбокъ, незадолго передъ тѣмъ, перемѣнилъ блестящую форму гвардейскаго офицера на вицъ-мундиръ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ. Я имѣлъ случай познакомиться тогда съ нимъ въ домѣ Н. И. Греча. Послѣдній разсказалъ мнѣ при этомъ знакомствѣ одно происшествіе, бывшее на его глазахъ на минеральныхъ водахъ Германіи, гдѣ въ то время господствовала азартная игра въ рулетку. Графъ Стенбокъ, не обладавшій большимъ состояніемъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ, принялъ изъ любопытства участіе въ этой азартной игрѣ. Счастіе ему повезло необыкновеннымъ образомъ, и онъ выигралъ очень значительную, особенно по его состоянію, сумму. Всѣ русскіе стали его поздравлять.

— Нѣтъ, господа, не поздравляйте; офицеру русской гвардіи непристойно обогащаться подобнымъ способомъ.

— Что же вы сдѣлаете? Неужели вы откажетесь отъ подобнаго огромнаго выигрыша?

— Буду играть, пока все не проиграю.

И графъ Стенбокъ сдержалъ свое слово. Впослѣдствіи графъ Стенбокъ перешелъ на службу въ вѣдомство удѣловъ, былъ директоромъ императорскаго фарфороваго завода и скончался въ семидесятыхъ годахъ въ должности предсѣдателя департамента удѣловъ.

Графъ Стенбокъ повелъ въ Ярославлѣ слѣдствіе горячо, неутомимо. Въ то время онъ отличался энергіею, силою воли, почему и былъ выбранъ для этого порученія графомъ Перовскимъ. На допросахъ Пашка назвалъ себя «христовымъ человѣкомъ», уроженцемъ села Сопѣлокъ. Обратили вниманіе на это селеніе. Оказа-

лось, что оно служитъ притономъ многочисленныхъ безпаспортныхъ людей обоего пола, являющихся туда изъ разныхъ мѣстъ Россіи и пользующихся также покровительствомъ мѣстной полиціи, которая предупреждаетъ пришлое населеніе Сопѣлокъ о моментѣ наѣзда туда высшихъ губернскихъ властей. Безпаспортные удалялись на это время изъ Сопѣлокъ въ Заволжье, въ неприступные въ тогдашнее время пошехонскіе лѣса. Захваченные безпаспортные также называли себя «христовыми людьми», причемъ оказалось, что они составляютъ особую раскольничью секту бѣгуновъ или странниковъ и что главный центръ ея находится въ селѣ Сопѣлки.

Графъ Стенбокъ въ то время почти вовсе не былъ знакомъ съ русскимъ расколомъ. Хотя впослѣдствіи онъ былъ употребляемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ по этимъ дѣламъ, особенно въ 1853 году, когда ему была поручена такъ названная тогда «статистическая экспедиція» въ Ярославской и Костромской губерніи съ цѣлью изслѣдованія, однако, не статистики, а современнаго положенія въ нихъ раскола, но до догматическаго, бытоваго, историческаго его значенія онъ не дошелъ въ той же мѣрѣ, какъ современный ему дѣятель по той же части, П. И. Мельниковъ. Съ Стенбокомъ, однажды, даже вышелъ любопытный курьёзъ. Графъ, принадлежавшій къ лютеранской религіи, усовѣщевалъ одного раскольника оставить его заблужденія и обратиться въ лоно православной церкви. Раскольникъ, изъ умныхъ и развитыхъ, молча слушалъ его и, наконецъ, брякнулъ:

— Да вы, ваше сіятельство, сами-то на какомъ же основаніи остаетесь въ расколѣ?

— Какъ въ расколѣ? Что за вздоръ?

— Да вѣдь вы, ваше сіятельство, Лютерова закона. Почему же васъ терпятъ, да и на царской службѣ еще держатъ. Вы бы намъ и показали собою примѣръ. Значитъ никоніанская вѣра не такъ правая, если и вы сами держитесь другаго толка.

Графъ Стенбокъ замолчалъ и прекратилъ свои увѣщанія.

Хотя для многихъ мѣстныхъ жителей Ярославской губерніи сопѣлковская секта бѣгуновъ давно была уже извѣстна, для графа Стенбока она, однако, оказалась такою неожиданною новостью, что онъ донесъ о томъ своему министерству. Въ Петербургѣ, повидимому, также не знали ее въ подробностяхъ, а потому на докладъ графа Стенбока предписали ему подробно и внимательно изслѣдовать вновь открытую имъ секту. Одновременно съ этимъ предписаніемъ сочтено было необходимымъ увеличить слѣдственную коммиссію графа Стенбока новымъ членомъ, присланнымъ въ Ярославль изъ Петербурга, именно состоявшимъ тогда на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Ему было, впрочемъ, поручено исключительно заняться изученіемъ вновь открытой секты, оказавшейся «странническимъ со-

гласіемъ», или «согласіемъ бѣгуновъ». И. С. Аксаковъ, окончивъ данное ему порученіе и представивъ министру свою записку объ этой сектѣ, выѣхалъ изъ Ярославля. Коммиссія графа Стенбока произвела потомъ дополнительныя изслѣдованія о бѣгунахъ, плодомъ чего была особая записка графа Стенбока о нихъ. Вообще, коммиссія Стенбока окончила только въ началѣ 1851 года свои труды, вмѣстившіеся въ 86-ти томахъ. Она изъѣздила всю Ярославскую губернію, особенно же ея юго-востокъ, и имѣла обширныя полномочія, въ силу которыхъ производила аресты подозрительныхъ лицъ даже въ Шуйскомъ, Костромскомъ и Нерехотскомъ уѣздахъ.

Участники въ разбойничьей шайкѣ Пашки подверглись присужденнымъ имъ по суду наказаніямъ.

При изслѣдованіяхъ коммиссіею графа Стенбока, село Сопѣлки оказалось главнымъ притономъ бѣгуновъ, а потому всѣ дома этого селенія, до послѣдней ветхой избушки, были подвергнуты тщательному осмотру. Послѣдствіемъ его было открытіе въ селѣ: одиннадцати тайниковъ; семи подъизбицъ съ тайными входами; множество секретныхъ отверстій въ стѣнахъ, заборахъ; также немало ходовъ на крыши сосѣднихъ домовъ прямо изъ оконъ; большое число тайныхъ корридоровъ и лѣстницъ изъ одного дома въ другой; пять ямъ, закрытыхъ досками, одинъ тайный выходъ къ огородамъ и гумнамъ на берегу Волги и проч. Напримѣръ, въ одной избѣ, похожей по наружному своему виду и внутреннему расположенію на всѣ остальныя избы села, оказалось, что, въ сѣняхъ къ наружной стѣны былъ придѣланъ шкафъ, внутри котораго на полкахъ была расположена посуда, а низъ шкафа составлялъ полъ сѣней. Но къ лѣвому боку шкафа, подлѣ пола, внутри была прибита гвоздями планочка. Оказалось, что, если вынуть посуду изъ шкафа и оторвать означенную планочку, то можно поднять полъ, составляющій низъ шкафа, а тамъ открывался входъ въ яму, выходившую уже на дворъ. Другаго рода тайникъ былъ найденъ въ маленькомъ чуланѣ, гдѣ стоило поднять лавку, а вмѣстѣ съ нею и половницу и попасть въ спускъ, въ подземелье, выходившее на огородъ. Сопѣлковскіе крестьяне, умудрившіеся въ подобнаго рода сооруженіяхъ для сокрытія своихъ безпаспортныхъ единомышленниковъ, устраивали тайники даже въ супружескихъ кроватяхъ, имѣвшихъ выходы въ подземелья. Въ домѣ крестьянина деревни Дудкина, Логина Прокофьева, былъ устроенъ такой помѣстительный тайникъ между двойными стѣнами избы, что въ немъ удобно скрывались до тридцати человѣкъ. Секретный выходъ изъ подобнаго тайника сдѣланъ былъ подъ печку посредствомъ бревна, прилаженнаго на шалнерахъ, а изъ-подъ печи сдѣланъ былъ выходъ уже въ другую избу[1]).

---

[1]) См. «Труды ярославскаго статистическаго комитета», 1866 г.

Всѣ эти тайники можно было бы принять за вымыселъ пылкаго воображенія, если бы ихъ существованіе не было подтверждено оффиціальнымъ слѣдствіемъ. Въ то время между раскольниками фанатизмъ былъ въ большомъ ходу, особенно среди вредныхъ, грубыхъ толковъ безпоповщины. Сопѣлковскіе бѣгуны принадлежали къ подобнымъ фанатикамъ. Одинъ изъ подобныхъ фанатиковъ однажды съ горькимъ чувствомъ говорилъ покойному П. И. Мельникову: — «Нынче и царство-то небесное трудно получить, помучиться-то за Христа нельзя, все на деньгу пошло» [1]).

Порученіе, данное графу Стенбоку, естественно, обратило на него вниманіе тогдашняго образованнаго общества въ Ярославлѣ. Болѣе развитые люди группировались около графа Стенбока и И. С. Аксакова. Составился кружокъ близкихъ къ нимъ въ то время въ Ярославлѣ лицъ. Этотъ кружокъ, собиравшійся очень часто по вечерамъ на бесѣды у графа Стенбока, прозванъ былъ въ ярославскомъ обществѣ «братіею». Но къ «братіи» принадлежали не одни члены правительственной коммиссіи. Члены «братіи» представлены на приложенномъ къ этой статьѣ рисункѣ, снятомъ съ литографіи, сохранившейся въ ростовской библіотекѣ А. А. Титова и доставшейся ему отъ его дѣда, человѣка крайне любознательнаго, имѣвшаго большое книгохранилище. Мнѣ разсказывали, въ 1885 году, въ Ярославлѣ, что эта литографія отпечатана была въ типографіи ярославскаго губернскаго правленія, въ 1850 году, только въ числѣ 25-ти экземпляровъ, потому что тогдашній мѣстный губернаторъ Бутурлинъ почему-то разгнѣвался за подобный рисунокъ и приказалъ уничтожить литографическій камень съ этою группою [2]).

Литографія была исполнена съ рисунка, сдѣланнаго искуснымъ карандашемъ Александра Васильевича Попова (нынѣ вице-директора департамента государственнаго казначейства), изображеннаго стоящимъ позади всѣхъ съ карандашемъ въ рукѣ (четвертая фигура справа). Графъ Юлій Ивановичъ Стенбокъ изображенъ первымъ съ правой стороны, съ сигарою, въ креслахъ, которыя донынѣ сохранились у коменданта Царскаго Села, генерала-отъ-инфантеріи Степанова, командовавшаго тогда полкомъ въ Ярославлѣ, и недавно праздновавшаго свой полувѣковой юбилей. Подлѣ Стенбока сидитъ Яковъ Александровичъ Купреяновъ, бывшій предсѣдателемъ

---

[1]) См. его оффиціальный докладъ министру внутреннихъ дѣлъ «О современномъ положеніи раскола», въ 1854 году.

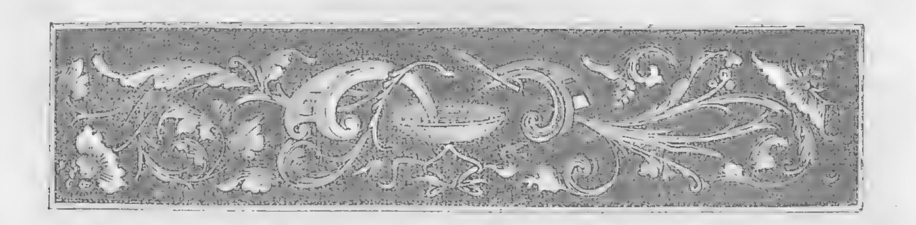
[2]) По словамъ одного лица, нынѣ сенатора, состоявшаго по особымъ порученіямъ при губернаторѣ Бутурлинѣ и проживавшаго въ Ярославлѣ съ 1850 года (т. е. съ послѣдняго періода занятій коммиссіи) до 1856 года, оно не слыхало объ уничтоженіи этого литографическаго камня по распоряженію губернатора. По мнѣнію этого лица, такъ какъ група была сдѣлана для пріятелей, а не для продажи, то ее отпечатали въ маломъ числѣ экземпляровъ, а затѣмъ стерли съ самаго камня рисунокъ.

гражданскаго суда въ Ярославлѣ, потомъ губернскимъ прокуроромъ, а теперь состоящій сенаторомъ. За нимъ изображенъ г. Унковскій, бывшій прокуроромъ въ Ярославлѣ; затѣмъ поручикъ инженеровъ путей сообщенія Авдѣевъ, литераторъ, извѣстный своими романами, нынѣ уже умершій; подлѣ него Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, скончавшійся 27-го января, а послѣдними двумя на лѣвой сторонѣ представлены Александръ Сергѣевичъ Хомутовъ (нынѣ членъ окружнаго суда въ Рыбинскѣ) и князь Андрей Васильевичъ Оболенскій (самый крайній), сидѣвшій при рисованіи въ креслахъ насупротивъ графа Стенбока.

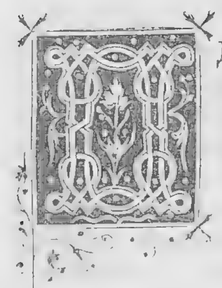
Изъ всѣхъ восьми лицъ, изображенныхъ въ этой группѣ, гг. Авдѣевъ, Унковскій, Купреяновъ, князь Оболенскій, не принадлежа къ составу коммиссіи, были постоянными собесѣдниками графа Стенбока по вечерамъ; А. С. Хомутовъ и А. В. Поповъ были членами правительственной коммиссіи по назначенію ярославскаго губернатора, при которомъ они состояли тогда чиновниками особыхъ порученій, а И. С. Аксаковъ и графъ Стенбокъ назначены были со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ членами той же коммиссіи, оставшейся не безъ слѣда въ исторіи изслѣдованія раскола.

Пав. Усовъ.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ И. С. АКСАКОВА.

ДИНЪ за другимъ, точно сговорились, покидаютъ насъ замѣчательные русскіе люди и сходятъ въ могилу, предоставляя нарождающемуся поколѣнію продолжать начатое ими дѣло; но, къ несчастью, жизнь все рѣже и рѣже, меньше и меньше, выставляетъ преемниковъ и продолжателей сшедшимъ въ могилу дѣятелямъ, и людямъ нашего времени, столь скуднаго талантами, остается одно — вспоминать съ признательностью объ усопшихъ «сѣятеляхъ добраго, вѣчнаго» и изъ ихъ дѣятельности почерпать идеалы, способные хоть немного освѣтить нашу будничную, малоплодную жизнь. Подобное воспоминаніе особенно умѣстно въ минуту тяжелой скорби, какую переживаетъ теперь вся мыслящая истинно русская Россія отъ потери великаго поборника національныхъ интересовъ, Ивана Сергѣевича Аксакова.

Я не имѣю въ виду, да и не располагаю средствами, чтобы говорить о покойномъ какъ о писателѣ-публицистѣ; я хочу лишь привести два факта изъ его частной жизни, ярко характеризующіе его горячее, любвеобильное сердце. Добрыя дѣла переживаютъ человѣка, являясь достояніемъ исторіи, но тѣ, которыя намѣренъ я передать, имѣютъ, кромѣ, такъ сказать, спеціальнаго значенія, особенное, касаясь отношеній и симпатій покойнаго къ наукѣ и литературѣ, нашедшимъ въ Иванѣ Сергѣевичѣ весьма крупнаго представителя.

Такіе факты ни одинъ честный человѣкъ не имѣетъ права держать подъ спудомъ.

Осенью 1880 года, будучи четверокурснымъ студентомъ Московскаго университета, я поселился на одной квартирѣ съ бывшимъ ученикомъ VII класса одной изъ московскихъ гимназій, человѣкомъ крайне даровитымъ, съ большой начитанностью, вышедшимъ изъ гимназіи лишь въ силу тяжелыхъ условій неприглядной семейной обстановки и вскорѣ прервавшимъ всякую матеріальную связь съ семьей.

Не имѣя призванія къ занятію репетиторствомъ и преподаваніемъ и обладая бойкимъ перомъ, мой сожитель тщетно толкался по разнымъ московскимъ редакціямъ, добиваясь или помѣщенія заготовленныхъ имъ беллетристическихъ вещичекъ, или сотрудничества по отдѣлу: «Театръ и музыка». Наконецъ, потерявъ терпѣніе выслушивать разныя обѣщанія и пресловутое: «навѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ», онъ, по моему совѣту, рѣшился обратиться за работой къ Ивану Сергѣевичу, издававшему уже тогда газету «Русь». Послѣ долгихъ колебаній, отправились мы на Спиридоновку, гдѣ тогда помѣщалась редакція. Я, зная редакціонные порядки, остался дожидаться на улицѣ, ждалъ долго, отправился наконецъ домой, и только часа черезъ два кандидатъ въ литераторы возвратился. Оказалось, что всѣ мѣста въ редакціи заняты, но Иванъ Сергѣевичъ удержалъ хотѣвшаго откланяться просителя, распросилъ его біографію, приглашая быть вполнѣ откровеннымъ, и заказалъ полугодичное обозрѣніе репертуара Малаго театра, такъ какъ проситель хлопоталъ о работѣ въ области искусства. Дѣло прошлое, но, положа руку на сердце, могу завѣрить, что редактору «Руси» не было никакой надобности въ театральной хроникѣ, она не входила въ программу изданія, не вязалась съ обычнымъ матеріаломъ газеты и не могла, наконецъ, интересовать подписчиковъ «Руси», привыкшихъ къ серьёзному чтенію. Да, кромѣ всего, статья моего пріятеля была единственной статьей по театру въ «Руси» за все время ея пятилѣтняго существованія. Все это я, конечно, сознаю теперь, но тогда мы оба были очень юны (пріятелю было 19 лѣтъ), не знали жизни и вѣрили на вѣру въ то, чего намъ хотѣлось, и сожитель мой былъ увѣренъ, что его статья не менѣе любой передовицы необходима для такого изданія, какъ Аксаковское. Черезъ нѣсколько дней, когда работа была окончена, отнесена и прочтена лично редактору (замѣтьте, на это нужно время), Иванъ Сергѣевичъ очень расхвалилъ ее и далъ за нее 25 рублей, хотя она, сколько я помню, даже при пятачковомъ разсчетѣ за строку, стоила maximum 15 рублей. Но мы, разумѣется, не имѣя ни малѣйшаго понятія о редакціонномъ тарифѣ, приняли гонораръ съ легкимъ сердцемъ, какъ должное за труды.

Затѣмъ, не имѣя возможности дать своему неожиданному сотруднику настоящаго дѣла (я уже сказалъ, что составъ редакціи былъ полонъ), Иванъ Сергѣевичъ поручалъ ему, для просмотра при-

сылавшіяся во множествѣ въ редакцію разнообразнѣйшія произведенія, при первомъ взглядѣ на которыя опытный литераторъ, какъ покойный, могъ, не обинуясь, признать ихъ никуда негодными. Спрашивается, для чего все это дѣлалось? Да только для того, чтобы не отказать въ помощи и вмѣстѣ съ тѣмъ не задѣть юношескаго самолюбія, отказывая въ работѣ и предлагая прямую подачку, отъ которой, несомнѣнно, проситель отказался бы. Наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ придумалъ новое дѣло для моего пріятеля — вести внутреннее обозрѣніе въ «Руси», или, вѣрнѣе, вырѣзать ежедневно изъ массы газетъ то, что ему казалось болѣе важнымъ. Не помню твердо, но, кажется, этотъ отдѣлъ въ «Руси» такъ и не привился, вѣроятно, по обилію текущаго матеріала и по недостатку мѣста (газета выходила два раза въ мѣсяцъ). Наконецъ, мой пріятель задумалъ жениться, и здѣсь не обошлось безъ самаго близкаго, реальнаго, или, точнѣе, матеріальнаго содѣйствія Ивана Сергѣевича. Вскорѣ затѣмъ мы разошлись съ пріятелемъ въ разныя стороны, и я знаю одно, что ему въ концѣ концовъ Иванъ Сергѣевичъ далъ мѣсто секретаря редакціи.

Это, такъ сказать, лицевая, показная сторона дѣла, а вотъ и закулисная. Каждый разъ въ бесѣдахъ съ своимъ сотрудникомъ Иванъ Сергѣевичъ наводилъ рѣчь на гимназію, говорилъ о необходимости для человѣка университетскаго образованія и eo ipso полученія аттестата зрѣлости, убѣждалъ готовиться къ выпускному экзамену при гимназіи и предлагалъ средства для жизни во время подготовленія къ экзамену. Мало того, чтобы лучше убѣдить юношу въ необходимости поступленія въ университетъ, Иванъ Сергѣевичъ обѣщалъ отправить его на свой счетъ изъ университета, или по окончаніи курса, за границу для конечныхъ занятій по избранной спеціальности, совѣтуя, если не ошибаюсь, заниматься философіей. Горячо и жарко говорилъ на эту тему Иванъ Сергѣевичъ, о необходимости широкаго образованія, знакомства съ европейской наукой и мыслью, если возможно въ самомъ ихъ родникѣ, дабы онѣ явились дѣйствительной, а не призрачной панацеей отъ многихъ и многихъ золъ человѣчества. Къ сожалѣнію, горячія слова Ивана Сергѣевича оказались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не онъ виноватъ, что ему не пришлось дать Россіи лишняго дѣятеля на національной почвѣ, въ сферѣ строго-русскихъ интересовъ. Онъ сдѣлалъ все, что могъ.

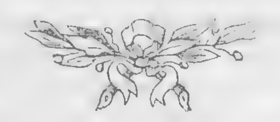
Другой случай былъ лично съ пишущимъ эти строки.

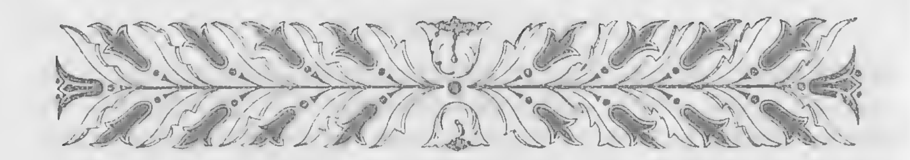
Въ началѣ 1881 года, находясь въ критическомъ положеніи и опираясь на вышеописанный прецедентъ, я рѣшился обратиться къ Ивану Сергѣевичу съ просьбой о какой нибудь работѣ, тѣмъ болѣе, что въ писательствѣ въ это время я уже искусился. Выслушавъ мою просьбу и отвѣтивъ, что всѣ отдѣлы газеты заняты, Иванъ Сергѣевичъ тотчасъ же взялъ только что полученную и даже не

разрѣзанную книжку «Архива князя Воронцова» (на французскомъ языкѣ), спросилъ меня, владѣю ли я новыми языками, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ сдѣлать выдержку изъ книги, или изъ отдѣльной статьи. Я помню, остановился на проектѣ Чичагова: «О причинахъ голодовки въ столицѣ (С.-Петербургѣ) въ 1806 г.», что было тѣмъ болѣе удобно, что въ 1881 году хлѣбъ стоялъ въ цѣнѣ и часто встрѣчались случаи стачекъ хлѣбныхъ торговцевъ. «Такую работу,—закончилъ бесѣду, прощаясь, Ив. Сергѣевичъ,—я вамъ всегда могу предложить!» Это былъ мой первый и, къ сожалѣнію, послѣдній визитъ къ покойному редактору «Руси». Обстоятельства измѣнились, явились затормозившія работу причины, и я долженъ былъ возвратить книгу назадъ съ извинительнымъ письмомъ и лишь позднѣе напечаталъ краткое резюме упомянутой статьи въ газетѣ «Московскій Телеграфъ». Вотъ все, что я хотѣлъ сказать на свѣжей могилѣ Ивана Сергѣевича. Много ли найдется у насъ людей, которые бы, не говорю — сдѣлали доброе дѣло такъ охотно, но такъ горячо, скоро, рѣшительно и благородно поддержали нравственно молодаго человѣка? Многіе ли изъ представителей печати рѣшатся принять въ свой кружокъ, не говорю—лагерь, такого homo novus, какимъ былъ я, или мой товарищъ для покойнаго редактора «Руси?» А между тѣмъ этотъ пріемъ, это теплое, отечески-участливое отношеніе едва ли не имѣли рѣшающаго значенія для моего пріятеля и отчасти для меня, сообщивъ обоимъ горячую любовь къ текущей литературѣ и занятіямъ въ періодической печати. То обаяніе, ту теплоту и сердечность обращенія, которыя испытывалъ я, бесѣдуя съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я испыталъ только одинъ разъ еще,—и это были лучшія минуты моей жизни,—въ бытность Ивана Сергѣевича Тургенева въ Москвѣ, на вечерѣ, данномъ въ 1878 году въ залахъ благороднаго собранія въ пользу недостаточныхъ студентовъ; но объ этой встрѣчѣ я разскажу когда нибудь въ другой разъ.

«Человѣкъ онъ былъ»! — повторю я слова, не разъ уже сказанныя объ И. С. Аксаковѣ, и думаю, что это самая лучшая оцѣнка его благороднѣйшей истинно-русской «широкой натуры» и чистѣйшей души.

Сергѣй Тимоѳеевъ.

ПАМЯТИ МУСОРГСКАГО.

Марта 16-го исполнится пять лѣтъ со дня смерти Мусоргскаго, и мнѣ хочется дать отчетъ друзьямъ и почитателямъ этого великаго композитора нашего въ томъ, что въ эти пять лѣтъ сдѣлано для его произведеній.

Мусоргскій умеръ 42-хъ лѣтъ, далеко не докончивъ всего того, что у него было задумано. Многое осталось послѣ него не доведеннымъ до конца; иное, если и было кончено, то не было еще напечатано, оставалось никому неизвѣстнымъ, а назначенное для театра не достигало еще сцены.

Теперь все, что оставалось сдѣлать, сдѣлано. Мнѣ хочется обозрѣть и разсказать это.

Я приведу сначала главныя черты изъ жизни нашего автора.

Модестъ Петровичъ Мусоргскій родился 16-го марта 1839 года, въ Псковской губерніи, въ имѣніи своихъ родителей, селѣ Каревѣ (Торопецкаго уѣзда), и прожилъ тамъ до 10-тилѣтняго возроста. Тогда его привезли въ Петербургъ и отдали въ Петропавловскую нѣмецкую школу. Въ 1852 году, онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и, по окончаніи полнаго учебнаго курса, выпущенъ оттуда, въ 1856 году, офицеромъ, въ Преображенскій полкъ. Но въ военной службѣ онъ пробылъ недолго: весною 1859 года онъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить все свое время музыкѣ и музыкальному сочиненію. Но онъ не въ состояніи былъ жить одними своими средствами, и черезъ четыре года вынужденъ былъ снова пойдти на службу. Съ 1863 по 1868 годъ, онъ прослужилъ чиновникомъ въ инженерномъ департаментѣ, потомъ, съ 1868 по 1879 годъ, чиновникомъ въ лѣсномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ, наконецъ, съ 1879 по 1880 годъ,

чиновникомъ въ департаментѣ государственнаго контроля. Послѣдній годъ своей жизни Мусоргскій провелъ внѣ службы и въ великой нуждѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ Россіи музыка (кромѣ плохой) не составляетъ еще значительнаго спроса ни со стороны публики, ни издателей, и не можетъ кормить талантливыхъ композиторовъ. Постоянный недостатокъ, неудачи, наконецъ, снятіе съ театральнаго репертуара лучшаго его созданія, оперы «Борисъ Годуновъ»,—сломили его силы, потрясли здоровье. Мусоргскій тяжко заболѣлъ, и, недолго прохворавъ, умеръ 16-го марта 1881 года, въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ.

Вотъ и всѣ главныя событія жизни Мусоргскаго. Біографія коротка, печальна, безотрадна, какъ почти у всѣхъ лучшихъ нашихъ талантовъ. Умеръ рано. Далеко не свершилъ всего, къ чему былъ, повидимому, назначенъ своими богатыми силами, богатою своею природою. Почти всю лучшую пору жизни своей принужденъ былъ провести на службѣ, за чиновничьимъ столомъ. А когда, не смотря на всѣ безпощадныя трудности жизни, всетаки, создавалъ крупныя, великія произведенія, которыми, конечно, будетъ гордиться будущая Россія, всякій разъ, со стороны властъ имущихъ въ музыкальныхъ дѣлахъ нашихъ, употребляемы были всевозможныя усилія для того, чтобы задавить эти произведенія, не дать имъ выглянуть на свѣтъ.

Немногіе, даже изъ ближайшихъ друзей и почитателей Мусоргскаго, знаютъ настоящую исторію его «Бориса Годунова»,—исторію о томъ, какъ эта опера была принята на нашу театральную сцену.

Одна изъ самыхъ горячихъ поклонницъ и цѣнительницъ Мусоргскаго, талантливая Ю. Ѳ. Платонова, писала мнѣ: «Когда, осенью 1870 года, Мусоргскій представилъ въ театрально-музыкальный комитетъ своего «Бориса», онъ получилъ отказъ. Режиссеръ русской оперы, Г. П. Кондратьевъ, далъ въ свой бенефисъ, въ началѣ 1873 года, три сцены изъ этой оперы (къ тому времени значительно пополненной многими новыми вставками), эти сцены имѣли громадный успѣхъ въ публикѣ, но, всетаки, дирекція отказывалась ставить оперу. Но я уже давно задалась мыслью поставить «Бориса» во что бы то ни стало, и рѣшилась на крайній шагъ. Лѣтомъ 1873 года, когда директоръ театровъ, Гедеоновъ, былъ въ Парижѣ, я по случаю возобновленія моего контракта писала ему о моихъ условіяхъ, изъ которыхъ первымъ нумеромъ было: я требую себѣ въ бенефисъ «Бориса Годунова», иначе контракта не подписываю и ухожу. Отвѣта отъ него не было, но я хорошо знала, что будетъ по-моему, такъ какъ дирекція не могла обойдтись безъ меня. Въ половинѣ августа Гедеоновъ пріѣхалъ, и первое его слово, обращенное къ Н. А. Лукашевичу (собственно начальнику костюмной и декораторской части, а на самомъ дѣлѣ—фактотому дирек-

тора, хорошему тогда пріятелю и моему, и Мусоргскаго), было: — «Платонова требуетъ непремѣнно «Бориса» въ бенефисъ, что мнѣ теперь дѣлать? Она знаетъ, что я не имѣю права поставить эту оперу, такъ какъ она забракована. Что же остается намъ? Развѣ вотъ что: соберемъ вторично комитетъ, пусть опять разсмотрятъ оперу (въ новомъ ея видѣ), для формы; можетъ быть, они теперь и согласятся пропустить «Бориса». — Сказано—сдѣлано. Комитетъ, по приказанію директора, вторично собирается и вторично бракуетъ оперу. Получивъ злополучный этотъ отвѣтъ, Гедеоновъ посылаетъ за Ферреро (бывшимъ контрабасистомъ), предсѣдателемъ комитета. Ферреро является. Гедеоновъ встрѣчаетъ его въ передней, блѣдный отъ злости.

— «Почему вы забраковали оперу?

— «Помилуйте, ваше превосходительство, эта опера совсѣмъ никуда не годится.

— «Почему не годится? Я слышалъ много хорошаго о ней!

— «Помилуйте, ваше превосходительство, его другъ, Кюи, насъ постоянно ругаетъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», еще третьяго дня... — при этомъ онъ изъ кармана вытаскиваетъ нумеръ газеты.

— «Такъ я вашего комитета знать не хочу, слышите ли! Я поставлю оперу безъ вашего одобренія! — кричитъ Гедеоновъ внѣ себя.

«И опера была разрѣшена самимъ Гедеоновымъ для постановки,— первый примѣръ, чтобы директоръ превышалъ свою власть въ этомъ отношеніи. На другой день Гедеоновъ прислалъ за мною. Сердитый, взволнованный, онъ подошелъ ко мнѣ и закричалъ:

— «Ну, вотъ, сударыня, до чего вы меня довели! Я теперь рискую, что меня выгонятъ изъ службы, изъ-за васъ и вашего «Бориса». И что вы только нашли въ немъ хорошаго, я не понимаю! Я вовсе не сочувствую вашимъ новаторамъ, и теперь изъ-за нихъ долженъ, можетъ быть, пострадать!

— «Тѣмъ больше чести вашему превосходительству,—отвѣчала я: — что, не сочувствуя лично этой оперѣ, вы такъ энергично защищаете интересы русскихъ композиторовъ.

«Казалось, теперь все благополучно. Да нѣтъ, новое препятствіе: г. **, ёжась и внутренно злясь, представилъ директору, что некогда дѣлать репетиціи, такъ какъ много другой работы. Тогда мы сговорились дѣлать репетиціи частныя, у меня на дому, подъ управленіемъ самого Мусоргскаго. Хоры, по приказанію директора, долженъ былъ учить Помазанскій. Такъ и сдѣлали. Ревностно мы принялись за дѣло, съ любовью разучивали восхищавшую насъ музыку, и въ одинъ мѣсяцъ были готовы. Явились къ капельмейстеру нашему Направнику, требуя оркестровой репетиціи. Морщась, онъ принялся и, конечно, съ обычною своею добросовѣстностью исполнилъ свое дѣло на славу. Вотъ, наконецъ, и состоялось пред-

ставленіе «Бориса» въ мой бенефисъ (24-го января 1874 года). Успѣхъ былъ громадный. Но на второмъ представленіи, послѣ «сцены у фонтана», ****, искренно преданный мнѣ, какъ другъ, но по наговору консерваторіи заклятый противникъ Мусоргскаго, подошелъ ко мнѣ въ антрактѣ со словами:

— «И вамъ нравится эта музыка! И вы взяли эту оперу въ свой бенефисъ!

— «Нравится, — отвѣчала я.

— «Такъ я вамъ скажу, что это позоръ на всю Россію, эта опера!! — крикнулъ мой собесѣдникъ чуть не съ пѣною у рта, повернулся и отошелъ отъ меня...».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повально вся наша музыкальная критика (въ томъ числѣ даже критикъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», долгое время глашатай, пропагандистъ и защитникъ новой русской школы) не уставала нападать на «Бориса», какъ на произведеніе «незрѣлое», «спѣшное», созданіе «недоучившагося музыканта», «диллетанта», «безграмотно, грубо и дерзко попирающаго всѣ традиціи, всѣ привычки...».

При такомъ отношеніи музыкальнаго начальства и критики, «Борисъ» продержался на сценѣ недолго. Послѣ смерти великаго нашего пѣвца, О. А. Петрова, съ необычайною талантливостью исполнявшаго роль монаха Варлаама, опера просуществовала еще нѣсколько времени, тѣмъ болѣе, что мѣсто Петрова занялъ г. Стравинскій, достойный наслѣдникъ Петрова, и очень талантливо и типично выполнялъ роль знаменитаго Пушкинскаго монаха. Ѳ. П. Коммисаржевскій, превосходный въ роли Дмитрія Самозванца, И. А. Мельниковъ—въ роли Бориса, тоже оставались на сценѣ; а Ю. Ѳ. Платоновой, талантливой, незамѣнимой Марины Мнишекъ, хотя и не было уже болѣе на нашей сценѣ, — ее вытѣснили оттуда Богъ знаетъ по какимъ нелѣпымъ соображеніямъ (которыя однажды будутъ разсказаны въ печати), но, всетаки, опера смѣло могла держаться. Однако, этого не случилось. Не взирая на всѣ симпатіи къ ней публики, особенно молодежи, ее свергзили и запретили, ее забраковали и сняли съ репертуара. И вотъ уже сколько теперь лѣтъ о ней нѣтъ ни слуху, ни духу! Вотъ какъ музыкальное начальство твердо знаетъ, что эта опера — «позоръ на всю Россію!». Но, мало того, даже пока опера еще терпима была на сценѣ, ее уродовали и коверкали съ полнѣйшимъ произволомъ. Начальство уничтожило всю послѣднюю картину 5-го акта, сцену народа съ бояриномъ Хрущевымъ, приходъ двухъ монаховъ, Варлаама и Мисаила, а потомъ двухъ іезуитовъ, въѣздъ Самозванца съ отрядомъ войска, славленье его народомъ, пожаръ города, наконецъ, «плачъ юродиваго»: эти господа считали, что это все нехорошо и неприлично по сюжету, да и плохо по музыкѣ. Иначе думали люди, понимающіе новую музыку и новый геніальный починъ Мусоргскаго: они признавали все, что такъ

храбро вычеркивала дирекція, высшими перлами русской музыкальной школы и нашими правами на крупную строку въ исторіи музыки. Въ то же время историкъ Костомаровъ, такъ талантливо и пристально изучавшій смутную эпоху междуцарствія, въ восхищеніи говорилъ, увидавъ «Бориса» Мусоргскаго на сценѣ: — «Да, вотъ эта опера — такъ настоящая страница исторіи!». Но этого у насъ не понимали, да и понимать не хотѣли власть въ оперѣ имущіе, и невѣжественный капельмейстеръ не только урѣзывалъ въ оперѣ все, что не имѣло чести нравиться его рутинному вкусу (напримѣръ, сцену Пимена, множество вещей въ 3-мъ и 5-мъ актѣ), но искажалъ самыя коренныя и характерныя намѣренія автора: онъ заставлялъ цѣлый хоръ или цѣлую группу хора произносить то, что назначено было для одного отдѣльнаго, индивидуальнаго дѣйствующаго лица. Этимъ онъ превращалъ реформаторскія нововведенія Мусоргскаго, эти маленькія отдѣльныя сценки въ средѣ массы хора, въ обыкновенные рутинные пріемы общепринятой оперы. Не больно ли было въ то время каждому понимающему истинную музыку, быть безсильнымъ свидѣтелемъ такого самоуправства? Не омерзительно ли было вспоминать, что ничего подобнаго не посмѣлъ бы сдѣлать въ Германіи съ операми Вагнера ни одинъ самый враждебный этому композитору капельмейстеръ, потому что съ него строго взыскала бы публика, и сказала бы: «Вы всѣ тамъ съ вашими личными вкусами какъ хотите, а намъ подавайте оперу точь-въ-точь такъ, какъ ее сочинилъ авторъ!». Но у насъ было иначе, и ремесленникъ-капельмейстеръ уродовалъ великое, недоступное его узкому умишку, созданіе какъ хотѣлъ, а въ заключеніе всего — опера и вовсе была выброшена вонъ съ репертуара, чего никогда не случалось ни съ одной изъ несчастныхъ оперъ Верди, ни съ одной изъ столько же несчастныхъ отечественныхъ оперъ, каковы «Демонъ», «Рогнѣда» и иныя.

Но когда, послѣ смерти Мусоргскаго, въ театральную дирекцію было представлено другое крупное созданіе Мусоргскаго, его посмертная опера «Хованщина», музыкальный комитетъ почти единогласно рѣшилъ, что эту оперу принимать на сцену не должно. Тотъ самый капельмейстеръ, который такъ безобразно, посвойски распоряжался съ «Борисомъ Годуновымъ», громогласно объявлялъ теперь, что «довольно дескать намъ и одной радикальной оперы». Члены комитета, товарищи и пріятели капельмейстера или подчиненные ему во всемъ пѣвцы и пѣвицы, поддакивали своему запѣвалѣ и подавали голосъ противъ Мусоргскаго и его недоступнаго для нихъ созданія. Чего же и ожидать было отъ людей мало свѣдущихъ, вовсе не музыкальныхъ и музыкально необразованныхъ, а только практиковъ и рутинеровъ! Дѣло идетъ о новомъ родѣ и стилѣ музыки, а вопросъ о томъ, чтобъ «быть» или «не быть», врученъ для рѣшенія людямъ, которые и въ старомъ-то еще ничего

не разумѣютъ, не то что въ новомъ, вновь нарождающемся, еще не утвержденномъ привычкой и школой! Два члена комитета, настоящіе музыканты, Н. А. Римскій-Корсаковъ и Ц. А. Кюи, незадолго передъ тѣмъ приглашенные въ этотъ комитетъ, тотчасъ же вышли оттуда вонъ, говоря, что въ такомъ собраніи «имъ нечего дѣлать». И дѣйствительно, это была напрасная и странная попытка. Глубоко-понимающихъ, истинно-талантливыхъ художни-

ковъ мудрено привести къ одному взгляду, къ одному образу мыслей, къ одному понятію съ низменными рутинерами и ординарными «практиками». Телѣгу имъ не свезти вмѣстѣ: «лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ!» Истиннымъ музыкантамъ оставалось отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ — и уйдти. Они такъ и сдѣлали.

Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ пять лѣтъ. Никто на казенной сценѣ и не подумалъ, что есть у насъ крупное талантливое созданіе, противъ котораго мы виноваты, которому надо же когда нибудь оказать справедливость, которое надо же вывести изъ позор-

ной тюрьмы, присужденной ему невѣжествомъ и неразуміемъ. Гдѣ, въ какомъ краю Европы, опять-таки спрошу я, мыслимо что нибудь подобное? Вездѣ жаждутъ, ищутъ, просятъ новыхъ созданій, жалуются на ихъ недостатокъ, а то бы сейчасъ вывели ихъ съ радостью и торжествомъ на свѣтъ божій, — а у насъ они и есть, да ихъ душатъ и запираютъ на замокъ, имъ не даютъ выглянуть изъ позорныхъ цѣпей и безумнаго изгнанія. Мыслимо ли, напримѣръ, чтобъ въ Германіи утаивали и упорно запрещали бы давать на сценѣ которую нибудь еще неигранную оперу Вагнера? У насъ это вполнѣ мыслимо, и никто не возмущенъ, никто не приходитъ въ негодованіе. Все въ порядкѣ. Капельмейстеры и безсмысленные анти-художественные комитеты могутъ дѣлать, что хотятъ.

Лишь съ великимъ трудомъ и усиліемъ удалось друзьямъ и почитателямъ Мусоргскаго поставить вторую оперу его, на сцену, но и то только на маленькую, частную, гдѣ дѣйствующія лица— все только любители, еще не владѣютъ, конечно, всѣми художественными силами и средствами и не имѣютъ возможности выполнить оперу много разъ, постоянно, для всей массы публики, для всѣхъ сословій, для всего народа.

Но великая слава и честь этимъ благороднымъ и великодушнымъ любителямъ, поднявшимъ громадный трудъ, рѣшившимся положить столько усилій, заботъ, даровитости на выполненіе такого созданія, которое вовсе не признано еще массами, которое есть попытка на новыя задачи и на новое ихъ выполненіе, которое, значитъ, представляется чѣмъ-то еще рискованнымъ, проблематичнымъ.

Опера «Хованщина» осталась послѣ смерти Мусоргскаго частью не конченною, частью неприведенною въ порядокъ. Товарищъ и другъ Мусоргскаго, Н. А. Римскій-Корсаковъ, въ первыя же минуты послѣ кончины его объявилъ всѣмъ остальнымъ товарищамъ своимъ, что приготовитъ къ изданію всѣ сочиненія Мусоргскаго, оставшіяся еще неизданными, а «Хованщину» приведетъ въ порядокъ, докончитъ и оркеструетъ. Это былъ трудъ громадный, это было самопожертвованіе истинно великодушное: надобно было оставлять въ сторонѣ собственныя свои сочиненія, прекратить на время собственную свою музыкальную дѣятельность, чтобы посвятить себя созданіямъ покойнаго своего друга. Но что значитъ великодушная рѣшимость, когда она соединяется съ талантливостью, знаніемъ и умѣньемъ! Римскій-Корсаковъ написалъ, скоро послѣ смерти Мусоргскаго, цѣлую оперу, «Снѣгурочку», одно изъ величайшихъ созданій русской музыкальной школы, но это не помѣшало ему издать въ то же время, въ 1882 и 1883 году, цѣлый рядъ романсовъ, хоровъ и инструментальныхъ сочиненій покойнаго своего друга. И что же! Въ числѣ произведеній Мусоргскаго, требовавшихъ пересмотра, приведенія въ порядокъ, наинструмен-

тованія для большаго хора, солистовъ и оркестра,—была тоже и цѣлая опера. Но Римскій-Корсаковъ все это выполнилъ, и вотъ теперь все кончено, все издано въ печати, все передано въ руки публики.

Но не забыта была и біографія Мусоргскаго. Мнѣ удалось, немедленно послѣ смерти Мусоргскаго, собрать отъ родныхъ, друзей и близкихъ ему людей весь потребный для того матеріалъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1881 года (май и іюнь) я напечаталъ подробную біографію Мусоргскаго, на основаніи краткой собственноручной его автобіографической записки, его многочисленныхъ писемъ, а также воспоминаній какъ моихъ собственныхъ, такъ и многихъ другихъ личностей, и послѣ того наврядъ ли можно многое фактическое прибавить къ сообщеннымъ тутъ фактамъ. При этомъ, я старался изобразить всю особенность таланта Мусоргскаго, его художественную физіономію, новость его почина и оригинальность созданныхъ имъ новыхъ оперныхъ формъ, его глубину и народность, правду его типовъ и характеровъ, и, наконецъ, и весь тотъ музыкальный кружокъ новой русской школы, среди котораго выросъ, возмужалъ и разцвѣлъ талантъ Мугоргскаго.

Первый заговорилъ о монументѣ Мусоргскому, если не всенародномъ, на площади, то хотя надгробномъ—Рѣпинъ, великій пріятель и поклонникъ Мусоргскаго. За немного дней до его смерти, Рѣпинъ написалъ съ тяжко больнаго Мусоргскаго, у самой кровати его, въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, тотъ чудно-выразительный, тотъ глубоко-талантливый портретъ, который есть теперь одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ Третьяковской галлереи въ Москвѣ. Предложивъ возвести Мусоргскому, надъ его могилой, на кладбищѣ Александро-Невской лавры, памятникъ, Рѣпинъ первый же внесъ самую крупную лепту на это: весь тотъ гонораръ, который ему назначенъ былъ за портретъ.

Друзья и поклонники Мусоргскаго тотчасъ же приняли предложеніе Рѣпина, сложились между собою и поставили тотъ памятникъ, который, вмѣстѣ съ надгробнымъ памятникомъ Глинки (на томъ же кладбищѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Мусоргскаго) есть, конечно, нашъ талантливѣйшій и художественнѣйшій надгробный памятникъ.

Между всѣми ревностными почитателями Мусоргскаго, участвовавшими въ сооруженіи ему монумента, талантливые художники приняли самое живое участіе.

Римскій-Корсаковъ отдалъ на памятникъ весь тотъ гонораръ, который слѣдовалъ ему отъ музыкальнаго театральнаго комитета, гдѣ онъ засѣдалъ вплоть до забракованія тамъ «Хованщины».

Лядовъ, стоявшій въ началѣ 80-хъ годовъ во главѣ петербургскаго музыкальнаго кружка и управлявшій его оркестромъ и хорами, далъ отъ имени этого кружка концертъ въ память Му-

соргскаго, весь составленный изъ его произведеній, и сборъ съ него внесъ на памятникъ Мусоргскаго.

Глазуновъ внесъ въ капиталъ на постройку памятника назначенную ему «неизвѣстнымъ» значительную премію за 1-ю его симфонію.

Богомоловъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ архитекторовъ, отказался отъ всякаго вознагражденія за сочиненный имъ съ великою талантливостью и оригинальностью проектъ памятника.

Гинцбургъ, молодой скульпторъ (ученикъ Антокольскаго), отказался отъ всякаго вознагражденія за вылѣпленный имъ, въ натуральную величину, портретъ-горельефъ Мусоргскаго, высѣченный потомъ изъ камня, вверху памятника. Такъ какъ Гинцбургъ не зналъ Мусоргскаго и работалъ съ фотографіи, то недостававшее въ сходствѣ пополнено было, еще на модели, Рѣпинымъ и Антокольскимъ, друзьями Мусоргскаго.

Даровитѣйшій изъ нашихъ граверовъ, Маттэ, отказался отъ всякаго вознагражденія за награвированные имъ видъ памятника и портретъ Мусоргскаго (первый — о-фортъ, второй — на деревѣ).

Гг. Ботта и Винклеръ, съ великою художественностью и стараніемъ исполнившіе, первый — каменную, второй — желѣзную работу для памятника, сами предложили взять, какъ вознагражденіе, лишь ту сумму, которая слѣдовала за матеріалъ и на уплату рабочимъ.

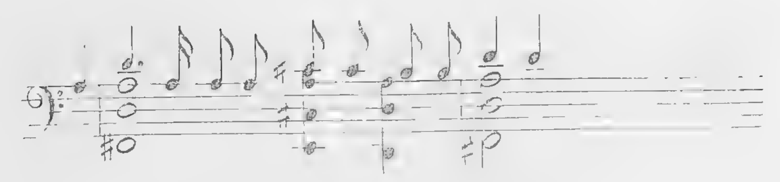
Наконецъ, гг. пѣвчіе хора Александро-Невской лавры, съ г. Львовскимъ въ главѣ, отказались отъ вознагражденія за пѣніе свое при панихидѣ во время открытія памятника, подобно тому, какъ они отказались отъ вознагражденія за пѣніе обѣдни и панихиды при погребеніи Мусоргскаго въ 1881 году.

Памятникъ сочиненъ въ русскомъ стилѣ. Медальонъ съ портретомъ, окруженный лавровыми вѣтвями, и съ широкой надписью вверху:

МУСОРГСКОМУ

увѣнчанъ очень оригинальнымъ и изящнымъ фронтономъ, въ видѣ русскаго кокошника, упирающагося на маленькія русскія колонки.

Подъ портретомъ выдѣлана изъ камня клавіатура фортепіано. Этотъ инструментъ, всегдашній товарищъ композиторовъ, въ первый разъ является не только на надгробномъ, но и вообще на архитектурномъ и скульптурномъ памятникѣ. Надъ клавіатурой вырѣзанъ на камнѣ великолѣпный стихъ Пушкина, вложенный въ уста монаху Пимену и воспроизведенный Мусоргскимъ въ его «Борисѣ Годуновѣ»:

По сторонамъ памятника вырѣзаны на каменныхъ доскахъ, какъ бы на скрижаляхъ (по образцу старинныхъ русскихъ памятниковъ), названія всѣхъ главнѣйшихъ созданій Мусоргскаго, его оперъ, хоровъ, романсовъ.

На задней сторонѣ памятника написано выпуклыми буквами:

МОДЕСТЪ ПЕТРОВИЧЪ

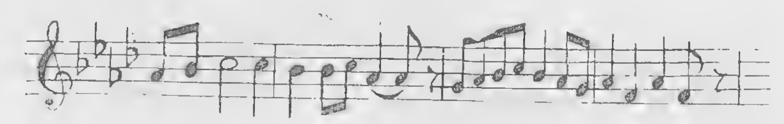
МУСОРГСКІЙ.

Род. 16 марта 1839.
Сконч. 16 марта 1881.

Наконецъ, на необыкновенно-оригинальной и изящной рѣшоткѣ, окружающей памятникъ и сочиненной архитекторомъ Богомоловымъ, верхній фризъ составленъ изъ нотныхъ линеекъ, на которыхъ золотыми нотами написано нѣсколько темъ изъ сочиненій Мусоргскаго.

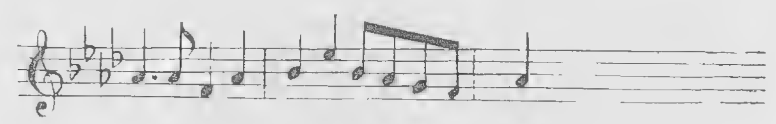
Ноты на надгробномъ памятникѣ въ первый разъ употреблены — для Глинки. Въ 1857 году, когда архитекторъ И. И. Горностаевъ сочинялъ проектъ того памятника, я ему присовѣтовалъ вырѣзать на камнѣ, вверху памятника, строчку нотъ изъ великаго хора Глинки: «Славься, славься, святая Русь». Эти же ноты повторены, впослѣдствіи, на пьедесталѣ мраморнаго бюста Глинки, стоящаго въ фойе Большаго театра. Изъ желѣза же ноты выкованы, въ первый разъ, на рѣшоткѣ памятника, Мусоргскому, по моему же предложенію.

Первая тема (налѣво отъ зрителя) есть тема хора «Іисусъ Навинъ»:

«Велѣньемъ Іеговы
Сокрушить Израиль долженъ
Аммореевъ нечестивыхъ...»

Вторая тема взята изъ речитатива Пимена, въ «Борисѣ Годуновѣ»:

при словахъ:
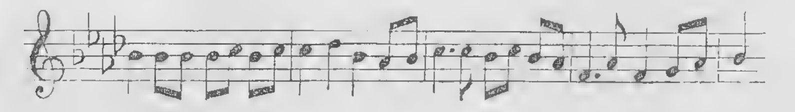
«Помысли, сынъ, ты о царяхъ великихъ!».

Третья тема есть начало пѣсни монаха Варлаама, тамъ же:

«Какъ во го-ро-дѣ бы-ло во Ка-за-ни...».

Четвертая тема принадлежитъ хору «Каликъ перехожихъ», тамъ же:

«Ангелъ Господень міру рекъ:
Поднимайтесь, тучи грозныя!..»

При выборѣ темъ требовалось не только выбрать такія, которыя были бы значительны въ музыкальномъ отношеніи, характерны и монументальны по тексту и музыкѣ, но которыя сверхъ того удовлетворяли бы особымъ требованіямъ желѣзной работы: такъ, напримѣръ, чтобъ ноты не выходили ни кверху, ни книзу изъ предѣловъ пяти нотныхъ линеекъ, чтобъ тутъ не было вовсе, или мало, точекъ и т. д. Это представило немало затрудненій.

Памятникъ Мусоргскому былъ открытъ его друзьями и почитателями въ 1885 году въ тотъ день, который играетъ особенно великую роль въ исторіи русской музыки:

27-го ноября.

Памятникъ Мусоргскому
на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

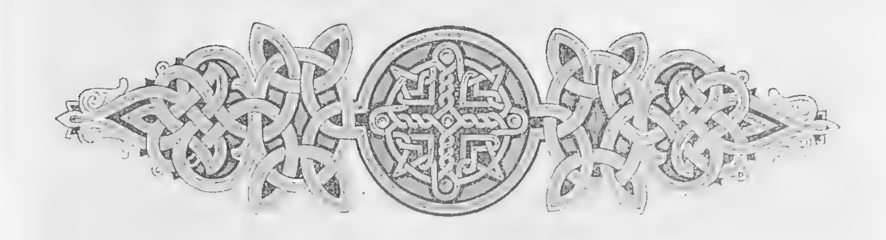
Въ 1836 году, 27-го ноября, въ первый разъ на сценѣ дана была «Жизнь за царя», положившая основу русской музыкѣ и русской музыкальной школѣ. Шесть лѣтъ спустя, въ 1842 году, 27-го же ноября, въ первый разъ дана опера «Русланъ и Людмила», одно изъ величайшихъ созданій XIX вѣка, и, вмѣстѣ, геніальнѣйшее созданіе всей русской музыки.

Послѣ открытія и освященія памятника, произнесено было нѣсколько рѣчей: профессоръ А. П. Бородинъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Мусоргскаго, говорилъ о великомъ значеніи покойнаго композитора въ новой русской школѣ, и указывалъ на ту оригинальность, новизну, самостоятельность и глубокую національность, которыми Мусоргскій превзошелъ всѣхъ остальныхъ товарищей своихъ послѣдняго 25-лѣтія; П. С. Стасова указала на то, какъ Мусоргскій всю жизнь выполнялъ, при помощи могучаго и своеобразнаго таланта, свой великій девизъ: «Къ новымъ берегамъ!»; Н. Н. Римская-Корсакова возобновила въ памяти присутствующихъ воспоминаніе о поэтической, неотразимо-привлекательной для всѣхъ его знавшихъ, натурѣ Мусоргскаго. Наконецъ, я роздалъ присутствующимъ брошюру мою (отпечатанную въ 150 экземплярахъ), подъ названіемъ «Памяти Мусоргскаго»: къ ней были приложены портретъ его и видъ памятника, прекрасно награвированные граверомъ Маттэ.

Въ 1873 году, незадолго передъ постановкой «Бориса» на сценѣ Мусоргскій писалъ мнѣ: «Скоро на судъ! Бодро, до дерзости, смотримъ мы въ дальнюю музыкальную даль, что насъ манитъ къ себѣ. И не страшенъ судъ. Намъ скажутъ: «Вы попрали законы божескіе и человѣческіе!» Мы отвѣтимъ: «Да!» и подумаемъ: «То ли еще будетъ!» Про насъ прокаркаютъ: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» Мы отвѣтимъ: «Non, non et non, madame!» Глубоко вѣрую въ эти слова Мусоргскаго. Не вѣкъ же наши соотечественники все будутъ не понимать и чуждаться своихъ лучшихъ талантовъ! Мусоргскій одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ потомство ставитъ монументы на площади.

Еще раньше, Мусоргскій писалъ мнѣ, въ 1872 г.: «Художественное изображеніе одной красоты — грубое ребячество, дѣтскій возрастъ искусства. Тончайшія черты природы человѣка и человѣческихъ массъ, вызываніе ихъ — вотъ настоящее призваніе художника. Къ новымъ берегамъ! Безстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, къ новымъ берегамъ! Въ человѣческихъ массахъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда есть тончайшія черты, ускользающія отъ хватки, никѣмъ не тронутыя: подмѣчать и изучать ихъ, въ чтеніи, наблюденіи, по догадкамъ, всѣмъ нутромъ изучать ихъ и кормить ими человѣчество, какъ здоровымъ блюдомъ, — вотъ задача-то, восторгъ и присно восторгъ!» Когда могучій, талантливый художникъ беретъ себѣ такія задачи для жизни, онъ рано или поздно окажется — однимъ изъ безсмертныхъ.

В. Стасовъ.

ПАРЛАМЕНТСКІЕ ВЫБОРЫ 1885 ГОДА ВЪ АНГЛІИ[1].

— Я хочу сдѣлать новое солнце, — что нужно знать для этого? — спрашиваетъ легкомысленный ученикъ своего профессора.

— Ты долженъ изучить солнечныя пятна, чтобы обойдтись безъ нихъ, — серьёзно отвѣтилъ профессоръ.

Изъ нѣмецкой мудрости.

I.

Въ ЯНВАРѢ 1885 года, на главныхъ артеріяхъ Лондона весело развѣвались красныя знамена, и за ними двигалась подъ звуки военнаго марша тысячная толпа среднаго люда: рабочихъ, приказчиковъ и мелкихъ торговцевъ. Такія же процессіи совершались въ эти дни и въ другихъ городахъ Англіи, ибо населеніе ея праздновало утвержденіе палатой лордовъ реформы Гладстона о распространеніи права политическихъ выборовъ на бѣдный классъ жителей. Болѣе двухъ милліоновъ душъ получали впервые избирательное право и посредствомъ его участіе въ управленіи имперіей Велико-

[1] Хотя авторъ, по обязанности спеціальнаго корреспондента «Новаго Времени», много писалъ въ эту газету о парламентскихъ выборахъ, но въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ повтореній того, что было написано въ корреспонденціяхъ автора. Очеркъ разсказываетъ лишь о внѣшней сторонѣ выборовъ, не касаясь внутренней и внѣшней политики Англіи. На всѣхъ приложенныхъ къ очерку каррикатурахъ, заимствованныхъ изъ англійскихъ газетъ, государственные люди Англіи изображены съ поразительнымъ сходствомъ.

британіи, имѣющей около трехсотъ пятидесяти милліоновъ населенія и болѣе восьми съ половиною милліоновъ квадратныхъ миль пространства. Три четверти этихъ новыхъ избирателей принадлежитъ къ тѣмъ классамъ народа, который еще никогда не выражалъ активно своихъ политическихъ идеаловъ и симпатій, никогда также политическіе дѣятели страны не интересовались доселѣ о томъ, что и кто больше нравится этимъ классамъ въ вопросахъ внѣшняго и внутренняго направленія отечества. Вѣка жили рядомъ, сами, отцы, дѣды и прадѣды, встрѣчались, имѣли общія дѣла, бесѣдовали, разговаривали, и вдругъ оказалось, что съ политической точки зрѣнія совершенно не знаютъ другъ друга. Такимъ образомъ вопросъ о народѣ и народныхъ воззрѣніяхъ явился на англійскую общественную арену въ прошломъ году въ первый разъ и, какъ интересная новость, вызвалъ массу противорѣчивыхъ воззрѣній, догадокъ, объясненій, а также и массу проектовъ о томъ, какъ понравиться «невѣдомому избирателю». Поэтому вопросъ о народѣ былъ для послѣднихъ политическихъ выборовъ главнѣйшимъ изъ вопросовъ, тѣмъ «ovo», съ котораго въ Англіи начинался всякій политическій разговоръ втеченіе двухъ мѣсяцевъ законодательныхъ каникулъ и полуторыхъ мѣсяцевъ процедуры избранія, т. е. съ сентября по 15-е декабря.

Англійская свободная и вслѣдствіе этого богатая періодическая пресса всѣхъ цвѣтовъ немедленно отправила сотрудниковъ въ самые глухіе и забытые уголки своей родины, чтобъ тамъ, на мѣстѣ, познакомиться съ маленькимъ фермеромъ и зажиточнымъ батракомъ, а затѣмъ оповѣстить міру, какъ и что думаютъ о политикѣ эти невѣдомые доселѣ люди. Корреспондентовъ напутствовали прощальными ужинами съ шампанскимъ и крѣпко жали имъ руки, провозглашая тосты за успѣхъ ихъ миссіи, словно они уѣзжали не за три часа ѣзды отъ Лондона, а въ Лапландію или Австралію. Корреспонденты долго молчали; потомъ газеты долго не осмѣливались печатать ихъ письма, — содержаніе этихъ писемъ казалось даже обиднымъ, въ такомъ печальномъ видѣ изображались въ нихъ простодушныя и забитыя нуждой головы новыхъ земледѣльческихъ избирателей. Редакторъ «Daily News'a» возилъ набранныя корреспонденціи ко многимъ изъ главъ либерализма, которые и списывались по этому поводу съ Гладстономъ, путешествовавшимъ въ Швеціи и Норвегіи. Наконецъ, пришло разрѣшеніе печатать, и вотъ въ главнѣйшей либеральной газетѣ Англіи появился рядъ корреспонденцій подъ заглавіемъ «The New Democracy», въ которыхъ сообщалось, что великое большинство сельскаго населенія передовой страны Англіи, забытое всѣми руководителями и просвѣтителями, доселѣ безправное въ вопросѣ отечественной политики, живущее вѣка подъ страшнымъ гнетомъ маіоратства въ землевладѣніи, отстало на цѣлыя

Папаша—Салисбюри, мамаша—Гладстонъ, сынокъ—Чёрчиль. (Съ фотографіи).

столѣтія, не имѣетъ понятія о самыхъ элементарныхъ основахъ политическаго строя и даже не слыхало о тѣхъ радостяхъ и печаляхъ новѣйшей исторіи Англіи, которыя всѣ привыкли называть національными.

Авторъ этихъ статей, говоря о невѣжествѣ деревенскихъ избирателей, увѣряетъ, что, «если бъ я сказалъ кому либо изъ моихъ деревенскихъ знакомыхъ, что Тель-Эль-Кибиръ въ Австраліи, а Суданъ есть новое имя для мѣсяца, они повѣрили бы мнѣ... Я рѣдко встрѣчалъ, — продолжаетъ корреспондентъ, — крестьянина, знающаго что нибудь объ египетскомъ займѣ, о суданской войнѣ или афганскомъ вопросѣ». Консервативныя изданія дольше не рѣшались заговорить о новыхъ избирателяхъ; имъ казалось вплоть до начала выборовъ, что крестьяне, столь почтительно привыкшіе кланяться при встрѣчѣ съ землевладѣльцемъ-лордомъ, будутъ непремѣнно на сторонѣ послѣдняго. Это подозрѣніе въ почтительности распространялось даже на фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, тоже нынѣ впервые въ нѣкоторой части облеченныхъ правомъ избранія. По общепринятому до 1885 года убѣжденію, Англія считалась страной, гдѣ наименѣе прививаются соціально-революціонныя идеи. На это жаловалась сама «интернаціоналка». Дѣйствительно, свобода слова, печати, митинговъ и ассоціацій, избавила рабочее населеніе Англіи отъ страстнаго отношенія къ рабочему вопросу, давъ широкую волю и длинное время на трезвое обсужденіе его. Притомъ же, особый складъ англійской общественной жизни, съ рѣзко отдѣленными другъ отъ друга кастами аристократіи, буржуазіи и необезпеченнаго населенія, не давалъ народу такихъ самозванныхъ учителей и пропагандистовъ, какъ Рошфоръ, Луиза Мишель и пр., имъ же нѣсть числа во Франціи. Здѣсь, напротивъ, рабочіе выдѣляли руководителей изъ собственной среды, которые при свободной организаціи представительства рабочихъ занятій, благодаря своимъ талантамъ и тѣмъ качествамъ, которыя особенно цѣнятся въ этой средѣ, выходили впередъ, дѣлались людьми извѣстными и олицетворяли собой рабочую массу. Качества, особенно цѣнимыя этой массой въ ея руководителяхъ, вовсе не мягкій и сладкій языкъ, а въ истинномъ смыслѣ слова примѣрная трудовая жизнь. Именно она давала этимъ руководителямъ вѣру въ нихъ рабочаго люда и такую силу, какой никогда не достигнетъ чужой человѣкъ для этой среды. Руководители-самородки не считали грѣхомъ богатѣть, и поэтому къ соціализму относились весьма равнодушно и, что вполнѣ естественно для трудоваго люда, свою безупречную жизнь облагораживали религіозной идеей, видя въ ней лучшее средство къ очищенію отъ пороковъ и потому стараясь неустанно проповѣдывать Евангеліе и Христа. Словомъ, коноводы англійскихъ рабочихъ до сей поры, выходя изъ среды рабочихъ, были не пропагандисты общественныхъ принциповъ, а скорѣе про-

повѣдники религіозныхъ догмъ. Этой особенности обязаны прочность мира и спокойствія въ огромныхъ мануфактурныхъ центрахъ, гдѣ каждый городъ изображаетъ производство на сотни и тысячи милліоновъ рублей. Свобода слова и сходки выводятъ наружу всякое мѣстное недовольство, а свободная организація и общеніе рабочихъ занятій не даютъ никому умирать съ голода въ дни безработицы. Фабриканты и заводчики знаютъ, къ кому обратиться за соглашеніемъ при спорѣ съ рабочими, и увѣрены, что рѣшеніе спора коноводами-проповѣдниками по правдѣ и евангелію будетъ безапел-

Маркизъ Салисбюри вытаскиваетъ Гладстона изъ Нила, т. е. изъ египетскихъ неудачъ. (Изъ a Diar. of the Gladst. Govern).

ляціонно принято массой народа... Такимъ образомъ и фабричные округа въ политическомъ отношеніи оказались terra incognita, о которой съ одинаковой осторожностью можно было доказывать и pro и contra...

Лидеры разныхъ партій и оттѣнковъ зорко слѣдили за наблюденіями прессы и часто собирали своихъ товарищей на обсужденіе. Увы, эти совѣщанія только запутывали дѣло, — никто, положительно никто, не обладалъ такими свѣдѣніями о народѣ, которыя бы дали перевѣсъ, авторитетъ и доказательность въ спорѣ.

Нѣкоторые изъ наиболѣе энергичныхъ политическихъ дѣятелей сами отправились въ экскурсію, или, говоря по общепринятому у насъ выраженію — «въ народъ». Чемберленъ, одинъ изъ передовыхъ членовъ бывшаго министерства Гладстона, выбралъ для своихъ наблюденій лондонскій докъ [1]) и описалъ это путешествіе съ полной наивностью человѣка, наткнувшагося на невиданное и диковинное зрѣлище — на бѣдныя семьи, живущія тяжкимъ трудомъ выгрузки и нагрузки судовъ, умѣющія не умирать съ голода, получая фунтъ стерлинговъ въ недѣлю на три-четыре души. Г. Чемберленъ въ названной выше книжкѣ, посвященной разсказу объ этой экскурсіи, сообщаетъ: чистыя или грязныя простыни и одѣяла у этихъ семей, искренне соболѣзнуя объ одной изъ нихъ, у которой дыры на одѣялѣ не заштопаны...

Не меньшей наивностью и удивленностью отличались наблюденія надъ народомъ противнаго лагеря—аристократовъ-торіевъ и консерваторовъ [2]). Тутъ главную роль приняли на себя супруги лордовъ; по поданному имъ примѣру госпожей Чёрчиль, бойкой, красивой и энергичной американкой. Упомянутая лэди Маннеръ, даровитая писательница и умная женщина, увидѣвъ въ первый разъ толпу рудокоповъ, была поражена и вывела изъ своихъ наблюденій, между прочимъ, дѣтское заключеніе: «Когда положеніе оратора не нравится рабочимъ, то они начиваютъ бурчать хоромъ, что̀, очевидно, доказываетъ ихъ долгую практику дѣйствовать сообща». Она же напечатала въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ и серьезныхъ журналовъ Англіи «The National Review», какъ неожиданное открытіе, что среди сельскихъ жителей есть много даже изъ обладающихъ, въ деревняхъ respectable positions, которые не умѣютъ ни читать, ни писать, потому что не учились, или чаще оттого, что забыли грамоту; дѣтей своихъ, — разсказываетъ леди-авторъ,—крестьяне берутъ изъ школы по достиженіи десятилѣтняго возроста, когда ребенокъ можетъ помогать въ хозяйствѣ семьи и пр. Результаты такихъ изслѣдованій прессы и путешествіе господъ въ народъ нисколько не выяснили, какъ мужикъ и рабочій полагаютъ на счетъ политики, и скорѣе привели къ убѣжденію, что мужикъ и рабочій еще ни до чего не додумались, что они — tabula rasa, на которой можно при стараніи написать какія угодно слова, или воскъ, изъ котораго можно сдѣлать любую фигуру. Консерваторы-лорды, на правахъ старыхъ владѣтелей земли, разумѣется, не только бравшихъ деньги съ фермеровъ, но порой благодѣтельствовавшихъ ихъ или сбавкой разсрочной платы, или постройкой школы, библіотеки etc., считали себя стоящими ближе къ народу и потому смѣлѣе принялись за лѣпку изъ него надлежащихъ полити-

[1]) The Radical Programme with a preface by I. Chamberlain.
[2]) My Election Experiences by lady John Manners.

ческихъ фигуръ. Вслѣдствіе этого въ первое время парламентскаго междуцарствія въ селахъ и деревняхъ устраивались только консервативные митинги и говорились только консервативныя рѣчи.

Либералы колебались. Умѣренной части ихъ было неловко слѣдовать примѣру торіевъ и призывать толпу во имя Господа Бога вотировать за нихъ. Такое обращеніе было бы противно принципамъ свободомыслія и позитивизма, — основамъ, на которыхъ зиждется на глазахъ у міра англійскій либерализмъ. Крайніе либералы поняли, въ свою очередь, что настало время на провозглашеніе соціализма главнѣйшимъ факторомъ государства, но, видя, съ какой самоувѣренностью консерваторы приступили къ лѣпкѣ изъ народа, трусили и задавались вопросомъ: а что, какъ народъ не захочетъ еще слышать о соціализмѣ и не пойметъ его значенія? До настоящихъ выборовъ слово соціализмъ не употреблялось ни однимъ изъ серьёзныхъ кандидатовъ въ законодатели [1]). Избиратели прошлаго времени имѣли сравнительно высокій цензъ, и потому представляли собой исключительно богатую и среднюю буржуазію. Слѣдовательно, въ прошлыя времена упоминаніе о соціализмѣ могло лишь испортить, а не помочь въ дѣлѣ избранія. Ибо для буржуазіи, напротивъ, требовалось увѣреніе въ душевной преданности кандидата правамъ собственности, капитала и торговли. Теперь же ясныя цифровыя и безспорныя данныя говорили, что избирательный центръ тяжести вырванъ навсегда изъ рукъ буржуазіи и попалъ въ распоряженіе тѣхъ, для кого на всемъ свѣтѣ разговариваютъ о соціализмѣ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ нерѣшительности, прежде чѣмъ крайніе либералы изобрѣли выходъ изъ опаснаго положенія: нельзя было имъ обойдтись безъ соціализма, но страшно было лишиться и старой буржуазной поддержки. Найденный выходъ изъ затрудненія былъ изображенъ въ толстой книгѣ подъ заглавіемъ «Радикальная программа». Собственно говоря, радикально въ ней было только одно—красный переплетъ, содержаніе же представляетъ печальную надежду—и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти. Каждая страница этой программы начинается скромнымъ заявленіемъ, что мы де радикалы-соціалисты, и каждая страница кончается увѣреніемъ, что радикализмъ въ сущности ничѣмъ почти не отличается даже отъ консерватизма. Такая трусость передовыхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Англіи есть лучшая иллюстрація ихъ невѣжества въ отношеніи знанія народа.

Эта двуличная программа, — какъ и слѣдовало ожидать, — была встрѣчена публикой крайне холодно. А между тѣмъ изъ консервативнаго лагеря шли самыя невеселыя вѣсти. Леди Маннеръ, напримѣръ, печатно разсказываетъ про свое удивленіе, что куда ни

---

[1]) См. статью Гейндмена въ ноябрской книжкѣ «The Nineteenth Century».

явится она съ лордомъ-супругомъ для митинговъ, вездѣ толпа простонародья привѣтствуетъ ихъ громкимъ крикомъ: «Red herrings!» (красныя селедки). Что это значитъ?—спрашиваютъ господа въ изумленіи; толпа молчитъ и, наконецъ, послѣ секретнаго изслѣдованія оказалось, что лордъ Маннеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ неосторожно выразился, что «красная селедка» съ хлѣбомъ вполнѣ достаточный завтракъ для рабочаго. Жалобы на новаго избирателя за то, что онъ началъ забываться, не попрежнему почтительно слушаетъ благородныя рѣчи, шумитъ и прерываетъ ихъ, быстро

Лордъ Чёрчиль науськиваетъ льва—Англію на медвѣдя—Россію, поражающаго афганца. (Изъ Com. Man.).

росли, и вопросъ о томъ, что же такое новый избиратель,—запутался еще болѣе. Въ это критическое время на сцену выступаетъ извѣстный лордъ Рандольфъ Чёрчиль, провозглашая себя вожакомъ рабочаго люда [1]). Чёрчиль по круглотѣ и простонародности формъ, а также по легкости словоизверженія, одинъ изъ первыхъ и популярнѣйшихъ ораторовъ Англіи. Въ рядахъ либераловъ Чёрчиль заслужилъ названіе «безсовѣстнаго», а консерваторы тревожатся его излишней подвижностью. Выйдя на трибуну настоящей черни, Чёрчиль провозгласилъ: «Наши меньшіе братья должны

---

[1]) The Speeches of Lord Randolph Churchill.

быть эмансипированы отъ пороковъ недостаточной цивилизаціи, какова невоздержанность, преступленіе и неустойчивая нравственность». Чернь внимала лорду съ величайшимъ вниманіемъ и съ восторгомъ привѣтствовала ея собственныя привычныя и вульгарныя шуточки и слова, вылетавшія изъ благородныхъ устъ Чёрчиля. Успѣхъ его превзошелъ всякія ожиданія пріятелей и недруговъ. Вся англійская печать разсказывала о шумныхъ оваціяхъ простонародья лорду Рандольфу, а въ Берлинѣ и Вѣнѣ начали уже предсказывать по этому поводу, что премьерство вскорѣ перейдетъ отъ Салисбюри въ руки счастливаго Чёрчиля. Никто не задавался, однако, вопросомъ, что̀ собственно прельщаетъ народъ въ рѣчахъ краснорѣчиваго лорда — внутреннее содержаніе ихъ, или ловкое краснобайство, услащенное простонародными пряностями, вплоть до нецензурныхъ словечекъ? Самъ Чёрчиль, разумѣется, всего менѣе былъ способенъ задать себѣ подобный вопросъ и успѣху приписывалъ идеальное значеніе. Такое самомнѣніе завлекло его такъ далеко, что онъ рѣшился выступить кандидатомъ въ рабочемъ Бирмингамѣ и соперникомъ стараго любимца-депутата этой мѣстности, маститаго и небезталантнаго старика, стяжавшаго европейскую извѣстность, Джона Брайта. Такимъ образомъ, тутъ еще разъ сказалось незнаніе государственныхъ коноводовъ Англіи ея народа...

Успѣхъ Чёрчиля встревожилъ либераловъ, въ особенности крайнихъ членовъ партіи Гладстона; имъ казалось, что виноградъ уже съѣденъ. Для нихъ, очевидно, оставалось единственное средство для борьбы съ храбрымъ лордомъ — опередить его въ обѣщаніяхъ народу благъ и удовольствій. Эту роль взялъ на себя опять Чемберленъ. Изъ трехъ главъ англійскаго радикализма, краснорѣчивы только двое — Чемберленъ и Дилькъ. Надъ послѣднимъ, какъ извѣстно, виситъ дамокловъ мечъ скандальнаго процесса о сожительствѣ съ женами подчиненныхъ чиновниковъ, и потому онъ жилъ какъ бы въ траурѣ, и на долю одного Чемберлена выпала, такимъ образомъ, трудная, опасная и неблагодарная роль новой окраски британскаго либерализма. Чемберленъ говоритъ легко и умно, но въ немъ мало фантазіи, и онъ ничего не придумалъ лучшаго, какъ разсказать простонародію, что слѣдовало бы всю землю Англіи отнять отъ лордовъ и раздѣлить, чтобъ у каждаго крестьянина было три акра и корова [1]). Нѣкоторые слушатели его, къ сожалѣнію, совершенно упустили изъ виду условность такого положенія, понявъ попросту, что «три акра и корова» будутъ розданы каждому, если власть перейдетъ въ руки радикальной партіи. Газеты и журналы самымъ серьёзнымъ образомъ сообщали изъ различныхъ мѣстностей Великобританіи, что крестьяне отвѣчаютъ не-радикаламъ: «We can't vote for you, be-

¹) The Speeches of M-r. J. Chamberlain.

cause a caw, you see, sir, would be so useful!» [1]). Словомъ, лозунгъ настоящаго соціализма былъ, наконецъ, произнесенъ и раздался по странѣ громкимъ эхомъ: «корова и три акра» сдѣлалось народной поговоркой и народнымъ pia desideria. Настоящая приманка была, наконецъ, отыскана, и вопросъ о томъ, кто такіе новые избиратели, разрѣшенъ. Во время выборовъ, торійскія газеты серьёзно заявляли, что въ Мидландѣ, напримѣръ, сельскіе жители, подавъ голосъ за радикаловъ, обращались потомъ къ мэру съ просьбой о немедленномъ награжденіи ихъ тремя акрами земли и коровой. Этимъ свѣдѣніямъ можно повѣрить, припоминая, что̀ разсказывали о народѣ его новѣйшіе изслѣдователи. Даже и въ судебной хроникѣ послѣднихъ дней немало свидѣтельствъ о наивности избирателей, и притомъ не захолустныхъ, а столичныхъ, лондонскихъ. Такъ, напримѣръ, въ лондонскомъ полицейскомъ судѣ Уоршипъ-стритъ дня черезъ два послѣ выборовъ нѣкто Бенжаменъ Айтонъ обвинялся въ томъ, что послалъ своего пріятеля подавать голосъ вмѣсто себя. Оба «преступника», Айтонъ и его пріятель, откровенно сознались, но никакъ не могли понять, за что̀ ихъ наказываютъ...

II.

Въ половинѣ ноября, за шесть недѣль до начала выборовъ, было объявлено о распущеніи стараго парламента, и настала горячая пора избирательной борьбы. Консерваторы приступили и къ ней, какъ къ новому избирателю, съ такимъ апломбомъ самоувѣренности, что въ публикѣ и дипломатіи имъ предсказывали несомнѣнную побѣду. Салисбюри принялъ во внѣшней политикѣ принципы либерализма, Чёрчиль проповѣдывалъ разрѣшеніе рабочаго вопроса, а военный министръ Смитъ говорилъ самые пламенные комплименты старой аристократіи. Такимъ образомъ, утверждали многіе, въ торійскомъ кабинетѣ каждый англичанинъ можетъ найдти рѣчь и человѣка по своему вкусу. Не смотря, однако, на такое, повидимому, великое противорѣчіе между членами одного и того же кабинета, консервативная партія оставалась однимъ компактнымъ цѣлымъ, безъ ссоры и спора внутри;— всѣ понимали, что идетъ «борьба» по вопросу «быть или не быть», и потому всѣ средства дозволены. Нѣтъ ничего легче, какъ перемѣна вѣтра во внѣшней политикѣ; если Чёрчилю удастся обойдти рабочихъ, тѣмъ лучше— они будутъ вотировать за консерваторовъ; а Смитъ перестанетъ говорить комплименты — сердиться, значитъ, не слѣдуетъ...

Совсѣмъ другую картину изображала собой либеральная партія. Главы ея до сихъ поръ были на подборъ изъ чистой аристократіи

[1]) Что значитъ: «Мы не можемъ вотировать за васъ, потому что корова, вы видите, сэръ, была бы очень полезна»... National Review, January, 1886.

мысли или крови; въ прошлую парламентскую сессію они, однако, пустили въ свою компанію трехъ сомнительныхъ людей—Дилька, Мурлея и Чемберлена, которые не будировали «господъ», держали себя тихо и скромно, не возбуждая вопроса, кто они и зачѣмъ они

Гладстонъ пляшетъ на цѣпочкѣ—Афганистанъ у медвѣдя—Россіи.
(Съ фотографіи).

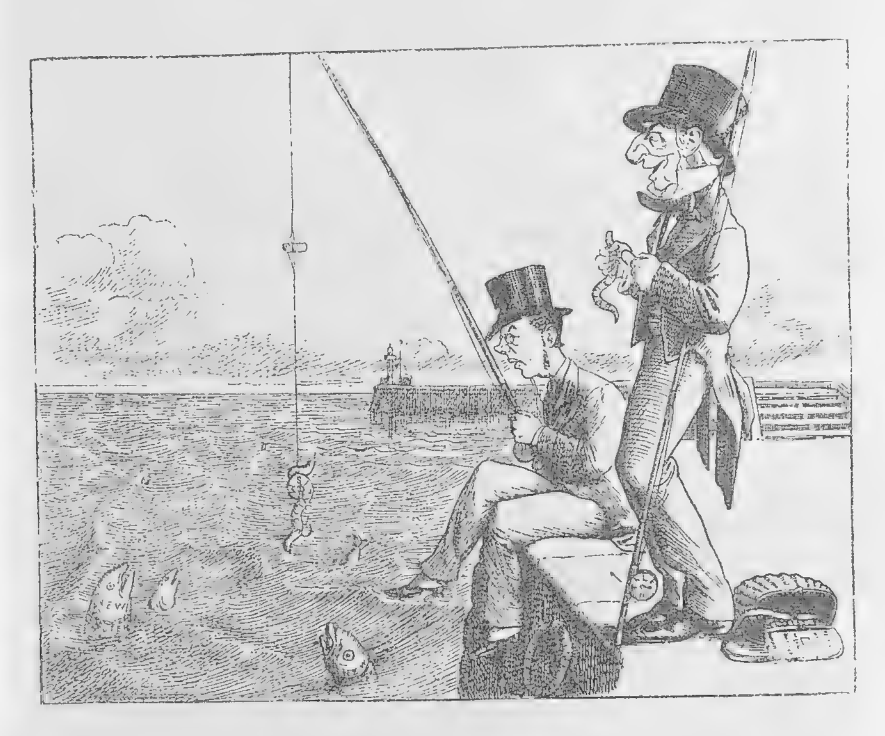
среди правительства. На такихъ условіяхъ сосѣдства съ названными лицами можно было согласиться, тѣмъ болѣе, что они не высказывали особыхъ талантовъ, поэтому никого не затемняли, а работали усердно, честно и добросовѣстно. Но теперь съ изобрѣтеннымъ девизомъ въ три акра съ коровой «радикальные члены ли-

беральной партіи» явились не только настоящими радикалами, демократами и даже соціалистами, но, главное, людьми, очевидно, разсчитывающими вознестись при помощи наивнаго новаго избирателя превыше всѣхъ другихъ членовъ гладстоновской партіи. Неудовольствіе, естественно, было велико противъ нихъ, и въ публикѣ, какъ и печати, стали ходить тревожные слухи, что у либераловъ расколъ, что ихъ партія трескается на части.

Кто же судья этихъ споровъ? Но это судья не такой, который зоветъ къ себѣ на судъ; онъ скромный и мирный человѣкъ, занимающійся собственными обыденными и мелкими дѣлишками, рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ отечественнаго горя или радости, вспоминающій о политикѣ и разсуждающій о государственныхъ дѣятеляхъ. Его надо вызвать изъ берлоги и, чтобъ вызвать, надо употребить самыя энергичныя средства. Средства эти общеизвѣстны—любезность, угощеніе избирателю, похвалы, рѣчи, митинги и статьи для своей партіи, также рѣчи, митинги и статьи съ прибавленіемъ каррикатуръ и даже статуй противъ политическихъ враговъ. Всѣми этими средствами Англія усерднѣйшимъ образомъ занималась втеченіе шести недѣль сряду. Мистеръ Брайтъ въ нынѣшніе выборы вышелъ даже изъ терпѣнія, глядя, съ какимъ подобострастіемъ и усердіемъ нѣкоторые кандидаты, а въ особенности ихъ добровольные поддерживатели, ухаживали за избирателями, и напечаталъ протестъ, говоря, что съ англійскимъ избирателемъ няньчатся какъ съ малымъ и неразумнымъ ребенкомъ...

Положеніе кандидата весьма не легкое и для кармана его очень тяжелое. Во сколько обходятся теперь выборы, сказать трудно. Новый законъ, обязывающій подъ страхомъ сильнаго наказанія не тратить на избраніе болѣе 900 фунтовъ (9 т. р.), заставляетъ молчать о суммѣ дѣйствительныхъ расходовъ. Въ прошлые выборы, однако, когда была полная слобода по этой части, мистеръ Джемсъ Лаузеръ въ Іоркширѣ, напримѣръ, израсходовалъ на выборѣ 6,111 фунтовъ (61,110 рублей), Джоржъ Элліотъ въ Дургамѣ—12,726 фун., т. е. болѣе 127 тысячъ рублей, и т. д. Вѣроятно, и нынѣ выборы стали лишь немного дешевле. Уменьшеніе расходовъ на выборы даетъ возможность кандидатуры для людей всѣхъ состояній и потому можетъ считаться мѣриломъ прогресса парламентскаго режима.. Съ этой точки зрѣнія наши дни ушли далеко впередъ сравнительно съ прошлымъ столѣтіемъ, когда, по свидѣтельству Маколея, избирательныя издержки и въ 100 тысячъ фунтовъ (милліонъ рублей) не считались экстраординарными. Угощеніе и любезность избирателю часто не обходятся безъ излишней фамильярности, непріятно щекотящей нервы и самолюбіе. Купцы, приказчики и простонародье превосходно понимаютъ, что они нужны кандидату, и эксплоатируютъ его со всѣхъ сторонъ. Завтраки, обѣды

и ужины, угощеніе джиномъ въ «public houses», банкеты, митинги, балы, закладки разныхъ общественныхъ зданій и памятниковъ — все совершается на счетъ кандидата, причемъ онъ чествуется какъ первое лицо въ округѣ: до его пріѣзда не играетъ музыка, а на крыльцѣ ему говорятъ привѣтственныя рѣчи. Землевладѣльцамъ, желающимъ попасть въ парламентъ по выбору роднаго округа, кандидатура обходится еще дороже: фермеры требуютъ отъ нихъ пониженія ренты на десять, пятнадцать и даже двадцать процентовъ. Во весь періодъ выборовъ газеты ежедневно сообщаютъ, что

Іосифъ Чемберленъ ловитъ на приманку червячка—«соціализмъ» новыхъ избирателей—рыбъ. (Изъ Diar. o. t. Glad. Gov.).

такіе-то лорды на столько-то уменьшили платимую имъ сумму фермерами. Богатые владѣльцы разныхъ замковъ въ Англіи на эти шесть недѣль отказывались отъ всѣхъ удобствъ семейной жизни, обративъ свои залы въ трактиръ для простонародья, гостиныя— въ харчевню для бабъ, а прекрасные парки—въ луга для игры деревенскихъ ребятишекъ. Это безпокойство еще усугублялось ежедневной ужасной музыкой шести-восьми заѣзжихъ изъ Праги музыкантовъ. Изъ замковъ въ этотъ періодъ исчезъ ароматъ тонкихъ блюдъ и замѣнился острымъ запахомъ жаренаго сала и селедокъ, которыми графы и маркизы кормили мѣстную чернь. Цвѣты и

нѣжныя травки садовъ были затоптаны такъ, какъ будто по нимъ прошла непріятельская кавалерія; словомъ, жертвоприношенія собственнымъ спокойствіемъ богатыхъ людей въ пользу выборовъ превосходили всѣ прочія жертвы. По вечерамъ для простонародья приглашенные замками артисты играли разныя пьески, увеселяя рабочій людъ пѣснями и декламаціей, въ паркахъ для молодежи устроивались танцы и фейерверки. Кромѣ того, леди, графини и баронессы занимали бабъ лотереями и аллегри. Наконецъ, для всего округа нѣкоторые кандидаты дѣлали великія дѣла благотворительности. Во многихъ городахъ Англіи, а также во многихъ частяхъ Лондона есть Hall'ы—огромныя зданія, вмѣщающія по нѣсколько тысячъ душъ, въ которыхъ бѣдный людъ находитъ дешевый доступъ на концерты, представленія и лекціи; тутъ же для народа даровая библіотека и читальня, а во время избирательной борьбы въ Hall'ахъ собираются многолюдныя сходки. Происхожденіе этихъ зданій почти вездѣ связано съ именемъ парламентскаго кандидата мѣстнаго округа — онъ или построилъ его на свой счетъ, или собралъ деньги, составилъ для него компанію на акціяхъ и т. п.

Второе средство—краснорѣчіе. Имъ занимались въ прошломъ году столь усердно, что графъ Кауперъ [1]) писалъ: «Мы имѣемъ несчастіе жить въ эпоху управленія болтовней, и если кто либо желаетъ принять участіе въ политической жизни, тотъ долженъ принять, прежде всего, участіе въ болтовнѣ. Надо жертвовать своимъ спокойствіемъ, отчасти даже самоуваженіемъ, но говорить надо до тѣхъ поръ и столько, сколько въ силахъ. Ораторская композиція, конечно, лучше посредственной рѣчи и послѣдняя лучше дурной, но въ настоящее время у насъ даже самая плохая рѣчь цѣнится неизмѣримо выше молчанія».

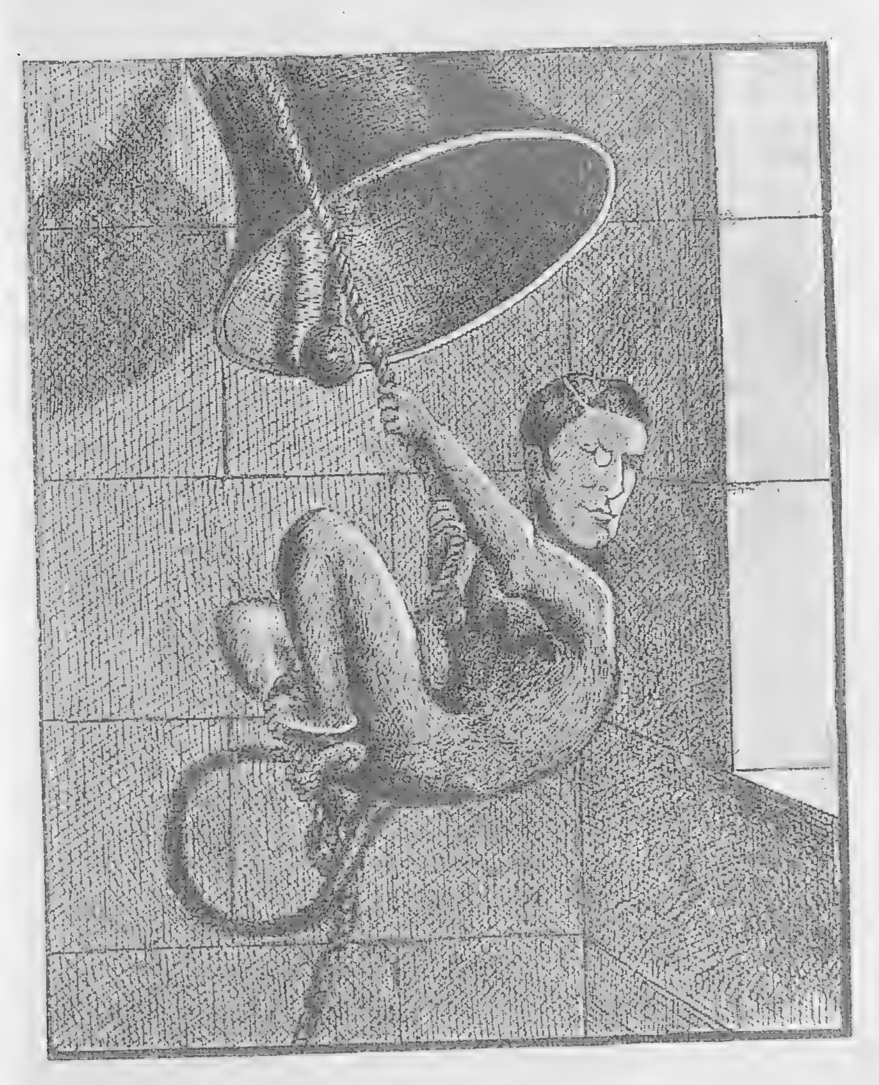
По разчету г. Трайля [2]), одни вожаки партій въ шестинедѣльный избирательный періодъ сказали 157 рѣчей, изъ нихъ 44 было консервативныхъ и 68 либеральныхъ; отчеты объ этихъ рѣчахъ заняли въ одной газетѣ «Таймсъ» 285 столбцовъ мелкой печати, среднимъ числомъ по полторы тысячи строкъ въ день; если разложить эти столбцы по землѣ, они заняли бы пространство въ 130 квадратныхъ футовъ! «Цѣлая страна,—заключаетъ авторъ этого вычисленія, — была погружена втеченіе двухъ мѣсяцевъ въ море словъ». Въ итогѣ оказалось, что на послѣднихъ выборахъ говорили въ пять разъ больше, чѣмъ на прошлыхъ, а говорящихъ кандидатовъ было въ десять разъ многочисленнѣе. Что населеніе чувствовало потребность въ рѣчахъ, о томъ свидѣтельствуетъ неизмѣнное переполненіе всѣхъ митинговъ. Народъ этими рѣчами учится

---

[1]) Статья «Что долженъ дѣлать умѣренный либералъ», въ «Nineteenth Century», 1885.

[2]) The plague of tongues by H. Traill, 1886.

и развивается лучше, чѣмъ воскресными школами, лекціями и чтеніями, но, конечно, нѣтъ на свѣтѣ добра безъ худа — многіе изъ кандидатовъ-ораторовъ злоупотребляли своимъ правомъ и вниманіемъ толпы. Такъ, нѣкоторые столь часто надоѣдали плохимъ

I. Чемберленъ въ видѣ обезьяны бьетъ ложную тревогу объ уничтоженіи всѣхъ привиллегій. (Съ фотографіи).

краснорѣчіемъ, говорили до того скучно и монотонно, что избиратели-слушатели приходили въ ярость и выпроваживали ихъ съ великимъ скандаломъ. Напримѣръ, жители городка Эльджиншира, по большей части, рыбаки, добродушные и гостепріимные люди,

до того возмутились противъ либеральнаго кандидата сэра Джорджа Гранда, сказавшаго имъ подрядъ семь бездарныхъ и безцвѣтныхъ рѣчей, что въ восьмой разъ собрались съ громкими и длинными рупорами, какими въ частые туманы Ла-Манша рыбачьи лодки оповѣщаютъ о своемъ присутствіи на водѣ проходящимъ пароходамъ. Трубными звуками изъ такихъ рупоровъ, отъ грома которыхъ могли бы рухнуть городскія стѣны, былъ встрѣченъ удивленный кандидатъ, ими прерывалось каждое его слово, ими же сопровождала толпа кандидата, когда онъ, понявъ значеніе столь оглушительной музыки, бѣжалъ изъ города...

Злоупотребленію словомъ, въ политическомъ смыслѣ, здѣсь придаютъ очень малое значеніе. Каждое воскресенье въ обширныхъ паркахъ Лондона и другихъ городовъ нѣсколько десятковъ проповѣдниковъ соціализма, комунизма и анархіи свободно говорятъ рѣчи съ высоты маленькихъ скамеечекъ. Вокругъ нихъ толпа и, если кто нибудь среди ея захочетъ прерывать оратора, полицейскій, навѣрно, ухватитъ его за шиворотъ и оттащитъ прочь, чтобъ не мѣшалъ другимъ слушать. Такія рѣчи, разумѣется, не проходятъ совершенно безслѣдно, онѣ накапливаютъ въ головахъ бѣднаго люда горючій матеріалъ, но матеріалъ этотъ зажжетъ міръ только «въ свое время», ибо теперь англійская полиція состоитъ изъ великановъ, а неумолимо строгій судъ не знаетъ смягчающихъ обстоятельствъ, когда дѣло идетъ о нарушеніи порядка и благочинія, грозя за малѣйшій проступокъ нѣсколькими мѣсяцами каторжной работы. И такъ какъ въ Англіи избирательное право дано рабочему люду нынѣ впервые, при томъ же, по обычаю, выборы стоятъ дорого, а депутаты жалованья не получаютъ, то кандидатами и въ нынѣшній разъ явились почти исключительно богатые люди. Представители радикализма, напримѣръ, всѣ сплошь милліонеры. Они, понятно, совѣстились доходить до тѣхъ столповъ обмана и абсурда, какими угощаютъ народъ кандидаты во французскую палату, привыкшіе уже къ suffrage universel. При томъ же радикалы еще боялись натягивать нити, связующія ихъ съ либеральной партіей, и потому говорили, сравнительно, въ умѣренномъ тонѣ и обѣщали слушателямъ, сравнительно, немногое. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что при дальнѣйшихъ повтореніяхъ и въ Англіи, подобно Франціи, выработается антипатичный классъ политиковъ, строящій личные разсчеты на обманномъ соблазнѣ толпы несбыточными утопіями. Руководители же рабочихъ, о которыхъ я разсказывалъ въ предъидущей главѣ, были очень молчаливы; они тоже впервые шли въ парламентъ и довольствовались пока своимъ прежнимъ довѣріемъ среди рабочей братіи. Словомъ, страхи за порядокъ и собственность совершенно не оправдались. А боявшихся и здѣсь, какъ бываетъ вездѣ, много. Они предсказывали, что демократизація выборовъ разрушитъ всѣ основы, и ошиблись — разрушеніе произойдетъ, но не теперь и не сразу.

Одной изъ главныхъ тэмъ какъ рѣчей, такъ и прессы, посвященныхъ избирательной борьбѣ, была, конечно, полемика партій. Разбивать чужіе доводы всегда легче, чѣмъ создавать собственные, а при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія аудиторіи, занятіе бранью даже выгоднѣе, ибо скорѣе вызываетъ одобреніе и восторгъ. Оттого, вѣроятно, прочитавъ нѣсколько сотъ рѣчей лучшихъ ораторовъ и самыхъ извѣстныхъ дѣятелей Англіи, я не могъ бы разсказать, безъ страха за ошибку, какіе такіе положительные идеалы имѣются у здѣшнихъ радикаловъ, либераловъ и консерваторовъ. Они желаютъ реформъ, потребность которыхъ на столько назрѣла, что желаютъ ихъ всѣ партіи одинаково, расходясь между собой

Борьба лорда Чёрчиля съ І. Чемберленомъ по рабочему вопросу.
(Изъ Com. Man.).

на весьма неопредѣленное число градусовъ. Таковы—реформы землевладѣнія, церкви, школы и мѣстнаго самоуправленія. За то брани, клеветѣ, критикѣ и каррикатурѣ было отведено широкое поле. Чтобъ ознакомить читателя, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила избирательная брань, беру нарочно рѣчи выдающихся ораторовъ. Вотъ для примѣра извѣстный и у насъ лордъ Чёрчиль; привожу нѣкоторыя его выраженія о знаменитомъ мужѣ англійскаго либерализма—Гладстонѣ. Этотъ премьеръ, по словамъ благороднаго лорда, «an unkenneled fox», «a poltroon and a traitor in the garb of a minister», «a purblind and sanctimonious pharisee», «evil and moonstruck minister»; про сына Гладстона (нынѣ члена парламента) Чёрчиль выразился: «the yelping, piping and screaming

of the small fry of the liberal party like M-r Herbert Gladstone» и т. д. [1]). Немногимъ менѣе досталось отъ сердитаго оратора другимъ коноводамъ вражеской партіи; про лорда Гартингтона онъ выразился: «an idiotic speaker», про Чильдерса — «the infaluated imbecility and drivelling idiocy of m-r Childers» и пр. [2]).

Гладстонъ, въ свою очередь, сказалъ однажды про партію консерваторовъ, на публичномъ митингѣ: «А земля? — вы хотите знать, безпокоятся ли о ея участи торіи? О, повѣрьте, имъ не то страшно, что церковь въ опасности, а то, что грозитъ ихъ поземельной монополіи! Они напоминаютъ мнѣ птицу потетунку, стратегія которой состоитъ въ томъ, что она кричитъ караулъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ей грозитъ опасность... Мнѣ невесело говорить это, но вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ ложь сдѣлалась девизомъ торійской политики!» Чемберленъ на одномъ изъ митинговъ задался даже филологическими изслѣдованіями слова торіи и доказывалъ, что оно происходитъ или отъ ирландскаго слова, означающаго шайку разбойниковъ, или отъ кучерскаго крика «toree, toree!»

Въ другой рѣчи онъ самъ перечисляетъ нѣкоторыя любезности его политическихъ враговъ: «Одинъ торійскій кандидатъ заявилъ, что я дьяволъ во образѣ человѣка; другой — что меня слѣдуетъ повѣсить и что онъ съ удовольствіемъ присутствовалъ бы лично при этомъ зрѣлищѣ; третій называетъ меня атеистомъ; четвертый доказываетъ, будто я нажилъ состояніе самымъ безчестнымъ путемъ; пятый обвиняетъ меня въ томъ, что я сдираю кожу съ моихъ фермеровъ; шестой — въ томъ, что я вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ министровъ, въ которомъ я участвовалъ, игралъ на повышеніе и пониженіе египетскихъ фондовъ» и т. д.

Чемберленъ же сострилъ какъ-то, что противъ либераловъ нынѣ возстало пять *p*, а именно: priests — попы, publicans — трактирщики, parsans — настоятели, parnellites — ирландцы-парнелиты и protectionists — протекціонисты. Чёрчиль на это немедленно отвѣтилъ, что Чемберленъ ошибся, не эти пять *p* мѣшаютъ либераламъ, а другія, составляющія основу радикализма: plunder — грабежъ, profanation — кощунство, prevarication — кривой путь, procrastination — медленность и pusillanimity — трусость.

Джаксонъ, либеральный кандидатъ въ Монмуширѣ, заявилъ своимъ слушателямъ — углекопамъ, будто маркизъ Салисбюри собирается наложить пошлину на привозную муку, вслѣдствіе чего де хлѣбъ вздорожаетъ непомѣрно. Бѣдному Салисбюри пришлось,

[1]) Эти выраженія въ переводѣ: «выгнанная изъ норы лисица», «трусъ и измѣнникъ въ мундирѣ министра», «близорукій пустосвятъ-фарисей», «преступный лунатикъ-министръ», «визжаніе, стоны и крики мелкой икры либеральной партіи, подобной Герберту Гладстону».

[2]) «Говорунъ-идіотъ» (про Гартингтона), «ослѣпленная глупость и бредъ идіотизма мистера Чильдерса»...

конечно, опровергать это извѣстіе во всѣхъ газетахъ. Сэръ Барингтонъ-Сименъ, въ своей рѣчи на митингѣ, въ Шенклинѣ, сказалъ, что министры Салисбюри и Гикъ-Бичъ имѣли съ Парнелемъ тайное совѣщаніе въ курительной комнатѣ палаты лордовъ, выпили тамъ втроемъ нѣсколько стакановъ воды съ джиномъ и выкурили двѣ сигары. На другой день названные министры опровергаютъ это извѣстіе, а Салисбюри заявляетъ при этомъ, что онъ отъ роду не бывалъ въ курительной комнатѣ верхней палаты. Капитанъ Максуэль обвинялъ своего политическаго соперника О'Бріена въ возбужденіи убійствъ, грабежей и разбойничества... Стекольщикъ Лейсестеръ, избранный нынѣ въ члены парламента, однажды, на митингѣ рабочихъ говорилъ: «Я хочу попасть въ число законодателей, чтобъ научить засѣдающихъ тамъ, какъ надо работать съ пользой для народа, хотя тамъ и немало герцоговъ, думающихъ, что одно лицезрѣніе ихъ доставляетъ каждому честь и удовольствіе...». Либералъ Мильдскей въ Девонширѣ заявилъ на митингѣ, будто Чёрчиль гдѣ-то сказалъ: «Новые избиратели не умнѣе того скота, которымъ они управляютъ на пашнѣ». Чёрчиль въ тотъ же день оповѣстилъ по телеграфу, что заявленіе это—«is a pure fabrication». Не смотря на эти образчики, всетаки, можно сказать, что либералы были умѣреннѣе на языкъ, но за то обѣ партіи преслѣдовали другъ друга съ совершенно одинаковой безцеремонностью и энергіей при помощи шрифта и рисунка[1]). Вотъ, напримѣръ, «Консервативный катехизисъ, или принципы организованнаго лицемѣрства», изданный одновременно въ двухъ самыхъ населенныхъ пунктахъ Англіи—Лондонѣ и Манчестерѣ. Въ этой брошюрѣ на шестнадцати страницахъ мелкаго шрифта идетъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ о всѣхъ подробностяхъ консервативнаго режима въ такомъ родѣ:

«Вопросъ. Въ чемъ заключается консервативная внутренняя политика?

«Отвѣтъ. Это совершенно зависитъ отъ положенія партіи, состоитъ ли она во власти, или въ опозиціи.

«Вопросъ. Въ чемъ же заключается политика консерваторовъ, когда они въ опозиціи?

«Отвѣтъ. Въ отрицаніи всѣхъ предлагаемыхъ либералами реформъ...

«Вопросъ. А когда они во власти?

«Отвѣтъ. Тогда они подражаютъ политикѣ ихъ оппонентовъ, заявляя, что они всегда были въ пользу тѣхъ мѣръ, противъ которыхъ кричали...

---

[1]) Предо мной имѣются: The Rall-Call by C. Yates; The Coming Man; Companion Pictures; A Diary of the Gladstone Governement; A Politlcal Humbug; Ioseph and his Brethren; A Word to Working Men; Songs for liberal Electors; Five Years of liberal Mis-Rule и The Conservative Catechism и пр.

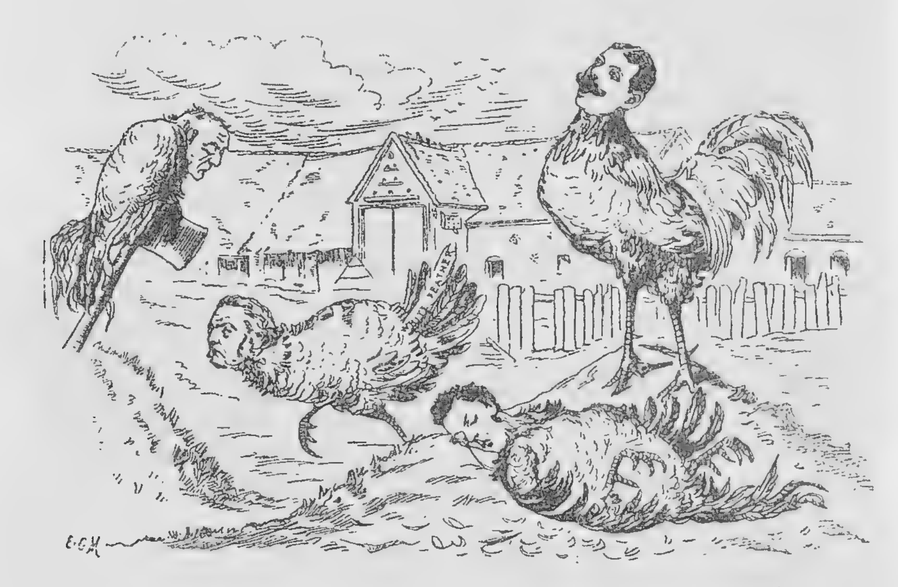
«Вопросъ. А нѣтъ ли какихъ нибудь вещей, которымъ консерваторы покровительствуютъ всегда, безразлично, во власти они или въ опозиціи?

«Отвѣтъ. Да. Они всегда покровительствуютъ продажѣ опьянительныхъ напитковъ и всегда идутъ противъ развитія образованія.

«Вопросъ. Почему же они противъ образованія?

«Отвѣтъ. Потому что образованіе и просвѣщеніе естественно приводитъ народъ къ неудовольствію противъ того оскорбительнаго порядка вещей, который терпѣливо переносился предками...

«Вопросъ. А почему они покровительствуютъ продажѣ опьянительныхъ напитковъ?

Побѣда лорда Чёрчиля надъ I. Чемберленомъ; Брайтъ убѣгаетъ, Гладстонъ опечаленный сидитъ на вѣточкѣ. (Изъ Comin. Man.).

«Отвѣтъ. Потому что распространеніе водочной продажи отнимаетъ у народа самоуваженіе, притупляетъ его чувства, разстроиваетъ его мыслительныя способности, держитъ его невѣжественнымъ, зависимымъ и безпомощнымъ...» и т. д.

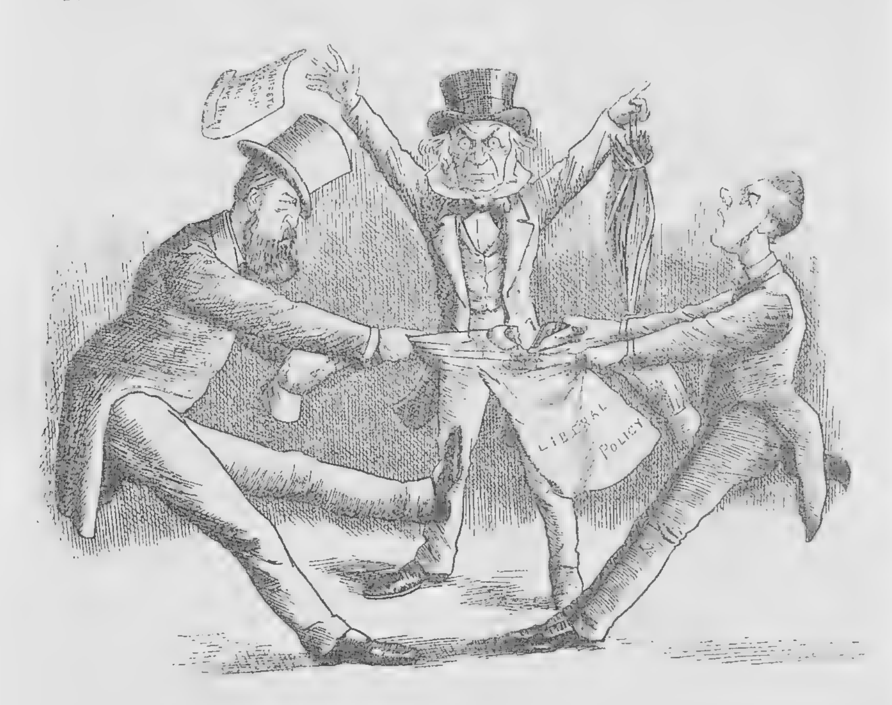
Консерваторы на этотъ обидный катехизисъ отвѣтили «Дневникомъ Гладстоновскаго правительства», въ которомъ по годамъ и днямъ за пять лѣтъ власти либеральнаго кабинета исчислили всѣ его дѣйствительные и мнимые промахи. Для ознакомленія съ содержаніемъ этой полемической брошюры выбираю изъ нея лишь то, что имѣетъ отношеніе также къ Россіи: «20-го декабря 1881 года. Избіеніе евреевъ русскими. В. Гладстонъ, который пылалъ негодованіемъ противъ болгарскихъ ужасовъ въ 1876 году, зажму-

рился на еврейскіе ужасы, потому что ихъ творили «святые русскіе», а не «отвратительные турки»... — 15-го февраля 1884 года. Россія захватываетъ Мервъ, забравъ въ прошлое царствованіе либераловъ Бухару (1870) и Хиву (1873); за то «мистеръ Гладстонъ единственный иностранный государственный мужъ, на котораго въ России смотрятъ съ довѣріемъ и уваженіемъ», какъ говоритъ г-жа Новикова въ ея книгѣ «Russia and England». — 13-го марта 1885 года. Либеральный кабинетъ заявилъ о «соглашеніи», потомъ объ «обѣщаніи», наконецъ, о «священной клятвѣ», данной Россіей Англіи въ томъ, что она не двинется въ Афганистанъ... 31-го марта. Избіеніе пятисотъ афганцевъ русскими, которые при этомъ заняли Пендже. Въ 1879 году, В. Гладстонъ сказалъ: «Страхъ предъ территоріальнымъ расширеніемъ Россіи не умнѣе страха старой бабы», — и съ той поры Россія подвинулась на нѣсколько сотъ миль по направленію къ Индіи» и т. д. Всѣ же ошибки и неудачи либеральнаго правительства по внутреннимъ вопросамъ были перепечатаны изъ этого «Дневника» такимъ крупнымъ шрифтомъ, разными красками и на такихъ огромныхъ листахъ, что я впервые видѣлъ подобный размѣръ печати, и бумаги эти, гиганты-объявленія, были оттиснуты въ 400 тысячахъ экземпляровъ и налѣплены вездѣ на улицахъ, гдѣ только онѣ могли помѣститься, а по вечерамъ однимъ сплошнымъ листомъ этого объявленія заклеивались запертыя двери и окна магазиновъ. Содержаніе ихъ было таково:

«Засѣдали въ кабинетѣ Гладстона 16 министровъ, изъ которыхъ 8 перовъ; этотъ кабинетъ имѣлъ въ общемъ 341 т. фунтовъ поземельнаго дохода, и фермеры его въ среднемъ платили до 40 шиллинговъ за акръ... Кабинетъ Салисбюри также состоитъ изъ 16 лицъ и тоже изъ 8 перовъ, но общій поземельный доходъ ихъ выравняется только 204 т. фунтовъ, и ихъ фермеры въ среднемъ выводѣ не платятъ болѣе 10 шиллинговъ съ акра земли... Съ каждаго фунта дохода англичане платили въ управленіе Дизраели 1 шиллингъ 8 пенсовъ, а въ управленіе Гладстона 3 шиллинга и полпенса; такимъ образомъ либералы втеченіе шести лѣтъ взяли со страны 41 милліонъ фунтовъ болѣе, чѣмъ въ такой же періодъ времени страна уплатила консервативному кабинету... Было израсходовано Гладстономъ съ 1880 года 526 мил. фунтовъ, т. е. 88 мил. въ годъ, или по 2 фунта 9 шиллинговъ съ каждаго жителя Великобританіи; а въ управленіе консерваторовъ только 472 мил. фунтовъ, т. е. лишь по 79 мил. въ годъ и не болѣе 2 фунтовъ 7 шиллинговъ съ головы... Втеченіе пятилѣтія либераловъ 1.312,207 англичанъ эмигрировали изъ отечества, а въ пятилѣтіе консервативнаго управленія эмигрировало только 622,515 душъ» и прочее...

Изъ полемическихъ брошюръ, личнаго содержанія, разумѣется, наибольшее число посвящено Гладстону, а послѣ него Чёрчилю и

Чемберлену. Первому достается даже за старость. «Въ 1868 году,— пишутъ консерваторы,— Гладстонъ отказалъ въ поддержкѣ Руселю на томъ основанiи, что покойному лорду было 76 лѣтъ отъ роду и потому что «послѣ 60 лѣтъ премьеръ можетъ сдѣлать очень мало», а теперь самъ почти 80 лѣтъ требуетъ себѣ власти перваго министра и руководителя партiи». Чёрчилю посвящена брошюра подъ заглавiемъ «Политическiй хвастунъ, или полчаса бесѣды съ лордомъ Рандольфомъ Чёрчилемъ». Она написана въ такомъ духѣ: «Лордъ Рандольфъ Чёрчиль теперь министръ и, по хвастливому за-

Лордъ Гартингтонъ—представитель умѣреннаго либерализма и I. Чемберленъ—радикалъ рвутъ на части либеральную политику къ ужасу главы ея В. Гладстона. (Изъ D. of the Glads. Govern).

явленiю его партiи, онъ политическая сила... Но чѣмъ же должны быть жрецы, когда у нихъ богъ—обезьяна? Каковы должны быть члены той партiи, у которой одинъ изъ главъ—отъявленный пасквилянтъ? И неужели способность лгать и клеветать есть качества, достаточныя для занятiя одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ постовъ?.. Лордъ Рандольфъ Чёрчиль выказалъ не разъ полнѣйшее невѣжество въ государственныхъ вопросахъ... онъ смыслитъ въ различныхъ общественныхъ задачахъ не болѣе любой мартышки... Этотъ лордъ, когда съ него снята маска честнаго человѣка, есть не болѣе какъ грубѣйшiй клеветникъ, шумливый, безпринципный

и безобразный хвастунъ нашего времени». Благородному лорду достается даже за грѣхи его предковъ. «Кто такіе эти Чёрчили?— спрашиваетъ брошюра. — Это—фамилія, лишенная самой природой всего благороднаго; личность Джона Чёрчиля, перваго герцога Мальбро, была вся соткана изъ низости и безчестія... Онъ былъ человѣкъ, поднявшійся, благодаря обезчещенію его сестры, и былъ поддержанъ на высотѣ самой безстыдной, самой безнравственной кокоткой, вся жизнь которой была нескончаемымъ позоромъ и т. п.». Іосифу Чемберлену доставалось сильнѣе, чѣмъ его товарищамъ, потому что, какъ я говорилъ выше, именно на его долю выпала тяжелая задача дать опредѣленную окраску радикальной партіи, впервые въ англійской исторіи вступающей на шаткую еще почву соціальнаго демократизма. Естественно поэтому, что именно онъ сдѣлался главнымъ предметомъ ненависти многихъ, злой насмѣшки, каррикатуры и памфлета. Предо мной, напримѣръ, толстая книжка «Іосифъ и его братья», съ портретомъ Чемберлена на обложкѣ и со многими рисунками внутри. Книга написана прекрасными стихами; привожу маленькую частичку ихъ въ подстрочномъ переводѣ

.....Спитъ спокойно
Нашъ Іосифъ, и грезится ему будущее:
Въ тронной залѣ Виндзора
Собрались всѣ звѣзды государства,
Церкви, арміи и театра...
Королева стоитъ тутъ же и около нея
Принцъ Уэльскій... Твердыми шагами
Пришелъ туда Іосифъ и обратился
Къ августѣйшей и блестящей компаніи:
«Теперь, Вильямъ Гладстонъ,
Мадамъ Викторія Гвельфъ, вы,
Бывшій принцъ, мастеръ ложи массонской.
И вы, джентльмены, слушайте: съ этого дня
У насъ болѣе не существуетъ учрежденія, называемаго короной...
И если вы, мадамъ, имѣете что нибудь возразить,
То я къ вашимъ услугамъ, говорите скорѣе, прошу» и т. д.

Къ летучей избирательной литературѣ, съ образчиками которой въ прозѣ, стихахъ и рисункахъ мы познакомились, слѣдуетъ присоединить и повременную прессу, девять десятыхъ своихъ столбцовъ также посвящавшей избирательной борьбѣ. Развитіе и направленіе англійской прессы почти совпадало съ расширеніемъ избирательнаго права. Такъ, въ прошломъ десятилѣтіи въ Англіи было 680 періодическихъ изданій, теперь ихъ 1,177. Изъ нихъ, напримѣръ, въ Шотландіи въ 1874 году было 16 консервативныхъ и 67 либеральныхъ, а теперь 21 консервативныхъ и уже 84 либеральныхъ. Вообще же изъ 179 ежедневныхъ газетъ, имѣющихъ, конечно, наибольшее вліяніе на настроеніе умовъ массы, 74 дер-

жатся либеральнаго направленія, 41 консервативнаго и 64 независимаго (въ большинствѣ радикальнаго).

Изъ этихъ изданій сатирическіе журналы — «Punch», «Judy» [1]), «Fanny Folks», «Slaopers», «Moonshine», «The Penny Illustrated Paper», «Illustrated Bits» и пр., такъ много писали о выдающихся дѣятеляхъ англійскаго государства, такъ часто рисовали ихъ, что нельзя было не дивиться находчивости и разнообразію этого избирательнаго писательства и рисованія. Въ періодической прессѣ также мало церемонились съ великими міра сего, какъ и въ летучей литературѣ, награждая всѣми пороками политическихъ враговъ, изображаемыхъ и графически не иначе какъ уродами и глупыми животными, а политическихъ друзей возвеличивая блестящими качествами и эпитетами. Вотъ предо мной лежитъ, напримѣръ, послѣдній номеръ «Illustrated Bits» и въ немъ рисунокъ на цѣлой страницѣ, изображающій Ирландію въ видѣ свиньи во фракѣ, ведущую на веревкѣ прошлаго и нынѣшняго премьера; у обоихъ сквозь носъ продѣты кольца; Салисбюри въ горностаевой мантіи и маркизской коронѣ, а Гладстонъ ползетъ на четвереренькахъ... Если бы вы, по русской привычкѣ, спросили англичанина, не обижается ли онъ печатной бранью или безобразной каррикатурой, — вы оскорбили бы его. Въ свободной странѣ,—скажетъ онъ,—всякое мнѣніе и слово свободно, хотя бы они казались кому либо чудовищными. Литераторъ и печать, по общераспространенному здѣсь мнѣнію, не только могутъ, но обязаны разбирать и критиковать, какъ умѣютъ, все, что творится подъ знаменемъ общественнаго дѣла, и всѣхъ, кто работаетъ подъ этимъ знаменемъ. За то двери въ кабинетъ, спальню и столовую любаго дѣятеля такъ же неприкосновенны въ Англіи для прессы, какъ и для полиціи. Признаюсь въ грѣхѣ—я, всетаки, думаю, что злоупотребленіе каррикатурой и печатной бранью можетъ затмить на время даже свѣтлую личность и золотое дѣло, какъ облака заслоняютъ на время солнечные лучи; а потому, вспоминая фразу Вольтера — «клевещите, въ концѣ-концовъ останется что нибудь», я обращался не разъ къ передовымъ людямъ Англіи съ щекотливымъ вопросомъ относительно моихъ сомнѣній. Мнѣ отвѣчали приблизительно слѣдующей тирадой:

—Да, если бъ только одного меня бранили и изображали въ смѣхотворномъ видѣ на рисункахъ,—это было бы плохо; но такъ какъ всѣхъ одинаково бранятъ и одинаково представляютъ на каррикатурахъ, то убытокъ у всѣхъ равный, или, вѣрнѣе нѣтъ ни для кого убытка... Наши общественные дѣятели служатъ не по назначенію отъ короны, не по протекціи, а единственно въ силу своего вліянія на народъ и въ мѣру народнаго довѣрія къ нимъ. Это

---

[1]) Punch, Judy и Toby—супругъ, супруга и ихъ собачка въ любимомъ народномъ представленіи куколъ, по-нашему называемомъ «петрушкой».

такія основы службы и дѣятельности, что едва ли величайшій геній можетъ пошатнуть ихъ при помощи стиха, прозы или рисунка... Остроуміе всѣмъ мило и даже тому, надъ кѣмъ оно разражается, а грубость... всѣ одинаково отворачиваются отъ нея, и она умираетъ безъ впечатлѣнія...

Впачалѣ выборовъ побѣда была на сторонѣ консерваторовъ, и потому, Салисбюри превозносится, а Гладстонъ падаетъ. (Съ фотографіи).

Наконецъ, къ услугамъ избирателей въ періодъ борьбы появилось въ свѣтъ нѣсколько весьма серьезныхъ трудовъ, посвященныхъ вопросамъ о выборахъ и партій. Нѣкоторые изъ этихъ из-

даній мы уже назвали въ примѣчаніяхъ къ тексту. Самая капитальная изъ такихъ книгъ носитъ названіе «Gladstone's House of Commons by O'Connor», въ которой на шестистахъ страницахъ по днямъ записаны всѣ выдающіяся событія парламентской жизни за послѣднее пятилѣтіе главенства Гладстона, и въ концѣ приложенъ алфавитный списокъ всѣмъ именамъ и вопросамъ, о которыхъ парламентъ имѣлъ разсужденіе [1]). Критика очень ловко выразилась о названной книгѣ, сказавъ, что едва ли на верховномъ судилищѣ того свѣта будетъ открыто по части грѣховъ и добродѣтелей гладстоновскаго парламента что либо такое, чего нѣтъ въ книгѣ г. О'Коннора. Въ этомъ почтенномъ трудѣ каждый интеллигентный избиратель могъ скоро и легко провѣрить дѣйствія и слова либеральнаго кабинета по любому интересующему его вопросу. «A handbook to political Question of the day by Sydney Buxton» принадлежитъ также, какъ и предъидущая книга, перу члену парламента и относится къ числу серьезныхъ изданій, держащихся нейтральной почвы, не склоняясь къ той или другой партіи. Въ этой книгѣ кратко и въ историческомъ порядкѣ разсказывается о проектахъ реформъ, заявленныхъ политическими ораторами или рекомендованныхъ вліятельными митингами. Въ этой книгѣ избиратель могъ легко оріентироваться по части будущаго и знать, что хотятъ его сограждане и что обѣщаютъ кандидаты отъ имени разныхъ партій. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ партійныхъ изданій, каковы, напримѣръ, «The tory polici of the Morquis of Salisbury» г. Бадженола, «The Formation of political Opinion» А. Крампа и т. д. Наконецъ, слѣдуетъ цѣлый рядъ изданій для бѣднаго избирателя—прекрасныхъ изданій съ прекрасными рисунками и необыкновенно дешевой цѣны. Нужно замѣтить, что англійскія книги очень дороги сравнительно съ русскими; напримѣръ, упомянутая книга О'Коннора стоитъ на наши деньги семь рублей, Бакстона—три рубля и т. п. Вообще здѣсь пять-десять рублей средняя цѣна за серьезную и порядочную книгу. Тѣмъ рѣзче контрастъ въ цѣнѣ книгъ, изданныхъ партіями для народа. Укажу для примѣра на двѣ книги, обѣ подъ одинаковымъ заглавіемъ «Our political Leaders»; изъ нихъ одна посвящена біографіямъ коноводовъ либерализма, другая руководителей консервативной партіи. Въ каждой такой книжкѣ по 80 страницъ въ два столбца мелкаго шрифта и съ 20—25 очень хорошими портретами, а цѣна книги 25 копѣекъ. Или вотъ еще лучшій образчикъ такой литературы—«M-r Gladstone's Midlothian Speeches»—брошюрка въ 30 страницъ очень мелкой печати, съ прекраснымъ портретомъ Гладстона на обложкѣ; цѣна ей пенсъ,

[1]) Эта книга есть продолженіе еще болѣе обширнаго труда «A Diary of two parliaments», соч. г. Люси, бывшаго шефа парламентскихъ репортеровъ и въ нынѣшнемъ году назначеннаго главнымъ редакторомъ газеты «Daily News».

или 4 коп. на наши деньги. Въ ней приведены всѣ рѣчи Гладстона, сказанныя имъ за послѣднее время въ Мидлосіанѣ,—округѣ, уже много лѣтъ неизмѣнно избирающемъ почтеннаго старца своимъ представителемъ въ парламентѣ.

III.

Итакъ, англійскій избиратель былъ роскошно снабженъ газетами, книжками и рисунками, которые ему разсказывали и показывали всѣ грѣхи и добрыя дѣла людей, ищущихъ его голоса. Митинги довершаютъ вторую половину подготовки избирателя. Кто не видѣлъ собственными глазами англійскихъ митинговъ, тому трудно составить опредѣленное понятіе о нихъ. Большая часть жителей Великобританіи принадлежитъ къ какой нибудь фирмѣ клуба, товарищества, ассоціаціи, общества и т. п. Есть ассоціаціи ремеслъ, напримѣръ, поваровъ, кучеровъ, углекоповъ и т. п.; есть общества интеллигентныхъ профессій—аптекарей, докторовъ, учителей и пр.; есть товарищества потребленія, покупокъ, производствъ, есть, наконецъ, клубы извѣстныхъ кварталовъ и кружки какихъ нибудь оригинальныхъ вкусовъ. Учрежденіе кружковъ, обществъ и пр. въ Англіи совершенно свободно отъ какой либо оффиціальной регуляризаціи. Такая свобода имѣетъ за собой исторію, и потому масса обществъ, раскинутыхъ по государству и колоніямъ, часто устанавливаютъ въ Лондонѣ свое центральное учрежденіе, напримѣръ, рудокопы, какъ Англіи, такъ и Австраліи, соединили свои общества при помощи одного центральнаго комитета. Многія общества успѣли составить на столько прочное и выгодное положеніе, что не требуютъ отъ своихъ членовъ какихъ либо взносовъ или пожертвованій, платя имъ, напротивъ, дивиденды и барыши...

Такія общества, клубы, ассоціаціи и пр. играютъ чрезвычайно важную роль въ исторіи парламентской жизни; имъ обязана Англія, что ея обыватель не теряется, когда его отзываютъ отъ домашнихъ дѣлъ и разъ въ пять-шесть лѣтъ предлагаютъ высказать мнѣніе о внутренней и внѣшней политикѣ государства. Въ эти трудные дни многочисленная часть обывателей становятся дѣйствительными членами излюбленной корпораціи, усердно посѣщаютъ ея собранія и, проводя время въ разговорахъ на общественную тэму, будятъ въ себѣ и собесѣдникахъ тотъ общественный инстинктъ, который, увы, столь часто замираетъ въ человѣческомъ сердцѣ, подъ вліяніемъ печалей и радостей эгоистическаго свойства. Товарищи, болѣе способные и талантливые, становятся руководителями, и потому дѣло избранія получаетъ болѣе или менѣе опредѣленную окраску...

У каждаго клуба, общества, товарищества и т. п. есть свои знамена, картины-аллегоріи, часто свой оркестръ и традиціонные костюмы для процессій. Напримѣръ, въ ассоціаціи поваровъ, впе-

реди шествія на бѣлой лошади ѣдетъ одѣтый въ бѣлое платье и бѣлый колпакъ поваръ-президентъ, держа въ рукахъ огромную разливательную ложку. У нѣкоторыхъ обществъ есть значки для членовъ, у другихъ — ленты черезъ плечо, у третьихъ — нѣчто въ родѣ мундировъ. И вотъ, когда наступаетъ шестинедѣльный періодъ избирательной борьбы, общества, ассоціаціи и клубы, давно уже, по традиціи, поддерживающіе или виговъ, или торіевъ, а нынѣ и радикаловъ, сговорившись съ ораторами-кандидатами, назначаютъ часъ и мѣсто для митинга. Тутъ и самый индифферентный гражданинъ слѣдуетъ за толпой, ибо неловко отставать — товарищи идутъ. Въ Англіи почти не бываетъ митинговъ немноголюдныхъ— всѣ они импонируютъ величіемъ толпы.

Въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, въ Англіи и Шотландіи еще нѣтъ зимы; бываютъ дни мрачные и сырые, но случаются и такіе радостные, теплые и солнечные, когда пахнетъ весной и на лугахъ, еще зеленыхъ, снова зацвѣтаютъ полевые цвѣты. И потому здѣсь нерѣдко устроивались избирательные митинги на открытомъ воздухѣ—въ паркахъ или пригородныхъ поляхъ. Въ назначенный часъ клубы, ассоціаціи, общества и кружки, поддерживающіе данную партію, ѣдутъ въ безконечномъ рядѣ открытыхъ дилижансовъ или двигаются, подобно войску, съ знаменами и картинами, развернутыми въ родѣ хоругвей, предводительствуемые оркестромъ духовой музыки, собственной или нанятой военной. Во время этого шествія обычная циркуляція по улицамъ прекращается. На мѣстѣ митинга секретари клубовъ, обществъ и пр. верхомъ и пѣшіе, съ особыми значками въ петлицахъ, разставляютъ въ порядокъ прибывающія группы и вообще распоряжаются на правахъ предсѣдателя, жандарма или полицейскаго. Оффиціальная полиція вмѣшивается лишь въ крайнемъ случаѣ. Прибывшіе экипажи и дилижансы ставятся въ нѣсколько круговъ лошадьми наружу; въ кругѣ самый высокій экипажъ служитъ каѳедрой, а на каждой такой импровизированной каѳедрѣ ораторъ. Толпа слушателей дѣлится по этимъ кругамъ, а кандидатъ, нерѣдко, находитъ въ себѣ столь привычный запасъ силъ, что говоритъ рѣчи каждому кругу по очереди. Часа черезъ два-три общества, ассоціаціи и пр. сваливаютъ свои знамена съ картинами въ экипажи и мирно расходятся по домамъ...

Другой, осенью и зимой болѣе распространенный, сортъ митинговъ совершается въ закрытыхъ зданіяхъ, роскошныхъ Hall'ахъ, въ концертныхъ салонахъ, театрахъ, бальныхъ залахъ, циркахъ, школахъ и т. п. Тутъ заранѣе назначается старшій изъ президентовъ присутствующихъ кружковъ для исполненія предсѣдательскихъ обязанностей, а особо избранная депутація привѣтствуетъ кандидата и блюдетъ за внутреннимъ порядкомъ. У такихъ митинговъ общій видъ торжественнѣе, имѣется настоящая каѳедра и пр.

Третье мѣсто для ораторскаго упражненія кандидатовъ—банкеты, на которыхъ присутствуетъ цвѣтъ и сливки мѣстныхъ сочувствователей. Банкеты даются какъ бы въ дополненіе къ народнымъ митингамъ, услащая вкуснымъ обѣдомъ и шампанскимъ коноводовъ толпы.

Побѣда либераловъ; впереди Гладстонъ, сзади его товарищи по кабинету; всѣ въ министерскихъ мундирахъ. (Съ фотографіи).

Наконецъ, рѣдко-рѣдко, въ противоположность Франціи, кандидату выпадаетъ счастливая доля сказать импровизацію съ балкона въ отвѣтъ на привѣтствіе восторженной толпы. Такими оваціями

удостоивается одинъ Гладстонъ и то не вездѣ и не всегда. Англичане на этотъ счетъ очень скупы и холодны...

Первое занятіе каждаго народнаго митинга—пѣніе хоромъ избирательныхъ пѣсенъ, которыя наполняютъ цѣлые сборники [1]. Вотъ образцы двухъ новѣйшихъ пѣсенъ—радикальной и либеральной:

1) Радикальный гимнъ:

Solo: Насталъ часъ проснуться для англійскаго народа,
Наша отвага дала намъ надлежащія силы,
И пришла пора народу перестать быть рабомъ.
Впередъ, друзья! Къ побѣдѣ надъ господами, чиновниками и мошенниками.

Хоръ. Этотъ зовъ мы слышимъ сердцемъ,
Онъ внушаетъ намъ надежду,
Мы готовы,
Крѣпки, сильны
Для сраженій и побѣдъ!

Solo: Наше право несомнѣнно,
Знамя Англіи, какъ слава ея, общее достояніе
И насъ, служащихъ и хозяевъ,
Соединимся же для свободы!

Хоръ: Этотъ зовъ мы слышимъ сердцемъ и т. д.

2) Воззваніе Гладстона.

Гладстонъ говоритъ милліонамъ англичанъ:

«Я освободилъ васъ отъ дворянскаго ига
И съ тріумфомъ къ побѣдѣ привелъ васъ,
Теперь власть торіевъ почти умерла!
Собирайтесь же вокругъ меня, часъ битвы наступилъ,
Вашъ старый полководецъ поведетъ васъ
Въ сраженье и снова побѣдитъ!

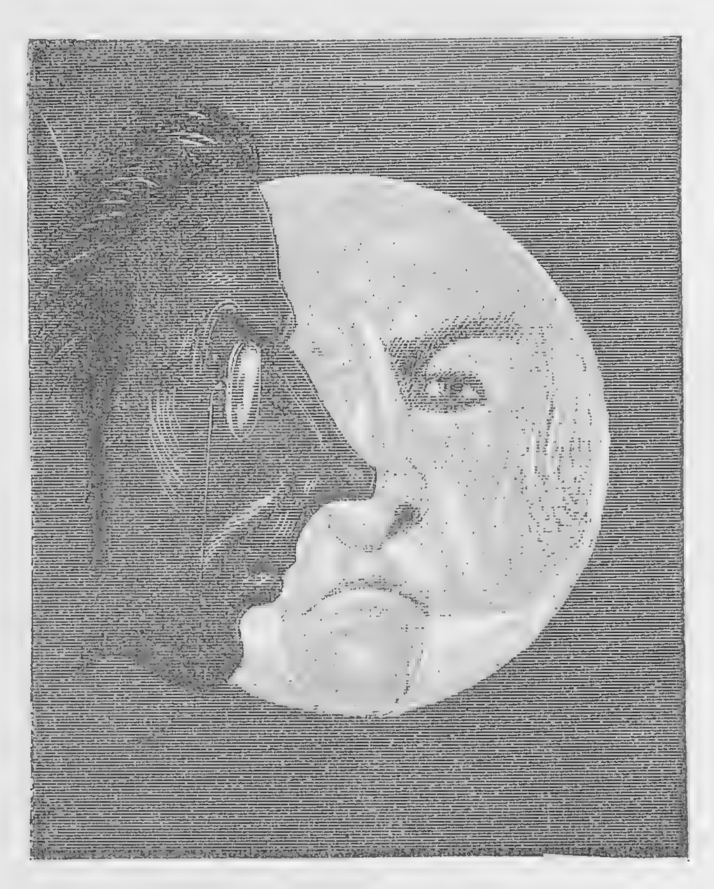
Полстолѣтія я работалъ для васъ,
Во имя справедливости и правды,
И, слава Богу, мы боролись не даромъ,
Теперь торіи снова разсѣятся!
Сбирайтесь же вокругъ меня, часъ битвы наступилъ,
Вашъ старый полководецъ поведетъ васъ
Въ сраженье и снова побѣдитъ!» и т. д.

Послѣ этихъ пѣсенъ, заученныхъ и дѣтьми, съ каѳедры произносится маленькая привѣтственная рѣчь «ширмана»—предсѣдателя, рекомендующая кандидата, и затѣмъ послѣдній начинаетъ свою адвокатуру. Къ концу митинга поспѣваютъ каррикатурные рисунки, сообразные результату происходящихъ выборовъ...

---

[1]) Напримѣръ, Songs for Liberal Electors, London, 1885; Liberal Election Songs for the present Crisis etc.

Девять десятыхъ различныхъ избирательныхъ митинговъ оканчивались мирно и благородно, но случались и такія собранія, въ которыхъ шумъ, драки и безпорядокъ превосходили всякую мѣру. Газеты и журналы, напримѣръ, Saturday Review, подъ впечатлѣніемъ такихъ безпорядковъ забывали иногда объ англійскомъ «Selp-help»,—помогай самъ себѣ,—и требовали у полиціи строгихъ мѣръ предосторожностей, а у судей—каторжной работы для нарушите-

Восходящее свѣтило радикаловъ Чемберленъ совершаетъ затмѣніе надъ блескомъ Гладстона.

лей тишины и порядочности на народныхъ сходкахъ. Для иллюстраціи такихъ безпорядковъ разскажу о происшествіи съ сэромъ Уаткиномъ Уиномъ, бывшимъ кандидатомъ консервативной партіи въ East-Denbighshire. Митингъ для него былъ приготовленъ въ мѣстной школѣ, но только что Уинъ вошелъ въ нее, какъ толпа, собравшаяся вокругъ школьнаго зданія, стала кидать въ окна камни и грязь. Нѣкоторые изъ присутствующихъ на митингѣ бросились

отбивать нападающихъ, но черезъ открытыя ими двери толпа ворвалась въ школу и стала кричать, что она убьетъ оратора. Уинъ хотѣлъ было побѣдить буяновъ презрѣніемъ, силясь продолжать рѣчь, но буяны пошли на каѳедру приступомъ; надо было бѣжать изъ школы заднимъ ходомъ и, пользуясь ночью, утекать по рельсамъ желѣзной дороги почти до самаго разсвѣта [1]).

У каждаго кандидата всегда есть нѣсколько агентовъ, обязанныхъ собирать свѣдѣнія объ избирателяхъ, просвѣщать ихъ на счетъ принциповъ партіи, устраивать митинги и пр. Если избирательный округъ городской, то на каждой улицѣ, если сельскій— то въ каждой деревнѣ, кандидатъ нанималъ комнату или магазинъ, гдѣ поселялись агенты, принимая заявленія избирателей, ведя имъ списокъ и распространяя между ними надлежащія свѣдѣнія, газеты, брошюры, книги и пр. Заявленіе избирателей порой были весьма курьёзны. Напримѣръ, въ Алингтонѣ, какъ разсказываетъ леди Маннеръ, одинъ крестьянинъ подалъ кандидату безконечный списокъ вопросовъ по всѣмъ отдѣламъ общественной жизни. Бывали случаи, что запасливые фермеры задавали кандидату чисто агрономическіе вопросы, требуя письменнаго отвѣта. Г. Чильдерса, между прочимъ, избиратели спрашивали, хорошо ли сдѣлала королева, принявъ въ свою семью принца Батенбергскаго? «Во имя любви молодой леди все простительно!» — отвѣтилъ галантный ораторъ, и толпа аплодировала ему. Эти вопросы и отвѣты—сущая мука для кандидатовъ и очень скользкій путь для нихъ, ибо толпа ничѣмъ такъ не интересуется, какъ отвѣтами на ея собственные вопросы; съ нѣкоторыми несчастливцами случалось даже, что впродолженіе цѣлаго митинга толпа пытала ихъ разными задачами, такъ что приготовленную рѣчь некогда было и сказать.

Затѣмъ, въ недѣли избранія, дома и заборы испещрены объявленіями кандидатовъ съ profession de foi, съ выраженіями въ родѣ: «справедливость для всѣхъ!», «богатые и бѣдные равны передъ закономъ», и т. п., иногда же просто съ одной фамиліей кандидата, напечатанной крупнѣйшими буквами.

До чего доходила манія на вывѣски, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ Лембетѣ священникъ церкви св. Антолины предъявилъ искъ къ гг. Лауренсу и Артюру, двумъ мѣстнымъ

---

[1]) Другой случай подобнаго же безпорядка я разсказывалъ въ «Новомъ Времени»:

«Г. Дженкинсъ захотѣлъ посѣтить родной городокъ; помѣщеніе на пять тысячъ душъ было уже нанято и устроено, рѣчь озаглавлена въ тысячахъ расклеенныхъ и розданныхъ афишахъ очень интересно: «Политика прошлаго и будущаго!». Наконецъ и поѣздъ благополучно привезъ оратора въ Данди. Но только что заговорилъ г. Дженкинсъ, вдругъ, выражаясь языкомъ мѣстной газетки, «поднялась буря свиста, воя и стоновъ». Долго ораторъ старался перекричать толпу, но тщетно; слѣзъ съ каѳедры и кувыркомъ подъ акомпанементъ «бури свиста, воя и стоновъ» вылетѣлъ изъ залы».

кандидатамъ, такъ усердно оклеившимъ внѣшнія стѣны церкви избирательными бюллетенями, что одна очистка отъ нихъ стоила болѣе 30 рублей... Наканунѣ выборовъ избиратель получаетъ отъ каждаго кандидата по почтѣ открытое письмо, на обратной сторонѣ котораго красуется фамилія кандидата. Эти письма замѣняютъ при выборахъ избирательные бюллетени. Въ день выборовъ для избирателей готовы даровые экипажи и вагоны для поѣздки къ ближайшему мѣсту, гдѣ производится баллотировка. Въ каждомъ такомъ мѣстѣ сидитъ мэръ или его помощникъ, присутствуютъ депутаты партіи и у ящика стоитъ городовой. Избраніе производится въ разныхъ округахъ втеченіе мѣсяца, въ назначенные дни, отъ 8-ми часовъ утра до восьми вечера. Избиратель приходитъ, удостовѣряетъ предъ мэромъ свою личность и кладетъ въ ящикъ то или другое имя. Такимъ образомъ, избраніе совершается секретно; въ этомъ секретѣ и лежитъ причина провала на выборахъ многихъ мѣстныхъ магнатовъ. Народонаселеніе принимаетъ ихъ гостинцы, на словахъ обѣщаетъ подать голосъ непремѣнно въ ихъ пользу, но въ часъ баллотировки потихоньку выводитъ на свѣтъ собственныхъ кандидатовъ...

Въ восемь часовъ вечера дѣлается провѣрка голосовъ и публичное объявленіе о результатахъ выборовъ. Это самое тревожное время. Три мѣсяца пламенной полемики партій въ рѣчахъ и печати, огромные митинги съ тѣмъ электризирующимъ вліяніемъ толпы, которая выработала пословицу: «на людяхъ смерть красна» — все до такой степени увлекаетъ народъ, что едва ли въ эту пору найдется одинъ грамотный англичанинъ, спокойно разсуждающій о результатахъ выборовъ. Чтобъ удовлетворить этой возбужденной страсти, въ театрахъ, напримѣръ, въ Drury-Lane, въ Лондонѣ, въ дни выборовъ во время представленія выходилъ на сцену директоръ и читалъ вслухъ полученныя имъ спеціальныя телеграммы о результатахъ избранія, причемъ, конечно, публика встрѣчала нѣкоторыя имена счастливыхъ кандидатовъ свистками, другія аплодисментами. Женщины не отставали отъ мужчинъ въ страстности отношеній къ избирательной горячкѣ, и «Punch» вполнѣ справедливо описалъ такую сцену въ магазинѣ. Входитъ дама и требуетъ шляпку.

— Ваши политическія убѣжденія, мадамъ? — любезно спрашиваетъ ее приказчикъ.

— Это зачѣмъ?

— О, теперь мода слѣдуетъ за политикой, и есть покупательницы, которыя обижаются, когда имъ предлагаешь фасонъ à la Чемберленъ, а другія не хотятъ шляпокъ à la Чёрчиль!

Госпожа Шау-Лефевръ издавала карты дѣленій Англія на избирательные округа съ показаніемъ, кто и гдѣ получилъ большинство голосовъ; синяя краска, по традиціи, показываетъ консервативную территорію, красная — либеральную... Появились даже ноты

подъ заглавіемъ «Troubles of a candidate», комическая музыка которыхъ не разъ исполнялась въ различныхъ концертахъ во время избирательнаго періода.

Кромѣ того, у массы избирателей представленіе о побѣдѣ той или другой партіи связывалось въ умѣ непосредственно съ самыми близкими и эгоистическими интересами. Одинъ священникъ, напримѣръ, тотчасъ послѣ выборовъ собиралъ среди своихъ прихожанъ свѣдѣнія, почему они вотировали противъ либераловъ. Оказалось, что богатый купецъ подалъ голосъ за консервативнаго кандидата, потому что присутствіе въ либеральномъ кабинетѣ Чемберлена «составляетъ опасность для собственности»; капитанъ торго-

Леди везетъ къ мѣсту выборовъ избирателей ея мужа.

ваго корабля — потому что внѣшняя политика Гладстона черезчуръ безпокойна; ремесленникъ-плотникъ — потому что принципы свободы торговли отнимаютъ у него заработки, такъ какъ двери и рамы для домовъ привозятъ нынѣ въ Англію готовыми изъ Норвегіи; наконецъ, мелкій торговецъ высказалъ, что теперь дѣла у него идутъ плохо, и онъ хотѣлъ бы попробовать, не пойдутъ ли они лучше при консервативномъ кабинетѣ...

На грубую толпу особенно сильное вліяніе имѣли представители церкви, возставшіе на либераловъ изъ страха предъ обѣщанной послѣдними церковной реформой. Служители Христа, по обычаю, не отличались скромностью.

На консервативномъ митингѣ въ Биркенгедѣ, священникъ Вортингтонъ объявилъ, напримѣръ, что либеральная партія «порожденіе ехидны», которая повсемѣстно кладетъ яицы; «торіи обязаны

раздавить это адское сѣмя!» Архидіаконъ Таунтона публично выразился еще сильнѣе: «Если вы хотите чествовать Гладстона, — сказалъ онъ, — который предпочитаетъ свои выгоды обязанностямъ, долгу, отечеству и Богу, то вы съ одинаковымъ правомъ можете чествовать и дьявола». Консерваторы воспользовались этой эксцентричностью священнослужительскаго языка и попросили у него объясненій. Почтенный архидіаконъ въ отвѣтъ опубликовалъ цѣлую брошюру — «M-r Gladstone — fifty — five years — a retrospect and prospect by George Anthony Denison, archdeacon of Taunton», въ которой доказываетъ, что, слѣдя за дѣятельностью Гладстона втеченіе пятидесяти пяти лѣтъ, онъ, наконецъ, убѣдился, что знаменитый премьеръ Англіи не кто иной, какъ посланникъ дьявола и антихриста.

Если сложить воедино взаимные споры, брань и клевету партій съ невоздержной полемикой служителей церкви и разговорами о соціализмѣ, то нельзя удивляться длинному списку избирательныхъ безпорядковъ. Темный людъ съ горячимъ и наивнымъ сердцемъ билъ либераловъ тамъ, гдѣ больше вѣрилъ пасторамъ, и билъ консерваторовъ, гдѣ былъ соблазненъ радикализмомъ. Такъ въ Нотингамѣ рабочіе остались столь недовольны результатомъ выборовъ, что совсѣмъ потеряли разсудокъ. Цѣлыя сутки потомъ они бродили по городу, разбивая стекла и занимаясь грабежемъ лавокъ, торгующихъ съѣстными припасами. Полицейскіе, по англійскимъ обычаямъ, не имѣютъ права носить оружіе или пользоваться имъ при усмиреніи толпы, и потому Нотингамъ принялъ совершенно революціонный видъ: мирные жители ограждали улицы и переулки баррикадами и вступили съ буянами въ настоящую битву, которая кончилась пораженіемъ послѣднихъ и ста двадцатью ранеными съ обѣихъ сторонъ...

Въ Тьюкесбюри помѣщеніе избирательнаго комитета консерваторовъ спаслось отъ полнаго разгрома лишь тѣмъ, что сторожъ его Моссъ сталъ выливать изъ окна на толпу кипятокъ и посыпать буяновъ горячей золой изъ камина. Въ Ричмондѣ были разбиты всѣ дома либераловъ, въ особенности же поплатились — кабакъ либеральнаго цѣловальника, училище либеральнаго кандидата и дума. Въ Бильдестанѣ, напротивъ, пострадали консерваторы; ихъ мѣстный коноводъ, богатый фермеръ Ундервудъ, былъ сброшенъ толпой въ рѣку; въ East-Dorset'ѣ буяны вступили въ драку съ консервативнымъ кандидатомъ г. Бондъ, когда онъ пріѣхалъ въ мэрію посмотрѣть на баллотировку, и избили его. Небольшой городокъ Устморъ въ день выборовъ напомнилъ собой виды Судана: толпы подъ синимъ знаменемъ консерваторовъ и подъ краснымъ радикаловъ сошлись и начали сраженіе; разбитые радикалы ретировались въ кабакъ и заперлись тамъ; консерваторы выбили ихъ оттуда, почти изломавъ весь домъ, и съ тріумфомъ пошли на полицію;

разбили въ ней двери и окна и двинулись на квартиру коновода мѣстныхъ радикаловъ, проломили ему голову, исцарапали все лицо и переломали всю его мебель.

Въ Кембриджѣ въ день выборовъ въ $7^1/_2$ вечера толпа народа собралась около клуба «Реформа», разбила всѣ его окна и бросилась штурмовать дома наиболѣе извѣстныхъ городскихъ либераловъ; ею же произведены безчинства въ редакціи мѣстной газеты «Indepen-

Джонъ Буль и его близнецы.

dent Press», причемъ студенты знаменитаго университета принимали дѣятельное участіе въ этомъ буйствѣ.

Въ Оксфордѣ большая толпа народа бросилась на залу либеральныхъ митинговъ и избила находившагося тамъ г. Кокса до того, что потомъ цѣлые сутки онъ лежалъ безъ чувствъ.

Въ Бридпортѣ агенты либеральныхъ кандидатовъ получили въ день выборовъ приговоры къ смерти на бланкахъ, на которыхъ нарисованъ гробъ.

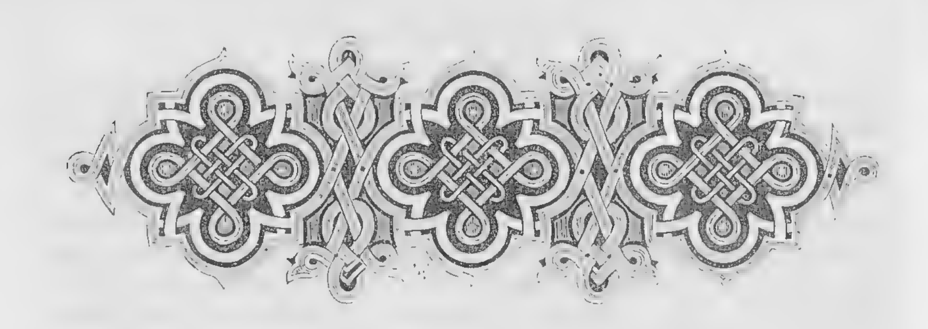
Въ Довизесѣ двое батраковъ были приговорены судьей къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ каторжной работы за то, что послѣ выборовъ выкупали въ канавѣ мѣстнаго учителя, оказывавшаго энергическую поддержку консервативному кандидату.

Въ Ньюбури, наконецъ, произведенное слѣдствіе удостовѣрило, что въ день выборовъ въ этомъ маленькомъ городкѣ было разбито оконъ на 30 фунтовъ стерлинговъ (300 руб.), и т. д.

Но все это было маленькой бурей, отъ которой пострадали мелкія лодочки, а большому кораблю она служила лишь попутнымъ вѣтромъ. Этотъ корабль, англійское представительство народа, спокойно вошелъ въ гавань, готовясь нынѣ къ мирной и полезной дѣятельности на пользу своего обширнаго отечества...

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ X. 1853—1878 г. Спб. 1886.

ВЪ ВЫШЕДШЕМЪ нынѣ томѣ сочиненій князя Вяземскаго помѣщено окончаніе его записныхъ книжекъ, начавшихся печатаніемъ еще въ VIII томѣ, и переводъ знаменитаго въ свое время романа Бенжаменъ-Констана «Адольфъ». О романѣ, посвященномъ Пушкину, можно сказать только то, что переводъ его, сдѣланный почти 60 лѣтъ тому назадъ, читается, за исключеніемъ нѣсколькихъ сихъ и оныхъ, гораздо легче, чѣмъ труды многихъ современныхъ переводчиковъ. Что же касается до записныхъ книжекъ, то значеніе ихъ было выяснено «Историческимъ Вѣстникомъ» въ майской книжкѣ 1884 года, при разборѣ IX тома сочиненій покойнаго писателя. Въ отзывѣ этомъ было сказано, что замѣтки князя Вяземскаго весьма важны для изученія русскаго общества, но печатаются не вполнѣ, такъ какъ многое изъ нихъ еще не можетъ быть обнародовано. Оканчивающіяся въ нынѣ вышедшемъ томѣ замѣтки, обнимающія ближайшее къ намъ время, еще интереснѣе и не только для изученія русскаго общества, но вообще для оцѣнки и тогдашняго политическаго положенія дѣлъ. Затѣмъ, къ сожалѣнію, «невозможность обнародованія многаго» высказывается въ нихъ еще сильнѣе, такъ какъ изъ 25-ти лѣтъ, къ которымъ относятся замѣтки, о нѣкоторыхъ годахъ не говорится вовсе, а къ другимъ отнесены мелкія и незначительныя замѣчанія. Дневникъ этого тома начинается съ 1853 года; изъ Дрездена Вяземскій отправился въ Венецію, которую описываетъ довольно подробно и откуда черезъ Адлерберга онъ испросилъ разрѣшеніе у государя остаться за границей

послѣ объявленія войны. О нашей дипломатіи того времени Вяземскій отзывается съ негодованіемъ и особенно честитъ «тщедушнаго Брунова, въ которомъ нѣтъ ни капли русской крови, ни единаго русскаго чувства въ груди». Какъ всякій выскочка, онъ долженъ изгибаться передъ Пальмерстономъ; въ Ораніенбаумѣ онъ былъ пластрономъ у фрейлинъ, какимъ былъ въ Одессѣ у Воронцова, у Орлова и др. «У Нессельроде есть, по крайней мѣрѣ, русскіе мериносы на святой Руси, стало быть онъ прикрѣпленъ къ ней, а у Брунова этого нѣтъ». Самого Нессельроде авторъ считаетъ честнымъ человѣкомъ, но говоритъ, что весь восточный вопросъ, его обстановка и способъ, какимъ его вели, противорѣчили его понятіямъ и убѣжденіямъ. Тогда зачѣмъ же онъ оставался руководителемъ этого вопроса? Вяземскій, въ письмѣ къ нему, бранитъ его (онъ былъ съ нимъ на ты) за то, что онъ не разгадалъ этого лже-Наполеона, «курвина сына». Два другія письма къ нему же 1854 года на французскомъ языкѣ замѣчательны по указаніямъ на наши дипломатическіе промахи, но заключаются желаніемъ обнять Нессельроде. Князь защищаетъ его и въ письмѣ къ редактору «Journal des Débats», а между тѣмъ громитъ Киселева, Брунова и другихъ дипломатовъ, которые не могли дѣйствовать, конечно, иначе, какъ по инструкціямъ министра иностранныхъ дѣлъ. Бойкія замѣтки о дипломатіи перемѣшиваются съ интимными письмами къ Тютчевой, Блудовымъ, Сѣверину, Титову, Воейковой, Булгакову, Карамзиной и др. Чаще всего попадаются литературныя цитаты, анекдоты, мысли, воспоминанія, отзывы о книгахъ. Вяземскій записываетъ все, что слышалъ: остроты, каламбуры, иногда весьма рискованные, какъ характеристика круговой поруки одного губернатора съ губернаторшей, гдѣ мужъ беретъ; какъ Георгій, данный лицу, не бывшему въ дѣлѣ. Какъ пуристъ авторъ дѣлаетъ даже граматическія замѣчанія. Такъ, въ манифестѣ о войнѣ онъ находитъ неправильнымъ выраженіе: «вручить престолъ. Вручается то, что принимаешь въ руки». О манифестѣ 20-го октября князь пишетъ: «Не желалъ бы я видѣть въ немъ слова: «тщетно европейскія державы старались увѣщеваніями поколебать закоренѣлое упорство султана». Къ чему это лицемѣріе словъ? Министры Англіи и Франціи явно обвиняли въ упорствѣ не султана, а царя». «Moniteur» даже прямо опровергалъ слова манифеста. Вяземскій съ желчью прибавляетъ: «До чего мы дожили? я всегда былъ того мнѣнія, что грамота намъ не далась. На письмѣ мы всегда будемъ въ дуракахъ». «Каждый разъ, когда мы прибѣгаемъ къ дипломатической уловкѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — есть всегда въ поступкѣ нашемъ что-то ребяческое и неловкое». Возстаетъ онъ также и противъ того, что «мы слишкомъ уже начали промышлять чудесами: и въ спасеніи Одессы чудо, и въ крушеніи Тигра, и въ Соловецкомъ монастырѣ; даже въ измайловскомъ пожарѣ «Полицейскія Вѣдомости» нашли чудо, что не сгорѣлъ крестъ на мачтѣ». Почему же въ Бомарзундѣ не явилось чудо?—спрашиваетъ Вяземскій. О ходѣ военныхъ дѣйствій у князя Вяземскаго нѣтъ почти никакихъ замѣтокъ и вмѣсто разсказовъ о событіяхъ 1854 года онъ приводитъ цитаты изъ переписки Екатерины II съ прусскимъ королемъ. Но изъ трехсотъ страницъ дневника больше половины посвящены этому году и предыдущему. Въ іюнѣ 1855 года Вяземскій вернулся въ Россію. Въ этомъ же году онъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, но не говоритъ въ дневникѣ ничего о своемъ управленіи, и 1856 годъ вовсе пропущенъ. Въ 1857 году, отмѣчено нѣсколько бесѣдъ съ государемъ и обѣими императрицами, но о предметѣ бесѣдъ ни-

чего не говорится. Сказано только, что «разговоръ вдовствующей императрицы разнообразный и свободный, но ее невѣрно цѣнятъ въ публикѣ». Встрѣчаются характеристическія замѣтки о нѣкоторыхъ лицахъ: «Чевкинъ первый явился съ доносомъ на цензуру. Когда ему думать о путяхъ сообщенія, если онъ роется, отыскивая дрязги въ старыхъ журналахъ». «Уваровъ часто подымаетъ носъ, а головы никогда не подыметъ» (слова Жуковскаго). Въ 1858—1859 году, Вяземскій былъ въ Швейцаріи, откуда писалъ императрицѣ Маріи Александровнѣ относительно даннаго ему порученія отыскать бумаги Лагарпа, что ему, впрочемъ, не удалось. Очень мѣтки слова лорда Коулея о Луи-Наполеонѣ: «онъ никогда не говоритъ—и все лжетъ». Въ 1860 году—семь строкъ, въ 1861—1862 году — ни одной. Ни слова о великой реформѣ 19-го февраля. Начиная съ 1863 года замѣтки бѣдны и отрывочны. Граматическіе вопросы занимаютъ автора больше общественныхъ. «Почему говорится: евангеліе отъ Луки? вѣдь это все равно, что маіоръ отъ воротъ?» Любопытны отвѣты Погодину на его вопросы о Карамзинѣ; проскальзываютъ какъ вездѣ каламбуры: «Министромъ финансовъ назначенъ Гротъ. Для поправленія нашихъ финансовъ мало одного грота; нужно бы пріискать еще Эгерію». Въ письмѣ къ Погодину высказываются и литературныя мнѣнія: «У Тургенева, у Толстаго (Война и миръ) есть безъ сомнѣнія богатое дарованіе, но нѣтъ хозяина въ головѣ. Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ моихъ глазахъ человѣкъ отпѣтый, и просто сказать: пѣтый дуракъ». Въ семидесятыхъ годахъ любопытны только письма Маріи Ѳедоровны, когда она была еще принцессой Доротеею. Объ общественномъ движеніи этой эпохи — ни слова. Дневникъ заканчивается строгимъ сужденіемъ о Хемницерѣ. И, всетаки, не смотря на ошибочныя мнѣнія о многихъ людяхъ и фактахъ; не смотря на тенденціозное умолчаніе о многомъ, записная книжка князя Вяземскаго представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу литературу.

В. З.

Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Д. В. Илляшевича. Харьковъ. 1885.

Столѣтіе дарованія дворянской грамоты побудило автора, на основаніи данныхъ изъ мѣстныхъ дворянскихъ архивовъ, составить исторію сословія, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Эта исторія, во многихъ отношеніяхъ общая для дворянства всей Россіи, именно на сколько важныя политическія событія увлекали его къ той или другой мѣрѣ, съ ходатайствомъ о своихъ сословныхъ интересахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ содержитъ въ себѣ частности, присущія только одному харьковскому дворянству. Поэтому трудъ г. Илляшевича, сохраняя за собою преимущественно мѣстный интересъ, прочтется съ любопытствомъ и не одними дворянами.

Нынѣшняя Харьковская губернія образовалась изъ Слободской Украины, заселенной, въ свою очередь, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, выходцами изъ-за Днѣпра, ушедшими отъ стѣсненій польскихъ пановъ въ юго-западной части Россіи. Поселенцы основались преимущественно въ западной части Слободской Украины, почему западные уѣзды нынѣшней Харьковской губерніи болѣе населены, чѣмъ восточные и юго-восточные. Сосѣдство крымскихъ татаръ принуждало новыхъ поселенцевъ быть постоянно въ

готовности къ оборонѣ, вслѣдствіе чего изъ ихъ селеній образовались военныя слободы съ крѣпостями. Все ихъ населеніе, по образцу казачества, раздѣлилось на полки, находившіеся подъ управленіемъ полковниковъ, сотниковъ, эсауловъ и проч. Такому же дѣленію подверглись города Слободской Украины, въ которой военная организація существовала почти два столѣтія. Населеніе ея въ это время служило Россіи твердымъ оплотомъ отъ вторженія въ наши предѣлы враговъ.

Съ расширеніемъ предѣловъ Россіи на ея нынѣшнемъ югѣ, съ ослабленіемъ Крымской орды, послѣ первыхъ ударовъ, нанесенныхъ Турціи взятіемъ Очакова, и проч., оказалось, что слободское казачество, выполнивъ свое прежнее назначеніе передовой колонизаціи, отжило свой вѣкъ. Императрица Екатерина II постановила подчинить Слободскую Украину одинаковому съ остальными частями имперіи управленію и съ тѣмъ вмѣстѣ преобразовать казачьи полки въ регулярные гусарскіе. Это преобразованіе встрѣтило сопротивленіе со стороны казачьихъ начальниковъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ лишены были чиновъ и подверглись ссылкѣ. На преобразованіе Слободской Украины потребовалось около пятнадцати лѣтъ, и только въ 1780 году Слободская губернія переименована была въ Харьковское намѣстничество съ открытіемъ въ немъ всѣхъ губернскихъ учрежденій. При переформированіи съ 1765 года казачьихъ полковъ въ гусарскіе, слободскимъ полковникамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ предоставлено было право поступать въ гусарскіе полки съ переименованіемъ въ армейскіе чины, но вся почти полковая и сотенная старшина выказала замѣчательное равнодушіе къ новоучрежденнымъ чинамъ. Поэтому, когда слободско-украинскому дворянству приказано было записаться въ книгахъ депутатскаго собранія, то изъ числа старшинъ нашлись такіе, которые сочли это излишнимъ и потому попали въ подушный окладъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ средѣ бывшихъ казенныхъ крестьянъ можно встрѣтить фамиліи старинныхъ слободо-украинскихъ дворянъ, отъ которыхъ означенные крестьяне ведутъ свой родъ. Подобное равнодушное отношеніе къ дворянству объясняется озлобленіемъ казачьяго офицерства противъ преобразованія казачьихъ полковъ въ армейскіе гусарскіе.

Съ первыми дворянскими выборами предписано было носить мундиры не только служащимъ по выборамъ, но чтобы и въ одеждѣ жителей обоего пола соблюдалась установленная форма. Для устраненія излишней роскоши, каждому намѣстничеству присвоены были особыя цвѣта для платья. Харьковскому назначены были цвѣта палевый и зеленый (яблочный). Когда въ 1787 году императрица Екатерина посѣтила Харьковъ, то въ церемоніалѣ было указано, чтобъ «дамы и дѣвицы предстали въ мундирахъ Харьковскаго намѣстничества».

Исчисляя и приводя въ подлинникахъ грамоты дворянству различныхъ государей Россіи, преемниковъ Екатерины II, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что «царствованіе Александра II, продолжавшееся болѣе четверти столѣтія, замѣчательно по тѣмъ преобразованіямъ, которыя коснулись всѣхъ сторонъ внутренней жизни Россійской имперіи и которыя, служа обезпеченіемъ или упорядоченіемъ жизни всѣхъ, постепенно требовали отъ дворянства жертвъ. Замѣчательно также, что періодъ 1856—1881 годовъ представляется единственнымъ по совершенному отсутствію непосредственнаго обращенія высочайшей власти къ дворянству. Всѣ приведенныя мною выше обра-

щенія происходили или чрезъ посредство манифестовъ, объявленныхъ всенародно, или же чрезъ посредство рескриптовъ и указовъ, объявленныхъ подлежащимъ министрамъ или учрежденіямъ, но за время царствованія императора Александра II дворянство Харьковской губерніи не имѣло счастія получить ни одной всемилостивѣйшей грамоты, подобной грамотамъ императоровъ Николая и Александра I».

Взглядъ императора Николая Павловича на дворянство выразился, между прочимъ, и при слѣдующемъ случаѣ. Губернскій предводитель дворянства, Смирницкій, пригласилъ въ іюлѣ 1827 года уѣздныхъ предводителей и депутатовъ на собраніе и уже собирался открыть засѣданіе, когда въ присутствіе вошелъ жандармскій полковникъ Вуичъ и, сославшись на инструкцію, полученную отъ начальника жандармовъ, настоялъ на томъ, чтобы обсужденіе дѣлъ происходило въ его присутствіи. По докладу о томъ императору Николаю I, шефъ жандармовъ оффиціально увѣдомилъ г. Смирницкаго, 11-го августа, «что полковникъ Вуичъ не только не имѣлъ права войдти въ собраніе дворянства, но еще тѣмъ нарушилъ и данную ему инструкцію, по которой всѣ чиновники ввѣреннаго мнѣ корпуса должны болѣе всѣхъ строго сохранять порядокъ, а не нарушать его; никто изъ нихъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла дворянскаго собранія и нарушать права, сему сословію августѣйшими монархами дарованныя, а нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ подтвержденныя. При семъ его императорское величество изволилъ замѣтить, что ваше превосходительство весьма справедливо изволили поступить, требовавъ отъ Вуича, чтобъ онъ оставилъ собраніе, въ чемъ и слѣдовало настоять».

Г. Илляшевичъ довольно подробно коснулся участія харьковскаго дворянства въ подготовительномъ трудѣ, создавшемъ великую реформу 19 февраля 1861 года. Какъ извѣстно, въ главномъ комитетѣ по этой реформѣ мнѣнія членовъ, выбранныхъ изъ губерній, значительно раздѣлились, но харьковскіе депутаты, Хрущевъ и Шретеръ, вмѣстѣ съ тверскимъ депутатомъ Унковскимъ и ярославскими, Дубровинымъ и Васильевымъ, составляли то либеральное меньшинство, которое не только помогло правительству въ задуманной имъ реформѣ, но иногда шло даже далѣе самого правительства. Такъ, передъ выѣздомъ означенныхъ пяти депутатовъ изъ Петербурга, они представили всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ просили о нижеслѣдующемъ: «1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ нераззорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственное распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, и 4) дать возможность обществу, путемъ печатной гласности, доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія».

Какъ извѣстно, означеннымъ пяти депутатамъ за этотъ адресъ былъ объявленъ выговоръ чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были оставлены подъ особымъ надзоромъ мѣстнаго начальства.

Въ Харьковской губерніи, подобно тому, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, замѣчается уменьшеніе дворянской нормальной собственности, отходящей къ другимъ сословіямъ. Съ 1856 по 1883 годъ, это уменьшеніе въ Харьковской губерніи составило 35%, а послѣ 1883 года онъ еще болѣе увеличится. Такъ какъ это явленіе находится въ исключительной зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ сосредоточиваются вновь нарождающіеся капиталы, пріобрѣтаемые трудомъ, а не кредитомъ, то подобнаго сокращенія дворянской поземельной собственности, по нашему мнѣнію, не остановятъ никакія кредитныя учрежденія.

П. У.

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Томъ I. Кіевъ. 1885.

В. Б. Антоновичъ извѣстенъ, какъ замѣчательный знатокъ исторіи Западной Руси и Литвы. Въ настоящей книгѣ собрано нѣсколько весьма важныхъ его статей, помѣщенныхъ раньше въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», «Кіевской Старинѣ», и «Архивѣ Юго-Западной Россіи». Въ первой изъ этихъ монографій излагается исторія великаго княжества Литовскаго до смерти Ольгерда. Литовское племя до половины XIII столѣтія представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Народы Литовскаго племени объединялись только общностью этнографическою и культурною: тождество происхожденія, языка, быта составляло между различными народами литовскаго племени связь этнографическую; тождество преданій, культа религіознаго служило связью нравственной; послѣдняя проявлялась и единственными внѣшними признаками народнаго единства: общими центральными для всего племени святилищами и общимъ сословіемъ жрецовъ, состоявшимъ подъ управленіемъ центральной жреческой коллегіи, кривитовъ, и ея начальника, Криве-Кривейто. Развиваясь постепенно, безъ сильнаго давленія извнѣ, литовское племя, по мнѣнію г. Антоновича, образовало бы изъ себя теократическій союзъ, но историческія внѣшнія условія, завоевательныя стремленія нѣмцовъ, поселившихся почти одновременно на двухъ противоположныхъ окраинахъ Литовской земли, заставили литовцевъ ускорить политическую организацію своего племени. Основателемъ княжества былъ Мендовгъ; его государство сложилось изъ двухъ этнографическихъ элементовъ, литовцевъ и русскихъ. Расширяя границы своихъ владѣній на Руси съ помощью литовскаго ополченія, Мендовгъ пріобрѣталъ въ покоренныхъ русскихъ земляхъ новыя силы, которыя давали ему возможность продолжать дальнѣйшія завоеванія на Руси и ставить въ зависимое отъ себя положеніе другихъ сосѣднихъ съ его владѣніями мелкихъ литовскихъ родоначальниковъ; группируя такимъ образомъ силы, Мендовгъ посредствомъ Литвы удерживалъ и пріобрѣталъ русскія земли и, опираясь на ополченія своихъ русскихъ областей, подчинялъ себѣ разрозненныя литовскія владѣнія. Но трудно было ожидать быстраго сближенія этихъ двухъ народныхъ началъ, послужившихъ для образованія новаго государства; уже при Мендовгѣ проявляются стремленія къ обособленію отдѣльныхъ областей, онъ самъ

сдѣлался жертвою заговора литовскихъ и русскихъ князей. Послѣ его смерти наступила продолжительная борьба двухъ народныхъ партій, пока, наконецъ, опасность отъ нѣмецкихъ рыцарей и Польши не пробудила сознанія, что для спасенія родины представителямъ княжества необходимо отказаться отъ исключительнаго преобладанія національныхъ литовскихъ началъ, и что они могутъ извлечь новыя силы для борьбы, только обратившись за помощью къ Руси, какъ вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, такъ и сопредѣльной съ нимъ. Это историческое призваніе выполнилъ новый родъ литовскихъ владѣтелей, вокняжившійся въ исходѣ XIII ст., въ лицѣ Витеня и его наслѣдника Гедимина. Князья эти умѣли соединить подъ своею властью силы, достаточныя для борьбы съ наступавшими на Литву сосѣдями; они успѣли остановить завоевательное движеніе Крестоносцевъ, расширили предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ земель и образовали сильное государство, вошедшее, какъ новая политическая сила, въ число установившихся уже государственныхъ единицъ Европы. Болѣе двухъ третей территоріи княжества были заняты русскими, и такимъ образомъ оно, уже въ первой четверти XIV столѣтія, пріобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго должны были группироваться разрозненныя, болѣе слабыя русскія владѣнія; необходимымъ послѣдствіемъ такого значенія было въ будущемъ соперничество этого государства съ великимъ княжествомъ Московскимъ, образовавшимъ еще раньше другой центръ, стремившійся точно также къ притяженію болѣе слабыхъ русскихъ политическихъ единицъ. Но въ предстоявшемъ соперничествѣ оба государства имѣли неравномѣрные шансы успѣха: великое княжество Московское преслѣдовало болѣе однородныя политическія цѣли и не было принуждено развлекать свои силы по двумъ различнымъ направленіямъ: многочисленные инородцы финскаго племени, населявшіе территорію великаго княжества Московскаго, представляли пассивную массу, не вліявшую на политическія стремленія государства и не принимавшуюся во вниманіе въ развитіи государственной жизни страны. Политическія усилія правительства преслѣдовали исключительно русскія цѣли, какъ на западѣ—по отношенію къ мелкимъ русскимъ областямъ, такъ и на востокѣ—въ борьбѣ съ золотоордынскимъ ханомъ, единственнымъ грознымъ сосѣдомъ. Не таково было положеніе великаго княжества Литовскаго: кромѣ значительнаго числа русскихъ областей, въ составъ этого государства входили области чисто литовскія, населеніе которыхъ, положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжившую въ немъ династію, отличалось значительною энергіей; оно не могло подчиниться безусловно русской народности и имѣло свои племенные интересы, между которыми на первомъ планѣ стояла борьба съ нѣмецкими орденами; отстаивать эти интересы были принуждены великіе князья литовскіе; потому вниманіе ихъ безпрестанно раздваивается между политикою объединенія русскихъ земель на восточной границѣ своего государства и усиленною борьбою съ Крестоносцами на западной; они могутъ только по временамъ, эпизодически, преслѣдовать свои цѣли на востокѣ, по отношенію къ русскимъ областямъ и, конечно, они не въ состояніи здѣсь бороться съ великими князьями московскими, устремившими все свое вниманіе на собираніе русскихъ земель и подвигавшимися къ этой цѣли медленно и терпѣливо, но безостановочно. При преемникахъ Гедимина это раздвоеніе интересовъ Литовскаго княжества выражается еще рѣзче, ведетъ къ фактическому раздѣленію великокняжеской власти: объеди-

неніе русскихъ земель Ольгердъ ставитъ своей личной задачей, защиту Литвы отъ рыцарей поручаетъ брату своему Кейстуту. Всю тяжесть борьбы съ орденами вынесло на своихъ плечахъ исключительно населеніе литовскихъ областей великаго княжества: Жмуди и коренной Литвы; руководителемъ этого населенія и героемъ борьбы съ Крестоносцами втеченіе почти полустолѣтія былъ Кейстутъ. Между тѣмъ какъ нѣмецкія лѣтописи переполнены свѣдѣніями о похожденіяхъ Кейстута, Ольгердъ упоминается въ нихъ рѣдко. Только въ болѣе рѣшительныхъ случаяхъ онъ являлся на помощь брату во главѣ ополченій русскихъ земель. Главные интересы Ольгерда сосредоточены на Руси: 1) онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) онъ поддерживаетъ тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, также Подольскую землю и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ монголами; 4) поддерживаетъ брата своего Любарта въ борьбѣ съ Польшей за наслѣдіе галицко-володимірскихъ князей. Эта раздвоенность политическихъ цѣлей племенъ, вошедшихъ въ составъ княжества Литовскаго, и была причиной его быстраго ослабленія и упадка, два этнографическіе типа не успѣли слиться: связь между ними осталась чисто внѣшнею. Внутреннее безсиліе поражаетъ этотъ, повидимому, могучій политическій организмъ; едва онъ успѣлъ сложиться, онъ ищетъ уже посторонней точки опоры, подчиняется вліянію сосѣдняго государства, гораздо болѣе слабаго матеріально и совершенно ему чуждаго по культурѣ; подъ давленіемъ его медленно, почти безъ борьбы, Литовское княжество замираетъ, укладываясь въ бытовыя и общественныя формы, выработанныя на совершенно чуждыхъ ему началахъ, и при такихъ историческихъ условіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго съ ходомъ его собственнаго развитія.

Второе изслѣдованіе въ сборникѣ г. Антоновича посвящено исторіи городовъ Юго-Западнаго края. Въ древнѣйшее время городъ имѣлъ значеніе центра общинной, вѣчевой жизни; послѣ занятія края литовскими князьями такое значеніе города значительно слабѣетъ и видоизмѣняется: вмѣсто общиннаго порядка устанавливается военно-феодальный. Литовскіе князья раздаютъ служилымъ людямъ во владѣніе отдѣльные участки земли, съ обязанностью доставлять по первому требованію опредѣленное количество вооруженыхъ людей и признавать свою верховную власть. Прежнее дѣленіе края на земли и земель на волости замѣняется новымъ дѣленіемъ на княжества и повѣты. Служилые люди выдѣляются изъ общины, примыкаютъ къ новому строю и стараются подчинить ему неслужилое сословіе, поставивъ его отъ себя въ экономическую зависимость и требуя, во имя государственныхъ цѣлей, чтобы оно несло, тѣмъ или инымъ путемъ, свою долю тягостей военнаго устройства, земской обороны. Неслужилыя сословія, уступая постепенно этимъ требованіямъ, стараются вмѣстѣ съ тѣмъ отстоять прежнія общинныя понятія въ другой сферѣ общественной жизни — они желаютъ удержать общинный самосудъ и внутреннее самоуправленіе, но отстоять эти прерогативы было невозможно. Въ борьбѣ съ военнымъ порядкомъ, общины не въ состояніи были ни ясно формулировать своихъ требованій, ни указать на письменный документъ, обезпечивающій ихъ, ни поддержать свой протестъ, вооруженною силою и основаннымъ на ней значеніемъ въ государствѣ. Болѣе

всего содѣйствовало разрушенію общинныхъ привиллегій фактическое усиленіе власти старостъ, въ рукахъ которыхъ постепенно сосредоточилось большинство функцій управленія: староста былъ судьей служилаго сословія, начальникомъ полиціи, комендантомъ городской крѣпости, сборщикомъ государственныхъ податей. При такомъ обширномъ кругѣ дѣйствія старосты имѣли полную возможность влiять на городское самоуправленіе и мало-помалу имъ завладѣть. Это, конечно, должно было отозваться невыгодно и на матеріальномъ благосостояніи городовъ. Не смотря на всѣ заботы верховной власти о поддержаніи въ городахъ торговой и ремесленной дѣятельности, энергія труда, котораго производительность не гарантирована закономъ, ослабѣваетъ; мѣщане бѣднѣютъ, переходятъ къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ или расходятся, вслѣдствіе чего количество податей, платимыхъ въ пользу казны уменьшается. Обстоятельства эти заставляютъ правительство гарантировать города отъ произвола старостъ, на сколько это возможно было при общемъ строѣ государства. Но единственная гарантія — возстановленіе прежней общинной самостоятельности—была невозможна: для этого не доставало съ одной стороны выработанной юридической нормы, на которую правительство могло бы указать, какъ на образецъ устройства; съ другой стороны возстановленіе общины въ прежнемъ видѣ повлекло бы къ умаленію и ограниченію военнаго сословія, которымъ дорожило само правительство и которое пріобрѣло уже столько силы, что отнять у него разъ имъ присвоенныя права и владѣнія было немыслимо. Поэтому правительство и рѣшилось примѣнить къ южно-русскимъ городамъ другую мѣру, было введено для нихъ Магдебургское право, но эта мѣра оказалась далеко недѣйствительной: во-первыхъ, Магдебургское право давалось городамъ съ большими ограниченіями и, во-вторыхъ, оно было имъ совершенно чуждо и никогда не могло быть ими воспринято. Также мало принесли пользы городамъ разныя льготы, имѣвшія монопольный характеръ, устройство цеховъ оказалось даже крайне вреднымъ. Окончательный ударъ ихъ благосостоянію нанесли евреи: ошибочно думать, что польское правительство покровительствовало евреямъ; противъ нихъ употреблялись самыя суровыя мѣры, но сила ихъ заключалась въ кагальномъ строѣ, который поддерживался правительствомъ изъ фискальныхъ видовъ. Польша сознала вредъ, принесенный ей самой неразумной политикой по отношенію къ городамъ, но это случилось очень поздно, наканунѣ ея паденія, и поправлять дѣло пришлось уже Россіи.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемой книгѣ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія: «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе», опровергающая мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о запустѣніи Кіевской области послѣ Батыева нашествія, «Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви» и «Очеркъ состоянія православной церкви въ Юго-Западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія», дающія очень много весьма важныхъ фактовъ для характеристики притѣсненій, которымъ подвергалась православная церковь подъ владычествомъ Польши.

А. Б—инъ.

Т. Моммсенъ. Римская исторія. Томъ пятый. Провинція отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. Москва. 1885.

Имя Моммсена одно изъ самыхъ извѣстныхъ и почтенныхъ именъ въ средѣ нѣмецкихъ историковъ нашего попреимуществу историческаго вѣка; въ немалочисленной семьѣ историковъ древности онъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто и пользуется наибольшею славою, такъ какъ съ безпримѣрной глубиной знаній, объективностью и рѣдкой критической способностью онъ соединяетъ и смѣлый синтезъ, и творчество историческое, и способность оживлять отдаленныя эпохи и ихъ дѣятелей, и замѣчательную силу и красоту изложенія. Не даромъ всѣ составители среднихъ и большихъ учебниковъ, не только въ Германіи, но и внѣ ея, характеризуютъ интереснѣйшія событія и ихъ главныхъ участниковъ выписками изъ «Римской исторіи» Моммсена; не даромъ столь небогатая переводами многотомныхъ и серьезныхъ сочиненій русская литература имѣетъ два перевода (Станкевича, 1858, и А. Н. Веселовскаго, 1880) первыхъ томовъ Моммсена.

Теодоръ Моммсенъ родился 30-го ноября 1817 года въ Шлезвигѣ, изучалъ въ Килѣ филологію и юриспруденцію, въ 1844—1847 объѣзжалъ Францію и Италію, занимаясь археологіей, а въ 1848 г. получилъ юридическую каѳедру въ Лейпцигѣ. Такимъ образомъ онъ какъ бы воскресилъ собою тѣ незабвенныя времена, ту героическую эпоху юриспруденціи, когда занятіе ею неразрывно соединялось съ изученіемъ древностей или національныхъ, или античныхъ,—эпоху, когда лучшіе юристы, нисколько не интересуясь практиканствомъ и казуистикой, создали науку исторіи и положили начало будущей соціологіи. Вслѣдствіе участія въ освободительномъ движеніи 1848 и 1849 годовъ онъ потерялъ свое мѣсто, но черезъ два года получилъ приглашеніе въ Цюрихскій университетъ на каѳедру римскаго права; изъ Цюриха перешелъ онъ въ Бреславль (1854 г.), а оттуда, наконецъ, въ 1857 году въ Берлинъ на каѳедру древней исторіи, которую и занимаетъ до настоящаго времени.

Кромѣ «Римской исторіи», которая въ Германіи къ 1882 году выдержала уже семь изданій, наибольшей извѣстностью пользуются его работы по римской эпиграфикѣ (онъ редактируетъ, по порученію Берлинской академіи Corpus inscriptionum latinarum) и его «Римское государственное право» (1-ое изд., 1871—1876 г., 2-ое, 1877). Какъ депутатъ палаты, онъ занимаетъ видное мѣсто въ рядахъ національно-либеральной партіи.

Пишущій эти строки, 14 лѣтъ назадъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университета, раза 4—5 бывалъ «зайцемъ» на лекціяхъ Моммсена и неоднократно встрѣчался съ нимъ въ журнальномъ отдѣленіи придворной библіотеки, куда допускались только профессора и привиллегированные студенты изъ иностранцевъ. Моммсенъ тогда былъ сухощавый, полусѣдой, небрежно одѣтый небольшой человѣчекъ съ подвижнымъ и умнымъ, хотя немного суровымъ лицемъ. На его лекціяхъ бывало рѣдко болѣе пятидесяти человѣкъ, что объяснялось необдѣланностью курса (въ этотъ семестръ, сколько я помню, онъ именно читалъ о состояніи римскихъ провинцій при послѣднихъ императорахъ, т. е. обдумывалъ ту работу, которая теперь явилась въ печати и вслѣдъ за тѣмъ въ русскомъ переводѣ). Говорили, что для студентовъ старшихъ семестровъ были чрезвычайно полезны его семинаріи, но мнѣ не удалось на нихъ присутствовать.

Въ предисловіи къ этому пятому тому авторъ объясняетъ, почему онъ позволилъ себѣ, такъ сказать, перескочить черезъ четвертый томъ: исторія утвержденія имперіи прекрасно изложена самими древними, а исторія императоровъ много разъ изложена въ новое время, между тѣмъ какъ исторія провинцій еще не была изслѣдована, и замѣнить эту часть «Римской исторіи» Моммсена нѣтъ возможности (въ русскомъ переводѣ здѣсь недосмотръ: въ строкѣ 10 вм. труднѣе слѣдуетъ читать легче. Мимоходомъ замѣчу, что совершенно напрасно переводчикъ сохранилъ въ переводѣ то мѣсто предисловія, гдѣ авторъ говоритъ о необходимости картъ при этомъ томѣ и благодаритъ за нихъ Кипперта; русскимъ читателямъ, не находящимъ этихъ картъ, приходится, такъ сказать, только облизываться). Въ небольшомъ «Введеніи» (стр. IX—XII) Моммсенъ высказываетъ свой взглядъ на высоту эллино-римской культуры и свое совершенно справедливое негодованіе на источники, которые говорятъ обстоятельно о томъ, «о чемъ не стоило говорить, и умалчиваютъ о томъ, что было необходимо разсказать». Онъ заканчиваетъ это введеніе такими словами:

«Здѣсь читатель не найдетъ ни привлекательныхъ подробностей, ни описанія общаго настроенія умовъ, ни характеристики отдѣльныхъ личностей... Эта книга написана съ самоотверженіемъ и читать ее слѣдуетъ также съ самоотверженіемъ».

И дѣйствительно: не смотря на славу имени Моммсена, не смотря на то, что талантъ его нисколько не ослабѣлъ съ годами,—хорошо, если въ самой многоученой Германіи найдется 200 — 300 человѣкъ, которые проштудируютъ (читать его нѣтъ возможности) съ начала до конца этотъ пятый томъ римской исторіи; у насъ же дай Богъ два десятка такихъ любителей. Спрашивается, стоило ли послѣ этого убивать на нее нѣсколько лѣтъ такой полезной жизни и стоило ли ее переводить на русскій языкъ? Конечно, стоило труда и то и другое: трудно доступная, крайне тяжелая для чтенія въ цѣломъ, эта книга частями найдетъ тысячи благодарныхъ читателей и окажется необходимой въ библіотекѣ каждаго, кто серьозно занимается исторіей.

Весь томъ дѣлится на 13 главъ; изъ нихъ первыя семь говорятъ о европейскихъ провинціяхъ Рима (сѣверныя границы Италіи, Испанія, Галлія, Германія, Британія, Придунайскія земли, Греція), четыре объ азіатскихъ (Малая Азія, Евфратская граница, Сирія, Іудея) и двѣ послѣднія о Египтѣ и провинціяхъ африканскихъ. Всѣ главы обработаны съ одинаково неустанной энергіей, и во всѣхъ нихъ авторъ располагалъ почти въ одинаковой степени неподходящимъ матеріаломъ. Цѣль автора въ каждой главѣ была не только изложить внѣшнюю исторію этой провинціи, но изобразить ея внутреннее состояніе: отношеніе къ государству, устройство самоуправленія, степень развитія культуры, такъ сказать, общественное самочувствіе ея жителей, а между тѣмъ объ этомъ-то именно и умалчиваютъ его источники; про пособія и говорить нечего: онъ ихъ почти не имѣетъ. Большую половину того, что говоритъ Моммсенъ объ устройствѣ гражданскаго управленія, объ остаткахъ и перерожденіяхъ ихъ автономіи, онъ создалъ самъ своей громадной ученостью, рѣдкой наблюдательностью и остроумной критикой. Это наиболѣе цѣнная часть его книги, хотя, безъ сомнѣнія, она-то и вызоветъ въ послѣдствіи наиболѣе опроверженій и обличеній въ неполнотѣ и поспѣшности выводовъ.

Для неспеціалиста, ищущаго лучшаго освѣщенія знакомыхъ фактовъ, всего интереснѣе 1-ая (съ стр. 33) и 4-ая главы, гдѣ Моммсенъ говоритъ о борьбѣ римлянъ съ вольными германцами (къ сожалѣнію, онъ считаетъ исторію Варовыхъ легіоновъ и Арминія заѣзженною, чтобы долго останавливаться на ней и приложить къ ней свой художественный талантъ), и глава 11-ая, гдѣ онъ излагаетъ исторію послѣднихъ лѣтъ и паденія Іудеи. Для спеціалиста не только по исторіи, но и по другимъ сроднымъ предметамъ, этотъ томъ будетъ важной справочной книгой, средствомъ ввести себя въ положеніе того уголка міра отъ I-го до IV-го столѣтія, который почему либо будетъ интересовать его.

Чтобы доказать, что синтетическій талантъ Моммсена не ослабѣлъ отъ лѣтъ, укажемъ на блестящую характеристику греческой жизни въ эту эпоху (стр. 244 и слѣд.).

Переводъ, какъ и всѣ переводы г. Невѣдомскаго, и изданіе, какъ и всѣ изданія г. Солдатенкова, вполнѣ удовлетворительны.

А. К.

Обзоръ дѣятельности учрежденной по высочайшему повелѣнію постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ 1-го іюля 1883 года по 1-е іюля 1885 г. Спб. 1886.

Труды, подобные настоящему, не требуютъ особенно большихъ рецензій, по причинѣ очень понятной: приводимыя въ нихъ цифры говорятъ сами за себя и изъ нихъ возможно сдѣлать тѣ или другіе выводы.

За отчетное время издательская дѣятельность коммиссіи, главнымъ образомъ, была направлена къ выполненію той программы, чтобы дать народу въ чтеніяхъ полный обзоръ главнѣйшихъ событій русской исторіи. За упомянутое время рукописныхъ чтеній пріобрѣтено 18 и издано 13 новыхъ книжекъ, попреимуществу о событіяхъ изъ русской исторіи.

Всего коммиссіей напечатано съ 1-го іюля 1883 года по 1-е іюля 1885 года 34 изданія, въ количествѣ 230,000 экземпляровъ. За этотъ же періодъ времени разошлось книгъ коммиссіи 200,461 экземпляръ на сумму 19,362 р. Изъ этой суммы поступило въ кассу коммиссіи 13,842 р., остальные 5,520 р., пошли въ расходъ на 30% скидку книгопродавцамъ и на безплатную раздачу. Со времени учрежденія издательскаго Общества издано брошюръ и листковъ 199,000 экземпляровъ.

Разсмотрѣніе литературныхъ достоинствъ изданій постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній завлекло бы насъ слишкомъ далеко, но замѣтимъ только, что въ обзорѣ дѣятельности упомянутой коммиссіи почти совершенно не встрѣчаются книги, брошюры и листки, содержаніе которыхъ непосредственно относилось бы къ объясненію физическихъ явленій, съ каковыми явленіями, во всякомъ случаѣ, со многими изъ нихъ, крестьяне связываютъ множество суевѣрій.

Недавно намъ привелось читать гдѣ-то, что крестьяне ни за что не позволили тушить пожара, происшедшаго отъ удара молніи, на томъ основаніи, что тушеніе подобнаго пожара—дѣло грѣховное. А гигіеническіе, санитарные вопросы, примѣнимые къ народному быту? Какое огромное значеніе имѣетъ разрушеніе тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ суевѣрій, порождаю-

щихъ нерѣдко страшныя преступленія. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне въ одной изъ губерній и, сколько помнимъ, недалекихъ отъ Петербурга, сожгли вѣдьму! При допросахъ, на слѣдствіи и въ судѣ, подсудимые мужички видимо не понимали смысла совершеннаго ими преступленія и въ простотѣ души на обращенные къ нимъ вопросы, какъ нельзя болѣе простодушно, отвѣчали: «сожгли, батюшка, сожгли, да и какъ не сжечь вѣдьму». Вспоминается и другое дѣло, порожденное также суевѣріемъ: вырывъ изъ могилы недавно похороненнаго покойника, крестьяне вытопили изъ него сало, изъ котораго и приготовили свѣчу, ибо подобная свѣча дѣлаетъ вора невидимкой, во время совершенія воровства. Троньте только народную жизнь въ ея корнѣ, и будете поражены ея первобытностью, ея поразительнымъ духовнымъ мракомъ. Вотъ на такія-то темы и необходимо издавать книжки, назначенныя для обращенія въ народѣ. Само собой понятно, что не можетъ быть и рѣчи о величайшей важности книгъ религіознаго и историческаго содержанія, особенно первыхъ; но смѣемъ думать, что подобныя книги никакъ не могутъ исключать книгъ, имѣющихъ цѣлью указывать народу на нѣкоторыя гигіеническія мѣры, обусловливающія сохраненіе здоровья и имѣющія цѣлью разрушеніе суевѣрій, вполнѣ охватившихъ жизнь народа. Въ числѣ первыхъ мы, нашли въ «Обзорѣ» только одну книгу, а именно: «Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева», которая, впрочемъ, касается многихъ вопросовъ, относящихся къ задачамъ гигіены. Относительно же міра суевѣрій, мы не встрѣтили въ «Обзорѣ» ни одной книги или брошюры. Подобный пробѣлъ нельзя не назвать очень замѣтнымъ.

И. Б—ъ.

Юнія Ювенала сатиры, въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва. 1885.

Всякій поэтъ имѣетъ въ головѣ своей опредѣленное количество идей, воплощенныхъ въ образахъ,—иной больше, иной меньше, иной въ силахъ воспринимать и претворять въ свою собственность то, что даетъ ему жизнь его народа и его эпохи, другой можетъ выразить только то, что принесъ съ собою въ міръ; но творящія силы духа человѣческаго ограничены, и самый чуткій къ явленіямъ жизни поэтъ станетъ подъ конецъ долгой литературной карьеры повторяться или, насилуя свою фантазію, выжимать изъ нея полуживые, туманные образы; проще сказать, всякій поэтъ долженъ когда нибудь исписаться. Всего легче исписываются такъ называемые лирики, въ актѣ творчества которыхъ субъективный, личный элементъ играетъ большую роль, нежели объективный, фактическій. Благо тому изъ нихъ, кто, исполнивъ свое призваніе, во́ время закроетъ свою мастерскую и не будетъ возбуждать сожалѣнія бывшихъ своихъ поклонниковъ и почитателей. Но что же дѣлать ему съ своимъ развитымъ, тонкимъ вкусомъ, съ своимъ искусствомъ владѣть языками и стихомъ? Грустно, если онъ пренебрежетъ этими рѣдкими дарами, зароетъ свой талантъ въ землю, и отрадно видѣть, если онъ приложитъ его къ дѣлу, къ мастерской передачѣ созданій иноязычной поэзіи, къ художественнымъ переводамъ. Задача его въ такомъ случаѣ немногимъ уступаетъ его прежней задачѣ — творчеству, а выше творчества ничего и въ свѣтѣ нѣтъ.

Selbst Erfinden ist schön, doch glücklich von Andern Gefundnes
Fröhlich erkannt und geschützt, nennst du das weniger Dein?

говоритъ Гёте въ Ксеніяхъ (I, 167) [1]).

На такую добрую дорогу попалъ когда-то прославленный, потомъ по нашему непохвальному обычаю освистанный даровитый лирикъ А. Фетъ [2]), и, какъ хорошій филологъ, избралъ себѣ спеціальность, чрезвычайно трудную, но за то плодотворную—римскихъ поэтовъ [3]). Извѣстно, что наша читающая публика въ этомъ отношеніи совершенно не воспитана, и въ значительномъ большинствѣ случаевъ не только порицатели, но даже и защитники классицизма имѣютъ объ немъ самое поверхностное понятіе; даже люди, мнящіе себя латинистами, знаютъ изъ латинскихъ поэтовъ немного больше того, что зналъ Евгеній Онѣгинъ, да и при доброй волѣ лишены возможности узнать болѣе. А. Фетъ не можетъ пожаловаться на невниманіе къ своимъ трудамъ лучшей части нашего общества: академія наукъ присудила ему, и только ему одному, за его переводъ Горація полную пушкинскую премію. Теперь онъ вновь выступаетъ съ переводомъ поэта столь же извѣстнаго по имени, еще менѣе плодовитаго, но за то болѣе труднаго—Ювенала.

Переводу своему А. Фетъ предпосылаетъ небольшое, но, если можно такъ выразиться, крайне притязательное предисловіе.

«Трудно рукѣ (,) долго и тщательно подбиравшей за мастеромъ камневержцемъ (литоболомъ) камень за камнемъ, чтобы швырнуть ихъ въ далекій римскій его огородъ, трудно, повторяемъ (,) такой рукѣ порой не ошибиться, и не запустить камня въ ближайшій, намъ современный огородъ, благо въ поводахъ къ тому, даже по отношенію къ обнародованію настоящаго труда, недостатка нѣтъ. Тѣмъ не менѣе воздержимся отъ соблазна»...

Не трудно угадать, что соблазнъ слишкомъ великъ и что авторъ не исполнитъ обѣщанія; и дѣйствительно, въ томъ же предисловіи (стр. 10) А. Фетъ указываетъ въ нашемъ обществѣ цѣлый рядъ явленій, безусловно тождественныхъ съ тѣми, которыя такъ зло и мѣтко обличалъ римскій сатирикъ. За это, разумѣется, никто не посѣтуетъ на г. Фета; но вотъ за что мы имѣемъ право сѣтовать: какъ мы, «по причинамъ, отъ насъ не зависящимъ», ни изловчались читать между строкъ, все же есть предѣлъ нашему провидѣнію; слѣдовало или не упоминать объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ обнародованіе перевода, или намекнуть о нихъ яснѣе.

Мы совершенно согласны со всѣмъ, что говоритъ почтенный переводчикъ о значеніи литературнаго образованія для насъ и о значеніи Ювенала, какъ поэта сильнаго, съ опредѣленнымъ понятіемъ объ идеалѣ, поэта нравственнаго, не смотря на кажущійся цинизмъ своей рѣчи. Мы готовы, съ извѣстными ограниченіями, согласиться и въ томъ, что вѣрность, буквальность есть первая задача переводчика; но находимъ, что все это могло бы быть выражено проще и не съ такими претензіями на ювеналовскую или тацитовскую силу. Этотъ высокій штиль и эти претензіи немало вредятъ и ясности небольшой критико-библіографической главы «Жизнь и творенія

[1]) Прекрасное дѣло изобрѣтать, но изобрѣтенное другими, а тобою радостно признанное и оцѣненное—развѣ ты менѣе своимъ назовешь?

[2]) Псевдонимъ, Ибнъ-Фетъ, какъ его называлъ покойной памяти Кузьма Прутковъ.

[3]) Сколько помнимъ, изъ произведеній новой литературы онъ брался только за Фауста—и безъ большаго успѣха.

Ювенала». Но все это, конечно, мелочи сравнительно съ существенною частію книги — переводомъ сатиръ. Г. Фетъ перевелъ всѣ дошедшія до насъ 15 съ половиною сатиръ, но девятой [1]) не напечаталъ, по всей вѣроятности, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ; перевелъ, добросовѣстно поработавъ и надъ усвоеніемъ оригинала, и надъ передачею его,—трудъ почтенный, который, надѣемся, нѣтъ необходимости передавать «черезъ головы одного или многихъ поколѣній» (см. стр. 11). Найдутся люди, которые скажутъ переводчику спасибо и много раньше, нежели онъ сдѣлается покойникомъ.

Но уваженіе къ труду А. Фета не должно намъ мѣшать видѣть недостатки его книги, а таковые имѣются, хотя мы ихъ нашли не въ томъ, въ чемъ ожидали. Считая переводчика диллетантомъ въ классической филологіи, мы предполагали встрѣтить въ его трудѣ неточности, слѣдованіе легковѣснымъ французскимъ комментаторамъ и переводчикамъ; но за то мы были увѣрены въ изяществѣ гекзаметра, въ ясности (конечно, по мѣрѣ возможности) слога, наконецъ въ опрятности изданія. Оказалось какъ разъ наоборотъ: изданіе, не смотря на дорогую цѣну (3 рубля за 245 страницъ разгонистой печати), крайне небрежное, переполненное опечатками; гекзаметръ мѣстами удаченъ, но за то мѣстами этотъ почтенный размѣръ подвергается такимъ мученіямъ, передъ которыми прокустово ложе — мягкая перина; слогъ мѣстами такъ труденъ, что даже посредственному латинисту легче понять Ювеналовскій оригиналъ, чѣмъ Фетовскій переводъ, за то добросовѣстность изученія и вѣрность пониманія автора, за весьма немногими исключеніями, такова, что А. Фету можно присудить почетную ученую степень.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Уже съ 3-го стиха первой сатиры А. Фетъ начинаетъ огорчать любителей русскаго гекзаметра:

> Иль безнаказанно мнѣ вонъ тотъ все драмы читаетъ.

Здѣсь на три дактиля приходится три хорея, что́ противно законамъ гекзаметра новыхъ языковъ.

А извольте, напр., проскандировать 425-й стихъ 6-ой сатиры:

> Удручены. Наконецъ вся красненькая она входитъ.

Или 338-й стихъ той же сатиры:

> Поломъ, чѣмъ Цезаревы два свертка Антикатона.

И такихъ случаевъ сотни. Любопытно бы знать, какъ самъ А. Фетъ скандируетъ подобные гекзаметры. О насиліяхъ надъ русскимъ удареніемъ, которыя встрѣчаются на каждой страницѣ, послѣ этого и говорить не стоитъ.

А есть ли какая нибудь возможность понять безъ оригинала подъ руками—комментарія недостаточно—слѣдующее мѣсто той же 6-ой сатиры:

> Но другія въ то время, когда отдыхаютъ завѣсы,
> Да при пустыхъ и закрытыхъ театрахъ гудятъ только рынки,
> И отъ игрищъ плебейскихъ до Мегалесій далеко,
> Съ грустію держатъ и маску, и тирсъ и надъ фартикомъ пышутъ.

Легко ли догадаться, что здѣсь рѣчь идетъ о женщинахъ, которыя во время театральныхъ ваканцій скучаютъ, поневолѣ услаждая себя аксесуарами сцены.

---

[1]) О грязныхъ связяхъ кліентовъ съ патронами.

Близость къ подлиннику едва ли должна доходить до такой степени; едва ли А. Фетъ былъ бы благодаренъ нѣмецкому переводчику своихъ стихотвореній, переводъ котораго было бы можно понять, только справившись въ оригиналѣ.

Правда, такихъ мѣстъ немного, но десятка два наберется.

На сколько переводчикъ старательно отнесся къ изученію текста, на сколько онъ вѣрно понялъ его, всего лучше можно видѣть изъ сравненія. Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1884 годъ (апрѣль) г. Благовѣщенскій, такъ сказать, присяжный классикъ, бывшій профессоръ, напечаталъ прозаическій переводъ 3-й сатиры Ювенала; возьмемъ для сравненія нѣсколько стиховъ Ювенала изъ первой части сатиры, такихъ стиховъ, въ передачѣ которыхъ два русскіе переводчика расходятся; всегда правъ г. Фетъ. Напр., Ювеналъ говоритъ про голодныхъ грековъ, что они Viscera magnarum domuum dominique futuri (стр. 72) — «будущій потрохъ домовъ роскошныхъ и домовладѣльцевъ»,—переводитъ А. Фетъ; «все это нутро знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины»,—переводитъ г. Благовѣщенскій. Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы отдать предпочтеніе переводу Фета: Ювеналъ не могъ дойдти до такого явнаго преувеличенія; довольно и того, что проходимецъ—грекъ сдѣлается владѣтелемъ дома въ Римѣ; владѣтелемъ Рима онъ и не мечталъ быть. Или 5-ю строками ниже:—

omnia novit
Graeculus esuriens; in coelum, jusseris, ibit (по изд. Россбаха).
У Фета: все голодный
Знаетъ греченокъ; велишь, онъ даже на небо взберется.

Вмѣсто взберется лучше и ближе къ тексту было бы сказать: полѣзетъ, что мы и находимъ въ переводѣ г. Благовѣщенскаго; но мы недоумѣваемъ, по какому тексту, несомнѣнно плохому, слова graeculus esuriens г. Благовѣщенскій сдѣлалъ подлежащимъ во второмъ предложеніи вмѣсто перваго.

Или 12-ю стихами ниже:—qua (voce) deterius nec
Ille sonat, quo mordetur gallina marito.

У г. Благовѣщенскаго: онъ удивляется крошечному голосу, не хуже котораго кудахтаетъ и пѣтухъ, когда онъ въ качествѣ мужа топчетъ свою курицу. Во-первыхъ, про пѣтуха не говорятъ, что онъ кудахтаетъ; во-вторыхъ, во время акта, о которомъ говоритъ г. Благовѣщенскій, пѣтухъ не издаетъ звуковъ, которые можно было бы сравнить съ пѣніемъ хотя бы и вполнѣ негоднаго пѣвца, а, въ-третьихъ, такой переводъ совсѣмъ не оправдывается оригиналомъ. А. Фетъ переводитъ несравненно короче, сильнѣе и вполнѣ вѣренъ тексту:

Удивляется голосу съ хрипомъ, какого нѣтъ хуже
И у того, кто курицу въ чинѣ супруга кусаетъ.

Короче сказать, если можно 2—3 страницы исписать мѣстами, неудачно переведенными у г. Фета, то понадобится не одинъ десятокъ ихъ, чтобы перечислить всѣ стихи труднѣйшаго изъ знаменитыхъ римскихъ поэтовъ, переданные съ замѣчательной вѣрностью и силой. Честь и слава диллетанту классицизма!

А. К.

Виленскій календарь на 1886 годъ. Вильна. 1885. Кіевскій календарь на 1886 годъ. Кіевъ. 1885.

Областныя календарныя изданія имѣютъ свою цѣнность и значеніе. Помимо календарныхъ свѣдѣній, приспособленныхъ къ интересамъ извѣстнаго края и удовлетворяющихъ потребностямъ мѣстныхъ жителей, такіе календари иногда представляютъ собою сборники статей и монографій, касающихся историческихъ судебъ области. Нѣкоторыя изъ провинціальныхъ изданій подобнаго рода получили даже въ этомъ отношеніи извѣстность, какъ, напримѣръ, Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ, издававшійся втеченіе 1867—1875 гг. и сдѣлавшійся нынѣ библіографическою рѣдкостью; такимъ сборникомъ продолжаетъ быть и Холмскій народный календарь, выходящій съ 1885 года.

Вотъ почему небезъинтересно иногда бываетъ обозрѣніе провинціальныхъ календарей, изъ числа которыхъ мы имѣемъ теперь предъ собой упомянутыя выше два изданія.

Въ Виленскомъ календарѣ однимъ изъ интересныхъ отдѣловъ можетъ быть признанъ «Дневникъ за 1885 годъ». Здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ изложенъ цѣлый рядъ событій сѣверо-западнаго края. Ново-изданныя правительственныя распоряженія, погребеніе кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей, вступленіе на каѳедру новаго православнаго владыки, празднованіе тысячелѣтія славянскихъ первоучителей, выдающіяся мѣстныя бѣдствія и т. п. — все это отмѣчается въ хроникѣ изо дня въ день съ необходимыми подробностями. Если нужна справка, относящаяся къ жизни Виленскаго края за извѣстный годъ, стоитъ обратиться только къ Виленскому календарю, который избавитъ отъ кропотливыхъ изысканій по газетамъ.

Еще большій интересъ составляютъ слѣдующія статьи историческаго содержанія: «Бракъ Ягелла съ Ядвигой», «Обращеніе литвы въ католическую вѣру», «Русскій воевода и русскій герой XVII вѣка“ (князь Даніилъ Мышецкій, казненный поляками 30-го ноября 1661 года въ Вильнѣ за преданность русскому царю и русской вѣрѣ), «Іосифъ, митрополитъ литовскій, какъ поборникъ русскихъ интересовъ въ сѣверо-западномъ краѣ». Исторически вѣрно и краснорѣчиво изложенныя статьи этого рода даютъ всю окраску календарю, какъ хорошо составленному русскому областному изданію. Наконецъ, слѣдуетъ указать на болѣе или менѣе подробные некрологи замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей сѣверо-западнаго края и на полезную для сельскихъ хозяевъ статью: «Необходимыя условія для прибыльнаго земледѣлія въ Россіи».

Къ календарю приложены портреты императрицы Маріи Ѳеодоровны и покойнаго архіепископа литовскаго Александра (Добрынина); но изъ нихъ только послѣдній портретъ, по сходству и выполненію, сколько нибудь удаченъ, первый же совершенно неудовлетворителенъ.

Всѣ тѣ положительныя особенности и качества, которыя мы встрѣтили въ Виленскомъ календарѣ, совершенно отсутствуютъ въ другомъ, поставленномъ рядомъ съ нимъ изданіи.

Названо оно «Кіевскимъ» календаремъ, но календарь этотъ могъ бы быть названъ и московскимъ, и одесскимъ, и тобольскимъ — какимъ угодно, потому что ничего, относящагося до Кіевскаго края, до юго-западной Россіи, мы въ немъ не нашли, если не считать адресъ-календаря г. Кіева и

простаго перечня событій, громко названнаго «Историческимъ календаремъ города Кіева». Литературная его часть состоитъ изъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ общее значеніе. «Афганскій вопросъ», «Развитіе и уничтоженіе крѣпостнаго права на Руси», и изъ смѣси—«Вазелинъ», «Пишущія машины»... неужели въ Кіевѣ не нашлось ничего относящагося къ мѣстной жизни? Какъ будто южная Россія перестала быть историческимъ краемъ, обѣднѣла на столько, что нечѣмъ замѣстить страницы мѣстнаго календаря?

Но вотъ еще одна особенность. На ряду съ православнымъ церковнымъ календаремъ, помѣщенъ католическій и... на польскомъ языкѣ! а далѣе идетъ перечень католическихъ святыхъ — тоже на польскомъ языкѣ. Для кого и для чего это все въ русскомъ календарѣ? Почтенный издатель упустилъ изъ виду, что польскіе календари, въ изобиліи издающіеся въ Варшавѣ, въ особенности лучшій и старѣйшій изъ нихъ—Яворскаго пріобрѣтаются каждымъ грамотнымъ полякомъ, куда бы ни занесла его судьба. И потомъ гдѣ это обрѣтаются такіе поляки, которые охотно покупаютъ русскіе календари и пользуются ими?

Среди текста календаря помѣщено три портрета: генерала Комарова, инженера Лессара и генерала Лемсдена, но и тутъ похвалить нельзя: портреты такъ искажены затертыми штрихами старыхъ, избитыхъ клише, что въ нихъ нельзя узнать героевъ Афганистана.

Сопоставляя приведенныя два изданія областной печати, мы по справедливости должны признать первенствующее значеніе за тѣмъ изъ нихъ, которое появилось въ городѣ, не дожившемъ еще до открытія въ немъ университета.

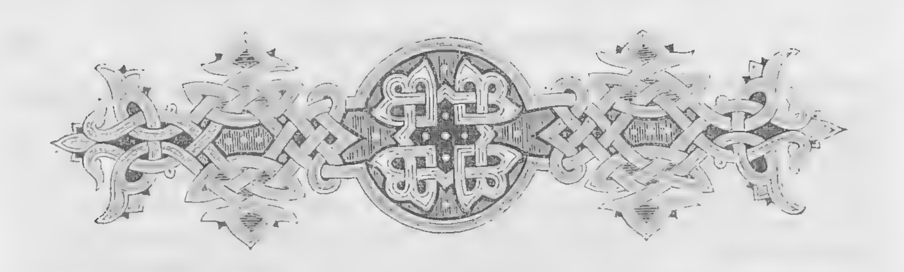
М. Г-р-д-цкій.

Интеллигенція и народъ въ общественной жизни Россіи. I. И. Каблицъ (I. Юзовъ). Спб. 1886.

Лежащая передъ нами книжка не велика, но одолѣть ее чрезвычайно трудно. Читаете вы одну страницу, другую, третью и съ удивленіемъ замѣчаете, что ваше пониманіе идетъ книзу. О чемъ говоритъ г. Каблицъ, съ кѣмъ полемизируетъ, наконецъ, чего онъ хочетъ для интеллигенціи и для народа? Ничего, рѣшительно ничего, въ волнахъ не видно! На одной страницѣ г. Каблицъ противъ тѣхъ, кто стоитъ за интеллигенцію и ея права надъ народомъ, на другой опять противъ тѣхъ, кто собирается разнуздывать народъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ восхваляетъ безпристрастіе и непогрѣшимость коллективной мысли цѣлаго народа, а въ другомъ—увѣряетъ, что единственнымъ судьей прогресса можетъ быть только обособленная личность. Въ концѣ концовъ, нашъ философъ говоритъ, что не знаетъ разницы между эгоизмомъ и альтруизмомъ и не имѣетъ критерія. Разумѣется, дочитавъ до этого мѣста (стр. 80), мы закрыли книгу и можемъ только по оглавленію сообщить читателю, что далѣе г. Каблицъ въ національные вопросы Россіи включаетъ и еврейскій вопросъ. Какъ онъ рѣшаетъ эти вопросы «эгоистически-альтруистически, безъ всякаго критерія», или иначе, не знаемъ, но позволяемъ себѣ думать, что читатель немного потеряетъ, если избавитъ себя отъ труда ближе познакомиться съ этими рѣшеніями.

Но за всѣмъ тѣмъ, не можемъ въ облегченіе себѣ не замѣтить, что намъ рѣдко когда попадалась въ руки такая безтолковая книга, какъ эта книга г. Каблица.

А—тъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская имперія съ французской точки зрѣнія. — Жиды въ Россіи. — Рѣшеніе балканскаго вопроса сербами и пруссаками. — Будущее завоеваніе Россіи нѣмцами. — Исторія французской цивилизаціи. — Біографія актрисы. — Мемуары имперіалиста и стараго писателя. — Новый англійскій историческій журналъ. — Историческій очеркъ распредѣленія земли въ Англіи. — Старое англійское дворянство.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда французы такъ усердно переводятъ и коментируютъ русскихъ писателей, въ той же Франціи появляются книги о Россіи, приводящія положительно въ изумленіе не только русскихъ, но и французскихъ читателей, сколько нибудь знакомыхъ съ нашимъ отечествомъ. Еще въ романахъ въ родѣ недавно вышедшаго «Василія Самарина», можно понять допущеніе, эффекта ради, всякаго вздора, хотя бы превращенія нигилиста въ нигилистку, но когда является книга съ претензіями на серьёзность, какъ «Русская имперія въ 1885 году» (L'empire russe en 1885), не знаешь, чему приписать аномалію такого явленія. Французъ Комбъ писатель уже не молодой: ему теперь 70 лѣтъ. Есть у него и недурныя книги, какъ «Аббатъ Сугерій», «Исторія германскихъ нашествій на Францію», «Корреспонденція великаго пенсіонарія Іоанна де Витта», есть и плохія, какъ «Россія по отношенію къ Константинополю», «Всеобщая исторія европейской дипломатіи» или его драмы «Екатерина Медичи» и «Конетабль Монморанси», но какъ же рѣшиться написать такое «сочиненіе» о Россіи послѣ трудовъ Леруа-Болье, Луи Леже, Альфреда Рамбо, Легреля и другихъ соотечественниковъ автора! И еще авторъ увѣряетъ, что онъ лично отправился въ Россію, не зная вовсе ея языка, для того, чтобы «изучить крестьянскую общину, этотъ зародышъ общества, и земства». И авторъ представляетъ картину всѣхъ классовъ русскаго общества: дворяне, довольные и беззаботные, смѣются, когда имъ говорятъ о будущности Россіи; они живутъ внѣ дома, только для своего удовольствія, а свои капиталы проигрываютъ въ карты; семейная

жизнь не имѣетъ для нихъ никакой цѣны, какъ и вообще для русскаго человѣка: женщина у него не подруга жизни, а любовница, или кухарка. Денегъ у нихъ—куры не клюютъ, а когда жить нечѣмъ, дворянину всякій даетъ въ займы. Всѣ чиновники берутъ «на чай» и обижаются, когда даютъ мало. Помѣщики—прекрасные люди, гостепріимны, угощаютъ блинами, но жаль, что спятъ на диванахъ (?). Самый интеллигентный классъ въ Россіи—купцы (coupiets), но, къ сожалѣнію, всѣ они—первой, второй и третьей гильдіи (третья-то гильдія въ 1885 году!)—нечисты на руку, оттого, что профессора читаютъ имъ политическую экономію по Адаму Смиту, а не по Жан-Баптисту, Сею и Бастіа. Сожалѣетъ также Комбъ, что крестьяне вовсе не понимали его, когда онъ заговаривалъ съ ними о свободѣ (на какомъ языкѣ?). Впрочемъ, разночинцы въ отношеніи свободомыслія еще подаютъ кое-какія надежды. Крестьяне заражены всѣми пороками; въ общинѣ господствуетъ крѣпостное право, «міръ» ссылаетъ въ Сибирь даже должниковъ, грабитъ бѣднаго въ пользу богатаго. Подобныя сужденія встрѣчаются на каждой страницѣ, и авторъ не перестаетъ повторять, что онъ отлично знаетъ Россію. Только мода на все русское и могла заставить издателя выпустить въ свѣтъ такую невѣжественную болтовню. Но у французовъ сойдетъ съ рукъ еще и не такая дребедень.

— Совершенно другое значеніе имѣетъ книга «Жиды въ Россіи, историческій, законодательный и соціальный этюдъ» (Les juifs en Russie, étude historique, législative et sociale). Авторъ пишетъ: les juifs, потому что выраженіе les hébreux относится только къ древнимъ евреямъ; только въ Россіи, и то съ недавняго времени, начали почему-то называть евреями современныхъ жидовъ, совершенно непохожихъ на ихъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ. Авторъ этой книги, долгое время жившій въ Россіи, знаетъ и русскій языкъ, и русское законодательство. Книга его написана съ полнымъ знаніемъ предмета. Онъ изслѣдуетъ положеніе жидовъ съ перваго появленія ихъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ, и оканчиваетъ послѣдними антиеврейскими движеніями въ южной и западной Россіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сценъ онъ описываетъ какъ очевидецъ. Много интересныхъ фактовъ и данныхъ сообщаетъ это во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное изслѣдованіе.

— Балканскій вопросъ, не рѣшенный еще дипломатіей, давно уже рѣшается въ газетахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ, конечно, на разный ладъ, смотря потому, къ какой національности принадлежитъ авторъ. Болѣе другихъ обратили на себя вниманіе въ послѣднее время двѣ брошюры французская и нѣмецкая. Первая «Рѣшеніе восточнаго вопроса Европою или Портою?» (Solution de la question d'Orient par l'Europe ou par la Porte?) написана сербскимъ публицистомъ Матвѣемъ Баномъ, извѣстнымъ уже прежними сочиненіями по тому же вопросу: «Политическая реорганизація Востока на основаніи равновѣсія племенъ» и «Этюды по восточному вопросу». Въ новой брошюрѣ прежде всего высказывается національность автора. Онъ вступается за своихъ соотечественниковъ и считаетъ несправедливымъ негодованіе, возбужденное войною, объявленною Сербіею болгарамъ. «Воинственный задоръ болгаръ угрожалъ цѣлости Сербіи» (только угрожалъ, а сербы прямо заявили притязанія на Виддинъ и другія части болгарской территоріи). Сербы заслуживаютъ больше вниманія и участія: они нѣсколько вѣковъ сряду боролись за свою независимость, тогда какъ болгаръ освободила Россія, и они только воспользовались счастливымъ стеченіемъ обстоя-

тельствъ и тотчасъ же оказались неблагодарными къ державѣ, освободившей ихъ, и къ Сербіи, бывшей ихъ добрымъ сосѣдомъ. Это, пожалуй, такъ, кромѣ того обстоятельства, что Сербія выказала тоже неблагодарность къ Россіи и перестала быть добрымъ сосѣдомъ, сдѣлавшись вассаломъ Австріи. Для водворенія мира на полуостровѣ, державы должны отказаться отъ завоеваній на немъ и предоставить его самому себѣ. Прежде всего необходимо рѣшить вопросъ религіозный, ограничить власть болгарскаго экзарха, изъять изъ-подъ его власти Македонію и передать въ управленіе сербскаго экзархата и константинопольскаго патріарха. Все это Банъ говоритъ pro domo sua, считая Македонію сербскою провинціею, тогда какъ большинство населенія въ ней болгарское. Кромѣ того, онъ требуетъ отдать Сербіи Виддинъ, Самаковъ, Брезнинъ и Трнъ—и затѣмъ ужъ милостиво разрѣшаетъ соединить Румелію съ Болгаріею, а Черногоріи и Греціи отдать всю территорію, присужденную ей берлинскимъ конгрессомъ, но до сихъ поръ не отданную Портой. Другое рѣшеніе можетъ сдѣлать сама Порта, составивъ лигу изъ государствъ Балканскаго полуострова, ставъ во главѣ ея и разграничивъ сербскіе, болгарскіе и греческіе интересы. Само собою разумѣется, что это рѣшеніе еще невозможнѣе перваго. Другое рѣшеніе балканскаго вопроса еще проще: полуостровъ не остается за Турціей и не долженъ достаться ни Россіи, ни Австріи,—его должна взять Германія, или, вѣрнѣе, Пруссія, потому что авторъ брошюры «Германія на Востокъ!» (Deutschland nach Osten!) пруссакъ Пауль Денъ. Идеи его высказывались уже въ первой его брошюрѣ: «Германія и желѣзныя дороги на востокѣ», гдѣ онъ совѣтовалъ Германіи взять эти дороги въ свои руки, и въ сочиненіи «Германія и востокъ, въ ихъ экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ», гдѣ онъ говоритъ прямо: «Русскіе умѣютъ только освобождать и порабощать, англичане—только эксплоатировать, австрійцы же ровно ничего не умѣютъ. Одна Германія способна просвѣщать и организовать безкорыстно». Та же мысль проводится и въ новой брошюрѣ. Добрыя стороны характера балканскихъ народовъ, ихъ способность къ культурѣ происходятъ оттого, что въ жилахъ ихъ много германской крови, такъ какъ на полуостровѣ съ греками и славянами смѣшивались геты, вандалы, готы, то есть тѣ же германцы. Германія устроила Грецію, давъ ей Оттона (котораго, однако, пришлось прогнать, потому что онъ и на греческомъ престолѣ оставался такимъ же нѣмцемъ, какъ Батенбергъ на болгарскомъ); только при Гогенцоллернахъ Румынія получила полную независимость, и Батенбергъ обѣщаетъ быть для юго-славянъ тѣмъ же, чѣмъ для сѣверныхъ славянъ былъ Рюрикъ, пришедшій съ нѣмецкихъ береговъ Сѣвернаго моря (какое глубокое знаніе исторіи и географіи!). Панславизмъ выдуманъ въ Вѣнѣ. Слѣдуетъ объединить не только всѣхъ болгаръ, но и всѣхъ сербовъ. Правда, часть ихъ находится въ австрійскихъ владѣніяхъ, но Австрія «мало умѣетъ удовлетворять народнымъ стремленіямъ». Однихъ этихъ словъ было бы достаточно для объясненія, что брошюра прусской фабрикаціи и принадлежитъ къ тѣмъ пробнымъ шарамъ, которые нерѣдко вылетаютъ изъ канцеляріи канцлера, не скрывавшаго, впрочемъ, и въ послѣдней своей рѣчи объ изгнаніи поляковъ изъ Познани своего нерасположенія къ державѣ, находящейся въ «тѣснѣйшемъ дружескомъ союзѣ» съ Германіей.

– Въ то время, когда брошюра Дена высказываетъ такія дружественныя отношенія къ одному союзнику Германіи, другой публицистъ чертитъ

откровенно планъ будущей кампаніи противъ втораго союзника. Въ Ганноверѣ вышла брошюра «Отъ Вислы до Днѣпра» (Vom Weichsel bis Dnieper), принадлежащая военному дѣятелю, пишущему подъ псевдонимомъ Sarmaticus. Этотъ писатель лично побывалъ въ Привислянскомъ краѣ и убѣдился, что походъ туда не представляетъ никакихъ затрудненій, особенно теперь, когда уже рѣшено замѣнить прусскую артиллерію и обозъ орудіями и приспособленіями болѣе легкой конструкціи. Укрѣпленія Варшавы, Ивангорода и Новогеоргіевска не смущаютъ Сарматикуса. Опираясь на отличную базу: Кенигсбергъ, Данцигъ, Торнъ и Познань, германскія войска могутъ вторгнуться въ Польшу съ запада и съ сѣвера. Дѣйствуя въ послѣднемъ направленіи, прусская армія можетъ совершенно изолировать русскую армію, прервавъ ея сообщенія въ восточномъ направленіи, и принудить къ сдачѣ крѣпостей съ ихъ гарнизонами. Авторъ увѣренъ, что, благодаря медленности нашей мобилизаціи и быстротѣ прусской, значительные успѣхи будутъ достигнуты, прежде чѣмъ русскія войска будетъ приведены въ военное положеніе. Наступленіе на Москву не представляетъ никакихъ затрудненій; Петербургъ авторъ оставляетъ въ сторонѣ; это не центръ Россіи. «Русскій колоссъ пересталъ быть грознымъ, — такъ заканчиваетъ Сарматикусъ: — даже новый пожаръ Москвы не можетъ лишить нашу армію средствъ къ существованію. Пусть помнитъ русская воинственная партія, что война съ Германіей раззоритъ Россію на нѣсколько десятковъ лѣтъ». Такое откровенное изложеніе плановъ «добраго сосѣда» во всякомъ случаѣ любопытно, и принять его къ свѣдѣнію не мѣшаетъ, хотя къ сильнымъ угрозамъ прибѣгаетъ обыкновенно тотъ, кто не считаетъ себя особенно сильнымъ на дѣлѣ.

— Профессоръ исторіи Альфредъ Рамбо, извѣстный своими трудами и о Россіи, какъ «Французы и русскіе» (1877), «Эпическая Россія» (1876), «Исторія Россіи» (1878), издалъ «Исторію французской цивилизаціи» (Histoire de la civilisation française). Цѣль книги выражена авторомъ слѣдующими словами: «Исторія должна представить картину всей націи, всѣхъ ея элементовъ, показать, какъ сформировались — аристократія, духовенство, буржуазія, горожане и сельчане, какъ составились — государство, администрація, судъ, армія, дипломатія, финансы, какими путями развивались земледѣліе, промышленность, торговля, науки, искусства, какъ жили наши предки и подготовляли для насъ ту лучшую жизнь, какою мы теперь живемъ». Такая исторія замѣняетъ понемногу вездѣ прежнюю исторію, разсказывавшую только о сраженіяхъ, герояхъ и монархахъ, но написать ее нелегко. Нельзя сказать, чтобы и книга Рамбо вполнѣ удовлетворяла требованіямъ, заявляемымъ наукою къ подобнымъ сочиненіямъ: есть въ ней и пробѣлы, и мѣстами неясное изложеніе, но она составлена вполнѣ добросовѣстно и тщательно, хотя довольно сжато, такъ какъ вся цивилизація Франціи умѣстится въ двухъ томахъ. Въ первомъ вышедшемъ томѣ три отдѣла: первобытныя времена, Галлія независимая, римская, христіанская и франкская; средніе вѣка и феодальная Франція: аристократія, церковь, народъ, королевская власть; столѣтняя война; средневѣковая цивилизація. Въ отдѣльныхъ главахъ изложена исторія развитія литературы, наукъ, промышленность, жизнь военная: измѣненіе въ вооруженіи со введеніемъ огнестрѣльнаго оружія; жизнь гражданская: положеніе различныхъ классовъ, женщины, семьи, судебная процедура, казни, полиція, рабство, общественная помощь; жизнь частная: одежда, мебель, игры, свадебные и похоронные обряды, обычаи,

предразсудки, колдовство. Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исторію монархической Франціи: эпоху возрожденія, войны за религію, царствованіе Генриха IV, Людовика XIII и оканчивается Фрондой, этимъ послѣднимъ возмущеніемъ феодальной Франціи противъ королевской власти, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ неограниченною. Факты изложены ясно и безпристрастно. Книга, когда она окончится, дастъ если не подробное, то достаточно полное понятіе о ходѣ цивилизаціи во Франціи.

— Послѣ біографіи Софіи Арну, о которой мы уже говорили, Эдмондъ Гонкуръ очертилъ жизнь другой актрисы Сент-Гюберти (Madame Saint-Huberty). Разсказанная литературнымъ языкомъ жизнь эта кажется романомъ, тогда какъ, излагая ее, авторъ ни на шагъ не отступаетъ отъ исторіи. Какъ пѣвица Сент-Гюберти восхищала Парижъ, въ предреволюціонную эпоху, въ роляхъ Армиды, Химены, Альцесты, Федры, Пенелопы, Дидоны, внушала страстную прозу Шатобріану и нѣжные стихи артиллерійскому поручику Бонапарте. Какъ женщина, она испытала много треволненій и трагически кончила молодую жизнь. Похищенная 19-ти лѣтъ какимъ-то авантюристомъ, Сент-Гюберти, она должна была сдѣлаться его женою, на третій же день брака была имъ побита, обокрадена и брошена. Кочуя изъ Берлина въ Варшаву, потомъ въ Вѣну, играя съ успѣхомъ на тамошнихъ театрахъ, она была ангажирована Глюкомъ въ Парижъ и вышла тамъ на сцену въ «Армидѣ», въ 1777 году. Публика приняла ее сочувственно, хотя она была нехороша собою. Но негодяй мужъ не оставилъ ее въ покоѣ и, являясь къ ней по временамъ, обиралъ ее, потомъ скрывался неизвѣстно куда. Это, наконецъ, ей надоѣло, и она потребовала развода. За мошенническія продѣлки мужа засадили въ тюрьму, и бракъ уничтожили. Въ 1782 году, она сдѣлалась свободна и достигла громкой извѣстности, исполняя роль Дидоны въ оперѣ Пиччини. Характера капризнаго и своенравнаго, она вдругъ иногда отказывалась пѣть безъ всякой причины, не смотря на то, что зала театра была полна публикою, громко требовавшей появленія на сценѣ своей любимицы. Одинъ разъ, директору королевской оперы пришлось даже предложить на выборъ пѣвицѣ: выйдти на сцену или отправиться въ тюрьму. Эдмондъ Гонкуръ прекрасно передалъ всю эту жизнь артистки, полную тріумфовъ, интригъ, закулисной борьбы, любовныхъ похожденій. Сначала, слушаясь только голоса сердца, она любила скромнаго бѣдняка Сент-Альбена, потомъ тщеславіе заставило ее выйдти замужъ за прогорѣвшаго, но блестящаго графа д'Антрегъ. Артистическая карьера ея кончилась. Вскорѣ кончилась и самая жизнь. Въ 1812 году, въ Лондонѣ, лакей графа итальянецъ Лоренцо, забравшись ночью въ его спальню, чтобы ограбить своего господина, закололъ кинжаломъ графа и его жену. Всю эту бурную жизнь Гонкуръ возстановилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ по письмамъ, замѣткамъ современниковъ, придавъ ей еще большій интересъ мастерскимъ изложеніемъ.

— Французская историческая литература изобилуетъ какъ всегда мемуарами. Вышли «Воспоминанія имперіалиста. Журналъ десяти лѣтъ» (Souvenirs d'un imperialiste. Journal de dix ans). Авторъ Евгеній Луденъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ Fidus, разсказываетъ не исторію второй имперіи, порядочно уже истрепанную всякаго рода «Записками», но не менѣе любопытную исторію попытокъ возстановить этотъ образъ правленія во Франціи, которую онъ покрылъ позоромъ и несчастіемъ. Начинаясь съ 1871 года, «Воспоминанія» Фидуса возобновляютъ въ памяти читателя весь длин-

ный рядъ интригъ, заговоровъ, подкуповъ, какими имперіализмъ пытался вновь захватить управленіе въ свои руки. Авторъ, конечно, приверженецъ наполеонидовъ и старается представить ихъ въ возможно блестящемъ видѣ, но всѣ его усилія облагородить, представить интересными эту шайку авантюристовъ, не имѣющихъ корней во Франціи и принесшихъ ей столько вреда, остаются напрасны. Книга оканчивается смертью императорскаго принца въ іюнѣ 1879 года, въ которой видна рука Немезиды. — Академикъ Эрнестъ Легуве издалъ «Шестьдесятъ лѣтъ воспоминаній. Часть первая. Моя молодость». (Soixante ans de souvenirs. Première partie. Ma jeunesse). Эта часть начинается съ 1813 года и доходитъ до 1834 года. Первыя воспоминанія относятся къ отцу академика, Габріелю Легуве, умершему въ 1812 году, 48-ми лѣтъ, въ припадкѣ сумасшествія, извѣстному своею поэмою «Le mérite des femmes», имѣвшею до сорока изданій въ короткое время, хотя написанною тяжелыми стихами. (У насъ Василій Анастасѣвичъ перевелъ эту поэму въ 1808 году, подъ названіемъ «Слава прекраснаго пола», но съ польскаго перевода, не зная пофранцузски). Легуве отецъ также оставилъ свои «Воспоминія», переведенныя и порусски въ Москвѣ Д. Глѣбовымъ въ 1823 году, и нѣсколько трагедій «Смерть Авеля», «Неронъ и Эпихариса», «Этеоклъ», «Смерть Генриха IV». Объ этихъ, теперь уже забытыхъ, произведеніяхъ подробно разсказываетъ Легуве-сынъ, которому теперь уже 80-й годъ. Онъ, конечно, расхваливаетъ поэму и трагедіи отца, приводитъ изъ нихъ выписки, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ и любопытныя подробности о тогдашней эпохѣ, постановкѣ пьесъ на сцену, тогдашнихъ писателяхъ и актерахъ. «Смерть Авеля» дана была въ эпоху терроризма, когда въ виду девиза: свобода, равенство и братство — или смерть! — было довольно опасно напоминать, что первое братство кончилось братоубійствомъ. Но представленіе «Нерона» едва не стоило жизни автору. Казалось бы, что республиканцамъ пріятно видѣть смерть тирана, которою оканчивалась трагедія, но дѣло въ томъ, что пьеса была дана въ разгаръ вражды Робеспьера съ Дантономъ, и когда въ трагедіи народъ кричалъ: «смерть тирану!» — Дантонъ и его друзья, сидѣвшіе въ оркестрѣ, разразились рукоплесканіями и обратились съ поднятыми кулаками къ ложѣ, гдѣ сидѣлъ Робеспьеръ. Тотъ поблѣднѣлъ и готовъ былъ, разсчитавшись съ Дантономъ, приняться за Легуве, когда погибъ самъ 9-го термидора. Третью трагедію «Смерть Генриха IV» авторъ читалъ самъ въ 1806 году Наполеону и тотъ одобрилъ ее, приказавъ вычеркнуть только одно слово Генриха въ разговорѣ съ Сюлли: «я трепещу!» Напрасно авторъ доказывалъ, что боязнь Генриха — историческій фактъ. — Все равно! — отвѣчалъ императоръ: — монархъ можетъ бояться, но не долженъ никогда этого высказывать. Подобныхъ любопытныхъ подробностей много въ мемуарахъ Легуве, гдѣ хороши характеристики Лемерсье, Жуи, Делавинья, Рекамье, Малибранъ, Беранже, Берліоза, Сю и др.

— Англійская историческая литература обогатилась новымъ журналомъ «Англійское историческое Обозрѣніе» (The english historical review), подъ редакціей Манделля Крейтона, профессора церковной исторіи въ Кембриджскомъ университетѣ. Редакторъ обѣщаетъ полное безпристрастное отношеніе въ своемъ журналѣ по всѣмъ мнѣніямъ. Первая книга составлена интересно. Въ ней помѣщены: очеркъ историческихъ школъ въ Германіи, древняя исторія Греціи по Гомеру, «Тираны Британіи, Галліи и Испаніи въ V вѣкѣ», «Домъ Бурбоновъ», разборъ мемуаровъ Гревиля и другихъ истори-

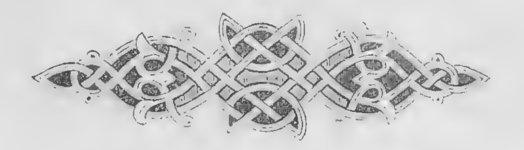
ческихъ книгъ. Помѣщено также много мелкихъ замѣтокъ по историческимъ фактамъ и перечень иностранныхъ историческихъ журналовъ, между которыми приводится содержаніе «Русской Старины» и «Историческаго Вѣстника», за іюль, августъ и сентябрь прошлаго года съ указаніемъ лучшихъ статей. Обзоръ этотъ составленъ В. Морфиллемъ, которому принадлежитъ замѣчательная статья о русской литературѣ въ послѣднемъ выпускѣ «Британской энциклопедіи». Мы вернемся еще къ этой статьѣ.

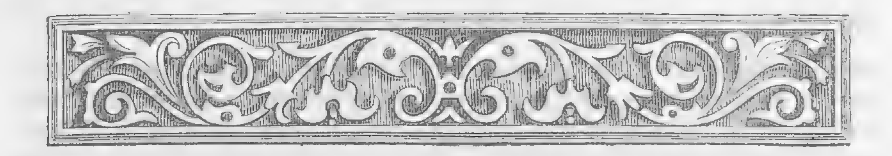
— «Историческій очеркъ распредѣленія земли въ Англіи» (Historical Sketch of the Distribution of Land in England). Профессоръ Бирбекъ разсказываетъ исторію англійскаго землевладѣнія, стараясь отвѣтить на интересный вопросъ: когда зародилась въ Англіи основа ея настоящаго исключительно крупнаго землевладѣнія и нигдѣ въ другихъ странахъ не привившагося права первородства? Вопросъ этотъ, относящійся къ области исторіи, имѣетъ и современное значеніе для политиковъ разныхъ партій, управляющихъ Англіей. Въ ней поэтому является много изданій, трактующихъ объ исторіи землевладѣнія, написанныхъ профессорами и учеными, но цѣль которыхъ повліять въ пользу того или другаго политическаго направленія. Одни приписываютъ аристократическую привиллегію поземельнаго богатства въ Англіи вліянію лордовъ на конституцію страны, другіе—слабости королей. Бирбекъ излагаетъ источники и ходъ вопроса. Первая перепись земли въ Англіи была произведена лишь въ 994 году. Раньше нѣтъ точныхъ данныхъ о положеніи землевладѣнія въ странѣ. Самая распространенная по этому поводу гипотеза принадлежитъ нѣмецкому ученому Назе, который доказывалъ, что въ Англіи нѣкогда существовали вольные крестьяне-земледѣльцы и даже свободныя общины. Бирбекъ признаетъ эту гипотезу ошибочной, доказывая, что Назе былъ введенъ въ заблужденіе обычаемъ складчины несвободныхъ земледѣльцевъ для общей восьмиволовой пахоты на земляхъ аристократовъ. Земля уже въ англо-саксонскій періодъ исторіи принадлежала крупными участками крупнымъ людямъ военнаго и духовнаго сословія и коронѣ. Жившіе на этой землѣ и обработывавшіе ее были или рабы, или крѣпостные, обязанные извѣстной службой и работой. Естественно, что и прикрѣпленіе къ землѣ тоже даетъ извѣстныя привиллегіи — господинъ не можетъ прогнать крестьянина или совсѣмъ лишить его земли. Эти привиллегіи рабства нѣкоторыми учеными принимались за привиллегіи въ истинномъ смыслѣ этого слова, и отсюда выводилось заключеніе о большей обезпеченности древняго поселенца на землѣ аристократа. Что касается обычая наслѣдованія, то Бирбекъ полагаетъ, что переходъ недвижимаго имущества въ руки одного сына изъ всей семьи также обычай древній, англо-саксонскаго періода. У саксонцевъ сѣверной Германіи и Вестфаліи до сей поры сохраняется стародавній обычай перехода наслѣдства къ младшему брату предпочтительно передъ старшими. Германское правительство въ настоящее время изготовляетъ проектъ объ уничтоженіи этого народнаго обычая. Переходъ недвижимаго имущества къ младшему или старшему брату могъ видоизмѣняться, сообразно тому, кто изъ этихъ братьевъ по законамъ страны отправлялъ воинскую повинность. Для историка важно свидѣтельство, что обычай перехода наслѣдства въ руки одного изъ братьевъ безраздѣльно существовалъ у такой-то національности. Остатки древнихъ законовъ не противорѣчатъ гипотезѣ Бирбека. Переходя ко временамъ норманскаго завоеванія, онъ говоритъ, что потребности военной защиты только освятили ста-

ринный обычай; были возведены замки на стратегическихъ пунктахъ, вассалы были обязаны натуральной воинской повинностью, но старая саксонская система крупнаго землевладѣнія и рабства осталась неприкосновенной. Тутъ авторъ съ особенной настойчивостью опровергаетъ обычную ошибку производства рабства изъ феодализма. «Рабство, — говоритъ онъ, — въ дѣйствительности, чисто земледѣльческое, а феодализмъ чисто военное учрежденіе». Въ самомъ дѣлѣ, рабство существовало же въ Россіи, Египтѣ и другихъ странахъ, гдѣ исторія не давала мѣста даже для зачатковъ феодализма, который сдѣлался основой англійскаго строя въ первое столѣтіе вслѣдъ за нашествіемъ норманновъ. Основы феодализма требовали военной службы старшаго члена семьи, который и былъ поэтому единственнымъ наслѣдникомъ земли. Сначала это относилось къ вассаламъ, которые попрежнему не пользовались правомъ свободнаго перехода во владѣніе другаго лорда. Черезъ два столѣтія послѣ покоренія норманнами, вышелъ законъ, признающій право первородства для всѣхъ сословій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городскихъ, искони практиковавшихъ равномѣрный раздѣлъ наслѣдства. Шотландія, принявъ впослѣдствіи феодальный строй, одобрила вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ первородства. Конституція, озабочиваясь положить предѣлъ самоуправству верховной власти, узаконила обычное право землевладѣнія и обычныя отношенія полусвободныхъ земледѣльцевъ къ ландлордамъ. Не измѣнили ихъ существенно и послѣдніе законы Эдуарда I, снискавшаго въ исторіи титулъ англійскаго Юстиніана. Эти законы, строго опредѣляющіе права наслѣдства и недробимости земли (не только для владѣльца, но и для воздѣлывателя), по мнѣнію Бирбека, чрезвычайно способствовали прогрессу земледѣлія. Въ дальнѣйшей исторіи Англіи земля не разъ служила орудіемъ борьбы между знатью и верховной властью. Такъ, Генрихъ VII далъ всѣмъ владѣльцамъ земли право распоряжаться землею съ полнѣйшей свободой. Но парламентъ всегда отстаивалъ ограниченное право наслѣдованія. Полное же закрѣпленіе земли за аристократіей и уничтоженіе полусвободнаго земледѣльческаго класса произошло въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе парламентскаго приказа о размежеваніи. Такая мѣра увеличила пространство посѣвовъ, но за то убила мелкое землевладѣніе. Крестьяне, лишенные стараго права рубки дровъ и пастьбы на «общихъ пустыряхъ и лѣсахъ», получивъ по размежеванію нѣсколько акровъ, теряли возможность держать скотъ и вести самостоятельное хозяйство. Система первородства и крупнаго землевладѣнія становится теперь въ Англіи на первую очередь внутреннихъ реформъ, и даже консервативное министерство Салисбюри заготовило проектъ закона о свободѣ владѣнія и наслѣдованія. Такая реформа произведетъ огромный переворотъ во всей внутренней жизни Великобританіи. Теперь, по исчисленію Бакстона (A Handbook to political Questions of the day 1885), въ Англіи изъ 33 милліоновъ жителей только 180 тысячъ владѣютъ землей въ размѣрѣ отъ 3 десятинъ (10 акровъ) и болѣе. Свобода продажи земель разоритъ многіе аристократическіе роды и разовьетъ поземельную жадность въ богатой буржуазіи. Но земледѣльцу едва ли будетъ отъ этого лучше на первыхъ порахъ...

– «Наше старое дворянство» (Our Old Nobility). Авторъ этой книги Эвенсъ разсказываетъ подробно генеалогію каждой изъ аристократическихъ фамилій Великобританіи, подсчитывая, когда и какимъ способомъ составились поземельное богатство фамиліи и ея титулы. Авторъ нисколько не церемо-

нится съ предками сіятельныхъ особъ и, какъ Маколей, разсказываетъ о всѣхъ пятнахъ прошлаго, которыя теперь кажутся намъ ужасными, а въ старину считались только маленькими грѣшками. Пэры и лорды давно привыкли къ такой безцеремонности историковъ. Интересно, что и Дизраэли, пока не сдѣлался Биконсфильдомъ, доказывалъ также, что британское лордство имѣетъ своимъ источникомъ «или ограбленіе церкви, или продажу совѣсти Стюартамъ». Приведемъ исторію рода нѣсколькихъ англійскихъ аристократическихъ фамилій, извѣстныхъ и въ Россіи. Фамилія Чёрчиль принадлежитъ къ роду герцоговъ Марльбороу. Первый членъ этой фамиліи, получившій герцогскій титулъ, былъ молоденькій офицеръ Джонъ Чёрчиль при дворѣ Карла II. Его сестра была любовницей герцога Іоркскаго, а самъ Чёрчиль исполнялъ обязанности альфонса при герцогинѣ Клевеландъ. Благодаря этимъ связямъ, офицеръ быстро шелъ въ гору и въ 37 лѣтъ сдѣлался генералъ-лейтенантомъ. Тутъ, почувствовавъ, что сила переходитъ на сторону принца Оранскаго, Чёрчиль бросилъ своего благодѣтеля Карла II и отъ Вильгельма Оранскаго получилъ за это герцогскій титулъ. Впослѣдствіи, во время войны съ Франціей, новоиспеченный герцогъ проявилъ блестящія способности полководца. Королева Анна награждала его съ особенной щедростью—за одну побѣду 50 тысячъ руб. пенсіи изъ почтовыхъ доходовъ, за другую—20 тысячъ пенсіи изъ дворцовыхъ капиталовъ, за третью—40 тысячъ пенсіи ему и потомству изъ государственнаго бюджета и т. д. Послѣдняя пенсія уплачивалась роду Чёрчилей ровно 173 года и недавно выкуплена за уплату казной единовременно милліона шестидесяти тысячъ рублей. Конецъ жизни знаменитаго герцога нѣсколько омрачился изобличеніемъ въ полумилліонной взяткѣ съ поставщиковъ провіанта на армію. Парламентъ долго хлопоталъ о производствѣ слѣдствія, но, конечно, не могъ ничего добиться. Въ настоящее время старшій потомокъ Джона Чёрчиля, герцогъ Марльбороу, владѣетъ почти 28 т. акровъ земли и считается однимъ изъ очень бѣдныхъ аристократовъ Англіи. Его младшій братъ лордъ Чёрчиль былъ министромъ по индійскимъ дѣламъ. Такова же исторія происхожденія и другой извѣстнѣйшей аристократической фамиліи—графовъ Дерби. Одинъ изъ основателей этого рода Джонъ Станлей измѣнялъ послѣдовательно Ричарду II, Генриху Болингброку и Генриху IV, получая, впрочемъ, отъ каждаго дары, щедрость которыхъ въ наше мелкое время по истинѣ изумительна. Напримѣръ, за усмиреніе мятежа въ Ирландіи Станлей получилъ отъ государства въ подарокъ цѣлый островъ Мэнъ, заключающій въ себѣ 170 тысячъ акровъ (около 60 т. десятинъ). Впослѣдствіи казна выкупила островъ обратно за нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Такіе выкупы практикуются въ Англіи съ незапамятныхъ временъ. Другой предокъ графовъ Дерби, Томасъ Станлей, отличался подобными же способами наживы. Во время «Войны розъ» онъ перешелъ на сторону іоркширцевъ, потомъ перешелъ въ ряды ланкастерцевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Екатерина II въ Курской губерніи.

ВЪ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» прошлаго года (№№ 7—9) было помѣщено въ высшей степени любопытное изслѣдованіе г. Брикнера о путешествіи Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. О ея пребываніи въ Курской губерніи на обратномъ пути, у г. Брикнера сказано только. что жители Курской губерніи: дворяне, мѣщане и казенные поселяне, изъявили передъ нею желаніе поставить монументъ въ память такого славнаго событія, какъ шествіе ея величества черезъ Курскую губернію. Екатерина великодушно отклонила это предложеніе курскихъ патріотовъ и просила обратить назначенную для монумента сумму на заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ въ губерніи [1]).

Больше о Курской губерніи не сказано у г. Брикнера ничего; вслѣдъ за этимъ онъ прямо переходитъ къ Орлу и разсказываетъ о дальнѣйшемъ путешествіи императрицы къ Москвѣ.

Въ дополненіе къ статьѣ г. Брикнера, я могу сообщить болѣе подробное описаніе шествія императрицы Екатерины черезъ Курскую грбернію. Описаніе это составлено на основаніи народныхъ преданій, сохранившихся еще въ Курскомъ краѣ и небольшой замѣтки г. Вокната о томъ же предметѣ, появившейся въ № 75 мѣстной газеты («Курскій Листокъ») за 1885 годъ.

Къ пріему императрицы въ Курской губерніи начали готовиться еще задолго до ея пріѣзда. По распоряженію властей, на южной границѣ губерніи были построены большія каменныя тріумфальныя ворота, украшенныя гербами всѣхъ уѣздовъ. За нѣсколько дней до пріѣзда императрицы сюда, къ этимъ воротамъ съѣхались 15 уѣздныхъ предводителей дворянства и вмѣстѣ съ ними 15 дворянскихъ депутацій (по 8 человѣкъ отъ каждаго уѣзда), для привѣтствія дорогой путешественницы и сопровожденія ея въ видѣ почетнаго конвоя, въ предѣлахъ губерніи. Сюда же прибылъ, разумѣется, и начальникъ

[1]) «Историч. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 9, стр. 503.

губерніи, и губернскій предводитель дворянства Василій Аристархович Похвисневъ, который былъ выбранъ дворянствомъ главнымъ распорядителемъ торжественной встрѣчи и пріема императрицы и утвержденъ въ этомъ званіи тогдашнимъ курско-орловскимъ генералъ-губернаторомъ.

Встрѣча царственной гостьи произошла съ большой помпой, при громадномъ стеченіи народа, который собрался для встрѣчи «матушки» частію по приказу начальства, частію добровольно, чтобы поглазѣть на невиданное торжество. И было, дѣйствительно, на что посмотрѣть. Уже не говоря объ императрицѣ и ея свитѣ, одни только курскіе дворяне способны были произвести величайшій эффектъ. Всѣ они были, большею частью, изъ отставныхъ военныхъ и одѣты въ мундиры разныхъ цвѣтовъ—кавалеристы въ синихъ, пѣхотинцы—въ свѣтлозеленыхъ; «штафирки» же, штатскіе, служившіе въ гражданской службѣ, были въ мундирахъ алаго цвѣта. Дворяне всѣ были верхами и ѣхали вслѣдъ за возкомъ императрицы особымъ «отрядомъ», съ своимъ «предводителемъ» во главѣ. Весь путь, по которому слѣдовалъ императорскій поѣздъ, былъ усыпанъ травою и цвѣтами, которыхъ нанесли для этого крестьяне, согласно распоряженію мѣстнаго начальства. Когда проѣзжали мимо селеній, дѣти выбѣгали на дорогу съ цвѣточными вѣнками и бросали ихъ подъ царскій поѣздъ. Екатерина кланялась имъ, улыбалась и собственноручно бросала деньги на обѣ стороны дороги.

По пути до Курска, въ предѣлахъ губерніи, Екатерина проѣхала чрезъ деревни Борщову, Череношное, Бѣлгородъ, Озерово, Ильинское, хуторы Покровскій, Обоянь, Медвяной Колодезь и Селиховы Дворы.

Въ Бѣлгородѣ императрица посѣтила Троицкій соборъ, гдѣ у входа въ церковь и была встрѣчена преосвященнымъ Ѳеоктистомъ, который сказалъ ей прочувствованное привѣтственное слово. Въ соборѣ было устроено для нея особое царское мѣсто, осѣненное великолѣпнымъ балдахиномъ. Здѣсь Екатерина прослушала обѣдню и молебенъ, въ ознаменованіе чего бѣлгородцы повѣсили въ своемъ соборномъ храмѣ портретъ Екатерины, который просуществовалъ, какъ говорятъ, до 1832 года и затѣмъ былъ снятъ по приказанію начальства.

Въ подгородной слободѣ Ямской, лежащей подъ самымъ Бѣлгородомъ, намъ разсказывали, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ, относящійся къ описываемому нами времени:

«Проѣзжала здѣсь матушка царица Катерина. Старики наши тогда казенную ямщину держали. И отъ губернатора имъ вышелъ такой приказъ: «доставить для царицы что ни на есть лучшихъ лошадей». А лошади въ то время были кормныя, хорошія, потому сѣна было вволю, нужды въ этомъ не знали. Представили подъ царицу такихъ лошадей, что угоришь. И ямщики что ни на есть лучшіе сѣли на козлы. — «Ну, говорятъ, матушка, держись только не вылети, не ушибись, родная!» Да какъ припустятъ своихъ лошадей—свѣту вольнаго не стало видно. Живой рукой долетѣли до первой станціи. А тутъ и спрашиваютъ царицу: «Что, матушка-царица, хочешь новыхъ лошадей перемѣнить, или на нашихъ поѣдешь дальше-то?»—«Да вѣдь ваши, говоритъ, не довезутъ?»—«Довезутъ, ваше царское величество. Мы такое слово знаемъ, что довезутъ».—«Ну, а коли, говоритъ, вы такое слово знаете, такъ везите. Я васъ, говоритъ, награжу за это».—Сѣли наши ребята опять на козлы, присвистнули, пригаркнули—и опять скорехонько доскакали до станціи. Тутъ царица имъ по чаркѣ водки велѣла дать, да по 10 рублей деньгами. — «А на

деревню, говоритъ, на вашу, жалую лѣсу 800 десятинъ, за то, что вы ямщики ужъ оченно хорошіе...» [1]).

На сколько этотъ разсказъ справедливъ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ онъ передается среди крестьянъ Ямской слободы изъ поколѣнія въ поколѣніе, и здѣшній крестьянинъ никогда не упуститъ случая, чтобы не разсказать о томъ, какъ ихъ «дѣды царицу возили».

Проѣзжая черезъ селенія, Екатерина останавливалась иногда, какъ будто бы для того, чтобы напоить заморившихся лошадей и вступала въ разговоры съ крестьянами, разспрашивая ихъ о томъ, какъ имъ живется, хорошо ли родится хлѣбъ и т. п. Такимъ путемъ она узнала, что послѣдній урожай былъ весьма плохой, вслѣдствіе чего сдѣлала распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ хлѣба изъ казенныхъ запасныхъ анбаровъ и, кромѣ того, пожаловала 10,000 руб. изъ кабинета для покупки хлѣба на продовольствіе курскихъ крестьянъ. Она лично совѣтовала также крестьянамъ переселяться въ плодородный вновь завоеванный Новороссійскій край, говоря, что «имъ будутъ тамъ рады» и земли дадутъ сколько кому угодно. Куряне, какъ извѣстно, воспользовались этимъ совѣтомъ и до конца 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія цѣлыми массами переселялись въ благодатные черноморскіе края.

Въ Курскѣ императрица встрѣчена была съ невиданнымъ торжествомъ, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ. По распоряженію властей, отъ самой городской заставы до Херсонскихъ воротъ, по обѣ стороны дороги разставлены были крестьянскія дѣвушки въ мѣстныхъ, разноцвѣтныхъ и довольно красивыхъ уборахъ; отъ Херсонскихъ же воротъ до Георгіевской площади стояли дѣвушки-горожанки, купеческія и мѣщанскія дочки, разодѣтыя въ лучшія свои платья. Въ рукахъ дѣвушекъ были букеты цвѣтовъ, которые они бросали на дорогу, подъ царскій поѣздъ.

Императрица проѣхала на Красную площадь и остановилась здѣсь во «дворцѣ». Дворецъ этотъ былъ выстроенъ въ 1765 году, когда учреждена была Курская губернія, и предназначался для жительства намѣстника и для пріема высокихъ гостей. Въ немъ, между прочимъ, былъ большой залъ, въ которомъ стоялъ богато убранный императорскій тронъ; здѣсь по торжественнымъ табельнымъ днямъ намѣстникъ принималъ дворянъ и почетныхъ лицъ города. Здѣсь же, сидя на тронѣ, Екатерина принимала на другой день пріѣзда знатныхъ дворянъ и военныхъ и «нѣкоторыхъ изъ нихъ удостоила милостиваго разговора».

Въ Курскѣ императрица производила смотръ войскамъ, квартировавшимъ въ то время въ городѣ, обозрѣвала окрестности, причемъ нѣкоторыя мѣста ей такъ понравились, что она подолгу любовалась ими, а слободу Стрѣлецкую, лежащую подъ горою и искрещенную заводями рр. Сейма и Тускари, она назвала даже Венеціей. Между прочимъ, она посѣтила также курскій мужской монастырь, гдѣ сдѣлала значительныя пожертвованія на духовенство, именно: архимандриту монастыря съ братіею приказала выдать единовременно 1,000 руб., затѣмъ курскому и бѣлгородскому женскимъ монастырямъ—600 руб., изъ которыхъ 400 руб. опредѣлила на монахинь, а 200 р.— игуменьямъ. Кромѣ того, Екатерина пожаловала на курское духовное училище 200 руб. и на бѣлгородскую духовную семинарію—800 рублей.

[1]) Въ сокращенномъ видѣ разсказъ этотъ помѣщенъ нами также и въ «Сборникѣ стат. свѣд. по Бѣлгородскому уѣзду». Курскъ, 1886, стр. 169.

Екатеринѣ очень понравился нашъ курскій женскій костюмъ, состоящій изъ особаго рода кокошника, сплошь расшитаго позументомъ, сарафана и рубахи, вышитыхъ шелками, и она выразила городскому головѣ свое желаніе имѣть такой уборъ. Желаніе это, разумѣется, сейчасъ же было исполнено, и купчиха Сушкова доставила ей полный уборъ курской красавицы. Въ благодарность за это императрица подарила ей золотыя серьги, которыя, какъ намъ сказывали, и до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ Сушковыхъ.

Преданіе разсказываетъ, что одинъ изъ крестьянъ подгородной слободы Казацкой поднесъ Екатеринѣ нѣсколько яблоковъ изъ своего сада, прекрасно сохранившихся втеченіе зимы. Милостивая гостья пожаловала ему за это 100 руб. и въ разговорѣ, между прочимъ, назвала его «добрымъ крестьяниномъ». Съ тѣхъ поръ, говорятъ, и начали называть этотъ сортъ яблоковъ «добрымъ крестьяниномъ» (одна изъ разновидностей извѣстной «антоновки»).

Бывшіе въ свитѣ императрицы сенаторы графъ Шуваловъ и тайный совѣтникъ Стрекаловъ, по приказанію Екатерины, произвели въ Курскѣ ревизію намѣстническаго управленія и нашли все въ замѣчательномъ порядкѣ. Когда довели объ этомъ до свѣдѣнія императрицы, то она пожаловала многочисленныя награды всѣмъ служащимъ чиновникамъ.

Награждая духовенство и чиновниковъ, Екатерина не забыла также и горожанъ. Городу она пожаловала каменную мельницу на р. Тускари, а также и всѣ доходы, какіе получались казною отъ Коренной ярмарки. Это послѣднее пожалованіе оказалось особенно цѣннымъ для города, такъ какъ въ то время Коренная ярмарка была въ цвѣтущемъ состояніи и приносила громаднѣйшіе доходы. Кромѣ всего этого, Екатерина пожертвовала на «главное народное училище» и на простыя народныя школы 2,200 рублей.

Екатерина пробыла въ Курскѣ около двухъ сутокъ и выѣхала отсюда лишь на третій день. Путь ея лежалъ по направленію на сѣверъ, по орловскому тракту. У Московской заставы для ея выѣзда были заранѣе устроены тріумфальныя ворота, на личныя средства городскаго головы [1]) и курскаго купечества. До самой границы губерніи императрицу сопровождалъ кортежъ изъ 120 дворянъ. Ночевала императрица въ с. Ольховаткѣ, лежащемъ въ Фатежскомъ уѣздѣ, почти на самой границѣ Курской губерніи, верстахъ въ 80 отъ Курска. На другой же день утромъ она была уже въ предѣлахъ Орловской губерніи.

Сообщ. **Н. А. Добротворскимъ.**

[1]) Городскимъ головою былъ въ то время Иванъ Ларіоновичъ Голиковъ, который извѣстенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ рыльскимъ купцомъ Шелеховымъ устроилъ Россійско-Американскую компанію.

СМѢСЬ.

Торжественное собраніе географическаго Общества. 29-го января, географическое Общество привѣтствовало возвратившагося изъ послѣдняго путешествія по Центральной Азіи Николая Михайловича Пржевальскаго. Чествованіе было необыкновенно торжественно. Для собранія открытъ былъ дворецъ великой княгини Екатерины Михайловны. Члены царской фамиліи, самая избранная публика, министры, военные, дипломаты, ученые и всѣ члены географическаго Общества наполнили великолѣпную залу. Между гостями былъ и митрополитъ сербскій Михаилъ.

Вице-президентъ географическаго Общества П. П. Семеновъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Сегодня въ четвертый разъ русское географическое Общество въ торжественномъ собраніи привѣтствуетъ Н. М. Пржевальскаго, возвратившагося изъ своего четвертаго путешествія изъ мѣстъ Центральной Азіи. Во второй разъ географическое Общество въ полномъ своемъ составѣ занимаетъ покои дворца, гостепріимно открывшіеся для чествованія путешественника, прошедшаго 30,000 верстъ пѣшкомъ и верхомъ, пространство въ 10 разъ большее площади Франціи, пространство, большая часть котораго мало обитаема и представляетъ безплодныя песчаныя пустыни и только меньшая часть обитаема и орошается рѣками, текущими съ вѣчно снѣжныхъ вершинъ большихъ горныхъ хребтовъ. При всемъ томъ, пространство это—центральный материкъ между тремя громадными имперіями (Россія, Британія и Китай)—особенно интересно для насъ. Съ него спускались во всѣ стороны свѣта племена, образовывавшія сильныя государства; въ немъ и теперь въ глубинѣ высится тронъ Далай-Ламы, полновластнаго владыки 400 милліоновъ жителей Азіи. Эта страна интереснѣе чѣмъ центральная Африка, и сдѣлалась цѣлью изслѣдованій путешественниковъ раньше ея. Но только Н. М. Пржевальскому удалось избороздить эту часть Азіи своими маршрутами. Наука слагается изъ кропотливой мозаики мелочей, но прежде всего нуждается въ такихъ піонерахъ, которые проникаютъ въ неизвѣданныя страны и собираютъ тамъ для нея матеріалы. Необходимыя для этого сила воли, отвага,

научная подготовка, умѣнье привлечь къ себѣ симпатіи, богатый запасъ физическихъ и нравственныхъ силъ—все нашло осуществленіе въ лицѣ Н. М. Пржевальскаго, заслуги котораго и оцѣнены по достоинству».

Свое сообщеніе Н. М. Пржевальскій началъ съ краткаго изложенія результатовъ всѣхъ четырехъ своихъ путешествій. Первое путешествіе началось въ 1871 году и продолжалось три года—до 1873 года. Ему сопутствовали всего 3 человѣка, средства были ничтожныя, путешественникъ едва ли имѣлъ въ карманѣ около 200 рублей. Однако, экспедиція достигла до верховьевъ Голубой рѣки и впервые изслѣдовала часть Центральной Азіи, пройдя болѣе 11,000 верстъ. Вторая экспедиція, уже при лучшихъ условіяхъ, съ выданными на нее 24,000 руб., состоялась въ 1876 году и прошла черезъ Тяньшань и Таримъ. Третье путешествіе началось въ 1878 году и шло отъ озера Зайсана въ Цайдамъ, причемъ изслѣдованы верховья Желтой рѣки. Экспедиція не дошла только 300 верстъ до Хлассы, гдѣ пребываетъ незримый для простыхъ смертныхъ Далай-Лама, не дошла потому, что туземцы усердно просили вернуться, ибо распущенъ былъ слухъ, что русскіе идутъ украсть Далай-Ламу.

Послѣдняя экспедиція отправилась изъ Кяхты въ половинѣ 1883 года. Участвовали въ ней 21 человѣкъ, средства даны были богатыя. Помощниками начальника экспедиціи были: поручикъ Роборовскій и вольноопредѣляющійся Козловъ. Небольшой отрядъ состоялъ изъ отборныхъ стрѣлковъ. Иногда по 3 мѣсяца не приходилось встрѣчать ни одного человѣка. Жилищемъ служили лѣтомъ—парусинныя палатки, зимой—войлочныя юрты. Пищу доставляла охота, а когда ея не было, довольствовались кирпичнымъ чаемъ, свареннымъ съ солью и жиромъ медвѣжьимъ или бараньимъ, и это, на неприхотливый вкусъ, по увѣренію Н. М., было не слишкомъ противно. Хлѣбъ замѣняла «замба», туземная жареная мука. Всѣ жили вмѣстѣ, спали на одномъ войлокѣ, ѣли изъ одной чашки, но, не смотря на это, во всемъ отрядѣ царствовала дисциплина; всѣ 20 человѣкъ составляли какъ бы одну душу. Вооруженіе экспедиціи, кромѣ холоднаго оружія, составляли винтовки Бердана, съ значительнымъ, въ нѣсколько тысячъ, запасомъ патроновъ.

Изъ Кяхты экспедиція пошла караваномъ до Урги, гдѣ были куплены за дорогую цѣну 57 монгольскихъ верблюдовъ, выдержавшихъ двухлѣтнее путешествіе; 30 изъ нихъ вернулись назадъ. Хорошій верблюдъ—дѣло первостепенной важности, онъ легко подымаетъ вьюкъ въ 12 пудовъ, бодро переноситъ и голодъ, и жажду. Чтобы не изнурить верблюдовъ путешествіемъ по жаркой странѣ, Н. М. направилъ экспедицію кружнымъ путемъ, правда, холоднымъ, но за то, прійдя къ Тибету, животныя были хорошо сохранены. Изъ Урги путь шелъ до Алашана, и затѣмъ экспедиція вступила въ пустыню Гоби. Здѣсь (80,000 кв. мил.) только сѣверная и восточная ея часть плодородны, а центральная вмѣстѣ съ Джунгаріей составляетъ безплодное и безводное пространство. Южная часть на сотни верстъ—одни сыпучіе пески. И климатъ, и почва—все неблагопріятно для жилья человѣка. Морозы жестокіе, жары тропическіе, весной страшныя бури. Путешествіе черезъ пустыню продолжалось 2 мѣсяца при страшномъ холодѣ—ртуть замерзала въ термометрѣ. Ближе къ югу стало теплѣе. Въ январѣ днемъ на солнцѣ было по Цельсію 20 град. выше нуля, ночью—столько же ниже. И, не смотря на такія страшныя перемѣны, никто изъ людей не пострадалъ. Ни на одну минуту экспедиція не оставалась безъ караула—днемъ 1 часовой, ночью—трое. Такимъ образомъ, кромѣ обыкновенныхъ трудностей пути, отрядъ обременялся еще тяжелой караульной службой. 50 дней употреблено на проходъ черезъ Гоби. Въ началѣ января были у Алашана. Алашанскій князь, самый могущественный изъ туземныхъ князей, встрѣтилъ путниковъ дружелюбно. Достигнувъ нагорнаго Тибета, части Цайдама, богатой и благодатной страны, путешественники могли отдохнуть послѣ тяжелаго пути. Туземцы оказывали

благопріятный пріемъ, но китайцы, по обыкновенію, вели себя криводушно. Китайскіе начальники въ глаза юлили, а изподтишка старались дѣлать всякія гадости. Главной задачей экспедиціи было изслѣдовать истоки Жолтой рѣки,—кормилицы Китая. Но цайдамскій князь, наученный китайцами, объявилъ, что не дастъ ни проводниковъ, ни верблюдовъ. Что было дѣлать? Чтобы не потерять престижа среди населенія, Пржевальскій приказалъ посадить подъ арестъ князя и его помощника и объявилъ, что онъ всетаки туда поѣдетъ, а проводникомъ возьметъ князя, который въ наказаніе пойдетъ пѣшкомъ. Это подѣйствовало, и черезъ 3 дня были и проводники, и верблюды.

Истоки Жолтой рѣки совершенно невѣдомы. Тамъ, у сліянія двухъ рѣчекъ находится высокая гора, гдѣ приносятся жертвоприношенія китайцами. Разъ въ годъ приходитъ весной посольство изъ Пекина и совершаетъ у истоковъ Жолтой рѣки жертвоприношенія. Не смотря на чинимыя китайцами препятствія, поднялись на гору. У верховья Жолтая рѣка имѣетъ всего саженъ 15—18 ширины, но, разливаясь на югъ и востокъ, достигаетъ громадныхъ размѣровъ. У истоковъ совсѣмъ нѣтъ человѣческаго обиталища. Отрядъ затѣмъ поспѣшилъ на югъ—дойдти до Голубой рѣки. Прошли черезъ высокія, но проходимыя горы. Здѣсь между горныхъ долинъ, не тревожимыя человѣкомъ, пасутся громадныя стада яковъ; они ходитъ тысячами. Черепа яка не пробиваетъ пуля изъ берданки. Большой ростъ, страшная сила дѣлали бы это животное очень опаснымъ, но, незнакомое съ человѣкомъ, оно бѣжитъ прямо на стрѣлка, по одному направленію. Кромѣ яковъ, здѣсь множество красивыхъ антилопъ разгуливаютъ тысячными стадами. Случалось, что караванъ проходилъ спокойно посреди ихъ стада. При такихъ условіяхъ жалко было и охотиться на нихъ. Здѣсь же есть множество медвѣдей, тоже нрава кроткаго. Къ югу идетъ горная альпійская страна, чѣмъ дальше, тѣмъ больше лѣсовъ. Пройдя верстъ 150, экспедиція оказалась среди враждебныхъ племенъ тангутовъ, дѣлавшихъ засады. Переправиться черезъ Голубую рѣку оказалось невозможнымъ, и экспедиція вернулась и принялась изслѣдовать озера Жолтой рѣки, названныя одно—первое—Озеромъ Экспедиціи, второе—Русскимъ. На верховьяхъ Жолтой рѣки и внизу кочуютъ племена, не подчиненныя Китаю—тангуты. Они дважды нападали на экспедицію. Одинъ разъ ночью чуть не врасплохъ напали на лагерь, изъ засады, но путники выскочили изъ юртъ въ бѣльѣ и открыли убійственный огонь. Другой разъ Пржевальскій нарочно вызвалъ нападеніе днемъ, такъ какъ тогда лучше прицѣливаться, и цѣлая толпа—сотни всадниковъ, на быстрыхъ коняхъ, съ свирѣпыми лицами, съ развѣвающимися по вѣтру плащами, съ крикомъ несясь развернутой линіей на горсть путниковъ (8 человѣкъ, остальные были при лагерѣ, на нихъ тоже было нападеніе другаго полчища), отступила передъ ихъ мѣткими и стойкими выстрѣлами, и повернула назадъ. Послѣ этого дѣла Пржевальскій всѣхъ своихъ нижнихъ чиновъ произвелъ въ урядники и унтеръ-офицеры. Тангуты выпускаютъ массу пуль камышевыхъ, облѣпленныхъ свинцомъ, изъ скверныхъ притомъ ружей, но потерь никакихъ не причинили, только отъ стрѣльбы половина лошадей сорвалась и ускакала. Раненыхъ своихъ и убитыхъ тангуты подхватываютъ чрезвычайно ловко, ни за что не оставятъ, а то духъ будетъ безпокоить живущихъ.

Всѣ три мѣсяца въ Тибетѣ дождь шелъ каждый день. Отъ южнаго Цайдама Пржевальскій пошелъ къ западному. Пройдя верстъ 800, встрѣтились непроходимыя болота и неисчислимыя количества фазановъ. Экспедиція шла по Тибетскимъ горамъ (Куэнь-Лунь) и достигла хребта Алтынъ Тога, куда еще не ступала нога европейца. Пройдя большое протяженіе по безводной странѣ, экспедиція нашла только два обильныя ключевой водой урочища. Экспедиція открыла 3 неизслѣдованные горные хребта, которымъ всѣмъ Пржевальскій далъ русскія названія, а выдающіяся вершины ихъ назвалъ «Москва»,

«Кремль» и «Шапка Мономаха» (въ вѣчно снѣговомъ хребтѣ). Изслѣдована лежащая между ними «Долина вѣтровъ». Въ восточномъ Туркестанѣ, населеніе, не смотря на китайцевъ, встрѣчало русскихъ почти съ восторгомъ. Почва въ высокой степени плодородна, зимы нѣтъ, плодовъ изобиліе.

Въ концѣ января 1885 года, спустились на озеро Лобъ-Норъ въ восточномъ Туркестанѣ. Масса рѣчекъ образуетъ здѣсь рѣку Таримъ, въ свою очередь, образующую большое озеро Лобъ-Норъ, верстъ на 100 длиной, шириной верстъ 25. Обитатели береговъ, всего человѣкъ 400, занимаются ловлей рыбы, живутъ въ тростниковыхъ шалашахъ, доброе честное племя. Всѣ свои богатства они зарываютъ въ землю и, когда ихъ беку подарили часы и другія вещи, онъ мгновенно ускакалъ и затѣмъ, вернувшись, объявилъ, что зарылъ все такъ хорошо, что никто не найдетъ. 20-го марта экспедиція пошла въ оазисъ Черченъ, лежащій на высотѣ 3,800 фут. на Черченъ-Дарьѣ. Китайцы всячески старались мѣшать русскимъ, но населеніе встрѣчало ихъ съ большимъ сочувствіемъ и только спрашивало, скоро ли Бѣлый Царь освободитъ ихъ отъ китайцевъ? Лобъ-Норъ служитъ станціей для пролета птицъ весенней порой. Онѣ здѣсь останавливаются по пути изъ Индіи въ ожиданіи, когда начнетъ таять снѣгъ въ привольныхъ мѣстностяхъ Сибири. Теперь почти пустынная страна Таримъ, съ бѣдной флорой, въ далекія времена, прежде усѣяна была цвѣтущими городами.

По всему Тариму экспедиція встрѣчала самый радушный пріемъ. Туземцы выходили навстрѣчу и вездѣ выражали самое пламенное желаніе поскорѣе быть русскими подданными. Это и понятно. Китайцы настоящіе разбойники, безчинствуютъ, грабятъ, а рядомъ лежитъ западный Туркестанъ, гдѣ 20 лѣтъ назадъ было то же самое, а теперь подъ русскимъ владычествомъ,—полное спокойствіе. Обаяніе русскаго Бѣлаго Царя, престижъ русскаго имени—стоятъ здѣсь высоко. «Если будетъ война съ Китаемъ, мы всѣ возстанемъ какъ одинъ человѣкъ»,—говорили туземцы.

Вдали экспедиція видѣла новый горный хребетъ, который названъ «Русскимъ», а высшая точка его «Горой Царя Освободителя».

Выйдя изъ Черчена, экспедиція провела цѣлое лѣто въ горахъ Кирійскихъ. Здѣсь необыкновенно богатая почва, растительность, и дешевизна баснословная. Пудъ превосходнаго винограда 20 коп., персики на 10 коп. 240 штукъ. Интересны затѣмъ путь къ Потану и столкновеніе съ китайцами. За побои, нанесенные въ крѣпости проходившимъ русскимъ казакамъ, Пржевальскій послалъ отрядъ изъ 12 человѣкъ прогуляться съ пѣснями въ городъ и отдохнуть подъ окнами губернаторскаго дома, что́ и было выполнено. Двѣнадцать человѣкъ промаршировали среди разступавшейся тысячной толпы, позавтракали плодами подъ окнами губернатора и возвратились съ пѣснями; кромѣ этого, Пржевальскій настоялъ, чтобы губернаторъ пріѣхалъ извиниться, что́ и было исполнено. Разъ подученный китайцами мѣстный начальникъ нарочно повелъ экспедицію по полямъ, чтобы уронить русскихъ въ глазахъ жителей, ибо тамъ поля священны и неприкосновенны. Пржевальскій, узнавъ объ этомъ, привязалъ къ столбу на площади начальника и заставилъ китайцевъ просить объ его освобожденіи. Такимъ образомъ, китайцамъ не удавалось одурачить путешественниковъ. Экспедиція, прибывъ въ Аксу, прослѣдовала затѣмъ въ Вѣрный и вступила на родную землю, вспоминая проведенные дни среди простора и приволья природы.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи сообщены свѣдѣнія о двухъ расколоучителяхъ, Даніилѣ Викуловѣ (род. 1654 г.) и Андреѣ Денисовѣ (род. 1674 г.), по поводу доставленныхъ графомъ С. Д. Шереметевымъ Обществу двухъ хорошо исполненныхъ гравированныхъ портретовъ этихъ расколоучителей; портреты эти относятся ко времени Екатерины II. Затѣмъ кіевскій археологъ, Кибальчичъ, представилъ выставку своихъ работъ и находокъ по части народной орнаментики, старыхъ гравюръ

и предметовъ, найденныхъ имъ при раскопкахъ. Прежде всего было обращено вниманіе на орнаментъ старыхъ южно-русскихъ полотенецъ; они были вышиваемы въ старину монахинями женскихъ монастырей и постоянно бывали на южно-русскихъ рынкахъ, какъ свидѣтельствуетъ и Боплапъ. Въ числѣ гравюръ XVII—XVIII вѣка находятся довольно замѣчательныя, какъ, напримѣръ, гравюра, изображающая Мазепу въ рыцарской одеждѣ, или гравюра: «Пришествіе иконописцевъ изъ Царьграда въ монастырь Печерскій». Выставленныя въ Обществѣ южно-русскія гравюры важны и по сохранившимся на нихъ именамъ граверовъ: Кончаковскій, Семигиновскій, Козачковскій и др. Относительно раскопокъ Кибальчича въ Кіевѣ на Глубочицѣ и въ Гальчинѣ слѣдуетъ сказать, что найденные предметы представляютъ значительный интересъ. Такъ, на Глубочицѣ (въ Кіевѣ), въ усадьбѣ Егорова и смежныхъ съ нею, были найдены кремневыя орудія вмѣстѣ съ костями мамонта, имѣющія признаки нѣкоторой ихъ отдѣлки; одинъ кремень съ дентритами. При раскопкѣ городка Гальчина, расположеннаго при впаденіи рѣки Пустохи въ рѣку Гуйву, которая была произведена по приглашенію волынскаго губернатора, точно также были найдены вещи сравнительно недавнія и въ то же время изъ очень отдаленнаго періода; сначала, напримѣръ, въ верхнемъ слоѣ были найдены здѣсь польскія монеты XVII вѣка, а въ нижнемъ оленьи рога, кремневый ножъ и другія вещи. Ѳ. Н. Бергъ прочелъ любопытныя свѣдѣнія о зрѣлищахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, почерпнутыя имъ какъ изъ первыхъ источниковъ, такъ и изслѣдованій ученыхъ по этому вопросу. Докладчикъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія и представилъ историческій очеркъ зарожденія и возростанія театра на Руси. Какъ ни старалось духовенство подавить эти зрѣлища и при Алексѣѣ Михайловичѣ добилось того, что они были воспрещены царскимъ указомъ, но театральное дѣло, имѣющее свое основаніе въ естественной потребности народа, зачатки коего восходятъ къ играмъ старинныхъ скомороховъ и достигшее извѣстной степени развитія съ прибытіемъ въ Москву нѣмецкой труппы Іоганна, при Алексѣѣ Михайловичѣ, не могло уже погибнуть. Царевна Софія возобновила любительскіе спектакли при своемъ дворѣ, въ которыхъ иногда и сама принимала участіе. Главную роль въ этихъ спектакляхъ играла Арсеньева; въ нихъ участвовали князья: Барятинскій, Хованскій, Черкасскій, Щербатовъ, графъ Шереметьевъ и другіе. Кромѣ духовныхъ драмъ: «Алексѣй Божій человѣкъ», «Екатерина Великомученица» (о которой упоминаетъ Карамзинъ), были даны: «Илья-Муромецъ» и «Соловей-разбойникъ», «Шемякинъ судъ» и друг. При Алексѣѣ Михайловичѣ труппою Іоганна были даны въ селѣ Преображенскомъ представленія: «Отсѣченіе головы Олоферна», «Адамъ и Ева» и «Орфей». Раньше того, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, были слѣдующія представленія: «Въѣздъ на осляти», «Пещное дѣйство» и «Распятіе Іисуса Христа». Археологъ г. Кибальчичъ преподнесъ Обществу снимокъ съ иконы IX вѣка (съ греческою надписью), снимокъ съ иконы XI вѣка, находящейся въ Никольскомъ кіевскомъ монастырѣ и друг.; г-жа Нечаева поднесла Обществу желѣзные наконечники, найденные на Куликовомъ полѣ.

Гигантскіе скелеты. Въ мѣстечкѣ Каваньо, близъ Сан-Піетро, въ Италіи, въ настоящее время возводится укрѣпленіе. Когда рабочіе для закладки фундамента вырыли яму въ 6 метровъ глубины, они наткнулись на 200 скелетовъ необыкновенной величины, изъ которыхъ два длиною около 3 метровъ. Всѣ эти гигантскіе скелеты лежали рядомъ, раздѣленные лишь разстояніемъ въ 30 сантиметровъ. Около нихъ лежало различное оружіе изъ желѣза и бронзы, булавки, богато украшенныя серьги и нѣчто въ родѣ клещей, все почти изъ одной бронзы. Тамъ же найдены кости собакъ, оленьи и бычачьи рога, зубы мамонта и какія-то челюсти, длиною въ полтора фута. Многія кости, содержавшія мозгъ, были расколоты, подобно тѣмъ, какія найдены въ Даніи и близъ Нѣмецкаго моря.

† Въ Тифлисѣ извѣстный изслѣдователь Кавказа, предсѣдатель археографической коммиссіи, при кавказскомъ управленіи, **Адольфъ Петровичъ Берже.** Воспитанникъ института восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ, одного изъ первыхъ выпусковъ; за превосходные успѣхи командированный въ распоряженіе князя М. С. Воронцова, А. П. Берже съумѣлъ обратить на себя вниманіе князя и пріобрѣсти его расположеніе. Въ молодыхъ годахъ онъ былъ командированъ княземъ въ Персію для разъясненія многихъ спорныхъ вопросовъ по армянскимъ дѣламъ. Въ эту поѣздку онъ посѣтилъ Испагань, резиденцію армянскаго архіепископа обѣихъ Индій, Матесса, и по возвращеніи представилъ результатъ своихъ изслѣдованій въ докладной запискѣ князю Воронцову, которая частію появилась въ печати въ вышедшей въ пятидесятыхъ годахъ книжкѣ «Нынѣшніе армяне». Вслѣдъ за его возвращеніемъ изъ Персіи былъ учрежденъ отдѣлъ кавказской археографической коммиссіи, редакторомъ трудовъ которой былъ назначенъ, не смотря на молодые годы, А. П. Берже; онъ сдѣлалъ весьма много для изученія Кавказа, какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Большая часть его трудовъ издана въ Тифлисѣ. Изъ нихъ главные: «Прикаспійскій край» (1856), «Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ» (1858), «Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана» (1858), «Чечня и Чеченцы» (1859), «Исторія Адагенскаго народа» (1861), «Акты, собранные кавказскою археографическою коммиссіею», подъ редакціею Берже (нѣсколько томовъ). «Кавказъ въ археологическомъ отношеніи» (1874). Берже, кромѣ того, завѣдывалъ вмѣстѣ съ Бакрадзе изданіемъ записокъ Общества любителей кавказской археологіи. Онъ помѣстилъ немало своихъ работъ въ «Русской Старинѣ». Въ 1865 году, по отдѣленію физической географіи русскаго географическаго Общества, Берже получилъ награду «за постоянную и безвозмездную помощь редакціи «Словаря» Общества въ отношеніи исправленія и составленія статей, до географіи Кавказа относящихся». Въ службу вступилъ онъ въ 1851 году, въ 1868 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1871 году ему пожаловано 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи. Въ 1882 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, поднести государю послѣдній выпускъ своихъ работъ. Онъ закончилъ порученный ему трудъ временемъ вступленія князя Воронцова въ управленіе кавказскимъ намѣстничествомъ. Покойному было шестьдесятъ лѣтъ. Уроженецъ Франціи, онъ обладалъ веселымъ и живымъ характеромъ.

† 11-го января, на 63 году, инспекторъ Петербургскаго учебнаго округа, членъ учебнаго комитета и преподаватель Екатерининскаго женскаго института **Василій Иннокентьевичъ Лапинъ.** Онъ родился въ 1823 году въ Пермской губерніи, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ откупами. Обучался В. И. въ казанской 2-й гимназіи и былъ во всѣхъ классахъ первымъ ученикомъ. Въ 1843 году, онъ поступилъ въ Казанскій университетъ по словесному (филологическому) факультету, а по окончаніи курса вступилъ на государственную службу, сначала въ казанскую казенную палату, потомъ служилъ при синодѣ, перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія и назначенъ директоромъ виленскаго реальнаго училища. Съ 1872 года, Лапинъ состоялъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ для народнаго чтенія; былъ окружнымъ инспекторомъ школъ петербургскаго учебнаго округа и въ этихъ должностяхъ онъ состоялъ до смерти, оставаясь въ то же время преподавателемъ исторіи въ Екатерининскомъ институтѣ. Лапинъ занимался литературою и, еще въ молодыхъ годахъ, поставилъ на петербургскомъ театрѣ трагедію «Покореніе Казани». Большимъ его трудомъ была книга: «Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть», начатая Разинымъ, но за смертью его оконченная В. И. Лапинымъ, и его «Разсказы изъ Священной Исторіи», для дѣтей и народа. Одно время (въ 1877 г.) В. И. состоялъ редакторомъ дѣтскаго журнала «Задушевное Слово», а также со-

ставлялъ чтенія для народа; изъ нихъ извѣстны его: «Русская правда», «Ледовое побоище», «Татарскій погромъ», «Покореніе Казани», «Ермакъ, покоритель Сибири», и другіе. Онъ сотрудничалъ также и въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе».

† **Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша)**, революціонеръ, писатель, дипломатическій агентъ, турецкій паша и на склонѣ лѣтъ помѣщикъ, посвящавшій свои досуги литературнымъ занятіямъ. Чайковскій покончилъ съ скитальческою жизнью выстрѣломъ изъ револьвера на 78 году жизни. Родился онъ въ Гилчинецѣ, Бердичевскаго уѣзда, въ 1808 году. Пылкій и даровитый юноша принялъ участіе въ первомъ польскомъ возстаніи, послѣ штурма Варшавы бѣжалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ началъ свою литературную дѣятельность, доставившую ему извѣстность «Казацкими разсказами» и историческою повѣстью «Wernyhora». Эти лучшія произведенія покойнаго вышли въ 1837 г. и были переведены на всѣ европейскіе языки. Французское правительство, заигрывавшее съ поляками, послало Чайковскаго въ концѣ сороковыхъ годовъ тайнымъ политическимъ агентомъ въ Константинополь. Въ турецкой столицѣ Чайковскій вскорѣ снискалъ довѣріе правительственныхъ кружковъ; въ 1849 году, Порта назначила его политическимъ комисаромъ для переговоровъ съ руководителями венгерскихъ гонведовъ, бѣжавшихъ въ Турцію. Вскорѣ затѣмъ Чайковскій принялъ исламъ и поступилъ на турецкую службу. Въ крымскую кампанію Садыкъ-паша командовалъ въ Дубруджѣ отрядомъ польскихъ волонтеровъ, которыхъ окрестилъ «казаками султана». Съ 1856 года Чайковскій проживалъ въ Константинополѣ и хотя былъ любимцемъ султана Абдулъ-Азиса, но служить Турціи во имя фантастическаго возстановленія Польши ему подъ конецъ наскучило. Въ 1873 году, Чайковскій принесъ повинную русскому правительству, былъ прощенъ и получилъ разрѣшеніе вернуться на родину. Въ семидесятыхъ годахъ польскій-патріотъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, много испытавшій и совершенно извѣрившійся въ пользѣ отъ «помощи» Западной Европы и Турціи польскому дѣлу, не разъ обращался къ полякамъ съ политическими посланіями, глубоко продуманными и прочувствованными. Голосъ Чайковскаго производилъ впечатлѣніе на извѣстную часть польскаго общества, не потерявшую способности считаться съ дѣйствительностью: онъ убѣждалъ поляковъ не довѣряться никакимъ приманкамъ иностранныхъ державъ и основывать свое возрожденіе на полномъ примиреніи съ Россіею. Нѣсколько статей покойнаго въ этомъ духѣ и направленіи были помѣщены въ «Новомъ Времени», но ненависть и преслѣдованія его соотечественниковъ, не позволявшихъ книгопродавцамъ и издателямъ продавать и перепечатывать даже сочиненія его первой молодости, лишили престарѣлаго Чайковскаго послѣднихъ средствъ къ жизни, довели до отчаянія и заставили его самоубійствомъ прекратить жизнь и безъ того приближавшуюся къ восьмому десятку.

† 11-го января, въ больницѣ св. Николая, **Захаръ Захаровичъ Дуровъ**, преподаватель исторіи церковнаго пѣнія въ петербургской консерваторіи. Окончивъ курсъ въ одномъ изъ московскихъ военно-учебныхъ заведеній, покойный поступилъ въ московскую консерваторію, гдѣ увлекся лекціями по исторіи церковнаго православнаго пѣнія Д. В. Разумовскаго. Плодомъ занятій Дурова этимъ предметомъ были какъ «Общій очеркъ исторіи музыки въ Россіи», напечатанный въ приложеніи къ «Исторіи музыки» Доммера, изданной г. П. Юргенсономъ въ 1884 году, такъ и обширное сочиненіе по исторіи православнаго пѣнія, удостоенное преміи академіи наукъ и долженствовавшее выйдти изъ печати еще лѣтомъ минувшаго года, но появленіе котораго было задержано болѣзнью автора. Книга совершенно готова къ печати, но Дуровъ умеръ, еще въ молодыхъ годахъ, страдая разстройствомъ нервной системы.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Крестъ и евангеліе, на которыхъ присягалъ Богданъ Хмѣльницкій на вѣрноподданство Россіи.

Извѣстно, какъ мы относимся къ нашей старинѣ, и мы, переяславцы, знали, что въ нашемъ древнемъ и нѣкогда славномъ городѣ Переяславѣ не сохранилось ничего, что напоминало бы о его древности и славѣ. Извѣстно, напримѣръ, что въ Переяславѣ Богданъ Хмѣльницкій съ малороссійской войсковой старшиной присягалъ на вѣрность русскому царю, и каждый, любитель или не-любитель даже старины, посѣщающій ту церковь, гдѣ совершалась присяга, невольно спроситъ: «а гдѣ же крестъ и евангеліе, которые цѣловалъ Богданъ Хмѣльницкій?» До сихъ поръ на этотъ вопросъ, съ разными варіаціями, впрочемъ, обыкновенно отвѣчали такъ: «а Богъ его знаетъ, гдѣ этотъ крестъ и евангеліе!» Та церковь, гдѣ была принесена присяга, сгорѣла еще въ прошломъ столѣтіи; вскорѣ затѣмъ возобновленная, она опять горѣла въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, и построенная затѣмъ вновь, почему-то была упразднена въ пятидесятыхъ годахъ. (Прочное зданіе этой церкви стоитъ и до сихъ поръ). При всѣхъ этихъ событіяхъ, однако, какъ извѣстно документально, церковная утварь была сохраняема; а по упраздненіи церкви, утварь была размѣщена по разнымъ церквямъ города Переяслава; но описи розданной утвари не сохранилось, или таковая не была даже и составлена. По устному преданію, извѣстно также, что евангеліе, украшенное драгоцѣнными каменьями и будто бы съ надписью о присягѣ Хмѣльницкаго, было взято изъ этой церкви, въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, въ городъ Полтаву, извѣстнымъ любителемъ старины епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ Наѳанаиломъ. Изъ всей утвари упраздненной церкви сохранилось въ настоящее время маленькое евангеліе и два креста одинъ большой, другой малый, хранящіеся въ переяславской кладбищенской церкви. Зная все это и не разъ безуспѣшно допытываясь: гдѣ же крестъ и евангеліе, на которыхъ присягалъ Хмѣльницкій? — я былъ весьма удивленъ, прочитавъ въ статьѣ покойнаго Н. Й. Костомарова «Поѣздка въ Переяславъ» («Историческій Вѣстникъ», декабрь 1885 г.) описаніе креста и евангелія, на которыхъ присягалъ Хмѣльницкій съ малороссійской старшиной, и что къ этому кресту и евангелію, какъ говоритъ г. В. Горленко въ статьѣ своей «Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ» («Кіевская Старина», январь 1886 г.), «набожно приложился историкъ эпохи Хмѣльницкаго».

Дѣйствительно ли это тотъ самый крестъ и то самое евангеліе, которые цѣловалъ Хмѣльницкій? Изъ уваженія къ памяти покойнаго Н. И. Костомарова, я считаю нужнымъ изложить нѣкоторыя обстоятельства, давшія, вѣроятно, поводъ ввести въ заблужденіе почтеннаго историка.

Въ 1878 или 1879 году, я встрѣтился въ Переяславѣ съ археологомъ Т. В. Кибальчичемъ, который, по порученію его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича, пріѣхалъ въ Переяславъ, для изслѣдованія предполагаемыхъ остатковъ старинной церкви, гдѣ присягалъ Хмѣльницкій. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ г. Кибальчичемъ упраздненную церковь, мы отправились въ домъ къ настоятелю этой церкви протоіерею Т. (хотя церковь упразднена, но церковный причтъ существуетъ, такъ какъ церковь

эта располагаетъ значительнымъ имѣніемъ подъ Переяславомъ, кажется, въ 400 или 500 десятинъ земли), куда отецъ протоіерей приказалъ принести сохранившуюся церковную утварь упраздненной церкви, ибо осмотръ этой утвари входилъ тоже въ задачу, возложенную на г. Кибальчича. Къ отцу протоіерею собрались также гг. члены существовавшаго въ то время въ Переяславѣ комитета по постройкѣ новой церкви на мѣстѣ старой упраздненной. Ожидая принесенія церковной утвари, всѣ, конечно, надѣялись увидѣть прежде всего крестъ и евангеліе, на которомъ присягалъ Хмѣльницкій. Дѣйствительно изъ кладбищенской церкви принесли все, что сохранилось изъ церковной утвари: два креста—одинъ маленькій, другой большой, аршина въ два, серебряный, вызолоченный (съ надписью «1650 г.» и съ именемъ жертвователя) и маленькое евангеліе въ темнозеленомъ бархатномъ переплетѣ, львовской печати 1654 года. «Гдѣ же евангеліе и крестъ, на которыхъ присягалъ Хмѣльницкій?»—спросилъ г. Кибальчичъ; но на этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить.

Тогда не помню кто опять повторилъ извѣстное сказаніе, что подлинное евангеліе съ надписью о присягѣ Хмѣльницкаго взято въ Полтаву преосвященнымъ Наѳанаиломъ, а гдѣ крестъ—неизвѣстно; можетъ быть, который нибудь изъ этихъ двухъ, а можетъ быть и нѣтъ. Намъ всѣмъ стало немножко стыдно, если не за себя, то за людей, не умѣвшихъ сохранить столь драгоцѣнныхъ и священныхъ предметовъ. Значительную долю этого стыда, казалось, испытывалъ протоіерей Т. за своихъ предшественниковъ, священниковъ упраздненной церкви. Г. Кибальчичъ не безъ ироніи замѣтилъ: «за неимѣніемъ ничего другаго, приходится признать, что это то евангеліе, на которомъ присягала войсковая старшина!» Что же касается креста, то здѣсь предстоялъ выборъ между двумя крестами, большимъ и малымъ. Г. Кибальчичъ, зная археологическія тонкости, не могъ не признать, что малый крестъ позднѣйшей работы, а потому пришлось остановиться на большомъ крестѣ; причемъ слѣдуетъ допустить, что большой крестъ, во время присяги, кто нибудь держалъ на манеръ жезла, или алебарды, и присягавшіе подходили цѣловать его. Такое объясненіе не удовлетворило, конечно, никого, и меньше всего г. Кибальчича. Въ самомъ дѣлѣ, оставляя даже въ сторонѣ сказаніе о взятомъ въ Полтаву евангеліи, нельзя допустить, чтобы въ главной церкви Переяслава, во времена Хмѣльницкаго бывшей военнымъ соборомъ страны, гдѣ все населеніе было военное, не имѣлось другаго евангелія, кромѣ этого малаго евангелія, уцѣлѣвшаго до нашихъ дней. Нельзя также допустить, чтобы такое торжественное событіе, какъ присяга на вѣрность русскому царю, для котораго пріѣзжали послы отъ царя, долженствовавшіе также цѣловать крестъ и евангеліе, Хмѣльницкій или его приближенные не постарались обставить извѣстной пышностью и торжественностью, на что они довольно насмотрѣлись въ Польшѣ; а при всей скромности и простотѣ домашней обстановки, богатое оружіе и богатая церковная утварь составляли единственную пышность и роскошь нашихъ предковъ. И такъ, если допустить даже, что это скромное евангеліе находилось тогда уже въ Переяславѣ (на евангеліи годъ печати означенъ 1654, а присяга совершилась въ 1656 г.), то не можетъ быть, чтобы оно было положено на аналой для торжественной присяги, и чтобы въ Переяславѣ не нашлось другаго болѣе роскошнаго и бо́льшаго евангелія, если даже это скромное евангеліе было единственное въ церкви, гдѣ совершалась присяга. Не можетъ быть также, чтобы крестъ для

цѣлованія не былъ положенъ на аналой рядомъ съ евангеліемъ, а его держалъ кто нибудь въ рукахъ на манеръ жезла; на аналоѣ же онъ бы не умѣстился.

Итакъ, къ какому же кресту и евангелію набожно приложился историкъ эпохи Хмѣльницкаго?

Дѣло это, повидимому, объясняется такъ. Покойный историкъ, знавшій, конечно, какъ обращаются со стариною и сохраняютъ ее, но не допускавшій, вѣроятно, возможности, чтобы крестъ и евангеліе, на которыхъ присягала малороссійская старшина, были бы утеряны въ сердцѣ Малороссіи, въ самомъ Переяславѣ, попросилъ показать эти священные предметы; а настоятель церкви протоіерей Т*, помня обстоятельства разсмотрѣнія утвари въ присутствіи г. Кибальчича, не имѣлъ духа сказать г. Костомарову прямо: «а Богъ его знаетъ, гдѣ тотъ крестъ и евангеліе!» и показалъ ему единственно уцѣлѣвшій крестъ и евангеліе, и такимъ образомъ при смягчающихъ обстоятельствахъ ввелъ въ заблужденіе почтеннаго историка.

Нужно пожелать, чтобы теперь протоіерей Т* для исправленія своего невольнаго прегрѣшенія употребилъ всѣ усилія для розысканія подлиннаго евангелія и креста. Опросомъ переяславскихъ старожиловъ (и въ особенности лицъ, принадлежавшихъ къ церковному причту упраздненной церкви), разсмотрѣніемъ архивовъ, какъ въ переяславскихъ церквяхъ, такъ и въ церкви при полтавскомъ архіерейскомъ домѣ, быть можетъ, удастся напасть на слѣдъ и возвратить Переяславу подлинное евангеліе. Такъ, напримѣръ, недавно въ 1885 году, съ благословенія теперешняго епископа полтавскаго и переяславскаго была уступлена изъ переяславской Покровской церкви рѣдкая икона (послѣдній остатокъ старины въ Переяславѣ), и слѣдъ объ этомъ распоряженіи остался въ церкви, въ видѣ телеграммы епископа; очень можетъ быть, что нибудь подобное: записка, письменное приказаніе, запись какая нибудь, найдется и относительно утеряннаго евангелія и креста. Но если эти священные предметы и не будутъ розысканы, то во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы, вольно или невольно, вводить кого бы то ни было въ заблужденіе относительно подлинности креста и евангелія, которые цѣловалъ Хмѣльницкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не высказать пожеланія, чтобы было издано узаконеніе, которымъ воспрещалось бы—что бы то ни было брать, уступать, продавать изъ церквей, такъ какъ очень часто взятые изъ церквей рѣдкіе предметы попадаютъ въ руки отдѣльныхъ лицъ и пропадаютъ безслѣдно.

И. Ильяшенко.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

Казни безумца, цезарь!
Онъ богохульствуетъ!

НЕРОНЪ, повелительно.

Молчите!

Старику.

Ты
Вѣдь молишься кому нибудь?

СТАРИКЪ.

Молюся.

НЕРОНЪ.

Кому же?

СТАРИКЪ.

Человѣческому сыну
И вмѣстѣ Сыну Божію.

НЕРОНЪ, Поппеѣ.

Есть смыслъ
Въ его отвѣтѣ. Да, для человѣка
Лишь человѣкъ быть долженъ божествомъ.
Вотъ почему весь Римъ благоговѣйно
Божественность Нерона признаетъ...
Не понимаю, отчего считаютъ
Ихъ секту нечестивою: они
О многомъ судятъ очень справедливо.

ПОППЕЯ.

Что говоришь ты, цезарь: волшебствомъ
Полно ученье ихъ...

НЕРОНЪ.

Ты суевѣрна
Была всегда, Поппея. Таковы
Всѣ женщины.

Старику.

Послушай, другъ, свободу
Я возвращу тебѣ, но поклянись,
Что вѣришь ты въ божественность рожденья
Нерона-цезаря.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ! ты рожденъ
Изъ персти, какъ и я. Земнымъ владыкой
Поставленъ ты и въ гордости своей
Равняться съ божествомъ небесъ дерзаешь!
Безумная мечта! Ты сынъ грѣха,
Ты служишь злу, какъ рабъ; ты наполняешь
Надменностью и блудодѣйствомъ міръ!
Убійца ты людей! Тебя погубитъ
Твое высокомѣріе. Во прахъ
Пади лицомъ, молись Тому, Кто держитъ
Твою судьбу въ своей десницѣ сильной,
Молись, чтобы Создатель надъ тобой
Умилосердился, пока не поздно!

НЕРОНЪ, презрительно.

Я говорю съ тобой, старикъ, — и я,
По твоему, высокомѣренъ!

НАРОДЪ.

Цезарь,
На крестъ измѣнника! Казни его!

НЕРОНЪ, къ народу.

Молчите!

Старику.

Кто же, объясни, безумецъ,
Сынъ человѣческій, кого ты чтишь?
Не бунтовщикъ ли онъ? О, если такъ —
Твоя надежда на него напрасна:
Онъ не спасетъ тебя, и ты умрешь...
Чего же отъ него ты ожидаешь?

СТАРИКЪ.

Хочу ему уподобиться.

ПОППЕЯ.

Онъ
Желаетъ божеству уподобиться:
Вотъ странная причуда.

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Не время ли окончить съ нечестивцемъ:
Онъ забывается...

НАРОДЪ.

На крестъ, на крестъ его!

НЕРОНЪ.

Терпѣнье, граждане. Быть можетъ, скоро
Онъ уподобится тому, кого
Мечтой безумной создалъ.

СТАРИКЪ.

О, когда бы,
Какъ Онъ, я принялъ на крестѣ страданье
И умеръ за Его завѣтъ святой!

ПОППЕЯ.

Твое желаніе легко исполнить.

СТАРИКЪ, вдохновенно.

Господь! Ужель желанный часъ насталъ —
И я Тебѣ послѣдую и буду,
Какъ Ты, висѣть на древѣ и сносить
Съ терпѣніемъ и кротостію муку,
Подъятую за этотъ грѣшный міръ...
Да озаритъ меня священный свѣтъ,
Въ Твоихъ очахъ сіявшій въ то мгновенье,
Когда Ты, умирающій, изрекъ
Глаголъ любви святой и всепрощенья!
О, если бы, Спаситель мой, я могъ
Подняться до Тебя и мукой крестной
Стяжать блаженство вѣчности небесной!

НЕРОНЪ.

Ты хочешь на крестѣ висѣть, старикъ?
Я это удовольствіе доставлю
Безумью твоему. Ты высоко
Сбираешься летѣть съ земли на небо,
Такъ пусть повыше вознесется крестъ.

СТАРИКЪ, въ мистическомъ восторгѣ.

Да, онъ превыше міра вознесется,
Небеснымъ свѣтомъ озаряя тьму,
И благодать креста на міръ прольется,
И люди всѣ поклонятся ему!
И царство новое любви и правды
Воздвигнетъ Богъ, страдавшій на крестѣ,

И призоветъ къ Себѣ рабовъ и нищихъ,
Униженныхъ, трудомъ обремененныхъ,
И облегчитъ ихъ бремя, уврачуетъ
Страдальцевъ истомленныя сердца
И жаждущихъ покоя и свободы
Изъ чаши жизни вѣчной напоитъ!..
Спаситель міра, кровью искупившій
Его грѣхи! Тебя я вижу тамъ,
На небесахъ: вѣнцомъ блистаютъ звѣзды
Вокругъ престола Твоего, хвалу
Тебѣ возносятъ сонмы серафимовъ!
Иду къ Тебѣ съ послѣднею мольбой:
Страданьемъ правду Твоего Завѣта
Запечатлѣть готовъ я до конца:
Прими меня, Богъ истины и свѣта,
На лоно Твоего предвѣчнаго Отца!

Съ молитвой упадаетъ на колѣни.

ПОППЕЯ.

Твое величье, цезарь, побѣдило
Упрямаго безумца.

ТИГИЛИНЪ.

Онъ мечталъ,
Какъ будто видѣлъ Аполлона въ блескѣ
Его лучей.

ПОППЕЯ.

Нерона видѣлъ онъ!

НЕРОНЪ.

Да, ты сказала правду. Я воздвигну
Колоссъ изъ мѣди: пусть, какъ новый богъ,
Изображенный имъ, мой образъ будетъ
Надъ Римомъ возноситься.

Христіанину.

Ну, старикъ,
Хоть мнѣ и жаль тебя, но по закону
За поношенье цезаря принять
Ты долженъ казнь.

НАРОДЪ.

На крестъ, на крестъ его!

СТАРИКЪ.

Не къ смерти — къ новой жизни я иду:
Я на крестѣ спасенье обрящу...

АКТЕЯ, бросается къ старику.

Ты не одинъ умрешь!

СТАРИКЪ.

О, дочь моя!

АКТЕЯ, Нерону.

Молю тебя и заклинаю, цезарь,
Дай повелѣнье и меня казнить:
Я христіанка также. Онъ наставилъ
Меня въ завѣтахъ новаго ученья:
Я вѣрю въ Бога истины, какъ онъ,
И отвергаю ложные кумиры,
Которыхъ прежде чтила за боговъ.

НЕРОНЪ.

Актея, перестань. Твои слова —
Порывъ мечты ребяческой. Для жизни
Ты создана и глупо умирать
Тебѣ, дитя, изъ-за нелѣпыхъ бредней
Безумнаго бродяги. Онъ тѣмъ больше
Достоинъ казни, что смущаетъ юность
И красоту нечестіемъ своимъ.

СТАРИКЪ.

Да, дочь моя, живи. Еще не время
Тебѣ принять страданье. Укрѣпляй
Въ святыхъ завѣтахъ молодую душу
И, день настанетъ, — воззоветъ Господь
Тебя на подвигъ благостный, какъ нынѣ
Воззвалъ онъ недостойнаго раба.

НАРОДЪ.

Смерть христіанкѣ! Въ циркъ ее! звѣрямъ!

ПОППЕЯ.

Народъ разумно судитъ: христіанка
Виновна столько жъ, какъ и тотъ старикъ...

НЕРОНЪ.

Кто изъ людей виновенъ, кто невиненъ, —
Судьба, казня и милуя, о томъ
Не спрашиваетъ насъ. Таковъ и цезарь!

Тигилину.

Ты отвѣчаешь, Тигилинъ, за жизнь
И безопасность дѣвушки. Пусть стража
Ее хранитъ отъ черни. Во дворцѣ
Она останется, или уйдти захочетъ, —
Исполни по ея желанью.

НАРОДЪ.

Нѣтъ,
Смерть христіанкѣ! Миловать ее
Ты, цезарь, не имѣешь права! Намъ
Отдай ее!

НЕРОНЪ.

Я не имѣю права,
Я—цезарь вашъ! Какъ смѣете, глупцы,
Вы буйствовать предъ вашимъ властелиномъ?
Мнѣ стоитъ сдѣлать знакъ одинъ—и вы
Падете подъ мечомъ преторіанцевъ,
Какъ падаютъ колосья подъ серпомъ!
Я такъ хочу, и этого довольно!
Довольно для меня, для васъ, для всѣхъ.
На жертву вашей ярости безумной
Сѣдаго изувѣра отдалъ я:
Ступайте наслаждаться представленьемъ,
Чтò благосклонно цезарь вамъ даритъ.
Пора окончить это.

Стражѣ.

Уведите
И старика, и дѣвушку.

Стража окружаетъ старика и Актею.

СТАРИКЪ, благословляя Актею.

Прощай,
О, дочь моя! Въ иномъ блаженномъ мірѣ
Мы свидимся съ тобою. Будь тверда
Въ завѣтахъ слова Божія!..

АКТЕЯ.

Отецъ мой,
Прощай, прощай...

Рыдая, замираетъ у него на груди. Стражи разлучаютъ ихъ и уводятъ въ разныя стороны. Народъ слѣдуетъ за старикомъ.

СЦЕНА VI.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ.

НЕРОНЪ.

Послушай, Тигилинъ:
Не нравится мнѣ это своевольство
Безумной черни. Я люблю, порой,
Веселье грубое плебеевъ видѣть,
Но не люблю ихъ дерзости. Народъ
Предъ властелиномъ долженъ преклоняться
И почитать его, какъ божество.
Тебѣ принять необходимо мѣры...

ТИГИЛИНЪ.

Великодушный цезарь, что̀ могу
Я сдѣлать, если твоего величья
Не уважаютъ предъ народомъ тѣ,
Кто раздѣляетъ власть твою надъ Римомъ...

НЕРОНЪ.

О комъ ты говоришь?

ТИГИЛИНЪ.

Объ Агриппинѣ.

НЕРОНЪ.

Опять она! И тутъ она! Проклятье!..

ТИГИЛИНЪ.

Прости меня, властитель, что дерзаю
Я правду высказать: императрица
Народъ смущаетъ, осуждая вслухъ
Предъ нимъ дѣянья цезаря...

НЕРОНЪ.

Клянуся,
Ты на нее клевещешь, или я
Тебя не понимаю.

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Я преданный твой рабъ. Въ моихъ словахъ
Нѣтъ клеветы.

НЕРОНЪ.

Когда же это было?

ТИГИЛИНЪ.

Сейчасъ. Когда мятежная толпа
Передъ дворцомъ шумѣла и у стражи
Актею порывалася отбить,
Императрица вышла на террасу
И, это зрѣлище увидѣвъ, вдругъ
Сказала громко передъ всѣми съ гнѣвомъ:
«Вотъ до чего довелъ себя Неронъ!
Народъ, его дѣлами оскорбленный,
Предъ цезарскимъ дворцомъ творитъ расправу
Съ его... съ его»... Я цезарь не дерзну
Слова тѣ вымолвить...

НЕРОНЪ.

Хочу я слышать
Все до конца. Ну, говори!

ТИГИЛИНЪ.

«Съ его
Безстыдными любовницами».

ПОППЕЯ.

Видишь,
Меня предчувствіе не обмануло,
Я угадала сердцемъ: Агриппина
Замѣшана...

НЕРОНЪ, *гнѣвно*.

Она сказала это!
Она осмѣлилась!.. Она... Клянусь,
Я положу конецъ ея безумью

И злобѣ мстительной! Иначе мнѣ
Тронъ уступить придется Агриппинѣ
И стать рабомъ ея. Она, иль я—
Нѣтъ выбора. Мы жить не можемъ вмѣстѣ.

Тигилину.

Иди и волю объяви мою
Императрицѣ: я повелѣваю
Ей удалиться въ Анціумъ

Поппеѣ.

Она
Оттуда не вернется: окружу я
Преторіанцами ее, смотрѣть
За нею будутъ крѣпко.

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Позволишь ли сказать мнѣ..

НЕРОНЪ.

Говори.

ТИГИЛИНЪ.

Небезопасно это. Агриппина
Преторіанцевъ возмутитъ, повѣрь...
Ты замысловъ ея не знаешь тайныхъ:
Когда и здѣсь, вблизи тебя, она
Измѣну замышляетъ и не только
Волнуетъ чернь, вступаетъ съ ней въ союзъ,
Но даже и друзей твоихъ коварно
Любовью обольщаетъ, чтобы ихъ
Противъ тебя возстановить...

ПОППЕЯ, торопливо перебивая его.

Онъ правъ:
Ты долженъ мужествомъ вооружиться
И быстрою рѣшимостью...

НЕРОНЪ.

Мечомъ
Вооружиться долженъ я: онъ скоро
И вѣрно поражаетъ... Тигилинъ,
Что ты объ этомъ скажешь?

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Я думаю, что нужно поискать
Инаго средства... Въ Капуѣ однажды
Я былъ въ театрѣ. Сцену всю водой
Наполнили. Красивая галера
Съ пурпурнымъ флагомъ по волнамъ плыла,
Но вдругъ, предъ изумленною толпою,
Ея корма раскрылась, точно пасть,
Медвѣдей, львовъ и пестрыхъ тигровъ стаю
Выбрасывая изнутри. Въ борьбѣ
Между собой жестокой, съ дикимъ воемъ,
Они тонули въ безднѣ темныхъ водъ;
Потомъ корма закрылась вновь безъ шума...
Всѣ зрители пришли въ восторгъ, театръ
Дрожалъ отъ криковъ и рукоплесканій...

НЕРОНЪ.

Постой, зачѣмъ разсказываешь ты
Мнѣ этотъ вздоръ?

ТИГИЛИНЪ.

Великодушный цезарь,
Послушай терпѣливо до конца:
Со мною вмѣстѣ былъ тогда въ театрѣ
Пріятель мой давнишній Аницетъ...

НЕРОНЪ.

Начальникъ надъ Мизенскою эскадрой?

ТИГИЛИНЪ.

Да, цезарь, онъ. Понравилась ему
Галера эта съ раздвижной кормою
И онъ купилъ ее себѣ. Теперь
На ней онъ часто плаваетъ въ заливѣ...

НЕРОНЪ.

Ну, что жъ замолкъ ты? Продолжай разсказъ.

ТИГИЛИНЪ.

Я кончилъ, цезарь.

НЕРОНЪ, *пристально смотря ему въ глаза.*

Кончилъ?

ТИГИЛИНЪ.

Мнѣ сдается,
Императрица въ Анціумъ отплыть
Могла бы въ той галерѣ съ Аницетомъ.

НЕРОНЪ.

А!

Молчаніе.

Что задумалась, Поппея, ты?

ПОППЕЯ.

Я думаю о томъ, что море часто
Хоронитъ и пловцовъ, и корабли,
Что море глубоко и молчаливо.

НЕРОНЪ.

Да, ты права. Несчастія порой
Случаются на морѣ и предвидѣть
Никто не можетъ ихъ... Когда бъ она
Внезапно потонула—это случай,
Не болѣе...

ПОППЕЯ.

Стастливый для тебя:
Судьба, пославъ его, твою погибель
Предупредитъ.

НЕРОНЪ.

Зачѣмъ такой цѣной
Ужасною купить себѣ я долженъ
Спокойствіе! Зачѣмъ тяжелый санъ
Властителя ниспосланъ мнѣ богами!

ПОППЕЯ.

Да, слишкомъ кротокъ сердцемъ ты, Неронъ,
Для цезаря. Ты покарать боишься
Преступный умыселъ на власть твою —
Власть императора: вѣдь Агриппина
Ее похитить хочетъ у тебя;
А ты... ты не рѣшаешься измѣну
Предотвратить.

НЕРОНЪ.

О, нѣтъ, клянуся Стиксомъ,
Я накажу ужасно и жестоко

Измѣну государству!.. Если Брутъ
Казнилъ дѣтей за это преступленье,
То сыновья могли казнить отца,
Будь онъ измѣнникомъ. Какъ ты разсудишь
Объ этомъ, Тигилинъ?

ТИГИЛИНЪ.

Я слишкомъ простъ,
Чтобъ разрѣшать подобные вопросы.
Спроси объ этомъ цезарь у Сенеки:
Вѣдь онъ мудрецъ.

НЕРОНЪ.

Ты хорошо сказалъ.
Хотѣлъ бы я такой доставить случай
Для мудрости его: пускай свой лобъ
Онъ хмуритъ надъ нежданною задачей.

Смѣется.

Забавно это будетъ... Но твое
Я, всетаки, желаю слышать мнѣнье.

ТИГИЛИНЪ.

Я, цезарь, не умѣю разсуждать,
Я исполнять умѣю лишь приказы...

НЕРОНЪ.

Однако же, совѣты ты даешь,
И страшные совѣты. Было бъ лучше,
Когда бы, не совѣтуя, ты прямо
Свершилъ свой замыселъ. Но — все равно:
Кто далъ совѣтъ — его исполнить долженъ.
Пусть Аницетъ галеру приготовитъ;
Запомни только: ты отвѣтишь мнѣ
Своею головою за случайность
Съ императрицей на морѣ!

ТИГИЛИНЪ.

Властитель,
Какъ повелишь понять твои слова?

НЕРОНЪ.

Какъ я желаю. Ну, ступай и дѣлай,
Что приказалъ я.

Тигилинъ уходитъ.

ПОППЕЯ, ласкаясь къ нему.

О, Неронъ, будь твердъ
Въ твоемъ рѣшеньѣ.

НЕРОНЪ, обнимаетъ ее.

Милая Поппея,
Мое рѣшенье — приговоръ судьбы.
Тебѣ я повторяю: успокойся,
Забудь свои тревоги...

Подходитъ къ среднему пролету между колоннами и отстраняетъ драпировку.

Посмотри,
Какъ хорошо! Гроза прошла, и солнце
Все озаряетъ радостнымъ лучемъ —
И выси скалъ, и море голубое!
Онѣ все тѣ же, тѣ же, какъ во дни
Привѣтливые золотаго вѣка,
Когда не вѣдалъ преступленья міръ
И люди не томилися враждою...
О, еслибъ мирнымъ пастухомъ я жилъ
Во времена невинныя Сатурна!
Я для любви, для счастія рожденъ,
Для сладкихъ гимновъ, мирнаго веселья...

Хлопаетъ въ ладоши. Входятъ рабы.

Рабы! Танцовщицъ, музыку сюда!
Пусть тѣшатъ намъ весельемъ слухъ и взоры.

Рабы уходятъ.

Моя возлюбленная! будемъ жить
Мгновеньемъ настоящаго прекраснымъ:
Сзовемъ друзей, виномъ наполнимъ чаши!
Пусть дѣвушекъ сирійскихъ хороводъ
Проходитъ передъ нами въ рѣзвой пляскѣ,
Подъ звуки флейтъ, исполненные ласки;
Пусть хоръ пѣвицъ Эроту гимнъ поетъ:
Онъ властелинъ любви и наслажденья,
Отрадны чары жгучія его...
Ахъ, въ этотъ мигъ я жажду одного:
Забвенья, сладострастнаго забвенья!

Увлекаетъ Поппею на одну изъ мраморныхъ скамеекъ и склоняетъ къ ней голову на грудь. Во время послѣднихъ словъ Нерона изъ глубины сцены появляются танцовщицы. Музыка и танцы.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадка, ведущая къ пристани. Посрединѣ широкія ступени, спускающіяся къ морю. Налѣво группа деревьевъ. Направо часть портика съ лѣстницей. На пьедесталахъ балюстрады, окружающей площадку, и на треножникахъ между колоннами портика горятъ огни. На дальнемъ планѣ видъ залива.—Ночь.—Луна.

СЦЕНА I.

Тигилинъ, Аницетъ, входятъ.

ТИГИЛИНЪ.

Такъ все готово у тебя?

АНИЦЕТЪ.

Готово:
Галера ждетъ съ гребцами.

ТИГИЛИНЪ.

Хорошо.
Распорядись сюда причалить. Время.
Отплытьемъ не замедлитъ Агриппина,
А тамъ... ты дѣло сдѣлаешь свое
И море тайну похоронитъ. Помни:
Себѣ и цезарю ты въ эту ночь
Окажешь драгоцѣнную услугу.

АНИЦЕТЪ.

Я помню... но...

ТИГИЛИНЪ.

Послушай, Аницетъ:
Въ дѣлахъ подобныхъ не бываетъ «но».

Когда властитель намъ повелѣваетъ,
То, не колеблясь, говорятъ: «исполню».

АНИЦЕТЪ.

Да; только повелѣнія такія,
Какъ то, что выполнить придется мнѣ,
Изъ устъ властителя я долженъ слышать.

ТИГИЛИНЪ.

На это вотъ что я тебѣ скажу:
Морякъ ты старый, а какъ мальчикъ судишь.
Морскія бури сѣдины твои
Развѣяли и вѣрно вмѣстѣ съ ними
Твой вывѣтрили умъ. Иль хочешь ты,
Чтобъ цезарь вслухъ тебѣ повѣрилъ тайну,
Которую сказать боится онъ
И самому себѣ?

АНИЦЕТЪ.

Ее, однако,
Тебѣ повѣрилъ онъ? Такъ почему же...

ТИГИЛИНЪ.

Онъ повторять не станетъ словъ своихъ;
А тотъ, кто разъ узналъ объ этой тайнѣ
И цезаря желанья не исполнилъ, —
Рискуетъ головою. Можетъ быть,
Жизнь Агриппины для тебя дороже,
Чѣмъ собственная, другъ мой? Можетъ быть,
Ты ей простилъ въ душѣ всѣ оскорбленья,
Что̀ вынесъ отъ нея, и позабылъ
Былую ненависть?

АНИЦЕТЪ.

Я позабуду
Ту ненависть, когда умру.

ТИГИЛИНЪ.

Зачѣмъ
Откладывать такъ долго? Можно раньше:
Когда погибнетъ Агриппина. Вѣрь,
Судьба даетъ тебѣ хорошій случай
Покончить счеты старые, а ты
Колеблешься.

АНИЦЕТЪ.

Ты правъ, клянусь Нептуномъ!
Рѣшился я.

ТИГИЛИНЪ.

Вотъ это мужа рѣчь —
Не мальчика. Иди. Поторопись.
Твоей услуги цезарь не забудетъ
И почестями наградитъ тебя.
Довѣрься парусамъ твоей галеры
И въ гавань счастія примчишься ты,
Когда баластъ повыбросишь излишній.
За дѣло, другъ.

АНИЦЕТЪ.

Иду.

Уходитъ.

ТИГИЛИНЪ.

Сѣдой глупецъ,
Ты испугался. Мудрено ль? — я самъ
Невольно трушу. Кто пойметъ Нерона?
Вчера онъ сдѣлалъ роковой намекъ,
Пылая злобой къ матери, а нынче
Назначилъ праздникъ въ честь ея отъѣзда,
Ей расточаетъ преданность и ласки
Сыновнія. Вошелъ ли, какъ артистъ,
Онъ въ роль свою и ловкимъ лицемѣрьемъ
Укрыть желаетъ умыселъ въ глазахъ
И матери, и Рима, иль проснулась
Въ немъ нѣжность къ Агриппинѣ? — вотъ вопросъ...
Ну, какъ бы ни было: коль онъ задумалъ
Остановиться, отступить, то я
Не отступлю. Она должна погибнуть.
Пусть бездна моря черная поглотитъ
Такую жъ душу черную: тогда
Мы всѣ вздохнемъ свободнѣе...

Въ глубинѣ сцены появляется Неронъ.

Кто это
Идетъ сюда, прикрывъ свое лицо?
Неронъ!

Отходитъ въ сторону.

СЦЕНА II.

Неронъ, Тигилинъ.

НЕРОНЪ, *блѣдный, въ глубокой задумчивости подходитъ медленными шагами, не замѣчая Тигилина.*

Ужели это совершится?
Пройдетъ еще одинъ короткій часъ,
И матери не будетъ у Нерона!..
О, блѣдная, безмолвная луна!
Ужасное и роковое дѣло
Ты въ эту ночь увидишь съ вышины.
Съ тѣхъ поръ, какъ въ грудь преступной Клитемнестры
Орестъ вонзилъ свой ножъ, — не видѣлъ міръ
Такого дѣла... Глубина морская!
Ты въ эту ночь услышишь крикъ предсмертный:
Юпитеръ грохотомъ своихъ громовъ
Не могъ бы такъ потрясть земли основы
И мѣдный сводъ въ небесныхъ высотахъ,
Какъ этотъ крикъ, послѣдній крикъ проклятья
Изъ материнскихъ устъ убійцѣ-сыну!
Ему внимая, море всколыхнется
Въ соленыхъ нѣдрахъ, и въ испугѣ, съ воемъ
Отпрянутъ волны на вершины скалъ!
О, если боги въ небесахъ царятъ
И ихъ существованіе не сказка
Мечтателей безумныхъ, — къ небесамъ
Дойдетъ тотъ крикъ...
Но развѣ сами боги
Подобныхъ дѣлъ ужасныхъ не свершали?
Юпитеръ, что̀ теперь вселенной правитъ,
Низвергнулъ съ трона своего отца...
Я богъ — и слѣдую примѣру бога!
Вотъ оправданье мнѣ... Слова, слова!..
Нѣтъ, я не богъ... Но все жъ земли владыка;
На мнѣ проклятье власти: кто дерзнулъ
Противиться моей могучей волѣ,
Тотъ долженъ умереть... Вотъ оправданье?..
Опять слова пустыя: власть и жизнь
Она дала мнѣ... мать... А я?.. Ужасно!..
Нѣтъ, этого не будетъ. Отмѣню

Свое рѣшенье, подожду. Быть можетъ,
Сама судьба...

Замѣтивъ Тигилина, въ испугѣ вскрикиваетъ.

А! Кто тамъ?

ТИГИЛИНЪ.

Это я,
Великій цезарь.

НЕРОНЪ.

Я за привидѣнье
Тебя въ испугѣ принялъ. Тигилинъ,
Ты не забылъ приказъ мой?

ТИГИЛИНЪ.

Все готово.
Божественный властитель. Аницетъ
Съ своей галерою сейчасъ прибудетъ...

НЕРОНЪ.

Я спрашиваю не о томъ. Приказъ
Вчерашній ты не позабылъ?

ТИГИЛИНЪ.

Могу ли
Я позабыть...

НЕРОНЪ.

Ты долженъ позабыть
Сегодня то, что говорилъ вчера я.
Пусть охраняетъ Аницетъ ее,
Какъ самого меня. Ты понялъ?

ТИГИЛИНЪ.

Цезарь...

НЕРОНЪ.

Не возражай... Смотри, подходитъ кто-то?

ТИГИЛИНЪ, всматривается.

Парисъ съ императрицею.

НЕРОНЪ.

Парисъ?
И съ нею? Тише. Скроемся туда.

Скрываются за колоннами портика.

СЦЕНА III.

Агриппина, Парисъ.

АГРИППИНА.

Наединѣ хочу я хоть минуту
Передъ разлукой провести съ тобой,
Сказать тебѣ хоть слово на прощанье...

ПАРИСЪ.

Насъ могутъ, Августа, замѣтить...

АГРИППИНА.

Нѣтъ,
Не бойся: тамъ всѣ заняты весельемъ,
Всѣ пиршествомъ увлечены. Неронъ —
Я видѣла́ — покинулъ садъ: съ Поппеей
Онъ удалился во дворецъ. Никто
Намъ здѣсь не помѣшаетъ. Дай взглянуть мнѣ
Въ твои глаза, дай хоть одно мгновенье
Мнѣ насладиться красотой твоей,
Мой милый, дорогой Парисъ! Быть можетъ,
Мы долго не увидимся съ тобой...
Меня, ты видишь, изгоняетъ Цезарь...
Я уступила, но не потому,
Чтобъ не могла бороться. Нѣтъ, мой милый,
Есть замыселъ великій у меня.
Тебѣ, лишь одному тебѣ открою
Я эту тайну: тамъ, въ дали отъ нихъ,
Вѣрнѣй я подготовлю ихъ паденье...

ПАРИСЪ.

Паденье... чье?

АГРИППИНА.

Безумца, что̀ возсталъ
На мать родную, жалкаго злодѣя,
Который вздумалъ власть мою смирить,
Унизить Агриппину... передъ кѣмъ?
Предъ куртизанкой подлой, предъ Поппеей!
Я отомщу ему и ей за все.
Я страшно отомщу! Клянусь въ томъ клятвой
Всѣхъ оскорбленныхъ матерей...

ПАРИСЪ.

Твой гнѣвъ,
Божественная Августа, напрасенъ:
На праздникѣ сегодняшнемъ къ тебѣ
Такъ благосклоненъ цезарь, и съ Поппеей
Ты примирилась: предъ тобой она
Склоняется покорно, съ уваженьемъ.

АГРИППИНА.

Ахъ, ты не понимаешь ничего,
Мой ненаглядный, ничего не видишь...
Все это — лицимѣріе одно,
Притворство злобное: они обиду
Изгнанья, униженія хотятъ
Предательскою увеличить лаской...
О, я проникла въ душу ихъ! Они
Глумятся надо мною, торжествуютъ
Свою побѣду. Хорошо. Пускай.
Настанетъ время, и оно, повѣрь мнѣ,
Не далеко: я къ нимъ вернусь. Тогда
Ихъ торжество замѣнятъ вопли смерти...
Есть у меня приверженцы и ждутъ
Они велѣній Агриппины въ тайнѣ:
Я знакъ подамъ...

ПАРИСЪ.

Прости, императрица,
Я не могу внимать такимъ рѣчамъ...

АГРИППИНА.

Чего боишься ты? Для счастья нужно
Отважнымъ быть. Коль любишь ты меня —
Мой замыселъ со мною ты раздѣлишь:
Судьба поможетъ мнѣ, и вознесу
Я высоко тебя. Когда надъ Римомъ
Одна царить я буду,—что тогда
Не сдѣлаю я для тебя, мой милый,
Мой дорогой!.. Но схорони въ душѣ
Покуда эту тайну... Предъ разлукой
Я не могла сдержаться и тебѣ
Открылася невольно. Жди и помни:
Я удаляюсь, чтобъ вернуться вновь
Въ могуществѣ и силѣ и обрушить
На головы враговъ мой гнѣвъ и кару!..
Ну, а теперь, мой дорогой, прощай.

Какъ ни хотѣлось бы съ тобой остаться,
Но надо поспѣшить. Прощай, Парисъ.

Обнимаетъ его.

Дай мнѣ поцѣловать тебя... Ахъ, сколько
Пройдетъ ночей томительныхъ и дней,
Покуда вновь не свижусь я съ тобою.
Прощай, мой милый...

ПАРИСЪ, освобождаясь изъ ея объятій.

Августа, тебя
Богами заклинаю: осторожнѣй...
Насъ могутъ увидать... Прощай.

АГРИППИНА.

Прощай.

Еще разъ страстно его цѣлуетъ и быстро удаляется. Парисъ уходитъ въ другую сторону.

СЦЕНА IV.

Неронъ, Тигилинъ.

НЕРОНЪ, выходитъ изъ-за колонны.

Ты слышалъ?

ТИГИЛИНЪ.

Слышалъ. Замыселъ ужасный!

НЕРОНЪ.

Дай руку мнѣ. Я весь дрожу... Иди
И повтори приказъ мой Аницету.

ТИГИЛИНЪ.

Чтобъ онъ берегъ императрицу?

НЕРОНЪ.

Рабъ!
Ты надо мной смѣешься? Слушай: если
Морская бездна Агриппины трупъ
Не похоронитъ въ эту ночь,—ты самъ
На утро будешь трупомъ: я ручаюсь
Въ томъ словомъ цезаря.

ТИГИЛИНЪ.

Дозволишь ли совѣтъ
Подать тебѣ, властитель: съ Агриппиной
Не худо бы отправить и Париса,
Чтобъ проводить ее въ пріятный путь;
Вдвоемъ имъ, вѣрно, будетъ веселѣе
На днѣ морскомъ.

НЕРОНЪ.

Довольно. Замолчи.
Парисъ судьбы не избѣжитъ... Но послѣ
О немъ подумаемъ.

Въ глубинѣ сцены показывается медленно подплывающая галера, разукрашенная цвѣтами и пурпурными парусами и вымпелами.

А, вотъ она,
Галера Аницета! Какъ изящно
Ее онъ разукрасилъ: паруса
Изъ пурпура... Цвѣтъ крови... Предвѣщанье!..
Идемъ. Пора. Императрицу надо
Съ почетомъ въ путь счастливый проводить...
Проводимъ мы, а тамъ... тритоны встрѣтятъ...
Ха, ха, ха, ха!..

Поспѣшно уходитъ; Тигилинъ слѣдуетъ за нимъ.

СЦЕНА V.

Споръ, Фаонъ, Эпафродитъ.

Входятъ, продолжая разговоръ.

ФАОНЪ.

Помилуй, праздникъ былъ великолѣпенъ...

СПОРЪ.

Да, танцы—чудо, безподобенъ хоръ,
А все не весело.

ЭПАФРОДИТЪ.

Я съ нимъ согласенъ,
Да и могло ль быть весело, когда
За пиршествомъ скучалъ самъ цезарь явно?

СПОРЪ.

Онъ вообще сталъ мраченъ въ эти дни.

ФАОНЪ.

Постой, теперь съ отъѣздомъ Агриппины
Все перемѣнится: блеснетъ опять
Лучъ свѣта и тепла сквозь тьму и холодъ,
Которые навѣяла на насъ
Императрица.

СПОРЪ.

Гарпія,—хотѣлъ ты
Сказать, мой другъ?

ЭПАФРОДИТЪ.

Горгона.

ФАОНЪ.

Какъ она
За ужиномъ глядѣла на Париса:
Вы не замѣтили?

ЭПАФРОДИТЪ.

А что?

ФАОНЪ.

Да такъ...
Клянусь я Полуксомъ, мнѣ показалось,
Что между ними что-то есть. Парисъ
Старался избѣгать привѣтныхъ взглядовъ,
Она жъ его глазами просто ѣла,
Какъ будто не актеръ былъ передъ ней,
А блюдо устрицъ вкусныхъ.

Смѣются.

ЭПАФРОДИТЪ.

Если вѣрно
Замѣтилъ ты, то жалко, что она
Не проглотила нашего красавца.

СПОРЪ.

И имъ не подавилась.

Въ это время выходитъ Ватиній; они не замѣчаютъ его.

ЭПАФРОДИТЪ.

Не люблю
Я этого холоднаго фигляра...

СПОРЪ.

Теперь есть сотоварищъ у него:
Ватиній. На пиру онъ нестерпимо
Дурачился, смѣялся надъ гостями...

ФАОНЪ.

Да, этотъ новый шутъ — какъ всѣ шуты.
Съ запасомъ старыхъ глупостей...

ВАТИНІЙ, подходя.

Которымъ,
Однако же, смѣялся очень ты
И гости всѣ смѣялись хоромъ.

ФАОНЪ.

Надъ глупостями дурака
Смѣяться на пиру — прилично,
А все же честь тому не велика,
Кто глупостью смѣшитъ публично.

ВАТИНІЙ.

Согласенъ. Но замѣть, Фаонъ,
Какъ странны глупости бываютъ:
Коль ими восхищается Неронъ, —
Онѣ другихъ тотчасъ же восхищаютъ!
Обычай что ли здѣсь таковъ,
Иль цезарь — богъ, но только разомъ
Онъ возвышаетъ дураковъ
И признавать въ нихъ заставляетъ разумъ.
Вотъ хоть бы ты, Эпафродитъ и Споръ, —
Я говорю, конечно, для примѣра...

ЭПАФРОДИТЪ, перебивая.

И по привычкѣ говоришь ты вздоръ...

СПОРЪ, сердито.

Оставь насъ, шутъ.

Ватиній отходитъ, смѣясь.

Смотрите, вонъ галера
Для Агриппины.

ФАОНЪ.

Старый Аницетъ,
Я вижу, постарался.

ЭПАФРОДИТЪ.

Да, не дурно...

СПОРЪ.

Какъ чудно отливаетъ лунный свѣтъ
На ткани парусовъ пурпурной.

За сценой музыка.

Что это: цезарь съ Агриппиной?

ЭПАФРОДИТЪ.

Да,
Они подходятъ.

ФАОНЪ.

Часъ насталъ отплытья...

СПОРЪ, комически вздымая руки къ небу.

Теперь примусь боговъ молить я
О томъ, чтобъ Агриппина... никогда
Не возвращалась болѣе сюда.

СЦЕНА VI.

Неронъ, Агриппина, Поппея, Тигилинъ, Парисъ, Аницетъ, Ацерронія; толпа гостей Нерона.

Неронъ выходитъ съ Агриппиной на авансцену, остальные располагаются въ глубинѣ сцены.

НЕРОНЪ.

Напрасно, матушка, спѣшишь. Дозавтра
Твое отплытье можно отложить.
Ужъ поздно. Отдохни-ка послѣ пира
Въ опочивальнѣ.

АГРИППИНА.

Нѣтъ, мой милый сынъ,
Я отдохну въ пути. Благопріятна
Для плаванья погода: ночь тиха,
Діана свѣтитъ въ небѣ...

Увидѣвъ галеру.

Ахъ, какая
Прекрасная галера! Паруса
Пурпурные сіяютъ, точно крылья
У лебедя, когда онъ по волнамъ
Скользитъ, облитый розовымъ сіяньемъ
Авроры восходящей.

НЕРОНЪ.

Я велѣлъ
Галеру разукрасить, чтобъ достойна
Она была императрицы Рима.
Мы примирилися: пусть видятъ всѣ,
Какъ чту тебя.

АГРИППИНА.

Благодарю... Однако жъ,
Меня ты удаляешь, а Поппея...
Она съ тобою остается здѣсь...

НЕРОНЪ.

Не упрекай меня. Пойми: разлука
Короткая необходима намъ.
Будь снисходительна. Ты знаешь, скоро
Проходятъ увлеченія мои...
Когда вернешься ты, — я обѣщаю, —
Не будетъ никого между тобой
И сыномъ вѣтрянымъ твоимъ.

АГРИППИНА.

Пусть боги
Тебя въ рѣшеньѣ добромъ укрѣпятъ!
Повѣрь, Неронъ, ничья любовь не можетъ
Сравниться съ материнскою любовью...

НЕРОНЪ.

Я это знаю.

АГРИППИНА.

Даже самый гнѣвъ
Такой любви — тревожная забота
О дѣтищѣ родномъ... Скажи, кому
Довѣрилъ ты галеру?

НЕРОНЪ.

Аницету.

АГРИППИНА.

Какъ Аницету? Этотъ человѣкъ
Всегда ко мнѣ былъ полонъ непріязнью.

НЕРОНЪ.

Я порученіемъ такимъ ему
Хотѣлъ дать случай непріязнь былую
Услугой новою загладить. Онъ
Немного грубъ, но опытенъ на морѣ,
Ты имъ довольна будешь въ этотъ разъ.

АГРИППИНА.

Не знаю почему, но я внезапно
Почувствовала слабость...

НЕРОНЪ, смотритъ пристально ей въ глаза.

Если такъ,
То отложи отплытіе дозавтра.

АГРИППИНА.

Нѣтъ, нѣтъ... къ чему... Не надо поддаваться
Капризу нервовъ... Что хотѣла я?..
Да...

Оглядывается и подзываетъ Ацерронію знакомъ.

Ацерронія, ты говорила
Мнѣ поутру, что мой любимый дроздъ
Тревожно бился въ клѣткѣ?

АЦЕРРОНІЯ.

И кричалъ онъ:
«Не уѣзжай! не уѣзжай!» такъ долго,
Какъ прежде не случалось. Никогда
Въ такомъ волненьѣ странномъ эту птичку
Я не видала.

АГРИППИНА.

Бѣдная, она
Предчувствовала долгую разлуку
Съ своей хозяйкой...

АЦЕРРОНІЯ.

Августа, позволь
Поправить твой вѣнокъ: онъ распустился.

АГРИППИНА, снимаетъ вѣнокъ.

Пора и снять его... Ахъ, этихъ розъ
Пріятенъ ароматъ и блескъ ихъ нѣженъ...

НЕРОНЪ.

То розы Пестума.

АГРИППИНА.

Онѣ цвѣтутъ
Два раза въ годъ, — не правда ли?

НЕРОНЪ.

Два раза.

АГРИППИНА.

Подумаешь: какъ любятъ жизнь онѣ!..

Отдаетъ вѣнокъ Ацерроніи.

Ну, дорогой мой сынъ, простимся. Время.

НЕРОНЪ, съ внезапнымъ порывомъ.

Прощай, о матушка!

Обнимаетъ Агриппину и нѣсколько разъ цѣлуетъ ее въ лобъ, грудь и губы.

АГРИППИНА.

Прощай, Неронъ.

Неронъ подаетъ руку Агриппинѣ и ведетъ ее въ глубину сцены къ галерѣ; за ними слѣдуютъ всѣ остальные. Рабы съ факелами сопровождаютъ шествіе; Аницетъ и Тигилинъ отстаютъ отъ прочихъ.

ТИГИЛИНЪ, торопливо, шопотомъ.

Такъ помнишь уговоръ: лишь то свершится...

АНИЦЕТЪ, также.

Я тотчасъ въ лодку — и плыву сюда.

ТИГИЛИНЪ.

Ты цезарю доставишь самъ извѣстье:
Тогда вѣрнѣй награда. Ну, смотри,
Рѣшительнѣе и умнѣе дѣйствуй,
И да помогутъ, Аницетъ, тебѣ
Всѣ боги Тартара! Идемъ скорѣе...

Уходятъ за другими. Всѣ группируются около галеры, въ глубинѣ сцены. Агриппина еще разъ прощается съ Нерономъ, съ Поппеей и прочими и всходитъ на галеру въ сопровожденіи Ацерроніи и Аницета. Музыка. Крики: «Счастливый путь, божественная Августа»! Галера медленно уплываетъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Терраса надъ моремъ, огражденная баллюстрадой. Налѣво часть лѣстницы, ведущей внизъ. Направо колоннада. Посрединѣ столы и ложи съ шелковыми подушками. На столахъ кубки, чаши, фрукты и проч. Зажженные канделябры и курильницы. — Ночь. Яркое лунное освѣщеніе.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ, Парисъ, Споръ, Эпафродитъ, Фаонъ, гости.

Всѣ возвращаются по лѣстницѣ на террасу, въ сопровожденіи рабовъ съ факелами. Рабы уходятъ. Неронъ ложится на ложе, ближайшее къ авансценѣ; рядомъ съ нимъ Поппея; остальные располагаются на другихъ ложахъ. Тигилинъ стоитъ у баллюстрады террасы и всматривается въ даль.

НЕРОНЪ, блѣдный, снимаетъ вѣнокъ съ головы.

Какъ я усталъ... Что, Тигилинъ, галера
Еще видна?

ТИГИЛИНЪ.

Она летитъ впередъ,
Пурпурными сверкая парусами,
Какъ будто призракъ.

НЕРОНЪ, вздрогнувъ.

Что, что ты сказалъ?
Гдѣ призракъ, гдѣ?

ТИГИЛИНЪ.

Я говорю, властитель,
Галера скрылась въ сумракѣ ночномъ,
Подобно призраку.

НЕРОНЪ.

Да, съ нею скрылась...

Поппеѣ, шопотомъ.

Теперь ее ужъ больше никогда
Я въ жизни не увижу. Океаномъ
Межъ мной и матерью моей легло
Пространство узкое воды, что могъ бы
Легко пловецъ хорошій переплыть...
Я дорого бы далъ, чтобы скорѣе
Все кончилось.

ПОППЕЯ.

Зачѣмъ себя терзать
Тревогою о томъ, что неизбѣжно
Должно случиться?

НЕРОНЪ.

Ахъ, мой гнѣвъ погасъ
И ненависть прошла. Остались муки
Воспоминанья горькаго о томъ,
Какъ я въ послѣдній разъ припалъ къ груди,
Къ челу ея, къ устамъ. Ребенкомъ я
Когда-то также цѣловалъ... О, нѣтъ,
Не такъ я цѣловалъ тогда... Ужасно
Объ этомъ думать.

Закрываетъ лицо руками.

ПОППЕЯ.

Перестань, очнись...
На насъ глядятъ.

ТИГИЛИНЪ, подходитъ къ Нерону, тихо.

Не падай, цезарь, духомъ.

НЕРОНЪ.

Дай мнѣ вина... и пусть всѣ гости пьютъ,
Пусть звукъ веселыхъ пѣсенъ заглушаетъ
Мою тоску...

Тигилинъ даетъ знакъ рабамъ, они подносятъ чаши цезарю и гостямъ. Общее оживленіе. Изъ колоннады выходитъ хоръ и располагается въ глубинѣ сцены.

ХОРЪ.

Молодая, золотая
Прилетѣла къ намъ весна,—
Подъ веселымъ солнцемъ мая
Вся природа, расцвѣтая,
Пробудилася отъ сна.

***

На коврахъ луговъ зеленыхъ
Взорамъ нѣжный шлютъ привѣтъ
Розы юныя въ коронахъ
И нарцисъ, и первоцвѣтъ.

***

Изумрудною листвою
Вязъ покрылся и, обвитъ
Виноградною лозою,
Клонитъ вѣтви надъ рѣкою,
Чтò сверкаетъ и журчитъ...

***

Воздухъ полонъ ароматомъ
И среди густыхъ вѣтвей
Несмолкаемымъ раскатомъ
Трель заводитъ соловей.

***

Молодая, золотая
Прилетѣла къ намъ весна;
Подъ веселымъ солнцемъ мая
Вся природа, расцвѣтая,
Пробудилася отъ сна!

По знаку Нерона, хоръ смолкаетъ.

НЕРОНЪ, знакомъ подозвавъ Тигилина, тихо.

Какъ думаешь, теперь
Окончилося все?

ТИГИЛИНЪ.

Властитель...

НЕРОНЪ, вскочивъ съ ложа.

Что ты
Глядишь, какъ на убійцу, на меня?
Зачѣмъ ты поблѣднѣлъ? Не я убійца,
А ты!..

ПОППЕЯ.

Неронъ, опомнись... Тише...

НЕРОНЪ.

Да, тише, тише... Пусть теперь настанетъ
Такая тишина, чтобъ ночь могла
Услышать звукъ малѣйшій... тамъ, на морѣ.

Подходитъ къ краю террасы; Поппея слѣдуетъ за нимъ. Онъ долго всматривается въ даль. Общее смущеніе. Гости слѣдятъ за цезаремъ и перешоптываются.

ПОППЕЯ, трогая его за руку.

Любуешься ты, цезарь, видомъ моря?

НЕРОНЪ, шопотомъ.

Прислушайся... какъ страшно ночь молчитъ...
Нѣмая тьма... и больше ничего!
О, если бы я могъ услышать смерти
Ужасный крикъ! Онъ для моихъ ушей
Отрадой будетъ, онъ смиритъ біенье
Изнемогающаго въ мукахъ сердца!

ПОППЕЯ.

Дай руку, цезарь. Успокойся. Ты
Дрожишь. Будь тверже. Гдѣ жъ твоя рѣшимость?

НЕРОНЪ.

Я все готовъ снести: услышать шопотъ
Безчувственныхъ убійцъ, послѣдній вопль
Молящей жертвы, плескъ волны холодной,
Влекущей въ бездну роковую трупъ,—
Все это было бы мнѣ легче пытки
Такого ожиданья...

ПОППЕЯ.

Долженъ ты
Взять власть надъ сердцемъ, затаить волненье...

НЕРОНЪ.

Да, затаить, похоронить я долженъ
И сердце самое въ груди, смотрѣть
Спокойно всѣмъ въ глаза, не понимая
Пытливаго ихъ взгляда: «ты убійца?».

ПОППЕЯ.

Безумными мечтами самъ себя
Пугаешь ты напрасно.

НЕРОНЪ.

Тамъ, во мракѣ,
Простершемся надъ моремъ,—тамъ теперь
Моя судьба... Что если вдругъ обманетъ
Соленая волна и возвратитъ
Мнѣ снова мать?..

ПОППЕЯ.

Не бойся, дѣло будетъ
Исполнено: ручался Аницетъ...
Забудь объ этомъ, возвратись къ гостямъ.
Ты на себя вниманье обращаешь
Рѣчами странными. Пойдемъ. Развлечься
Тебѣ весельемъ надо.

НЕРОНЪ.

Ты права.

Возвращается на ложе.

Простите мнѣ, друзья, что пиръ веселый
На мигъ смутилъ я мрачностью своей:
Разстроенъ нынче я... недугъ какой-то
Меня томитъ. Прошу васъ, оживите
Нашъ праздникъ въ часъ недолгій передъ сномъ
Пріятною бесѣдой и виномъ...
Рабы! цвѣтовъ, цвѣтовъ намъ принесите:
Разсыпьте ихъ узорчатымъ ковромъ
У нашихъ ногъ: пусть нѣжныхъ розъ дыханье
Льетъ въ воздухѣ ночномъ благоуханье!..

Рабы разсыпаютъ цвѣты; другіе разносятъ чаши гостямъ. Неронъ поднимаетъ чашу.

Пью за здоровье дорогихъ гостей!

Пьетъ.

ТИГИЛИНЪ.

Здоровье цезаря!

ВСѢ, поднимая чаши.

Виватъ! виватъ!
Да здравствуетъ божественный нашъ цезарь!

ТИГИЛИНЪ, подойдя къ Фаону, тихо.

Неронъ не веселъ что-то. Попроси
Его съиграть трагедію: быть можетъ,
Онъ этимъ развлечется.

ФАОНЪ.

Хорошо.

Подходитъ къ Нерону и преклоняется передъ нимъ.

Чтобъ праздникъ этой ночи увѣнчать,
Доставь намъ удовольствіе, властитель,
Изъ устъ твоихъ божественныхъ услышать
Трагедію: ее недавно ты
Такъ дивно декламировалъ...

НЕРОНЪ, разсѣянно.

Какую
Трагедію, Фаонъ?..

ФАОНЪ.

Ты сочинилъ
Ее для состязанія съ Парисомъ
И выразилъ съ искусствомъ страшнымъ въ ней
Мученія, гонимаго богами,
Убійцы матери Ореста...

НЕРОНЪ, въ ужасѣ поднимается съ ложа, глухимъ шопотомъ.

Рабъ,
Что говоришь ты?—матери убійца!..

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Цезарь, осчастливь своихъ гостей—
Дай насладиться намъ плодомъ чудеснымъ
Поэзіи твоей. Дай намъ увидѣть
Высокій, несравненный твой талантъ
Въ трагедіи.

НЕРОНЪ, съ еще большимъ ужасомъ.

И вы? Вы сговорились!..
Проклятіе!.. Но кто жъ вамъ право далъ
Пытать меня?.. Пусть сдѣлалъ я злодѣйство,
Но я вѣдь цезарь вашъ...

ПОППЕЯ, взявъ его за руку.

Неронъ! Неронъ!..

НЕРОНЪ, приходя въ себя.

А? что сказала ты?

ПОППЕЯ, настойчиво.

Гостей желанье
Исполнить долженъ ты...

Тихо.

Коль ты совсѣмъ
Разсудка не лишился...

НЕРОНЪ.

Да, я долженъ...
Ты правду говоришь.

Съ внезапнымъ порывомъ отчаянія.

Подайте лиру!

Фаонъ подаетъ лиру. Неронъ играетъ мрачную прелюдію. Потомъ начинаетъ декламировать.

«Да нанесенъ ударъ! Да, я убійца,
Убійца матери! Я отнялъ жизнь
У той, кто жизни даръ мнѣ подарила,
Я погасилъ свѣтильникъ, чей огонь
Зажегъ во мнѣ существованья пламень!
Нѣтъ большаго злодѣйства!.. Осужденъ
Я буду въ памяти временъ грядущихъ
Проклятьемъ страшнымъ: матери убійца!
Меня клеймить имъ будутъ вѣчно, вѣчно»!

Рыдаетъ, закрывъ лицо руками.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Какое дивное искусство! — Слава
Поэту — цезарю!

Апплодируютъ.

НЕРОНЪ, продолжаетъ декламацію.

«Я мать убилъ... Но вѣдь она убійцей
Была сама. Вкругъ трона моего
Катились волны крови. Преступленья
Ужасный путь судьбой указанъ мнѣ...
За что жъ меня караютъ дѣвы мщенья,
Зачѣмъ меня преслѣдуютъ онѣ?
О мать моя! тебя я умоляю:
Не вызывай ужасныхъ эвменидъ!
Толпа ихъ изступленная летитъ
Ко мнѣ, ко мнѣ... Я вопли ихъ внимаю,
Я вижу ихъ, мертвящій душу, взглядъ,

Ихъ волоса съ шипящими зміями!
Онѣ, схвативъ меня костлявыми руками,
Низвергнуть въ бездну тартара хотятъ»!

Блѣдный въ ужасѣ, упадаетъ на ложе.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Чудесно! — Несравненно! — Цезарь — богъ
Трагедіи!

ПОППЕЯ, Тигилину тихо.

Какъ поблѣднѣлъ онъ: будто
Его схватилъ недугъ. Боюсь я,
Чтобъ въ обморокъ онъ не упалъ.

ТИГИЛИНЪ, тихо.

Не бойся:
Смотри, опять къ нему вернулись силы.

НЕРОНЪ.

«О, боги! чья рыдающая тѣнь
Выходитъ изъ ужасной бездны Стикса?
Какъ страшенъ этотъ помертвѣлый ликъ
И неподвижный взоръ съ нѣмымъ укоромъ!
Тѣнь матери моей! Она идетъ
Судить меня, судить убійцу-сына»!..

Въ это время на ступеняхъ лѣстницы показывается Агриппина; она медленно приближается, закутанная въ темную палу. Неронъ, внезапно увидѣвъ ее, съ дикимъ крикомъ ужаса бросается къ Поппеѣ.

Смотри, смотри! Ты видишь... тамъ?... Она
Изъ волнъ морскихъ возстала!.. Защитите,
Спасите цезаря!.. Я умираю...

Падаетъ безъ чувствъ. Общее смятеніе. Всѣ окружаютъ упавшáго цезаря.

СЦЕНА II.

Тѣ же, Агриппина.

АГРИППИНА, подходитъ къ Нерону, лежащему въ обморокѣ. Всѣ разступаются передъ нею.

А, ты не ждалъ, что возвращусь я снова
На твой чудовищный, преступный пиръ,
Что я твое нарушу ликованье

О смерти матери! Ты думалъ, я
Лежу теперь холоднымъ трупомъ въ морѣ?
Нѣтъ, я избѣгла подлой западни,
Меня спасли отъ страшной смерти боги, —
И ты валяешься у ногъ моихъ,
Какъ жалкій трусъ, испуганный видѣньемъ
Нечистой совѣсти!.. Меня ты принялъ
За тѣнь могильную? Ошибся ты:
Передъ тобой живая Немезида,
Грозящая тебѣ отмщеньемъ мать!

Къ окружающимъ.

И вы, рабы, сообщники Нерона,
Шептавшіе ему и день, и ночь:
«Сгуби ее, сгуби!» — и вы не ждали,
Что выйду я изъ темной бездны волнъ,
Куда столкнуть задумали вы тайно
Императрицу вашу... Предо мной
Стоите вы теперь, дрожа отъ страха,
И ждете казни...

ТИГИЛИНЪ.

Августа...

АГРИППИНА.

Молчи,
Коварный песъ, злодѣй! Ты это дѣло
Ужасное внушилъ Нерону, ты —
Вотъ съ этой хитрой лицемѣркой вмѣстѣ!

Указывыетъ на Поппею и въ ярости грозитъ ей и Тигилину.

Но и тебѣ, и ей недолго ждать
Возмездія за умыселъ преступный:
Я передъ цѣлымъ Римомъ обнаружу,
Какъ извести меня хотѣли вы,
Проклятые и подлые убійцы!..

Внезапно ослабѣвшимъ голосомъ.

Мнѣ силы измѣняютъ... я слабѣю...
Гдѣ Ацерронія?.. Ахъ, вѣдь они
Ее убили въ голову баграми —
Я видѣла...

Содрогается.

Ужасно!.. Неужель
Нѣтъ никого теперь близь Агриппины,
Кто былъ бы другомъ ей?..

Замѣтивъ среди окружающихъ Париса, бросается къ нему.

Парисъ! Парисъ!
Дай руку мнѣ... Укрой меня, укрой
Отъ злобы ихъ... молю тебя...

Уходитъ, опираясь на руку Париса. Всѣ стоятъ пораженные. Короткое молчаніе. Поппея, опомнившись, даетъ гостямъ знакъ удалиться; они уходятъ.

СЦЕНА III.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ, потомъ Аницетъ.

НЕРОНЪ, очнувшись, дико озирается.

Гдѣ я? Что было тутъ? Чей страшный голосъ
Я слышалъ?

ПОППЕЯ.

Успокойся, цезарь: ты,
Трагедію играя, взволновался
И въ обморокъ упалъ.

НЕРОНЪ.

Я видѣлъ призракъ
Ужасный Агриппины...

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
То былъ не призракъ: то была сама
Императрица.

НЕРОНЪ, въ испугѣ вскакиваетъ съ ложа.

Что? Императрица?!

ТИГИЛИНЪ.

Она жива... Вотъ Аницетъ идетъ —
Онъ намъ разскажетъ, какъ случилось это

Входитъ Аницетъ.

НЕРОНЪ, Аницету.

Она спаслась?

АНИЦЕТЪ.

Властитель...

НЕРОНЪ.

Отвѣчай:
Она спаслась?

АНИЦЕТЪ.

Спаслась...

НЕРОНЪ, садится; по нѣкоторомъ молчаніи.

Какъ это было?

АНИЦЕТЪ.

Отплыли мы отъ берега. Луна
Свѣтила ясно. Тихо шла галера.
На шелковыхъ подушкахъ Агриппина
Покоилась, любуясь блескомъ моря.
Задумчиво у ногъ императрицы
Сидѣла Ацерронія... Какъ вдругъ
Діаны лучъ померкъ подъ облаками,
Я подалъ знакъ — и палуба раскрылась:
Онѣ упали въ море...

Неронъ содрогается.

Но тотчасъ же,
Изъ черной бездны вынырнувъ, одна
На помощь стала звать, крича: «спасите
Императрицу вашу»! Мы ее
Прикончили скорѣй...

НЕРОНЪ.

О, ужасъ, ужасъ!..

АНИЦЕТЪ.

То Ацерронія была...

НЕРОНЪ.

А та?

АНИЦЕТЪ.

Отъ нашихъ глазъ сокрыта темной ночью,
Она спаслась на берегъ.

За сценой шумъ и крики народа.

НЕРОНЪ, вскочивъ съ ложа.

Негодяи
Трусливые! я вижу вашъ обманъ!
Она спаслась... Вы это злое дѣло
Устроили и вы мнѣ за него
Отвѣтите!

Аницетъ въ ужасѣ отступаетъ передъ взглядомъ Нерона. Въ это время входитъ трибунъ и говоритъ въ глубинѣ сцены съ Тигилиномъ. Шумъ и крики за сценой усиливаются.

ТИГИЛИНЪ, подходитъ къ Нерону.

Ты гнѣваешься, цезарь,
На вѣрныхъ слугъ за нашу неудачу?
Что жъ, если ты находишь это нужнымъ —
Пожертвуй нами; но спѣши: теперь
Не мы одни — и ты рискуешь жизнью!
Вотъ выслушай, что говоритъ трибунъ.

Дѣлаетъ трибуну знакъ; тотъ подходитъ.

ТРИБУНЪ.

Народъ толпою къ берегу сбѣжался.
Едва я могъ пробраться сквозь ряды
Собравшихся людей... Они узнали,
Что волею боговъ императрица
Избѣгла гибели въ пучинѣ моря...
Ты слышишь, цезарь, шумъ и крикъ: они
Привѣтствуютъ спасенье Агриппины
И осуждаютъ тѣхъ, кто былъ виной
Крушенія галеры, угрожаютъ
Возстаніемъ тебѣ...

НЕРОНЪ, гнѣвно.

Ты былъ обязанъ
Смирить мятежныхъ крикуновъ...

Входитъ поспѣшно центуріонъ.

ЦЕНТУРІОНЪ.

Властитель,
Народъ, волнуясь, окружилъ дворецъ,
Императрицу онъ желаетъ видѣть,
Съ ней говорить, ей выразить привѣтъ
И радость...

НЕРОНЪ, еще съ большимъ гнѣвомъ.

Разогнать толпу оружьемъ!

Трибунъ и центуріонъ уходятъ. За сценой усиленный шумъ; затѣмъ все стихаетъ. Неронъ прислушивается, потомъ обращается къ Тигилину.

Гдѣ Агриппина?

ТИГИЛИНЪ.

Въ свой покой она
Ушла сейчасъ...

ПОППЕЯ.

Она грозила смертью
И мнѣ, и Тигилину, и тебѣ!
Она сказала, что предъ цѣлымъ Римомъ
Насъ обвинитъ въ преступномъ покушеньѣ...

НЕРОНЪ, блѣдный, бросается на ложе и хватается за голову.

А, я погибъ! погибъ!

ПОППЕЯ.

Да, если ты
Не примешь мѣръ спасти себя.

ТИГИЛИНЪ.

Властитель,
Напрасно ты тревожишься: скажи
Одно лишь слово, знакъ подай безмолвный...

НЕРОНЪ, съ отчаяніемъ.

Вы это дѣло начали и вы
Должны окончить...

Входитъ Парисъ.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Парисъ.

ПАРИСЪ.

Цезарь, Агриппина
Меня послала...

НЕРОНЪ.

Какъ! ты отъ нея
Посломъ пришелъ?!

ПАРИСЪ.

Прости мнѣ, повелитель.
Чужую волю исполняю я.
Императрица проситъ снисхожденья:
Она теперь къ тебѣ прійдти не можетъ:
Ей нездоровится, покой и сонъ
Необходимы ей, и умоляетъ
Она свиданье отложить дозавтра.

НЕРОНЪ, близко подходитъ къ Парису, пристально смотритъ ему въ глаза и вдругъ роняетъ изъ-подъ одежды кинжалъ.

Что это выронилъ ты изъ-подъ тоги?
Быстро наклоняется и поднимаетъ кинжалъ.
Оружіе!... Предатель! ты подосланъ
Убить меня! Ты Агриппины другъ,
Ты въ заговорѣ съ нею!

ПАРИСЪ, потерявшись отъ страха.

Цезарь, я...

НЕРОНЪ.

А, подлый рабъ! Нерона продалъ ты
За ласки матери его и думалъ
Съ ней власть дѣлить... Не вѣренъ твой разсчетъ:
Для цезаря готовилъ ты кинжалъ,
Но онъ вонзится въ грудь твою, предатель.
Закалываетъ его. Парисъ падаетъ.

ПОППЕЯ, съ крикомъ ужаса бросается къ Нерону и хватаетъ его за руку.

Неронъ, о, что ты сдѣлалъ?!

НЕРОНЪ.

Ничего.
Убилъ предателя.
Тихо ей.
Онъ былъ ея
Любовникомъ. Я это знаю.

ПОППЕЯ.

Боги!

НЕРОНЪ.

Она ему тронъ цезаря сулила,
И если бы онъ трупомъ не лежалъ
Теперь передо мной, какъ знать, быть можетъ,
Онъ снялъ бы съ трупа моего вѣнецъ
И на себя надѣлъ...
Подходитъ къ тѣлу Париса, увлекая за собой Поппею, наклоняется и внимательно разсматриваетъ его.
Онъ былъ красавецъ,
Не правда ли, Поппея, и артистъ?
Смотри жъ теперь, какъ смерти дикій ужасъ

Его лицо прекрасное и взоръ
Обезобразилъ вдругъ... Ужель она
Его любила?... Ты дрожишь, блѣднѣешь?...
Да, смерть ужасна, и кругомъ себя
Я чувствую теперь ея дыханье
Холодное... Сказала правду ты:
Чтобъ не погибнуть самому, я долженъ
Свершить велѣнье грозное судьбы!

Обращаясь къ Тигилину и Аницету.

Вы видѣли: подосланъ былъ убійца
Отъ матери моей. Я цезарь вашъ:
Вы защищать меня должны. Объ этомъ
Подумайте. И если жизнь моя
Для васъ священна, если дорожите
Вы собственною жизнью, — то вѣрнѣй
Теперь ударъ направите.

ТИГИЛИНЪ, обнажая мечъ.

Властитель!
Вотъ видишь этотъ мечъ: я имъ клянусь,
Еще на небѣ блѣдный ликъ Діаны
Угаснуть не успѣетъ, — ты вздохнешь
Свободнѣе!...

НЕРОНЪ.

Довольно. Словъ не надо:
Я дѣла жду отъ васъ... Идемъ, Поппея.

Уходитъ съ Поппеей.

ТИГИЛИНЪ.

Ну, Аницетъ, теперь для насъ съ тобой
Нѣтъ выбора. Покончить съ Агриппиной
Необходимо, чтобы насъ самихъ
На утро цезарь не покончилъ. Видишь,
Расправа у Нерона коротка
Становится.

Указываетъ на трупъ Париса.

Онъ былъ любимцемъ, другомъ —
И вотъ теперь...

АНИЦЕТЪ.

Ужасно!... Не могу
Я видѣть этотъ ликъ и взглядъ застывшій...

Набрасываетъ на тѣло свою тогу.

ТИГИЛИНЪ.

Оставь его, не до него теперь.
Онъ былъ актеромъ въ жизни и предъ смертью
Гримасу сдѣлалъ цезарю, чтобъ тотъ
При этомъ оцѣнилъ его искусство...
Не будемъ медлить больше: цезарь ждетъ
Услуги нашей.

Хочетъ идти.

АНИЦЕТЪ, удерживая его.

Стой! смотри, смотри:
Кто тамъ идетъ?

ТИГИЛИНЪ.

Она! Тсс... тише!
Укроемся.

Прячутся за одну изъ колоннъ.

СЦЕНА V.

АГРИППИНА, медленно входитъ съ зажженной луцерною.

Нѣтъ сна... Какъ въ гробѣ темномъ,
Мнѣ душно, тѣсно въ комнатахъ дворца,
Хочу дохнуть я воздухомъ...

Ставитъ луцерну па столъ.

Какъ долго
Ночь эта тянется. Я никогда
Разсвѣта не ждала съ такой тревогой...
Мнѣ страшно... но чего жъ боюся я?
Они теперь, терзаясь преступленьемъ,
Должны въ невольномъ страхѣ трепетать:
Они въ моихъ рукахъ и не посмѣютъ
На новое злодѣйство покуситься...
А все мнѣ страшно и тоскливо сердце
Предчувствіемъ томится роковымъ,
И каждый шорохъ, звукъ въ ночномъ молчаньѣ
Мнѣ кажется ужаснымъ, и во тьмѣ
Мерещутся убійцы...

Подходитъ къ краю террасы.

Какъ спокойно
И молчаливо море...

Содрогается.

Надо мной
Оно бы также было молчаливо
И неподвижно, если бъ тамъ, на днѣ,
Лежала я холоднымъ, блѣднымъ трупомъ.
Ужасное воспоминанье! Дрожь
Невольно въ душу проникаетъ... Боги!
Ужели вы спасли меня затѣмъ,
Чтобы отдать Поппеѣ и Нерону
На жертву снова?.. Эта мысль опять
Ко мнѣ вернулася, она, какъ демонъ,
Меня терзаетъ. Нуженъ мнѣ покой,
Я вся измучилась, я истомилась
И тѣломъ, и душой...

Подходитъ къ ложу.

Быть можетъ, здѣсь
Я задремлю подъ ласковымъ дыханьемъ
Ночной прохлады...

Склоняется на ложе.

Богъ привѣтный сна!
Молю тебя: о, дай хоть на мгновенье
Забыться мнѣ, услышь мою мольбу:
Закрой мои пылающія вѣки
И утоли тревоги тайной боль...

Засыпаетъ. Долгая пауза. Тигилинъ и Аницетъ показываются изъ-за колонны и осторожно крадутся къ ложу. Вся сцена шопотомъ.

ТИГИЛИНЪ.

Она заснула... вотъ удобный мигъ.

АНИЦЕТЪ.

Какъ — сонную?..

ТИГИЛИНЪ.

Такъ что же? Меньше будетъ
Хлопотъ и крика...

АНИЦЕТЪ, удерживая его.

Подожди. Ужель
Рѣшишься ты?

ТИГИЛИНЪ.

Чего же больше ждать...
Пусти меня...

АНИЦЕТЪ.

Молчи, молчи!.. Ты слышишь.
Она пошевелилась... застонала...

Оба замираютъ на мѣстѣ и прислушиваются.

АГРИППИНА, во снѣ.

О, не смотри померкшими глазами...
Не проклинай... Тебя убила я
Для сына... Прочь!.. Ты, блѣдный, мертвый призракъ,
А сынъ мой живъ... Онъ цезарь... Не сжимай
Моей руки холодною рукою...
Оставь меня... Оставь...

Съ крикомъ просыпается, вскакиваетъ съ ложа и въ ужасѣ оглядывается кругомъ.

Ахъ, это сонъ...
Какъ бьется сердце... О, когда же, боги,
Меня покинетъ страждущая тѣнь
Загубленнаго Клавдія?.. Иль вѣчно
Меня и мертвый будетъ мучить онъ
Своимъ безумнымъ взглядомъ, какъ при жизни?
Онъ каждой ночью къ ложу моему
Приходитъ проклинать и въ темный тартаръ
Зоветъ онъ за собою...

ТИГИЛИНЪ.

Въ эту ночь
Туда за нимъ сойдешь ты, Агриппина!

АГРИППИНА, съ ужасомъ.

Убійцы!.. О, спасите, помогите!

ТИГИЛИНЪ.

Напрасный зовъ: твой смертный часъ насталъ.

АГРИППИНА, узнавъ его.

А, это ты злодѣй! Ужели рокомъ
Мнѣ отъ тебя погибнуть суждено...
Иль нѣтъ здѣсь никого, кто бъ Агриппину
Могъ защитить...

Какъ бы внезапно вспомнивъ, въ отчаяніи.

Парисъ!.. Парисъ!..

ТИГИЛИНЪ.

Къ чему
Кричишь ты громко такъ: онъ не услышитъ,
Хоть онъ и близко отъ тебя... Смотри —
Вотъ онъ лежитъ!..

Открываетъ труппъ Париса.

АГРИППИНА, бросается къ трупу.

О, ужасъ! ужасъ!
Они тебя убили... да... Злодѣи!..
Убили!.. Ахъ, теперь и мнѣ осталось
Одно лишь въ этомъ мірѣ — умереть.

ТИГИЛИНЪ.

Да, это правда, — умереть должна ты:
Такъ цезарь повелѣлъ.

АГРИППИНА.

Ты лжешь, ты лжешь!
Неронъ мой сынъ: онъ повелѣть не могъ
Убійства матери.

ТИГИЛИНЪ, хватаетъ ее за руку.

Тебѣ докажетъ
Ударъ меча, что правду я сказалъ.

АГРИППИНА, вырывается, отступаетъ и въ отчаяніи подставляетъ грудь.

Такъ бей же въ грудь, вскормившую Нерона!

Тигилинъ закалываетъ ее. Агриппина падаетъ.

ТИГИЛИНЪ, отирая кровь съ меча.

Окончена работа... Аницетъ,
Что жъ ты стоишь? Иди сюда...

Аницетъ подходитъ.

Однако,
Ты струсилъ, другъ, порядкомъ!

АНИЦЕТЪ.

Я не могъ...
Она вѣдь дочь Германика...

ТИГИЛИНЪ.

Любезный,
Совсѣмъ не кстати вздумалъ вспоминать
Объ этомъ ты... Ну, все равно!... теперь
Одно осталось: отнести Нерону
Желанное извѣстіе. Идемъ.

Уходятъ.

СЦЕНА VI.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ.

ПОППЕЯ, удерживая Нерона.

Неронъ, остановись!...

НЕРОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, ее
Хочу я видѣть... Успокоить это
Моей души волненье.

Подходитъ къ трупу матери.

Вотъ она
Лежитъ безмолвная... Богини мщенья!
Вы знаете, что вынужденъ былъ я
На это дѣло страшное...

Наклоняется, разглядывая трупъ.

Желѣзо
Пронзило грудь ей, острое желѣзо...
А этой грудью вѣдь она меня
Вскормила, я склонялся къ этой груди
Съ любовью...

Упадаетъ передъ трупомъ на колѣни.

Мать! прости меня, прости!
Молчишь ты и глядишь померкшимъ взоромъ
Въ мои глаза... изъ раны кровь течетъ...
Та кровь, что̀ и во мнѣ... О, горе, горе
Тебѣ, Неронъ! ты собственную кровь
Въ безумьѣ пролилъ!... Какъ зіяетъ рана!
Какъ будто бы отверзтыя уста,
Что̀ вопіютъ о мщеньѣ и взываютъ
Къ неумолимымъ, страшнымъ судіямъ

Подземнаго, невѣдомаго міра!..
Я слышу: приближаются они
И взорами сверкаютъ роковыми
И грознымъ голосомъ гремятъ: «Гдѣ онъ,
Убійца матери своей?» — и люди
Указываютъ мстителямъ: «Онъ здѣсь»!..

Рыдаетъ.

Да, горе мнѣ! Въ безумьѣ я низвергъ
Природы строй, возсталъ я противъ чувства,
Что̀ свойственно ничтожной твари даже,
Какъ жизнь сама. Мной пролитая кровь
Огонь любви священной загасила —
Любви къ источнику существованья,
И тьма теперь кругомъ меня легла,
И все въ душѣ угасло, кромѣ муки
Отчаянья и роковаго страха
Предъ Немезидою, грозящей мнѣ!
Я сдѣлалъ то, что сдѣлать не рѣшалось
Донынѣ человѣческое сердце:
Ни на землѣ, ни у боговъ небесныхъ
Прощенія такому дѣлу нѣтъ!

Съ плачемъ припадаетъ къ трупу матери.

ЗАНАВѢСЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**" (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**", Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**" прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

АПРѢЛЬ, 1886.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1886 г.

(См. окончаніе на слѣд. страницѣ обложки).

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

Съ портрета принадлежащаго Н. И. Путилову.

дозв. ценз. спб., 26 марта 1886 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIV

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

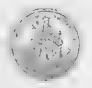
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXIV

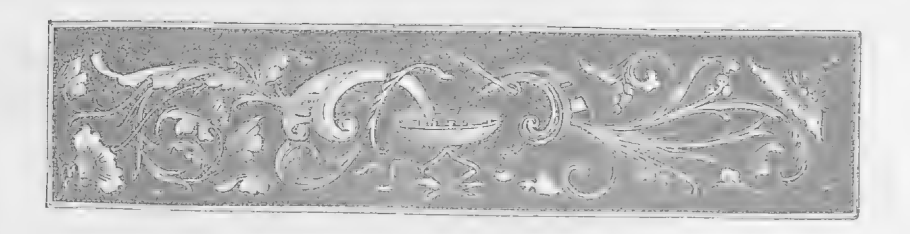
1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

ДЕВЯТНАДЦАТАГО апрѣля, исполнится двѣсти лѣтъ со дня рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева. Къ этому юбилею академія наукъ предполагаетъ издать полное собраніе сочиненій его, разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ; въ самый день юбилея, состоится публичное засѣданіе академіи, посвященное памяти Татищева; по всей вѣроятности, къ этому чествованію «отца русской исторіи», какъ называетъ Татищева одинъ почтенный ученый, присоединятся разныя наши историческія Общества [1]). Историческій журналъ не можетъ остаться въ сторонѣ при этомъ торжествѣ, и поэтому считаемъ необходимымъ напомнить нашимъ читателямъ нѣкоторыя данныя, характеризующія личность Татищева, и сказать нѣсколько словъ о значеніи его какъ историка.

Татищевъ родился 19-го апрѣля 1686 года. О его дѣтствѣ и юности намъ ничего неизвѣстно, не знаемъ мы также, какое онъ получилъ воспитаніе; вѣроятно, его ученіе не шло дальше простой азбуки, и тотъ громадный запасъ свѣдѣній, начитанность, съ которыми онъ является передъ нами въ своихъ сочиненіяхъ, пріобрѣтены имъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Въ 1704 году, Татищевъ поступилъ на службу въ артиллерію; онъ принималъ участіе въ шведской войнѣ, былъ въ Полтавскомъ сраженіи, ходилъ на Прутъ. Въ 1714 и 1717 годахъ, онъ ѣздилъ за границу въ Германію, и уже въ это время сталъ выдаваться своими историческими и археологиче-

[1]) Казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи уже въ прошломъ году издало вновь «Духовную» Татищева.

скими познаніями; Петръ Великій поручилъ ему осмотрѣть икону Страшнаго Суда, находившуюся въ Данцигѣ, писанную, по мѣстному преданію, славянскимъ апостоломъ св. Мееодіемъ,—Татищевъ не подтвердилъ этого преданія, и икона осталась въ Данцигѣ, хотя Петръ и хотѣлъ прежде дать за нее очень большія деньги. Въ 1720 году, Татищевъ былъ назначенъ въ Сибирь на уральскіе горные заводы, которые ему было поручено привести въ лучшее состояніе; кромѣ того, онъ долженъ былъ стараться объ отысканіи новыхъ рудъ и учреждать новые заводы. Въ 1724 году, мы видимъ его уже въ Швеціи, куда онъ посланъ былъ съ нѣсколькими молодыми людьми, для обученія ихъ горному дѣлу. По возвращеніи въ Россію, онъ получилъ назначеніе управлять монетнымъ дѣломъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ съ особеннымъ усердіемъ предался своимъ научнымъ занятіямъ, но обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ императрицы Анны Ивановны, выдвинули Татищева на поприще политической дѣятельности. Онъ составлялъ извѣстное прошеніе дворянства объ отмѣнѣ ограничительныхъ условій, принятыхъ императрицею подъ вліяніемъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта. Въ 1734 году, онъ снова былъ назначенъ на уральскіе горные заводы, гдѣ принесъ много пользы и заводамъ, и краю; при немъ число заводовъ возросло до 40, и онъ еще предполагалъ открыть 36 новыхъ, устроивалъ школы, упорядочивалъ администрацію. Но къ нему не благоволилъ Биронъ, имѣвшій корыстные виды на уральскіе заводы, и Татищеву пришлось оставить свое мѣсто. Ему поручено было улаженіе разныхъ смутъ, поднявшихся среди башкиръ Оренбургскаго края. Въ 1739 году, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для суда по обвиненіямъ во взяточничествѣ и былъ даже одно время заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. При императрицѣ Елисаветѣ, онъ былъ освобожденъ отъ суда, назначенъ въ коммиссію по устройству быта калмыковъ, затѣмъ астраханскимъ губернаторомъ. Съ 1745 года, онъ былъ устраненъ отъ служебной дѣятельности, попалъ снова подъ судъ и умеръ въ 1750 году въ подмосковномъ селѣ своемъ Болдинѣ. Наканунѣ своей смерти онъ получилъ указъ императрицы, что найденъ невиннымъ, и орденъ св. Александра Невскаго.

Дѣятельность Татищева можетъ показаться изумительною по своей многосторонности. Но надо вспомнить, что Татищевъ былъ одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», а Петръ создавалъ людей, не только «давалъ имъ тѣла», какъ говорили въ прошломъ столѣтіи, но давалъ имъ и душу, и какую душу! Онъ предоставлялъ широкое поле личной инициативѣ каждаго изъ своихъ птенцовъ. Прекрасную характеристику ихъ дѣятельности находимъ мы у К. Н. Бестужева-Рюмина: «Пришлось брать на себя много дѣлъ и притомъ учиться дѣлу при самомъ дѣлѣ, а не готовиться къ нему долгими годами: случалось нерѣдко, что самое дѣло представлялось

неожиданно, когда уже начато было другое, ибо оказывалось, что это другое не можетъ быть сдѣлано безъ перваго; приходилось переходить къ другому дѣлу, вновь учиться и зорко оглядываться по сторонамъ, не усложнится ли и это какимъ нибудь вновь открывшимся обстоятельствомъ. Все приходилось начинать сначала: приходилось и изучить новыя для Россіи науки и при свѣтѣ этихъ наукъ изучать и самую Русскую землю, которая до тѣхъ поръ еще не была предметомъ изученія, а только знакома была по непосредственному практическому наблюденію: знали то, что было на поверхности, и часто отъ незнакомства съ наукою пропускали безъ вниманія то, что могло оказаться драгоцѣннымъ. Трудную школу проходили дѣятели петровской эпохи, но выносили они изъ этой школы упорство въ трудѣ и умѣніе всѣмъ пользоваться и, быстро соображая, примѣнять все пріобрѣтенное къ дѣйствительности» [1]). Таковъ былъ и Татищевъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, подробнѣе остановиться на его дѣятельности въ качествѣ начальника горныхъ заводовъ, управляющаго Оренбургскимъ краемъ и астраханскаго губернатора, но она имѣла чрезвычайно большое значеніе. Не смотря на всѣ достоинства трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. А. Попова, было бы весьма желательно появленіе новаго труда, спеціально посвященнаго этимъ вопросамъ; обильный и почти совсѣмъ нетронутый матеріалъ для этого можно найдти въ архивѣ горнаго департамента.

Мы не будемъ разбирать многочисленныхъ сочиненій Татищева, касающихся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, а обратимся прямо къ главному его труду, носящему заглавіе: «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная». Тридцать лѣтъ неусыпнаго труда, какъ мы сейчасъ увидимъ, не фраза въ устахъ Татищева, не красное словцо. Первоначально онъ занимался изученіемъ русской географіи. Мысль объ этихъ занятіяхъ была ему внушена его начальникомъ, президентомъ бергъ-коллегіи графомъ Брюсомъ. Географію Татищевъ понималъ очень широко; въ составъ ея входили не только чисто географическія свѣдѣнія, но и историческія, археологическія, юридическія, этнографическія. Сперва исторія являлась у него прикладнымъ предметомъ къ географіи, но затѣмъ она заняла первое мѣсто. Онъ былъ первымъ русскимъ ученымъ, который обратилъ на нее вниманіе. Ему пришлось начать съ простаго сбора матеріаловъ и ограничиться ихъ сводомъ. Подготовительныя работы Татищева свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ его трудолюбіи, наблюдательности, широкомъ пониманіи дѣла. Онъ два раза составлялъ обширныя библіотеки сочиненій философскихъ, историческихъ, географическихъ; пользовался би-

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики, стр. 4.

бліотекою князя Д. М. Голицына, въ которой было много рукописныхъ матеріаловъ. Онъ усердно и отовсюду собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрья, старинныя ландкарты; а во время частыхъ странствій своихъ изъ одного конца Россіи въ другой по обязанностямъ службы, не опускалъ ни одного удобнаго случая научиться чему нибудь. Такъ онъ роется въ архивахъ, покупаетъ рукописи на площадяхъ у разносчиковъ; читаетъ у князя Д. М. Голицына письмо царя Михаила Ѳеодоровича къ Ѳедору Шереметеву, у князя А. М. Черкасскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ князю И. Бор. Черкасскому; разъѣзжая по Уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; черезъ оренбургскаго ассессора Рычкова разспрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ, и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о литовскихъ древностяхъ съ однимъ знатнымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваши, черемисы толкуютъ ему свои собственныя имена; о томъ же разспрашиваетъ онъ вогуловъ черезъ переводчиковъ; говоритъ съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Меѳодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слывшія знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказскихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулѣ, Пронѣ и посылаетъ съ тою же цѣлью офицеровъ и геодезистовъ; жиды показываютъ ему свои библіи въ сверткахъ; по всему восточному краю Россіи у него было разбросано немало крестниковъ изъ инородцевъ, которымъ онъ давалъ русскія прозвища вмѣсто собственныхъ именъ и которые иногда навѣщали его и вели съ нимъ разговоры о своемъ бытѣ, и т. д. [1]).

Нѣкоторые изъ источниковъ Татищевской исторіи утеряны, вслѣдствіе чего заподозрѣвалась истинность иныхъ его извѣстій; Татищевъ обвинялся даже въ недобросовѣстности. Особенно скептическому отношенію подвергался отрывокъ изъ такъ называемой Іоакимовской лѣтописи. Шлецеръ назвалъ Іоакимовскую лѣтопись «бреднями», а автора ея «сѣвернымъ грѣшникомъ»; Карамзинъ назвалъ отрывокъ «шуткою, вымыслами». Первый выступилъ въ защиту Татищева противъ такихъ авторитетовъ Бутковъ, затѣмъ изслѣдованія С. М. Соловьева, П. А. Лавровскаго, Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина сдѣлали окончательно невозможнымъ упрекъ Татищеву въ недобросовѣстности, и, напротивъ, извѣстія его признаются очень важными; такъ, напримѣръ, еще недавно г. Линниченко указалъ, что только Татищевскій трудъ даетъ возможность возстановить истинный смыслъ нѣкоторыхъ событій, невѣрно

---

[1]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 431—435.

разсказанныхъ польскими хроникерами. Такому же заподозрѣванію, какъ Іоакимовская лѣтопись, подвергались нѣкоторыя другія мѣста Татищевской исторіи, но также неосновательно.

Какъ же смотрѣлъ Татищевъ на исторію? Что считалъ онъ ея предметомъ? Какія ставилъ ей цѣли? Какія требованія предъявлялъ къ историку? Исторія, по его мнѣнію, занимается не только человѣческими дѣлами, она изучаетъ также и приключенія естественныя и чрезъестественныя. «Нѣтъ такого приключенія,—говоритъ онъ,—чтобъ не могло дѣяніемъ назваться, ибо ничто само собою и безъ причины или внѣшняго дѣйствія приключится не можетъ; причины же всякому приключенію разныя яко отъ человѣка». Цѣли исторіи морально-утилитарныя: она есть учительница жизни, какъ собраніе примѣровъ, она необходима и богослову, и юристу, и медику, и философу, и политику. «Многіе великіе государи, — говоритъ Татищевъ, — есть ли не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобы ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ прилежать показали». Одни требуютъ отъ историка только начитанности, памяти и разсудка, другіе полнаго философскаго образованія, но первое, по мнѣнію Татищева, «скудно», второе «избыточественно», онъ находитъ, что историку нужны начитанность, здравый смыслъ, логика и реторика, главнѣйшимъ же требованіемъ считаетъ справедливость сказаній и отверженіе басенъ; такимъ образомъ онъ требуетъ отъ историка того, что въ наше время называется прагматизмомъ.

Но Татищеву не удалось вполнѣ обработать критически русскую исторію; только первый томъ его исторіи представляетъ собою научный трактатъ, а въ слѣдующихъ четырехъ томахъ мы находимъ лишь полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, снабженный подстрочными примѣчаніями. Эти примѣчанія весьма цѣнны, въ нихъ рельефно выступаетъ критическій талантъ историка. Сводя въ текстѣ различныя извѣстія, онъ указываетъ въ примѣчаніяхъ, откуда ихъ беретъ; подробно разбираетъ вопросы хронологическіе. Особенно интересны его замѣчанія о возможности, историческомъ значеніи и смыслѣ описываемыхъ событій. Въ примѣчаніяхъ обнаруживаются богословскія, философскія, политическія и историческія его убѣжденія. Наконецъ, эти примѣчанія могутъ служить матеріаломъ для его біографіи и для исторіи его времени.

Философскія воззрѣнія Татищева не были самостоятельны; на нихъ отразилось вліяніе школы Христіана Вольфа, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказался и скептицизмъ, заимствованный у Беля и Гоббеса. Его критеріемъ является часто здравый смыслъ. Это направленіе обнаружилось въ немъ еще въ молодости; весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее его воспоминаніе: «Въ 1714 году, ѣдучи изъ Германіи чрезъ Польшу, въ Украйнѣ я заѣхалъ въ Лубны къ

фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то не правда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ; я просилъ его, чтобы позволилъ мнѣ ту бабу видѣть и ее къ покаянію увѣщать, по которому онъ послалъ со мной адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ къ оной бабѣ, спрашивалъ я ее прилежно, чтобъ она истину сказала, на что она то же, что и въ разспросахъ, утверждала. Я требовалъ у ней утвержденіе онаго, чтобъ изъ трехъ вещей учинила одну: ниткѣ, которую въ рукахъ держалъ, чтобъ, не дотрогиваясь, велѣла порваться, или горѣвшей свѣчѣ погаснуть, или бъ въ окошко, которое я открылъ, велѣла бъ воробью влетѣть, обѣщавъ ей за то не только свободу, но и награжденіе, но она отъ всего отреклась. Потомъ я ее увѣщалъ, чтобъ покаялась и правду сказала: на оное она сказала, что лучше хочетъ умереть, нежели, отпершись, еще пытанной быть, и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, очарованіе ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманахъ; что и достовѣрно утвердила, по которому оная въ монастырь подъ началъ сослана». Если мы припомнимъ, что въ то время вѣрованіе въ колдуновъ и вѣдьмъ было общимъ явленіемъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, что въ Германіи послѣдняя вѣдьма сожжена въ 1749 году, то приведенный разсказъ Татищева служитъ для насъ яркимъ свидѣтельствомъ, на сколько онъ опередилъ свой вѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него мы узнаемъ о раннемъ развитии въ Татищевѣ скептицизма и философіи здраваго смысла.

Такой складъ философскихъ убѣжденій Татищева не могъ не отразиться на его взглядахъ на религію и церковь. Боязнь дьявола, волшебство, ворожеи, колдуны, всякія суевѣрія подвергаются язвительнымъ его насмѣшкамъ. Но онъ идетъ и далѣе: критически относится къ внѣшнему пониманію религіи и обрядовой сторонѣ. Сильно достается отъ него католикамъ и папѣ. Въ «Духовной» своей онъ говоритъ о католикахъ, что они такъ далеки отъ православія, что «едва можетъ ли кто ихъ за христіанъ почитать». Весьма часто встрѣчаемъ мы отъ него параллель между католицизмомъ и ламаизмомъ: «Восточный идолъ Далайлама, — говоритъ онъ: — мню, болѣе для вымана у народа денегъ, нежели для обученія къ благочестивому житію, къ безсмертности души вымыслилъ чистительный огонь, которому и западный папа яко въ прочихъ вымыслахъ, тако и въ семъ послѣдовалъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ выражается: «Папа вселенскую церковь вѣрно поправляетъ. Сказаніе сіе есть самохвальное по вкусу папистовъ. Равно сего тангуты Далайламу за всеобщаго міру священника и

Бога почитаютъ; но я мню — обоимъ многаго не достаетъ». Какъ ни оригинальна эта параллель, но въ ней есть много вѣрнаго и мѣткаго. Взгляды Татищева на православное духовенство также иногда отрицательны; онъ смѣется надъ поведеніемъ нѣкоторыхъ патріарховъ и митрополитовъ, сильно возстаетъ противъ накопленія богатствъ и земельныхъ имуществъ духовенствомъ, которое употребляетъ ихъ «на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, и народу безполезныя», считаетъ подложными уставы о десятинахъ. Эти взгляды Татищева сказываются въ его критическихъ пріемахъ; онъ очень недовѣрчиво относится къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ духовными писателями: митрополита Макарія обвиняетъ, что онъ внесъ въ Степенную книгу «нѣколико недоказательныхъ обстоятельствъ». Не довѣряетъ онъ Никоновскому списку лѣтописи: «Видится особливо, — замѣчаетъ онъ, — Никонъ, самъ пречерня велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что по уничтоженію власти духовной въ другихъ спискахъ находятся, въ немъ выкинуты или перемѣнены, и новымъ порядкомъ вписаны; напримѣръ, гдѣ въ прочихъ написано: «посла князь, или повелѣ князь митрополиту или епископу», тутъ онъ написалъ: «и моли князь отца своего митрополита или епископа». Интересенъ, между прочимъ, отзывъ Татищева объ идолопоклонникахъ; онъ старается ихъ защищать отъ нападокъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей, доказываетъ, что у язычниковъ существуетъ понятіе о единствѣ божества и о вѣчности души.

Политическія воззрѣнія Татищева высказаны были имъ въ извѣстномъ прошеніи дворянства императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ о возстановленіи самодержавія, которое пытались ограничить верховники; тѣ же взгляды повторяются Татищевымъ въ другихъ его сочиненіяхъ, съ ними встрѣчаемся мы и въ его «Исторіи». Онъ указываетъ три формы правленія: демократію, аристократію и монархію. Демократія можетъ существовать въ городахъ и малыхъ областяхъ, аристократія хороша въ государствахъ большихъ, которыя достаточно ограждены естественнымъ своимъ положеніемъ отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, въ которыхъ высоко народное просвѣщеніе; монархія необходима въ великихъ областяхъ съ открытыми границами, гдѣ народъ «ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится». Россія принадлежитъ къ послѣднему разряду государствъ, поэтому самою естественною формой правленія является въ ней самодержавіе. Затѣмъ въ «Исторіи» Татищева мы находимъ и другое политическое разсужденіе о порядкѣ престолонаслѣдія; здѣсь онъ является приверженцемъ Петровскаго указа, что «государь имѣетъ власть престолъ поручить, кому заблагоразсудитъ», можетъ не стѣсняться правами первородства. Это свое по-

ложеніе онъ подкрѣпляетъ историческими примѣрами и ссылками на священное писаніе.

Таковы въ общихъ чертахъ философскія и политическія воззрѣнія, высказываемыя Татищевымъ въ его «Исторіи Россійской». Татищевъ касался всѣхъ этихъ вопросовъ и въ другихъ сочиненіяхъ, носящихъ уже публицистическій характеръ. Особенно интересны тѣ его труды, въ которыхъ онъ отстаиваетъ науку отъ различныхъ на нее нападокъ, преимущественно со стороны духовныхъ лицъ; въ этомъ отношеніи очень замѣчателенъ «Разговоръ о пользѣ наукъ», подробно изложенный К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его монографіи о Татищевѣ [1]). Кромѣ «Исторіи Россійской», Татищеву принадлежитъ довольно много сочиненій, служившихъ какъ бы подготовкой къ этому главному его труду; они до сихъ поръ еще не утратили своего научнаго значенія, таковы: словари историческій и географическій, примѣчанія къ «Русской Правдѣ», къ судебнику Іоанна Грознаго и къ дополнительнымъ къ нему указамъ и др.

Въ заключеніе нашей статьи упомянемъ о тѣхъ превратностяхъ судьбы, которыя пришлось испытать «Исторіи» Татищева. Уже въ 1739 году, когда Татищевъ въ первый разъ привезъ въ Петербургъ свою «Исторію», она была встрѣчена различными замѣчаніями и нареканіями: одни считали дерзостью критическій разборъ старинныхъ лѣтописей, другіе нападали на сочиненіе Татищева съ философской стороны. Онъ долженъ былъ поѣхать къ новгородскому архіепископу Амвросію и сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ своемъ трудѣ, по его указаніямъ. Одно время онъ предполагалъ издать свою «Исторію» за границей, черезъ знакомаго англичанина Гануэя велъ переговоры съ лондонскимъ королевскимъ обществомъ, но этотъ замыселъ не могъ осуществиться, по недостатку переводчиковъ. «Исторія» была издана только при Екатеринѣ, и то не цѣликомъ: въ 1769—1774 году были напечатаны первые три тома при Московскомъ университетѣ, въ 1784 году въ Петербургѣ изданъ четвертый томъ, пятаго тома не могли найдти, и уже въ 1843 году Погодинъ случайно открылъ его въ своихъ рукописяхъ, а въ 1848 году онъ изданъ московскимъ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ.

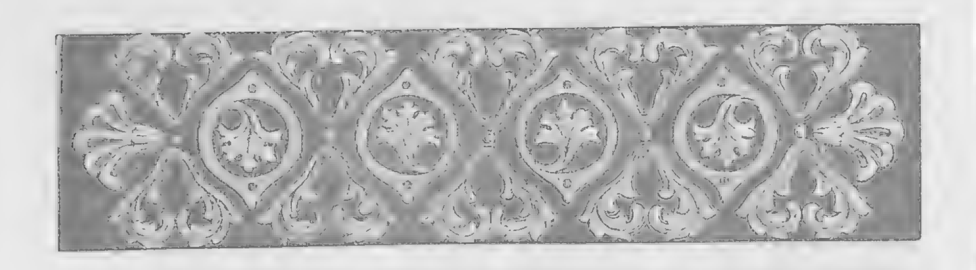
Еще болѣе пришлось претерпѣть «Исторіи» со стороны ученой критики. Мы уже указывали на нѣкоторыя неосновательныя нападки. Теперь научная репутація Татищева можетъ считаться окончательно возстановленной. С. М. Соловьевъ опредѣляетъ значеніе Татищева такимъ образомъ: «Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія,

---

[1]) Біографіи и характеристики, стр. 99—140.

снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для дальнѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіей. Кто посвятилъ себя научнымъ ислѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великія заслуги Татищева, какъ перваго указателя; не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны... Татищеву на ряду съ Ломоносовымъ принадлежитъ самое почетное мѣсто въ исторіи русской науки, какъ науки въ эпоху начальныхъ трудовъ». К. Н. Бестужевъ-Рюминъ также сравниваетъ Татищева съ Ломоносовымъ, говоритъ, что названіе «первый русскій университетъ», данное Пушкинымъ Ломоносову, можетъ быть въ значительной степени примѣнено и къ Татищеву, первоначальнику русской исторической науки.

Н. А. ПОЛЕВОЙ И ЕГО ЖУРНАЛЪ „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ" [1].

Съ появленіемъ Уварова во главѣ министерства народнаго просвѣщенія настали для Полеваго особенно тяжелые дни. Уваровъ представилъ докладъ о запрещеніи «Телеграфа», но государь не изъявилъ на это согласія, и «Телеграфъ» просуществовалъ еще нѣсколько времени, пока новый докладъ не увѣнчался желаемымъ успѣхомъ.

Въ «Московскомъ Телеграфѣ» была помѣщена, въ отдѣлѣ критики, статья о сочиненіи Вальтеръ-Скотта: «Жизнь Наполеона Бонапарте». Въ статьѣ этой говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Вальтеръ-Скоттъ представляетъ насъ истинными варварами, безпрестанно честитъ именемъ скиѳовъ, съ которыми у насъ нѣтъ никакого родства, ни кровнаго, ни духовнаго, и нисколько не раскрываетъ причинъ одушевленія нашего въ 1812 году. Нельзя не сказать кстати, что какой бы ни отмежевали мы участокъ простительному незнанію иностранца, но въ семъ случаѣ историкъ Наполеона совершенно несносенъ. Какъ не знать ему, что въ Россіи живутъ не варвары, похожіе на скиѳовъ, а люди, во многихъ отношеніяхъ столько же образованные, какъ и соотечественники историка? Онъ самъ видалъ русскихъ, былъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ дружественныхъ отношеніяхъ; онъ могъ судить по нимъ, и еще болѣе по вліянію Россіи на дѣла Европы и по внѣшнимъ отношеніямъ ея, что мы давно вышли изъ варварскаго состоянія. Обык-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 503.

новенно въ этомъ случаѣ иностранцы указываютъ на крестьянъ нашихъ, которые, правду сказать, находятся еще въ грубой корѣ; но развѣ шотландскіе или французскіе мужики лучше нашихъ? Они также не знаютъ ни грамоты, ни закона, также дико, не почеловѣчески живутъ, и ломаютъ свой языкъ не хуже подмосковнаго мужика. Массы народныя есть вездѣ. За исключеніемъ религіознаго чувства и нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, онѣ повсюду одинаковы, и служатъ въ кораблѣ государственномъ вмѣсто балласта, который, по волѣ управляющихъ движущимся тѣломъ этого корабля, переносится въ трюмъ, составляетъ иногда товаръ, иногда запасъ военный или общежительный, и въ случаѣ нужды выкидывается за бортъ. Онъ существенная принадлежность корабля; но кто рѣшится судить по немъ объ искусствѣ и образованности корабельныхъ начальниковъ? Вальтеръ-Скоттъ, однакожъ, судилъ о насъ такимъ образомъ. Онъ только видѣлъ въ насъ варваровъ, и не сказалъ почти ничего о состояніи духа народнаго въ Россіи 1812 года. А какой важный предметъ для разсмотрѣнія представлялся ему! Онъ увидѣлъ бы необычайное явленіе совершеннаго спокойствія, увѣренности, можно сказать, неподвижности нашей при великихъ событіяхъ. Никогда и ни въ какомъ государствѣ, при чужеземномъ нашествіи, народъ не оказывалъ такой довѣренности къ властямъ. Французы были уже въ сердцѣ Россіи, а мы даже не знали, что̀ дѣлается въ нашихъ арміяхъ. Французы были уже въ Москвѣ, а мы и не безпокоились объ этомъ. Конечно, разстройство вещественное было велико; многія дѣла и сношенія прекратились, но никто не почиталъ потери столицы гибельною для государства; всѣ, напротивъ, были въ какой-то увѣренности, что нашествіе Наполеона есть химмолдущая буря, послѣ которой все приметъ прежній видъ. Говорятъ объ ожесточеніи крестьянъ, о народной войнѣ, но ничего этого не было. Можетъ быть, на всемъ пространствѣ пути французовъ, и съ окрестностями Москвы, гдѣ прожили они довольно долго, нѣсколько десятковъ, и едва ли сотенъ мужиковъ, оказали сопротивленіе фуражирамъ и мародерамъ, но развѣ это значитъ народная война? Русскіе дворяне и купцы сдѣлали великія пожертвованія, но не прежде, какъ при воззваніи своего монарха. Изъ Москвы бѣжали, въ Петербургѣ готовились къ бѣгству, но сопротивленія народнаго не было нигдѣ. Какъ же было не замѣтить такого необычайнаго явленія и не отдать всей справедливости безсмертнымъ мужамъ, спасителямъ Россіи: Александру, мужественному, непоколебимому противнику западнаго исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю-де-Толли? Кто могъ остановить державную волю Александра, если бы онъ рѣшился уступить Наполеону при началѣ кампаніи, или въ первые мѣсяцы оной, при видѣ страшной грозы, готовой упасть и потомъ упавшей на его имперію? Но какъ при объявленіи войны, такъ и въ минуты величайшихъ

опасностей, Александръ былъ и остался героемъ, достойнымъ сыномъ и царемъ Россіи. Барклай-де-Толли, который умѣлъ спасти армію и затруднилъ, изумилъ Наполеона своею системою медленія вслѣдствіе глубокаго разсчета,—Барклай-де-Толли былъ другимъ хранителемъ Россіи. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего великаго подвига, который оттого и оцѣнивается многими не такъ, какъ бы надлежало. Но исторія будетъ справедливѣе современниковъ: она отдастъ каждому законный участокъ славы.

«Сожженіе Москвы представлено Вальтеръ-Скоттомъ такъ, что не поймете, кто былъ виною онаго? Правительство, народъ или французы? Онъ не знаетъ даже того акта, который былъ напечатанъ въ Москвѣ, на французскомъ и русскомъ языкахъ, по приказанію Наполеона, и въ которомъ означены имена поджигателей. Этотъ важный историческій актъ былъ повторенъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ того времени, и послѣ него нельзя сомнѣваться, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ самихъ русскихъ [1]). Остается рѣшить: дѣйствительно ли необходимо было сжечь столицу для пораженія непріятеля? Вальтеръ-Скоттъ, по примѣру многихъ, разсуждавшихъ объ этомъ безпримѣрномъ событіи, находитъ, что пожаръ московскій былъ губителенъ для Наполеона. Какъ русскій, любящій славу своего отечества, я готовъ согласиться, что подвигъ былъ изумителенъ своимъ величіемъ, но, признаюсь, не вижу никакой опредѣленной цѣли для него.

«Но какія слѣдствія вообще имѣлъ Наполеоновъ походъ на Россію? Вотъ главный вопросъ, который долженъ былъ разрѣшить историкъ, описавъ сію бѣдственную для повелителя Франціи кампанію. Онъ даже и не упоминаетъ о нравственномъ ея дѣйствіи. Повторяя то же, что говорилъ онъ при началѣ описанія оной, Вальтеръ-Скоттъ осуждаетъ Наполеона за несправедливость, за высокомѣріе, за ошибки противъ разсчетливости политической и противъ военнаго искусства. Онъ не видитъ рѣзкой грани, которою Провидѣніе означило сей періодъ въ исторіи Наполеона и, прибавимъ, цѣлаго міра.

«Слѣдствія похода въ Россію были безчисленны. Гибель арміи Наполеона еще не была гибелью его самого. Потерявъ полмилліона войскъ, всю артиллерію и безчисленное множество всякихъ запасовъ, онъ мановеніемъ своей воли, какъ бы чародѣйствомъ, вновь воздвигъ армію въ триста тысячъ человѣкъ, снабженную всѣмъ не хуже его большой арміи, исчезнувшей въ Россіи. Но уже мысль объ освобожденіи сверкнула въ умахъ народовъ. Пруссія, можетъ быть, обольщенная неслыханною гибелью арміи Наполеоновой, не-

[1]) Русскій переводъ напечатанъ въ «Телеграфѣ», 1829 года, въ № 24-мъ, стр. 392 — 409.

медленно соединилась съ Россіею и, сдѣлавъ этотъ смѣлый шагъ, должна была употребить противъ врага всѣ свои силы, ибо возвратиться къ прежнему было невозможно: гибель ожидала ее при новомъ успѣхѣ Наполеона. Примѣръ столь значительной державы былъ чрезвычайно важенъ. Онъ увлекъ многихъ, робкихъ и слабыхъ, благоразумныхъ и осторожныхъ, которые также, возставъ противъ Наполеона, уже не могли положить оружія, вслѣдствіе самаго простаго разсчета. Таково было отношеніе правительствъ европейскихъ къ Наполеону послѣ 1812 года. Отношенія народовъ были еще рѣшительнѣе. При мысли о свободѣ отечества, каждый житель Германіи былъ готовъ принести на жертву все: жизнь, спокойствіе, достояніе. Въ такой борьбѣ успѣхъ не могъ быть на сторонѣ Наполеона, и его блистательные успѣхи, которыми ознаменовалось начало кампаніи 1813 года, не вели ни къ чему» [1]).

Въ статьѣ «Телеграфа», и въ особенности въ приведенномъ отрывкѣ, Уваровъ «усмотрѣлъ самые неосновательные и предосудительные толки», вслѣдствіе чего и представилъ государю докладъ слѣдующаго содержанія: [2]).

«Въ бытность мою въ прошедшемъ году въ Москвѣ, какъ извѣстно вашему императорскому величеству, я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ съ сужденіями и превратными, и вредными. Поставивъ московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ издателямъ журналовъ и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій. Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ того времени тонъ сихъ журналовъ смягчился и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей 9-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа» статью, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на исторію Наполеона», въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самые неосновательные и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительные толки и злонамѣренные ироническіе намеки,

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1833, № 9, май. Взглядъ на исторію Наполеона, стр. 137—141. Именно на эти страницы, какъ на самыя предосудительныя, Уваровъ указываетъ въ отношеніи своемъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа, 27 сентября 1833 года, № 1,105.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1833 года, № 696 (147,358).

какъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникѣ статьи съ моими отмѣтками.

«Цензоръ сей книжки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Двигубскій, за неосмотрительность свою, долженствовалъ бы подвергнуться отрѣшенію, если бъ не былъ уже вовсе уволенъ отъ службы.

«Что касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣливаюсь думать, что Полевой утратилъ, наконецъ, всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократному наставленію министерства, и слѣдовательно, что по всей справедливости журналъ «Телеграфъ» подлежитъ запрещенію.

«Представляя вашему императорскому величеству о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимой для нѣкотораго обузданія такъ называемаго духа времени, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего разрѣшенія».

На докладѣ Уварова написано государемъ: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же—въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно, самъ себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобъ вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его». Князь С. М. Голицынъ пытался защитить если не Полеваго, то Двигубскаго, доказывая, что злосчастная статья «хотя и преисполнена нелѣпыхъ вздоровъ и толковъ, но не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго и злонамѣреннаго. Статью сію я читалъ, и съ многими благонамѣренными и знающими особами разсуждалъ; но въ оной ничего не найдено, чтобы пропустившему оную цензору могло навлечь нареканіе, а кольми паче удаленіе». Но ходатайство князя С. М. Голицына не измѣнило участи обвиняемаго.

Попытка Уварова запретить журналъ Полеваго оказалась преждевременною; но, тѣмъ не менѣе, дни «Московскаго Телеграфа» были уже сочтены. Уваровъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ положеніемъ, которое создано было для него неподатливымъ журналистомъ. Какъ главный начальникъ цензурнаго вѣдомства, Уваровъ получалъ, по поводу статей «Телеграфа», прямыя и косвенныя указанія на распущенность цензуры, т. е. другими словами на плохое исполненіе своихъ обязанностей. Подобныя замѣчанія оскорбляли и раздражали Уварова. Чтобы положить конецъ имъ, Уваровъ сталъ собирать матеріалы для обвинительнаго акта, и, наученный опытомъ, заботился какъ о качествѣ ихъ, такъ и о количествѣ. Работа шла успѣшно, и надо было выбрать удобную минуту, чтобы употребить въ дѣло собранный матеріалъ. Случай скоро представился.

Роковымъ для Полеваго событіемъ была статья его о драмѣ Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». Драма эта поставлена была на сценѣ съ особенною торжественностью; присутствовать на ея представленіи и восхищаться ея красотами служило какъ бы вывѣскою благонамѣренности. На это сдѣланъ былъ Полевому весьма прозрачный намекъ со стороны «вліятельной особы», совѣты которой были равносильны приказанію. Подъ ея вліяніемъ Полевой немедленно послалъ въ Москву распоряженіе вырѣзать изъ журнала статью, написанную совершенно не въ томъ духѣ, въ какомъ требовалось. Но распоряженіе пришло уже поздно, и только въ нѣкоторыхъ экземплярахъ выпущена опальная статья, вслѣдствіе чего непосредственно за страницею 498 слѣдуетъ въ нихъ 507 страница.

Статья Полеваго знакомитъ съ критическими пріемами автора и съ тогдашними литературными требованіями; въ ней сдѣлано нѣсколько сближеній съ произведеніями другихъ писателей и т. п. Всю статью, въ ея цѣлости, надо имѣть въ виду для того, чтобы судить о главной основѣ обвиненія, а также для вѣрной оцѣнки отзыва, даннаго самимъ Полевымъ по поводу своего разбора драмы Кукольника. По всѣмъ этимъ соображеніямъ приводимъ лебединую пѣсню Полеваго, въ томъ видѣ, въ какомъ она послужила обвинительнымъ актомъ [1]).

««Рука Всевышняго отечество спасла». Драма изъ отечественной исторіи, въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. Соч. Н. К. (Писана въ октябрѣ 1832 года). Спб. 1834 г. Въ т. Х. Гинце, 141 стр. in — 8.

«Изъ увѣдомленія о сочиненіи г. Кукольника: Торквато Тассо («Тел.», 1833 г., № XVI, стр. 564), и изъ статьи о сей драмѣ, какую помѣщаемъ мы въ № 3-мъ и 4-мъ «Тел.» сего года, можно видѣть, съ какимъ участіемъ и вниманіемъ смотримъ мы на это несомнѣнное доказательство поэтическихъ дарованій г. К. Не смѣя по первому опыту его предвѣщать въ немъ великаго поэта, не смѣя предвѣщать этого и по отрывку изъ Джюліо Мости («Сынъ Отеч.», 1834 г., № 2), хотя сей отрывокъ превосходенъ, скажемъ, что, напротивъ, новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ. Никакъ не ожидали мы, чтобы поэтъ, написавшій въ 1830 году Тасса, въ 1832 году позволилъ себѣ написать—но этого мало: въ 1834 году издать такую драму, какова новая драма г. Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла»! Какъ можно столь мало щадить себя, столь мало думать о собственномъ своемъ достоинствѣ! Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Это сказалъ человѣкъ, весьма опытный въ славѣ. Объяснимся.

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1834 г., № 3, февраль, стр. 498—506.

«Мы уже говорили когда-то въ «Телеграфѣ» о томъ, что, по нашему мнѣнію, изъ освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ невозможно создать драмы, ибо тутъ не было драмы въ дѣйствительности. Романъ и драма заключались въ событіяхъ до 1612 года. Мининъ и 1612 годъ — это гимнъ, ода, пропѣтые экспромптомъ русскою душою въ нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ умный иностранецъ, разговаривая о русской исторіи, сказалъ: «У васъ была своя Орлеанская дѣва: это вашъ Мининъ». Сказано остоумно, и, всего болѣе, справедливо. Рядъ великихъ событій, отъ появленія самозванца до паденія Шуйскаго, совершился; дѣла были доведены до послѣднихъ крайностей. На пеплѣ Москвы надобно было сойтись въ послѣдній бой Россіи и Польшѣ. Толпа измѣнниковъ и ничтожныхъ вождей стояла близь Московскаго Кремля. Мужественный Хоткевичъ съ послѣдними силами шелъ къ Москвѣ. Кому пасть: Россіи? Польшѣ? — Польшѣ! — изрекъ Всемогущій, — и духъ Божій вдохновляетъ мѣщанина Минина, какъ нѣкогда вдохновилъ крестьянку Іоанну д'Аркъ. По гласу Минина сошлась нестройная толпа мужиковъ и, ведомая вѣрою въ лицѣ Аврамія Палицына и русскимъ духомъ въ лицѣ Козьмы Минина, пришла къ Москвѣ. Хоткевичъ разбитъ, и Русь спасена. Опять начинается послѣ сего рядъ новыхъ событій, совершенно чуждыхъ подвигу Минина. Мининъ мгновенно сходитъ съ своего поприща, и не только онъ, но и Палицынъ, и Пожарскій, и Трубецкой. Въ 1618 году, поляки снова стоятъ подъ Москвою, и какъ событій съ 1612 года, такъ и самаго избранія Михаила на царство, нисколько не должно сливать съ исторіею о подвигѣ Минина и Пожарскаго.

«Великое зрѣлище сего подвига издавна воспламеняло воображеніе нашихъ писателей. Херасковъ, Крюковской, Глинка сочиняли изъ него драмы. Озеровъ также принимался за сей предметъ [1]). «Можетъ быть, великое дарованіе и придумало бы завязку и развязку для драмы о Мининѣ», — скажутъ намъ. «Вѣдь Шиллеръ сочинилъ же Орлеанскую дѣву?». Но замѣчаете ли вы, въ чемъ состоитъ Шиллерово сочиненіе? Въ немъ подвигъ Іоанны составляетъ только эпизодъ: вымышленная любовь Іоанны къ Ліонелю, король, Агнеса Сорель, герцогъ Филиппъ и королева-мать составляютъ собственно всю сущность. Оттого многіе находятъ, и весьма справедливо, что, написавъ прекрасную драму, Шиллеръ собственно унизилъ Орлеанскую дѣву. Такъ можете вы создать драму о Мининѣ, прибавивъ въ нее небывалаго и сосредоточивъ главный интересъ не на освобожденіи Москвы, а на любви, или на чемъ угодно другомъ. Необходимость этого видѣли Херасковъ, Глинка и Крюковской. Торжественныя сцены на пло-

---

[1]) Въ бумагахъ Озерова было найдено начало трагедіи: Пожарскій.

щади нижегородской, въ селѣ Пожарахъ, въ Ярославлѣ, на Волкушѣ, на Дѣвичьемъ полѣ и за Москвою-рѣкою, картина битвы, картина избранія Михаила — всѣ сіи сцены величественны; но это мгновенія, и если драматическій писатель рѣшится только изъ нихъ составить свое сочиненіе, то онъ непремѣнно впадетъ въ театральную декламацію и удалится отъ истины. Это необходимо. Великія картины, видѣнныя нами въ событіяхъ нашего времени, и новѣйшія понятія объ исторіи доказали намъ, что историческія торжественныя мгновенія приготовляются издалека, и въ этихъ-то приготовленіяхъ заключена жизнь исторіи и жизнь поэзіи, а не въ окончательныхъ картинахъ, гдѣ люди, большею частію, молчатъ, образуя собой только великолѣпное зрѣлище, подобно группамъ балетнымъ. Заставивъ ихъ разглагольствовать, вы погубите величіе и простоту истины. Неужели вы думаете, что Минину стоило только кликнуть кличъ на нижегородской площади, и потомъ подраться съ Хоткевичемъ подъ Москвою? Страшная ошибка! Мининъ, безспорно, великъ и въ этихъ случаяхъ; но если хотите понять все величіе его подвига, то сообразите первую тайную его думу при тогдашнемъ отчаянномъ положеніи Россіи, его скрытные переговоры съ Пожарскимъ, и заботы его, чтобы нестройныя толпы свои и храбраго, но безпечнаго Пожарскаго довести до Москвы, прокормить ихъ, наградить жалованьемъ, безпрерывно, между тѣмъ, поборая крамолы. Обставьте все это Авраміемъ, Трубецкимъ, изображеніемъ Польши и Хоткевича — вотъ гдѣ вы узнаете Минина и правду событій! Но все это невозможно для сцены, и едва ли годится для романа. Итакъ, если нѣтъ основанія для драмы, ни въ этомъ, ни въ торжественныхъ сценахъ,— освобожденія Москвы въ 1612 году не должно передѣлывать въ драму, ибо вы должны будете или декламаторствовать, или изображать что нибудь постороннее, какую нибудь любовь, и т. п.

«Трагедія Хераскова держалась, такимъ образомъ, вся на нелѣпой, вымышленной любви сестры Пожарскаго къ сыну польскаго гетмана. Мининъ, Пожарскій, Трубецкой являлись только говорить монологи; другія лица приходили толковать безъ толку; народъ собирался кричать: ура, и пѣть хоръ при концѣ трагедіи. Крюковской основалъ свою трагедію на умыслѣ Заруцкаго, который захватываетъ жену и сына Пожарскаго. Борьба героя съ самимъ собою, борьба, состоящая въ томъ: чѣмъ пожертвовать—отечествомъ, или женою и сыномъ? Вотъ все, въ чемъ заключалась драма Крюковскаго. Остальное состоитъ въ ней изъ громкихъ монологовъ, пальбы, сраженія и ненужныхъ вставокъ. Глинка взялъ предметомъ своей драмы сборы Минина въ Нижнемъ Новгородѣ, но ввелъ въ это любовь сына его къ дочери Заруцкаго.

«Г-нъ К. нисколько не подвинулся далѣе трехъ предшественниковъ въ сей драмѣ. Вся разница въ томъ, что, по вольности ро-

антизма, онъ переноситъ дѣйствіе повсюду, и что въ его драмѣ собрано вдругъ десять дѣйствій, когда нѣтъ притомъ ни одного основнаго, на чемъ держалось бы единство драмы.

«Противъ исторической истины, безспорно, позволяются поэтамъ отступленія, даже и такія, какія позволилъ себѣ г. К.; но поэтъ долженъ выкупить у насъ эту свободу тѣмъ, чтобы употребить уступки исторіи въ пользу поэзіи.

«Отступленія отъ исторіи въ драмѣ г. К. безмѣрны и несообразны ни съ чѣмъ: онъ позволяетъ себѣ представить Заруцкаго и Марину подъ Москвою въ сношеніяхъ съ Пожарскимъ; Трубецкаго дѣлаетъ горячимъ, ревностнымъ сыномъ отечества, жертвующимъ ему своею гордостью; сближаетъ въ одно время смерть патріарха Ермогена и прибытіе Пожарскаго подъ Москву; Марину сводитъ съума, и для эффекта сцены заставляетъ ее бродить по русскому стану въ видѣ какой-то леди Макбетъ! Пожарскій представляется притомъ главнымъ орудіемъ всѣхъ дѣйствій; народъ избираетъ его въ цари. Словомъ, мы не постигаемъ, для чего драма г. К. названа заимствованною изъ отечественной исторіи! Тутъ нисколько и ничего нѣтъ историческаго ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ.

«Къ чему же послужили г. К. романтическая свобода и такія страшныя измѣненія исторіи? Къ тому, чтобы изобразить нѣсколько театральныхъ сценъ. Въ этомъ нельзя отказать г. Кукольнику: такія сцены у него есть; но это самое послѣднее достоинство драмы, и подобные эффекты найдете въ каждой мелодрамѣ. Не того требуемъ мы отъ истиннаго поэта: требуемъ поэтическаго созданія, истинной драмы. Мы слышали, что сочиненіе г. К. заслужило въ Петербургѣ много рукоплесканій на сценѣ. Но рукоплесканія зрителей не должны приводить въ заблужденіе автора. Каждое слово, близкое русской душѣ, каждая картина, хоть немного напоминающая родное, могутъ возбуждать громкіе плески. Димитрій Донской Озерова — эта рѣшительная ошибка дарованія сильнаго; Пожарскій Крюковскаго, гдѣ нѣтъ и тѣни драмы, обѣ сіи пьесы, въ свой чередъ, заставляли зрителей рукоплескать. И какъ часто, даже нынѣ, сильный стихъ Озерова, или Крюковскаго:

Кто слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно;

или:

Въ отечествѣ драгомъ, въ родимой сторонѣ
Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ —

заставляютъ зрителей хлопать. Я помню представленіе Димитрія Донскаго и Пожарскаго въ Москвѣ, въ 1812 году. Надобно было слышать, какой страшный громъ рукоплесканій раздавался тогда при стихѣ:

И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!

«Когда Пожарскій произносилъ:

Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!

«Ура! сливалось тогда съ оглушающимъ крикомъ: Charmant! Браво! Многіе изъ зрителей плакали отъ умиленія. Тогда же играли драму Глинки: Мининъ, — и стѣны театра дрожали отъ плеска и крика, при словахъ Минина:

Богъ силъ! предшествуй намъ, правь нашими рядами,
Дай всѣмъ намъ умереть отечества сынами!

«Наши старики сказываютъ, что также нѣкогда встрѣчали они рукоплесканіями трагедію Хераскова.—Счастливыхъ, сильныхъ стиховъ въ драмѣ г. К. довольно, хотя вообще стихосложеніе въ ней очень неровно. Мы думаемъ, это происходитъ отъ того, что драма въ сущности своей не выдерживаетъ никакой критики. Подробности являются изъ основанія, а стихи изъ подробностей, и если основаніе плохо, то и все бываетъ неловко, несвязно и натянуто.

«Почитаемъ ненужнымъ излагать и разбирать подробно новую драму г. К. О ней довольно писали въ петербургскихъ журналахъ, увѣряя, что г. К. «первый представилъ намъ драму истинно народную, русскую, дюжую, плечистую». Преувеличенная, и притомъ такая странная похвала, что недовѣрчивому писателю всего легче почесть ее за тонкую насмѣшку! Вѣроятно, дюжую, плечистую драму г. Кукольника не замедлятъ дать на московскомъ театрѣ, и, вѣроятно, она пойдетъ послѣ того заурядъ съ Пожарскимъ Крюковскаго, хотя, по времени и по отношеніямъ, Крюковскому надобно отдать преимущество передъ его послѣдователемъ и соперникомъ».

Статья Полеваго, напечатана въ первой февральской книжкѣ (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ), а въ двадцатыхъ числахъ марта Полевой вызванъ былъ въ Петербургъ. Цѣль вызова состояла въ объясненіяхъ по поводу критики на драму Кукольника и по поводу направленія «Московскаго Телеграфа» вообще.

Суть обвиненія за критическую статью о драмѣ Кукольника заключалась въ словахъ Полеваго: «Новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ», которымъ придали весьма предосудительный смыслъ. На требованіе объясненія Полевой отвѣчалъ письмомъ на имя графа Бенкендорфа:

«Сіятельный графъ,

«Милостивый государь.

«Въ исполненіе объявленной мнѣ высочайшей воли: объяснить, въ какомъ смыслѣ сказано было мною, въ началѣ библіографической статьи о трагедіи «Рука Всевышняго отечество спасла», что сія трагедія «опечалила рецензента», и проч., чего теперь, не

имѣя подъ рукою статьи моей, припомнить въ точности не могу,— симъ честь имѣю донести, что я судилъ о трагедіи по чтенію, не видавъ ея на сценѣ, и говорилъ о ней чисто въ литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ созданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму: «Торквато Тассъ», исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ «Тасса», его новая трагедія казалось мнѣ,— повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи — прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ не только словами, но и дѣйствіемъ; что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно и произвесть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны, и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какимъ-то, по жребью, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастіе отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителѣ. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкѣ. Но смѣю увѣрить всѣмъ, что есть для меня святаго и драгоцѣннаго, что никогда въ мысль мнѣ не приходило что либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое роднаго всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердецъ зрителей. По этому участію можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою не болѣе...

«Съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю пребыть

«вашего сіятельства,
«милостиваго государя,
«покорнѣйшій слуга
«Николай Полевой».

«Марта 31-го дня. 1834 года.
С.-Петербургъ».

Объясненіе, данное Полевымъ, признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Такъ можно заключить, во-первыхъ, изъ того, что какъ только оно было представлено, Полевой возвращенъ въ Москву; а главнымъ образомъ изъ того, что и впослѣдствіи, когда въ вѣдомствѣ графа Бенкендорфа заходила рѣчь о Полевомъ, обыкновенно припоминалось, что, хотя статья его и вызвала гнѣвъ, но объясненіемъ своимъ Полевой доказалъ, что онъ не одобрялъ драмы Кукольника исключительно въ литературномъ, а отнюдь не въ какомъ либо другомъ отношеніи.

Благонамѣренность своего направленія вообще Полевому пришлось отстаивать передъ графомъ Бенкендорфомъ и Уваровымъ, который, по словамъ Полеваго, и былъ главнымъ обвинителемъ. При этомъ Полеваго особенно смущала тетрадь, которая была въ рукахъ Уварова и съ которою онъ постоянно справлялся. Тетрадь эта имѣетъ своего рода историческое значеніе: она состоитъ изъ выписокъ изъ «Телеграфа» и различныхъ сочиненій Полеваго; выписки эти, какъ говоритъ Пушкинъ, ведены Бруновымъ по совѣту Блудова [1]).

На основаніи матеріаловъ, выбранныхъ изъ сочиненій самого Полеваго, Уваровъ представилъ слѣдующій обвинительный актъ [2]):

«Давно уже и постоянно «Московскій Телеграфъ» наполняется возвѣщеніями о необходимости преобразованій и похвалою революціямъ. Весьма многое, что появляется въ злонамѣренныхъ французскихъ журналахъ, «Телеграфъ» старается передавать русскимъ читателямъ съ похвалою. Революціонное направленіе мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается въ семъ журналѣ, котораго тысячи экземпляровъ расходятся по Россіи, и по неслыханной дерзости, съ какою пишутся статьи, въономъ помѣщаемыя, читаются съ жаднымъ любопытствомъ. Время отъ времени встрѣчаются въ «Телеграфѣ» похвалы правительству, но тѣмъ гнуснѣе лицемѣріе: вредное направленіе мыслей въ «Телеграфѣ», столь опасное для молодыхъ умовъ, можно доказать множествомъ примѣровъ.

«Приступая къ симъ доказательствамъ, спросимъ: что, если бы среди обширной столицы кто нибудь вышелъ на площадь и сталъ провозглашать предъ толпою народа о необходимости революцій, о неосужденіи всеобщности революцій; что явленія нидерландской революціи прекрасны, что Россія, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всякомъ случаѣ выигрывала предъ Польшею; что еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи; что жители Приволжья и Придонья совершенно чуждые намъ, и то же, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылаетъ въ Сибирь по 25 тысячъ человѣкъ на желѣзномъ канатѣ; что французы теперь равны одинъ другому, и что во Франціи теперь все ведетъ ко всему.

«Представимъ толпу слушателей умножающеюся, а человѣкъ продолжаетъ проповѣдывать: что разбойничество происходитъ отъ излишка силъ души; что Стенька Разинъ и Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы въ борьбѣ дикой независимости съ силами России; что отъ разбойничьихъ пѣсенъ

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое. 1882 года. Томъ V, стр. 233.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, 1834 года, № 102 (130,353).

дрожитъ русская душа и сильно бьется русское сердце; что сами русскіе произошли отъ разбойниковъ, назвавшихъ себя Русью; что братоубійцы достойны сожалѣнія, а не проклятія; что Мономахова корона и скипетръ принадлежатъ къ большимъ сказкамъ; что русскихъ пора будить отъ пошлой растительной бездѣйственности; что Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный, и что природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

«Можетъ быть, назвали бы такого человѣка сумасброднымъ (если не злонамѣреннымъ), но, вѣроятно, не позволили бы ему провозглашать долѣе на площади, гдѣ слова его могли бы возбудить разные толки. Однако жъ, именно есть такой провозглашатель, и на площади столь обширной, какъ Россія, не предъ толпой поселянъ, а предъ тысячами тѣхъ, которые владѣютъ поселянами, предъ тысячами молодыхъ людей, и безъ того уже легко заражаемыхъ французскимъ вольнодумствомъ. Все вышесказанное не произнесено на вѣтеръ, а напечатано для современниковъ и потомства въ тысячахъ экземпляровъ «Телеграфа» и «Исторіи русскаго народа». Прилагаются выписки съ указаніями страницъ, составляющія только самую малую часть того, что можно и должно замѣтить.

1831, № 1, стр. 78. «Тотъ не долженъ и думать объ изданіи литературнаго журнала въ наше время, кто полагаетъ, что его дѣломъ будетъ сборъ занимательныхъ статеекъ. Журналъ долженъ составлять нѣчто цѣлое, полное; онъ долженъ имѣть въ себѣ душу, которую можно назвать его цѣлью. Иначе ваше собраніе непремѣнно подвергнется равнодушію публики. Не указывайте на людей, живущихъ въ обществѣ без цѣли, а иногда и безъ души. Это рядовые, пользующіеся чужимъ умомъ, слѣдующіе чужому направленію. Журналистъ въ своемъ кругу долженъ быть колонновожатымъ: куда же заведетъ онъ свой курпусъ, не зная дороги, ибо дорогу знаютъ тогда только, когда извѣстна цѣль пути. Изъ Москвы не доѣдемъ и до Серпухова, если пустимся
1831, № 1, стр. 82. въ какую попало заставу. Возбуждать дѣятельность въ умахъ и будить ихъ отъ этой пошлой растительной бездѣйственности, которая составляетъ величайшій недостатокъ большей части русскихъ. Вотъ условія, налагаемыя современностію на русскаго журналиста! отъ исполненія ихъ зависитъ успѣхъ его предпріятія..

NB. И въ томъ же № (стр. 32) говорится, что не должно осуждать общности революціи, что она есть слѣдствіе прежнихъ вѣковъ, что иначе должно осудить ходъ и успѣхи новаго образованія, утверждать рѣшительную неподвижность... и пр.

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга. Будущность Франціи рѣшена, во всемъ, что касается внутренней ея самобытности. Но какъ мало извѣстна, какъ не-

рѣшительна для Европы будущность взаимныхъ внѣшнихъ отношеній одного государства къ другому. Давно ли мы видѣли сильныя доказательства этому? смѣлая рѣшительность, одно сраженіе, и три — четыре форсированныхъ марша разрушили всѣ разсчеты, желанія, предвѣдѣнія записныхъ европейскихъ дипломатовъ. Стоитъ только осмотрѣться кругомъ, узнать, чего кто желаетъ, чего кто боится, и кто что говоритъ...

«Когда хотятъ огромнымъ рычагомъ пошевелить громаду, тяжелую и твердую въ основаніи, то прежде всего ищутъ точку опоры, въ которой бы можно было утвердить рычагъ. 1830, № 18, стр. 284.

«Если въ головы народа полуобразованнаго западаетъ новая мысль, то она западаетъ глубоко, бываетъ единою и единственною пищею, снѣдью вседневною. Хорошо переваривають сіи головы такую мысль, проникаются ею, и вскорѣ дѣлается она идеею положительною, чувствомъ глубокимъ, вѣрованіемъ. Все сіе сбылось съ основаніями карбонарства. 1830, № 19, стр. 462.

«Въ наше время найденъ путь къ философическому воззрѣнію на предметы, и число избранныхъ уже довольно велико. 1831, стр. 381.

(О Махіавелѣ). «Позоримъ память (его) для того, можетъ быть, чтобъ примѣръ и творенія Махіавеля не возрождали благороднаго стремленія ко всему тому, что составляетъ честь, славу и законную свободу отечества. Никогда не встрѣчаете вы у него ложнаго мнѣнія, потому только утверждаемаго имъ, что онъ можетъ облечь его въ блестящее выраженіе, можетъ поддержать его остроумнымъ софизмомъ. Читая творенія Махіавеля, чувствуете, что его оживляла душа, подобная душамъ тѣхъ гордыхъ патриціевъ, которые при исполненіи общественныхъ обязанностей забывали самыя драгоцѣнныя связи сердца, и пр. 1828, № 6, стр. 203.

«Во времена революцій всегда являются такіе геніи, искатели приключеній, которые, свободно шагая на политической сценѣ, безъ всякаго страха отваживаютъ все, даже славу свою. 1831.

«Это люди, поклявшіеся местью за отчизну, уже погибшую. Они хотятъ возстановить ее: имъ нѣтъ помощниковъ; они знаютъ это и боятся слабости своей; можетъ быть, готовы отчаяться, ибо поднимаютъ бремя не по силамъ человѣческимъ. Но ихъ связываетъ клятва, и тщетные борцы противъ судебъ провидѣнія — они гибнутъ потому, что хотятъ невозможнаго; они платятъ за это 1834, № 1, стр. 171. Въ статьѣ о романѣ Загоскина.

самою своею добродѣтелью; погибшіе для настоящаго и будущаго, они невольно вовлекаются въ преступленія. Но откажемъ ли имъ въ участіи, въ состраданіи?

1833, № 18, стр. 243. Въ статьѣ Марлинскаго о клятвѣ при гробѣ Господнемъ.

«Жалѣю о тѣхъ, которые не постигаютъ или не хотятъ обнять мысль самоотверженія, проявленной на двѣ грани въ клятвѣ; но убѣжденъ я, скоро настанетъ время, что отдадутъ справедливость Полевому, равно за его исторію и повѣсти; что публика не будетъ больше прятать въ рукавъ свою руку, но подастъ ее ему безъ перчатки и скажетъ отъ сердца спасибо!

«Замѣчу, что мы стоимъ на брани съ жизнію, мы должны завоевывать равно свое будущее и свое минувшее. И не обязаны ли мы потому благодарностію тѣмъ людямъ, которые безплатно, съ усиліями, источающими жизнь, отрываютъ родную сторону изъ-подъ снѣговъ равнодушія. Таковъ Полевой, такъ изображаетъ онъ Русь, не умствуя лукаво, но чувствуя глубоко и сердцемъ угадывая таинственные гіероглифы характеровъ, бывшихъ непонятными даже тѣмъ, кои носили ихъ на челѣ.

1834, № 1, стр. 179.

«О современникахъ.

«Будьте только выше ихъ и дѣлайте съ ними, что хотите. Они выслушиваютъ брань на все, что украшаетъ и возноситъ вѣкъ; будутъ смѣяться даже надъ самими собою.

1834, № 2, стр. 255.

«Воля человѣка непобѣдима, если только онъ обратитъ силу и волю свою на дѣйствіе, внутри и внѣ себя все равно, ибо тогда природа становится частію его самого, субъектомъ его объекта.

«О равенствѣ и свободѣ.

1833, № 1, стр. 35 и 36.

«Изъ народа возсталъ сначала черный человѣкъ, законовѣдецъ, возсталъ противъ пурпура папской одежды и противоположилъ право праву.

«Купецъ оставилъ потомъ свою мрачную лавку, и ударилъ въ вѣчевой колоколъ, загородивъ рыцарю тѣсную улицу своей общины. Рабъ барона феодальнаго, какъ животное ползавшій на четвере470ькахъ по своему полю, сталъ на ноги, и съ дикимъ смѣхомъ поразилъ подъ беззащитною бронею уравнительнымъ ядромъ своего гордаго феодалиста и его могучаго коня. Воля побѣдила, правосудіе побѣдило. Міръ фатализма сокрушился. Даже ѳеократическая сила отреклась отъ своихъ правъ...

Стр. 37.

«Онъ (человѣкъ) возвысился къ Богочеловѣку, откровенію неба, Богу духу, не различающему между сынами своими никого и всѣмъ отверзающему равное счастіе въ обществѣ, равную вѣру въ религіи, равное лоно отеческой любви за гробомъ.

«Настали крестовые походы. Это было народное великое движеніе. И каждое великое движеніе народное, какова бы ни была его цѣль и причина, всегда (въ прежнія времена) испаряло изъ послѣдней осадки своей независимость ума. Вотъ начинается бурный періодъ жакистовъ, прагистовъ, лигистовъ. Владычество колеблется, единство разваливается. 1833, № 13, стр. 14.

«Короли поневолѣ должны были подтверждать права и свободу ихъ. 2 т., Ист. Р. Н., стр. 66.

(Здѣсь помѣщенъ анекдотъ, что) «какая-то баба сказала женѣ Пугачева: эка ты дура матушка царица». 1831, № 5, стр. 143.

(Анекдотъ, что) «одинъ поэтъ чрезвычайно польстилъ одному римскому императору похвальною надписью, но когда по умерщвленіи императора упрекали поэта въ лести, то онъ оправдался тѣмъ, что слово, употребленное имъ, двузначительно и можетъ быть истолковано: «всегда будетъ дуракомъ». № 4, стр. 70.

«Въ статьѣ: Изученіе новыхъ твореній Гете, помѣщено слѣдующее: 1834, № 1, стр. 7 и 8.

«Владѣнія императора. Тронная зала. Среди толпы придворныхъ императоръ всходитъ на тронъ и спрашиваетъ, гдѣ дуракъ его? Ему сказываютъ, что онъ упалъ на лѣстницѣ, но вмѣсто его явился какой-то другой, пресмѣшной и презабавный: это Мефистофель. Императоръ принимаетъ его на мѣсто прежняго и ставитъ подлѣ себя. Обращаясь къ министрамъ, онъ говоритъ, что собралъ дворъ свой веселиться; но если непремѣнно хотятъ они мучить его дѣлами, то пусть говорятъ, что имъ надобно. И вотъ, одинъ за другимъ, они описываютъ ему бѣдствія государства, неповиновеніе войскъ, недостатокъ во всемъ, возмущенія и прочее. Императоръ, подумавъ, обращается къ новому своему дураку и спрашиваетъ: не знаешь ли и ты какого нибудь бѣдствія?—Никакого!—отвѣчаетъ Мефистофель.—И что можетъ быть среди блеска и силы, окружающихъ тебя? Деньги надобны вамъ? Въ землѣ много скрыто ихъ... Императоръ короче спрашиваетъ у дурака: — Гдѣ жъ деньги?— Въ землѣ,—отвѣчаетъ Мефистофель.

«Императоръ самъ хочетъ приняться за работу, но астрологъ, внушаемый какъ и прежде Мефистофелемъ, совѣтуетъ ему сначала повеселиться. Императоръ велитъ начинать увеселенія. Мефистофель остается одинъ и говоритъ:—Глупцы никогда не думаютъ, какъ соединяется заслуга и счастье... Стр. 9.

«Не сама Франція, но вся Европа назвала французскою химіею то движеніе, которое Франція начала толчкомъ столь сильнымъ и направленіемъ столь умнымъ. 1831, № 1, стр. 22.

«Франція долженствовала сдѣлаться и сдѣлалась мѣстомъ того безмѣрнаго, вѣковаго событія, которое цѣлый міръ назвалъ и цѣлые вѣка будутъ называть французскою революціею. Безъ сомнѣнія, сей переворотъ былъ французскій, но, бывши французскимъ, онъ былъ столько же и европейскій.

«Надобно было вспыхнуть революціи XVIII вѣка, революціи, всеобщей. Не будь сей переворотъ всеобщимъ, онъ не достигъ бы своей цѣли, ибо всѣ частныя революціи уже были и прошли и всѣ онѣ вели ко всеобщей революціи: вотъ необходимость характера революціи XVIII вѣка.

1833, №11, стр. 357. «Эшафодъ на площади революціи равно звалъ къ себѣ короля и королеву! Народъ съ одинакимъ торжествомъ показывалъ голову принцессы Ламбаль и головы Фулона и Бертье... Съ этимъ равенствомъ казни всюду соединялось равенство мужества.

1828, №17, стр. 72. «Напоминаніе объ ужасахъ революціи есть доказательство весьма слабое.

(Зло есть средство блага въ мірѣ. (Сія мысль весьма часто повторяется изд. „Телеграфа“). См. 13 стр. II-го т. Ист. Р. Н.)

1831, №16, стр. 464. «Лафаетъ, самый честный, самый основательный человѣкъ во французскомъ королевствѣ, чистѣйшій изъ патріотовъ, благороднѣйшій изъ гражданъ, хотя онъ вмѣстѣ съ Мирабо, Сіесомъ, Баррасомъ, Баррѐромъ и множествомъ другихъ былъ однимъ изъ главныхъ двигателей революціи.

1831, № 1, стр. 32. «Разсмотрите безпристрастно начало и слѣдствія французской революціи и потомъ не осуждайте общности ея, или осудите вѣкъ, который она представляла; не осуждайте и вѣка, или осудите вмѣстѣ съ нимъ и XVII вѣкъ, ибо XVIII вѣкъ былъ только продолженіемъ семнадцатаго; не осуждайте и XVII, или осудите вмѣстѣ съ нимъ XVI, приготовившій его; наконецъ, не осуждайте и XVI вѣка, или предайтесь среднимъ временамъ, осудите ходъ и успѣхи новаго общественнаго образованія, утверждайте рѣшительную неподвижность и пр.

1831, № 6, стр. 166. «Во Франціи совершился переворотъ великій, но этотъ переворотъ былъ совершенно въ народномъ духѣ. Франція сама желала его. Французы въ своихъ постановленіяхъ осуществили часть того, что XVIII вѣкъ изложилъ въ своихъ книгахъ. Теорія одной эпохи осуществляется слѣдующею эпохою, но духъ все тотъ же. Французы сдѣлались старѣе 50-ю годами—вотъ все.

№18, 1830, стр. 278. «Европа, изумленная сими подвигами, стала съ изумленіемъ подлѣ Франціи, уже низложенной, но еще кипящей революціею и силою. 1831 — 50 =1781.

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга.

1831, № 1, стр. 79. «И все преобразилось! и преобразованіе сіе существуетъ не въ воображеніи, не въ фантазіяхъ, какъ думаютъ глупые люди и глупые журналы. Доказательствомъ существенности его есть постоянный успѣхъ новаго направленія. Оно объяло всѣ отрасли познаній...

1830, № 15, стр. 361. «Французская революція разрушила все это общественное зданіе; она, такъ сказать, срыла его до тла.

«Съ перемѣною обстоятельствъ во Франціи, сдѣлались французы равны одинъ другому; они могутъ пользоваться правами каждый лично; у нихъ есть обязанности къ государству. Всѣ почтенныя занятія уважаются; всѣ ведутъ ко всему... честолюбіе обязано предъявлять свои права и доказывать ихъ предъ всѣми, и проч.

«При столь новомъ состояніи дѣлъ и умовъ во Франціи, такъ называвшійся прежде большой свѣтъ спустилъ флагъ. Онъ скончался какъ монархія великаго короля...

Людовика XIV.

1830, № 15, стр. 361. «Мы видѣли, какъ исчезъ этотъ большой свѣтъ со своими сумасбродными запрещеніями и безнравственными вольностями, со своими вздорными приличіями и заказными нравствеными законами, со своими волокитами, завоевателями и судопроизводствомъ старыхъ бабъ.

NB. Сія статья писана послѣ переворота во Франціи въ 1830 г. и помѣщена въ „Тел." съ замѣчаніемъ, что изъ нея читатели увидятъ, на какой высокой степени находится нынѣ во Франціи литературная критика.

1831, № 1. стр. 5, 6, 7. «Въ статьѣ: Историческое обозрѣніе XVIII столѣтія, говорится о необходимости первой революціи новѣйшихъ временъ быть революціею религіозною. Безъ сомнѣнія, сія революція имѣла свои предваренія, свои подготовленія, такъ, какъ бываетъ это при всѣхъ великихъ событіяхъ; что «въ XVI вѣкѣ революція совершилась въ Германіи»; что «XVII вѣкъ былъ еще болѣе XVI революціонный»; что «въ другой половинѣ XVII вѣка еще революція, продолженіе прежней, давшее только ей новый образъ политической революціи; что двѣ революціи наполняютъ исторію XVI и XVII столѣтій, но та и другая были революціи частныя; что революція религіозная, казалось, не заключала въ себѣ ничего политическаго; что надобно было англійской революціи возникнуть изъ реформаціи, чтобы всѣ примѣтили направленіе предшествовавшей революціи. Тогда узнали, что прежняя революція была не исключительно религіозная, ибо основаніе оной произвело потомъ политическую революцію; что основаніе второй произвело уже революцію религіозную; что такимъ образомъ революція протестантская и революція англійская не перешли за предѣлы назначенія—огромные,

830, №18, стр. 241.

но ограниченные... Если бы Польша сама не была колеблема въ основаніи избирательнымъ правленіемъ, аристократіею и вліяніемъ католицизма, она успѣла бы покорить казаковъ совершенно, не смотря на отчаянную ихъ борьбу и хитрую политику Россіи, которая видѣла свою пользу, разжигала раздоры и смуты, и выигрывала во всякомъ случаѣ.

1830, №17, стр. 85.

(О жителяхъ сѣверной части Россіи, Приволжья и Придонья). «Они въ отношеніи къ намъ то же, что колонисты и цыганы,—наши, но не мы.—Мы обрусили ихъ аристократовъ, помаленьку устранили мѣстныя права, ввели свои законы, удалили строптивыхъ, сами перемѣшались съ простолюдинами, туземцами, но за всѣмъ тѣмъ обрусить туземцевъ не успѣли, такъ же какъ татаръ, бурятъ и самоѣдовъ. Они наши, но не мы.

1830, стр. 246.

«Еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи.

1830, №17, стр. 96.

«Россія окружила ихъ (казаковъ) отвсюду и требовала повиновенія общему порядку дѣлъ. Началась борьба казацкой, дикой независимости съ политическимъ могуществомъ исполина. Разинъ, Булавинъ, Пугачовъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы.

1830.

«Подъ рукою живописца искуснаго Малороссія представитъ картину самую занимательную, самую живописную. Никакая швейцарская, никакая нидерландская революція не покажетъ намъ явленій столь дикихъ, столь прекрасныхъ!

Статьи изд. „Тел." въ альманахѣ „Денница", 1830, стр. 279.

«Двадцать и двадцать пять тысячъ человѣкъ ежегодно идутъ изъ Россіи въ Сибирь на желѣзномъ канатѣ, но ихъ и не видно въ Сибири.

„М. Т.", 1830, стр. 243.

«Малороссіянъ временъ Наливайки и Хмельницкаго не должно представлять себѣ людьми, похожими на жителей Парижа, которые съ трехцвѣтною кокардою на шляпахъ брали Бастилію въ 1789 году и Лувръ въ 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюрненгальскомъ полѣ.

«(Далѣе Россія представляется измѣнившею обѣщаніямъ, даннымъ казакамъ и Хмельницкому).

«Въ извѣстіи о превосходныхъ замѣчаніяхъ на польскую революцію, переведенныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и напечатанныхъ особою книгою, «Телеграфъ» ограничилъ свое замѣчаніе о книгѣ и объ авторѣ сими, по духу «М. Т.», едва ли не ироническими строками: «Онъ указываетъ, наконецъ, на зло революціи, объясняетъ начало и зачинщиковъ польской революціи и заключаетъ благими совѣ-

NB. Участь поляковъ тогда еще не была рѣшена.

тами соотечественникамъ своимъ. Горе не внемлющимъ». И только. Новъ 16 №, 1831, стр. 464, можно сообразить съ симъ похвалы Лафаету (Левель былъ также превозносимъ въ «Телеграфѣ»).

1830, № 16, стр. 567. (О Москвѣ) — «что она была доселѣ въ мнѣніи многихъ городомъ бояръ русскихъ, но что въ ней могущественно и сильно среднее сословіе, имѣющее 5,000 фабрикъ», и проч.

Марлинскаго отзывы, въ «Телеграфѣ» помѣщаемые.

1834, № 2, стр. 229. «Съ тѣхъ поръ, какъ брата полюбилъ я русскаго солдата: это самое безропотное животное въ самой тяжкой долѣ.

1833, № 18, стр. 217. «Характеръ самозванца (въ ром. Булгарина) не выдержанъ, а государственные люди его черезчуръ просты и трусливы: имъ ли быть совѣтниками или врагами царей, главами заговорщиковъ, виновниками переворотовъ?

1833, № 16, стр. 89. «Франція побыла республикою, побыла имперіей, революція перекипятила ее до млада въ кровавомъ котлѣ своемъ.

Стр. 93. «Русскій баринъ искони отличался необыкновенною уступчивостью своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостью чужихъ... за бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто бы она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ— онъ грудью полѣзъ въ нѣмцы.

1833, № 15, стр. 405. «Она (исторія) буянила и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ князи изъ грязи, но народы послѣ тяжкаго похмѣлья забывали вчерашнія кровавыя попойки.

1833, № 15, стр. 405. «Размѣняйте бѣлую бумажку, и вы будете кушать славу, слушать славу, курить славу, утираться славой, топтать ее подошвами. Да-съ, исторія теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя бы вамъ было это вовсе не угодно. Она вѣрна, какъ Обріева собака, она воровка, какъ сорока-воровка, она смѣла, какъ русскій солдатъ, она безстыдна, какъ блинница.

№ 16, стр. 533. «Въ стѣнахъ всѣхъ городовъ вообще, и вольныхъ въ особенности, кипѣло бодрое смышленое народонаселеніе, которое породило такъ называемое среднее сословіе. Не имѣя пяди земли, оно завладѣло силами и произведеніями природы, наняло труды человѣка, отдало въ наемъ свои способности... родясь въ эпоху мятежей и распрей, въ сословіи мѣщанъ, въ сословіи, понимающемъ себѣ цѣну, и между тѣмъ униженномъ, презираемомъ аристократіею.

Стр. 554. «Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ разночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками. Латы распались въ прахъ.

1833, №18, стр. 245. (О комедіи «Горе отъ ума). «Наконецъ, она не скользитъ среди публики какъ тать, какъ запрещенный товаръ безъ клейма, какъ умный мѣщанинъ среди надутыхъ аристократовъ.

«О нравственности въ литературѣ.

«Великіе писатели не дѣлали поэтическихъ сочиненій своихъ сборниками избранныхъ примѣровъ нравственности, добродѣтели и высокихъ изреченій. Самыя знаменитыя Медеино я и Гораціево умереть суть болѣе выраженія высокой гордости и дикаго патріотизма, нежели высокой нравственности.

1830. №15. «Тотъ, кто назоветъ Донъ-Жуана, Фауста, сочиненіемъ ненравственнымъ, вовсе не понимаетъ теоріи изящныхъ искусствъ, хочетъ нагую Венеру Медицейскую одѣть въ капотъ и пр. Никогда не нападая на поэтовъ русскихъ съ обвиненіемъ въ безнравственности, «Телеграфъ» всегда упрекалъ ихъ и будетъ упрекать въ недостаткѣ, слабости и проч.

1834, №4, стр. 651. «Романъ есть самъ себѣ цѣль, какъ всякое произведеніе изящное... Если вы хотите поучать, то для этого есть проповѣди, есть науки; въ поэзіи же должно быть свободное развитіе творческой мысли. Тамъ нѣтъ мѣста никакимъ постороннимъ цѣлямъ.

1834, №4, стр. 653. «Тотъ клевещетъ на Провидѣніе, кто не видитъ блага въ каждомъ событіи; въ томъ нѣтъ никакого религіознаго чувства, кто подумаетъ, что Провидѣніе допускаетъ злодѣянія, измѣны и пороки, не имѣя высокой, часто непостижимой для насъ нравственной цѣли. Сердце человѣческое въ чистотѣ невинности угадываетъ это, и потому-то можетъ съ наслажденіемъ видѣть въ произведеніяхъ изящнаго изображеніе бѣдствій, пороковъ, злодѣяній: за ними скрывается мысль о Непостижимомъ, Который все ведетъ къ благой цѣли.

1833, №19, стр. 403. «Ужасное заключено въ природѣ человѣческой: надобно же иногда выпускать его на волю!

Стр. 410. «Что же браните вы во французскихъ романахъ? Сильныя ощущенія? Но неужели вамъ неизвѣстно, что слезливые романы съ ихъ сладенькими, легонькими чувствами, надѣлали гораздо болѣе вреда, нежели самые отчаянные романы Карровъ, Сю и Гюго.

(О французскихъ романахъ).

Стр. 406. «При такомъ страшномъ развитіи всѣхъ способностей,

Въ „Телеграфѣ“ же 1833, №19, стр. 25, сказано: „Особенно нужна осторожность въ мнѣні-

ума, души и силъ нравственныхъ и тѣлесныхъ, какихъ созданій хотите вы отъ искусства? Разумѣется, сообразныхъ съ состояніемъ, съ направленіемъ человѣка... на-
Стр. 407. правленіе это необходимо; вотъ единственное его оправданіе. Оно не умышленное, а необходимое зло.

«О разбоѣ и убійствѣ.

«Разинъ, Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы.

1830, № 17, стр. 136. «Невѣроятное положеніе общества! Грабежъ, приведенный въ какія-то правила! Разбойники съ особыми понятіями о чести, о добрѣ, и въ обществѣ благоустроенномъ! Все это заставляетъ ужасаться, но такое презрѣніе опасностей, такая расточительность жизни, не есть ли излишекъ силъ души?

1831, № 3, стр. 384. «Тогда всѣ такъ думали: пѣсни Стеньки Разина, богатство поэзіи въ самыхъ простонародныхъ пѣсняхъ, почли бы нестерпимымъ мужичествомъ, и то, отъ чего теперь дрожитъ наша русская душа, сильно бьется наше русское сердце, конечно, заставило бы носикъ не одной красавицы 1800 года вздернуться съ негодованіемъ.

1834, № 2, стр. 334. (Приложена картинка убійства Агамемнона Клитемнестрою). О живописцѣ говорится: «Онъ представилъ царя царей, въ сладостномъ спокойствіи спящаго подлѣ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Троѣ. Клитемнестра, побуждаемая Эгистомъ, держитъ въ рукѣ кинжалъ, который долженъ поразить ея супруга. Но все показываетъ, какъ трудно совершить ей злодѣяніе. Нельзя не отдать должной хвалы художнику, но въ картинѣ его вообще господствуетъ какая-то принужденность, неизбѣжное свойство произведеній классическихъ. Сверхъ того, намъ кажется, что лицо Эгиста не должно выражать смущенія, страха, а въ немъ выражены эти чувства, и что всего страннѣе,
Стр. 335. то же самое видно и въ лицѣ Клитемнестры. Физіогномія Эгиста, напротивъ, должна бы носить на себѣ отпечатокъ смѣлости злодѣянія: онъ мужчина и рабъ, желающій погубить своего властителя, чтобы потомъ вступить въ его права.

Въ III т. И. Р. Н., стр. 107. .... «неловкое злодѣйство Святослава... При словахъ: не думалъ защищать вдовы и дѣтей Романовыхъ, находится примѣчаніе:

Стр. 258, 3 т. «Королева была зарѣзана во дворцѣ. Убійца нашелъ защитниковъ.

Т. 1-й. (О убійствѣ Оскольда и Дира): «Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертью Оскольда и Дира».

3*

яхъ основ-
ныхъ, об-
щихъ, со-
средоточи-
вающихъ
въ одномъ
центрѣ цѣ-
лый кругъ
частныхъ
понятій;
ибо такія
мнѣнія бо-
гаты, а
иногда не-
истощимы
послѣд-
ствіями.
Безчислен-
ность про-
исшествій
человѣче-
скихъ, какъ
значитель-
ныхъ, такъ
и маловаж-
ныхъ, не
исключая
самыхъ ве-
ликихъ,
имѣетъ на-
чаломъ не-
большое
число ос-
новныхъ
мнѣній, та-
кова ихъ
важность!
Слѣдова-
тельно, все,
что можетъ
вести къ
нимъ, тре-
буетъ вели-
чайшей
осмотри-
тельно-
сти".

Тамъ же. (О братоубійцѣ Святополкѣ): «Если незаконное рожденіе и свирѣпый нравъ были причиною его злодѣйствъ, онъ достоинъ сожалѣнія, а не проклятія.

М. Т., №17, 1833, стр. 45. «Если мошенникъ мастеръ своего дѣла, если это человѣкъ съ дарованіемъ, то онъ можетъ отъ 15 до 50 лѣтъ жить плодомъ своихъ хищеній, и никогда кривая рука скелета, называемаго правосудіемъ, не протянется схватить его. Въ Лондонѣ увидите людей, которые впродолженіе 40 лѣтъ не знали никакого занятія, кромѣ воровства, и благодаря своей ловкости, а, можетъ быть, и совѣтамъ нѣкоторыхъ скромныхъ и дорого купленныхъ чиновниковъ, никогда не попадались въ силки законнаго обвиненія.

М. Т., 1833, №18, стр. 220. «Отзывъ въ «Телеграфѣ» Марлинскаго о Полевомъ.

«Онъ (Полевой) вызывалъ на неумытный судъ недостойныхъ изъ толпы прославленныхъ, и обрывалъ съ нихъ незаслуженное сіяніе лучъ по лучу; за то съ горячностію прозелита сдувалъ онъ черную пыль клеветы съ чела праведниковъ, брошенную на нихъ пристрастіемъ современниковъ или ошибками позднѣйшихъ историковъ.

Изъ „Ист. Р. Н.“, т. 2, стр. 358. (Владиміръ Мономахъ). «Вся вина падаетъ на Мономаха: его ненависть... его честолюбіе и жадность руководствовали отвратительною политикою современниковъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ—совѣстію, честію, благомъ народовъ, и тайными ковами хотѣлъ только поддерживать несчастное правило, что сильнѣйшій всегда правъ.

Т. 3, стр. 69. (Андрей Боголюбскій). «Болѣе молился онъ, нежели правилъ княжествомъ; давалъ свободу вельможамъ грабить, утѣснять народъ, торговать правосудіемъ.

Т. 4, стр. 123. (Александръ Невскій).

«Сія небольшая побѣда доставила Александру названіе Невскаго. Память народная сохраняетъ иногда, по странному своеволію, воспоминаніе о дѣлахъ самыхъ ничтожныхъ, забывая большее.

Стр. 188. «Двѣнадцатилѣтнее правленіе Александра прошло все въ умилостивленіи монголовъ покорностію и укрощеніи остатковъ прежняго духа русской крамолы и удалой буйности, самовластіемъ, даже своеволіемъ и жестокостію.

Стр. 187. «Сильнѣйшее смятеніе взволновало Новгородъ въ слѣдущемъ году... Александръ употребилъ свирѣпыя средства: надобно было купить жизнь за честь.

Т. 4, стр. 284, 285. (Михаилъ Тверской). «Поступки Михаила показываютъ, до чего унижаетъ человѣка рабство и до

чего доводитъ честолюбіе. Приведеніе на отчизну монголовъ (?), утѣсненіе новгородцевъ, вѣроломство послѣ договора — всѣ сіи событія очернили для потомства память Михаила, и пр.

Стр. 288. «Къ несчастью Михаила, Кончака умерла въ Твери. Говорили, что она была отравлена... дѣло темное; но если это обвиненіе было справедливо, Михаилъ впослѣдствіи дорого заплатилъ за свое злодѣйство.

Т. 1, стр. 253, 254. (Святополкъ). «Въ борьбѣ двухъ братьевъ Святополкъ является едва ли не правѣе Ярослава... Не можемъ не замѣтить въ Святополкѣ ума, дѣятельности, храбрости. Онъ умѣлъ обольщать народъ, умѣлъ сражаться, находить союзниковъ и средства, и если незаконное рожденіе и свирѣпый нравъ были причиною его злодѣйствъ, онъ достоинъ сожалѣнія, а не проклятія. ? Праведники.

Стр. 255. «Карамзинъ называетъ дѣла его гнуснымъ коварствомъ, а жизнь гнусною. Вотъ что значитъ неудачное злодѣйство! Побѣди Святополкъ, тогда и его злодѣянія, также какъ убійства при Олегѣ и Владимірѣ, историки извинили бы государственною необходимостію.

Т. 1, стр. 104. «Олегъ, убійца храбрыхъ кіевскихъ владѣтелей, виновнѣе ли грабителя невинныхъ обитателей Греціи? Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертію Аскольда и Дира.

„И. Р. Н.“, т. 4. стр. 185. (Лѣтопись) Пушкинская прибавляетъ къ описанію бѣдствія Андреева: «Андрей вздума съ своими бояры бѣгати, неже царю служити». Но это укоризненное слово человѣка, закоснѣлаго въ рабствѣ, показываетъ намъ только благородную, пылкую душу Андрея.

Т. 3, стр. 206. «Всеволодъ отличался жестокою, своекорыстною политикою, пользовался слабостію другихъ, и горделиво, холодно губилъ, робко уступая при первомъ отпорѣ... хитрая настойчивость, съ какою двадцать лѣтъ удушалъ онъ вольную жизнь Новгорода,—могло ль все это имѣть цѣлію счастіе Руси?..

«...тѣснилъ Новгородъ, забывая, что сими стѣсненіями убиваетъ жизнь Новгорода: онъ не смѣлъ отважною рукою сломить его, но и не выпускалъ изъ рукъ, томя, ослабляя и пр.

Т. 1, стр. 275. «Оказывая такія заслуги князьямъ кіевскимъ, Новгородъ требовалъ отъ нихъ только независимости; получалъ ее и умѣлъ ее сохранять.

237. «Здѣсь являются первые слѣды народной вольности, сдѣлавшей впослѣдствіи Новгородъ сильнымъ и могущественнымъ.

Ложныя понятія о мнимомъ благосостояніи мятежнаго Новгорода, разсѣваемыя въ „И. Р. Н.“.

Т.3, стр.60. (О разбитіи новгородцами войска князей сказано): «Памятный день униженія гордой силы, не уважившей слабыхъ, сильныхъ единодушіемъ независимости.

Т.2, стр.66. «Ничего, кромѣ свободы, не требовалъ Новгородъ. Вторая половина XII и начало XIII вѣка были самою блестящею эпохою независимости и силы Новгорода.

Т. 2, стр. 6. «Вольный новгородецъ, ограничивъ власть князя, свергая его по первой прихоти, кланялся ему и пр.

Т.3, стр.14. «Жизнію народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Новгородъ бѣдствовалъ отъ междоусобій. Итакъ, нужно ли было говорить столько о свободѣ мятежнаго города, какъ будто бы источникѣ могущества и благоденствія!

1828, №21, стр. 13. «Природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

1831, № 2, стр. 241. «Нельзя не согласиться, что Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный.

„И. Р. Н.“, т. 2. стр. 126. «Въ русскую церковь внесены праздники, непризнанные греческою церковью, напримѣръ, праздникъ перенесенія мощей Чудотворца Николая.

Сія ложь опровергнута г. Руссовымъ.

„И. Р. Н.“, т. 2. ...«выдуманы большія сказки: старинную греческой работы царскую утварь, корону, скипетръ, державу, цѣпь и образъ назвали Мономаховыми.

1830, №14. (Въ разсмотрѣніи отчета по министерству финансовъ).

«Правительство говоритъ, что сдѣлало; но судить, но пояснять для насъ оно не можетъ, ибо въ семъ случаѣ оно сдѣлалось бы судьею въ собственномъ дѣлѣ; обнародованіемъ свѣдѣній оно вызываетъ насъ на подобные труды».

Предисл. къ кл. при гр. Господ. XV. «Мы должны помогать правительству, создавая русскую промышленность, русское воспитаніе, русскую литературу, словомъ: внутреннее образованіе».

XV. «Проявленіе вещественнаго и невещественнаго богатства зависитъ именно отъ насъ, частныхъ и честныхъ людей».

Итакъ, правительство не можетъ пояснять своихъ дѣйствій, а только „М. Т.“ считаетъ себя вправѣ пояснять ихъ правительству!!

21 марта 1834 года, сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ Полеваго въ Петербургъ; 31-го марта, Полевой написалъ объясненіе по поводу статьи о драмѣ Кукольника; 1-го апрѣля, дано было приказаніе о возвращеніи Полеваго въ Москву, а 3-го апрѣля того же 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе прекратить дальнѣйшее изданіе журнала «Московскій Телеграфъ».

Запрещеніе «Телеграфа» подало поводъ къ нѣкотораго рода опасеніямъ. Въ Петербургѣ желали имѣть точныя свѣ-

дѣнія о томъ, какое впечатлѣніе въ различныхъ кругахъ московскаго общества произвели неожиданный вызовъ Полеваго и послѣдовавшее затѣмъ запрещеніе его журнала. Весьма любопытны извѣстія, доставленныя изъ Москвы. Графу Бенкендорфу писали:

«По отъѣздѣ Полеваго многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнодумцевъ. Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты.

«Неожиданное, скорое возвращеніе Полеваго удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что̀ породило разныя сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?» и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. «Если же обнаружены уже преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать». И, какъ бы изъ сожалѣнія къ нему, соглашаясь, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Дмитріи самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ, ибо таковымъ сочиненіемъ внушается народу о силѣ соединенія. А потому заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства. Причемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру. И что издатель «Телескопа» гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ; но сего какъ будто бы не замѣчаютъ».

Время изданія «Телеграфа» было для Полеваго блестящею порою его литературной дѣятельности. Съ прекращеніемъ «Телеграфа» всѣ попытки Полеваго выйдти на прежнюю дорогу доказывали только, что «время его прошло безвозвратно», какъ утверждали даже его почитатели.

Печально, въ тяжкой борьбѣ съ невзгодами и лишеніями, доживалъ онъ свои послѣдніе дни. Смерть этого замѣчательнаго человѣка снова вызвала къ нему общее сочувствіе, выразившееся какъ въ признаніи его литературныхъ заслугъ, такъ и въ сочувствіи къ судьбѣ его осиротѣлаго семейства, оставшагося безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Адмиралъ Рикордъ сказалъ о смерти Полеваго: «Лучше умерло бы двадцать человѣкъ нашихъ братьевъ генераловъ. Государь однимъ приказомъ могъ бы пополнить убылыя мѣста, но назначенія такихъ людей, какъ Полевой, дѣлаются свыше»[1]).

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1884 г., томъ IX, стр. 213.

Булгаринъ предлагалъ даже открыть народную подписку. Съ обычными своими пріемами и выходками онъ писалъ генералу Дубельту:

«Добрѣйшій и благороднѣйшій
«отецъ-командиръ
«Леонтій Васильевичъ!

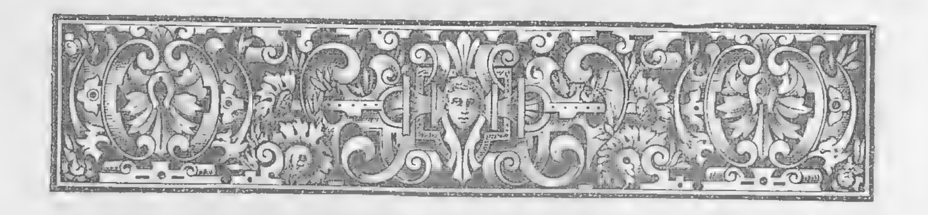
«Когда надобно сдѣлать кому зло, каждый говоритъ, что это по его части, а когда надобно дѣлать добро, всѣ говорятъ: не по моей части. Только одно Третье Отдѣленіе — общая маменька: если не въ силахъ сдѣлать добро, то утѣшитъ. И то благодѣяніе!

«Умеръ литературный врагъ мой, Николай Полевой. Не хотѣлъ онъ, чтобъ Россія любила меня и раскупала мои сочиненія, и вредилъ мнѣ, сколько могъ, въ своемъ кругу, втеченіе двадцати четырехъ лѣтъ... Но вотъ его нѣтъ, а семейство—девять человѣкъ дѣтей, жена, старая няня — безъ куска хлѣба. Полевой былъ полезный и дѣятельный литераторъ, любимый народомъ, потому что вышелъ изъ среды его... Если бъ семьѣ дать пенсію, а намъ позволить объявить народную подписку на уплату долговъ и обезпеченіе малолѣтнихъ, было бы чудесное и великое дѣло! Сочиненій его издавать нельзя въ пользу семейства, ибо всѣ они законтрактованы книгопродавцами».

Лучшимъ доказательствомъ сочувствія къ Полевому въ литературномъ мірѣ служитъ брошюра Бѣлинскаго: «Николай Алексѣевичъ Полевой», написанная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, понесенной русскою литературою. О заслугахъ Полеваго, преимущественно о его журнальной дѣятельности, Бѣлинскій говоритъ съ увлеченіемъ, съ восторгомъ. Онъ сопоставляетъ имя Полеваго съ именами замѣчательнѣйшихъ представителей русской литературы и науки. По словамъ Бѣлинскаго, три человѣка «имѣли сильное вліяніе на русскую литературу въ три различныя эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были — Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой... Безъ всякаго преувеличенія можно сказать положительно, что «Московскій Телеграфъ» былъ рѣшительно лучшимъ журналомъ въ Россіи отъ начала журналистики... Заслуги Полеваго такъ велики, что при мысли о нихъ, нѣтъ ни охоты, ни силы распространяться о его ошибкахъ» и т. п. [1]).

М. И. Сухомлиновъ.

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго, 1846 г., стр. 7—8, 50, 52 и др.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ[1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XVIII.

Въ САМОМЪ началѣ Стрѣлецкой слободы ближе къ каменному городу и кремлю стоялъ просторный каменный домъ, съ деревянными кругомъ постройками.

Прежній владѣлецъ дома, теперь давно покойникъ, былъ стрѣлецкій сотникъ по имени Еремѣй Сковородинъ. Онъ какъ-то вдругъ разжился послѣ одного изъ походовъ, еще въ началѣ царствованія царя Алексѣя. Говорили въ городѣ, что будто бы въ числѣ военной добычи сотнику досталась кадушка съ червонцами. Такъ или иначе, но Еремѣй Сковородинъ послѣ похода отстроился и перешелъ изъ простой избы въ большія палаты. Но этого мало. Слухъ о кадушкѣ золота возникъ потому, что Сковородинъ купилъ подъ городомъ землю, завелъ огороды и баштаны, гдѣ сталъ разводить всякое «произростаніе»—овощи и фрукты, а дыни и арбузы появились сотнями... Эти огороды стали вскорѣ приносить очень большой доходъ. Сковородинъ сталъ отправлять обозы, чуть не маленькіе караваны своихъ произведеній. Дыни его пошли даже

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 545.

въ Москву, гдѣ стали славиться ароматомъ, и бояре первопрестольной угощались дивными пахучими дынями, именовавшимися ужъ не просто астраханскими, а получившими въ шутку имя: «Сковородскія вонючки». Имя стрѣльца стало «знаемо» на Москвѣ.

Богатый и почитаемый въ городѣ Сковородинъ женился, когда имѣлъ уже полъ-ста лѣтъ на плечахъ, на молоденькой и хорошенькой калмычкѣ, купленной имъ за десять рублей на базарѣ себѣ въ услуженье. Лукавый попуталъ пожилаго стрѣльца. Онъ божился, что никогда не женится, все неподходящи, неказисты, бѣдны да худорожи были для него всѣ городскія невѣсты. А тутъ послѣ всякаго бракованія обвѣнчался съ калмычкой, конечно, послѣ предварительнаго крещенія ея и наименованія христіанскимъ именемъ Авдотьи. По батюшкѣ стали величать молодую стрѣльчиху Борисовной, по имени ея воспріемника отъ купели, какъ было въ обычаѣ. Шутники же прозвали Сковородину Авдотьей Базаровной.

Стрѣлецъ прожилъ съ женой счастливо лѣтъ двадцать пять и прижилъ многое множество дѣтей, болѣе полуторы дюжины, и умеръ уже лѣтъ восьмидесяти отъ роду.

Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что всѣ рожденныя Авдотьей Базаровной дѣти — были дѣвочки, всѣ плохаго здоровья, и почти всѣ умирали на пятилѣтнемъ возростѣ. Шутники, коихъ много водилось въ Астрахани, увѣряли, что дѣвочки стрѣльчихи «чумятся», какъ лягавые щенки на первыхъ мѣсяцахъ, и не выносятъ этой прирожденной и неизбѣжной чумы.

Изъ всѣхъ дѣвочекъ теперь оставалось у вдовы Сковородиной всего пять дѣвицъ. Всѣ они были, конечно, дѣвицы на возростѣ и невѣсты, но выдавать ихъ замужъ стрѣльчиха не спѣшила, все откладывала и выжидала. А чего? Никому было невѣдомо!

На это было у вдовы двѣ причины. Съ одной стороны, она не хотѣла выдавать приданаго, т. е. отдѣлить часть баштановъ и садовъ въ пользованіе зятя съ будущей семьей, а сдѣлать это была обязана завѣщаніемъ покойника. Съ другой стороны, стрѣльчиха-калмычка, когда-то по своему очень красивая и шустрая на видъ, теперь располнѣла и облѣнилась до невозможности. Вдова, которой было теперь менѣе пятидесяти лѣтъ, была сѣда какъ лунь и выглядывала женщиной лѣтъ семидесяти.

— Точь въ точь нашъ воевода Тимоѳей Ивановичъ!—говорили про вдову знакомые.

Отъ скупости стрѣльчихи произошло то, что ея дочери сидѣли въ дѣвкахъ и чуть съ ума не спятили отъ ежечасныхъ воздыханій по женихамъ.

Всѣ постоянные разговоры, бесѣды и шептанье сестрицъ Сковородиныхъ между собой и съ мамками сводились къ одной мечтѣ: «женихъ и вѣнецъ»! Всѣ они относились къ матери крайне враждебно, бранились съ ней, грубили и даже въ глаза звали ее тоже

Авдотьей Базаровной. Не разъ каждая изъ нихъ бывала и наказана за грубость розгами.

Впрочемъ, прозвище это уже уцѣлѣло теперь только у враговъ стрѣльчихи, вообще же въ городѣ она была извѣстна исключительно подъ краткимъ именемъ «Сковородихи».

Такъ какъ женщины и дѣвицы въ общество не показывались, сидѣли дома или выходили погулять тоже промежъ своего женскаго пола, то гостей мужчинъ у вдовы, конечно, не бывало никогда, за исключеніемъ родственниковъ или близкихъ друзей покойнаго мужа. Въ числѣ этихъ друзей былъ прежде и ватажникъ Климъ Ананьевъ, но теперь приключившійся ударъ заставилъ его прекратить посѣщенья хорошихъ знакомыхъ. Варюша, видавшаяся прежде съ дѣвицами Сковородиными и даже очень подружившаяся съ младшей изъ сестеръ,—послѣ своей попытки на самоубійство, тоже перестала видаться съ подругами. Сковородиха объявила, что не позволитъ дочерямъ сноситься «съ дѣвкой утопкой», боясь, что дурной примѣръ Варюши заразитъ и ея дочерей.

— Ну, вдругъ и мои учнутъ бѣгать топиться! — говорила она своей любимицѣ Айканкѣ, родомъ тоже калмычкѣ, но не крещенной.

— Твои дѣвицы и такъ бѣшеныя собаки и потому воды должны бояться,—отвѣтствовала злючая Айканка, прямо и искренно.

Эта калмычка, первый совѣтникъ хозяйки, главный заправитель въ домѣ, гроза дѣвицъ и всѣхъ домочадцевъ Сковородихи, появилась въ домѣ тотчасъ послѣ смерти стрѣльца. Старая лѣтъ 70, сѣдая и лохматая, злая до нельзя, даже стучавшаяся иногда отъ гнѣва и злобы головой объ стѣну — Айканка поѣдомъ ѣла всѣхъ дочерей Сковородихи и ея мамокъ.

Но сама вдова обожала свою калмычку, какъ свою землячку, и тайкомъ отъ дочерей говорила съ ней на родномъ нарѣчіи, вспоминала родимую сторону, откуда была выкрадена и уведена на продажу въ рабство.

Пять дочерей, уцѣлѣвшихъ у богатой Сковородихи отъ полуторы дюжины, были всѣ, кромѣ одной самой послѣдней, очень нехороши собой. Всѣ онѣ были болѣзненныя, хилыя, да къ тому же отъ тоскливаго ожиданья выйдти замужъ за кого бы то ни было всѣ глядѣли уныло, сонно, оживлялись только въ минуты раздраженія и досады, обозленныя въ чемъ нибудь вѣдьмой Айканкой.

Дѣвицъ звали: Марья, Павла, Александра, Глафира и Дарья. Но Сковородиха звала всегда дочерей схожими уменьшительными именами: Машенька, Пашенька, Сашенька, Глашенька и Дашенька. Первой Машенькѣ было уже лѣтъ подъ тридцать, и она была самая умная, но и самая злая изъ всѣхъ, такъ какъ наиболѣе натерпѣлась и наиболѣе наждалась жениха. При этомъ у Машеньки врядъ ли выпадала одна недѣля, чтобы у нея не отдувалась щека

и не болѣлъ зубъ или глазъ. И вѣки вѣчные ходила она подвязанная съ опухолью на щекѣ отъ зубной боли или отъ ячменя. Изрѣдка она рѣшалась и выдергивала больной зубъ у знахаря-армянина, лѣчившаго всячески всю Астрахань. Но за то особенно досаждали ей эти проклятые ячмени. Только что одинъ большущій ячмень,—багровый до черноты и вострый какъ гвоздь,—пройдетъ, какъ на другомъ глазу, а то и рядомъ на томъ же — другой полѣзетъ рости. И три четверти своей жизни проходила Машенька либо кривая съ тряпкой на глазу, либо косорожая съ тряпкой на щекѣ.

Зубы, женихи и ячмени, ячмени, женихи и зубы—за все время дѣвичества были тремя заботами Машеньки, но уничтожить ячмени, предотвратить флюсы и пріобрѣсти мужа ей, какъ кладъ, не давалось.

Вторая дочь Сковородихи, Пашенька, была недурна лицемъ, чрезвычайно тихая, ангельски добрая сердцемъ, но за то горбатая почти съ рожденья. Она менѣе всѣхъ сестеръ мечтала о замужествѣ, а между тѣмъ про нее-то чаще всего говорили молодцы при встрѣчѣ на улицѣ.

— Экая добрѣющая и ласковая съ лица. Обидно только, что изуродована мамкой.

У третьей—Сашеньки—была тоже хворость и диковинная. Самъ знахарь-армянинъ, призванный однажды на совѣтъ, подивился... Сашенька была на видъ здоровая дѣвица, румяная, даже неособенно худа тѣломъ, но у нея постоянно раза два въ году ломались кости. При всякомъ черезчуръ сильномъ движеніи и паче того при паденіи, у Сашеньки то рука, то нога хрястнетъ, и пополамъ!.. Разъ даже шея у нея попортилась, а голова, свернувшись, долго была на боку, и прозвище «Сашки-кривошейки» такъ за ней и осталось, хотя теперь голова и шея были снова на мѣстѣ. Хворость эту тщательно въ домѣ скрывали всѣ, чтобы не порочить дѣвицу.

Сашенькѣ, однако, было всего мудренѣе замужъ выйдти. Какого бы тихаго, ласковаго и скромнаго мужа ни послала ей судьба, а по неволѣ, всетаки, про него пошла бы тотчасъ худая слава, что онъ, видно, шибко жену бьетъ, коли все кости у нея ломаются.

Четвертая—Глашенька—была дѣвица очень недурная, на одни глаза, и совсѣмъ не подходящая невѣста для другихъ. Глашенька была огромнаго роста, чуть не косая сажень въ плечахъ, съ здоровенными ногами и руками. Если у ея сестры Сашеньки легко ломались члены, то у нея ни ноги, ни руки, казалось, ломомъ бы не перешибить. Но и эту здоровенную дѣвицу не миновала общая участь семьи Сковородиныхъ. Она тоже страдала и подчасъ сильно отъ какой-то хворости, о которой всѣ въ домѣ ужъ совсѣмъ упорно молчали. Когда, кто случалось, заговаривалъ между собой о недугѣ Глашеньки, то она дралась и съ сестрами, и съ мамушками, и съ домочадцами. А при ея дородствѣ и силѣ отъ ея

колотушекъ бывало всякому накладно. Что собственно за хворость была у Глашеньки, сказать было бы очень трудно.

Злюка Айканка постоянно уговаривала свою барыню Авдотью Борисовну — никогда Глашеньку ни за кого замужъ не выдавать, изъ опасенія на счетъ собственной особы и собственной сохранности отъ зятя.

— Вѣрно тебѣ сказываю, мать моя, — говорила семидесятилѣтняя Айканка пятидесятилѣтней Сковородихѣ, изъ уваженія къ ея состоянію величая ее матерью. — Не засватывай и не выдавай ты Глашеньку ни за кого. Какой бы честной человѣкъ ее за себя ни взялъ, онъ послѣ вѣнца придетъ къ тебѣ и тебя за Глашеньку отдуетъ. Всякое другое мужчина спуститъ женѣ, а эдакую причину не спуститъ. За обманъ и подложное бракосочетаніе къ воеводѣ тебя потянетъ. А не то и того хуже — исколотитъ тебя до полусмерти: не надувай, молъ, товаромъ.

Наконецъ, пятая и послѣдняя дочь стрѣльчихи, Дашенька, которой было всего 15 лѣтъ, — была какъ отметный соболь въ семьѣ Сковородихи: умница и красавица, бойкая и вострая словами, глазами, ухватками.

— Вьюнъ-Дашка! — говорили про нее. Иногда просто звали: нашъ вьюнъ!

Дашенька была любимицей и у матери, и у сестеръ, и у всѣхъ въ домѣ. Даже злая Айканка съ ней не грызлась, и эту вѣдьму Дашенька умѣла обезоружить или лаской или въ минуты вспышки острымъ словечкомъ-смѣшнымъ и необиднымъ. Злые языки, не зная, чѣмъ попрекнуть хорошенькую дочку Сковородихи, подшучивали на счетъ времени ея рожденья. Дашенька родилась уже послѣ смерти стараго стрѣльца Еремѣя, да еще въ день годоваго поминовенья покойнаго. Лицемъ же Дашенька была совсѣмъ вылитый соборный дьяконъ Митрофанъ, красавецъ писанный и извѣстный въ городѣ этой своей красотой столько же, сколько и жадностью къ деньгамъ. Отецъ дьяконъ часто навѣдывался къ Сковородихѣ послѣ похоронъ стараго стрѣльца, чтобы утѣшить вдову. Но этотъ утѣшитель немного только пережилъ самого стрѣльца и умеръ за столомъ, объѣвшись на какихъ-то поминкахъ. Иначе бы у Сковородихи, по увѣренію злоязычныхъ астраханцевъ, ея недруговъ, было бы теперь много еще такихъ хорошенькихъ Дашенекъ.

Дашенька была первой пріятельницей Варюши Ананьевой, и прежде подруги видались часто. Со времени роковаго бѣгства Варюши изъ дому и всего происшествія, дѣвушки видѣлись всего одинъ разъ.

Поступокъ Варюши имѣлъ, однако, на Дашеньку большое вліяніе. Она не убѣжала, но стала еще смѣлѣе съ матерью. Она заявила теперь, что черезъ годъ будетъ замужемъ или тайкомъ продастся въ караванъ и уйдетъ въ неволю.

Дашенька не мечтала о женихахъ, какъ ея сестры, желая вообще получить какъ онѣ кого ни на есть въ мужья. Вьюнъ-Дашка была уже влюблена, но никто этого не зналъ. Даже самъ молодецъ, ей полюбившійся, ничего не вѣдалъ.

Бѣлокуренькой какъ ленъ, лохматенькой какъ болонка и бѣленькой какъ снѣгъ, дѣвушкѣ приглянулся одинъ молодецъ, черный какъ смоль, съ угольными глазами и не русскаго, а азіатскаго происхожденія....

XIX.

Новые пріятели Партановъ и Барчуковъ, очутившись на свободѣ, стали подумывать, какъ пристроиться. Не только ловкій Лучка, но и менѣе смѣлый московскій стрѣлецкій сынъ надѣялись, что воевода забудетъ про то условіе, на которомъ отпустилъ ихъ на свободу. Барчукову было нетрудно найдти себѣ тотчасъ мѣсто. Онъ пользовался хорошей славой въ городѣ и многіе знали, что если бы не его исторія сватовства за дочь богатаго ватажника, то онъ теперь былъ бы попрежнему главнымъ заправителемъ въ большомъ торговомъ дѣлѣ Ананьева.

Партанову было, конечно, гораздо мудренѣе найдти себѣ занятіе. Его слава въ Астрахани была совершенно иная, слава дурашнаго парня, который недѣлю цѣлую золотой человѣкъ, а тамъ вдругъ придетъ запой, и онъ исколотитъ чуть не до смерти своего же хозяина съ домочадцами.

Пріютившій у себя бѣжавшихъ, чудной посадскій человѣкъ Грохъ взялся помочь обоимъ, въ особенности Барчукову, и черезъ нѣсколько дней москвичъ былъ уже, по рекомендаціи Носова, въ услуженіи у нѣмца Гроднера. Сомнительный германецъ уже давно лишился помощника, такъ сказать, правой руки въ лицѣ одного такого же подозрительнаго германца, какъ и онъ самъ. Помощникъ этотъ былъ убитъ по пути въ Черный Яръ напавшими разбойниками, и смерть его,—справедливо или напрасно,—свалили на того же извѣстнаго душегуба Шелудяка. Гроднеръ долго пріискивалъ себѣ подходящую личность, но не находилъ. Ручательство Носова и собственный проницательный взглядъ сердцевѣда побудили его согласиться принять къ себѣ Барчукова.

— Дѣло будетъ не мудреное,—сказалъ новый хозяинъ, нанимая парня:—отвозить да привозить деньги, да держать языкъ за зубами о томъ, что дѣлаешь, чтобы не подстерегли и не убили ради ограбленія. Да, кромѣ того, вообще помалкивать и не болтать о моихъ дѣлахъ.

Барчуковъ, конечно, обѣщался исполнять свою должность усердно. Жалованье было сравнительно очень большое, а иноземецъ на видъ степенный, тихій и, вѣроятно, честный и справедливый въ раз-

счетѣ. Думать было нечего. Черезъ два дня Барчуковъ уже жилъ въ домѣ новаго хозяина.

Осипъ Осиповичъ Гроднеръ былъ собственно полунѣмецъ, полуеврей, уроженецъ королевства Польскаго, слѣдовательно, и полуполякъ. Кто изъ трехъ преобладалъ въ немъ, трудно было сказать. Въ аккуратности веденія своихъ дѣлъ онъ былъ чистокровный нѣмецъ, въ умѣніи быстро нажиться, вездѣ найдти себѣ большое или маленькое дѣло для оборота, въ умѣньѣ ловко увернуться, нигдѣ не попасть въ просакъ и вездѣ постоянно, ежедневно, чуть не ежечасно зашибать деньгу, обличало въ немъ истаго жида. По страстной любви къ мѣсту своего рожденія, куда онъ надѣялся снова и вскорѣ вернуться, чтобы успокоиться отъ дѣлъ на старости лѣтъ, и по искреннему религіозному чувству, какъ ревностный католикъ носившій на груди чуть ли не полтора десятка разныхъ ладонокъ, образковъ, это былъ полякъ.

Осипа Осиповича всѣ знали въ Астрахани, не имѣли причины не уважать, но уважали какъ-то нехотя и положительно не долюбливали. Очень немногіе догадывались, что онъ жидъ, и это спасло его, такъ какъ въ городѣ не любили израильскихъ сыновъ. Являвшіеся сюда евреи не уживались, да и дѣла ихъ шли сравнительно плохо, такъ какъ въ народонаселеніи были у нихъ соперники и враги—армяне. Гроднеръ съумѣлъ устроиться въ Астрахани. Незамѣтно изъ маленькаго и бѣднаго жидка безъ единаго пріятеля и даже безъ пристанища, въ десять лѣтъ онъ съумѣлъ сдѣлаться домовладѣльцемъ и займодавцемъ многихъ торговыхъ людей изъ православныхъ и инородцевъ. Выдача денегъ въ займы подъ залогъ товаровъ и въ ростъ была отчасти новинкой въ Астрахани, Гроднеромъ введенной.

Сначала нуждающіеся въ наличныхъ деньгахъ люди относились къ Гроднеру подозрительно или же глядѣли какъ на дурня, неизвѣстно зачѣмъ дающаго свои деньги на чужое дѣло. Но понемножку Гроднеръ пріучилъ обывателей пользоваться его помощью и даже понять всю взаимную отъ нея выгоду и пользу.

Въ то время, когда Барчуковъ замѣстилъ у сомнительнаго нѣмца его убитаго приказчика, дѣла Гроднера процвѣтали и очень немногимъ было извѣстно, откуда у него много денегъ. Именно о своемъ источникѣ дохода и молчалъ, на сколько можно, Гроднеръ и строго заказалъ молчать новому приказчику, Барчукову. Оказалось на дѣлѣ, что около полуторы дюжины астраханскихъ кабаковъ были почти собственностью Гроднера, если не формально, то въ дѣйствительности.

Если въ этихъ кабакахъ были собственники хозяева изъ православныхъ и мѣстныхъ обывателей, то всѣ были въ долгу у Гроднера, а доходы шли прямо въ его руки. Впрочемъ, одна треть всѣхъ этихъ питейныхъ домовъ была даже съ самаго сначала открыта на

деньги Гроднера. Люди, задолжавшіе ему, подавали въ приказную избу заявленіе, получали разрѣшеніе и начинали вести дѣло на удивленіе обывателей и пріятелей, знавшихъ ихъ разстроенныя дѣла.

Разумѣется, Гроднеръ чуялъ, что со дня на день воевода узнаетъ, что онъ собственникъ множества питейныхъ домовъ, но что же изъ этого? Если есть законъ, воспрещающій жиду торговать виномъ, такъ его и тамъ въ столицѣ не исполняютъ. Все будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія добраго Тимоѳея Ивановича.

Однако, за послѣднее время Гроднеръ былъ почему-то сумраченъ, чаще объѣзжалъ свои кабаки, часто толкался въ народѣ, прислушивался и самъ не могъ уяснить себѣ своей боязни. Чудилось ему—вотъ не нынче, завтра разразится какая либо буря, и отъ этой бури прежде всего, конечно, погибнетъ источникъ его благосостоянія. Никто въ городѣ отъ воеводы и митрополита до послѣдняго приказчика въ каравансераяхъ, гдѣ были склады всякаго товара, ничего не замѣчалъ новаго и зловѣщаго въ Астрахани. А Осипъ Осиповичъ уже тревожно теребилъ свою черную какъ смоль бородку, свои крѣпко завивающіеся на головѣ волосы и упрямыя букли на вискахъ. Букли эти онъ, конечно, не дѣлалъ, не пристраивалъ, а, напротивъ, всячески уничтожалъ, приглаживалъ и примазывалъ, но онѣ, по волѣ тайныхъ силъ природы, завивались въ пейсы сами собой.

Гроднеръ начиналъ все чаще подумывать, что пора распутать свои дѣла, сбыть съ рукъ всѣ кабаки и, собравъ деньги, ѣхать на родину. Тамъ дикихъ стихійныхъ силъ въ народонаселеніи нѣтъ, и не можетъ какъ здѣсь вдругъ налетѣть ураганъ и разнести цѣлый городъ или цѣлый уѣздъ.

Съ перваго же дня найма новаго приказчика Гроднеръ сталъ совѣщаться съ умнымъ и степеннымъ Барчуковымъ и, наконецъ, повѣдалъ ему искренно свое желаніе.

— Кабы нашелъ я человѣка, который бы взялъ мое дѣло себѣ и помогъ мнѣ собрать мои алтыны, то я сдалъ бы охотно все и уѣхалъ домой.

— Вотъ я женюся на богатой купчихѣ и возьму ваше дѣло,— шутилъ Барчуковъ.

Если самъ Гроднеръ не могъ найдти такого покупщика, то Барчуковъ, конечно, и подавно не могъ помочь ему. Среди торговыхъ людей Астрахани были дѣльцы всякаго рода, знатоки и искусники въ торговлѣ на всѣ лады и въ разныхъ промыслахъ и производствахъ. Найдти же такого, который бы счелъ дѣло Гроднера выгоднымъ и вѣрнымъ, было трудно. Какъ это вино продавать? Съ такимъ непокладнымъ товаромъ возиться?

Барчуковъ въ одну недѣлю смекнулъ, однако, что дѣло его хозяина, быть можетъ, выгоднѣе многихъ другихъ торговыхъ дѣлъ, что если бы взяться за это дѣло съ деньгами, напримѣръ, ватаж-

ника Ананьева, то никакіе учуги, никакія сельди, бѣлуги и осетры не принесутъ тѣхъ же барышей.

Барчуковъ былъ собственно доволенъ своимъ занятіемъ. Онъ постоянно долженъ былъ объѣзжать питейные дома хозяина, смотрѣть, чтобы тамъ не плутовали, считать деньги и брать выручку. Онъ привозилъ хозяину, или же отвозилъ, иногда довольно крупныя суммы въ сотни рублей, кому нибудь изъ астраханскихъ жителей.

Однажды, пришлось ему отвести пятьдесятъ рублей тому же своему освободителю, поддьяку Копылову. Поддьякъ узналъ тотчасъ же молодца, принялъ деньги, сосчиталъ и усмѣхнулся лукаво.

— На хорошее мѣсто угодилъ, ты, парень,—сказалъ поддьякъ.— Разживайся въ приказчикахъ у Осипа Осиповича,—примолвилъ онъ.—Самъ столько же денегъ загребай и насъ тогда не забывай. Вспомни одолженіе и отплати. Сидѣть бы тебѣ теперь въ ямѣ.

На вопросъ Барчукова, какъ ему быть съ рѣшеніемъ воеводы на счетъ поимки Шелудяка,—Копыловъ отвѣчалъ кратко:

— Да наплюй!

Въ свободное отъ порученій и занятій время Барчуковъ навѣдывался въ ту улицу, гдѣ пребывали ежечасно и ежеминутно всѣ его помыслы и мечты. Онъ отправлялся, большею частью, въ сумерки или поздно вечеромъ поглядѣть и постоять недалеко отъ дома Ананьева, увидать хотя издали и среди мрака ночи въ освѣщенномъ окнѣ фигуру Варюши. Идти внутрь двора и дерзко пролѣзать снова въ домъ и въ горницу хозяйской дочери Барчуковъ уже не рѣшался; онъ зналъ теперь, что это, по закону, если не государскому, то по закону собственнаго издѣлія Тимоѳея Ивановича, считалось великимъ преступленіемъ. А избави Богъ опять попасть въ яму.

Барчуковъ до сихъ поръ навѣрно не зналъ, какъ и за что освободилъ его Копыловъ. Онъ, конечно, подозрѣвалъ, что Варюша выкупила его, переславъ съ Настасьей поддьяку тѣ деньги, которыя тайкомъ отъ отца могла скопить. Но, однажды случайно пойманный новымъ хозяиномъ близь дома Ананьева, Барчуковъ послѣ искренней бесѣды съ Гроднеромъ сказалъ причину, побуждающую его стоять истуканомъ около дома ватажника, и вдругъ узналъ отъ него же всю истину. Деньги, около двадцати пяти рублей, были заняты Варюшей для спѣшнаго дѣла у того же Осипа Осиповича съ тѣмъ, чтобы возвратить по смерти Ананьева не болѣе, не менѣе какъ сто рублей.

— Пойми, малый, — говорилъ Гроднеръ: — проживи ватажникъ еще десять лѣтъ, пропали мои деньги совсѣмъ. Ну, а на мое счастье умри онъ въ скорости, получу хорошій барышъ.

— Охъ, кабы онъ померъ,—воскликнулъ въ отвѣтъ Барчуковъ:— такъ я бы, хозяинъ, отъ радости всѣ двѣсти отдалъ бы тебѣ самъ.

Почти ежедневно отправлялся Барчуковъ поглядѣть на окна возлюбленной или встрѣтить ненарокомъ и перетолковать украдкой съ Настасьей, передать два—три слова привѣта ея боярышнѣ. Почти тоже каждый день ходилъ онъ и къ новому знакомому Носову, котораго очень полюбилъ и уважалъ. У Гроха онъ часто видался съ новымъ пріятелемъ Лучкой, котораго теперь, благодаря совмѣстному сидѣнью въ ямѣ, искренно любилъ. Это былъ чуть ли не первый его пріятель въ жизни.

Партановъ былъ все еще безъ мѣста. Онъ далъ себѣ зарокъ больше не пить и не буянить. Яма и его будто отрезвила. Но, не смотря на это, пристроиться онъ, всетаки, никакъ не могъ, ибо его клятвѣ и божбѣ ни капли вина въ ротъ не брать никто во всемъ городѣ повѣрить не хотѣлъ и не могъ. Даже самъ онъ сначала будто не вѣрилъ и удивлялся своей продолжительной трезвости, но въ то же время ясно чувствовалъ, что теперь совершенно измѣнитъ свое поведеніе. Увѣщанія Носова и Барчукова и отчасти воспоминаніе о смрадной ямѣ привели Партанова къ искреннему и твердому убѣжденію, что, покуда онъ будетъ запивать, никакого толку изъ его существованія не выйдетъ. А ему все еще что-то жаждалось. И умный малый, всетаки, самъ не понималъ, что это было нѣчто имѣющее именованіе у людей и просто зовется честолюбіемъ.

Однажды, спустя недѣлю, Барчуковъ снова пошелъ въ улицу, гдѣ былъ домъ ватажника, и среди сумерокъ снова повстрѣчался съ Настасьей. Вѣсти были плохія. Варвара Климовна велѣла передать ему, что отецъ какъ будто опять затѣваетъ что-то съ своимъ пріятелемъ Затыломъ Иванычемъ. Новокрещенный татаринъ снова часто бываетъ у хозяина въ гостяхъ. Въ чемъ проходитъ ихъ долгое сидѣніе по вечерамъ и перешептыванье, ни Варюша, никто изъ домочадцевъ знать не могъ.

Барчуковъ унылый вернулся къ своему хозяину. Вечеромъ онъ отправился къ Носову, повстрѣчался тамъ съ пріятелемъ Лучкой и на разспросы о своей чрезвычайной унылости отвѣтилъ Партанову, что ему нужно съ нимъ перетолковать.

Пріятели пошли вмѣстѣ отъ Носова и на этотъ разъ, забравшись въ маленькую горницу дома Гроднера, гдѣ жилъ Барчуковъ, до полуночи совѣщались. Барчуковъ подробно, вполнѣ откровенно передалъ пріятелю, что его возлюбленная, о которой онъ прежде намекалъ, не кто иная какъ дочь Ананьева, и кончилъ послѣднимъ извѣстіемъ о новыхъ козняхъ перекрестя Бодукчеева.

— Дѣло дрянь, — рѣшилъ Партановъ: — опять что нибудь затѣваютъ. Тутъ одно спасеніе, Степушка, идти мнѣ наняться къ Затылу Ивановичу, влѣзть ему въ душу, узнать все, что онъ собирается творить, и усердно раздѣлывать всѣ его дѣла.

— Да онъ тебя тоже не возьметъ, — сказалъ Барчуковъ.

— Возьметъ, братецъ ты мой, вѣрно возьметъ. Я къ нему безъ жалованья буду проситься, а за первый запой штрафъ съ себя въ его пользу положу. Онъ жаденъ на деньги — страсть.

— Господь съ тобой! за что же ты изъ-за моего дѣла пойдешь въ наймиты безъ жалованья? Нѣтъ, это я не могу... рѣшительно произнесъ Барчуковъ.

— А помнишь ты, какъ вели меня стрѣльцы, — отозвался Партановъ: — да ты мнѣ горсть алтынъ въ руку шлепнулъ? Помнишь ли ты мою божбу тогдашнюю тебѣ услужить? А что, съ тѣхъ поръ сдѣлалъ я что нибудь? Напротивъ того, ты, братецъ мой, помогъ мнѣ изъ ямы выбраться и мнѣ услужилъ. Вотъ теперь мой чередъ. Завтра иду наниматься къ твоему Затылу.

— Ладно, согласенъ, — заявилъ Барчуковъ: — но ты будешь брать съ меня половину положеннаго мнѣ моимъ хозяиномъ.

— Зачѣмъ? Мнѣ деньги нынѣ не нужны! Я не пью.

— Безъ сего условья я не согласенъ.

— Ладно, — рѣшилъ Партановъ: — все это тамъ видно будетъ. Коли будетъ за что, вѣстимо, возьму. А коли удастся намъ похерить Затыла, схоронить самого ватажника и отпраздновать твою свадьбу, то тогда, Степанъ, помни—я у тебя главный приказчикъ по всѣмъ учугамъ буду, надъ всѣми ватагами.

XX.

Дѣйствительно, черезъ два дня Партановъ былъ уже въ наймитахъ у новокрещеннаго князя Бодукчеева.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ князь Бодукчеевъ былъ, такъ сказать, притчей во языцѣхъ во всемъ городѣ. На глазахъ всѣхъ случилось внезапное и удивительное превращеніе бѣднаго и невзрачнаго татарина въ богатаго князя и важнаго астраханскаго обывателя. Жившій давно въ городѣ ногайскій татаринъ, Затылъ Гильдей, вдругъ получилъ отъ умершаго въ ногайскихъ степяхъ дяди наслѣдство, состоящее изъ нѣсколькихъ тысячъ овецъ. Онъ съѣздилъ къ себѣ на родину, продалъ все наслѣдство, а съ деньгами вернулся снова въ Астрахань, гдѣ уже привыкъ, обжился и гдѣ собирался стать именитымъ русскимъ гражданиномъ.

Совершенно несообразныя вещи осуществились просто. Мѣсяца три назадъ, на Святой недѣлѣ, Затылъ Гильдей крестился въ православіе, объявился изъ рода князей ногайскихъ Бодукчеи и поэтому сталъ именоваться иначе. былъ князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ. Еще недавно ходившій въ мечеть татаринъ, теперь въ качествѣ русскаго князя сталъ вдругъ старостой Никольской церкви.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже посватался за богатую приданницу ватажника Ананьева и былъ принятъ отцемъ.

Если бы не отчаянная дѣвица Варвара Климовна, не бѣсъ-дѣвка, предпочитавшая утопиться, чѣмъ выходить за новокрещенца замужъ, то князь Бодукчеевъ былъ бы теперь наслѣдникомъ всѣхъ учуговъ Ананьева. Неудача не смутила князя. Онъ надѣялся съ упорствомъ, потихоньку добиться своего, лишь бы только не умеръ отъ втораго удара самъ Ананьевъ. Тогда съ сиротой и ея опекунами, конечно, не сладишь. Но проживи ватажникъ еще хоть годъ, — дѣло потихоньку уладится.

Единственно, что не удавалось князю, бѣсило его, и съ чѣмъ онъ никакъ не могъ совладать, такъ какъ всѣ его старанія разбивались объ упрямство человѣческое, — было другое дѣло, для всѣхъ пустое, но для него важное. Богъ вѣсть почему, для князя оно было «кровное дѣло», за удачу онъ большія бы деньги заплатилъ, а постороннему человѣку показалось бы это дѣло даже смѣшнымъ. Князя Бодукчеева изъ себя выводило, что вся Астрахань не звала его княземъ Макаромъ Ивановичемъ, а постарому, не ради шутки и не ради даже насмѣшки, звала: «Затылъ Иванычъ». Какъ это произошло — никто не зналъ, но всякому отъ мала до велика, отъ богатыхъ купцовъ и посадскихъ до властителей городскихъ и до послѣдняго мальчугана, всѣмъ будто казалось, что «какой же это князь Бодукчеевъ, Макаръ Ивановичъ? Эти имена совсѣмъ и не подходящи. Онъ Затылъ Ивановичъ»!

Когда новый перекресть нанялъ себѣ за грошъ новаго работника для личныхъ послугъ, то онъ, конечно, не подозрѣвалъ, какая бѣда въ лицѣ Лучки входила къ нему въ домъ. Если бы могъ знать Затылъ Ивановичъ, что этотъ проныра Лучка первый пріятель его соперника Барчукова, то не только прогналъ бы его, а съ помощью денегъ и дружескихъ отношеній съ Ржевскимъ и Пожарскимъ не преминулъ бы упрятать этого Лучку обратно въ ту же яму. Князь даже имя Барчукова равнодушно слышать не могъ.

По счастію, Затылъ Иванычъ былъ хотя хитеръ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, но невообразимо глупъ во многихъ другихъ. Лучка съумѣлъ такъ быстро влѣзть въ душу своего хозяина, котораго разъ сто и болѣе въ день величалъ «сіятельствомъ», что черезъ нѣсколько времени прислужникъ хозяйничалъ въ душѣ хозяина пуще, чѣмъ въ его горницахъ. Лучка все зналъ, даже то, что сдѣлалъ Затылъ Ивановичъ десять лѣтъ назадъ и что собирался сдѣлать завтра.

Затылъ Ивановичъ скоро привыкъ пальцемъ не двинуть, не спросясь у Лучки, безъ его совѣта и указанія. Конечно, умный и хитрый Лучка съ самаго начала повелъ дѣло чрезвычайно тонко. Первые его совѣты хозяину были дѣйствительно разумны и въ его пользу. Видя удачу и успѣхъ, Затылъ Ивановичъ увѣровалъ въ Лучку также быстро, какъ увѣровалъ въ христіанскаго Бога. Даже болѣе... Лучкѣ вполнѣ довѣрялъ онъ, признавалъ и чувствовалъ, что парень умница и пролазъ-молодецъ.

Что же касалось до новаго своего Бога, христіанскаго Господа, то Затылъ Ивановичъ еще относился къ нему съ большимъ сомнѣніемъ и очень подозрительно.

Князь принялъ христіанство ради общественнаго положенія. Прежде безъ денегъ ему незачѣмъ было креститься. Татаринъ онъ, или русскій, все одно, былъ бы приписанъ въ приказной избѣ къ разряду вольныхъ или гулящихъ людей. Теперь же, получивъ наслѣдство, онъ какъ князь Бодукчеевъ, православнаго вѣроисповѣданія, былъ записанъ въ первый разрядъ въ числѣ самыхъ именитыхъ гражданъ Астрахани. Выборъ его въ церковные старосты окончательно упрочилъ его общественное положеніе.

Но тайно отъ всѣхъ ногайскій татаринъ оставался въ душѣ магометаниномъ, какъ и многіе, даже большинство новокрещенныхъ въ православіе. Затылъ Ивановичъ, быть можетъ, шелъ далѣе всѣхъ. Въ иной денъ утромъ онъ стоялъ два, три часа за службой въ церкви, продавалъ и ставилъ самъ свѣчи къ иконамъ съ десяткомъ земныхъ поклоновъ, собиралъ деньги на благолѣпіе церкви, но въ сумерки при закатѣ солнца тотъ же усердный прихожанинъ сидѣлъ на особый ладъ у себя въ маленькой горницѣ, запершись на замокъ. Онъ сидѣлъ не на лавкѣ, а на коврикѣ, на полу, поджавъ подъ себя ноги, и молился Богу, тому же самому, которому молился всю жизнь.

Православный христіанинъ и церковный староста Никольской церкви попросту въ этой горницѣ творилъ намазъ! Мысль, что это грѣхъ и вѣроотступничество отъ вновь принятой религіи ни на мгновеніе не приходила на умъ перекрестю. Мысль, что за это можно было отвѣтить, попасть въ ту же яму подъ судной избой, про которую онъ часто слыхалъ, конечно, приходила въ голову новаго князя Бодукчеева. За то же онъ тщательно и запирался на замокъ.

Перестать молиться такъ, на коврикѣ, на отцовъ и дѣдовъ ладъ, своему Богу, съ которымъ онъ былъ давно связанъ душой, къ которому онъ не могъ относиться также подозрительно, какъ къ христіанскому Богу, князь Бодукчеевъ не имѣлъ возможности.

Онъ переживалъ теперь особенно важные дни своей жизни. Онъ сватался за дѣвушку красавицу и приданницу, которая дѣйствительно ему крѣпко нравилась, онъ готовъ былъ бы взять ее за собя въ иныя минуты даже безъ приданаго. Въ такое время нужна помощь свыше. Смущенное сердце невольно проситъ съ небесъ заступничества и покровительства.

Какъ же въ трудныя мгновенія обращаться къ новому знакомому, котораго только что встрѣтилъ и совсѣмъ не знаешь! Понятно, побѣжишь за совѣтомъ и помощью къ старому другу. Какъ же теперь было ногайскому татарину обращаться за помощью къ своему новому Богу, который положительно ничѣмъ еще не дока-

залъ ему ни своего къ нему расположенія и вниманія, ни своего всемогущества.

Затылъ Ивановичъ иногда, впрочемъ, подумывалъ, что, если бы онъ женился на Варюшѣ, то современемъ ему, можетъ быть, легче будетъ молиться христіанскому Богу. Да тогда и не придется очень Богу молиться, и все равно — тому или другому. Когда все устроится, ему ни Аллаха, ни Бога не нужно будетъ. Но теперь, въ эти рѣшительные, роковые дни, когда онъ орудуетъ на всѣ лады, когда ему и Ананьевъ, и Лучка помогаютъ всячески, чтобы свертѣть дѣло и повѣнчаться съ Варварой Климовной, теперь немыслимо бросать Аллаха и обращаться къ христіанскому Господу.

Черезъ недѣлю послѣ своего поступленія къ Затылу Ивановичу, Лучка, конечно, уже сталъ главнымъ руководителемъ въ завѣтномъ и сердечномъ предпріятіи своего сіятельнаго хозяина. Не только Партановъ бывалъ въ домѣ Ананьева, видался и бесѣдовалъ съ Настасьей и съ самой Варварой Климовной, но онъ сталъ любимцемъ самого Ананьева, какъ довѣренное лицо его пріятеля, князя Бодукчеева. Такимъ образомъ Лучка былъ свой человѣкъ. чтобы лазить въ душу Затыла Ивановича, и свой человѣкъ въ домѣ Ананьева, чтобы ладить и устраивать совсѣмъ не то, что поручалъ ему перекресть.

Барчуковъ видалъ, конечно, Партанова тайкомъ и часто изумлялся ловкости друга. Самъ чортъ, казалось, не могъ такъ все перепутать въ путанномъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно видѣть и хорошо знать, гдѣ какой конецъ, и гдѣ начало, и гдѣ всякій завязанный узелокъ всякой нитки.

— Вотъ въ этихъ самыхъ путахъ, которыми, сказываешь ты, я всѣхъ перепуталъ, — говорилъ Лучка пріятелю: — я всѣхъ ихъ, какъ въ сѣтяхъ, на берегъ и вытащу. А на берегу на этомъ, которая рыба подохнетъ, которую я назадъ въ рѣчку заброшу, а которую въ бадью спущу. Климъ Егоровичъ, вѣстимое дѣло, у меня подохнетъ; ну, а Затыла Ивановича, прости, голубчикъ, на погибель я не дамъ. Совѣсть моя мнѣ запретъ кладетъ. Его я обратно въ рѣчку заброшу. Будетъ онъ у насъ, хоть и безъ Варюши, но живъ и невредимъ. Пускай отъ срама къ себѣ, въ ногайскія степи, уѣзжаетъ. Впрочемъ, я его хочу поженить на одной приданницѣ старой, но тоже богатой.

XXI.

Въ тѣ же самые дни въ домѣ Сковородихи, на Стрѣлецкой слободѣ, явился, однажды, молодецъ, франтовато одѣтый, а съ нимъ пожилая женщина, довольно извѣстная въ Астрахани. Она была главная устроительница судебъ обывателей, т. е. сваха. Впрочемъ,

никакія бракосочетанія, крестины и даже похороны не обходились безъ нея. Всюду она была свой человѣкъ.

Не разъ бывала она у Сковородихи, но тщетно усовѣщивала скупую, тучную и лѣнивую стрѣльчиху справить хоть одну свадьбу, хотя бы старшей дочери Марьи.

Хозяйка отдыхала на постели, когда дѣвка доложила о прибытіи Платониды Парамоновны Соскиной, и Сковородиха сразу разгнѣвалась при этомъ имени.

— Опять сватать! Гони ее со двора! — приказала Авдотья Борисовна.

Дѣвка пошла, но чрезъ минуту вернулась и объяснила, что сваха сказала: «Не пойдетъ со двора».

— Какъ не пойдетъ? — удивилась стрѣльчиха.

Дѣвка повторила то же самое.

— Она говоритъ, скажи сударынѣ Авдотьѣ Борисовнѣ, что я не пойду со двора, и вотъ такъ до ночи и буду здѣсь на крылечкѣ сидѣть. А ночью оба умастимся тутъ и спать до утра.

— Кто оба?

— А съ ней парень такой пригожій, да прыткій. Ужъ примѣривался на крыльцѣ, куда ночью головой ложиться—къ дому, или къ улицѣ.

— Что? Что? Что?... — повторила Сковородиха, пуча глаза на дѣвку.

— Точно такъ-съ. Прыткій... Сказалъ Платонидѣ Парамоновнѣ при мнѣ... Не тужи, говоритъ, голубушка. Не дастъ Сковородиха одной дѣвицы волей, я ихъ всѣхъ пять сграблю за разъ и продамъ въ гаремъ къ султану турецкому.

— Стой. Не смѣй! Не пужай! Стой!—заорала Сковородиха, подымаясь и садясь на постели.

Она едва переводила духъ, хотѣла сказать еще что-то, но не могла и замахала руками.

— Айканку... Айканку зови.

Главный совѣтникъ хозяйки былъ, между тѣмъ, уже давно на улицѣ и бесѣдовалъ со свахой и съ молодцомъ. Молодецъ успѣлъ уже сказать что-то Айканкѣ на ухо, и старая какъ-то видимо смутилась. А молодецъ въ подтвержденіе своихъ словъ началъ креститься. Айканка развела руками и выговорила:

— Подождите, пойду къ ней.

И торопливо пошла калмычка въ домъ.

— Иду! Иду! — отозвалась она, встрѣтивъ посланную за ней дѣвку.

— Ступай... Гони сваху... Дѣлай, что хочешь... — заявила Сковородиха любимицѣ. — Проси честью уйдти, а не пойдетъ, созови рабочихъ съ метлами. Я у себя въ домѣ хозяйка. Она съ мужчиной на крыльцѣ спать собирается. Будь благодѣтельницей...

Но далѣе Сковородиха говорить не могла. Весь запасъ силъ ея тучнаго тѣла былъ истраченъ, и, махнувъ отчаянно рукой на Айканку, она снова легла на подушки.

— Нельзя гнать! И-и! нельзя. Такое дѣло. Нельзя,—отозвалась Айканка.

— Какъ нельзя? — жалобно и тихо спросила стрѣльчиха.

— Такое дѣло. Важнѣющее.

— Сватовство опять?

— Да, сватовство. Только особое, удивительное. За дочку сватается князь...

— Какой князь?

Айканка развела руками, а Сковородиха вдругъ опять сѣла на постели... Она даже почувствовала себя вдругъ на столько свѣжей и бодрой, что готова была хоть на улицу выйдти, гдѣ не была уже три недѣли, откладывая безпокойство всякій день «до завтрева».

— Какой князь? — повторила Сковородиха.

— Такой ужъ... Княжескаго рода.

— Какъ звать-то?

— Нешто она скажетъ? Нешто можно такъ брякнуть—прямо? Позови да и перетолкуй.

— За которую дочь сватается?

— Опять не знаю. Не сказала...

Сковородиха задумалась.

— Ну, что же ты?

— Боюся, Айканушка.

— Чего?

— Не знаю.

— Чего же бояться? Радоваться надо—князь.

— Страшно. Эдакого я не ждала. Это, почитай, еще хуже, чѣмъ кто изъ нашего состоянія. Въ бѣду бы намъ не влѣзть.

— Ну, я пойду ее въ горницу звать!—рѣшила Айканка повелительно. — А ты вставай.

— Нѣтъ. Ни за какіе тебѣ пряники! А ужъ если нельзя ее прогнать, то ты впусти и сама съ ней обо всемъ и перетолкуй.

— Ну, хорошо. Такъ и быть... Эдакъ, поди, и впрямь будетъ лучше. Лежи себѣ.

Айканка двинулась уходить.

— Стой. А молодецъ зачѣмъ съ ней? — воскликнула Сковородиха.

— Тоже сватъ, стало быть.

— Смотри, Айканка. Бѣды бы не вышло какой. Нешто парнямъ пристало въ сватахъ быть!

Айканка впустила въ домъ Платониду Соскину и невѣдомаго молодца и усадила въ первой горницѣ на почетномъ мѣстѣ.

Въ домѣ же, во всѣхъ другихъ горницахъ, казалось, происходило столпотвореніе вавилонское. Или же можно было подумать, что пришелъ день и часъ свѣтопреставленія и что оно, по волѣ Божьей, началось на землѣ, съ Стрѣлецкой слободы и съ дома Сковородихи.

Дѣвицы-сестрицы, болѣзныя Машенька и Сашенька, горбатая Пашенька, великанъ Глашенька и красавица вьюнъ-Дашенька, узнавали отъ дѣвки, кто въ домѣ появился и съ какой цѣлью.

— Князь! Князь! Князь!—повторяли и пѣли дѣвицы, и каждая сопровождала свое припѣваніе чѣмъ могла.

Красавица Дашенька прыгала козой и вертѣлась турманомъ. Машенька стащила повязку съ глаза, гдѣ начинался у нея снова большой, быть можетъ, семисотый ячмень, и, помахивая тряпкой, выступала какъ въ хороводѣ.

Горбатая Пашенька только хихикала и, качаясь на лавкѣ, ногами выколачивала на полу дробь.

Огромная Глашенька ураганомъ сновала изъ одной горницы въ другую и полъ стоналъ подъ ея ступнями.

Одна Сашенька радостно растаращила глаза и изъ боязни двинуться, чтобы не сломать себѣ чего въ тѣлѣ, безъ умолку тараторила, разспрашивала сестеръ и, не получая отвѣта, запѣвала на всѣ лады.

— Князь-князинька-князечикъ-князекъ-князюшка-князище!

Между тѣмъ, въ главной горницѣ шла бесѣда важная, чопорная, тихая, причемъ сваха таинственно и многозначительно не отвѣчала на самые необходимые для разъясненія вопросы Айканки. Парень молодецъ тоже не молчалъ, но, не зная обычаевъ сватовства, дѣйствовалъ проще, «безъ подходовъ и отводовъ, безъ киваній и виляній», какъ обыкновенно вели между собой рѣчь свахи и сваты при исполненіи своихъ трудныхъ и щекотливыхъ обязанностей.

— Чего тутъ, Платонида Парамоновна! зачѣмъ скрытничать!—постоянно прибавлялъ молодецъ, франтовато одѣтый, поджигая сваху на бо́льшую откровенность.

— Нельзя, сударь, Лукьянъ Партанычъ, — отзывалась сваха.

— Да не Партанычъ... тебѣ говорятъ... Не Партанычъ! Святаго Партана нѣтъ, — постоянно поправлялъ парень сваху.

Молодецъ, явившійся въ домъ Сковородихи, былъ, конечно, Лучка Партановъ, но на этотъ разъ шибко разодѣтый, примазанный деревяннымъ масломъ и даже съ масляными отъ удовольствія глазами. Точь въ точь Васька-котъ, только-что наѣвшійся до отвалу мышами.

Лучка и Соскина явились сватать отъ имени князя Бодукчеева одну изъ дочерей стрѣльчихи и собрались сюда не сразу. Партановъ уже три дня совѣщался съ Соскиной по этому дѣлу. Сначала сваха, знавшая порядки, наотрѣзъ отказывалась идти, не перего-

воривъ съ самимъ княземъ и даже не повидавшись съ нимъ. Но за три дня молодецъ уломалъ и убѣдилъ опытную сваху и своими красными рѣчами, и своей божбой, въ которой перебралъ всѣхъ святыхъ отцовъ и угодниковъ Божіихъ, даже помянулъ младенцевъ, царемъ Иродомъ избіенныхъ, и всѣхъ мучениковъ, въ озерѣ Анаѳунскомъ потопленныхъ...

Онъ говорилъ, что князь Затылъ Иванычъ совѣстился самъ заговорить со свахой, заочно со стыда горитъ, умоляетъ сваху это дѣло обдѣлать и обѣщаетъ ей сто рублей.

На второй день сваха колебалась.

— Какъ же Варюша-то Ананьева?—спросила она Лучку.

— Плевать ему теперь на нее, если она его не хочетъ и срамоту на него напустила, предпочла ему чуть не дно морское, Каспицкое.

На третій день сваха была побѣждена краснорѣчіемъ Партанова и, не видавъ Затыла Иваныча, собралась съ Лучкою вмѣстѣ къ Сковородихѣ.

— Одна не пойду!—заявила она.—А ужъ идти отъ твоего жениха потайнаго, такъ обоимъ вмѣстѣ.

Лучка ничего противъ этого не имѣлъ и весело собрался, весело вымазался масломъ. Очевидно, на его улицѣ праздникъ былъ! Сваха объясняла его радость привязанностью къ своему хозяину, а то и барышами.

— Можетъ, князь Бодукчеевъ и ему сто рублей обѣщалъ за хлопоты,—думала Соскина.

Одно только обстоятельство продолжало смущать сваху. Лучка увѣрялъ ее, что князю изъ всѣхъ дочерей Сковородихи пуще другихъ полюбилась не красавица Дашенька, не умница Машенька, не кроткая и ласковая Пашенька, хотя бы и горбатая, а верзило, лѣшій-дѣвка Глашенька.

— Какъ же это такъ?—недоумѣвала Соскина.

— Что жъ?.. Скусъ такой!—отвѣчалъ Лучка.

— Она жъ хуже всѣхъ!

— На наши глаза. А у него свои — ногайскіе...

— Да и объёмиста гораздо...

— Объёмистая и по мнѣ лучше худотѣлой!

— Ужъ больно тяжела не въ мѣру!

— Ее ему не носить.

— Сказываютъ, вѣсу въ ней до семи пудовъ.

— Вотъ эвто самое на его скусъ княжескій и пришлось. Говоритъ, мяса много.

— Да вѣдь ему же ее не ѣсть!

— Не наше, Парамоновна, это дѣло!—рѣшалъ Лучка.—Наше дѣло сосватать, запись смастерить, отступное опредѣлить и сва-

дебку чрезъ недѣльки три сыграть, денежки за хлопоты получить... и пьянымъ съ радости напиться.

И вотъ Лучка Партановъ и сваха Соскина появились въ домѣ Сковородихи.

Сначала все пошло на ладъ. Айканка, смотрѣвшая на дѣло замужества дѣвицъ стрѣльчихи совсѣмъ иначе, нежели она сама, рада была нежданному порученію и случаю «втюрить» Авдотью Борисовну въ свадебное дѣло, да такъ, чтобы она ужъ не могла потомъ на попятный дворъ. Айканка, послѣ цѣлаго ряда условныхъ «виляній» свахи, поблагодарила за честь и спросила, кто таковъ этотъ князь.

— Князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ.

— За что такая милость къ намъ, то-ись?.. Авдотья Борисовна простая стрѣлецкая вдова...

— Да дыни и арбузы у нея княжескіе, за которые деньги горой отсыпаютъ! — прямо бухнулъ Лучка.

— Ну, какъ же... Нешто изъ-за мошны... заявила сваха, отрицая корыстолюбіе Затыла Ивановича, котораго ни разу близко въ глаза не видала.

— Что жъ! Это правда—матка!—отвѣтила Айканка.—И я такъ это дѣло смекаю. Онъ князь и съ достаткомъ. А тутъ, всетаки, за невѣстушкой еще приполучить можно... А на которую же изъ нашихъ дѣвицъ онъ доброжелательство свое обратилъ?

— На Глафиру Еремѣевну,—сказала сваха какъ-то все еще неувѣреннымъ голосомъ.

Айканка, дотолѣ улыбавшаяся, вдругъ насупилась, съежилась и выглянула изъ подлобья.

— Что же такъ?—воскликнулъ Лучка, не удержавшись.

— Ну, этого я... На это я вамъ никакого отвѣта дать не могу.

— Почему?

— Да такъ ужъ...

— Такъ подите, спросите Авдотью Борисовну.

— И она тоже въ этомъ затруднится... Если бъ другую вотъ какую... Любую... Хоть бы вотъ самую молодую и изъ себя видную, Дашеньку. Ну, то бъ хорошо... Я бы и сама согласье за мать дала... А Глашеньку—иное дѣло. Тутъ и сама Авдотья Борисовна побоится.

— Чего?

— Да такъ ужъ...

— Она же на возростѣ...

— Да... Извѣстно... Только тутъ... Совсѣмъ дѣло не подходящее!—даже грустно проговорила Айканка, видя, что все дѣло разстраивается.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!—воскликнулъ Лучка.— Ну, а если другую какую?—прибавилъ онъ вдругъ.—Тогда бы ничего?..

— Другую съ нашимъ удовольствіемъ.

— Отвѣчаете вы, что другую Авдотья Борисовна отдастъ за князя?

— Вѣстимо. Честь ей великая—дочь княгиней величать.

— Ладно. Я съ нимъ перетолкую и завтра у васъ опять буду.

— Да неужто же онъ за одинъ день перемѣнитъ свои мысли?—спросила сваха.

— Отчего же... Да, можетъ... Можетъ, и я ошибся, ей-Богу!—выговорилъ вдругъ Лучка жалобно, какъ бы прося прощенія.—И тебѣ, Платонида Парамоновна, показалось дѣло неподходящимъ. И вотъ ей тоже, управляющихѣ, кажется дѣло негоднымъ и непокладнымъ. Я лучше справлюсь, и завтра мы опять придемъ.

— Чудно. Ей-Богу, чудно... Чудишь ты, Лукьянъ Партанычъ!—вымолвила сваха подозрительно.

— Да не Партанычъ! Тьфу! Типунъ тебѣ на языкъ... выговорилъ Лучка, но вдругъ сообразилъ и отрѣзалъ:

— Вѣдь вотъ ты, Парамоновна, путаешь. Зовешь меня Партанычемъ. Отчего же было мнѣ не спутаться, когда всѣхъ дѣвицъ Авдотьи Борисовны зовутъ пріятели и сродственники сходственно. Мнѣ князь могъ тоже такъ то сказать: и Сашенька, и Машенька, и Дашенька... А мнѣ почудилось: Глашенька.

— Это вотъ вѣрно! И отдамъ я руку на отсѣченіе, что ты спуталъ!—воскликнула Соскина.

— Князь тебѣ, сударь мой, либо Машеньку, либо Дашеньку называлъ,—сказала Айканка.

— Завтра будемъ опять и все дѣло повершимъ. Только вотъ что, родная моя. Князь безъ записи не хочетъ. Чтобы не было семи пятницъ на одной недѣлѣ у вашей Авдотьи Борисовны! Она вѣдь баба крѣпкая, всѣмъ это вѣдомо. Князь и боится срама.

— Да вѣдь вѣнчанье не отложится на годъ, либо два?.. Вѣдь вѣнчаться будутъ много черезъ мѣсяцъ... замѣтила Айканка.

— Все равно. Свадьба черезъ мѣсяцъ, а то и скорѣе. А запись—записью!

— Ну, что жъ—его воля. Мы не перечимъ.

— Авдотья Борисовна на это пойдетъ?

— Пойдетъ... Но вѣдь и князь тоже долженъ заручку дать...

— Князь опредѣлилъ отступнаго тысячу карбованцевъ съ своей стороны!—бухнулъ Лучка.

— О-о!.. ахнула Айканка.

— Да, вотъ мы какъ!—вскрикнулъ Лучка.—Стало быть, намъ-то на попятный дворъ будетъ идти накладно.

Гости простились со старой калмычкой и ушли, обѣщаясь явиться на другой день.

— Ну, ужъ сватовство!—качала головой всю дорогу Соскина.— Вотъ что значитъ заглазно со свахой переговариваться. Спутали дѣвокъ. Вотъ тебѣ, парень, первый блинъ да комомъ!

— Какой комъ, да кому! Иному иной комъ — какъ разъ по брюху!—загадочно усмѣхнулся Лучка.

XXII.

Нѣчто, что чуялъ шестымъ человѣческимъ чувствомъ, предугадывалъ и мысленно себѣ самому предсказывалъ проныра-жидъ астраханскій Осипъ Осиповичъ Гроднеръ, дѣйствительно невидимкой стояло надъ Астраханью. Оно, какъ легкій туманъ или облако пыли, пробиралось во всѣ улицы и закоулки, во всѣ дома, избы и хижины. Что̀ это было,—опредѣлить и назвать было трудно.

Въ бумагахъ, приходившихъ изъ столицы въ Астрахань или отправляемыхъ отсюда къ главнымъ властителямъ россійскимъ, это нѣчто обозначалось «колебаніемъ умовъ». Въ Астрахани это колебаніе случалось часто и приходило вдругъ безъ всякаго видимаго повода, какъ иная хворость, какъ цынга, гніючка или чума.

Было одно время, что у астраханцевъ, почти у всѣхъ, у десятаго человѣка, кровь носомъ шла. Какъ пришла эта чудная хворость, никто не зналъ и объяснить не могъ. Правда, жарища стояла тогда нестерпимая, да вѣдь не отъ солнца же таковое можетъ приключаться.

Какъ зачиналась на этой дальней полумагометанской россійской окраинѣ смута народная, объяснить никто не могъ. Теперь по слободамъ астраханскимъ, которыхъ было много, въ томъ числѣ нѣмецкая, мѣстожительство всѣхъ иноземцевъ, татарская, инородческая, калмыцкая, армянская и другія, повсюду стали рыскать всякіе слухи, одинъ другаго диковиннѣе. Наконецъ, прошелъ слухъ, отъ котораго встрепенулся весь городъ. Царь собирался прислать въ Астрахань къ са̀мому Петрову дню своего любимца Меньшикова, чтобы отобрать у всѣхъ ватажниковъ ихъ учуги и продать ихъ за большую сумму денегъ сосѣдямъ и врагамъ, калмыцкимъ ханамъ, а на эти деньги вести войну со шведами.

Отобрать учуги у астраханцевъ и отдать весь рыбный промыселъ на Волгѣ въ руки вѣковыхъ враговъ калмыковъ, это, конечно, было дѣяніе, долженствовавшее разрушить городъ Астрахань. Этому дѣянію равнялось бы только развѣ приказаніе на половину вырѣзать, на половину разогнать по свѣту Божьему всѣхъ астраханцевъ. Учуги и ватаги—это была основа, краеугольный камень, на которомъ зиждилось процвѣтаніе города и всего края. Хитеръ и ловокъ былъ тотъ, кто могъ такой слухъ пустить. Этотъ слухъ хваталъ за сердце всѣ ватаги рабочихъ — тысячи четыре

человѣкъ. И хваталъ каждаго за сердце покрѣпче, чѣмъ когда-то вѣсть о брадобритіи бояръ и сановниковъ.

А Петровъ день былъ не за горами.

Тотчасъ послѣ распространенія этого слуха по городу, въ кремлѣ, на квартирѣ воеводы, а потомъ на архіерейскомъ дворѣ, въ горницахъ митрополита Сампсона было совѣщаніе властей. У стараго владыки, тугаго на соображеніе и тяжелаго на подъемъ отъ старости, собрались власти: воевода и поддьякъ Копыловъ, его правая рука, полковникъ Пожарскій, умница строитель Троицкаго монастыря, безъ совѣта котораго не обходились, законникъ посадскій Кисельниковъ и все тѣ же первые тузы астраханскіе. Рѣшено было, какъ когда-то по поводу исправленія креста на колокольнѣ, объявить всенародно на площадяхъ и базарахъ, а равно въ караван-сераяхъ, и притомъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, армянскомъ, персидскомъ и турецкомъ, что слухъ объ указѣ на счетъ учуговъ есть сугубое преступное измышленіе праздныхъ языковъ.

— Поможетъ—хорошо,—заявилъ воевода:—а не поможетъ, что же тутъ дѣлать! Все же таки, покуда ни одного учуга не тронули и не отобрали, никакого волненія не будетъ.

— Это колебаніе уже которое на моей памяти,—заговорилъ митрополитъ:—поболтаютъ и перестанутъ.

Порѣшенное, однако, на 29-е іюня, въ царскій день, всенародное объявленіе и опроверженіе слуха не было властями приведено въ исполненіе. Оно будто попало въ долгій ящикъ и все откладывалось изо дня въ день. И удивительно! Поручено оно было дѣятельному, какъ ртуть, человѣку—полковнику Пожарскому. Но на этотъ разъ Никита Григорьевичъ все медлилъ и все собирался, но его никто и не понукалъ. Изрѣдка только Георгій Дашковъ спрашивалъ при свиданіи:

— Что же, государь мой, на счетъ опроверженія и успокоенія умовъ? Что медлите?

— Написано, — отвѣчалъ Пожарскій: — переводимъ. Шутка развѣ—на три языка перевести! Перевели вотъ мнѣ на персидскій языкъ два армянина, хотѣлъ было посылать уже подьячихъ на базаръ и въ Девлетовъ караван-сарай, анъ вдругъ оказывается, что все мнѣ тѣ армяне наврали. Такую черти ахинею вывели, что, если бы ее прочесть, такъ сами бы мы произвели сугубое колебаніе умовъ. Въ этомъ дѣлѣ спѣшить не надо.

Такъ или иначе, но Пожарскій отдѣлывался разными выдумками и медлилъ. И только одна Агаѳья Марковна знала, почему медлитъ кремлевскій начальникъ. Онъ начиналъ надѣяться на очищеніе мѣста воеводы.

Въ это же время въ Шипиловой слободѣ, около Никольской церкви, въ домѣ, который еще недавно продавался, но продажа котораго разстроилась, происходило тоже что-то необычное. У до-

мохозяина, по прозвищу Грохъ, даже ночью бывалъ всякій народъ. Будь это въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ городѣ, при другихъ властяхъ, то, конечно, какой нибудь начальникъ уже прислалъ бы сюда съ полдюжины стрѣльцовъ навѣдаться, въ чемъ дѣло, что за базаръ такой, что за толкотня. Но въ Астрахани некому было обращать вниманіе на то, что въ домѣ, гдѣ царила всегда тишина, вдругъ толчется всякій людъ, гулящій и подозрительный. Обыватели диву дались, а власти и не вѣдали.

Другая диковина тоже бросалась въ глаза. Всегда мрачный и угрюмый Грохъ не былъ скученъ, глаза его блестѣли, лицо румянилось, не разъ за день улыбалось. Всякій бы въ народѣ подумалъ: что за притча?

Носовъ уже не собирался покидать Астрахань. Нѣчто, чего онъ давно желалъ, также какъ и полковникъ Пожарскій, т. е. смутныхъ дней,—начинало какъ бы сбываться. Не кто иной какъ Носовъ былъ тайнымъ сочинителемъ и распространителемъ послѣдняго слуха, хитраго и ловкаго, объ учугахъ. Ему пришло на умъ выдумать этотъ указъ государя, который долженъ былъ поразить астраханцевъ въ самое сердце.

То, что безъ причины назрѣвало въ Астрахани, усилилось подъ вліяніемъ новаго слуха объ учугахъ и ихъ продажѣ калмыцкимъ ханамъ.

Какъ только Носовъ почуялъ, что въ Астрахани замѣтно обрисовывается волненіе, онъ сталъ все чаще выходить изъ дому, видаться со всякимъ народомъ и всякій людъ принимать у себя.

Дня за три до Петрова дня въ домѣ Носова, но не въ подвалѣ, какъ прежде, а на верху, въ свѣтлой горницѣ, собрались почти тѣ же лица, что были у него однажды за нѣсколько времени предъ тѣмъ. У Носова сидѣли и бесѣдовали Партановъ, Барчуковъ, Колосъ и совершенно выздоровѣвшій разстрига Костинъ. Но, помимо этихъ лицъ, было еще человѣка два, три изъ стрѣльцовъ и изъ посадскихъ, и одинъ изъ нихъ очень извѣстный и уважаемый въ городѣ стрѣлецъ Быковъ.

Въ то же время внизу, въ подвалѣ, сидѣлъ, укрываясь отъ властей въ домѣ Гроха, его странный пріятель, разбойникъ Шелудякъ. Душегубъ этотъ не самъ явился въ Астрахань и бросилъ свои дѣла у себя на дому, т. е. на большой дорогѣ подъ Красноярскомъ. Грохъ посылалъ за нимъ и вызвалъ его въ городъ, давъ знать, что въ немъ будетъ нужда.

Собесѣдники въ домѣ Носова толковали все о томъ же, о слухахъ, о мудреныхъ порядкахъ, заводимыхъ молодымъ царемъ, о трудномъ житьѣ, о колебаніи умовъ и т. д. Но видно было, что нѣкоторые изъ нихъ, вновь сошедшіеся и познакомившіеся въ домѣ Носова, еще стѣсняются, не довѣряютъ вполнѣ другъ другу. Стрѣлецъ Быковъ, съ замѣчательно суровымъ и упорнымъ взглядомъ,

молчалъ больше всѣхъ, а между тѣмъ, казалось, что если бы стрѣлецкій десятскій заговорилъ вдругъ, то рѣчь была бы покрѣпче всѣхъ другихъ рѣчей. Про него говорили въ Астрахани, что у стараго десятскаго только два слова, а вмѣсто третьяго уже бердышъ идетъ въ дѣло. Диковина заключалась только въ томъ, что этотъ бердышъ, долго вѣрно служившій властямъ астраханскимъ, теперь вдругъ обернулся и готовъ былъ служить тѣмъ, кого рубилъ.

Старика десятскаго изъ стрѣлецкаго войска сразило то, что случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Москвѣ, а теперь готовилось и въ Астрахани — уничтоженіе стрѣлецкаго войска. Брить бороду, надѣть нѣмецкій кафтанъ и изъ стрѣльца сдѣлаться какимъ-то огороднымъ чучелой, какимъ-то «ундеромъ», какъ сказывали, Быковъ не могъ. Оставаться хладнокровнымъ зрителемъ и смириться старикъ тоже не могъ.

И вотъ эти трудныя времена, эти мудреные порядки привели старика-стрѣльца въ домъ Носова и заставили бесѣдовать съ разнымъ народомъ, въ числѣ которыхъ былъ и пьяница-буянъ Лучка, и подозрительный посадскій Колосъ, и другіе, на которыхъ стрѣлецъ давно привыкъ коситься.

Единственное, на что стрѣлецъ еще не рѣшался, это говорить при всѣхъ. Съ Носовымъ онъ былъ откровененъ, и рѣчь его была дѣйствительно крѣпка, удивляла и восхищала Носова. Такой человѣкъ, какъ стрѣлецъ Быковъ, въ случаѣ какого нибудь народнаго дѣйства былъ бы дорогимъ человѣкомъ, былъ бы правою рукой того, кто все дѣло поведетъ. Даже болѣе. Пожалуй, этотъ стрѣлецъ станетъ коноводомъ всего и самъ заведетъ себѣ другихъ въ качествѣ правыхъ рукъ. Носовъ видѣлъ уже въ стрѣльцѣ соперника.

Поздно вечеромъ, когда всѣ разошлись, Носовъ задержалъ только двухъ молодцовъ-пріятелей и своего друга посадскаго, сказавъ кратко:

— Обождите вы и ты тоже, Колосъ. Надо намъ перетолковать промежъ себя. А ты, Костинъ, сходи-ка внизъ да приведи сюда моего гостя, что сидитъ въ подвалѣ. Знаешь, въ томъ самомъ, гдѣ когда-то вы трое, бѣжавъ изъ ямы, укрылись.

— А коли увидятъ его въ окошко?—произнесъ разстрига.

— Кто увидитъ?

— Ну, хоть кто изъ кремлевскихъ. Рыло-то Шелудяка всякая собака въ городѣ знаетъ.

— Небось, теперь уже спятъ всѣ. Да мы отъ окошка-то подалѣ сядемъ, — отозвался Носовъ.

Разстрига ушелъ за разбойникомъ.

Колосъ, смущенный этимъ обывателемъ въ домѣ друга, обратился къ Носову съ вопросомъ:

— На кой прахъ душегуба у себя держать? Да и потомъ чудно. Я еще вчера слышалъ, что онъ опять въ Красноярскѣ проявился и лихо грабитъ на дорогахъ. Вотъ какъ врутъ. Тамъ на его голову всѣхъ убитыхъ валятъ, а онъ тутъ въ подвалѣ у тебя сидитъ.

И Колосъ разсмѣялся.

Между тѣмъ Барчуковъ и Партановъ, узнавъ, что Шелудякъ находился въ домѣ Гроха, невольно переглянулись и невольно усмѣхнулись. Обоимъ показалось смѣшнымъ, что условіе, на которомъ ихъ воевода выпустилъ изъ ямы, можно было теперь исполнить. Можно было созвать тотчасъ народъ, связать душегуба и свести въ воеводское правленіе. И Богъ знаетъ, сдѣлали ли бы они это, или нѣтъ, нѣсколько дней тому назадъ. Быть можетъ, при новой угрозѣ воеводы, ради собственной свободы, они бы и рѣшились схватить и передать въ руки правосудія свирѣпаго человѣкоубійцу, но теперь времена уже были другія. Теперь этотъ разбойникъ, вызванный Грохомъ въ городъ ради нужды въ немъ, былъ въ полной безопасности. Да и сами молодцы не боялись воеводы и ямы по той причинѣ, что въ городѣ чѣмъ-то пахнуло. А случись это нѣчто, то въ ямѣ подъ судной избой никого не останется. Всѣхъ выпуститъ народъ, и ничего не подѣлаютъ тогда Тимоѳей Ивановичъ или его поддьякъ.

Поглядѣвши другъ другу въ глаза довольно пристально и долго, Партановъ и Барчуковъ начали хохотать. Они будто перемолвились, потому что каждый зналъ, что другой думаетъ.

— Чего вы?—обратился къ нимъ удивленный Носовъ.

Молодцы откровенно признались, что заставило ихъ разсмѣяться.

— Ну,—покачалъ головой Носовъ:—не говорите, братцы. Взять, связать и вести къ воеводѣ Шелудяка дѣло не такое легкое, какъ думаете. Хоть кликните вотъ всю улицу. Врядъ что можно подѣлать. А если бы и свели вы его въ концѣ концовъ къ Тимоѳею Ивановичу, то здѣсь у меня въ дому кровь человѣческая рѣкой бы полилась по всей лѣстницѣ на крыльцо и на улицу. Покойниковъ десятка съ два, три оказалось бы во всѣхъ горницахъ. Да, вы, братцы, не знаете, что́ такое Шелудякъ. Я иной разъ думаю да соображаю: чѣмъ же онъ на томъ свѣтѣ будетъ? Чѣмъ онъ будетъ послѣ суда Божьяго праведнаго и отвѣта на этомъ судѣ? Чѣмъ онъ станетъ? Коли пойдетъ его душа въ адъ, а это вѣрно, то вѣдь, право, грѣшить не хочу, а правду сказываю,—Носовъ усмѣхнулся:—вѣдь отъ него и чертямъ въ аду тошно будетъ. Онъ какъ придетъ, то прости Господи, самого сатану попробуетъ ухлопать.

XXIII.

Въ горницу вслѣдъ за маленькимъ Костинымъ вошелъ, какъ-то странно передвигая громадными ногами, почти наципочкахъ, покачиваясь неуклюже, какъ медвѣдь, громадный красноярскій душегубъ. Узнавъ тотчасъ своихъ товарищей по бѣгству изъ ямы, Барчукова и Партанова, Шелудякъ только чуть-чуть бровями повелъ.

— Что тебѣ? — проговорилъ онъ, останавливаясь на порогѣ и обращаясь къ хозяину.

— Иди, небось, — отозвался Носовъ.

— Иди?—вопросительно повторилъ разбойникъ.—Я пойду, только чуръ. Диковинно мнѣ немножко. Статься не можетъ, чтобы ты, Грохъ, въ котораго я вѣрю пуще, чѣмъ въ Господа Бога, чтобы ты, честной человѣкъ, крѣпкій человѣкъ въ своемъ словѣ, да чтобы могъ ты вдругъ меня... Пустое, и вѣрить не хочу. Но, все же таки, скажу напередъ: я не одинъ, а съ пріятелемъ...

Шелудякъ полѣзъ за пазуху и вытащилъ огромный ножъ, но не простой, а, очевидно, такой, который смастерилъ изъ осколка турецкаго ятагана.

— Что ты, Христосъ съ тобой!—проговорилъ Носовъ, удивляясь. Шелудякъ оттопырилъ руку съ ножемъ и произнесъ:

— Ты меня, Грохъ, знаешь. А вотъ этотъ благопріятель не токмо людей, не токмо дерево, а желѣзо насквозь беретъ. Ну, и даромъ я себя, вѣстимо, не дамъ.

— Да что ты шалый, право шалый. Али очумѣлъ? Чего ты ножемъ-то тычешь, кого пугаешь? И что у тебя въ головѣ-то застряло? Спрячь ножище, да отойди, а то и впрямь кто изъ прохожихъ въ окошко рожу твою признаетъ, да и ножище-то увидитъ. Спрячь, говорю.

— Спрятать можно, пазуха недалеко, — однозвучно произнесъ Шелудякъ.

— Да что съ тобой, объясни прежде,—сказалъ Носовъ.—Позвалъ я тебя на бесѣду, а ты пришелъ и городить началъ. Чортъ тебя знаетъ, что у тебя въ головѣ прыгаетъ!

— А то у меня, Грохъ, прыгаетъ, что вотъ эти два молодца,— онъ указалъ на Лучку и Барчукова, — должны свое житіе моей головой купить. Они гуляютъ и будутъ гулять, коли я сидѣть буду. А не сяду я, то ихъ на мое мѣсто посадятъ. Нешто ты думаешь, что я этого не знаю?

Разумѣется, Носовъ и оба молодца стали клясться и божиться разбойнику, что хотя дѣйствительно имъ приказано поймать и представить его въ воеводское правленіе, но что они и на умѣ не имѣютъ исполнять приказаніе Ржевскаго.

Шелудякъ повѣрилъ и успокоился.

Когда всѣ усѣлись въ углу горницы, Барчуковъ невольно обратился къ разбойнику:

— Кто же тебѣ сказалъ, какъ ты узналъ про воеводово условіе? Вѣдь мы съ Лучкой, почитай, никому этого не сказывали, а ты былъ подъ Красноярскомъ.

— Дурни вы, ей-Богу!—усмѣхнулся Шелудякъ.—Да я тамъ, на большой дорогѣ больше знаю, чѣмъ самъ вашъ Тимоѳей Ивановичъ у себя въ канцеляріи. Иначе мнѣ и не жить. У меня свои вѣстовщики, которые чуть не каждый день скачутъ ко мнѣ изъ Астрахани и всякій день мнѣ докладываютъ. Это я здѣсь для васъ такимъ мужикомъ, разбойникомъ, острожникомъ, а вѣдь тамъ-то, у себя дома, я почище твоего воеводы. У меня свои поддьяки и дьяки и всякіе прислужники и рабы. Навѣдайся-ка ко мнѣ въ шайку, такъ увидишь, что̀ я тамъ изъ себя изображаю. Что твой ханъ хивинскій или индѣйскій! Не знать намъ эдакаго распоряженія Тимоѳея Ивановича, когда я знаю все, что у него въ бумагахъ прописано къ государю. Что завтра прописано будетъ — и то знаю. Мои сподручники тоже властители. Одно только имъ не по плечу: выпустить меня изъ ямы, если я въ нее попаду. А докладывать мнѣ обо всемъ ихъ должность. Все что творится въ судной избѣ, въ приказной, въ воеводствѣ, на митрополичьемъ дворѣ, во всѣхъ повытіяхъ Астрахани, все, что сказываетъ и болтаетъ народъ во всѣхъ кабакахъ и на всѣхъ базарахъ,—все, это мнѣ вѣдомо лучше, чѣмъ вамъ здѣсь, въ городѣ. А бываетъ, кто изъ богатыхъ людей съ Астрахани въ дорогу собирается и чаетъ меня миновать, то я не токмо знаю время, въ которое онъ выѣдетъ и со сколькими провожатыми ѣдетъ и какъ оруженъ, но знаю даже, сколько рублевъ и алтынъ въ какомъ карманѣ у него зашито. Эхъ, вы дурни, дурни, одно слово вамъ сказалъ бы я, да только... Ну, васъ!..

Шелудякъ махнулъ рукой въ заключеніе своей длинной исповѣди и отвернулся.

— Слушай, Шелудякъ,—сказалъ Носовъ:—ты на меня во гнѣвѣ, зачѣмъ я тебя изъ-подъ Красноярска вызвалъ... Ну, вотъ тебѣ всѣ они скажутъ, что я не вру. У насъ, въ городѣ, зачинается колебаніе. Стало быть, надо намъ напередъ все передумать... Кому что дѣлать. Колосъ, скажи ему...

Колосъ, оглянувшись на всѣхъ, разсказалъ, что у нихъ съ Грохомъ уже собрана своя команда... И если что приключится, то не надо зѣвать... Пуще всего у нихъ надежда на Шелудяка, что онъ первый шагъ сдѣлаетъ, не жалѣя себя...

— Можно ль на тебя разсчетъ имѣть?—прибавилъ Колосъ.

— Вѣстимо. Грохъ знаетъ!—отозвался разбойникъ.

— Такъ я всѣмъ и передамъ, что ты при очевидцахъ вотъ обѣщался... Ты первый, а мы за тобой.

Шелудякъ сталъ подробно выспрашивать Колоса, на какихъ людей они разсчитываютъ. Посадскій отвѣчалъ.

— Ничего не будетъ! — рѣшилъ разбойникъ. — Вы, что малые ребята, утѣшаетесь пряникомъ медовымъ.

Поднялся споръ, въ которомъ Шелудякъ, Костинъ и Барчуковъ доказывали, что никакой смуты не будетъ въ городѣ, а Партановъ, Колосъ и хозяинъ стояли на своемъ, что «надо ждать колебанія».

Горячая бесѣда затянулась далеко за полночь. Наконецъ, всѣ встали и начали прощаться.

Когда Колосъ ушелъ домой, а Шелудякъ и разстрига отправились къ себѣ въ низъ, два молодца пріятеля остались одни съ хозяиномъ, повидимому, умышленно и по уговору.

— Ну, мнѣ, — сказалъ Барчуковъ: — нужно съ тобой по дѣлу нѣмцеву перетолковать. Вотъ что, Грохъ.

— Какое такое дѣло? — удивился Носовъ.

— Ты, Грохъ, и не чаешь?

— Вѣстимо, не чаю.

— А дѣло важное.

— Да у меня съ твоимъ Гроднеромъ никакихъ дѣловъ не бывало и быть не можетъ.

— Не бывало. А можетъ теперь и будетъ! — сказалъ Барчуковъ.

— Никогда не будетъ! — рѣзко отвѣтилъ Носовъ. — Онъ... ты знаешь ли, кто онъ таковъ, твой хозяинъ? Онъ христопродавецъ.

— Сказываютъ! — смущаясь, отозвался Барчуковъ и даже потупился. — Я было ужъ и уходить отъ него изъ-за этой причины собрался, да теперь не могу. Пріищу мѣсто, тотчасъ уйду.

— Я не къ тому говорю. Живи у него. Что жъ? Деньги его тѣ же наши астраханскія, а не тѣ, что̀ Іуда за Христа получилъ... А вотъ я о томъ, что дѣловъ у меня съ нимъ нѣту и не будетъ.

— Мнѣ, все жъ таки, надо его посылку исполнить и тебѣ его мысли передать.

— Что такое?

— У него, вѣдомо ли тебѣ, нѣтъ ли... не знаю. У него болѣе дюжины кабаковъ городскихъ на откупу иль въ долгу, что ли?

— Ну... Мнѣ-то что жъ?

— И деньги большія чистоганомъ я ему собираю и вожу каждый, то-ись, вечеръ. Много денегъ.

— Ну!.. нетерпѣливо вскрикнулъ Носовъ.

— Онъ хочетъ, вишь, уѣзжать совсѣмъ изъ Астрахани и дѣло свое другому кому уступить. Развязаться съ нимъ совсѣмъ за отступное...

— И тебя ко мнѣ послалъ?

— Да.

— Попалъ пальцемъ въ небо.

— Что же?

— Ничего. Вотъ что! Гляди!

Носовъ плюнулъ и отвернулся сердито отъ Барчукова. Молодецъ даже не понималъ, почему Грохъ такъ гнѣвно принялъ это предложеніе его хозяина жида.

— Ты будто въ обидѣ, Грохъ? — сказалъ онъ.

— А то въ почетѣ, что ли?

— Что жъ тутъ такого? Срамнаго-то?

— Ну, братецъ мой, это дѣло... Пояснять тебѣ—это долгонько и не стоитъ.

— Такъ мнѣ ему и передать отказъ? И въ разсчеты ты входить не будешь? Какіе барыши, что и какъ? Наотрѣзъ отказываешься?

— И говорить болѣе не хочу, слышь.

— Что жъ! Ладно... Я вѣдь... Мнѣ вѣдь все это не къ сердцу. Мое дѣло сторона.

Наступила пауза.

— Вы покончили? — спросилъ Лучка, ухмыляясь. — Сторговались... Шабашъ. Могу я про свое теперь рѣчь начать.

— Начинай. Авось твое не такое лядащее и поганое, — вымолвилъ Носовъ, сердито улыбаясь.

— Ну, слушай, Грохъ. И ты, Степушка, слушай. Буду я васъ спрашивать, вы отвѣчайте. А тамъ я вамъ выкладу свое задуманное и затаенное. Дурно—дурнемъ назовите. Ладно—похвалите. Коли не годно, я опять буду мыслями раскидывать и, можетъ, что другое надумаю умнѣе. А коли теперешнее годно, то, не откладывая дѣла и не покладая рукъ, возьмемся дружно и ахнемъ.

— Что? На Бахчисарай походъ и погромъ, что ль, надумалъ? — пошутилъ Носовъ.

— Нѣтъ, не на Бахчисарай, а на другой городъ, поближе Бахчисарая.

— Какой же такой?

— Астрахань.

— А-а... странно произнесъ Носовъ.

Наступило молчаніе.

Носовъ глядѣлъ въ глаза Партанова, и умный огневой взглядъ посадскаго будто говорилъ: «Старо, братъ, не новое надумалъ. Я вотъ давно думаю и разное надумываю. Да что толку-то! Теперь вотъ что-то есть, само назрѣло... А гляди — ничего опять не будетъ».

— Что же ты надумалъ? — спросилъ Носовъ, опустивъ глаза въ полъ.

— Какъ смутить городъ и душу въ смутѣ отвести, —мрачно и такимъ глухимъ голосомъ произнесъ Партановъ... что даже Бар-

чуковъ пристальнѣе глянулъ на пріятеля, чтобы убѣдиться, Лучка ли это такимъ голосомъ заговорилъ вдругъ.

— Сказывай! Послушаемъ! — однозвучно и не подымая глазъ, проговорилъ Носовъ, но въ голосѣ его зазвенѣло что-то... Будто на душѣ буря поднялась, а онъ сдавилъ, стиснулъ ее въ себѣ и затушилъ.

— Можетъ быть, смута народная у насъ, въ Астрахани, аль нѣтъ? Я спрашиваю. Ты отвѣчай! — сказалъ Лучка.

— Можетъ. Бывали. И не разъ бывали.

— Отъ какихъ причинъ?

— Отъ всякихъ. Не стерпя обидъ властительскихъ, поднимался людъ... А то разъ было за царевну Софью Алексѣевну стоять собрались. А то разъ за вѣру старую... Да это все... глазамъ отводъ былъ.

— А? Глазамъ отводъ... Вотъ я тоже тебѣ и мыслилъ сказать. Зачиналось дѣло ради Маланьи, а кончилось объ аладьяхъ. Становились за вѣру истинную, а ставши, то бишь ахнувши на утѣснителей, ради сей вѣры, храмы Божьи допрежде всего разграбляли, благо тамъ ризы и рухлядь серебряная завсегда водится. Такъ говорю?

— Такъ.

— Стало быть, отводъ глазамъ нуженъ или колѣно какое, финтъ. Надумай, что только позабористѣе да похитрѣе. Зацѣпку дай, чтобы начать.

— Да, если заручиться чѣмъ, эдакимъ. Вѣстимо. Я помню прошлый бунтъ. Совсѣмъ было, со стороны глядя, несообразица, а тамъ...

— И я его помню, Грохъ. А ты вотъ слушай. Есть у тебя молодцы, что ахнутъ первые, только бы имъ эту заручку выискать да въ руки дать?.. Есть такіе?

— Есть.

— Много ль?

Носовъ молчалъ, потомъ вздохнулъ и выговорилъ:

— Полтораста наберется.

— Немного, Грохъ.

— Захочу — триста будетъ. Коли дѣло вѣрное, т. е. заручка крѣпкая, то за триста я отвѣчаю. Да стрѣлецъ Быковъ отвѣтитъ за сотни двѣ, да Шелудякъ приведетъ изъ-подъ Красноярска съ двѣ дюжины такихъ молодцевъ, что одни весь кремль разнесутъ въ одинъ день.

— Ладно. Да вотъ мы съ Барчуковымъ двѣсти человѣкъ или хоть сотню найдемъ и приведемъ.

— Я?.. удивился Барчуковъ. — Откуда?

— А изъ ямы... Только отопри двери, сами выполохнутъ на свѣтъ Божій погулять.

— Да безъ нихъ николи и не обходится, безъ острожныхъ—замѣтилъ Носовъ.—Все это такъ, но все это сто разовъ мы выкладывали и изъ пустаго въ порожнее переливали. А вотъ ты самую суть-то повѣдай.

— А суть самая... Вотъ. Я надумалъ финтъ. Я пущу въ народѣ слухъ, вы поможете, тоже пустите его же, третьи тоже—все его же...

— Ну? — удивился Носовъ.

— Ну, и смутимъ народъ.

— Да что ты ошалѣлъ, что ль! — грозно выпрямляясь, выговорилъ Носовъ.

— Погоди, Грохъ... Я вѣдь не совсѣмъ дуракъ. Ты думаешь на этомъ и конецъ?

— Ну?!

— Такъ я не дуракъ. Мало ль слуховъ было и будетъ въ Астрахани. А я такой слухъ надумалъ пустить, чтобы всякій человѣкъ, коему этотъ слухъ ближе рубахи, да въ видѣ указа царскаго добраться въ скорости долженъ, чтобы тотъ человѣкъ не медля дѣйствовать въ свое спасеніе началъ. Понялъ ты? Во свое спасеніе. Не обжидая, вѣрно ли, нѣтъ ли сказываютъ въ городѣ. Ну, вотъ смута и будетъ. А ты пользуйся. Заручка есть, и вали!

— Скажи, Лучка. Ты махонькой, что ли? Ну, вотъ я, каюсь тебѣ, я распустилъ про учуги, что ихъ повелятъ отобрать и продавать ханамъ калмыцкимъ. Много мутились и не одни ватажники! А вышло что?

— А что же выйдти могло? Умница ты, Грохъ, а недоумокъ, стало быть. Что жъ было ватажникамъ дѣлать? Самимъ, что ли, учуги скорѣе калмыкамъ продавать?

— Вѣрно! — отозвался Носовъ. — Ну, а брадобритье, платье нѣмецкое?

— Да все то же. Мутились, но ждали, не самимъ же бриться тотчасъ, не дождавшись указу.

— Да, но обрились-то многіе... Не однѣ власти да знатные люди,—обрились всякіе малодушные люди, ради опаски... Мы вотъ посадскіе да купцы только въ сторонѣ остались. Шумѣли дворяне, а обрились...

— Ну, а мой слухъ таковъ, что, какъ его кто прослышитъ, то тутъ же и надуритъ. Смута и бунтъ. А ты пользуйся. А надумалъ я его, ради вотъ друга пріятеля! — показалъ Лучка на Барчукова. — Пуще всего ему помочь...

— Какой слухъ? — спросили оба, удивляясь.

— Нѣтъ, покуда не скажу. Еще дай облюбовать да поузластѣе завязать и запутать узлы-то... Чтобы мертвые узлы были!

— Ладно. Когда же скажешь? — спросилъ Носовъ.

— Черезъ дня три. А ты покуда послушайся моего сказу, будь милостивъ. Не порти дѣло.

— Сказывай.

— Бери кабаки у жида.

— Чего-о? Че-го?! — вскрикнулъ Носовъ.

— Недоумокъ! Пойми! Коли ты въ ту самую ночь, что я смуту сдѣлаю моимъ финтомъ, выпустишь пять сотенъ человѣкъ да учнешь ихъ всѣхъ даромъ виномъ поить да съ ними еще двѣ — три тысячи перепьются. Что будетъ?

— Это три тысячи животовъ на мой счетъ залить виномъ. У меня и денегъ не хватитъ.

— Нѣтъ, ты токмо начни даромъ угощенье сотенъ двухъ въ своихъ кабакахъ, а ужъ тысячи-то сами тогда разнесутъ всѣ остальные. Я же поведу на это и науськаю.

Носовъ долго молчалъ, потомъ провелъ руками по блѣдному лицу и произнесъ:

— Ладно. Но все дѣло въ финтѣ. Какой? Получу коли въ него вѣру — ладно тогда.

— Чрезъ два дня обоимъ все здѣсь же выкладу, — самоувѣренно произнесъ Портановъ и поднялся уходить.

XXIV.

Молодецъ, который еще недавно бывалъ пьянъ по цѣлой недѣлѣ и буянилъ на улицахъ города, теперь почти не спалъ и даже не ѣлъ. Всегда веселое лицо было озабочено, задумчиво, почти также мрачно, какъ у извѣстнаго бирюка Гроха. Тайныя заботы Партанова, однако, не мѣшали ему дѣйствовать. Почти ежедневно бывалъ онъ, по порученію своего князя Бодукчеева, у ватажника, пользовался почти полной довѣренностью Ананьева, вхадился запросто и бесѣдовалъ, какъ свой человѣкъ, съ красавицей Варюшей. Ватажникъ былъ убѣжденъ, что Лучка усовѣщиваетъ дѣвушку согласиться на сватовство Затыла Ивановича. Варюша съ удовольствіемъ принимала Лучку и подолгу говаривала съ нимъ. Ананьевъ поэтому могъ надѣяться, что дочь начинаетъ смотрѣть на Затыла Ивановича другими глазами.

На дѣлѣ, конечно, бесѣды ловкаго парня съ дѣвушкой были не только не въ пользу новокрещеннаго татарина, а прямо во вредъ ему. Лучка обдѣлывалъ дѣла своего пріятеля Барчукова. На счастіе Лучки, онъ нашелъ въ Варюшѣ дѣвушку изъ числа тѣхъ, которыхъ молва народная именуетъ «отчаянными». Чтобы отдѣлаться навсегда отъ назойливаго жениха-татарина, отъ упрямца отца и соединить свою судьбу съ Барчуковымъ, нужно было немало силы воли, отваги, даже дерзости совсѣмъ не дѣвичьей. Нужно было

согласиться и быть готовой на все, что предлагалъ теперь Партановъ. Другая дѣвушка испугалась бы, помертвѣла бы отъ страха, слыша то, въ чемъ долженъ былъ сознаваться Партановъ. Варюша не испугалась и говорила:

— Вы только стройте да ладьте, а я дѣла не испорчу. А съумѣю ли извернуться? Что же, я впередъ скажу. Что съумѣю — сдѣлаю. А коли убьютъ въ сумятицѣ? Что же, я и такъ бѣгала топиться.

И Партановъ, глядя на дѣвушку, невольно думалъ:

— Ну, кабы всѣ дѣвицы были эдакія, такъ парни бы, пожалуй, жениться перестали.

Дерзкій Лучка удивлялся Варюшѣ, но въ то же время ему чудилось, что дѣвицы такія не должны быть, что онъ на мѣстѣ Барчукова побоялся бы на такой жениться. Партановъ, конечно, долженъ былъ разсказать Варюшѣ объ ихъ затѣѣ, о смутѣ, которую они готовятъ. Но, какъ именно придется имъ воспользоваться смутой, чтобы ей обвѣнчаться съ Барчуковымъ,—Лучка впередъ опредѣлить и объяснить не могъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Партановъ уже два раза побывалъ сватомъ въ домѣ Сковородихи, но уже безъ свахи. Сначала старая Айканка, какъ и сама Сковородиха, очень удивились и недовѣрчиво отнеслись къ молодцу-свату, явившемуся безъ знаменитой Платониды Парамоновны. Но ловкій Лучка скоро съумѣлъ уничтожить въ нихъ всякое подозрѣніе и совершенно ихъ расположить въ свою пользу.

Явившись на другой день послѣ того, что онъ приходилъ со свахой, Лучка объяснилъ той же Айканкѣ, что онъ дѣйствительно ошибся. Князь Макаръ Ивановичъ указалъ ему свататься къ старшей, Марьѣ Еремѣевнѣ. Айканка сходила къ своей довѣрительницѣ и вынесла Лучкѣ отвѣтъ, что Авдотья Борисовна подумаетъ и черезъ недѣлю отвѣтъ дастъ. Лучка, какъ стоялъ среди горницы, такъ и заоралъ во все горло:

— Чего черезъ недѣлю? Да что вы здѣсь, ошалѣлыя дуры, что ли? Сейчасъ мнѣ отвѣтъ приноси.

Не только Айканка, но даже хозяйка, изъ своей комнаты услыхавъ крикъ, перетрухнула. Сестрицы тоже перепугались.

— Не пойду изъ этой горницы, покуда ты мнѣ не объявишь, что Авдотья Борисовна согласна въ этомъ же мѣсяцѣ, хоть бы даже чрезъ десять дней, свадьбу играть.

Этой дерзостью, а пуще всего крикомъ, Лучка добился того, что старая Айканка вынесла ему черезъ четверть часа отвѣтъ, что Сковородиха очень благодаритъ и согласна. Затѣмъ она вывела къ Лучкѣ Марью Еремѣевну, и Машенька, пунцовая отъ счастья, но, всетаки, подвязанная какъ всегда ради ячменя, объяснила, что она перечить волѣ своей матери не будетъ.

Было положено, что черезъ день Партановъ явится въ домъ составить запись, обычный договоръ между женихомъ и матерью невѣсты, съ отступнымъ для обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней Затылъ Ивановичъ, самъ того не подозрѣвая, былъ опутанъ своимъ новымъ наймитомъ Лучкой и попался въ сѣти.

Изрѣдка Партановъ смущался, тревожился и про себя, и вслухъ повторялъ:

— Выгоритъ ли?

И прибавлялъ:

— Авось выгоритъ! Кабы въ простые дни, вѣстимо, самъ бы въ яму угодилъ опять, а въ эдакіе дни, какіе мы подстроимъ, всякое съ рукъ сойдетъ.

Пріятель Лучки тоже былъ дѣятеленъ. Занятій было немало. Гроднеръ переуступалъ всѣ свои права, все свое торговое дѣло посадскому Носову. Надо было исполнить нѣсколько формальностей, надо было побывать въ разныхъ избахъ—приказной, судной и другихъ. Разъ двадцать пришлось побывать у разныхъ поддьяковъ и повытчиковъ. Все это приходилось пройдти не ради необходимости и не ради дѣла, а для того, чтобы всякая изъ властительскихъ піявокъ могла, въ свой чередъ, пососать немножко, если не крови, то мошну обѣихъ сторонъ, сорвать нѣсколько грошей, алтынъ, а то и гривенъ то съ еврея, то съ посадскаго.

Черезъ нѣсколько дней хлопотъ, Осипъ Осиповичъ, довольный и счастливый, собравъ почти всѣ деньги съ своихъ должниковъ, выѣхалъ изъ Астрахани. Но онъ не былъ на столько наивенъ, чтобы ѣхать черезъ степи на Царицынъ, или на Саратовъ съ карманомъ, переполненнымъ деньгами. Еврей предпочелъ сѣсть на небольшой купеческій корабль и двинуться въ Персію. Путь черезъ Тегеранъ въ Польшу былъ не совсѣмъ кратчайшимъ путемъ, но жидъ разсчелъ, что лучше пространствовать цѣлый годъ, чтобы добраться до родины неограбленнымъ и неубитымъ.

Яковъ Носовъ, сдѣлавшись вдругъ владѣльцемъ полуторы дюжины городскихъ кабаковъ, взявъ на себя разные счеты и даже долги нѣкоторыхъ должниковъ еврея, ходилъ не такой мрачный, какъ всегда, но сильно озабоченный. Онъ поставилъ ребромъ если не послѣдній грошъ, то большую долю своего состоянія. Прежде онъ хотѣлъ бросить Астрахань и уходить со всей семьей, но и при деньгахъ. Теперь же цѣлое громадное зданіе, но построенное на пескѣ, т. е. мечты о смутѣ народной, среди которой онъ достигнетъ давно желанной и глубоко затаенной цѣли, легко могло рухнуть. Гроху пришлось бы тогда бѣжать изъ города и идти по міру съ сумой или того хуже—садиться нищимъ въ яму, безъ возможности подкупить своихъ судей и палачей. Носову, однако, не жаль было ни капли себя самого.

— Годикъ пожить, покататься, какъ сыръ въ маслѣ, и помереть,—думалъ онъ:—чѣмъ вѣкъ вѣковать въ своемъ невзрачномъ шесткѣ, какъ сверчку какому.

Носову было жаль жены и дѣтей. Онъ чувствовалъ, что жертвуетъ ими ради своего страннаго честолюбія. Но дѣло было сдѣлано. Носовъ былъ хозяиномъ лучшихъ кабаковъ города, а Барчуковъ его главнымъ надсмотрщикомъ и приказчикомъ.

Не смотря на то, что запасы вина, сбитня и татарской бузы были довольно большіе у еврея, Носовъ съ Барчуковымъ хлопотали и закупали все вино, которое могли найдти. Буза варилась па дворѣ Носова.

— Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ,—мрачно повторялъ Носовъ.—Или пропаду, или потрафится дѣло, такъ что я все свое верну изъ государевой казны.

Еще разъ собрались на совѣтъ къ Носову согласники и снова перетолковали, что каждому дѣлать въ случаѣ какого либо колебанія въ городѣ. Конечно, большинство изъ согласниковъ, въ томъ числѣ стрѣлецъ Быковъ, разстрига Костинъ и даже пріятель Гроха, посадскій Колосъ, не знали всего, что подготовили пріятели и коноводы — Грохъ, Барчуковъ и Лучка.

Они не подозрѣвали, что Лучка—главный сочинитель будущаго колебанія умовъ. Они удивлялись несказанно, что Носовъ, еще недавно собиравшійся покидать Астрахань, вдругъ взялся за такое невѣрное и для него неподходящее дѣло: торговать виномъ въ кабакахъ. До нихъ достигъ слухъ, что Носовъ скупаетъ повсюду вино, платя дороже настоящей цѣны, и многіе дивились и рѣшали, что Грохъ, должно быть, совсѣмъ не такой умница, какъ прежде полагалось.

Сойдясь, однажды, поздно вечеромъ, три согласника — Лучка, Грохъ и Барчуковъ, долго совѣщались. Лучка подробно передалъ пріятелямъ задуманный имъ финтъ и все, что они должны дѣлать, каждый съ своей стороны.

— Неглупо, малый. Очень даже неглупо! Ловко надумано!—говорилъ Носовъ оживившись и весело.—Да ничего впередъ не узнаешь. Бываетъ, клюетъ рыба въ водѣ зря, только успѣвай таскать, а бываетъ, просидишь трое сутокъ и даже травы никакой не вытащишь.

- Все дѣло въ томъ, какъ взяться,—отвѣчалъ Лучка:—да какъ орудовать. Ты вотъ взгляни, что я буду творить. Что ни слово скажу, что ни рукой махну,—будетъ какъ въ сказкѣ. Ты будешь только ротъ розѣвать. Вотъ тебѣ Богъ! Я не хвастунъ и не болтунъ, ты знаешь, Грохъ. А я отсюда вижу, какъ все наладится и какое происхожденіе всего будетъ. Вѣдь у меня въ уговорѣ даже дѣвки: вотъ его нарѣченная Варвара Ананьева, да всѣ дочери Сковородихи. Я уже и у Ананьева, и у стрѣльчихи пріятель, со всѣми

перетолковалъ, да съ каждымъ врозь. Да еще у меня есть одна лихая баба, по прозвищу Тють.

— Знаю ее,—разсмѣялся Носовъ.—Гулящая, а умница...

— Ну, вотъ эта Тють обѣщаетъ мнѣ такихъ дѣловъ надѣлать въ толпѣ, что чертямъ въ аду завидно станетъ.

— Бабы всякому дѣлу помѣха,—произнесъ, помолчавъ, Носовъ.

— Нѣтъ, Грохъ, въ какомъ дѣлѣ, а въ моемъ финтѣ въ бабѣ-то вся сила. Безъ нея и финтъ мой ни на что негоденъ. Только одно скажу, надо намъ вотъ... Хоть вотъ намъ троимъ зарокъ дать, а не то клятву дать.

— Какую?

— А такую, страшнѣющую, передъ Господомъ Богомъ поклясться именемъ его святымъ — вотъ что!

— Да въ чемъ поклясться-то?—вступился Барчуковъ.

— А въ томъ, Степушка, чтобы не жалѣть себя. Такъ прямо скажу, даже клятву дать на смерть идти. Тогда дѣло выгоритъ, а будемъ беречься мы, ничего не наладится.

— Спасибо за это слово,—проговорилъ Грохъ.—Ты мои слова сказалъ. Это мои мысли.

Носовъ поднялся, взялъ скамейку, перенесъ ее въ уголъ, взлѣзъ и сцѣпилъ со стѣны большой образъ Богоматери Неопалимой Купины.

Молчаливо, тихо, съ тревожно воодушевленнымъ лицомъ и даже тяжело переводя дыханіе, посадскій Носовъ поставилъ образъ на столъ, прислонивъ его къ ларцу, въ которомъ Барчуковъ приносилъ ему ежедневную выручку.

— Вотъ, православные,—проговорилъ Носовъ, обращаясь къ двумъ пріятелямъ: — вотъ глядите...

Голосъ Носова оборвался. Внутреннее волненіе не давало ему говорить. Видно было, что посадскій много думалъ о томъ, на что рѣшается, и хорошо знаетъ, зачѣмъ и на какое дѣло идетъ теперь, хорошо видитъ и заранѣе будто переживаетъ все то, чѣмъ это дѣло можетъ окончиться.

— Становись, братцы, на колѣни, помолимся.

И всѣ трое опустились на землю передъ иконой. Лицо Лучки оживилось, онъ сталъ креститься радостно, чуть не весело. Барчуковъ наоборотъ смутился, вспыхнулъ, глаза его стали влажны.

Грохъ первый поднялся на ноги и произнесъ:

— Даю я клятву передъ симъ образомъ Пречистой Матери Господней, не жалѣючи себя, пострадать за вѣру православную, порядки дѣдовы и не жалѣть гонителей и утѣснителей земли православной. Сносить мнѣ мою голову только въ случаѣ, если она сама на плечахъ останется, а я ее уберегать не стану.

Носовъ троекратно приложился къ иконѣ и отошелъ. Лицо его стало блѣднѣе.

— А моя клятва, — проговорилъ Партановъ: — тоже не жалѣть себя. Моя жизнь алтына не стоитъ и ничего у меня нѣтъ. Только молю Бога, чтобы убили, казнили, а не замучивали на дыбѣ.

Партановъ приложился къ образу и обернулся къ Барчукову.

— Тебѣ, Степушка, пуще всего мудрена сія клятва. У тебя сердце хорошее, да духу мало. А помыселъ о зазнобѣ, о своей любушкѣ, совсѣмъ изъ тебя духъ этотъ вышибаетъ. Такъ вспомни ты теперь мои слова: пойдешь ты, не жалѣючи себя, на самую смерть, то можешь добиться всего тобой желаннаго. Будетъ Ананьева твоей женой, будешь ты ватажникъ богатый и знатный. А станешь ты торговаться со страхами разными, прощенія у всякаго пугалы просить, то головы своей, всетаки, не сносишь иль попадешь опять въ яму и въ каторгу. А Варюша твоя либо утопится, либо еще того хуже для тебя — обвѣнчается съ какимъ ни на есть астраханцемъ и заживетъ, припѣваючи да дѣтей наживаючи. А ты вотъ какъ, парень: поклянись достать Варюшу или помереть. Поклянись, что коли надо двѣ дюжины человѣкъ задушить, зарубить, всего себя человѣчьей кровью выпачкать, да любушку свою руками схватить, то и на эдакое ты готовъ.

Партановъ замолчалъ и пристально смотрѣлъ въ лицо Барчукову. Московскій стрѣлецкій сынъ слушалъ пріятеля внимательно, лицо его измѣнилось, дыханіе стало тяжелѣе, въ немъ совершалась какая-то едва видимая борьба. Носовъ, глядя на парня, только теперь понялъ, что для Барчукова была всѣхъ нужнѣе клятва и цѣлованіе иконы. Онъ только будто теперь уразумѣлъ все и готовился съ душевною тревогой на то, къ чему они двое съ Лучкой были и прежде готовы.

— А обойдется твое дѣло безъ кровопролитія — и слава Богу! Тебѣ же лучше! — прибавилъ Лучка, какъ бы успокоивая друга.

— Да, — глухо произнесъ Барчуковъ. — Да, — прибавилъ онъ крѣпче. — Да, Лучка, вѣрно сказываешь, вѣрно, родимый! — и Барчуковъ нервно перекрестился. — Каюсь, смущался я, бросался я мыслями изъ стороны въ сторону, то къ вамъ, то подалѣ отъ васъ, съ разными страхами торговался, какъ ты сказываешь, ну, а теперь конецъ. Вѣстимо! Мнѣ на этомъ свѣтѣ съ Варюшей быть, а коли безъ нея, то лучше на томъ свѣтѣ. И отвоюю я ее, братцы, увидите какъ лихо! Собаки не тронулъ по сю пору, а теперь на всякое убивство пойду и въ томъ клятву даю.

Барчуковъ перекрестился и вздрагивающими губами приложился къ иконѣ.

— Ну, вотъ! — произнесъ Грохъ и оживился. — Доброе дѣло, — прибавилъ онъ: — авось Матерь Божія насъ и помилуетъ. Только вотъ что, ребята. Я всякія примѣты примѣчаю. Такъ за всю жизнь мою поступалъ. Приключилось намъ клятву давать на образѣ Неопалимой Купины. Такъ вотъ что. Пообѣщаемся ради сего, что вся-

ческое будемъ творить, а поджигать ради грабежа не будемъ и жечь никому не дадимъ. Чтобы нигдѣ не загоралось въ Астрахани! И безъ пожаровъ все потрафится, коли на то воля Божья. А зажжемъ — накажи насъ люто Матерь Божья!!

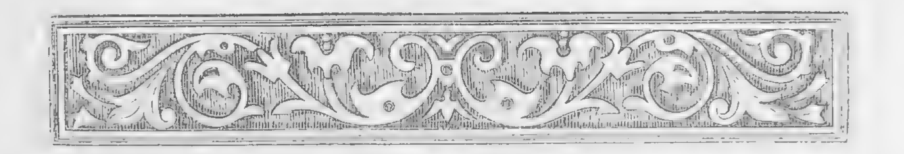
Грохъ снова приложился къ иконѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ уже былъ одинъ и нацѣплялъ образъ на мѣсто. Лучка и Барчуковъ разошлись по домамъ взволнованные: Партановъ — тревожно веселый, а его пріятель — смущенный. Барчуковъ мысленно молился и надѣялся, что, благодаря ловко задуманному финту, все дѣло его, т. е. женитьба на Варюшѣ, обойдется и «такъ», безъ преступленія.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА [1].

IV.

Высшее петербургское общество сороковыхъ годовъ. — Н. Д. Кологривова и ея пріемы. — Случай съ графомъ Чернышевымъ. — Графиня А. К. Воронцова-Дашкова и ея балы. — Князь Юсуповъ. — Графъ М. Ю. Віельгорскій и его жена, рожденная герцогиня Биронъ. — Великая княжна Ольга Николаевна. — Моя женитьба на С. М. Віельгорской. — Эксцентрическая выходка тещи. — Характеристика М. Ю. Віельгорскаго. — Его разсѣянность. — Е. М. Хитрово, рожденная Кутузова. — Забавный анекдотъ. — Эпиграмма Пушкина. — Мужъ и жена Панаевы. — Некрасовъ. — Графиня Е. Ѳ. Тизенгаузенъ. — Герценъ. — Мое стихотвореніе, переведенное на французскій языкъ Лермонтовымъ. — Пріемы Карамзиныхъ. — Князь П. А. Вяземскій. — Анекдотъ о князѣ А. Ѳ. Орловѣ. — Князь В. Ѳ. Одоевскій. — Его химическіе обѣды. — Странный разсказъ Гоголя. — А. К. Демидова и ея сестра. — Забавный случай съ Демидовой. — Маленькое происшествіе въ Гельсингфорсѣ. — Великая княгиня Елена Павловна. — Выходка великаго князя Михаила Павловича. — Графъ Ланжеронъ. — Анекдоты о немъ. — Нравы того времени. — Дуель двухъ пріятелей. — Еще разсказъ о графѣ Ланжеронѣ. — Оригинальный генералъ-амфитріонъ. — Мое поступленіе на службу. — Прикомандированіе меня къ тверскому губернатору графу Толстому. — Знакомство съ Бакунинымъ. — Щекотливое порученіе. — Гоголевскій городничій. — Несчастный калмыкъ. — Таинственный домъ. — Хлыстовскій обрядъ. — Арестъ хлыстовскаго сборища. — Слѣдствіе. — Мое волокитство и непріятная мистификація. — Забавный случай на водахъ.

ИТАКЪ, по выходѣ моемъ изъ университета, я пріѣхалъ сначала на дачу къ роднымъ, въ Павловскъ, гдѣ засталъ, какъ и всегда, патріархальный обиходъ жизни бабушки, семью тетки Васильчиковой и т. д. Отецъ желалъ, чтобы я до серьёзнаго поступленія на службу побывалъ въ большомъ свѣтѣ настоящемъ, такъ какъ до сихъ поръ мои выѣзды ограничивались кружкомъ семейнымъ и близкихъ знакомыхъ. Въ то время, то есть въ тридцатыхъ годахъ, петербургскій большой свѣтъ былъ настоящимъ большимъ свѣтомъ. Русская знать, еще не обѣднѣвшая, держалась сановито и строго чуждалась

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 574.

наводнившихъ ее впослѣдствіи всякаго рода проходимцевъ. Ко всѣмъ и каждому соблюдалась вѣжливость самая утонченная, гостепріимство самое широкое. Торгашество почиталось позоромъ, всякій поступокъ, могущій подать поводъ къ истолкованіямъ ложнымъ, возбуждалъ порицаніе самое строгое. Хотя безпредѣльно преданный и зависимый отъ двора, «большой свѣтъ» въ то же время съумѣлъ сохранить нѣкоторую независимость. Всѣмъ старожиламъ извѣстенъ слѣдующій весьма характеризующій общество того времени случай: въ Петербургѣ втеченіе многихъ и многихъ лѣтъ проживала чета Кологривовыхъ; мужъ, неглупый, добрый и любезный, не выходилъ ничѣмъ, впрочемъ, изъ общаго уровня свѣтскихъ людей, но жена его Наталья Дмитріевна была одна изъ умнѣйшихъ и въ то же время оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени. Не имѣя ни большаго состоянія, ни знатнаго происхожденія (ея родные, сколько мнѣ помнится, средней руки помѣщики, жили въ провинціи), не получивъ даже блестящаго образованія, она своимъ здравымъ и яснымъ умомъ, своей безукоризненной добродѣтелью, своимъ справедливымъ, хотя иногда и немного рѣзкимъ, сужденіемъ составила себѣ выдающееся положеніе въ свѣтѣ. Весь Петербургъ толпился, именно толпился, въ ея гостиной, и она принадлежала къ тому избранному числу старушекъ, мнѣніе которыхъ составляетъ авторитетъ. Насъ съ братомъ дѣтьми иногда водили къ ней, и мы присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ. Боже мой, что это былъ за туалетъ! Не даромъ Наталья Дмитріевна слыла за одну изъ безобразнѣйшихъ женщинъ въ Россіи — она вполнѣ оправдывала эту репутацію. Маленькаго роста, толстая, горбатая, вся перекривленная, со множествомъ бородавокъ на буромъ лицѣ, съ горбатымъ, кривымъ носомъ, она торжественно возсѣдала передъ своимъ зеркаломъ и тщательно съ помощью своихъ горничныхъ расчесывала свои короткіе сѣдые волосы; потомъ она напяливала себѣ на голову нѣчто среднее между чепцомъ и платочкомъ, и проворно своими пальцами, тоже кривыми, завязывала бантъ, концы котораго какъ рога торчали на ея темени. Облачившись въ неизмѣнный лѣтомъ и зимою коричневый шелковый капотъ и натянувъ на плечи черную бархатную мантилью, она, оглянувъ себя въ зеркалѣ, поворачивалась къ намъ и пресерьёзно насъ спрашивала: «Что, хороша я еще»? И мы, и горничныя Натальи Дмитріевны разсыпались, разумѣется, въ восторженныхъ похвалахъ. У Кологривовой, какъ я уже сказалъ выше, бывалъ весь Петербургъ, но Петербургъ избранный, такъ что даже люди, занимавшіе іерархически очень высокія должности, не всегда были допускаемы въ ея гостиную, если за ними водились худо скрываемые грѣхи. Однажды, графъ Чернышевъ, тогдашній военный министръ, не будучи знакомымъ съ Кологривовой, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ и безъ доклада вошелъ въ гостиную, переполненную посѣтителями. Наталья Дми-

тріевна не отвѣтила на его поклонъ, позвонила и, грозно глянувъ на вошедшаго слугу, громко проговорила своимъ басистымъ голосомъ: «Спроси швейцара, съ какихъ поръ онъ пускаетъ ко мнѣ лакеевъ?». Сановникъ едва унесъ ноги, а на другой день весь именитый Петербургъ перебывалъ у Натальи Дмитріевны. Надо сказать, что графъ Чернышевъ только благодаря сдѣланной имъ карьерѣ былъ «выносимъ» въ свѣтѣ; а о немъ самомъ, его происхожденіи, ходили самые непривлекательные слухи. Кромѣ Нарышкиныхъ, о которыхъ я уже подробно разсказывалъ, во главѣ петербургскаго свѣта стояли слѣдующія семейства: князь и княгиня Барятинскіе, по знатности рода, богатству, связямъ, занимали первенствующее положеніе; князь и княгиня Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, графъ и графиня Строгоновы, графъ и графиня Віельгорскіе,—о нихъ я поговорю потомъ подробно, такъ какъ въ 1840 году я женился на ихъ дочерѣ, моей первой женѣ.

Самымъ блестящимъ, самымъ моднымъ и привлекательнымъ домомъ въ Петербургѣ былъ въ то время домъ графа Ивана Воронцова-Дашкова, благодаря очаровательности его молодой жены, прелестной графини Александры Кирилловны. Я былъ съ нею въ родствѣ и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и потому запросто ежедневно бывалъ у нея. Много случалось встрѣчать мнѣ на моемъ вѣку женщинъ гораздо болѣе красивыхъ, можетъ быть, даже болѣе умныхъ, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновеннымъ остроуміемъ, но никогда не встрѣтилъ я ни въ одной изъ нихъ такого соединенія самаго тонкаго вкуса, изящества, граціи, съ такой неподдѣльной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живымъ ключемъ билась въ ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружащее. Много женщинъ впослѣдствіи пытались ей подражать, но ни одна изъ нихъ не могла казаться тѣмъ, чѣмъ та была въ дѣйствительности. Каждую зиму Воронцовы давали балъ, который дворъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Весь цвѣтъ петербургскаго свѣта приглашался на этотъ балъ, составлявшій всегда, такъ сказать, происшествіе въ свѣтской жизни столицы. Въ день, или, скорѣе, въ вечеръ, торжества домъ—дворецъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ представлялъ великолѣпное зрѣлище; на каждой ступени роскошной лѣстницы стояло по два ливрейныхъ лакея внизу въ бѣлыхъ кафтанахъ—ливрея Дашковыхъ, на второй половинѣ лѣстницы въ красныхъ кафтанахъ—ливрея Воронцовыхъ. Къ десяти часамъ всѣ съѣзжались и размѣщались въ ожиданіи высокихъ гостей въ двухъ первыхъ залахъ. Когда приходила вѣсть, что государь и императрица выѣхали изъ дворца, мажордомъ Воронцова,—итальянецъ, кажется, звали его Риччи (его зналъ весь Петербургъ),—въ черномъ бархатномъ фракѣ, короткихъ бархатныхъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ, со шпагой съ боку и треуголкой подъ локтемъ, проворно спускался съ лѣст-

ницы и становился въ сопровожденіи двухъ дворецкихъ у подъѣзда; графъ Воронцовъ помѣщался на первой ступени лѣстницы, графиня ожидала на первой площадкѣ. Императрица, опираясь на локоть графа Воронцова поднималась на лѣстницу. Государь слѣдовалъ за нею; императрица съ свойственной ей благосклонностью обращалась къ присутствующимъ и открывала балъ, шествуя полонезъ съ хозяиномъ. Мажордомъ Риччи ни на секунду не покидалъ императрицы, всегда стоя на нѣсколько шаговъ позади ея, а во время танцевъ держась въ дверяхъ танцовальной залы. Ужинъ императрицы сервировался на отдѣльномъ небольшомъ столѣ на посудѣ изъ чистаго золота; императрица ужинала одна; государь, по обыкновенію, прохаживался между столами и садился, гдѣ ему было угодно.

Балы князя Юсупова, который также по своему огромному богатству занималъ видное положеніе въ свѣтѣ, отличались тѣмъ же великолѣпіемъ, но не имѣли того оттѣнка врожденнаго щегольства и барства, которымъ отличались пріемы графа Воронцова-Дашкова. Скаредность Юсуповыхъ легендарна. Я однажды слышалъ слѣдующее распоряженіе Юсупова [1]). Государь и императрица удостоили въ тотъ вечеръ балъ Юсупова своимъ присутствіемъ; проводивъ высокихъ гостей до танцовальной залы, Юсуповъ вышелъ на лѣстницу и крикнулъ одному изъ дворецкихъ: «Дать выѣздному ихъ величествъ два стакана чаю, а кучеру одинъ». Жена Юсупова, рожденная Нарышкина, была очень хороша собой и привѣтлива; послѣ кончины князя она вышла замужъ за француза и навсегда поселилась во Франціи.

Пріемы Віельгорскихъ имѣли совершенно другой отпечатокъ; у нихъ рѣдко танцовали, но почти каждую недѣлю на половинѣ самого графа, то есть въ его отдѣльномъ помѣщеніи, устраивались концерты, въ которыхъ принимали участіе всѣ находившіяся въ то время въ Петербургѣ знаменитости. Графъ Михаилъ Юрьевичь Віельгорскій былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ любимыхъ русскихъ меценатовъ; все этому въ немъ способствовало; большое состояніе, огромныя связи, высокое, такъ сказать, совершенно выходящее изъ ряда общаго, положеніе, которое онъ занималъ при дворѣ, тонкое пониманіе искусства, наконецъ, его блестящее и вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьёзное образованіе и самый добрый и простой нравъ. Совершеннымъ противорѣчіемъ ему являлась его жена, рожденная герцогиня Луиза Биронъ. Это была женщина гордости недоступной, странно какъ-то сочетавшейся съ самымъ искреннимъ христіанскимъ уничиженіемъ,—мнѣ случалось быть свидѣтелемъ выходокъ самаго необычнаго высокомѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать при сценахъ, въ которыхъ она являлась женщиной

[1]) Отца теперяшняго князя.

самой трогательной доброты. Дѣтей своихъ она боготворила; у нея ихъ было пятеро; три дочери: старшая Апполина Михайловна, вышедшая замужъ за Веневитинова, вторая — Софья Михайловна, на которой я женился 13-го ноября 1840 года, третья—Анна Михайловна, кажется, единственная женщина, въ которую влюбленъ былъ Гоголь, — вышла замужъ за князя Шаховскаго, но недолго съ нимъ жила, и, наконецъ, два сына, оба умершіе въ молодыхъ лѣтахъ. Графъ Віельгорскій женился на родной сестрѣ своей первой жены, и потому свадьба ихъ навлекла на нихъ въ первое время неудовольствіе двора и большаго свѣта. Дѣло было тотчасъ послѣ Вѣнскаго конгресса, въ то время какъ императоръ Александръ I и весь дворъ былъ проникнутъ самымъ строгимъ мистицизмомъ. Тесть мой съ Луизой Карловной уѣхалъ въ свое курское помѣстье Луизино, гдѣ прожилъ съ своей женою нѣсколько лѣтъ; потомъ они возвратились въ Петербургъ, гдѣ снова заняли то высокое положеніе, на которое по связямъ и рожденію имѣли право. Старшій сынъ ихъ воспитывался съ наслѣдникомъ, впослѣдствіи государемъ Александромъ II, а дочери ежедневно проводили по нѣсколько часовъ съ великими княжнами и сохранили съ ними на всю жизнь самыя близкія, самыя дружескія отношенія. Когда свадьба моя съ моей первой женою была объявлена, великая княжна Ольга Николаевна, потомъ королева виртембергская, тотчасъ же пріѣхала поздравить свою пріятельницу; я находился въ то время у Віельгорскихъ; великая княжна благосклонно со мной поздоровалась, потомъ вышла въ другую комнату и увела съ собою мою невѣсту. «Онъ написалъ нѣсколько хорошенькихъ разсказовъ,—сказала великая княжна:—онъ, говорятъ, уменъ и собою недуренъ, но зачѣмъ на немъ этотъ красный жилетъ»? Надо сказать, что на сколько впослѣдствіи я славился небрежностью своей одежды, на столько тогда я щеголялъ, и этотъ красный жилетъ казался мнѣ тогда верхомъ изящнаго вкуса. Свадьба наша совершилась съ необыкновенною пышностью въ Малой церкви Зимняго дворца; насъ вѣнчалъ отецъ Бажановъ, и государь Николай Павловичъ соизволилъ быть посаженнымъ отцемъ; весь дворъ затѣмъ присутствовалъ на вечерѣ у Віельгорскихъ. Теща моя, всегда эксцентрическая, выкинула штуку при этомъ, о которой я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Для жены моей и меня въ домѣ моего тестя была приготовлена квартира, которая, разумѣется, сообщалась внутреннимъ ходомъ съ аппартаментомъ родителей моей жены. Теща моя была до болѣзни строптива на счетъ нравственности и, предвидя, что ея двумъ дочерямъ дѣвушкамъ, — младшей изъ нихъ Аннѣ едва минулъ тринадцатый годъ, — прійдется, можетъ быть, меня видѣть иногда не совершенно одѣтымъ, вотъ что придумала: приданое жены моей было верхомъ роскоши и моды, и такъ какъ въ тѣ времена еще строго придерживались

патріархальныхъ обычаевъ, для меня были заказаны двѣ дюжины тончайшихъ батистовыхъ рубашекъ и великолѣпный атласный халатъ; халатъ этотъ въ день нашей свадьбы былъ по обычаю выставленъ въ брачной комнатѣ и, когда гости стали разъѣзжаться, моя теща туда отправилась, надѣла на себя этотъ халатъ и стала прогуливаться по комнатамъ, чтобы глаза ея дочерей привыкли къ этому убійственному, по ея мнѣнію, зрѣлищу. Дочерей своихъ она, не смотря на роскошь ихъ окружающую, одѣвала чрезвычайно просто, такъ просто, что императрица Александра Ѳеодоровна, славившаяся своимъ изящнымъ щегольствомъ и вкусомъ, не однажды упрекала графиню Віельгорскую въ излишней простотѣ одежды ея дочерей; графиня почтительно присѣдала, но не измѣняла своихъ правилъ. Графъ Віельгорскій, какъ я уже сказалъ, ни въ чемъ не походилъ на свою супругу; это былъ типъ «барина, добраго малаго», умѣвшаго необыкновенно искусно соединить въ себѣ самаго тонкаго царедворца съ человѣкомъ, любившимъ и пользовавшимся не только всѣмъ хорошимъ, но и всѣмъ грѣшнымъ. Столъ его славился въ тѣ времена, когда въ Петербургѣ трудно было удивить хорошимъ обѣдомъ. Его всегда приглашали пріятели, когда какой нибудь изъ нихъ пробовалъ повара, или какое нибудь необыкновенное кушанье или вино и т. д.; сужденіе его составляло авторитетъ и всегда было чистосердечно — нерѣдко даже безжалостно; такъ, однажды, на одномъ большомъ обѣдѣ у Бутурлиныхъ, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ: «какъ онъ находитъ вино будто бы 1827 года»?—«Не знаю, вино ли ваше 1827 года, но масло навѣрное»! — отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ Віельгорскій. Онъ былъ разсѣянности баснословной; однажды, пригласивъ къ себѣ на огромный обѣдъ весь находившійся въ то время въ Петербургѣ дипломатическій корпусъ, онъ совершенно позабылъ объ этомъ и отправился обѣдать въ клубъ; возвратясь, по обыкновенію, очень поздно домой, онъ узналъ о своей оплошности и на другой день отправился, разумѣется, извиняться передъ своими озадаченными гостями, которые наканунѣ въ звѣздахъ и лентахъ явились въ назначенный часъ и никого не застали дома; всѣ знали его разсѣянность, всѣ любили его и потому со смѣхомъ ему простили, одинъ баварскій посланникъ не могъ переварить неумышленной обиды, и съ тѣхъ поръ къ Віельгорскому ни ногой. Братъ моего тестя, графъ Матвѣй Юрьевичъ, далеко былъ не схожъ характеромъ съ своимъ братомъ; онъ былъ также человѣкъ очень ученый, умный и добрый, но гораздо сдержаннѣе и серьёзнѣе своего брата; его неудавшаяся свадьба съ графиней Строгоновой осталась навсегда загадкой для всѣхъ близко знавшихъ его людей. Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться моднымъ словомъ, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рож-

денью не принадлежали къ петербургской знати, но доблестное положеніе, которое занялъ въ исторіи Россіи фельдмаршалъ, выдвинуло ихъ на первое мѣсто; у Кутузова было пять дочерей: старшая, вышедшая за Матвѣя Толстаго, вторая за мужемъ сперва за графомъ Тизенгаузеномъ, отъ котораго имѣла двухъ дочерей: извѣстную красавицу графиню Фикельмонтъ, жену австрійскаго посла при россійскомъ дворѣ, и фрейлину графиню Екатерину Ѳеодоровну Тизенгаузенъ — потомъ камерфрейлину, вышедшую за Хитрово; третья въ замужествѣ за Опочининымъ, четвертая за татарскимъ или грузинскимъ княземъ Кудашевымъ и пятая за другимъ Хитрово. Самой изъ нихъ извѣстной и самой привлекательной была, разумѣется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имѣла сонмище поклонниковъ, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранникомъ, что̀ въ тѣ времена была большая рѣдкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особеннымъ умомъ, но обладала въ высшей степени свѣтскостью, привѣтливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встрѣчается въ настоящихъ большихъ барыняхъ. Въ ея салонѣ, кромѣ представителей большаго свѣта, ежедневно можно было встрѣтить Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Нелединскаго-Мелецкаго и двухъ, трехъ другихъ тогдашнихъ модныхъ литераторовъ. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала слѣдующій анекдотъ. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала въ кровати и принимала избранныхъ посѣтителей у себя въ спальнѣ; когда гость допускался къ ней, то, поздоровавшись съ хозяйкой, онъ, разумѣется, намѣревался сѣсть; г-жа Хитрово останавливала его: — «Нѣтъ, не садитесь на это кресло, это Пушкина, — говорила она: — нѣтъ, не на диванъ — это мѣсто Жуковскаго, нѣтъ, не на этотъ стулъ — это стулъ Гоголя — садитесь ко мнѣ на кровать: это мѣсто всѣхъ! («Asseyez-vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde). У Елизаветы Михайловны были знаменитые своей красотой плечи; она по модѣ того времени часто ихъ показывала, и даже сильно ихъ показывала; по этому поводу Пушкинъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

Лиза смолоду была
Лизой миленькой,
Лиза смолоду слыла
Лизой голенькой.
Но, увы! пора прошла,
Наша Лиза отцвѣла,
Не попрежнему мила,
Но попрежнему гола!

Съ именемъ второй дочери Елизаветы Михайловны, графини Екатерины Ѳедоровны Тизенгаузенъ, связывается въ моей памяти обстоятельство, имѣвшее потомъ большое значеніе. Въ сороковыхъ годахъ (я уже не однажды просилъ благосклонныхъ читателей не пенять на меня за числа, на которыя я страшно безтолковъ) я часто посѣщалъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ чету Панаевыхъ; романы Панаева тогда усердно читались, а жена его была одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ Петербургѣ; немалой приманкой также для посѣтителей дома Панаевыхъ служило почти постоянное въ немъ присутствіе знаменитаго потомъ народнаго поэта Некрасова. Въ то время Некрасовъ еще далеко не пользовался той извѣстностью и популярностью, которую пріобрѣлъ впослѣдствіи, но и тогда уже его своеобразный талантъ имѣлъ много почитателей. Итакъ я посѣщалъ довольно часто Панаевыхъ и однажды вечеромъ послѣ пріятнаго обѣда былъ осажденъ слѣдующей просьбой со стороны г-жи Панаевой:

— Графъ, — сказала мнѣ хорошенькая хозяйка: — вы знаетесь съ такими важными людьми, у васъ такія большія связи, сдѣлайте доброе дѣло — помогите одному совершенно невинно политически пострадавшему молодому человѣку.

— Да, онъ заслуживаетъ состраданія, — въ свою очередь, замѣтилъ Панаевъ.

— И вниманія, — прибавилъ Некрасовъ: — потому что человѣкъ онъ не дюжинный.

И они съ большимъ жаромъ разсказали мнѣ исторію этого невинно пострадавшаго, — исторію, о которой я уже, впрочемъ, слышалъ много. Возвращаясь домой, я сообразилъ, что путемъ обыкновеннаго заступничества ничего нельзя будетъ добиться; но я зналъ неисчерпаемую доброту императрицы Александры Ѳеодоровны и потому рѣшился обратиться лично къ ней черезъ одну изъ болѣе приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ; выборъ мой палъ на графиню Тизенгаузенъ, которую императрица особенно любила и отличала. Екатерина Ѳедоровна Тизенгаузенъ съ свойственной ей добротой и обязательностью согласилась ходатайствовать передъ императрицей о нашемъ protégé. Государь Николай Павловичъ, неуклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, часто уступалъ, однако, просьбамъ императрицы; но на этотъ разъ отказалъ наотрѣзъ; нѣсколько разъ императрица возобновляла объ этомъ разговоръ и всегда получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ»; но, наконецъ, согласился и точно «pro memoria» проговорилъ:

— Хорошо, но за послѣдствія не отвѣчаю.

Молодому человѣку былъ выданъ заграничный паспортъ, и онъ отправился въ Лондонъ. Звали его Александръ Ивановичъ Герценъ.

Елизавета Михайловна Хитрово вдохновила мое первое стихотвореніе; оно, какъ и другіе мои стихи, увы, не отличается особеннымъ талантомъ, но замѣчательно тѣмъ, что его исправлялъ и перевелъ на французскій языкъ Лермонтовъ.

Самой остроумной и ученой гостиной въ Петербургѣ была, разумѣется, гостиная г-жи Карамзиной, вдовы извѣстнаго историка; здѣсь уже царствовалъ элементъ чисто литературный, хотя и бывало также много людей свѣтскихъ. Все, что было извѣстнаго и талантливаго въ столицѣ, каждый вечеръ собиралось у Карамзиныхъ; пріемы отличались самой радушной простотой; дамы пріѣзжали въ простыхъ платьяхъ, на мужчинахъ фраки были цвѣтные, и то потому, что тогда другой одежды не носили. Но, не смотря на это, пріемы эти носили отпечатокъ самаго тонкаго вкуса, самой высокопробной добропорядочности. Совсѣмъ иными являлись пріемы князя Петра Вяземскаго, тоже тогда моднаго стихотворца, которые, не смотря на аристократичность самого хозяина, представлялись чѣмъ-то въ родѣ толкучаго рынка. Князь Вяземскій, человѣкъ остроумный и любезный, имѣлъ слабость принимать у себя всѣхъ и каждаго. Рядомъ съ графомъ, потомъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, тогда всесильнымъ сановникомъ и любимцемъ императора, на диванѣ возсѣдала въ допотопномъ чепцѣ какая нибудь мелкопомѣстная помѣщица изъ Сызранскаго уѣзда; подлѣ воркующей о послѣдней аріи итальянской примадонны, свѣтской красавицы, егозилъ какой нибудь армяшка, чуть ли не торгующій лабазнымъ товаромъ въ Тифлисѣ. Имя князя Орлова пришлось мнѣ подъ перо, и при этомъ я припомнилъ анекдотъ, слышанный мною недавно отъ одного изъ близко знавшихъ его людей.

Всѣмъ извѣстно, что князь Орловъ былъ едва ли не самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ императора Николая I. Но въ старости умъ его ослабѣлъ, память ему измѣнила, и онъ находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству; тѣмъ не менѣе всѣ относились къ нему съ большимъ почтеніемъ, и проживающіе въ провинціи его бывшіе знакомые или подчиненные считали, бывая въ Петербургѣ, своею обязанностью его посѣтить. Однажды, къ князю Орлову явился варшавскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ Абрамовичъ, человѣкъ очень раздражительный и нервный. Князь Орловъ принялъ его радушно и тотчасъ же освѣдомился о томъ, что дѣлаетъ его старый пріятель фельдмаршалъ князь Паскевичъ?

— Ваше сіятельство,—съ изумленіемъ отвѣтилъ Абрамовичъ:—вотъ уже пять лѣтъ тому назадъ какъ фельдмаршалъ Паскевичъ умеръ!!

— Онъ умеръ,—горестно замѣтилъ Орловъ (онъ, разумѣется, сто разъ слышалъ о кончинѣ Паскевича):—какъ жаль! Какая потеря для государства!

Абрамовичъ перемѣнилъ разговоръ, но Орловъ нѣсколько разъ прерывалъ его, освѣдомляясь о здоровьѣ своего пріятеля Паскевича. Наконецъ, когда Орловъ, еще разъ устремивъ въ потолокъ свой помутившійся взоръ, промолвилъ:

— Вотъ вы изъ Варшавы теперь пріѣхали, генералъ; скажите-ка мнѣ, что дѣлаетъ мой добрый пріятель фельдмаршалъ князь Паскевичъ?

— Ваше сіятельство, онъ васъ ожидаетъ! — съ горячностью вскрикнулъ Абрамовичъ, всталъ, раскланялся и ушелъ вонъ.

У добрѣйшаго и сердечнаго князя Одоевскаго также часто собирались по вечерамъ; но эти пріемы опять имѣли другой отпечатокъ. Князь Одоевскій былъ едва ли не самый скромный человѣкъ, какого мнѣ случалось встрѣтить на моемъ вѣку; про него мой пріятель графъ Фредро говорилъ, «что онъ тогда пойметъ и оцѣнитъ русское дворянство, когда князь Одоевскій убѣдится, что его имя гораздо болѣе означаетъ въ русской исторіи, чѣмъ имя графа Клейнмихеля». Одоевскій былъ дѣйствительно послѣдній представитель самаго древняго рода въ Россіи; но это было, что называется, его послѣдней заботой; весь погруженный въ свои сочиненія, онъ употреблялъ свой досугъ на изученіе химіи, и эта страсть къ естественнымъ наукамъ очень накладно отзывалась на его пріятеляхъ: онъ разъ въ мѣсяцъ приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ, и мы уже заранѣе страдали желудкомъ; на этихъ обѣдахъ подавались къ кушаньямъ какіе-то придуманные самымъ хозяиномъ химическіе соусы, до того отвратительные, что даже теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, у меня скребетъ на сердцѣ при одномъ воспоминаніи о нихъ. Одоевскій не обладалъ большимъ талантомъ, но его сочиненія проникнуты той безконечной добротой и благонамѣренностью, которая была основой его характера. Онъ отличался еще тою особенностью, что самымъ невиннымъ образомъ и совершенно чистосердечно и безъ всякой задней мысли разсказывалъ дамамъ самыя неприличныя вещи; въ этомъ онъ совершенно не походилъ на Гоголя, который имѣлъ даръ разсказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнѣва со стороны своихъ слушательницъ, тогда какъ бѣднаго Одоевскаго прерывали съ негодованіемъ. Между тѣмъ Гоголь всегда грѣшилъ преднамѣренно, тогда какъ князь Одоевскій, какъ я уже сказалъ, былъ въ самомъ дѣлѣ невиннѣе агнца. Я уже имѣлъ случай сказать, что теща моя, графиня Віельгорская, была строптива до болѣзненности. Вѣкъ мнѣ не забыть, какъ однажды я присутствовалъ при одномъ разсказѣ, переданномъ ей Гоголемъ. Высоко-талантливый писатель уже начиналъ страдать тѣми припадками меланхоліи и затемнѣніемъ памяти, которые были грустными предшественниками его кончины. Онъ былъ съ Віельгорскими и мною въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и потому видѣлись мы каждый день, если случай сводилъ насъ быть въ одномъ и

томъ же городѣ. Такъ и случилось въ Москвѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ и гдѣ также въ то время находилась графиня Віельгорская. Гоголь проживалъ тогда у графа Толстаго и былъ погруженъ въ тотъ совершенный мистицизмъ, которымъ ознаменовались послѣдніе годы его жизни. Онъ былъ грустенъ, тупо глядѣлъ на все окружающее, его потускнѣвшій взоръ, слова утратили свою неумолимую мѣткость и тонкія губы какъ-то угрюмо сжались. Графиня Віельгорская старалась, какъ могла, развеселить Николая Васильевича, но не успѣвала въ этомъ; вдругъ блѣдное лицо писателя оживилось, на губахъ опять заиграла та всѣмъ намъ извѣстная лукавая улыбочка и въ потухающихъ глазахъ засвѣтился прежній огонекъ.

— Да, графиня,—началъ онъ своимъ рѣзкимъ голоскомъ:—вы вотъ говорите про правила, про убѣжденія, про совѣсть,—графиня Віельгорская въ эту минуту говорила совершенно объ иномъ, но, разумѣется, никто изъ насъ не сталъ его оспаривать:—а я вамъ доложу, что въ Россіи вы вездѣ встрѣтите правила, разумѣется, сохраняя размѣры. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—продолжалъ Гоголь, и лицо его какъ-то все сморщилось отъ худо скрываемаго удовольствія:—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я засидѣлся вечеромъ у пріятеля, гдѣ насъ собралось человѣкъ шесть, охотниковъ покалякать. Когда мы поднялись, часы пробили три удара; собесѣдники наши разбрелись по домамъ, а меня, такъ какъ въ тотъ вечеръ я былъ не совсѣмъ здоровъ, хозяинъ взялся проводить домой. Пошли мы тихо по улицѣ, разговаривая; ночь стояла чудесная, теплая, безлунная, сухая и на востокѣ уже начинала бѣлѣть заря—дѣло было въ началѣ августа. Вдругъ пріятель мой остановился посреди улицы и сталъ упорно глядѣть на довольно большой, но неказистый и даже, сколько можно было судить при слабомъ освѣщеніи начинавшейся зари, довольно грязный домъ. Мѣсто это, хотя человѣкъ онъ былъ и женатый, видно, было ему знакомое, потому что онъ съ удивленіемъ пробормоталъ:—«Да зачѣмъ же это ставни закрыты и темно такъ?.. Простите Николай Васильевичъ,—обратился онъ ко мнѣ:—но подождите меня, я хочу узнать»... И онъ быстро перешелъ улицу и прильнулъ къ низенькому, ярко освѣщенному окну, какъ-то криво выглядывающему изъ-подъ воротъ дома съ мрачно замкнутыми ставнями. Я тоже, заинтересованный, подошелъ къ окну (читатели не забыли, что разсказываетъ Гоголь). Странная картина мнѣ представилась: въ довольно большой и опрятной комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ и яркими занавѣсками у оконъ, въ углу, передъ большимъ кіотомъ образовъ, стоялъ налой, покрытый потертой парчей; передъ налоемъ высокій дородный и уже немолодой священникъ, въ темномъ подрясникѣ, совершалъ службу, повидимому, молебствіе; худой, заспанный дьячекъ вяло, повидимому, подтягивалъ ему. Позади священника нѣсколько вправо

стояла, опираясь на спинку кресла, толстая женшина, на видъ лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, одѣтая въ яркое зеленое шелковое платье и съ чепцомъ, украшеннымъ пестрыми лентами на головѣ; она держалась сановито и грозно, изрѣдка поглядывая вокругъ себя; за нею, большей частью, на колѣняхъ, расположилось пятнадцать или двадцать женщинъ, въ красныхъ, желтыхъ и розовыхъ платьяхъ, съ цвѣтами и перьями, въ завитыхъ волосахъ; ихъ щеки рдѣли такимъ неприроднымъ румянцемъ, ихъ наружность такъ мало соотвѣтствовала совершаемому въ ихъ присутствіи обряду, что я невольно расхохотался и посмотрѣлъ на моего пріятеля; онъ только пожалъ плечами и еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ уставился на окно. Вдругъ, калитка подлѣ воротъ съ шумомъ растворилась и на порогѣ показалась толстая женщина, лицомъ очень похожая на ту, которая въ комнатѣ такъ важно присутствовала на служеніи:

— А, Прасковья Степановна, здравствуйте! — вскричалъ мой пріятель, поспѣшно подходя къ ней и дружески потрясая ея жирную руку: — что это у васъ происходитъ?

— А вотъ, — забасила толстуха: — сестра съ барышнями на Нижегородскую ярмарку собирается, такъ пообѣщалась для добраго почина молебенъ отслужить.

— Такъ вотъ графиня, — прибавилъ уже отъ себя Гоголь: — что же говорить о правилахъ и обычаяхъ у насъ въ Россіи?

Можно себѣ представить, съ какимъ взрывомъ хохота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ изумленіемъ мы выслушали разсказъ Гоголя; надо было уже дѣйствительно быть очень бо̀льнымъ, чтобы въ присутствіи цѣлаго общества разсказать графинѣ Віельгорской подобный анекдотецъ.

Описывая петербургскіе салоны того времени, нельзя не упомянуть объ Аврорѣ Карловнѣ Демидовой, женѣ Павла Демидова, брата знаменитаго Анатоля, князя Санъ-Донато. Но, тогда какъ Анатоль Демидовъ проживалъ почти всегда въ Парижѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность своей безумной роскошью, гомерическими попойками и, наконецъ, своей женитьбой на хорошенькой принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ, — Павелъ Демидовъ жилъ постоянно въ Петербургѣ въ своемъ великолѣпномъ домѣ и принималъ всю столицу. Не однимъ своимъ огромнымъ богатствомъ, котораго въ тѣ времена было недостаточно, чтобы втесаться въ большой петербургскій свѣтъ, но своимъ просвѣщеннымъ поощреніемъ искусствамъ и наукамъ, своею широкою благотворительностью, Демидовы пріобрѣли себѣ, что французы называютъ «droit de cité». Аврора Карловна Демидова, финляндская уроженка, считалась и была на самомъ дѣлѣ одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ; многіе предпочитали ей ея сестру, графиню Мусину-Пушкину, ту графиню Эмилію, о которой влюбленный въ нее Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе:

Графиня Эмилія
Прекрасна какъ лилія, и т. д.

Трудно было рѣшить, кому изъ обѣихъ сестеръ слѣдовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть можетъ, еще обаятельнѣе своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнѣе и строже. Посреди роскоши, ее окружающей, она оставалась, на сколько это было возможно, проста; мнѣ часто случалось встрѣчать ее на большихъ балахъ въ одноцвѣтномъ гладкомъ платьѣ, съ тоненькой цѣпочкой, украшавшей ея великолѣпную шею и грудь; правда, на этой цѣпочкѣ висѣлъ знаменитый Демидовскій брилліантъ-солитеръ, купленный, кажется, за милліонъ рублей ассигнаціями. Аврора Карловна Демидова разсказала мнѣ однажды очень смѣшной случай изъ ея жизни; возвращаясь домой, она озябла, и ей захотѣлось пройдтись нѣсколько пѣшкомъ; она отправила карету и лакея домой, а сама направилась по тротуару Невскаго къ своему дому; дѣло было зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ, наступили уже тѣ убійственныя петербургскія сумерки, которыя втеченіе четырехъ мѣсяцевъ отравляютъ жизнь обитателямъ столицы; но Демидова шла не спѣша, съ удовольствіемъ вдыхая морозный воздухъ; вдругъ къ ней подлетѣлъ какой-то франтъ и, предварительно расшаркавшись, попросилъ у нея позволенія проводить ее домой; онъ не замѣтилъ ни царственной представительности молодой женщины, ни ея богатаго наряда, и только какъ истый нахалъ воспользовался тѣмъ, что она одна и упускать такого случая не слѣдуетъ. Демидова съ улыбкой наклонила голову, какъ бы соглашаясь на это предложеніе, франтъ пошелъ съ нею рядомъ и заегозилъ, засыпая ее вопросами. Аврора Карловна изрѣдка отвѣчала на его разспросы, ускоряя шаги, благо домъ ея былъ невдалекѣ.

Приблизившись къ дому, она остановилась у подъѣзда и позвонила.

— Вы здѣсь живете?!—изумленно вскрикнулъ провожавшій ее господинъ.

Швейцаръ и цѣлая толпа офиціантовъ въ роскошныхъ ливреяхъ кинулись навстрѣчу хозяйкѣ.

— Да, здѣсь,—улыбаясь, отвѣтила Демидова.

— Ахъ, извините!—забормоталъ нахалъ:—я ошибся... я не зналъ вовсе...

— Куда же вы?—спросила его насмѣшливо Аврора Карловна, видя, что онъ собирается улизнуть:—я хочу представить васъ моему мужу!

— Нѣтъ-съ, извините, благодарствуйте, извините... залепеталъ франтъ, опрометью спускаясь со ступенекъ крыльца.

Лѣто Демидовы, большею частью, проводили въ Финляндіи, въ окрестностяхъ Гельсингфорса, куда также пріѣзжала прелестная графиня Пушкина. За ними туда собиралось довольно большое и

очень изысканное общество; образъ жизни былъ чисто дачный, съ тѣмъ оттѣнкомъ щегольства и моды, который всюду за собою заносятъ свѣтскіе люди. Я два лѣта сряду провелъ въ Финляндіи и былъ одинъ разъ героемъ одного маленькаго происшествія, которому придали гораздо болѣе значенія, чѣмъ оно въ сущности имѣло. Насъ собралось на берегу моря общество, человѣкъ въ двадцать мужчинъ и женщинъ, вокругъ бесѣдки, въ которой нѣсколько музыкантовъ въ потѣ лица пилили, безжалостно искажая, какую-то Беллиніевскую мелодію; вдругъ шагахъ въ двадцати отъ нашего кружка боязливо задребезжала какая-то струна, и три, четыре дѣтскихъ голоска вполголоса затянули какое-то подобіе цыганской пѣсни. Ретивый будочникъ кинулся было на нихъ за то, что они дерзнули забрести въ такое избранное общество, но я поспѣшно всталъ съ своего мѣста и воспротивился строгому намѣренію полицейскаго чина, ввернувъ ему въ ладонь добродушнѣйшимъ образомъ серебряный рубль; онъ почтительно отретировался, а я, шалости ради, сталъ рядомъ съ маленькими пѣвцами и началъ имъ вторить; голосъ у меня былъ тогда хорошій, я себя чувствовалъ, что называется, «въ ударѣ» и черезъ нѣсколько минутъ запѣлъ уже настоящимъ голосомъ во всю грудь; дѣти испуганно кое-какъ мнѣ вторили, а мои собесѣдники сначала разсмѣялись моей выходкѣ, потомъ стали насъ слушать. Окончивъ пѣніе, я взялъ шапку одного изъ мальчиковъ и сталъ очень серьёзно обходить слушателей.

— Ну, господа,—сказалъ я имъ:—вы надо мною потѣшились, теперь извольте платить.

Нечего и прибавлять, что въ шапку посыпались серебряные рубли и что бѣдныя дѣти чуть не обмерли при видѣ этого, точно съ неба спавшаго имъ, богатства, они до того растерялись, что, никого не поблагодаривъ, опрометью кинулись убѣгать домой.

Въ одной изъ боковыхъ залъ Демидовскаго дворца мнѣ часто случалось видѣть наслѣдника Демидовскаго, или, скорѣе, Демидовскихъ богатствъ, тогда красиваго отрока, впослѣдствіи извѣстнаго Павла Павловича Демидова; онъ былъ окруженъ сотнями разныхъ дорогихъ и ухищренныхъ игрушекъ и уже тогда казался всѣмъ пресыщеннымъ не по лѣтамъ. Аврора Карловна страстно его любила, очень занималась его воспитаніемъ и даже, кажется, на сколько это было возможно, была съ нимъ строга. Овдовѣвъ послѣ Демидова, она вышла замужъ за Андрея Карамзина, сына извѣстнаго историка, убитаго подъ Севастополемъ. Графиня Мусина-Пушкина умерла еще молодою—точно старость не посмѣла коснуться ея лучезарной красоты; за то я видѣлъ не такъ давно Аврору Карловну, и она даже старушкой остается прекрасна.

Въ Михайловскомъ дворцѣ, въ тѣ времена, пріемы не отличались тою эстетичностью, которою они отличались потомъ; не имѣли они также и того политическаго характера, который имъ придала

великая княгиня Елена Павловна, занявшая такое могущественное положеніе не только по одному своему сану, но и по своему просвѣщенному уму, по своимъ глубоко-человѣчнымъ убѣжденіямъ и, наконецъ, самому тонкому и самому широкому пониманію искусства. Въ то время она была прелестная принцесса въ полномъ разцвѣтѣ царственной красоты, обожаемая супруга и молодая мать. Великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза гвардіи и всего, что въ Петербургѣ носило мундиръ, былъ въ семейномъ быту и съ приближенными къ себѣ лицами не только добръ и обходителенъ, но даже веселъ до шалости. Весь Петербургъ смѣялся въ свое время маленькой выходкѣ великаго князя, получившей, благодаря стеченію самыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, очень комическую сторону. Каждое лѣто въ Петергофѣ дается праздникъ съ фейерверками, иллюминаціями и разными другими затѣями; при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, этому празднику придавался особенно торжественный характеръ. Великій князь Михаилъ Павловичъ на этотъ день назначался генералъ-губернаторомъ Петергофа; я его видѣлъ въ этой должности; грозный, нахмуренный, съ треуголкой, надвинутой на самыя брови, онъ, заложивъ руки за спину, сердито расхаживалъ между толпами гуляющихъ; онъ, казалось, болѣе чѣмъ когда олицетворялъ свой девизъ: «государь долженъ миловать, а я карать». Но этотъ грозный видъ не мѣшалъ ему даже и тутъ по временамъ предаваться своей страсти щекотать огромный животъ толстаго К., жандармскаго офицера; злополучный капитанъ уже привыкъ къ этой шуткѣ и подобострастно мычалъ всякій разъ, когда великому князю приходила фантазія его пощекотать. Итакъ, въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, великій князь шелъ по ярко освѣщенной аллеѣ, вдругъ, подъ какимъ-то очень блистательнымъ вензелемъ, онъ увидѣлъ К. и тотчасъ же туда направился; онъ сталъ къ нему спиной и, чтобы его движеніе было менѣе замѣтно волнами двигающемуся народу, изъ-подъ фалдъ своего мундира сталъ осторожно протягивать руку къ туго обтянутому въ суконные панталоны животу К.; случилось, что рядомъ съ К. стояла необычайно толстая купчиха; какъ только К. завидѣлъ подходившаго къ нему великаго князя, онъ быстро шепнулъ своей сосѣдкѣ: «Матушка, это великій князь Михаилъ Павловичъ, онъ очень любитъ щекотать толстыхъ дамъ; видно, вы ему понравились, такъ смотрите же осторожнѣе!» —Вдругъ великій князь почувствовалъ подъ своей рукой что-то мягкое, колыхающееся, шелковистое; онъ быстро обернулся; передъ нимъ, вся млѣя и улыбаясь во весь ротъ, низко присѣдала купчиха: августѣйшая рука вмѣсто К., прогуливалась по ея необъятному животу!..

Великій князь Михаилъ Павловичъ очень любилъ дѣлать каламбуры; въ этомъ съ нимъ состязались многіе царедворцы; болѣе другихъ отличался въ этомъ искусствѣ французъ графъ Андре де

Ланжеронъ. Я его живо помню, и съ его именемъ связывается самое отрадное мое воспоминаніе, такъ какъ много позже въ его старомъ домѣ, у его старушки-вдовы, въ свое время красавицы, я встрѣтилъ позднее счастье моей жизни[1]). Это былъ еще необыкновенно моложавый и стройный старикъ, лѣтъ семидесяти, представлявшій собою олицетвореніе щегольскаго, теперь безслѣдно исчезнувшаго, типа большаго барина-француза восемнадцатаго вѣка. Въ первую свою молодость онъ храбро дрался за освобожденіе Америки, потомъ, вернувшись на родину, во Францію, онъ былъ съ Лафайетомъ однимъ изъ первыхъ депутатовъ des Etats Generaux; но вихремъ нагрянула великая революція, и онъ со многими своими соотечественниками бѣжалъ въ Россію—это пристанище всѣхъ тогдашнихъ эмигрантовъ. Его знатное имя, блестящее образованіе, красивая наружность и тонкій умъ выдвинули его скоро впередъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ противъ Франціи, какъ, увы, всѣ эмигранты, извиняя себѣ тѣмъ, что они дрались не противъ своей родины, а противъ узурпатора. Въ 1814 году, онъ при осадѣ Парижа взялъ укрѣпленную возвышенность Монмартръ и получилъ за это высшій россійскій орденъ — Андреевскую ленту. Въ 1815 году, онъ замѣстилъ герцога Ришельё въ званіи новороссійскаго генералъ-губернатора. Тутъ, благодаря своей необычайной разсѣянности и весьма плохому знанію русскаго языка, онъ подалъ поводъ къ очень смѣшнымъ случаямъ. Однажды, объѣзжая ввѣренный ему край, онъ увидалъ, что скакавшій впереди его адъютантъ, подъѣхавъ къ станціи, стрѣлой вылетѣлъ изъ перекладной, бросился на смотрителя и приколотилъ его; Ланжеронъ, подскакавшій тоже въ эту минуту къ станціи, также выскочилъ изъ своей коляски и принялся тузить несчастнаго смотрителя. Потомъ онъ быстро обернулся къ своему адъютанту и добродушно спросилъ его:

— Ah ça, mon cher, pourquoi avons nous battus cet homme?!

Онъ себѣ вообразилъ, что это было въ обычаяхъ края, которымъ онъ управлялъ. Разсказываютъ, что онъ потерялъ расположеніе императора Александра I тѣмъ, что по пріѣздѣ государя въ Одессу онъ по разсѣянности заперъ его на ключъ въ своемъ кабинетѣ, такъ какъ въ Одессѣ дворца не было и государь останавливался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Въ 1823 году, Ланжерона замѣнилъ въ Одессѣ графъ, потомъ свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; самъ же Ланжеронъ со своей женою переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ занималъ видное положеніе при дворѣ и въ свѣтѣ; всякій вечеръ, его сухая, породистая, щегольская фигура появлялась то въ Михайловскомъ дворцѣ,

[1]) Графъ В. А. Соллогубъ вторично былъ женатъ на внучкѣ графа Ланжерона.

гдѣ онъ наперерывъ острилъ съ хозяиномъ, то въ салонѣ Елизаветы Михайловны Хитрово, то у Нарышкиныхъ; вездѣ онъ былъ свой человѣкъ, вездѣ его любили за его утонченную вѣжливость, рыцарскій характеръ и хотя и неглубокій, но мѣткій и веселый умъ. Засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, котораго онъ состоялъ членомъ, онъ часто прерывалъ какого нибудь говорящаго члена восклицаніемъ: «Quelle betise!».

Его сослуживецъ съ негодованіемъ обращался къ нему съ вопросомъ:

— Что значитъ эта дерзость?

— А вы думаете, я о вашей рѣчи?—добродушно отвѣчалъ Ланжеронъ:—нѣтъ, я ее совсѣмъ не слушалъ, а вотъ я сегодня собираюсь вечеромъ въ Михайловскій дворецъ, такъ хотѣлъ приготовить два-три каламбура для великаго князя, только что-то очень глупо выходитъ!

Въ 1828 году, во время турецкой войны, Ланжеронъ состоялъ главнокомандующимъ въ Придунайскихъ княжествахъ; однажды, послѣ довольно жаркаго дѣла, совсѣмъ въ сумерки, въ кабинетъ къ нему врывается плотно закутанная въ черный плащъ и съ густымъ вуалемъ на лицѣ какая-то незнакомая ему дама, бросается ему на шею и шопотомъ начинаетъ говорить ему, что она его обожаетъ и убѣжала, пока мужа нѣтъ дома, чтобы, во-первыхъ, съ нимъ повидаться, во-вторыхъ, напомнить ему, чтобы онъ не забылъ попросить главнокомандующаго о томъ, что вчера было между ними условлено. Ланжеронъ тотчасъ же сообразилъ, что дама ошибается, принимаетъ его, вѣроятно, за одного изъ его подчиненныхъ, но, какъ истый волокита, не разувѣрилъ свою посѣтительницу, а, напротивъ, очень успѣшно розыгралъ роль счастливаго любовника; какъ и слѣдовало ожидать, все разъяснилось на другой же день, но отъ этого Ланжеронъ вовсе не омрачился и, встрѣтивъ, черезъ нѣсколько дней спустя, на балѣ свою посѣтительницу, которая оказалась одной изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Валахіи, онъ любезно подошелъ къ ней и съ самой утонченной любезностью сказалъ ей, что онъ передалъ главнокомандующему ея порученіе и что тотъ въ ея полномъ распоряженіи. Дама осталась очень довольна, но адъютантъ, говорятъ, подалъ въ отставку. Такъ какъ воспоминанія не романъ и въ нихъ допускается нѣкоторая игривость, я позволю себѣ разсказать одинъ слышанный мною лѣтъ сорокъ тому назадъ анекдотъ, который мнѣ почему-то вспомнился при описаніи похожденій Ланжерона. Въ столицѣ проживалъ, тоже уже давно, одинъ очень важный сановникъ, имѣвшій, какъ и многіе его собраты, большую склонность къ женскому полу. Лѣто вельможа проводилъ на одномъ изъ модныхъ петербургскихъ острововъ, гдѣ имѣлъ великолѣпную собственную дачу, примыкавшую къ Большой или Малой Невѣ, уже не помню; на противо-

положной сторонѣ, на рѣкѣ, были устроены женскія купальни; эти купальни посѣщались женами мелкихъ чиновниковъ, купчихами, богатыми мѣщанками и т. п. Сановникъ, какъ я уже сказалъ, былъ и любитель, и знатокъ, и потому въ одной изъ бесѣдокъ своего сада устроилъ нѣчто въ родѣ обсерваціоннаго пункта, который ежедневно усердно посѣщалъ; въ одинъ особенно жаркій день, часовъ около четырехъ по полудни, онъ по обыкновенію направился въ свою бесѣдку и, взявшись за бинокль, навелъ его на купальню. Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ восторга и выронилъ изъ рукъ бинокль.

— Батюшка!—закричалъ онъ, обращаясь къ стоявшему подлѣ него приближенному человѣку, повѣренному всѣхъ его проказъ:— ступайте сейчасъ въ купальню, разузнайте, кто эта красавица, вотъ возьмите и посмотрите въ бинокль, вотъ эта высокая, съ великолѣпной черной косой, что стоитъ сюда спиной... разузнайте, кто она, и непремѣнно, слышите, непремѣнно, пригласите ее ко мнѣ!..

Уже много разъ случалось, что если какая нибудь изъ видѣнныхъ имъ въ купальнѣ дамъ ему особенно нравилась, онъ поручалъ этому своему наперснику пригласить ее къ себѣ на чашку чая... и до сихъ поръ не встрѣчалъ жестокихъ, но никогда ни одной онъ не пожелалъ видѣть съ такимъ жаромъ. Наперсникъ, въ свою очередь, взялся за бинокль и, пристально поглядѣвъ въ него, обратился къ своему начальнику:

— Ваше... — позволилъ онъ себѣ замѣтить: — не будетъ ли ошибки... вѣдь въ лицо ее совсѣмъ не видать, вѣдь она вся задомъ сюда стоитъ, можетъ, она и нехороша совсѣмъ?..

— Что вы, любезнѣйшій, что вы! — замахалъ на него руками вельможа: — развѣ возможно, чтобы съ такой... спиной была некрасивая женщина! Вы посмотрите, что у нея за коса!

— Волосы, оно точно...—согласился наперсникъ, опять направляя бинокль.

— Ну, вотъ видите, любезнѣйшій, ступайте же, ступайте скорѣе, я жить не буду, пока вы не вернетесь! — вскричалъ сановникъ.

Повѣренный нѣжныхъ тайнъ ушелъ и вернулся часа черезъ полтора, совершенно сконфуженный.

— Ну, что, что, прійдетъ?—завидя его, нетерпѣливо закричалъ въ саду ожидавшій его сановникъ.

— Не соглашается, ваше...—уныло сказалъ наперсникъ.

Сановникъ страшно разсердился и разразился ругательствами.

— Тутъ маленькое недоразумѣніе, — сконфуженно проговорилъ наперсникъ.

— Что такое? эта дама?.. — нетерпѣливо перебилъ его начальникъ.

— Эта дама не дама—это протодіаконъ N—й церкви!.. ваше...—зарѣзалъ начальника Меркурій въ зеленомъ мундирѣ.

Въ тѣ времена волокитство не было удальствомъ, модой и ухарствомъ, какъ теперь; оно еще было наслажденіемъ, но наслажденіемъ, которое скрывали, на сколько это было возможно. Красотѣ служили, можетъ быть, еще съ большимъ жаромъ, и златокудрая богиня царствовала, но на всѣ эти грѣхи точно натягивался вуаль изъ легкой дымки, такъ что видѣть можно было, но различить было трудно. Компрометировать женщину считалось стыдомъ, разсказывать о своихъ похожденіяхъ съ свѣтскими дамами въ клубахъ и въ ресторанахъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ теперь, да и грѣха таить нечего, и у насъ тоже случается, почиталось позоромъ. Разъ мнѣ случилось быть секундантомъ при случаѣ, закончившемся и плачевно, и смѣшно; дѣло было тотчасъ послѣ выхода моего изъ университета. Клубная жизнь вовсе не была тогда распространена, и мы, свѣтскіе юноши, большею частью, собирались, чтобы покалякать и посмѣяться на квартирѣ одного изъ насъ; денегъ даже самымъ богатымъ изъ насъ родные давали мало, такъ что по ресторанамъ шляться тоже мы не могли, а такъ какъ почти всѣ мы жили съ родителями, то для большей свободы мы сходились на квартирѣ у Х.; онъ былъ независимѣе насъ, жилъ совершенно одинъ и имѣлъ большое состояніе; онъ былъ родомъ изъ К. губерніи и по семьѣ не принадлежалъ къ большому свѣту; но онъ былъ уменъ, достаточно потогдашнему образованъ, ловокъ и съумѣлъ втереться въ нашъ кружокъ, что̀, какъ я уже говорилъ, было въ то время гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, мы собрались однажды у этого Х.; насъ было человѣкъ шесть, всѣ одинъ другаго моложе и впечатлительнѣе; заговорили о женщинахъ, вдругъ хозяинъ развалился на турецкомъ диванѣ, какъ-то особенно молодцовато сталъ раскуривать свою трубку и принялся намъ разсказывать о своихъ любовныхъ похожденіяхъ съ княгиней Z., одной изъ самыхъ красивыхъ и модныхъ женщинъ въ Петербургѣ. Сначала мы слушали его съ недоумѣніемъ, потомъ одинъ изъ моихъ товарищей вскочилъ и внѣ себя закричалъ:

— Это неслыханная подлость такъ отзываться о свѣтской женщинѣ!..

— Послушай, однако... — выпрямляясь, перебилъ его хозяинъ.

— Да, да, — ближе еще подступая къ нему, кричалъ Д. (мой товарищъ): — и человѣкъ такъ говорящій о женщинѣ не только наглецъ, онъ негодяй.

Х. зарычалъ, вскочилъ съ своего мѣста, швырнулъ въ сторону трубку и съ приподнятыми кулаками кинулся на Д.; мы бросились ихъ разнимать и развели по разнымъ комнатамъ.

— Стрѣляться сейчасъ, сію минуту! черезъ платокъ! — съ пѣной у рта кричалъ Х.

— Вы будете стрѣляться, разумѣется,—заговорилъ я, въ свою очередь:—но не сейчасъ и не черезъ платокъ; обида не на столько для этого важна.

Д., разумѣется, сейчасъ же ушелъ отъ X., а мы, четыре секунданта, ушли ко мнѣ, гдѣ и разсудили объ условіяхъ предстоящаго поединка; рѣшено было между нами ѣхать въ окрестности Царскаго Села на другой день—я съ другимъ моимъ пріятелемъ и Д., котораго я былъ секундантомъ, а X. съ двумя другими; такъ и вышло; они дрались, и X. былъ довольно опасно раненъ въ лѣвую ляжку. Дня черезъ три я пришелъ, всетаки, къ X. навѣстить его; онъ лежалъ весь блѣдный съ туго забинтованной ногой; увидавъ меня, онъ нѣсколько сконфузился и протянулъ мнѣ руку.

— Вотъ вамъ урокъ,—сказалъ я ему, указывая на его раненую ногу:—разсказывать о вашихъ побѣдахъ.

— Ахъ, ужъ не говорите,—жалобно промолвилъ онъ:—тѣмъ болѣе, что тутъ не было ни слова правды!

— Какъ! что вы говорите?—закричалъ я.

— Да, разумѣется,—все также продолжалъ хозяинъ:—никогда у меня не было никакихъ такихъ похожденій съ свѣтскими дамами, а княгиню Z. я даже въ глаза никогда не видалъ!

Разсказывая о Ланжеронѣ, я еще припомнилъ о немъ одинъ случай, возбудившій въ свое время взрывъ хохота; я уже сказалъ, что онъ былъ баснословно разсѣянъ и имѣлъ также привычку размышлять вслухъ; у него ежедневно, какъ это водилось въ старину, обѣдало человѣкъ двадцать, между тѣмъ, состояніе его было небольшое, содержаніе тоже, онъ, какъ генералъ-губернаторъ, получалъ неособенно значительное, и потому это вынужденное гостепріимство казалось ему накладнымъ, и вотъ однажды гости его за столомъ услыхали слѣдующее его размышленіе:

— Il n'y a pas à dire,—заговорилъ онъ самъ себѣ:—il faudra que je demande à l'Empereur des «столовые», car quand on a, comme moi, un tas de canailles à nourrir tous les jours!..

Можно себѣ представить, какъ вкусенъ и пріятенъ показался гостямъ конецъ обѣда!

Не могу назвать сановника, который еще до сихъ поръ здравствуетъ, но мнѣ самому случилось быть гостемъ, тому назадъ лѣтъ тридцать, на одномъ обѣдѣ, гдѣ хозяинъ отличился почти также, какъ и Ланжеронъ, съ тою только разницей, что послѣдній дѣлалъ это въ простотѣ своей души, тогда какъ тотъ преднамѣренно оскорбилъ своихъ приглашенныхъ. Итакъ я присутствовалъ на этомъ обѣдѣ; хозяинъ, настоящій генералъ, служака николаевскихъ временъ, сидѣлъ, разумѣется, во главѣ стола на первомъ мѣстѣ; я вовсе не потому, что имѣлъ дурную привычку пачкать бумагу, а потому, что носилъ камеръ-юнкерскій мундиръ, сидѣлъ по правую руку хозяина; надо сказать, что въ тѣ отдален-

ныя времена я имѣлъ честь быть не только моднымъ писателемъ, но даже считался писателемъ вреднаго направленія, и потому хозяинъ съ самаго начала обѣда отечески, но строго, замѣтилъ мнѣ, что «Тарантасъ» (Боже мой! тогда еще говорили о «Тарантасѣ»), разумѣется, остроумное произведеніе, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ есть вещи очень... того... неумѣстныя...

Я выслушалъ, какъ и подобаетъ, нетерпѣливо, но покорно, а впрочемъ, больше занимался ѣдой; послѣ порядочнаго супа съ кореньями, подали на доскѣ, обернутой скатертью, классическую стерлядь. — «Вотъ, — замѣтилъ хозяинъ, грозно указывая глазами на рыбу и сердито поглаживая свои до окаменѣлости нафабренные усы: — вотъ я этой дряни и въ ротъ никогда не беру, а посмотрите — мошенникъ мой поваръ рублей десять поставитъ мнѣ на счетъ»...

Но, увлекаясь и разбрасываясь своими воспоминаніями, я прерываю нить по порядку своихъ разсказовъ, а, между тѣмъ, по выходѣ моемъ изъ университета и протанцовавъ зиму въ Петербургѣ, я поступилъ на службу и былъ съ перваго же года своего служенія отечеству свидѣтелемъ многаго интереснаго. Карьеру свою я началъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но остался тамъ недолго и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда меня направили въ городъ Тверь, гдѣ я и былъ прикомандированъ къ особѣ губернатора, графа Толстаго, извѣстнаго своею тѣсною дружбой съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. И Толстой, и жена его были люди добрѣйшіе и очень образованные, и только и грѣшили тѣмъ, что ужъ до ханжества были набожны. Тутъ, въ Твери, я сошелся близко съ человѣкомъ, который потомъ былъ призванъ къ широкой дѣятельности — съ Михаиломъ Бакунинымъ. Эти воспоминанія не что иное какъ разсказы старика, имѣвшаго случай многое видѣть на своемъ вѣку и знаться съ людьми или замѣчательными, или интересными; слѣдственно тутъ и помину не можетъ быть о политическихъ воззрѣніяхъ, или какой либо тенденціозности, и потому я скажу только то, что знаю о Бакунинѣ въ то время, такъ какъ потомъ я никогда не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться. Это былъ еще очень молодой, умный и впечатлительный малый, съ добрымъ сердцемъ и бѣдовой головой. Онъ жилъ у своихъ родителей, людей очень добрыхъ и радушныхъ, но совершенно старосвѣтскихъ помѣщиковъ; понятно, что въ такомъ кругу воображеніе Михаила Бакунина работало гораздо болѣе, чѣмъ если бы онъ находился въ другомъ положеніи. Я еще былъ въ Твери, когда онъ бѣжалъ, покинувъ родительскій домъ; живо помню и отчаяніе, и недоумѣніе его отца: старикъ просто не понималъ, почему его Миша, которому такъ тепло было дома, ихъ такъ своевольно и неожиданно покинулъ?..

Въ Твери я въ первый разъ въ жизни производилъ слѣдствіе, и это случилось при такихъ изъ ряда выходящихъ обстоятель-

ствахъ, что, я думаю, разсказъ объ этомъ можетъ имѣть интересъ для читателей. Однажды, графъ Толстой позвалъ меня въ свой кабинетъ и объявилъ, что поручаетъ мнѣ разслѣдовать одно очень важное и щекотливое дѣло...

— Тутъ вопросъ о раскольникахъ,— началъ мой набожный начальникъ: — тутъ дѣло надо будетъ повести очень осторожно; поѣзжайте, присмотритесь, все разузнайте и потомъ уже начните слѣдствіе.

Я выѣхалъ изъ Твери въ тотъ же вечеръ и на другое утро прибылъ на мѣсто своего назначенія въ городокъ Х., Тверской губерніи. Я тотчасъ же отправился къ городничему, чисто Гоголевскому типу. Онъ видимо меня не ожидалъ. Хотя время было еще раннее, онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ и очень оживленно понтировалъ; вокругъ него толпилось человѣкъ десять добрыхъ пріятелей, а стоявшая на сосѣднемъ столѣ разнообразная закуска и почтенное количество пустыхъ графиновъ и бутылокъ свидѣтельствовали, что и за картами пріятели не теряли времени. Когда я себя назвалъ, городничій поспѣшно всталъ и пригласилъ меня за нимъ послѣдовать въ сосѣднюю комнату. Русскій человѣкъ владѣетъ даромъ необыкновенно скоро отрезвляться; не прошло и двухъ минутъ, какъ разстегнутый сюртукъ городничаго, изъ-подъ котораго ярко алѣла новая канаусовая рубашка, замѣнился туго застегнутымъ на всѣ пуговицы мундиромъ, а веселое возбужденіе лица замѣнилось тѣмъ особеннымъ выраженіемъ заискивающей почтительности, съ которою въ тѣ времена обходились захолустные дѣятели съ болѣе или менѣе блестящими петербургскими чиновниками. Въ короткихъ словахъ я ему объяснилъ, въ чемъ состояло возложенное на меня порученіе, и просилъ его, какъ это и было его обязанностью, мнѣ во всемъ содѣйствовать. Человѣкъ онъ былъ и свѣдущій, и толковый, зналъ отлично подвѣдомственный ему городъ во всѣхъ его закоулкахъ и потому обѣщалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ устроить дѣло такъ, чтобы я могъ невидимкой присутствовать на одномъ важномъ сборищѣ раскольниковъ. Остановился я въ единственной гостинницѣ Х., разумѣется, скорѣе смахивающей на постоялый дворъ. Послѣ разговора моего съ городничимъ я туда отправился и послѣ плохаго ранняго обѣда улегся спать, такъ какъ сильно наморился, проѣздивъ всю ночь по большому морозу. Часу въ шестомъ наступили уже сумерки — ко мнѣ постучался городничій: — «Вставайте, ваше сіятельство! — сказалъ онъ мнѣ: — намъ нужно пораньше туда пробраться, пока тамъ еще никого нѣтъ». Въ пять минутъ я одѣлся и вышелъ съ городничимъ на крыльцо; мы сѣли въ просторныя крытыя дрожки, и пара до ожирѣнія выкормленныхъ вятокъ понесла насъ по широкимъ улицамъ города, еще не оскверненнымъ фонарями. Проѣхавъ двѣ-три улицы, мы повернули въ глухой переулокъ. Передъ огромными запертыми воротами, вдѣланными въ

высокую точно крѣпостную каменную стѣну, кучеръ остановилъ своихъ лошадей; городничій проворно выскочилъ изъ дрожекъ, попросивъ меня не выходить изъ экипажа, пока намъ не отворятъ; онъ подошелъ къ воротамъ и какимъ-то особеннымъ манеромъ постучался въ нихъ; внутри во дворѣ послышался скрипъ сапоговъ по замерзшей землѣ, потомъ уже у самыхъ воротъ раздался слабый кашель; городничій тоже въ отвѣтъ кашлянулъ; тотчасъ же низенькая кривая калитка, лѣпившаяся подлѣ гигантскихъ воротъ, тихо отворилась и на ея порогѣ показалась голова такая диковинная, такая страшная, какой мнѣ уже впослѣдствіи никогда не случалось видѣть. Это была круглая какъ шаръ голова, покрытая густыми сѣрыми волосами, торчавшими на ней какъ щетина; лицо плоское, желтое какъ лимонъ, съ широкимъ приплюснутымъ носомъ, огромными отвислыми губами и маленькими кверху, къ вискамъ, приподнятыми глазками, поразило меня своимъ выраженіемъ; въ немъ, въ этомъ лицѣ, была самая противорѣчивая смѣсь какого-то застарѣлаго страха съ самою звѣрскою кровожадною злостью. На этомъ человѣкѣ, не смотря на сильный морозъ, была надѣта длинная, бѣлая, очень чистая полотняная рубаха и какіе-то полосатые штаны, а на плечахъ, въ накидку, болталась малороссійская свитка изъ толстаго сѣраго солдатскаго сукна. Онъ, къ крайнему моему удивленію (я тѣмъ временемъ вылѣзъ изъ дрожекъ и тоже подошелъ къ калиткѣ), сталъ объясняться съ городничимъ знаками.

— Онъ нѣмой, — промолвилъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взглядъ городничій: — раскольники вырѣзали ему языкъ!..

И пока мы проходили огромный дворъ, направляясь къ небольшому крылечку, передъ которымъ тускло горѣлъ красноватый фонарь, городничій въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію этого несчастнаго. Человѣкъ этотъ былъ родомъ калмыкъ; раскольники изъ Астрахани его украли, когда онъ былъ еще ребенкомъ; когда онъ выросъ и выучился читать и писать, раскольники попытались обратить его въ ихъ вѣру; сначала онъ было поддался на это, но потомъ рѣшительно воспротивился и два раза сряду убѣгалъ; оба раза его настигали, жестоко наказали, а когда онъ вздумалъ бѣжать въ третій разъ, то его мучители уже не удовольствовались розгами и вырѣзали ему языкъ! Легко себѣ представить, какою ненавистью запылалъ онъ къ своимъ притѣснителямъ и тутъ же поклялся во что бы то ни стало отмстить имъ. Долго нѣмому не представлялся этотъ случай; тѣмъ временемъ съ юга онъ попалъ въ Тверскую губернію, весь измаялся, постарѣлъ, посѣдѣлъ... И вдругъ этотъ злобно и страстно ожидаемый случай явился! Однажды, подъ вечеръ его позвали къ городничему и тутъ стали его допрашивать: «правда ли, что онъ находится въ услуженіи у купцовъ или мѣщанъ, которые принадлежатъ къ разряду самыхъ ярыхъ раскольниковъ»? Калмыкъ себѣ потребовалъ перо, бу-

маги и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ описалъ все и выдалъ житье-бытье своихъ хозяевъ. Городничій, однако же, ему не довѣрился, но послѣдствія доказали, что онъ во всемъ сказалъ правду. И вотъ теперь, предшествуемые этимъ самымъ калмыкомъ, мы пришли, осторожно ступая по мерзлой землѣ, къ крылечку и вступили въ выходившія на него сѣни; нѣмой и тутъ шелъ передъ нами, боязливо озираясь, хотя, повидимому, въ флигелькѣ, куда онъ привелъ насъ, никого еще не было. Изъ сѣней мы, какъ были въ шубахъ и шапкахъ, прошли въ огромную комнату, выбѣленную мѣломъ и вокругъ стѣнъ которой стояли широкія дубовыя лавки; въ углу на столѣ, покрытомъ расшитой цвѣтами бѣлой скатертью, стояли два массивные серебряные шандала; въ нихъ горѣли толстыя восковыя свѣчи; на столѣ лежало старинное распятіе, а надъ столомъ висѣлъ обдѣланный въ богатую золоченную ризу, на которой сверкали великолѣпные брилліанты, образъ съ потемнѣвшимъ ликомъ святаго. Изъ этой комнаты калмыкъ провелъ насъ въ другую, къ ней примыкавшую горницу, маленькую, темную и душную; въ комнаткѣ стояло два табурета, обитые полинялымъ голубымъ штофомъ—позолота также уже видимо давно сошла съ ножекъ. Калмыкъ намъ помогъ снять шубы, которыя за неимѣніемъ вѣшалки бросилъ въ уголъ на полъ и указалъ намъ на табуреты, приглашая насъ сѣсть; потомъ онъ затушилъ горѣвшую свѣчу и вышелъ изъ комнаты, оставивъ насъ въ совершенной темнотѣ. Въ дверяхъ, противъ которыхъ мы сидѣли, ярко обозначались двѣ широкія щели; городничій объяснилъ мнѣ, что сквозь нихъ мы должны были наблюдать засѣданіе, или, скорѣе, какъ оно послѣ оказалось, священнодѣйствіе раскольниковъ. Минутъ черезъ десять послѣ того, какъ вышелъ отъ насъ нѣмой, въ большую комнату, въ которую мы глядѣли сквозь щели, вошелъ огромнаго роста, совершенно уже сѣдой, старикъ, одѣтый зажиточнымъ мѣщаниномъ; большой золотой крестъ на толстой цѣпочкѣ низко висѣлъ у него на груди. Онъ подошелъ къ иконѣ, сталъ набожно постарообрядчески креститься, потомъ совершилъ три земныхъ поклона и сѣлъ на лавку недалеко отъ стола. За нимъ толпой стали собираться другіе люди, мужчины и женщины; всѣ они совершали тѣ же земные поклоны, потомъ поворачивались къ старику (онъ держался необыкновенно важно), низко ему кланялись и также разсаживались на лавкѣ вокругъ стѣны. Между тѣмъ, въ комнату внесли огромную серебряную чашу, нѣчто въ родѣ купели, наполнили ее водой и поставили посреди комнаты. Надо замѣтить, что всѣ люди, находившіеся въ комнатѣ, были очень хорошо и даже богато одѣты; на женщинахъ, молодыхъ и старыхъ, на головахъ были повязаны низко надвинутые на лобъ шелковые платки. Когда горница наполнилась, старикъ всталъ со своего мѣста и громко спросилъ: «Всѣ ли православно въ Бога вѣрующіе въ Х. въ сборѣ»?

Присутствующіе моментально встали.—«Всѣ отче»,—отвѣтили они въ одинъ голосъ.—«Такъ приступимъ, благословясь», — произнесъ торжественно старикъ, поднимаясь со своего мѣста. Онъ повернулся на три стороны, сдѣлалъ крестное знаменіе, потомъ повернулся къ образу и опять послѣ троекратнаго колѣнопреклоненія досталъ у себя изъ-подъ полы довольно объемистый темный кожаный молитвенникъ и сталъ громко читать молитвы. Слушатели громко и не крестясь повторяли за нимъ слова. Это продолжалось съ полчаса; затѣмъ старикъ опять сталъ на колѣни—и за нимъ опустилась также и вся толпа; онъ всталъ — и всѣ снова поднялись за нимъ; тогда онъ приблизился къ купели и началъ совершать какое-то таинство; бросалъ туда принесенную ему человѣкомъ, повидимому, исполнявшимъ при немъ должность служки, на большой серебряной тарелкѣ соль, обкуривалъ вокругъ ладономъ, дѣлалъ какіе-то кабалистическіе жесты. Наконецъ, онъ кончилъ, передалъ кадило въ руку своего прислужника и проговорилъ, обращаясь къ толпѣ: «Съ Божьяго благословенья».—«Аминь!»—отвѣтили присутствующіе. Мужчины отошли направо, женщины—налѣво, и средина комнаты стала совершенно свободна. Старикъ все стоялъ подлѣ чаши и читалъ свои молитвы. Вдругъ двери, выходящія въ глубину залы, раскрылись, и два тоже уже довольно древніе старика ввели оттуда лѣтъ шестнадцати дѣвушку красоты поразительной и совершенно голую; ея длинные волосы, черные какъ воронье крыло, были заплетены въ двѣ толстыя косы и низко падали, почти къ самымъ колѣнямъ. Она подходила къ купели съ опущенными глазами, но прелестное лицо не выражало смущенія. Идя посреди своихъ двухъ спутниковъ, она живо напоминала библейскую Сусанну. Когда она приблизилась къ чашѣ, важный старикъ поставилъ ей нѣсколько вопросовъ, на которые она отвѣчала твердо, но все не поднимая глазъ; тогда онъ взялъ лежавшую на перекладинѣ подъ чашей плетку, обмокнулъ ее въ воду и принялся крестообразно брызгать ею на обнаженное тѣло дѣвушки; потомъ онъ обкурилъ ее ладономъ и вслѣдъ затѣмъ, опять обмокнувъ плетку, довольно сильно ударилъ ее по спинѣ. За нимъ другія женщины и мужчины, тоже предварительно обмокнувъ въ воду плетку, ударяли ею дѣвушку. Мало-по-малу, обрядъ этотъ обратился въ истязаніе; удары все чаще бороздили тѣло несчастной жертвы; сначала она только слабо охала, потомъ вздохи ея превратились въ вопль, длинныя красныя полосы выступили на бѣлоснѣжномъ тѣлѣ дѣвушки и на лѣвомъ плечѣ показалась кровь... Съ самаго начала церемоніи во мнѣ закипало негодованіе, но тутъ я не выдержалъ, вскочилъ со своего мѣста и рванулъ за двери... Городничій тоже всталъ.

— Что вы дѣлаете, ваше сіятельство? Помплуйте! Живыми отсюда не выйдемъ! Пойдемте скорѣе, а я ужъ распорядился!...

И, наскоро напяливая на себя шубу, онъ потащилъ меня къ дверямъ уже другаго выхода, на который намъ указалъ, уходя, калмыкъ. Мы почти бѣгомъ прошли опять тотъ длинный дворъ и черезъ пять минутъ уже прискакали домой, откуда городничій тотчасъ отправилъ уже стоявшихъ на-готовѣ городовыхъ и жандармовъ. Черезъ нѣсколько минутъ городовые и жандармы окружили домъ и захватили всѣхъ тамъ находящихся, кромѣ главнаго стараго раскольника, который неизвѣстно какимъ путемъ скрылся; истязаемую дѣвушку освободили,—она едва дышала; калмыка тоже выпустили на волю и въ видѣ милости сослали его по этапу въ сосѣднюю губернію; но онъ недолго пользовался своей свободой—мѣсяца два спустя его нашли на окраинѣ большой дороги съ перерѣзаннымъ горломъ. Мнѣ нечего, разумѣется, говорить, что тогда о теперешнемъ гласномъ судѣ не было и помину; слѣдствія длились годами и допросы совершались самымъ первобытнымъ образомъ. Однако, дѣло о тверскихъ раскольникахъ двинулось довольно скоро; я присутствовалъ на всѣхъ допросахъ и однажды отличился на одномъ изъ нихъ самымъ неприличнымъ образомъ. Насъ находилось человѣкъ пять въ довольно тѣсной комнатѣ, въ квартирѣ забубеннаго городничаго, который, скажу между прочимъ, мастерски повелъ все это дѣло; къ допросу по одиночкѣ приводили подсудимыхъ, они, запуганные, лепетали какія-то несвязныя слова. Но вотъ въ комнату ввели здоровеннаго русаго дѣтину, лѣтъ тридцати; его завитая мелкими кольцами огромная голова съ широкимъ затылкомъ, его лицо красивое, правильное, съ нависшимъ бѣлымъ лбомъ, даже его походка, твердая и тяжелая,—все показывало въ немъ упрямство, стойкость необыкновенную. Я вглядѣлся въ него и вспомнилъ, что на происходившей церемоніи онъ билъ юную жертву съ особеннымъ остервенѣніемъ. Мнѣ почему-то стало вдругъ противно его лицо, густая рыжая бородка, которую онъ самодовольно поглаживалъ своей пухлой рукой съ серебряными и золотыми кольцами на каждомъ пальцѣ, весь его спокойный видъ.

Да ты не очень-то ломайся!—нетерпѣливо вскрикнулъ я.—Что ты точно на свадьбу пришелъ!

Онъ глянулъ на меня и чуть усмѣхнулся.

— Да чему ты смѣешься, дуракъ?—уже съ сердцемъ спросилъ я его.

— Молодъ ты очень, баринъ, — насмѣшливо отвѣтилъ онъ.

Я вскочилъ съ своего мѣста и внѣ себя отъ гнѣва замахнулся и далъ ему пощечину... Онъ отступилъ отъ меня на шагъ и низко, въ поясъ, мнѣ поклонился.

— Спасибо тебѣ, баринъ, — промолвилъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ, и не насмѣшка, и даже не упрекъ мнѣ послышался въ немъ, а только грусть:—спасибо тебѣ, что ты меня обидѣлъ понапрасну, намъ, въ нашемъ удѣлѣ, ко всему нужно привыкать...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много разъ приходилось мнѣ укорять себя во многомъ, но никогда такою краской не загорались мои щеки, какъ въ ту минуту, и мнѣ лучше бы хотѣлось провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять обидчикомъ передъ этимъ мужикомъ, передъ этимъ фанатикомъ, передъ этимъ варваромъ!

Слѣдствіе это въ скоромъ времени перешло въ другія руки, но я еще остался въ Твери нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время со мною приключился случай, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Въ то время я сильно ухаживалъ за женою одного сосѣдняго помѣщика, очень хорошенькой женщиной; всѣ мы, золотая тверская молодежь, за ней волочились, но я пользовался тѣмъ преимуществомъ, что зналъ главныхъ представителей тогдашней русской литературы, къ которымъ нашъ общій «предметъ» имѣлъ особенное, тѣмъ менѣе объяснимое влеченіе, что никто изъ дѣятелей русской словесности не былъ ему лично знакомъ; однако, всякій разъ, что я подходилъ къ моей красавицѣ съ намѣреніемъ и желаніемъ завести нѣжный разговоръ, она опрокидывала на спинку кресла свою прелестную головку и томнымъ голосомъ говорила мнѣ: «Ахъ, графъ, говорите мнѣ о Пушкинѣ!» Я въ сотый разъ съ восторгомъ начиналъ говорить о великомъ поэтѣ, всегда и на всю жизнь мою представлявшемся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ полубога, но обыкновенно, истощивъ запасъ свѣдѣній объ образѣ жизни, семьѣ и работѣ Пушкина, я потихоньку снова возвращался къ вопросу, интересующему меня въ это время, то есть къ разглагольствованіямъ о моей «страстной» любви; но красавица снова прерывала мои увѣренія восклицаніями: «Ахъ, говорите мнѣ о Гоголѣ (который начиналъ тогда входить въ моду), или о Жуковскомъ, или о Полевомъ» и т. д. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прошла весна, наступило лѣто, и я начиналъ тяготиться этой ролью трубадура платонической любви, для которой, по своей натурѣ и тогдашнимъ своимъ лѣтамъ, вовсе не былъ созданъ, какъ вдругъ, возвратясь домой поздно вечеромъ (впродолженіе котораго я раза три и, признаться сказать, довольно нехотя принимался разсказывать своей страсти о Мицкевичѣ, котораго я отроду никогда не видѣлъ), — итакъ, возвратясь домой, я нашелъ на своемъ письменномъ столѣ запечатанный конвертъ, при видѣ котораго во мнѣ шевельнулось сердце... На немъ не было почтоваго штемпеля?... «Отъ кого письмо?»—спросилъ я своего вѣрнаго Тита Ларіоновича.

— Да вотъ то-то я не знаю, ваше сіятельство, — отвѣтилъ мнѣ старый камердинеръ: — принесла его какая-то затрапезная дѣвка, а кто она эта дѣвка, и сказать не захотѣла, только говоритъ, непремѣнно, говоритъ, графу передайте, — а дѣвка, по всему видно, дрянь дѣвка, гулящая дѣвка, ужъ на что и меня стараго... и онъ сердито сплюнулъ въ сторону и съ подозрительнымъ укоромъ на

меня посмотрѣлъ. Сердце еще сильнѣе забилось у меня въ груди... «Неужели она»? — подумалъ я, срывая бураго цвѣта толстую сургучевую печать, на которой не было ни герба, ни даже буквы, и я прочелъ слѣдующія слова, написанныя мелкимъ некрасивымъ почеркомъ:

«Да, я хочу, я согласна погибнуть съ вами, для васъ; но куда уйдти? на край земли? отъ всѣхъ этихъ людей? — Приходите завтра въ девять часовъ вечера за городъ, въ поле, теперь тамъ такъ чудно колосится рожь! Приготовьте коляску, лошадей, замаскированныхъ людей и уѣдемъ, умчимся далеко, далеко»!! Подписи, разумѣется, не стояло. Но я зналъ, чувствовалъ, что это она — она со своимъ романическимъ воображеніемъ все это придумала. Я не спалъ всю ночь, строя въ головѣ самые радужные планы. О коляскѣ, лошадяхъ и замаскированныхъ людяхъ я не задумывался, во-первыхъ, потому, что у меня въ карманѣ находилось всего 38 руб. ассигнаціями, а, во-вторыхъ, потому, что какъ я ни былъ молодъ, я зналъ, что дѣло обойдется прекрасно, безъ коляски и въ особенности безъ замаскированныхъ людей. Слѣдующій день я провелъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ большомъ волненіи и часа за полтора раньше назначеннаго мнѣ въ письмѣ времени уже находился за городомъ. Весь день былъ дождливый, пасмурный, но такъ какъ дѣло происходило въ первой половинѣ іюля мѣсяца, то было еще, разумѣется, совершенно свѣтло. Я сталъ осматриваться вокругъ, желая разглядѣть то мѣсто, гдѣ «такъ чудно колосится рожь»; дѣйствительно вдали я увидѣлъ огромное поле, вплоть заросшее высокой рожью, которая широкими волнами колыхалась подъ легкимъ, но довольно свѣжимъ вѣтеркомъ. Я направился туда, выбралъ на краю поля открытое мѣсто, откуда мнѣ виднѣлась вся окрестность, сѣлъ на камень и сталъ ждать. Понемногу начинало смеркаться; тучи еще ниже сгущались надъ моей головой, по временамъ даже дождикъ накрапывалъ, мнѣ становилось холодно, скучно и даже страшно, тяжелая тишина воцарялась кругомъ, и только едва я могъ различать издали слабо мерцавшіе городскіе огни. Я вставалъ, ходилъ по дорогѣ, поминутно смотрѣлъ на часы и внутренно посылалъ свою всегдашнюю довѣрчивость въ самыя непріятныя мѣста: «И дернула меня нелегкая, — думалъ я: — повѣрить ей и прійдти сюда, я ее не дождусь; или она испугается темноты вечера, или просто захотѣла она посмѣяться надо мной». Я забылъ сказать, что часа за два передъ тѣмъ, что я отправился за городъ, я, идя по улицѣ, встрѣтилъ свою «пассію»; она шла въ сопровожденіи одного своего стараго родственника, очень мило меня привѣтствовала и пролепетала мнѣ что-то о Гречѣ; въ ту минуту я восторгался внутренно ея самообладанію, но теперь оно показалось мнѣ съ ея стороны злой насмѣшкой. Въ послѣдній разъ взглянувъ на часы, я съ трудомъ могъ разглядѣть

при наступившей темнотѣ, что стрѣлка показывала половину десятаго; я уже досадливо собирался шагать назадъ домой, какъ вдругъ въ направленіи шлагбаума мнѣ показались два огненныя пятна, довольно быстро приближавшіяся, и до меня донесся дребезжащій и глухой стукъ колесъ; мало-по-малу я начиналъ различать громоздскій обликъ экипажа, но не двигался съ мѣста—я ждалъ, чтобы рыдванъ миновалъ меня, а такъ какъ я стоялъ на дорогѣ и опасался, чтобы сидящіе въ немъ люди, паче чаянія, не узнали меня, что̀ повлекло бы къ сильнымъ сплетнямъ, то собирался уже войдти въ рожь очень высокую въ томъ мѣстѣ и на минуту скрыться отъ ихъ глазъ, какъ вдругъ экипажъ, не доѣхавъ отъ меня шаговъ на триста, остановился; изъ него, я уже ясно теперь видѣлъ, вылѣзло двое людей. Я не могъ разсмотрѣть ихъ, такъ какъ они были закутаны въ длинные плащи, были ли это мужчины или женщины,—и быстро пошли по дорогѣ, впередъ, ко мнѣ; я, разсчитывая на то, что въ темнотѣ они меня не замѣтятъ, сталъ пробираться въ рожь; но я не сдѣлалъ и пяти шаговъ, какъ одинъ изъ подходившихъ ко мнѣ людей закричалъ: — «Графъ Сологубъ! Гдѣ вы? Отзовитесь! мы васъ ищемъ, мы за вами пріѣхали!» — Я чуть не крикнулъ отъ изумленія. Что это означало? они отъ нея? но можетъ быть, воры они! Это тоже не вѣроятно, или, можетъ быть, мужъ?.. Во всякомъ случаѣ мое любопытство осилило осторожность, и я, выбравшись изъ ржи, пошелъ имъ навстрѣчу; въ ихъ фигурахъ мнѣ показалось что-то знакомое, но они такъ плотно были закутаны въ плащи, падавшіе имъ до самыхъ пятъ, что скорѣе походили на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей; на головахъ у обоихъ были надѣты огромные капюшоны, а лица ихъ скрывали маски. «Вотъ оно,—подумалъ я:—коляска, лошади и эти замаскированные люди, но что все это значитъ»?..

— Вы получили вчера письмо, приглашавшее васъ явиться сюда въ девять часовъ вечера?»—спросилъ одинъ изъ интриговавшихъ меня людей.

— Д-да,—отвѣтилъ я нерѣшительно:—но какимъ образомъ вамъ это извѣстно?

— Особа, написавшая вамъ, сообразила,—продолжалъ мой странный собесѣдникъ:—что вамъ было бы очень трудно въ такое короткое время все приготовить...

— Да... дѣйствительно...—отвѣтилъ я все также нерѣшительно, невольно притомъ вспомнивъ о моихъ тридцати восьми рубляхъ.

— Такъ-съ, вотъ потому-то эта особа и прислала насъ за вами; пожалуйте, поѣдемте, васъ ждутъ...

— Но позвольте...—началъ я.

— Вы боитесь?—послышался мнѣ изъ-за маски насмѣшливый голосъ.

— Я нисколько не боюсь, но я васъ совершенно не знаю, и все это мнѣ представляется очень необыкновеннымъ; а впрочемъ, у меня лишняго времени много... поѣдемъ.

Я махнулъ рукой и быстро пошелъ по направленію къ коляскѣ; мы сѣли въ экипажъ, я одинъ позади, мои спутники на переднемъ мѣстѣ. Когда рыдванъ, дребезжа старыми колесами, тронулся, сидѣвшій противъ меня незнакомецъ вынулъ изъ кармана большой фуляровый платокъ, бинтообразно сложилъ его и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Извините меня, графъ, но мнѣ приходится попросить у васъ позволенія завязать вамъ глаза!

Я засмѣялся и подался впередъ, наклоняя голову; все это становилось очень забавно. Мы продолжали молча путь и скоро въѣхали въ городъ; я это почувствовалъ по нестерпимымъ толчкамъ того подобія шоссе, по которому мы ѣхали. Коляска наша повернула влѣво, потомъ вправо и, наконецъ, съ грохотомъ въѣхала въ какой-то дворъ. Мои спутники проворно изъ нея выскочили и подъ руки, какъ престарѣлаго архіерея, ввели меня на крыльцо; тутъ, въ передней, съ меня сняли повязку и пригласили войдти въ гостиную; комната эта показалась мнѣ очень невзрачной; маленькая старомодная лампа скупо освѣщала старую, изодранную мебель, окна, не завѣшенныя занавѣсками, были наглухо закрыты почернѣлыми ставнями, на голыхъ стѣнахъ также никакого убранства; вся эта обстановка представлялась бѣдной и грязной. «Странное мѣсто для нѣжнаго свиданія», — подумалъ я, осматриваясь; мнѣ опять становилось и досадно на себя, и даже совѣстно своей вѣчной оплошности; между тѣмъ мои спутники, вышедшіе было изъ комнаты, снова возвратились и подошли къ столу; я съ непріятнымъ изумленіемъ увидѣлъ, что у каждаго изъ нихъ въ рукахъ находился пистолетъ.

— Милостивый государь, — проговорилъ одинъ изъ нихъ; я сидѣлъ у стола и поднялся съ своего мѣста, признаюсь, съ нѣкоторою поспѣшностью; я уже рѣшительно не понималъ въ чемъ дѣло: — мы васъ привезли сюда не для красныхъ словъ; или вы сейчасъ намъ подпишите вексель въ 100,000 рублей ассигнаціями, или мы вынуждены будемъ прибѣгнуть вотъ къ этимъ игрушкамъ...

И онъ небрежно повертѣлъ въ рукѣ пистолетъ. Я въ первую минуту, признаюсь, оторопѣлъ; встрѣтить дуло пистолета вмѣсто ожидаемыхъ прелестныхъ устъ довольно непріятно. Но я скоро пришелъ въ себя и съ поднятыми кулаками бросился на говорившаго человѣка.

— Негодяи! — внѣ себя закричалъ я: — такъ вотъ это что?! Вы просто воры и разбойники! — и я все протягивалъ руки, силясь сорвать маску съ этого мерзавца; но онъ съ помощью товарища оттолкнулъ меня и все также спокойно сказалъ:

— Перестаньте, не кричите и не ругайтесь, это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Вы въ нашей власти и никто не придетъ къ вамъ на помощь; а лучше садитесь-ка да пишите вексель; мы знаемъ, что ваши родители богаты и могутъ заплатить эту сумму.

— Да вѣдь не можете же вы такъ меня убить? Вѣдь вы за это отвѣчать будете!

— Это ужъ наше дѣло,—услышалъ я невозмутимый отвѣтъ.

Я бросился на стулъ и закрылъ себѣ лицо руками; въ эту минуту я рѣшительно не могъ ничего сообразить; вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался гомерическій смѣхъ, я отнялъ руки отъ лица и увидѣлъ передъ собою обоихъ моихъ разбойниковъ; они сняли маски, сбросили съ головы капюшоны, и я узналъ въ нихъ двоихъ своихъ тверскихъ товарищей, одинъ изъ нихъ былъ также мой сослуживецъ.

— Ахъ! ты, дуралей, дуралей, — засмѣялись они: — мы знали, что ты довѣрчивъ какъ ребенокъ и мечтателенъ какъ уѣздная барышня, но, всетаки, сомнѣвались, что ты поддашься на удочку! И въ двухъ словахъ они разсказали, какъ, замѣтивъ, что г-жа N... со мною кокетничаетъ и что я, повидимому, очень ею увлеченъ, они вздумали сыграть со мною эту штуку, придавъ ей романтическій оттѣнокъ, и этимъ возбудить мое любопытство. Они просто хотѣли привезти меня на квартиру одного изъ нашихъ товарищей, но, дорогой замѣтивъ, что я остаюсь совершенно спокоенъ, имъ вдругъ захотѣлось меня напугать, въ чемъ они, сознаюсь, до нѣкоторой степени успѣли... Я ихъ, какъ слѣдовало ожидать, порядочно обругалъ, а, впрочемъ, отъ души самъ смѣялся своей глупости. Мы всѣ отправились ужинать и осушили за здоровье красавицы, вѣроятно, въ это время почивавшей безмятежнымъ сномъ, нѣсколько добрыхъ бутылокъ вина.

Такихъ «пассажей», какъ приведенный мною случай, я могу насчитать десятки въ моей жизни, но едва ли не самымъ смѣшнымъ и самымъ непредвидѣннымъ изъ нихъ былъ слѣдующій. Мнѣ приходится, какъ я уже это дѣлалъ не однажды, отступить впередъ, но на этотъ разъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Я былъ съ женою [1]) на водахъ въ Германіи, и вокругъ нея какъ всегда увивалось сонмище поклонниковъ; я къ этому такъ привыкъ, что не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія, оставляя только за собою право выпроваживать тѣхъ изъ нихъ, которые мнѣ ужъ слишкомъ наскучаютъ. Такъ какъ моя жена почти на сорокъ лѣтъ меня моложе, то, разумѣется, очень часто ее принимаютъ за мою дочь. Надо сказать, что, гдѣ бы я ни былъ, ко мнѣ каждое утро являются русскіе или иностранные собраты изъ той категоріи, что французы обзываютъ «des fruits secs», или промотавшіеся соотчичи,

---

[1]) Вторая жена графа Соллогуба.

или просто разнаго рода авантюристы, чающіе какой нибудь добычи. Съ свойственной мнѣ довѣрчивостью, я часто попадался съ этими людьми въ просакъ или зарывался обѣщаніями, которыхъ потомъ не могъ сдержать, наживалъ себѣ, какъ всегда, сотни враговъ и т. д. Но со дня моей второй женидьбы многое въ моей жизни измѣнилось. Жена моя одарена рѣдкимъ умомъ и необыкновенной, часто безпощадной прозорливостью узнавать людей; она открыла мнѣ глаза на счетъ многихъ моихъ «друзей» и всегда во́-время останавливала меня отъ какой-нибудь глупости. Итакъ, мы были въ Германіи на водахъ, и однажды утромъ, отпивъ свои три стакана, я вернулся домой и, закуривъ сигару, погрузился въ чтеніе утреннихъ газетъ; камердинеръ вошелъ въ комнату и подалъ мнѣ визитную карточку.

— Что такое? — спросила изъ-за двери моя жена.

— Не знаю, господинъ какой-то проситъ меня принять его, — отвѣтилъ я.

— Ты о немъ слышалъ? — спросила опять жена.

— Понятія о немъ не имѣю.

— И ты его примешь?

— Да, скуки ради; кто знаетъ, онъ, можетъ быть, работаетъ по тюремному вопросу...

— Хорошо, я одѣваюсь, не могу прійдти, но оставь дверь открытой, я хочу слышать, — сказала мнѣ жена.

Черезъ минуту ко мнѣ вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, статный и красивый; онъ казался не только смущенъ, но имѣлъ видъ растерянный; я всталъ ему навстрѣчу.

Простите меня, графъ,—началъ онъ несмѣлымъ голосомъ: — что, не будучи вамъ представленнымъ...

— Сдѣлайте одолженіе... садитесь,—отвѣтилъ я ему и самъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Простите въ особенности мою смѣлось, — все также смущенно продолжалъ молодой человѣкъ; онъ правильно объяснялся пофранцузски, хотя съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ:—но дѣло идетъ о счастьѣ всей моей жизни; моя семья пользуется въ Англіи большимъ уваженіемъ; у моихъ родителей значительное состояніе, я самъ уже владѣю довольно большимъ, лично мнѣ принадлежащимъ имуществомъ, мнѣ двадцать семь лѣтъ, я окончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ...

— Но, позвольте, — перебилъ я его: — я не вижу, къ чему собственно вы все это изволите мнѣ говорить?

— Я страстно влюбленъ въ вашу дочь и имѣю честь просить у васъ ея руки! — отвѣтилъ мнѣ юноша.

За дверью мнѣ послышался хохотъ жены, и я самъ едва удерживалъ улыбку...

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ вамъ отвѣтить отказомъ, милостивый государь, — проговорилъ я, вставая.

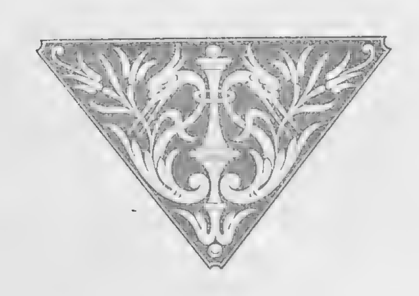
— Но вы можете навести обо мнѣ справки въ англійскомъ посольствѣ, въ Парижѣ, въ Англіи, вездѣ! — отчаянно лепеталъ молодой человѣкъ.

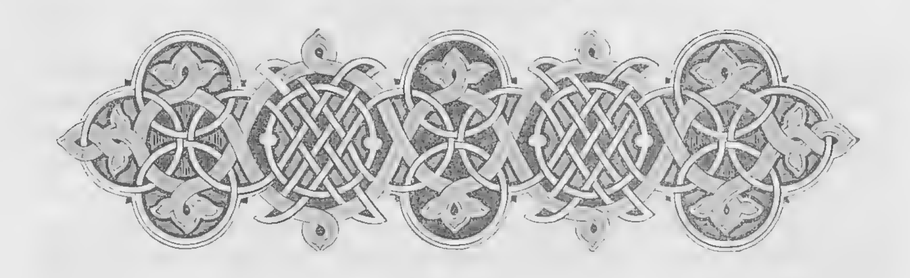
— Не въ томъ дѣло, — все также удерживаясь отъ смѣха, отвѣтилъ я: — но особа, къ которой вы сватаетесь,—моя жена!! Вы видите, что...

Но англичанинъ не далъ мнѣ договорить; какъ ошпаренный, онъ отскочилъ отъ меня и опрометью, даже не простившись со мною, выскочилъ изъ комнаты. По всему вѣроятію, онъ уѣхалъ въ тотъ же день, такъ какъ потомъ мы его уже болѣе не встрѣчали.

Графъ В. Соллогубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

I.

Въ 1843 году, наша кадетская лагерная жизнь подъ Петергофомъ была омрачена печальнымъ событіемъ, случившимся въ Александріи и имѣвшимъ весьма горестныя послѣдствія для нѣкоторыхъ выпускныхъ кадетовъ Московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ. Это событіе, прекрасно характеризующее императора Николая Павловича, я и хочу разсказать здѣсь.

Извѣстно, что императоръ Николай любилъ кадетовъ и относился къ нимъ неизмѣнно, какъ отецъ къ дѣтямъ. Не было дня, чтобы государь, если онъ только былъ въ Петергофѣ, не побывалъ въ нашемъ лагерѣ, хотя на короткое время.

Всегда ласковый разговоръ, шутки, подходящія къ возросту юношей и дѣтей, теплое, мягкое обращеніе государя, вселили въ кадетахъ самую искреннюю привязанность къ незабвенному монарху, котораго мы ожидали въ лагерѣ ежедневно съ нетерпѣніемъ, какъ самаго дорогаго гостя. Расположеніе и снисходительность государя къ кадетамъ выразились, между прочимъ, въ томъ, что намъ было разрѣшено, въ воскресные и праздничные дни, гулять въ Александріи безъ всякаго надзора.

Государь жилъ въ небольшомъ двухэтажномъ дворцѣ, куда допускались только самыя близкія лица. Собственно же дворцовый штатъ въ Александріи былъ весьма ограниченъ: дежурная фрей-

лина, какой-то статскій совѣтникъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, котораго обязанность состояла, кажется, только въ томъ, чтобы сидѣть на дворцовой террасѣ и ничего не дѣлать, пять-шесть камеръ-лакеевъ, лейбъ-кучеръ, нѣсколько рейткнехтовъ, вотъ и все.

Здѣсь будетъ кстати разсказать одинъ эпизодъ, вслѣдствіе котораго нашъ статскій совѣтникъ вышелъ изъ своей обычной апатіи, и напустился на кадетовъ, на сколько была къ этому способна его добрая натура.

Нѣсколько воспитанниковъ разныхъ корпусовъ, подстрекаемые любопытствомъ, вздумали прогуляться по царскимъ покоямъ нижняго этажа дворца, предполагая, не знаю почему, что тамъ никого не было. Какъ ни убѣждалъ ихъ добрѣйшій статскій совѣтникъ не ходить туда, они не обратили никакого вниманія на воркотню старика, вошли въ переднюю и такимъ образомъ, переходя изъ комнаты въ комнату, очутились въ кабинетѣ государя. Не успѣли они еще опомниться отъ испуга, что уже слишкомъ далеко зашли, какъ входитъ государь. Кадеты наши обезумѣли отъ страха; но государь, всегда милостивый и снисходительный къ дѣтскимъ увлеченіямъ, надралъ шутя уши шалунамъ и сказалъ:—«Вы здѣсь лишніе гости». Этимъ отеческимъ выговоромъ и отдѣлались смѣльчаки.

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, въ половинѣ іюля мѣсяца, воспитанники по обыкновенію отправились гулять въ Петергофскій садъ и Александрію. Выпускные кадеты Московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ, въ числѣ 14 человѣкъ, пронесли водку въ такъ называвшуюся гирляндовую бесѣдку императрицы Александры Ѳедоровны.

Послѣ порядочной выпивки, молодежь пришла въ то состояніе, про которое говорится: «пьяному море по колѣно»; говоръ и смѣхъ дѣлались все шумнѣе и шумнѣе.

Въ это время государь съ августѣйшей семьей собирался ѣхать изъ Александріи, кажется, на дачу великой княгини Маріи Николаевны.

Одинъ изъ лейбъ-казаковъ государыни, услышавъ необыкновенный шумъ въ бесѣдкѣ, бѣгомъ направился къ ней и, увидѣвъ тамъ кадетовъ въ слишкомъ веселомъ настроеніи духа и валявшіяся около нихъ на полу бутылки, предупредилъ, что государь изволитъ сейчасъ ѣхать, и началъ убѣждать скорѣе разойдтись и прибрать бутылки; но кадеты не обратили вниманія на слова добраго человѣка, повидимому, желавшаго спасти увлекшуюся молодежь. Тогда казакъ уже настоятельно потребовалъ, чтобы они разошлись, и, вѣроятно, выйдя изъ терпѣнія, быть можетъ, выразился слишкомъ рѣзко. На это одинъ изъ кадетовъ Московскаго корпуса, предназначенный къ выпуску въ гарнизонъ, широкоплечій К., подъ

вліяніемъ полнаго опьяненія, недолго думая, бросилъ въ казака бутылкой, которая разсѣкла ему лобъ, у самаго глаза. Казакъ, получивъ ударъ, началъ кричать; крикъ его былъ услышанъ государемъ, который ускореннымъ шагомъ направился къ мѣсту происшествія, но кадеты, увидѣвъ, что дѣло плохо, еще до прихода государя разбѣжались, кто въ дверь, а кто черезъ гирляндовыя стѣны, причемъ, конечно, испортили бесѣдку.

Два товарища моихъ и я, нисколько не подозрѣвая случившагося сидѣли у взморья и любовались Петербургомъ съ блестящимъ куполомъ Исаакія, Кронштадтомъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, Стрѣльной... какъ вдругъ слышимъ бьютъ тревогу.

Вполнѣ увѣренные, что государь, пріѣхавъ въ лагерь, приказалъ собрать кадетовъ, какъ это нерѣдко случалось, мы пустились бѣжать по направленію къ лагерю, мимо Александрійскаго дворца. Но представьте наше смущеніе, когда у самаго дворца, на площадкѣ, мы почти наткнулись на государя, расхаживавшаго взадъ и впередъ, блѣднаго, съ сверкающими отъ гнѣва глазами. Мы сняли фуражки и вытянулись въ струнку.

— Чего вы стоите! — грозно сказалъ намъ государь: — развѣ не слышите: бьютъ тревогу,—маршъ бѣгомъ!

Мы побѣжали, или, вѣрнѣе, полетѣли, какъ будто какая-то невидимая сила подталкивала насъ. Едва не задохнувшись, прибѣжали мы въ лагерь, и только что стали на свои мѣста, какъ видимъ—скачетъ государь верхомъ, въ сопровожденіи одного только рейткнехта. Подъѣхавъ къ фронту, государь, не поздоровавшись съ кадетами, объѣхалъ шагомъ весь отрядъ, пристально всматриваясь въ каждаго изъ насъ, потомъ, отъѣхавъ, сталъ противъ середины 1-го и 2-го кадетскихъ полковъ и своимъ громкимъ, гармоническимъ голосомъ спросилъ:

— Кто изъ васъ пьянствовалъ въ бесѣдкѣ? — Впередъ!

Видя, что никто изъ виновныхъ не выходитъ, государь изволилъ еще разъ повторить вопросъ, но и на этотъ разъ никто не вышелъ. Тогда государь, обратившись къ начальнику кадетскаго отряда, генералъ-лейтенанту барону Шлипенбаху [1]), какъ-то неопредѣленно сказалъ:

— Если черезъ три дня виновные не отыщутся, я на васъ лямки надѣну. — Затѣмъ онъ повернулъ лошадь и уѣхалъ обратно во дворецъ.

Трудно себѣ представить, что перечувствовалъ каждый изъ насъ по отъѣздѣ государя, не говоря уже о виновникахъ справедливаго гнѣва царя и отрядномъ начальникѣ, который стоялъ на мѣстѣ, словно пораженный громомъ, не имѣя силъ выговорить ни

---

[1]) Директоръ 1-го кадетскаго корпуса, впослѣдствіи инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, окончившій жизнь самоубійствомъ.

одного слова; только нѣсколько слезинокъ, спустившихся на сѣдые усы генерала, свидѣтельствовали, что̀ переживалъ онъ въ эти тяжкія для него минуты.

Насъ продержали въ строю еще съ полчаса; ротные командиры и офицеры, желая открыть виновныхъ, допытывались разными хитрыми уловками, составлявшими тогда какъ бы принадлежность многихъ корпусныхъ офицеровъ, которые, не обладая ни душевными, ни нравственными качествами, не могли внушить воспитанникамъ инаго чувства, кромѣ боязни и отвращенія къ нимъ, и не столько служили, сколько прислуживались начальству, шпіоня и наушничая; но, по какому-то необъяснимому чуду, виновные не были открыты ими, ни по наружному виду, ни по запаху вина.

На другой день нашъ начальникъ отряда, оправившись, на сколько это было возможно, съ небольшимъ образомъ въ рукахъ, кажется, Спасителя, обходилъ кадетскія палатки, убѣждая виновныхъ сознаться и давая передъ образомъ клятву ходатайствовать у милосерднаго монарха о прощеніи.

Угрызеніе ли совѣсти, что при запирательствѣ могутъ пострадать невинные, или боязнь, что рано или поздно откроется, кто совершилъ проступокъ, и тогда виновные навлекутъ на себя еще болѣе тяжкое наказаніе,—всѣ 14 человѣкъ сознались, что они пріобрѣли водку у какого-то продавца, у воротъ, ведущихъ въ Александрію, и пили ее въ бесѣдкѣ; болѣе же этого показанія, кажется, отъ нихъ ничего не добились.

Говорили и, можетъ быть, не безъ основанія, что высочайшій приказъ о производствѣ нашемъ былъ уже подписанъ государемъ и лежалъ въ его кабинетѣ, но что послѣ событія въ Александріи государь уничтожилъ эту бумагу. Затѣмъ распространился слухъ, что выпускъ отложатъ до будущаго года.

Страшное уныніе овладѣло нами, выпускными; одна мысль, что придется еще годъ пробыть въ корпусныхъ стѣнахъ, приводила насъ въ отчаяніе. Наступилъ конецъ іюля, а о производствѣ нѣтъ и помину, такъ что мы должны были покориться своей судьбѣ и перестали уже мечтать объ эполетахъ въ этомъ году.

Наконецъ, на сколько могу припомнить, 3-го или 4-го августа, съ ужасной тоской въ сердцѣ, выступили мы изъ лагеря въ Петербургъ, но должны были, по высочайшей волѣ, присутствовать на парадѣ въ Ропшѣ, по случаю освященія знаменъ полковъ Гренадерскаго корпуса.

Въ Ропшу мы пришли уже ночью, которая, отъ пасмурнаго неба, была темна, какъ говорится, «хоть глазъ выколи». Подходимъ къ дворцовымъ аллеямъ, освѣщеннымъ фонарями, видимъ множество столовъ, около нихъ суетящуюся дворцовую прислугу; наконецъ, видимъ государя, выходящаго изъ аллеи, въ сопровожденіи, кажется, гофмаршала графа Шувалова.

Его величество, не поздоровавшись съ отрядомъ, приказалъ составить ружья и вести кадетовъ въ аллеи; тамъ мы нашли холодный, вкусный ужинъ, состоявшій изъ дичи, чая, масла, булокъ и т. п.

Поужинавъ, кадеты расположились бивуакомъ вокругъ дворца. Едва мы улеглись, какъ пошелъ дождь; нѣженки, которыхъ оказалось немало, вздумали устроить себѣ шалаши; кстати и аллеи подъ рукой, — пошла дружная рубка деревьевъ тесаками.

Государь, услышавъ удары и догадавшись въ чемъ дѣло, вышелъ изъ дворца, страшно разгнѣвался и накричалъ на дежурнаго по отряду штабъ-офицера; но этимъ и окончилось его неудовольствіе.

На другой день, послѣ чая съ разными дворцовыми печеніями, отрядъ нашъ выстроили напротивъ взводовъ полковъ Гренадерскаго корпуса.

Едва успѣли выровнять насъ, какъ государь вышелъ изъ дворца, обошелъ нашъ фронтъ съ праваго фланга, поздоровался съ корпусами, исключая дворянскаго полка и 2-го кадетскаго корпуса; потомъ обошелъ взводы полковъ, и затѣмъ совершилось освященіе знаменъ.

По окончаніи парада мы прямо выступили въ Стрѣльну на ночлегъ, а на другой день на привалѣ у Краснаго Кабачка насъ ожидала радость, которую невозможно передать словами.

Генералъ-адъютантъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, прочелъ намъ высочайшій приказъ о производствѣ нашемъ въ офицеры. Дружное «ура!» восьмисотъ голосовъ было радостнымъ откликомъ счастливой молодежи.

Судьба же виновныхъ свершилась очень скоро: тринадцать человѣкъ отправлены въ армейскіе полки юнкерами и унтеръ-офицерами, а К., какъ болѣе виновный, рядовымъ въ сибирскій линейный баталіонъ.

Быть можетъ, за давностью времени, въ разсказъ мой вкрались нѣкоторыя ошибки, и онъ требуетъ пополненія, а потому желательно, чтобы кто либо изъ бывшихъ воспитанниковъ, современниковъ событія въ Александріи, исправилъ и дополнилъ недостающее.

II.

Въ началѣ сентября 1852 года, разнеслась молва, что императоръ Николай Павловичъ посѣтитъ Полтаву, а вскорѣ послѣ того получено было, къ общей радости, оффиціальное извѣстіе, что государь проѣздомъ въ Елисаветградъ, гдѣ назначенъ былъ высочайшій смотръ, осчастливитъ Полтаву своимъ присутствіемъ 17-го сентября.

Въ это время я былъ ротнымъ офицеромъ въ первой кадетской ротѣ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса, слѣдовательно,

въ старшемъ возростѣ. Рота помѣщалась въ бель-этажѣ, окна котораго съ западной стороны находились противъ генералъ-губернаторскаго дома, назначеннаго для пребыванія государя императора.

Въ день высочайшаго пріѣзда, котораго ожидали къ 10-ти часамъ вечера, я былъ дежурнымъ по ротѣ. Во время ужина воспитанниковъ, мною получено было приказаніе директора корпуса, отнюдь не позволять кадетамъ подходить къ окнамъ послѣ вечерней зори и уложить ихъ спать.

Какъ часто бываетъ, что приказаніе легче отдавать, чѣмъ его исполнить, я испыталъ это въ настоящемъ моемъ положеніи. Ожиданіе пріѣзда обожаемаго монарха, масса публики, запрудившей всю улицу до самаго подъѣзда генералъ-губернаторскаго дома, — все это было достаточнымъ поводомъ для юношей безпрестанно подбѣгать къ окнамъ въ одномъ бѣльѣ. Но новое извѣстіе, что государь прибудетъ въ Полтаву не къ 10-ти, а къ 12-ти часамъ, слѣдовательно, двумя часами позже, помогло мнѣ угомонить своихъ молодцевъ и уложить ихъ спать, а самъ я усѣлся на окнѣ и сквозь дремоту смотрѣлъ на волнующуюся толпу.

Наконецъ, около 12-ти часовъ, раздался отдаленный гулъ со стороны харьковской дороги и, постепенно приближаясь, перешелъ въ ясный крикъ «ура!».

Кадеты мои, точно по сигналу, вскочили съ кроватей, и не успѣлъ я опомниться, какъ у оконъ образовались живыя пирамиды изъ сидящихъ одинъ на другомъ воспитанниковъ въ однѣхъ рубахахъ. Въ виду серьёзной отвѣтственности за безпорядокъ, который государь, вѣроятно, замѣтилъ бы, я, зная привязанность ко мнѣ кадетовъ, высказалъ имъ мои опасенія, и это такъ подѣйствовало на нихъ, что окна моментально опустѣли, да и въ пору: не успѣли еще воспитанники улечься по кроватямъ, какъ экипажъ его величества быстро примчался къ подъѣзду генералъ-губернаторскаго дома, и государь ускореннымъ шагомъ поднялся во внутренніе покои.

Государя сопровождали: великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, графъ А. Ѳ. Орловъ и престарѣлый прусскій фельдмаршалъ баронъ Врангель, какъ говорили, дальній родственникъ нашему директору корпуса, Егору Петровичу барону Врангелю, но, на сколько это вѣрно, не ручаюсь.

На другой день, въ 10 часовъ утра, на заднемъ плацу, такъ называемомъ, Кадетскомъ, государь смотрѣлъ кадетскій баталіонъ, при стеченіи многочисленной публики; казалось, сюда собралось все, что въ состояніи было двигаться, чтобы насмотрѣться на истинно чарующее величіе незабвеннаго царя.

Оставшись вполнѣ доволенъ фронтовымъ образованіемъ кадетовъ, ихъ бодрымъ и веселымъ видомъ, государь благодарилъ директора корпуса, баталіоннаго командира и всѣхъ офицеровъ, причемъ

первыхъ двухъ удостоилъ пожатіемъ руки и приглашеніемъ къ высочайшему обѣденному столу въ сюртукахъ. Потомъ, подойдя ближе къ баталіону, государь поблагодарилъ кадетовъ словами: «Спасибо, дѣти, вы меня порадовали».

По окончаніи смотра, его величество во главѣ баталіона, передъ знаменнымъ взводомъ, парадировалъ до зданія корпуса.

Разставшись съ кадетами, которыхъ развели по ротамъ, государь посѣтилъ корпусный лазаретъ. Здѣсь съ отеческою заботливостью разспрашивалъ малѣйшія подробности о ходѣ болѣзни трудно больныхъ воспитанниковъ, прочитывалъ латинскія надписи на дощечкахъ и съ глубокимъ участіемъ, въ милостивыхъ словахъ утѣшалъ страждущихъ, ободряя ихъ надеждой скораго выздоровленія. Казалось, одинъ ясный, участливый взглядъ государя сообщалъ бодрость и надежду упавшимъ духо̂мъ.

Изъ лазарета государь прошелъ въ корпусную аптеку, смежную съ лазаретомъ, и, осмотрѣвъ ее, спросилъ, вполнѣ ли она соотвѣтствуетъ своему назначенію. Изъ аптеки поднялся въ помѣщеніе кадетскихъ ротъ. Воспитанники, выстроенные по кроватямъ въ спальняхъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидали опять увидѣть любимаго царя и самые слабые изъ нихъ по фронту и тѣлосложенію, воодушевленные присутствіемъ государя, выглядѣли молодцами.

Первою ближайшею отъ лазарета была неранжированная рота—меньшій возростъ; поэтому государь изволилъ посѣтить ее прежде другихъ ротъ.

При видѣ ли малолѣтнихъ дѣтей, недавно поступившихъ въ заведеніе, или вслѣдствіе всегдашняго милостиваго попеченія о дѣтяхъ бѣдныхъ дворянъ, не имѣющихъ средствъ дать воспитаніе сыновьямъ своимъ, государь неожиданно обратился къ директору корпуса съ словами:

— Врангель! мнѣ желательно открыть здѣсь пятую роту, помѣщеніе есть—генералъ-губернаторскій домъ; только надо подумать, какъ это лучше устроить.

Затѣмъ, посѣтивъ остальныя роты, государь оставилъ корпусъ.

Въ день отъѣзда государя, 19-го сентября, его величеству угодно было къ пяти часамъ по полудни собрать кадетовъ въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Дорожный экипажъ уже стоялъ у подъѣзда. Замѣчу, что зала, для провинціальнаго зданія довольно обширная, не могла вмѣстить въ себѣ сколько нибудь свободно цѣлый баталіонъ кадетовъ съ офицерами и прочими лицами, присутствовавшими при отъѣздѣ государя.

Едва построили кадетовъ тѣсными рядами, какъ его величество въ сопровожденіи великихъ князей и графа Орлова вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ въ залу въ сюртукѣ безъ эполетъ и, окинувъ присутствующихъ величественнымъ взглядомъ, привѣтствовалъ ка-

детовъ. Затѣмъ, пробираясь съ трудомъ между сплоченной массой воспитанниковъ, государь ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, обращаясь къ директору корпуса съ словами:

— Я осмотрѣлъ зданіе. Здѣсь, въ бель-этажѣ, можно свободно помѣстить пятую роту, а тамъ, наверху, устроить квартиры ротному командиру и офицерамъ, сдѣлавъ надлежащія приспособленія. Я надѣюсь, что ты, получивъ объ открытіи роты распоряженіе, устроишь все какъ слѣдуетъ, кажется, все... Когда фельдмаршалъ поправится (по пріѣздѣ въ Полтаву заболѣвшій), пріѣзжай съ нимъ вмѣстѣ въ Елисаветградъ.

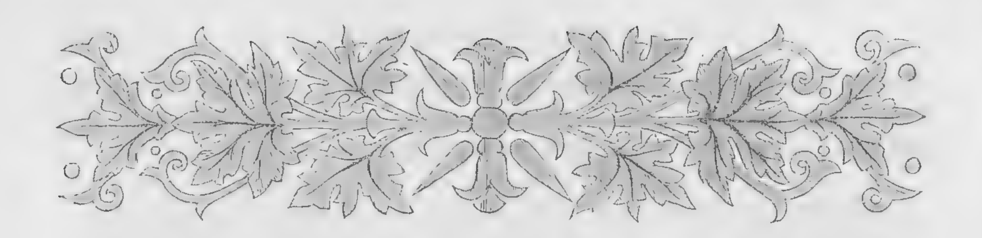
Затѣмъ государь сказалъ:

— Пора! Прощайте, господа, прощайте, дѣти! Дай Богъ свидѣться опять... но не знаю,—и, сдѣлавъ общій поклонъ, спустился къ подъѣзду, сѣлъ въ экипажъ и, съ словами «съ Богомъ», быстро умчался.

Послѣднія прощальныя слова государя навели на всѣхъ безотчетную грусть, хотя, вѣроятно, ни одному изъ присутствовавшихъ не пришло на мысль, что государь, полный жизни и необыкновенно крѣпкаго сложенія, такъ скоро перейдетъ въ вѣчность и что многіе изъ насъ имѣли счастіе въ послѣдній разъ видѣть незабвеннаго монарха.

К. Заиковскій.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Исторія русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ привлекала вниманіе многихъ изслѣдователей; мы имѣемъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ по этому предмету, постоянно открываются и обнародываются новые матеріалы, и разработка ихъ выясняетъ много новыхъ сторонъ просвѣтительнаго движенія, составляющаго главную сущность русской исторіи XVIII вѣка. Но есть еще немало пробѣловъ, и къ числу ихъ надо отнести исторію перваго русскаго университета, существовавшаго въ Петербургѣ при академіи наукъ съ 1725 года почти до конца прошлаго столѣтія. Наши свѣдѣнія о немъ до сихъ поръ были весьма неполны и отрывочны, вслѣдствіе чего важный вкладъ въ науку составляетъ появившееся въ концѣ прошлаго года, сперва въ видѣ приложенія къ тому LI-му «Записокъ императорской академіи наукъ», а затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, новое изслѣдованіе графа Д. А. Толстаго: «Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи». Авторъ, пользуясь рукописными документами архива академіи наукъ, представилъ полный и обстоятельный обзоръ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ этому университету и указалъ, какимъ образомъ онѣ примѣнялись; но онъ, къ сожалѣнію, мало коснулся внутренней жизни университета и быта студентовъ; поэтому, при составленіи настоящаго очерка, мы считали необходимымъ пополнить данныя, сообщаемыя гр. Толстымъ, свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ и пособій: изъ недавно изданныхъ «Матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ», изъ капитальныхъ тру-

довъ академиковъ Пекарскаго: «Исторія академіи наукъ», и Сухомлинова: «Исторія россійской академіи», и изъ «Матеріаловъ для біографіи Ломоносова», собранныхъ академикомъ Билярскимъ.

11-го января 1721 года, извѣстный нѣмецкій философъ, Христіанъ Вольфъ, писалъ лейбъ-медику Петра Великаго, Лаврентію Блюментросту: «Его императорское величество имѣетъ намѣреніе учредить академію наукъ и при ней другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ...». Спустя три года послѣ этого письма, 24-го января 1724 года, Блюментростъ представилъ Петру довольно полный и обстоятельный планъ устройства въ Россіи высшаго ученаго учрежденія—академіи наукъ и при ней университета и гимназіи. «Къ расположенію наукъ и художествъ,—говорится въ этомъ проектѣ,—употребляется обычайно два образа зданія: первый образъ называется университетъ, второй — академія, и социететъ художествъ и наукъ. Университетъ есть собраніе ученыхъ людей, которые наукамъ высокимъ, яко: ѳеологіи и юриспруденціи, медицины и философіи, сирѣчь до какого состоянія оныя нынѣ дошли, младыхъ людей обучаютъ. Академія же есть собраніе ученыхъ и искусныхъ людей, которые не токмо сіи науки въ своемъ родѣ, въ томъ градусѣ, въ которомъ оныя нынѣ обрѣтаются, знаютъ, но и чрезъ новые инвенты оныя совершить и умножить тщатся, а объ ученіи протчихъ никакого попеченія не имѣютъ». Блюментростъ указываетъ, что университетъ и академія во всѣхъ государствахъ представляютъ собою совершенно независимыя другъ отъ друга учрежденія, и это возможно тамъ, потому что много ученыхъ людей, но въ Россіи наука только что начинаетъ зарождаться, и поэтому здѣсь нужны другія средства для ея развитія и распространенія. Заведеніе одной академіи можетъ принести пользу прогрессу самой науки, но для распространенія знаній въ народѣ не имѣетъ никакого значенія; устроивать университетъ, въ которомъ преподаются высшія науки, тоже не стоитъ, потому что нѣтъ низшей школы, къ нему подготовляющей. Для Россіи нужно совершенно особенное учрежденіе, должно быть «заведено собраніе самолутчихъ ученыхъ людей», которые могли бы:

«1) Науки производить и совершить, однакожде тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ:

«2) Младыхъ людей (ежели которые изъ оныхъ угодны будутъ) публично обучали, и чтобъ они

«3) Нѣкоторыхъ людей при себѣ обучили, которые бъ младыхъ людей первымъ рудиментамъ (основательствамъ) всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Такимъ образомъ, русская академія должна совмѣщать въ себѣ и академію, и университетъ, и гимназію. Университетъ будетъ состоять изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго; на послѣднемъ читаются науки математическія и гуманныя, т. е. элоквенція, древности и исторія. Члены академіи и профессора университета, конечно, должны быть набраны за границей. На содержаніе вновь учреждаемой академіи Петръ приказалъ ассигновать 24,912 руб. изъ доходовъ съ городовъ Нарвы: Дерпта, Пернова и Аренсбурга.

При Петрѣ проекты не залеживались безъ движенія, всякое дѣло скоро дѣлалось, тѣмъ менѣе можно было ожидать медленности въ такомъ предпріятіи, какъ учрежденіе академіи, которая являлась завершеніемъ просвѣтительной дѣятельности императора. Тотчасъ же начаты были переговоры съ разными иностранными учеными, которыхъ приглашали въ новую академію. Переговоры сильно затянулись, ученые нѣмцы боялись ѣхать въ Россію, измышляя всякія затрудненія; ведшій съ ними переговоры графъ Головкинъ писалъ: «Иногда о томъ, иногда о другомъ оспорятъ, одному мѣшаетъ дальняя ѣзда, одному—студеный климатъ, другому—фамилія (т. е. семейство)», такъ что ему постоянно приходилось требовать новыхъ инструкцій. Нѣмцы отчаянно торговались изъ-за жалованія; согласившись на извѣстное вознагражденіе, вдругъ находили его недостаточнымъ, просили прибавокъ, предъявляли иногда совершенно невозможныя требованія, какъ, напримѣръ, Христіанъ Вольфъ, пожелавшій получить, кромѣ жалованья, еще 20,000 руб. впередъ (послѣ такой «рѣдковидной претензіи» было рѣшено «ничего главнаго ему не сообщать»). Все это сердило русскихъ уполномоченныхъ: графа Головкина и князя Куракина, которымъ было поручено это дѣло, огорчало самого Петра. Однако, все же переговоры мало-по-малу двигались, съ нѣкоторыми учеными уже были заключены контракты, и они готовились пріѣхать въ Петербургъ, но Петру не суждено было довершить свое начинаніе: 28-го января 1725 года онъ скончался.

Въ іюнѣ пріѣхалъ первый изъ приглашенныхъ академиковъ Мартини; это былъ весьма незамѣчательный ученый, какъ это, напримѣръ, можно заключить по первому его сообщенію, что онъ нашелъ «perpetuum mobile». Къ ноябрю съѣхались остальные академики, и 24-го ноября 1725 года состоялось первое публичное засѣданіе, въ которомъ профессоръ Бильфингеръ произнесъ похвальное слово основателю академіи, Петру I, и ея покровительницѣ Екатеринѣ I и затѣмъ прочелъ докладъ о магнетизмѣ. 14-го января 1726 года, было напечатано объявленіе о порядкѣ академическихъ занятій, о составѣ академіи. Президентомъ назначенъ былъ Блюментростъ, изъ членовъ наиболѣе выдающихся были: математики Германъ, Даніилъ Бернулли, Николай Бернули, историкъ Байеръ,

ботаникъ Буксбаумъ, астрономъ Делиль. По указаніямъ академиковъ, были вызваны нѣкоторые извѣстные имъ студенты, и сдѣланы ихъ адъюнктами, изъ нихъ наиболѣе прославились впослѣдствіи: естествоиспытатель Гмелинъ и математикъ Леонардъ Эйлеръ.

Согласно проекту Блюментроста, всѣ эти академики должны были быть профессорами новаго университета. Но университета не было, потому что не было студентовъ; первое время профессора сами ходили другъ къ другу на лекціи, выписано было нѣсколько студентовъ изъ-за границы, но учащихъ было болѣе, чѣмъ учащихся: при 17 профессорахъ было 8 студентовъ. Первымъ русскимъ студентомъ былъ Филиппъ Анохинъ; графъ Д. А. Толстой полагаетъ, что Анохинъ вовсе не былъ подготовленъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, но это не совсѣмъ вѣрно: Анохинъ учился въ славяно-латинской академіи, а затѣмъ ѣздилъ въ Германію, гдѣ также «обучался свободнымъ наукамъ».

По недостатку слушателей лекціи были обращены въ публичныя. «Когда сдѣлалось явнымъ,—говоритъ Миллеръ:—что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8-го и 14-го марта 1727 года было объявлено въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювернуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи, съ экспериментами. Эти эксперименты Бильфингера, для коихъ выписаны были инструменты, еще кое-какъ шли въ началѣ, но нѣсколько недѣль спустя прошла къ нимъ охота публики. Что же касается до анатомическихъ демонстрацій, то любителей ихъ нашлось весьма немного». Въ академію некому было поступать, потому что подготовительной школы не было. Оттого иногда посылали въ академію учиться всему, даже такимъ наукамъ, которыя вовсе не читались въ академическомъ университетѣ; такъ военная коллегія прислала одного недоросля, чтобы обучить его фортификаціи; недолго думая, его отдали на выучку академическому архитектору, вѣроятно, потому, что этотъ преподавалъ въ академической гимназіи математику.

Въ 1731 году, въ университетѣ не было ни одного слушателя. Это обстоятельство побудило сенатъ запросить академію, сколько нужно студентовъ, чтобы профессора могли читать лекціи? Совѣтникъ Шумахеръ отвѣчалъ, что необходимо 75 человѣкъ. Вмѣсто этого сенатъ, въ декабрѣ 1732 года, прислалъ 12 человѣкъ изъ славяно-латинской академіи, но не для университета, а для подготовленія въ камчатскую экспедицію; въ ихъ числѣ былъ извѣстный путешественникъ, будущій академикъ Крашенинниковъ. Въ 1736 году, изъ Заиконоспасской академіи было прислано 10 человѣкъ, изъ нихъ двое, Ломоносовъ и Виноградовъ, отправлены за границу. Въ 1738 году, найдено было, что нѣкоторые ученики гимназіи въ состояніи слушать профессорскія лекціи, поэтому сдѣлано было распоряженіе о возобновленіи курсовъ въ университетѣ. Въ 1740

году, сенатъ прислалъ 8 учениковъ изъ Заиконоспасской академіи. Въ 1742 году, всѣхъ студентовъ было 12.

Но и съ этими немногими слушателями профессора не занимались какъ слѣдуетъ. Въ октябрѣ 1744 года, студенты Протасовъ и Котельниковъ представили въ академію такой рапортъ: «Въ исполненіе послѣдовавшаго 18-го октября приказанія канцеляріи академіи наукъ, отправились мы къ профессору Вейтбрехту и заявили ему, что мы присланы къ нему канцеляріею, для слушанія лекцій по анатоміи; на что онъ намъ отвѣчалъ, что онъ профессоръ не анатоміи и медицины, поэтому не обязанъ преподавать эту науку; если же академія наукъ пожелаетъ заключить съ нимъ на этотъ предметъ новый контрактъ, то онъ согласенъ преподавать анатомію и въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ поэтому соответствующее представленіе академіи». Случай съ Вейтбрехтомъ былъ не единичный, профессора вообще уклонялись отъ чтенія лекцій, которое отнимало у нихъ время отъ чисто академическихъ занятій и представлялось крайне стѣснительнымъ. Такимъ образомъ въ университетѣ не оказывалось ни профессоровъ, ни студентовъ.

Поправить дѣло долженъ былъ академическій регламентъ 1747 года. Академики были раздѣлены на двѣ категоріи: освобожденныхъ отъ преподаванія и профессоровъ. Для пополненія университета студентами учреждены казеннокоштныя вакансіи. «Надлежитъ,—сказано въ 37 статьѣ регламента,—выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при академіи, давъ имъ жалованье и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ; а чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ, и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ академію художествъ». Предполагалось посылать на университетскія лекціи воспитанниковъ кадетскаго корпуса, «дабы профессора никогда не были праздны и тѣмъ не отговаривались, что у нихъ нѣтъ учениковъ». Доступъ въ университетъ былъ открытъ для лицъ всѣхъ сословій, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Даны нѣкоторыя служебныя преимущества лицамъ, оканчивающимъ университетъ.

На основаніи приведенной выше 37 статьи регламента для выбора студентовъ были посланы въ Александро-Невскую семинарію профессора Фишеръ и Броунъ и адъюнктъ Тепловъ, а въ славяно-греко-латинскую академію и въ новгородскую семинарію профессоръ Третьяковскій. Духовенство вообще неособенно охотно давало учениковъ академіи, семинаристы были нужны ему самому, и на этотъ разъ петербургскій архіепископъ Ѳеодосій отпустилъ изъ Александро-Невской семинаріи только 4-хъ человѣкъ, между ко-

торыми былъ извѣстный впослѣдствіи академикъ Румовскій; такимъ образомъ, вмѣсто 30, какъ предполагалось по регламенту, набрано было только 24 студента. Кромѣ того, по рекомендаціи Ломоносова, былъ принятъ Иванъ Барковъ (впослѣдствіи довольно извѣстный эротическій поэтъ) «за острое понятіе и порядочное знаніе латинскаго языка».

Ректоромъ университета былъ назначенъ исторіографъ Миллеръ, а инспекторомъ Фишеръ. 18-го апрѣля 1748 года, предположено было начать чтеніе лекцій, но это не состоялось, «какъ для худаго проходу черезъ рѣку, такъ и за невзятіемъ остальныхъ изъ Невской семинаріи студентовъ». Въ маѣ, приказано было профессору Третьяковскому начать лекціи «о штилѣ и чистотѣ латинскаго языка», и Крузіусу толковать классическихъ авторовъ и читать исторію литературы, но очень скоро лекціи Третьяковскаго были прекращены, чтобы дать возможность студентамъ заниматься новыми иностранными языками, а Крузіусъ отставленъ «за весьма худые и предосудительные къ академіи поступки».

Академическимъ регламентомъ было предоставлено президенту академіи дать уставъ для университета. Тогдашній президентъ графъ К. Г. Разумовскій поручилъ составленіе устава Миллеру, но оказалось невозможнымъ составлять уставъ для почти несуществующаго университета, и въ 1750 году была сочинена временная инструкція, или «учрежденіе объ университетѣ». Это собственно дисциплинарныя правила для профессоровъ и студентовъ. О профессорахъ сказано въ статьѣ 25-й: «Понеже съ удивленіемъ извѣщаюсь, что нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои безъ важныхъ причинъ либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ положить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ вычитать дневное жалованье по окладу». О взысканіяхъ со студентовъ говорится въ 6-й статьѣ; весьма интересны поступки, предусмотрѣнные этой статьей, а также характерны и наказанія: «Имѣть ректору университета смотрѣніе за ученіемъ и поступками казенныхъ студентовъ, и смотрѣть, чтобы они добропорядочно жили, также и въ наукахъ по-надлежащему упражнялись бы. Ежели кто изъ нихъ въ чемъ провинится, то, по разсмотрѣніи дѣла, приказать ему штрафовать, а въ штрафованіи поступать такъ: 1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ, или какое либо непочтеніе, о такихъ ему немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ ними поступить по указу, а до резолюціи отдать подъ караулъ. 2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора на двѣ недѣли въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, а за адъюнкта на недѣлю. 3) Ежели профессоровъ и учителей, то за профессора на недѣлю въ карцеръ, а за учителей на три дни. 4) Ежели обидятъ товарищей, или другаго кого сло-

вомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать. 5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой—на двѣ, за третій въ канцелярію репортовать. 6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго, или его адъюнкта, съ двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ, за другой вдвое, за третій репортовать. 7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за второй вдвое, за третій репортовать. 8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на недѣлю, за второй на двѣ, за третій на три, и такъ далѣе. 9) Ежели заданнаго уроку не выучитъ, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на день, за другой—на два, за третій—на три и такъ далѣе. 10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать. 11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣланныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ, и смотрѣть, чтобы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ такожде лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали». Въ ордерѣ ректору гимназіи сказано: «Никакихъ бы между студентами ссоръ, несогласій, также рѣзвости, крику и шуму не происходило. Вина горячаго и прочаго подобнаго въ квартирѣ не держать, и табаку не курить. Въ карты и другія игры на деньги отнюдь никогда бъ играть не дерзали. Постороннихъ пришлыхъ мужеска полу ни на одну ночь, а женска полу ни на одну минуту пущать крайне запрещается, а въ противномъ случаѣ таковыхъ брать черезъ солдатъ и объявлять въ канцелярію. Посылать кустосовъ (т. е. сторожей) осматривать, нѣтъ ли у студентовъ постороннихъ людей, не происходитъ ли пьянства или какой зерни, дракъ, ссоръ и шуму» и т. д.

Круты были эти наказанія; они могутъ даже показаться странными, но они подходили къ нравамъ тогдашнихъ студентовъ: «по Сенькѣ и шапка». Въ университетѣ были люди, совсѣмъ не имѣвшіе никакого отношенія къ наукѣ, откровенно признававшіеся въ своей неспособности; такъ, напримѣръ, одинъ великовозрастный студентъ писалъ ректору: «Много времени почти безъ всякой пользы препроводилъ, понеже натуральной остроты къ наукамъ не имѣю; совершенно знаю, что никакой пользы въ наукахъ академіи принесть не могу, хотя десять лѣтъ въ студентахъ проживу, только время безполезно потеряю». Въ домѣ общежитія студенты вели себя очень буйно, такъ что инспекторъ Фишеръ доносилъ, что «ихъ безъ великаго принужденія усмирить невозможно», и просилъ прислать въ свое распоряженіе шесть или восемь человѣкъ солдатъ. Особенно развито было пьянство, отъ котораго гибли иногда весьма даровитые люди; напримѣръ, Софроновъ все время пребыванія въ университетѣ считался очень талантливымъ студентомъ, по окончаніи курса, тотчасъ же былъ сдѣланъ адъюнктомъ, но за «пребезмѣрное пьянство» исключенъ изъ адъюнктовъ. Случались иногда

такіе факты, что взысканія, установленныя въ инструкціи, оказывались недостаточными, и начальство университетское изобрѣтало наказанія чрезвычайныя. Въ протоколѣ 23-го марта 1751 года внесено слѣдующее: «Его высокографское сіятельство академіи наукъ президентъ, слушавъ поданнаго въ канцелярію академіи наукъ отъ профессора и университета ректора г-на Крашенинникова репорта, которымъ представлено: сего мѣсяца 10-го числа, видѣлъ онъ нѣкоторыхъ студентовъ во время службы Божіей, шатающихся по улицамъ, которые изъ университета въ церковь отпущены были, за что приказалъ онъ посадить ихъ въ карцеръ, и изъ того числа Иванъ Барковъ ушелъ изъ университета безъ позволенія, пришелъ къ нему, Крашенинникову, въ домъ, съ крайнею наглостію и невѣжествомъ, учинилъ ему прегрубые и предосадные выговоры съ угрозами, будто онъ его напрасно штрафуетъ, а, наконецъ, сказавъ, что онъ радъ сидѣть въ карцерѣ, токмо онъ писать на него будетъ, и, хлопнувъ дверью такъ, что она отворилась настежъ, ушелъ; и, тою наглостію не удовлетворившись, бѣгалъ онъ по нѣкоторымъ изъ г-дъ профессоровъ и клеветалъ на него, г-на профессора, и на своихъ товарищей. И ежели сей поступокъ отпущенъ ему будетъ безъ штрафа, то другимъ подастся поводъ къ бо̀льшимъ наглостямъ, а карцеръ и сѣрый кафтанъ, чѣмъ они штрафуются, нимало ихъ отъ того не удерживаетъ. И въ разсужденіи онаго представленія, что оные студенты отъ такого штрафа сажаніемъ въ карцеръ и надѣваніемъ сѣраго кафтана нимало отъ худыхъ поступокъ воздерживаются, (президентъ) изволилъ приказать: показаннаго студента Баркова за такую учиненную имъ продерзость, въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ студентовъ, высѣчь розгами; да и впредь, ежели кто изъ оныхъ студентовъ явится въ такихъ же худыхъ поступкахъ, оныхъ по тому жъ наказывать розгами, кто бы какого возраста ни былъ. О наказаніи же помянутаго студента Баркова къ вышеписанному г-ну профессору Крашенинникову послать ордеръ, въ которомъ написать, чтобъ онъ впредь о являющихся въ продерзостяхъ, достойныхъ таковому наказанію, студентахъ, представлялъ канцеляріи, отколѣ о учиненіи того наказанія посылать ордеры, а безъ вѣдома канцеляріи никого тѣмъ штрафомъ не наказывать». Въ протоколѣ 23-го сентября 1752 года, говорится слѣдующее: «Профессоръ г. Крашенинниковъ репортомъ представилъ: сего де сентября 16-го числа, объявлено ему отъ адъюнкта г. Модераха, что съ 14-го на 15-е число, въ ночи, происходила драка между студентами Полидорскимъ и Охтенскимъ, которые, какъ думать можно, были пьяны; однако, начинатель ссоры былъ Полидорскій, для того, что Охтенскаго уже соннаго по щекѣ ударилъ; а понеже ему, профессору, о такихъ случаяхъ велѣно доносить канцеляріи письменно, а при томъ онъ проситъ, чтобъ Полидорскаго изъ университета вывесть для того, что онъ ни на какія лекціи

не ходитъ, токмо худымъ житіемъ своимъ другихъ портитъ. А которые студенты часто въ пьянствѣ и въ другихъ порокахъ приличатся, то, по его мнѣнію, чувствительнѣе будетъ наказаніе, ежели у нихъ мундиры и епанчи отбираны будутъ до исправленія. А чѣмъ будутъ они въ платьѣ недостаточнѣе, тѣмъ уповательно скорѣе исправятся, ибо примѣчено имъ, что карцеръ не доволенъ къ ихъ исправленію. И ежели оное канцелярія апробуетъ, то бъ дать ему о томъ указъ, или ордеръ. И по тому онаго профессора репорту канцелярія академіи наукъ опредѣлила: студента Полидорскаго, который находится въ географическомъ департаментѣ, изъ университета вывесть, и впредь его туда ни подъ какимъ видомъ не допущать, а что онъ въ такихъ худыхъ проступкахъ явился, за то у него убавить жалованья. Что жъ касается до поступокъ съ прочими студентами, оныхъ профессору Крашенинникову, по разсмотрѣнію ихъ винъ, въ силу опредѣленія президента, наказывать розгами, карцеромъ, такожъ, какъ онъ представилъ, отбирать у нихъ мундиры и епанчи». Впослѣдствіи было выдумано еще новое наказаніе: студентовъ переводили въ гимназію, чѣмъ уменьшалось ихъ жалованье, но они обязаны были слушать лекціи университетскія. Но суровыя мѣры не всегда поощрялись, высказывались и болѣе мягкіе взгляды; такъ президентъ графъ К. Г. Разумовскій писалъ Шумахеру: «О студентахъ и ихъ наукахъ какъ возможно прилагать извольте тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и искусные переводчики, или учители первыхъ классовъ латинскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодыя лѣта, не вовсе надлежитъ отчаяваться, а стараться сколько возможно о ихъ исправленіи, когда уже немалый коштъ и время на нихъ потеряно».

Тѣмъ взглядомъ, что студенты представляютъ собой «наилучшій плодъ трудовъ академическихъ», объясняется немало хорошихъ сторонъ, присущихъ тогдашней университетской жизни. Начальство постоянно заботилось о томъ, чтобы положеніе студента въ обществѣ сдѣлать почетнымъ, и одной изъ мѣръ къ возвышенію значенія студентовъ было установленіе для нихъ мундира; форменная ихъ одежда состояла изъ зеленаго кафтана, шпаги, гамбургской шляпы, и, кромѣ того, давался имъ «кошелекъ на волосы»- необходимая принадлежность туалета тогдашнихъ щеголей. Обидананесенная студенту, считалась обидой всей профессорской корпораціи. Тотъ же самый профессоръ Крашенинниковъ, который требовалъ для студентовъ суровыхъ наказаній, представилъ въ канцелярію академическую, когда было нанесено оскорбленіе нѣкото, рымъ студентамъ, слѣдующій рапортъ: «Февраля 4-го дня, въ ночное время, приходилъ лѣкарь Елачичъ въ студентскіе покои, и ру-

галъ ихъ всякою непотребною бранью, называя, между прочимъ, каналіями, бестіями и попами за то, что они, играя на скрипицѣ, пьянымъ шумомъ его безпокоятъ, а по осмотру Барсова, который сеніоромъ (старшимъ) въ университетѣ, тамъ пьяныхъ не было, а былъ въ томъ покоѣ рисовальный ученикъ Рыковъ, который обучаетъ ихъ на скрипицѣ, у котораго оный лѣкарь, выхватя скрипицу, разбилъ о его голову на мелкія части, а оная скрипица была его, Барсова, и дана двѣнадцать рублей. Такія наглыя поступки г. лѣкаря не столько обиженнымъ студентамъ, сколько намъ, коимъ они поручены въ смотрѣніе, чувствительны и огорчительны. Самому бы его ученику или цирульнику несносно было, если бы онъ, г. лѣкарь, отважился безпокоить его въ его квартирѣ во время неуказное, а съ такими людьми, каковы студенты, по крайней мѣрѣ, для одного сего честнаго имени, поступать такимъ образомъ предосудительно. Не было бы бѣднѣе студентскаго состоянія, если бы всякому, каковъ г. лѣкарь, вольно было поступать съ ними объявленнымъ образомъ. Чего ради канцелярію покорнѣйше прошу о удовольствіи за учиненную намъ обиду и о возвращеніи двѣнадцати рублевъ за разбитую имъ скрипицу студента Барсова, также и о запрещеніи и о удержаніи его, г. Елачича, впредь отъ такихъ недозволенныхъ поступокъ, особливо же, что оныя могутъ быть причиною худыхъ слѣдствій и безвинному нашему нареканію въ слабости команды и несмотрѣніи».

Къ занятіямъ студенты поощрялись разными отличіями и наградами: лучшіе изъ студентовъ получали разрѣшеніе присутствовать на профессорскихъ собраніяхъ, «сидѣть за стульями и разговорами профессоровъ пользоваться»; обнаружившіе на экзаменахъ успѣхи въ наукахъ награждались книгами, на которыхъ дѣлались нравоучительныя надписи, что президентъ «надѣется, желаетъ и повелѣваетъ», чтобы награждаемый продолжалъ хорошо учиться. За награды принято было благодарить письменно, сохранилась даже благодарность въ стихахъ:

«Когда бы мой былъ духъ съ желаніемъ согласный,
То бъ скоро весь Парнасъ подвигнулъ я прекрасный,
Чтобъ пѣніемъ твоихъ украсить тѣмъ похвалъ,
Не годенъ къ коимъ умъ и силъ достатокъ малъ...
Твоими музы здѣсь щедротами цвѣтутъ,
Твоею ободренъ ихъ ревностію трудъ,
Довольство оныхъ ты всегда усугубляешь
И къ счастью дверь своимъ раченьемъ отверзаешь,
Невѣжество теперь блѣднѣетъ предъ тобой,
Отвсюду сладостный приходитъ намъ покой,
Тебя прославятъ всѣ и будущіе роды,
Что милость равно льешь, какъ море воды».

Академическое начальство думало не только объ умственномъ и нравственномъ развитіи студентовъ, оно хотѣло сообщить имъ даже извѣстный свѣтскій лоскъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ его взглядъ на танцы: въ росписаніи ученыхъ занятій танцы упоминаются, какъ предметъ обязательный для всѣхъ воспитанниковъ. Въ свидѣтельствѣ объ успѣхахъ студента Румовскаго отмѣчено, какъ важное обстоятельство: «танцуетъ всѣхъ лучше, въ поступкахъ хорошъ». Ломоносовъ находилъ нужнымъ одного изъ лучшихъ своихъ слушателей Поповскаго помѣстить такимъ образомъ, чтобы онъ, «съ хорошими людьми обращаясь, привыкъ къ пристойному обращенію, ибо между студентами, которые пристойнаго воспитанія не имѣли, и для своей давней фамиліарности не безъ грубостей поступаютъ, учтивыхъ поступковъ научиться нельзя». Академикъ Фишеръ весьма пространно доказывалъ, что необходимо нанять танцмейстера, «который училъ бы комплиментамъ и показывалъ своимъ ученикамъ, какъ весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться».

Весьма важною и хорошею стороной тогдашей университетской жизни была свобода въ отношеніяхъ между профессорами и студентами: студенты прямо высказывали начальству свои общія желанія, не стѣсняясь, заявляли о тягости для нихъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ профессорами; начальство, въ свою очередь, задумывая какое нибудь измѣненіе въ студенческомъ быту, спрашивало мнѣнія самихъ студентовъ о своемъ предположеніи. Такъ, напримѣръ, въ 1748 году, явилось предположеніе принять студентовъ на полное казенное содержаніе; спросили студентовъ, согласны ли они на это, и они представили слѣдующій весьма интересный по своей откровенности отзывъ: «Милостивое сіе и благоусмотрительное о насъ канцелеріи попеченіе не столько академіи и намъ будетъ въ пользу, сколько тѣмъ, которые трактиръ оный (т. е. общежительную столовую) намъ представлять и содержать будутъ, понеже не столько намъ иногда приготовлено, сколько въ расходъ написано и канцеляріи представлено будетъ, откуда какъ академіи мало пользы воспослѣдовать должно, такъ и намъ иногда безъ обиды и безъ помѣшательства въ наукахъ нашихъ обойтиться не можетъ. Итакъ, предложивъ сіи по мнѣнію нашему резоны, всепокорнѣйше просимъ, дабы канцелярія сего не полагала за препятствіе, что якобы должно намъ будетъ въ такомъ случаѣ самимъ на рынокъ, для покупокъ, которыя къ пропитанію надлежатъ безвременно бродить, что весьма нечестно и званію нашему неприлично, а потомъ и для лекцій не способно. Того ради мы, какъ и по сіе время чинить не дерзали, такъ и чтобъ впредь сего не чинить, подпискою себя обязать одолжаемся, но для исправленія такихъ нуждъ источники, намъ отъ канцеляріи опредѣленые, будутъ послушны, какъ и до сихъ поръ безъ всякихъ оговорокъ справляли». Такова была въ

общихъ чертахъ жизнь студентовъ академическаго университета.

Обратимся къ исторіи университета. Послѣ Миллера съ 1750 по 1755 годъ ректоромъ былъ Крашенинниковъ, затѣмъ три года управлялъ университетомъ адъюнктъ Модерахъ и въ 1758 году былъ назначенъ ректоромъ Ломоносовъ. Ему поручилъ президентъ составить уставъ для университета; представленный Ломоносовымъ проектъ былъ отданъ на разсмотрѣніе профессорамъ Миллеру, Фишеру, Броуну и Модераху, но, не ожидая утвержденія устава, Ломоносовъ, съ разрѣшенія президента, сталъ его вводить. До насъ этотъ регламентъ, къ сожалѣнію, не дошелъ, и мы можемъ о немъ судить лишь по нѣкоторымъ замѣчаніямъ Фишера, возражавшаго противъ допущенія въ число студентовъ лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ, и находившаго ненужнымъ увеличеніе числа студентовъ, на чемъ настаивалъ Ломоносовъ. Ломоносовъ возражалъ Фишеру съ сильнымъ раздраженіемъ: «Во-первыхъ, удивленія достойно, что не впалъ въ умъ господину Фишеру, какъ знающему латынь, Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущены на волю изъ рабства, когда онъ толь презрѣнно уволенныхъ помѣщичьихъ людей отъ гимназіи отвергаетъ. Не вспомнилъ того, что они въ Римѣ не токмо въ школахъ съ молодыми дворянами, но и съ отцами ихъ за однимъ столомъ сидѣли, съ государями въ увеселеніяхъ имѣли участіе и въ знатныхъ дѣлахъ повѣренность. Сихъ и нынѣшнихъ примѣровъ видно знать онъ не хотѣлъ... Во-вторыхъ, шестьдесятъ гимназистовъ и тридцать студентовъ почитаетъ за излишнюю казнѣ тягость, а паче всего спрашиваетъ: куда ихъ дѣвать? Его ли о томъ попеченіе? Ему велѣно было смотрѣть регламентъ, а не штатъ. Его ли дѣло располагать академическою суммою? И ему ли спрашивать, куда дѣвать студентовъ и гимназистовъ? О томъ есть кому имѣть и безъ него попеченіе. Мы знаемъ и безъ него, куда въ другихъ государствахъ такихъ людей употребляютъ, и также куда ихъ въ Россіи употребить можно».

При составленіи университетскаго регламента, Ломоносовъ хотѣлъ выхлопотать различныя привиллегіи для профессоровъ и студентовъ, разныя служебныя права, и думалъ придать особенную торжественность введенію регламента; университетъ какъ бы вновь открывался, должна была произойдти такъ называемая инавгурація. Порядокъ инавгураціи былъ слѣдующій: «Пріуготовленіе: 1) публичный гимназической экзаменъ гимназистовъ верхняго класса къ произведенію въ студенты, 2) экзаменъ въ градусы (т. е. на ученыя степени), 3) избраніе проректора и относящіеся сюда диспуты и рѣчи, 4) программа, 5) расположеніе мѣстъ. Дѣйствіе: 1) обѣдня съ концертомъ и проповѣдью, 2) чтеніе привиллегій, 3) благодарный молебенъ съ пальбою и музыкою, 4) рѣчь бла-

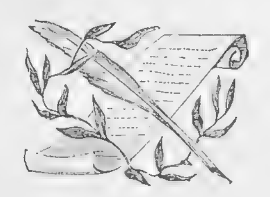
годарственная ея императорскому величеству, 5) назначеніе проректора и декановъ, 6) произвожденіе въ градусы, 7) обѣды съ пальбою и музыкою. Слѣдствіе: 1) напечатаніе всего дѣйствія, 2) поздравленіе на домахъ, 3) разсылка копій съ привиллегій и протчаго по всѣмъ университетамъ».

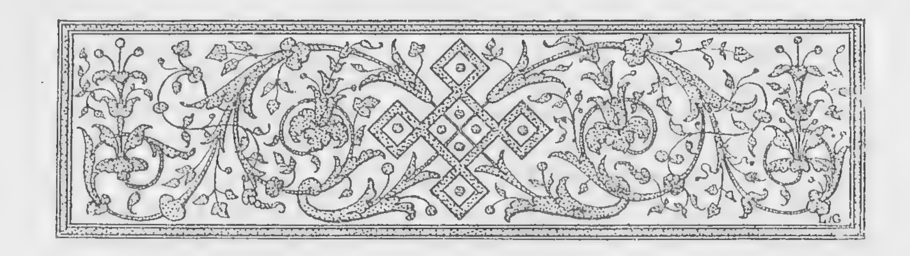
Ломоносовъ былъ такъ увѣренъ, что всѣ его проекты будутъ приняты и исполнены, что началъ уже сочинять похвальное слово Елисаветѣ Петровнѣ, которое думалъ произнести при открытіи университета. Сохранился конспектъ этой рѣчи. Въ началѣ онъ прославляетъ императрицу за то, что она «печется увеличить благородство въ благородныхъ, ибо что есть благороднѣе, какъ преимущество отъ дворянства, возвышенное и крашенное основательнымъ ученіемъ?» Государыня обѣщаетъ «снабдить благородствомъ неблагородныхъ и тѣмъ отворить входъ къ благополучію дарованіямъ природнымъ» (намекъ на открытіе университета для внесенныхъ въ подушный окладъ). Далѣе опровергается неосновательное мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что некуда дѣвать студентовъ; Ломоносовъ указываетъ, какъ много въ Россіи дѣла для людей ученыхъ и образованныхъ. Въ заключеніе рѣчи предполагалось представить блестящую картину будущаго могущества и славы Россіи, въ которой процвѣтаютъ мирно разныя высокія науки. Въ конспектѣ этой рѣчи во всей силѣ сказались широкій ученый идеализмъ Ломоносова и его пламенная любовь къ отечеству. Вообще всѣ эти приготовленія къ торжественному открытію университета врядъ ли заслуживаютъ къ себѣ ироническое отношеніе, которое, между прочимъ, встрѣчается въ монографіи гр. Д. А. Толстаго. Открытіе университета дѣло незаурядное, въ особенности важнымъ оно должно было представляться Ломоносову, вся жизнь котораго была посвящена возвеличенію русской науки; незадолго передъ тѣмъ онъ открывалъ университетъ въ Москвѣ, теперь ему предстояло преобразовать университетъ Петербургскій, — русская наука торжествовала, и немудрено было Ломоносову увлечься и въ этомъ увлеченіи подпасть какимъ нибудь заблужденіямъ, но порицать его не совсѣмъ справедливо; напротивъ это увлеченіе скорѣе заслуживаетъ уваженія, такъ какъ оно исходило изъ глубоко-патріотическихъ побужденій...

Но Ломоносову не суждено было осуществить свои предположенія, умерла императрица Елисавета, и его проектъ былъ оставленъ. Вскорѣ онъ самъ умеръ. Послѣ него ректоромъ былъ назначенъ профессоръ Броунъ и введены правила, составленныя извѣстнымъ врагомъ Ломоносова, Таубертомъ. Съ этого времени и до конца столѣтія въ академическихъ протоколахъ нѣтъ никакихъ распоряженій объ университетѣ, ни распредѣленія профессорскихъ лекцій. Вступивъ въ должность директора академіи, княгиня Дашкова нашла въ университетѣ только двухъ студентовъ, и то та-

кихъ, прибавляетъ она, которые ничего не могли перевести съ иностранныхъ языковъ, даже съ нѣмецкаго. Она сама принялась учить, какъ можно заключить изъ перваго ея распоряженія. «Въ ея сіятельства приказаніи», написано въ протоколѣ 30 января 1783 года: «Изъ студентовъ приказать, чтобъ понедѣльно одинъ при мнѣ дежурилъ, чтобъ я чрезъ то могла узнать каждаго способности и поведеніе. Должность на первый случай имъ объявляется нижеслѣдующая: являться ко мнѣ въ 8 часовъ поутру, и быть упражнену въ письмѣ, или переводѣ, какъ я прикажу; до 2-хъ часовъ пополудни, да отъ 4-хъ часовъ до 7 приказанные мною ордера разсылать съ вѣстовымъ, и пещись, донесены ли оные въ слѣдующія къ исполненію по онымъ руки. Съ ордеровъ копіи въ то же самое время вносить въ мою канцелярію, а до учрежденія оной, ко мнѣ самой». Этимъ и ограничились всѣ мѣры, принятыя княгиней относительно университета и студентовъ. Въ концѣ директорства княгини Дашковой въ университетѣ осталось всего три студента. Университетъ угасъ... Справедливо мнѣніе Болтина: «Начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежднаго основанія». Но какъ ни несовершененъ былъ этотъ университетъ, у котораго не было почвы въ подготовительной школѣ, нельзя не помянуть его добрымъ словомъ, его заслуга русской наукѣ неоспорима: изъ него вышло немало очень замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ, въ числѣ членовъ россійской академіи много было его питомцевъ, онъ же далъ первыхъ и очень хорошихъ профессоровъ Московскому университету, который былъ, да и теперь остается, однимъ изъ первыхъ хранителей и двигателей русскаго просвѣщенія.

А. Бороздинъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И. С. АКСАКОВА.

> ... «Какъ радъ я, Боже мой,
> Что отъ искусственной, условной жизни нашей
> Могу прибѣжище свободнѣе и краше
> Найдти въ природѣ русской и простой»...
>
> Ив. Аксаковъ.

НЕОЖИДАННАЯ кончина Ивана Сергѣевича Аксакова уже успѣла вызвать множество газетныхъ статей съ оцѣнкою публицистической дѣятельности покойнаго и рядъ некрологовъ, въ которыхъ описывались самые главные факты изъ его недолгой жизни. Но въ современной періодической печати, можетъ быть, по недостатку необходимыхъ свѣдѣній или по краткости срока, еще не появилось ни одной статьи съ полными и вѣрными указаніями на постепенное развитіе литературной дѣятельности Аксакова. Такія-то библіографическія извѣстія, на основаніи давно собранныхъ нами матеріаловъ, мы и предлагаемъ въ настоящее время, какъ дань признательности къ памяти замѣчательнаго русскаго писателя.

Первымъ печатнымъ трудомъ И. С. Аксакова оказывается стихотвореніе: «Христофоръ Колумбъ съ пріятелями»; оно появилось въ «Москвитянинѣ» (1845 г., ч. I, стр. 63) съ подписью: «И. А». Конечно, подобная передача историческаго факта въ стихотворной рамкѣ не могла обратить особеннаго вниманія тогдашнихъ критиковъ,—тѣмъ не менѣе, молодой поэтъ, послѣ литературнаго дебюта, усиленно продолжалъ отдаваться своей музѣ: въ томъ же году онъ послалъ П. А. Плетневу уже цѣлую тетрадь сво-

ихъ стихотвореній и просилъ отдать ихъ на просмотръ въ петербургскую цензуру; черезъ годъ Плетневъ возвратилъ рукопись, всю испещренную поправками тогдашняго цензора Очкина [1]). Изъ этой тетради отецъ поэта, извѣстный авторъ «Семейной хроники», отправилъ нѣсколько стихотвореній къ Гоголю и получилъ отъ него изъ Рима (23-го марта 1846 года) слѣдующій любопытный отвѣтъ: «Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ много таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ: «Среди удобныхъ и лѣнивыхъ, упорно медленныхъ трудовъ». Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ» [2]). Можетъ быть, такой одобрительный отзывъ автора «Ревизора» заставилъ И. С. продолжать свою поэтическую дѣятельность: въ то время молодой поэтъ выступилъ уже съ нѣсколькими стихотворными трудами въ двухъ книгахъ «Московскаго литературнаго и ученаго сборника» (М., 1846 и 1847 гг.). Въ этомъ изданіи славянофильскаго кружка, ему принадлежали небольшіе стихи, подъ заглавіемъ: «Andante» и «Смотри, толпа людей нахмурившись стоитъ», а въ особомъ приложеніи ко второму тому «Сборника» — «Зимняя дорога» (Licentia poëtica), драматическія сцены въ стихахъ и прозѣ. Послѣднее произведеніе, тогда же изданное отдѣльною брошюрой (М., 1846 г., 32 стр.) и оцѣненное въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1847 г., т. 50, кн. 2, отд. VI, стр. 91—92), представлялось наиболѣе любопытнымъ явленіемъ: оно въ яркихъ, смѣлыхъ для того времени краскахъ обрисовывало незавидный бытъ простаго русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ, точно дорогое ожерелье, блестѣло чудными строфами, какъ, напримѣръ: «Люблю я зимній, красный день...», «Мы любимъ жить чужимъ умомъ...», «Кто слезы льетъ, простерши руки...», «Глядитъ онъ, мраченъ и угрюмъ...», «Съ юныхъ лѣтъ въ тебѣ бывало все раздумью отдано» и мн. друг. Но, вслѣдъ за появленіемъ названнаго труда, въ дѣятельности Аксакова наступаетъ пятилѣтній промежутокъ. Онъ окончился въ 1852 году, когда, подъ редакціей И. С., вышелъ первый томъ «Московскаго Сборника» (М., 1852 года, 427 стр.). На его страницахъ самъ редакторъ помѣстилъ «Нѣсколько словъ о Гоголѣ», небольшое стихотвореніе: «Могучимъ юности призывамъ правдивый выслушай отвѣтъ...» и отрывки изъ очерка въ стихахъ, подъ названіемъ: «Бродяга». Совсѣмъ нѣтъ нужды объяснять высокія достоинства этой послѣдней работы; остается только спросить: кто изъ русскихъ образованныхъ людей, если не по «Сборнику», то по любой учебной хрестоматіи,

---

[1]) «Русск. Архивъ», 1877 г., кн. 12, стр. 365 и 372.

[2]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, Спб., 1856 г., т. II, стр. 58.

не зналъ изъ упомянутаго «очерка» слѣдующихъ талантливыхъ отрывковъ: «Сіялъ безоблаченъ сводъ неба голубой»... «Жаръ свалилъ; повѣяла прохлада»... «Всходила ль луна на просторъ голубой»... «Прямая дорога, большая дорога»... «День вечерѣлъ; косая тѣнь ложилась низко и широко»...

За выходомъ названнаго «Московскаго Сборника», снова на три года обрывается литературная дѣятельность Аксакова, и только съ началомъ новаго царствованія она получаетъ болѣе полное развитіе. Преже всего И. С. принимаетъ живое участіе въ журналѣ «Русская Бесѣда» (1856—1860 г.). Тамъ онъ печатаетъ новыя произведенія своей музы и, какъ самъ называетъ, «стихотворенія прежняго періода», въ слѣдующемъ порядкѣ: «Не дай душѣ твоей забыть»... «Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ», «Добро бъ мечты, добро бы страсти»... (1856 г., кн. 1), «Отвѣтъ А. С. Хомякову» (1857 г., кн. 1), «На 1858 годъ» (1858 г., кн. 1), «Зачѣмъ душа твоя смирна», «Отдыхъ», «Моимъ друзьямъ», «Опять тоска, опять раздоръ» (1859 г., кн. 5), «Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово»... (кн. 6), «На встрѣчу вѣщаго пророка» (1860 г., кн. 1). Эти-то стихотворенія тогда же вызвали изъ-подъ пера гр. А. К. Толстаго извѣстное «Посланіе И. С. Аксакову» (Русск. Бесѣда, 1859 г., кн. 2, стр. 6—7), — то посланіе, въ которомъ авторъ сдѣлалъ такое мѣткое признаніе:

...«Всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ»...

Одновременно съ перечисленными стихотвореніями стали появляться и первые публицистическіе труды Аксакова. Такъ, на страницахъ «Русской Бесѣды», помѣстились двѣ статьи: «Украинскія ярмарки» и «О ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи» (1858 г., кн. 2); на листахъ «Московскихъ Вѣдомостей» показалась интересная «Замѣтка на статью кн. Черкасскаго: Нѣкоторыя общія черты будущаго сельскаго управленія» (1858 г., № 130); наконецъ, отдѣльно вышло «Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ» (Спб., 1858 г., 383 стр.), удостоенное Демидовской преміи и большой Константиновской медали. Этого мало: вмѣстѣ съ поэзіей и публицистикой И. С. умѣлъ совмѣстить и хлопотливыя обязанности редактора. Онъ втеченіе двухъ лѣтъ (1858—1859 г.) неоффиціально редактировалъ «Русскую Бесѣду», а въ 1859 году основалъ свой первый публицистическій органъ — еженедѣльную газету: «Парусъ», куда, по объясненіямъ издателя, «главнымъ образомъ должны были войдти статьи, касающіяся вопросовъ современной русской дѣйствительности въ народной общественной жизни, и различныя извѣстія изъ губерній и славянскихъ

земель». Но едва редакція выпустила второй нумеръ, какъ газета была пріостановлена за «обозрѣніе событій» и стихи самого издателя.

Неудача перваго журнальнаго предпріятія не охладила И. С. Аксакова. Съ осени 1861 года онъ уже задумалъ издавать новую еженедѣльную газету: «День», по слѣдующей программѣ: 1) московская лѣтопись; 2) отдѣлъ литературный; 3) областныя вѣсти и корреспонденціи; 4) отдѣлъ славянскій; 5) обозрѣніе русской журналистики и разборъ замѣчательныхъ книгъ; 6) смѣсь. Первый нумеръ этой газеты вышелъ 15-го октября 1861 года. Затѣмъ изданіе безъ перерыва шло до іюля слѣдующаго года, когда тридцать четвертый выпускъ вызвалъ временную пріостановку. Только съ октября 1862 года снова появился «День» и уже — употребимъ сравненіе — «безъ затмѣній продолжалъ свѣтить» до 1866 года. Во все время изданія самъ редакторъ, кромѣ замѣчательныхъ статей о «польскомъ вопросѣ» и «славянскихъ дѣлахъ», помѣстилъ въ своей газетѣ большое количество публицистическихъ трудовъ, изъ которыхъ особенно выдались слѣдующіе: «О цензѣ» (1862 г., № 19), «Два голоса изъ Бѣлоруссіи о Западной Руси» (№ 20), «О преобразованіи цензуры» (№ 25 и 26), «О Кириллѣ и Меѳодіи» (№ 29), «По поводу проектируемыхъ законовъ о книгопечатаніи» (№ 32 и 34), «По поводу адреса 300 польскихъ помѣщиковъ къ русскому правительству о включеніи въ составъ Польши: Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи» (№ 40), «Договоръ Порты съ Черногоріей» (№№ 41, 43 и 44), «О судебной реформѣ» (№ 42 и 44) и «По поводу заявленія московскихъ студентовъ» (1863 г., № 23). При такой горячей, неустанной работѣ для газеты, издатель «Дня» еще нашелъ досугъ напечатать статью подъ заглавіемъ: «11-е мая 1862 года въ Москвѣ» (Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, М., 1865 г.), а также редактировать «Семейную хронику» своего отца[1]), первый томъ «Полнаго собранія сочиненій» своего брата К. С. Аксакова (М., 1861 г.) и первую часть «Полнаго собранія сочиненій» А. С. Хомякова. (М., 1861 г.).

Подобная же оживленная дѣятельность Аксакова обнаружилась даже и послѣ прекращенія «Дня». Едва прошелъ 1866 годъ, когда И. С. напечаталъ только «Краткую записку о странникахъ или бѣгунахъ» (Русск. Архивъ, 1866 г., кн. 3), какъ онъ предпринялъ редактированіе двухъ ежедневныхъ газетъ, сначала «Москвы», а потомъ «Москвича» (1868—1868 г.). Но эти періодическія изданія существовали слишкомъ недолго и прекратились

---

[1]) Это — третье изданіе (М., 1862 г.). Два же первыя изданія (М., 1856 и 1859 г.) выпущены самимъ С. Т. Аксаковымъ.

не по винѣ редактора или по недостатку подписчиковъ... Послѣ того болѣе десяти лѣтъ Аксаковъ не выступалъ на журнальную арену, какъ самостоятельный издатель, но продолжалъ являться въ русской печати со своими трудами. Въ это время онъ, главнымъ образомъ, участвовалъ въ «Русскомъ Архивѣ». Тамъ съ его именемъ помѣщены слѣдующія статьи или сообщенія:

«Письмо къ издателю о славянофилахъ» (1873 г., кн. 2).

«Два письма кн. А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову о литературѣ и театрѣ». (Тамъ же).

«Неизданное стихотвореніе графини Е. П. Ростопчиной, 1856 года, во время коронаціи» (1874 г., кн. 1).

«Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ», біографическая статья (1874 г., кн. 10 и отдѣльною брошюрой: М., 1874 г.).

«Жалоба крестьянъ Тамбовскаго намѣстничества Екатеринѣ Второй» (1875 г., книга 3).

«Стихотвореніе А. П. Елагиной» (1877 г., кн. 2).

«Өедоръ Васильевичъ Чижовъ», воспоминанія (1878 г., кн. 2).

Тогда же, одновременно съ участіемъ въ «Русскомъ Архивѣ», И. С. проявилъ необыкновенно энергическую дѣятельность въ славянскомъ благотворительномъ Обществѣ: кромѣ сбора пожертвованій на помощь славянамъ и заботъ о добровольцахъ, онъ и своимъ живымъ словомъ успѣлъ возбудить въ русскомъ обществѣ большее вниманіе къ положенію дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Всѣмъ, конечно, еще памятна его знаменитая рѣчь относительно восточнаго вопроса, произнесенная въ октябрѣ 1876 года. Эта рѣчь тогда же появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но въ болѣе полномъ видѣ, на сколько намъ извѣстно, напечатана на англійскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Condenset Speech of mr. Ivan Aksakoff» (London, 1877).

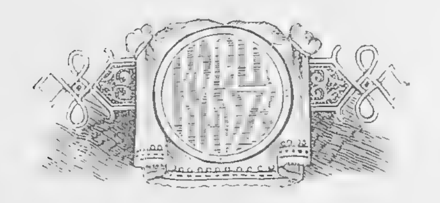
Наконецъ, послѣднія шесть лѣтъ (съ 1880 по январь 1886 года) И. С. Аксаковъ отмѣтилъ прекрасною «Рѣчью при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину» (Русск. Арх., 1880 г., кн. 2) и изданіемъ газеты «Русь». Этотъ предсмертный органъ Аксакова, начатый изданіемъ 15-го ноября 1880 года, безъ всякихъ замедленій выходилъ до 1-го марта 1885 года, затѣмъ, по случаю болѣзни редактора, онъ не выпускался до прошлаго августа, а возобновленный съ осени, прекратился вмѣстѣ съ жизнью своего основателя... На страницахъ своей новой газеты И. С. попрежнему выступилъ и какъ замѣчательный публицистъ, и какъ симпатичный русскій поэтъ. Если о первомъ его талантѣ ярко свидѣтельствуютъ, конечно, незабытыя статьи: «По поводу 1-го марта 1881 года», «О собраніи свѣдущихъ людей», «О Кохановской коммиссіи», «О послѣднихъ событіяхъ въ Сербіи и Болгаріи», то о второмъ его дарованіи, привлекательномъ и свѣжемъ по чувству, ясно говорятъ такія стихотворенія, какъ, напримѣръ: «Варварино»

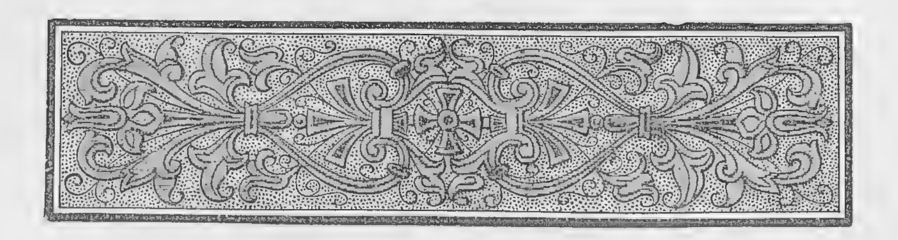
и «29-е ноября 1878 года» (1880 г., № 4). «Ночь» (1884 г., № 1) и мног. друг.

Изъ представленной библіографической замѣтки нетрудно убѣдиться, что покойный И. С. наиболѣе составилъ себѣ почетное имя, какъ публицистъ и поэтъ. Поэтому намъ кажется необходимымъ для образованныхъ читателей и вполнѣ достойнымъ памяти Аксакова появленіе «Сборника» съ его публицистическими статьями и всѣми стихотвореніями: вѣдь въ нихъ слышны, по словамъ уже названнаго поэта:

«..... гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ ....

Дмитрій Языковъ.

МОГИЛА ГОГОЛЯ.

Въ ТЕКУЩЕМЪ апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнится пятидесятилѣтняя годовщина постановки на сцену лучшей русской комедіи послѣ «Горя отъ ума» — «Ревизора». Нашъ постоянный сотрудникъ Д. Д. Языковъ обѣщалъ доставить намъ, по этому поводу, статью подъ заглавіемъ: «Ревизоръ на сценѣ и въ литературѣ», но, къ сожалѣнію, статья его, потребовавшая многочисленныхъ справокъ, не могла быть окончена ко времени выхода апрѣльской книжки «Историческаго Вѣстника» и появится въ майской книжкѣ. Вслѣдствіе этого, мы ограничимся здѣсь лишь краткимъ напоминаніемъ объ авторѣ «Ревизора».

Со смерти Гоголя прошло тридцать четыре года, — срокъ достаточный для того, чтобы собраться съ силами и воздать должное великому писателю. А между тѣмъ, на памятникъ ему собрано до сихъ поръ всего только тринадцать тысячъ! Грустно становится за общество, относящееся съ такимъ равнодушіемъ къ людямъ, которые составляютъ гордость нашей родины и имя которыхъ должно быть незабвенно въ памяти каждаго истинно-русскаго человѣка. Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, хоть то, что теперь мы умѣемъ хоронить нашихъ выдающихся писателей и никто намъ не мѣшаетъ описывать ихъ похороны во всѣхъ подробностяхъ. Не такъ было тридцать четыре года тому назадъ. О смерти и похоронахъ великаго русскаго юмориста въ газетахъ того времени сохранились только короткіе оффиціальные отзывы. Да оно и не могло быть иначе, если за нѣсколько теплыхъ словъ о безвре-

менной утратѣ писателя, — Тургенева посадили на гауптвахту. Только спустя нѣсколько лѣтъ, стали появляться извѣстія о послѣднихъ дняхъ Гоголя. На похоронахъ его было много народу, но похороны эти были, всетаки, оффиціальныя. Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, было перенесено въ университетскую церковь. Хоронили его въ воскресенье, 24-го февраля 1852 года, на второй недѣлѣ поста, въ присутствіи московскаго градоначальника, попечителя учебнаго округа и другихъ оффиціальныхъ лицъ. Профессора университета вынесли гробъ изъ церкви; студенты несли его до самаго Данилова монастыря. Въ народѣ говорили, что писатель умеръ отъ того, что не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ, другіе утверждали, что онъ преднамѣренно уморилъ себя голодомъ; иные толковали, что онъ давно уже былъ помѣшанъ. Слухи эти проникли и въ печать. Что послѣдніе годы своей жизни онъ находился въ ненормальномъ положеніи, это доказываютъ свѣдѣнія, сохранившіяся о немъ у его друзей. Думаемъ, что нелишнимъ будетъ если мы сгруппируемъ эти свѣдѣнія, разсѣянныя въ воспоминаніяхъ его современниковъ и, можетъ быть, не всѣмъ извѣстныя.

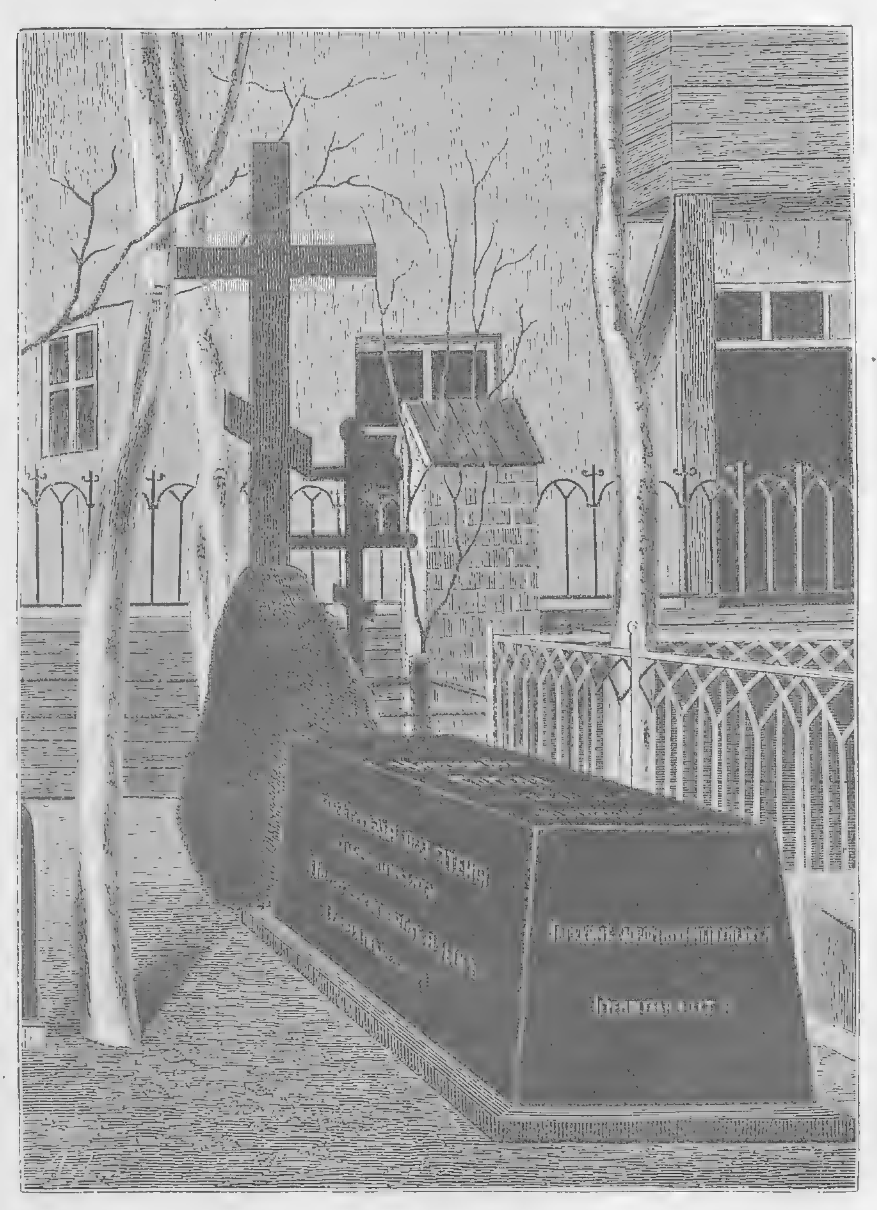
Переворотъ въ настроеніи Гоголя произошелъ въ 1845 году. Желая поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ, государь назначилъ ему пенсію по тысячѣ рублей въ годъ, втеченіе трехъ лѣтъ. Гоголь отправился путешествовать по Европѣ, въ Россіи перенесъ жестокую болѣзнь и сталъ собираться въ Іерусалимъ. Публика ждала отъ него второй части «Мертвыхъ душъ», а онъ преподнесъ ей «Переписку съ друзьями». Онъ называлъ ее «дѣломъ жизни», почитатели его таланта отвернулись отъ него, «рѣзко отозвались о его книгѣ». Это поразило самолюбиваго автора, и на зло тѣмъ, кто восхищался его произведеніями, онъ самъ сталъ унижать ихъ. Вернувшись въ Москву изъ Іерусалима, онъ велъ жизнь нелюдима и, являясь въ кругу старыхъ пріятелей, обыкновенно молчалъ и не принималъ участія въ разговорахъ. Чаще всего онъ бывалъ у Аксаковыхъ. Когда ему случалось говорить, онъ выражался не съ прежнимъ юморомъ и добродушіемъ, а принималъ догматическій тонъ проповѣдника, исполненнаго къ самому себѣ глубокаго уваженія. Въ началѣ 1852 года, онъ еще не думалъ о своей смерти, былъ совершенно здоровъ и говорилъ, что чувствуетъ только слабость физическихъ силъ, какъ самъ говорилъ Бодянскому, за девять дней до масляницы. Въ это время его сильно поразила смерть женщины, къ которой онъ былъ сильно привязанъ — жены Хомякова, сестры поэта Языкова. Она умерла, прохворавъ всего нѣсколько дней, и Гоголь почувствовалъ, что самъ боленъ тою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его: именно, что на него «нашелъ страхъ смерти», какъ онъ признавался своему духовнику. Тотъ успокоилъ его, сколько могъ, но Гоголь явился къ нему во вторникъ на масля-

ницѣ и объявилъ, что говѣетъ на этой недѣлѣ, что это такъ нужно. Уже нѣсколько дней питался онъ одной просвирою, уклоняясь подъ разными предлогами отъ болѣе сытной пищи. Со дня смерти Хомяковой онъ проводилъ всѣ ночи въ молитвѣ, безъ сна. Въ четвергъ на масляницѣ исповѣдывался и причащался. Въ ночь съ пятницы на субботу онъ разбудилъ своего слугу Семена, сказалъ ему, что слышалъ голоса, говорившіе, что онъ умретъ и послалъ Семена—просить священника соборовать масломъ умирающаго. Священникъ нашелъ его въ болѣе спокойномъ духѣ. Гоголь отложилъ соборованіе и утромъ поѣхалъ къ Хомякову утѣшать его въ потерѣ жены. Всю первую недѣлю поста онъ ходилъ въ церковь. Но въ понедѣльникъ онъ пригласилъ къ себѣ графа Толстаго, у котораго жилъ, и просилъ принять на сохраненіе бумаги съ тѣмъ, чтобы по смерти отвезти ихъ къ одному духовному лицу и просить совѣта, что напечатать и что оставить въ рукописи. Графъ Толстой отказался принять бумаги, чтобы не показать больному, что считаетъ его положеніе безнадежнымъ. Этотъ отказъ имѣлъ ужасныя послѣдствія. Подъ вліяніемъ фанатическихъ мыслей, Гоголь счелъ свои произведенія вредными для ближнихъ. Въ ночь на вторникъ, въ три часа, разбудилъ онъ Семена и велѣлъ ему идти за нимъ въ кабинетъ, а самъ зажегъ свѣчу и надѣлъ теплый плащъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую онъ проходилъ, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ онъ велѣлъ открыть трубу, взялъ изъ портфеля бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, завязать тесемкой и положить въ каминъ, потомъ самъ зажегъ бумаги, крестясь и читая молитву, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Потомъ онъ горько заплакалъ и, вернувшись въ спальню, легъ въ постель, продолжая плакать. На другой день онъ объявилъ Толстому о томъ, что сдѣлалъ, раскаявался, жалѣлъ, что отъ него не взяли бумагъ и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа. Съ тѣхъ поръ онъ впалъ въ мрачное уныніе, не принималъ къ себѣ друзей, и тѣхъ, кого допускалъ на нѣсколько минутъ, просилъ поскорѣе удалиться. На всѣ убѣжденія—принять лекарства, отвѣчалъ, что они ему не помогутъ. Такъ прошла первая недѣля поста и половина второй. Онъ все молчалъ, молился, не принималъ пищи, но писалъ хотя и дрожащимъ почеркомъ евангельскіе тексты и молитвы. Въ понедѣльникъ второй недѣли онъ причастился, держа въ рукѣ свѣчу и плача; во вторникъ ему было легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, и утромъ въ четвергъ 21-го февраля его не стало...

Таковъ былъ, безъ всякихъ легендъ и преувеличеній, конецъ нашего великаго писателя. Такимъ путемъ пришелъ онъ на 44 году къ безвременной могилѣ.

Московскій художникъ Василій Александровичъ Евдокимовъ-Розанцовъ любезно передалъ въ наше распоряженіе сдѣланный имъ

рисунокъ могилы Гоголя. Воспроизводя этотъ рисунокъ въ точной копіи, присоединяемъ къ нему и описаніе могилы, сообщенное намъ также г. Розанцовымъ.

Могила Гоголя.

Въ Москвѣ, въ стѣнахъ Данилова монастыря, войдя монастырскими воротами и взявъ налѣво, между церковію св. Даніила и кельями, находится могила Н. В. Гоголя.

На могилѣ памятникъ (какъ видно изъ предлагаемаго рисунка) отличается большою простотою и отсутствіемъ ненужныхъ украшеній; но онъ нелишенъ нѣкоторой величественности, какъ бы характеризуя тѣмъ духъ, почивающаго здѣсь, великаго писателя.

Памятникъ состоитъ изъ двухъ частей:

1) Стоящій въ возглавіи самородокъ—камень, въ которомъ водруженъ большой мѣдный крестъ. На камнѣ надпись славянскими буквами:

„Ей гряди Господи Іисусе!

Апокалипс. гл. КВ, ст. К.“

2) Черная мраморная плита, лежащая на базисѣ изъ сѣраго гранита. На ней гражданскими буквами высѣчены надписи, на верхней лицевой сторонѣ:

«Здѣсь
Погребено тѣло
Николая Васильевича
Гоголя.
Родился 19 марта 1809 года.
Скончался 21 февраля 1852 года».

На малой сторонѣ плиты, обращенной къ зрителю:

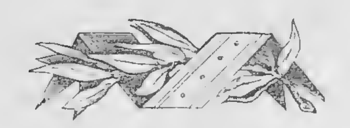
«Горькимъ словомъ моимъ посмѣются.
Іереміи глав. 20, ст. 8».

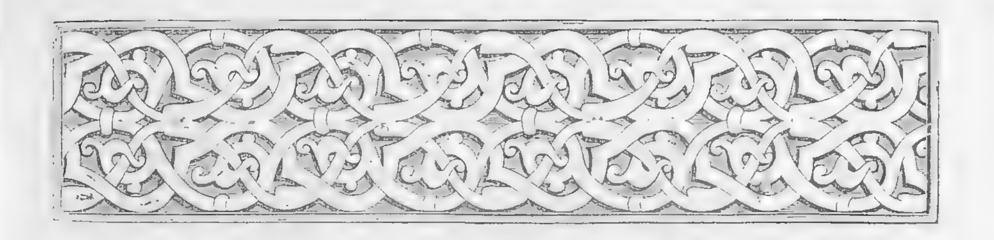
На большой боковой сторонѣ плиты къ зрителю:

«Мужъ разумивый престолъ чувствія.
Притчей гл. 12, ст. 23.
«Правда возвышаетъ языкъ.
Притчей гл. 14, ст. 34».

На большой боковой сторонѣ плиты, скрытой отъ зрителя (къ рѣшеткѣ):

«Истиннымъ же оуста исполнить смѣха,
о устнѣ же ихъ исповѣданія.
Іова гл. 8, ст. 21».

ПОМОРЪ-ФИЛОСОФЪ.

ОСМАТРИВАЯ, въ мартѣ 1885 года, собраніе славяно-русскихъ рукописей [1]) Андрея Александровича Титова, въ Ростовѣ (Ярославской губерніи), я невольно остановился передъ изображеніемъ масляными красками почтеннаго старца, представленнаго на полотнѣ въ простой избѣ съ необыкновенною обстановкою.

— Кто это?—спросилъ я у моего руководителя.

— Прочтите подпись подъ портретомъ.

«Се мудрый философъ и правой вѣры членъ:
Андрей Денисовъ сей отвѣтами почтенъ».

— Знаменитый основатель Поморской обители на рѣкѣ Выгѣ, составитель «Поморскихъ» отвѣтовъ на вопросы іеромонаха Неофита?

— Такъ точно. Обратившее на себя ваше вниманіе, изображеніе Андрея Денисова составляетъ точную копію съ подобной же

[1]) Въ этомъ собраніи, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, насчитывается въ настоящее время болѣе 3,000 рукописей. Въ двухъ первыхъ выпускахъ (1881 и 1884) «Охраннаго каталога славяно-русскихъ лѣтописей А. А. Титова» перечислены, съ краткими указаніями, 1,680 рукописей. Это собраніе, на которое г. Титовымъ употреблено немало труда и за которое переплачено имъ много денегъ, хранится для большей безопасности въ кладовой, подъ сводами, въ стѣнѣ Ростовскаго кремля, нанимаемой г. Титовымъ. Въ 1885 году, ученый іеромонахъ Троицко-Сергіевой лавры, Леонидъ, приступилъ къ подробному описанію собранія рукописей г. Титова. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ его рукописей находится знаменитый «Греко-славяно-россійскій словарь» Епифанія Славинецкаго, дидаскала XVII вѣка, бывшаго справщикомъ книгъ Печатнаго Двора. Рукопись эта тщательнаго письма, близкаго къ печатному, едва ли не писана самимъ Епифаніемъ на 1320 листахъ, каждый листъ въ два столбца крайне убористаго, мелкаго почерка.

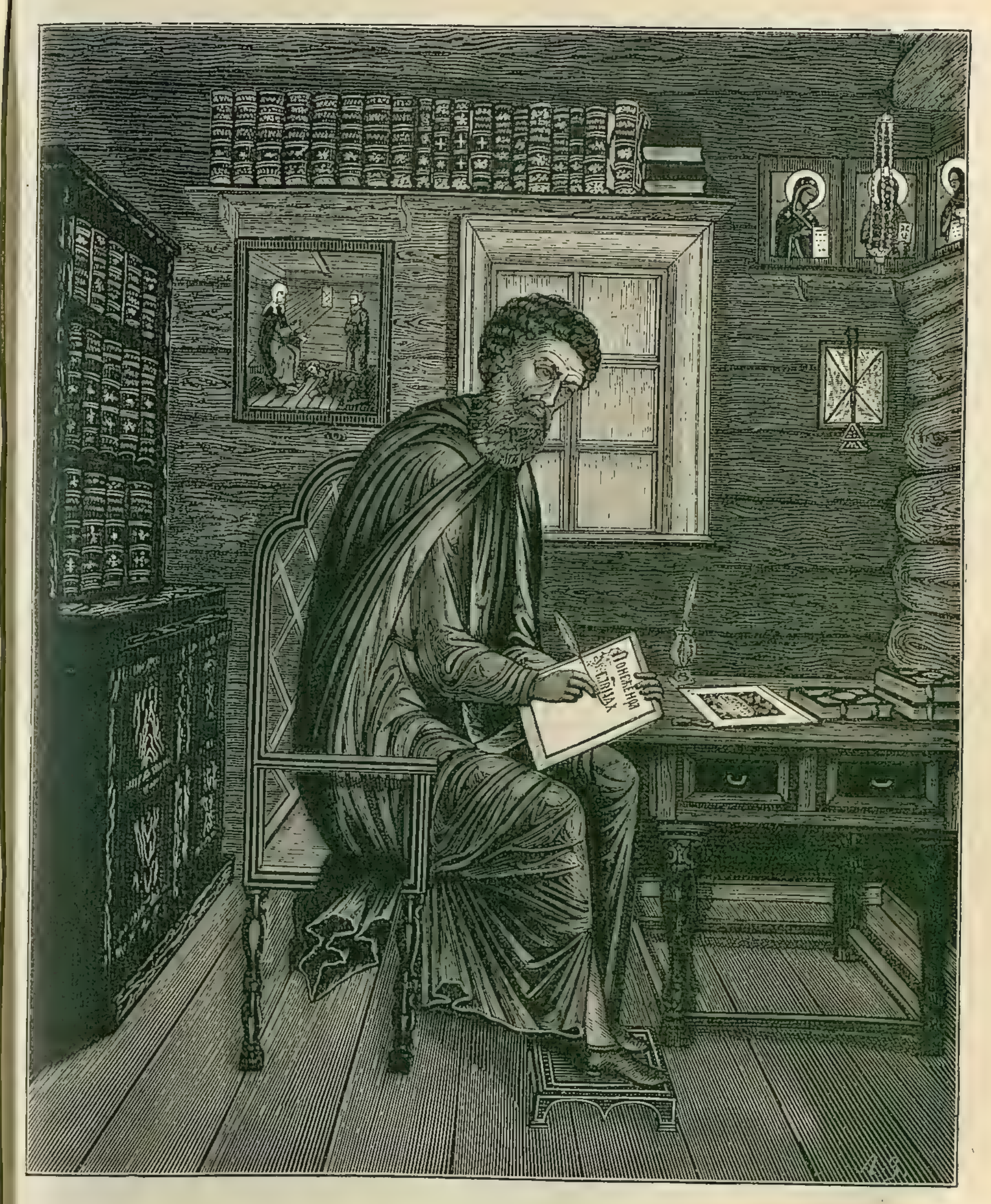
картины, полученной изъ одного поморскаго скита. Подлинникъ исполненъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Почти у каждаго поморца можно найдти въ домѣ подобное изображеніе, которое почитается ими какъ икона. Хотя поморцы пишутъ Андрея Денисова безъ вѣнца, но имѣютъ къ нему особенное почтеніе, а нѣкоторые изъ нихъ почитаютъ его даже за святаго и молятся на его изображеніе.

Краткія свѣдѣнія объ Андреѣ Денисовѣ можно найдти въ словарѣ митрополита Евгенія (изданія Погодина, 1845 г.), въ «Историческомъ словарѣ старовѣрческой школы Павла Онуфріева Любопытнаго» («собраннаго» имъ въ Петербургѣ, въ 1828—1829 г.) и въ сдѣлавшейся нынѣ довольно рѣдкою книгѣ, имѣющей слѣдующее длинное заглавіе: «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви Сошествія Святаго Духа, что̀ на Большой Охотѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ» [1]). Сверхъ того, А. А. Титовъ далъ мнѣ, для пополненія біографическихъ данныхъ объ Андреѣ Денисовѣ, находящуюся въ его собраніи рукопись подъ № 2,489, автора-поморца, написавшаго «Житіе и жизнь премудраго древняго благочестія учителя, блаженнаго отца Андрея Діонисіевича, иже тридо подвижнѣ написа за древнее святое благочестіе преславныя книги отвѣтвенныя, едину противъ нижегородскаго епископа Питирима, другую же противъ вопросовъ присланнаго отъ синода іеромонаха Неофита» [2]).

Андрей Денисовъ хотя и родился, по̀ словамъ митрополита Евгенія, въ селѣ Повѣнцѣ (нынѣ городѣ) Олонецкой губерніи, отъ простолюдина Діонисія, однако послѣдній происходилъ изъ рода князей Мышецкихъ, какъ свидѣтельствуютъ: Павелъ Любопытный, протоіерей Іоанновъ и неизвѣстный авторъ поморской рукописи. Во время смутъ, терзавшихъ Россію въ самомъ началѣ семнадцатаго столѣтія, особенно во времена самозванцевъ, многіе достаточные, именитые люди побросали свои родныя мѣста и скрывались, гдѣ только могли. Въ числѣ ихъ оказался одинъ изъ новгородскихъ помѣщиковъ, князь Борисъ Александровичъ Мышецкій, который, при царѣ Василіи Шуйскомъ, оставивъ свои вотчины, ушелъ въ Заонежскую поморскую область, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ, скрылся тамъ и умеръ въ монашествѣ, въ «лѣсожитель-

[1]) Изданіе третье (С.-Петербургъ, при императорской Академіи Наукъ 1799 года), съ нѣсколькими гравированными изображеніями поморцевъ, поповщинскихъ черпецовъ, черницъ и проч. Протоіерей Іоанновъ, до соединенія съ православною церковью, принадлежалъ, по его словамъ, къ безпоповщинѣ.

[2]) Въ библіотекѣ графа Уварова, въ Порѣчьѣ, имѣется тотъ же самый списокъ объ Андреѣ Денисовѣ, но исполненный ранѣе даннаго мнѣ А. А. Титовымъ. Въ послѣднемъ спискѣ 410 страницъ убористаго письма.

Андрей Денисовъ.

Съ стариннаго портрета масляными красками, принадлежащаго А. А. Титову.

номъ сельцѣ, называемомъ Пудожская Гора». Главною причиною бѣгства князя Бориса Мышецкаго было нежеланіе его цѣловать «крестъ за чужеземныхъ кралей». Сынъ его, князь Иванъ Борисовичъ, былъ первоначально священникомъ, а скончался инокомъ подъ именемъ Іоны. Дѣти его, Порфирій (священникъ) и Евстахій, поселились уже въ селѣ Повѣнцѣ, бывшемъ тогда убогимъ еще мѣстомъ жительства. Сынъ Порфирія, Яковъ, не смотря на свое княжеское происхожденіе, воспитавъ своихъ дѣтей Прокофія и Діонисія въ невѣжествѣ, сдѣлалъ изъ нихъ какъ бы крестьянъ. У Прокофія былъ сынъ Петръ, а у Діонисія сыновья Андрей и Семенъ. По воспитанію и образу жизни Діонисія, митрополитъ Евгеній и назвалъ отца Андрея Денисова простолюдиномъ. Въ нихъ выродилась одна отрасль стариннаго дома князей Мышецкихъ, потому что почти одновременно на Олонцѣ былъ воеводою князь Терентій Васильевичъ Мышецкій. Вообще вымираніе многочисленнаго рода князей Мышецкихъ совершилось преимущественно переходомъ ихъ въ мелкопомѣстные дворяне, въ однодворцы, крестьяне.

Выходъ князей Мышецкихъ изъ новгородскихъ своихъ вотчинъ и поселеніе ихъ въ пустынномъ, лѣсистомъ Олонецкомъ краѣ, гдѣ они дѣлались священниками и иноками, а потомки ихъ учителями и распространителями раскола, не составляетъ единичнаго или исключительнаго факта въ исторіи нашего дворянства. Изъ смоленскихъ вотчинъ, напримѣръ, бѣжали въ заволжскіе лѣса нынѣшняго Семеновскаго уѣзда Салтыковы и Потемкины и основали тамъ свой скитъ, отъ котораго нынѣ остались только двѣнадцать надгробныхъ камней, на урочищѣ, прозванномъ «Смольяны». Въ XVIII столѣтіи, въ Комаровскомъ скиту, въ томъ же уѣздѣ, княжною Болховскою была основана обитель Бояркина, названная такъ потому, что была основана боярынею и первоначально состояла только изъ боярышенъ. Въ Оленевскомъ скиту одна обитель была основана родственницею св. Филиппа митрополита, Анфисою Колычевою. Галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, со своею племянницею, Ѳедосьею Ѳедоровною Сухониною, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, основали на рѣкѣ Козленецъ Улангерскій скитъ [1]). Всѣ эти скиты были старообрядческіе.

Діонисій, женатый на Марьѣ, жилъ у Повѣнца, на берегу Онежскаго озера и скончался въ глубокой старости, девяноста лѣтъ отъ роду. Митрополитъ Евгеній относитъ рожденіе его сына Андрея къ 1675 году, а Павелъ Любопытный къ 1674 году. Это было время скопленія въ архангельскихъ и олонецкихъ лѣсахъ непокорныхъ раскольниковъ, которые скрывались въ нихъ отшельниками въ пустынныхъ мѣстахъ, или соединялись вмѣстѣ на жительство въ скиты. Авторъ поморской рукописи называетъ родите-

[1]) См. «Въ лѣсахъ», Андрея Печерскаго, ч. II, стр. 5.

лей Андрея Денисова «честными», а самого Діонисія «благоразумнымъ мужемъ». Родители и воспитали своего сына «не только бо млекомъ елико молитвами, не только хлѣбомъ, елико молебными прошеніями». Крестилъ Андрея отецъ Игнатій Соловецкій, подвизавшійся въ то время близъ Повѣнца. По словамъ поморскаго лѣтописца, Игнатій Соловецкій крестилъ «первѣе блаженнаго Андрея, послѣди же и родителя его крести», такъ какъ «Господь Богъ не допустилъ, чтобы такой свѣтильникъ и церковный учитель, да и родители его были бы лишены древлеправославнаго благовѣрія». Велеумный Андрей,—повѣствуетъ далѣе лѣтописецъ—росъ тѣломъ, преуспѣвалъ мудростью, имѣлъ нравъ добрый и житіе его было украшено добродѣтелью; воздерживался присно отъ дѣтскихъ глумленій, оставался благоразумнымъ и въ повиновеніи родителямъ. Андрей увлекался къ книжному ученію, почему родители и дали ему въ поученіе святыя книги. Дѣйствительно мальчикъ оказался разумнымъ и острымъ не по лѣтамъ. Онъ день и ночь проводилъ надъ данными ему книгами, такъ что пяти лѣтъ отъ роду зналъ «всѣ книги до конца читать и писать».

Подъ вліяніемъ среды, окружавшей Андрея Денисова въ его родительскомъ домѣ, преисполненной ненависти и злобы къ порядкамъ, исходившимъ изъ Москвы, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о ссылкѣ епископа Павла Коломенскаго въ Палеостровскій монастырь, о разгромѣ гнѣзда раскола въ Соловецкомъ монастырѣ, о добровольномъ самосожженіи въ Заонежскомъ краю нѣсколькихъ тысячъ людей, не желавшихъ покориться никоновскимъ новшествамъ, — нѣтъ ничего удивительнаго, что, одаренный отъ природы недюжинными дарованіями, молодой Андрей Денисовъ, при своемъ меланхолическомъ и угрюмомъ характерѣ, предпочелъ уйти въ олонецкіе лѣса и посвятить себя отшельнической жизни. Намѣреніе свое онъ исполнилъ, въ декабрѣ 1692 года, слѣдовательно на восемнадцатомъ году жизни, для чего и ушелъ изъ дома отца съ товарищемъ своимъ, Иваномъ Бѣлоутовымъ. Всю зиму они бродили по лѣсамъ, а весною, избравъ мѣсто между двумя озерами, Тагомъ и Бѣлымъ, устроили себѣ тамъ келію при одномъ ручьѣ. Оставленіе Андреемъ Денисовымъ родительскаго дома и удаленіе его въ пустынножительство еще болѣе сблизило его съ отшельниками, уединившимися въ олонецкихъ лѣсахъ. Особенно обратилъ на него вниманіе Даніилъ Викуличъ, бывшій до тридцатилѣтняго своего возроста дьячкомъ въ Шунскомъ и другихъ новгородскихъ погостахъ. Послѣ своего пребыванія на Поморьѣ, въ Архангельской губерніи, Даніилъ Викуличъ, по совѣту соловецкихъ и иныхъ старцевъ и отшельниковъ, основалъ, въ 1684 году, на рѣкѣ Выгѣ Боровскую пустынь. Въ эту пустынь Даніилъ Викуличъ и переманилъ Андрея Денисова. Ихъ соединеніе имѣло послѣдствіемъ тѣснѣйшее сближеніе съ другими пустынниками, жив-

шими на Выгѣ, Захаріемъ и наиболѣе всѣми уважаемымъ въ то время отцомъ Корниліемъ, изъ Ниловой пустыни, который побудилъ ихъ всѣхъ поселиться въ одномъ мѣстѣ для общежитія. По словамъ поморскаго лѣтописца, «отпуская ихъ, святый старецъ (т. е. Корнилій) глаголалъ: къ Даніилу, ты да будешъ собранному тобою стаду щедрый отецъ и настоятель; Андрею же рѣче: ты буди имъ судія и учитель». Это общежитіе учреждено было, въ 1695 году, въ осень послѣ Покрова Богородицы. Такимъ образомъ[1]) основался знаменитый у поморцевъ Выгорѣцкій скитъ для мужчинъ и женщинъ. Побывавши, между тѣмъ, въ родительскомъ домѣ, Андрей Денисовъ сманилъ къ иноческой жизни двадцатилѣтнюю сестру свою, Соломонію, которая умерла въ 1735 году настоятельницею женскаго скита на рѣкѣ Лексѣ, основаннаго ея братомъ въ 1705 году, въ двадцати верстахъ отъ Выгорѣцкаго или Выговскаго скита, гдѣ мужскія и женскія кельи были раздѣлены только деревянною стѣною. Отецъ Андрея, Діонисій, узнавъ объ уходѣ дочери, сильно разгнѣвался на сына, но въ 1697 году не только примирился съ нимъ, но и переселился къ нему, въ монастырь, на жительство съ женою и со всѣми дѣтьми. Въ этомъ же году, въ Выговскій скитъ пришелъ изъ Соловецкаго монастыря монахъ Пафнутій, который началъ постригать мужчинъ и женщинъ въ монашество, устроилъ надлежащимъ образомъ весь монастырскій чинъ и завелъ школы для обученія, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, чтенію, пѣнію и письму. До отдѣленія женскаго скита отъ мужскаго, въ 1706 году [2]), въ Выговскомъ монастырѣ жило до 150 иноковъ и инокинь, сверхъ другихъ людей, поселившихся около отшельниковъ.

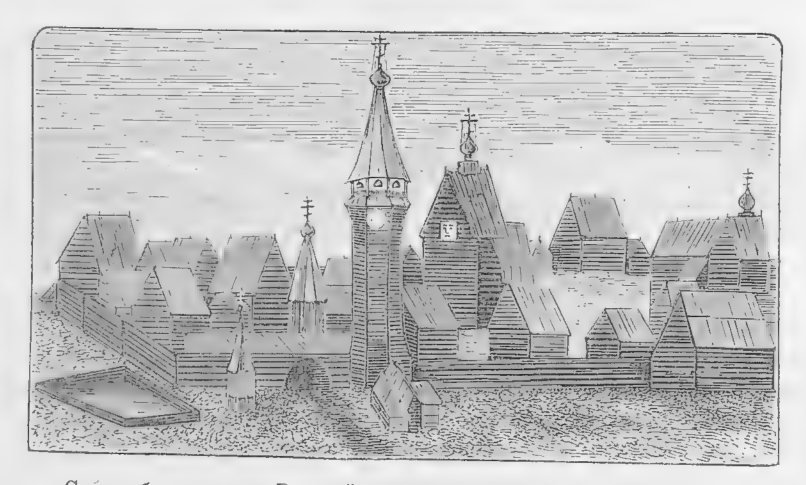
Важнымъ событіемъ въ исторіи Выговскаго скита, упрочившимъ его существованіе, было посѣщеніе его императоромъ Петромъ Великимъ, въ 1702 году. Бывая на Петровскихъ заводахъ въ Олонецкомъ краѣ, императоръ заѣхалъ въ Выговскій скитъ, разрѣшилъ его жителямъ свободно исповѣдывать свою вѣру, но только приказалъ приписать ихъ къ работамъ на Повѣнецкихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, которые тогда имъ созидались. Почему же выговскимъ поморцамъ императоръ Петръ оказалъ подобное снисхожденіе, когда съ его же вѣдома епископъ Питиримъ огнемъ и мечемъ уничтожалъ расколъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ? Поморцы объясняютъ это недоумѣніе связями Андрея Денисова не только съ вельможами, бывшими близкими ко двору, но и покровительствомъ, которое ему при дворѣ оказывали, по его происхож-

---

[1]) Въ 800 верстахъ отъ Новгорода, въ 40 верстахъ къ востоку отъ Онежскаго озера, при впаденіи рѣчки Сосновки въ рѣку Выгъ.

[2]) По поморскому лѣтописцу; по митрополиту Евгенію въ 1705 году, въ которомъ году скончался Діонисій, отецъ Андрея.

денію отъ князей Мышецкихъ. Сверхъ того, по ихъ словамъ, Андрей Денисовъ былъ лично извѣстенъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, которая вела съ нимъ переписку, такъ что въ Выгорѣцкомъ монастырѣ [1]) сохранялись ея собственноручныя къ нему письма. Но такія сношенія одного изъ настоятелей Выгорѣцкаго монастыря съ царевною, бывшею уже въ опалѣ при его посѣщеніи императоромъ Петромъ, скорѣе имѣли бы совершенно иной результатъ для монастыря, чѣмъ то благоволеніе или снисхожденіе, которое оказано ему было государемъ. Скорѣе можно предполагать, что Петръ Великій, любившій умныхъ русскихъ людей, къ какому сословію они ни принадлежали бы, увлеченъ былъ своими бесѣдами съ развитымъ и начитаннымъ Андреемъ Денисовымъ [2]). Несомнѣненъ, однако,

Старообрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

тотъ историческій фактъ, что Андрей Денисовъ толковалъ псалтирь царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, причемъ присутствовала обыкновенно ея дочь, Анна Іоанновна, которая и вспомнила объ Андреѣ Денисовѣ, когда сдѣлалась императрицею. Митрополитъ Евгеній слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его нравственную сторону: «Одаренный отъ природы проницательнымъ умомъ и способностью слова и пріобрѣвъ прилежнымъ чтеніемъ книгъ обширныя свѣдѣнія въ древностяхъ россійской церкви, онъ чувствовалъ, что ему недостаетъ только знанія правилъ грамматики, логики и рито-

[1]) См. «Полное историческое извѣстіе», протоіерея Іоаннова, стр. 115.

[2]) Начальникъ олонецкихъ горныхъ заводовъ, Геннингъ, былъ также благосклонно расположенъ къ Выгорѣцкому монастырю и, по его ходатайству передъ Петромъ I, Даніилъ Викуличъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи.

рики. Но въ Москвѣ и въ Кіевѣ онъ нашелъ себѣ учителей въ этихъ наукахъ и самъ сталъ сочинять и говорить въ скитахъ краснорѣчивыя поученія. Послѣ чтенія въ собраніи бесѣдъ св. отцовъ, онъ присовокуплялъ иногда и свои сладкорѣчивыя словоученія. Онъ выучилъ этимъ наукамъ брата своего Симеона, уставщика (экклесіарха) Петра Прокофьева и другихъ, которые всѣ помогали ему въ сочиненіи расколоучительныхъ тетрадокъ, разсылавшихся къ единомышленникамъ по всей Россіи».

Гораздо восторженнѣе отзывается объ Андреѣ Денисовѣ Павелъ Любопытный въ своемъ словарѣ. Онъ говоритъ, что это былъ «поморской церкви знаменитый членъ, мужъ ученѣйшій, высокихъ талантовъ, твердаго духа и дивной памяти, примѣрной добродѣтели, первый образователь Выгорѣцкой киновіи и украситель церковнаго благолѣпія, славный писатель и строгій дѣятель нравственности, первый и единственный побѣдитель бывшей бури и лютаго никоніасма, твердый признатель вѣчности брачнаго бытія въ Христовой [1]) церкви. Онъ, будучи знатный политикъ, былъ собесѣдникъ царскаго двора и высокихъ особъ іерархіи и другъ великихъ вельможъ; писатель Діаконовыхъ отвѣтовъ противъ Питирима, нижегородскаго епископа. Славный мужъ во всѣхъ концахъ Христовой церкви и знаменитый въ отличномъ кругѣ внѣшнихъ особъ, просвѣтившій благочестіемъ многія страны и обезсмертившійся своими доблестями во всей пространной Россіи, управляя славно своею киновіею непрерывно двадцать семь лѣтъ». Эльпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, признавая Андрея Денисова глубокимъ знатокомъ археологіи, намѣренъ, какъ онъ мнѣ сообщилъ, на слѣдующемъ археологическомъ съѣздѣ, прочитать свой докладъ «Объ Андреѣ Денисовѣ, первомъ археологѣ Россіи».

По отдѣленіи женскаго скита отъ мужскаго, главнымъ начальникомъ и наставникомъ надъ обоими скитами сталъ Даніилъ Викуличъ, а помощникомъ его былъ Андрей Денисовъ, который преимущественно занимался хозяйственными дѣлами монастыря. Ихъ обоихъ, впрочемъ, было принято называть настоятелями. Заботъ о хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, объ его устройствѣ и снабженіи всѣмъ необходимымъ, было въ первые годы немало. Инокамъ и инокинямъ приходилось жить очень скудно. Иконъ и книгъ въ часовнѣ скита было мало, колоколовъ вовсе не было, такъ что къ службамъ звонили, или, вѣрнѣе, били въ доску. Дороги въ скитъ не было, такъ что ходили въ него на лыжахъ съ карежами. Годами хлѣба на монастырскихъ пашняхъ не поспѣвали отъ раннихъ заморозковъ, такъ что въ пропитаніи самомъ необходимомъ нуждались. Въ иной день, пообѣдавъ, монашествующіе не знали, бу-

---

[1]) У Павла Любопытнаго подъ словами «Христовой» церкви слѣдуетъ понимать «поморской» церкви.

дутъ ли ужинать, и часто дѣйствительно оставались безъ ужина. Въ одинъ изъ такихъ недородныхъ годовъ, для устраненія угрожавшаго голода, монахи устроили на рѣкѣ Выгѣ, въ шести верстахъ отъ своей обители, мельницу съ толчеею, на которой стали сѣчь ржаную солому и толочь ее на муку. Изъ подобной соломенной муки, примѣшивая ее къ ржаному раствору, они пекли себѣ хлѣбъ, но какъ онъ не держался въ караваѣ, то помеломъ его пахали изъ печи въ бураки и короба. Такая нужда заставила искать себѣ хлѣба по другимъ мѣстамъ. Вслѣдствіе того Андрей Денисовъ посланъ былъ съ людьми на Волгу, въ Нижній, на промыселъ хлѣба, потому что тамъ въ то время ржаной хлѣбъ былъ до того дешевъ, что за четверть платили двѣ гривны. Добрые люди помогли Андрею Денисову; часть хлѣба была имъ куплена для монастыря, а частью онъ былъ пожертвованъ ему доброхотами. По словамъ поморскаго лѣтописца, въ концѣ семнадцатаго и началѣ восемнадцатаго столѣтій, путь для перевозки хлѣба съ Волги на сѣверный берегъ Онежскаго озера былъ слѣдующій: водою хлѣбъ привезенъ былъ въ Бадоги, оттуда на Вытегру [1]), изъ Вытегры въ Пигматку, причемъ лѣтомъ хлѣбъ шелъ водою на суднѣ. Изъ Пигматки въ монастырь монахи переносили рожь на своихъ спинахъ.

Неоднократныя поѣздки Андрея Денисова по главнымъ городамъ Россіи, по дѣламъ своего монастыря, увеличили количество пожертвованій, доставили ему знакомство и связи, и послужили къ обогащенію его ума новыми знаніями. На этихъ поѣздкахъ онъ и выучился въ Москвѣ и Кіевѣ грамматикѣ, логикѣ и риторикѣ. Онъ покупалъ чрезъ своихъ монаховъ хлѣбъ на данныя ему купцами деньги въ низовыхъ городахъ, по Волгѣ, доставлялъ его въ Петербургъ, и барышами отъ этого торговаго оборота обогащалъ свой монастырь. Честность его операцій внушала къ нему всеобщее довѣріе. Посѣщая разные города для сбора подаяній, Андрей Денисовъ покупалъ старинныя книги, рукописи, иконы, осматривалъ старопечатныя книги, если не могъ ихъ пріобрѣсти, а также осматривалъ кресты, чудотворныя иконы, мощи и ихъ перстосложенія, собирая такимъ образомъ какъ можно болѣе матеріала для доказательства правоты своего ученія. Ѣздилъ онъ также по разнымъ монастырямъ. Отъ подобныхъ поѣздокъ Выгорѣцкій монастырь

[1]) Въ то время на Вытегрѣ стала усиливаться хлѣбная торговля и судопромышленность. Во время шведской войны, Петръ I прислалъ на Вытегру мастеровъ, чтобы строили суда по новому образцу, которыя могли бы ходить съ припасами въ море къ войскамъ. Въ Петербургъ хлѣбъ съ Волги шелъ тогда чрезъ Вытегру. Жители Выгорѣцкой обители также строили суда по новому образцу, данному Петромъ I, и продавали ихъ, или промышляли на нихъ доставкою товаровъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ они извлекали немалую отъ того для себя пользу.

богатѣлъ и усиливался. Прежней скудости въ немъ уже не было. Монахи и монахини не только не питались хлѣбомъ изъ соломенной муки, но уже располагали въ своихъ обителяхъ скотными и конными дворами. Въ скиту находились искусные иконописцы, книгописцы, пѣвцы, знатоки древняго устава церковнаго и богатое собраніе старыхъ письменныхъ и печатныхъ, церковныхъ, учительскихъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, церковныхъ утварей и прочихъ древностей [1]). Естественнымъ послѣдствіемъ такой обстановки Выгорѣцкаго скита было то, что онъ сдѣлался могущественнымъ центромъ раскола не для одного Олонецкаго и Поморскаго края, но и для остальной Россіи.

Такъ какъ Петръ I неоднократно пріѣзжалъ на Олонецкіе заводы, для осмотра производившагося тамъ изготовленія разнаго оружія и снарядовъ, то настоятели Выгорѣцкаго монастыря, Даніилъ и Андрей, по совѣту съ остальною братіею, а равно съ выборными и съ Суземскимъ старостою, каждый разъ отправляли къ царю своихъ посланныхъ съ письмами и разными подношеніями. Эти подношенія состояли въ живыхъ оленяхъ и разнаго рода птицахъ. Иногда вмѣсто живыхъ подносили застрѣленныхъ. Однажды выговцы поднесли императору въ подарокъ пару рослыхъ быковъ. Петръ I милостиво принималъ отъ посланныхъ означенные подарки и вслухъ всѣмъ окружавшимъ его читалъ письма, присланныя изъ монастыря. «Въ то время, — пишетъ поморскій лѣтописецъ, — немало было съ разныхъ сторонъ клеветъ на Выгорѣцкую обитель, но императоръ не внималъ имъ».

Но, не смотря на такое милостивое отношеніе Петра I къ Выговскому монастырю, который воспользовался его благосклонностью и выстроилъ свои «постоялые хоромы и амбары» на Петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ, высшая духовная власть съ неудовольствіемъ взирала на возроставшее на сѣверѣ значеніе этого центра раскола. Случай къ выраженію этой неблагосклонности вскорѣ представился. Въ 1715 году, въ первой трети декабря, въ Новгородъ пріѣхалъ братъ Андрея Денисова, Симеонъ, по дѣламъ своего монастыря. Главная цѣль его поѣздки заключалась въ пріобрѣтеніи для монастыря великихъ Миней Четіихъ Макарьевскихъ. Хотя Симеонъ Денисовъ былъ снабженъ законнымъ паспортомъ, но его арестовали какъ лжеучителя и доставили къ тогдашнему новгородскому митрополиту Іову, которой приказалъ его заковать въ желѣзо и посадить въ тюрьму. Симеонъ Денисовъ просидѣлъ четыре года въ

---

[1]) Протоіерей Іоанновъ пишетъ, что онъ видѣлъ у безпоповцевъ много книгъ, подписанныхъ собственными руками благочестивыхъ особъ царской фамиліи, царевенъ, князей и княгинь, архіереевъ и патріарховъ, изъ древнихъ россійскихъ архипастырей; также много иконъ, крестовъ напрестольныхъ, старинныхъ евангелій съ надписями лѣтъ, богатой утвари, сдѣланной царскимъ иждивеніемъ или богатыхъ благочестивыхъ бояръ.

заточеніи въ архіерейскомъ домѣ. «И великимъ томленіемъ мучиша страдальца и коварными вопросами о древнемъ благочестіи того испытоваша. А како той исповѣдникъ древнецерковное благочестіе защищаше, свидѣтель тому есть не ложенъ, премудрое его сочиненіе, поданное ему, митрополиту Іову», — пишетъ поморскій лѣтописецъ.

Вѣсть о заключеніи подъ стражу Симеона Денисова вызвала сильную горесть въ Выгорѣцкомъ монастырѣ. Особенно печалилась сестра его, Соломонія, которая воспитала Симеона, оставшагося малолѣтнимъ послѣ смерти матери. «И убо заповѣда постъ по всѣмъ скитонаселеніямъ, уставиша на всякъ день по 300 поклоновъ полагати». Андрей Денисовъ отправился въ Петербургъ хлопотать у вельможъ объ освобожденіи его брата. Вѣроятно, дѣйствительно, у него были большія связи, если, по словамъ поморскаго лѣтописца, самъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ поѣхалъ въ Новгородъ просить за Симеона Денисова, но «коварствомъ рѣченнаго митрополита Іова прелукованъ бысть князь». Меньшиковъ возвратился въ Петербургъ и разсказалъ своей женѣ о неуспѣхѣ своей поѣздки. Княгиня Меньшикова, зная хитрость, употребленную митрополитомъ, отвѣчала своему мужу: «Дивлюсь я вашей великокняжеской свѣтлости, яко съ коликою свѣтлостью отъ царскаго величества осіяннаго тебѣ князя гнилоносый чернецъ, оболгавъ бѣднаго узника, яко бы твоей свѣтлости ругателя и твое сіятельство скотиною нарекшаго». Не успѣвъ добиться освобожденія брата при помощи Меньшикова, Андрей Денисовъ обратился къ «высокопревосходительному господину ландрихтеру Якову Никитичу Корсакову» и убѣдилъ его своимъ краснорѣчіемъ помочь ему въ бѣдѣ. Корсаковъ добился, что митрополитъ Іовъ со своимъ узникомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и что, во время шествія на пиръ, императоръ Петръ, увидѣвъ въ преддверіи палаты узника, спросилъ у него, кто онъ, откуда и какого званія. Симеонъ Денисовъ подробно разсказалъ обстоятельства своей жизни и «крестнымъ двуперстнымъ знаменіемъ показа себя быти древлецерковнаго благочестія ревнителя непреклонна. Самодержецъ же, похваливъ крестное знаменіе, рѣче: добре крестится». Затѣмъ у государя произошелъ разговоръ съ Симеономъ Денисовымъ о числѣ просфоръ, употребляемыхъ при божественной литургіи. За столомъ митрополитъ Іовъ обратился къ государю съ слѣдующими словами: «прикажи, государь, сего раскольника сжечь», но Петръ I ему отвѣчалъ: «прежде надлежитъ книги старыя истребить, тогда и сего юношу сжечь». Императоръ прибавилъ, что его безъ вины нельзя осудить, что несвѣдущему, ради своего стыда не слѣдуетъ вдаваться съ нимъ въ разсужденія, и не дозволилъ митрополиту мучить узника, хотя и не лишилъ права продолжать ему свои увѣщанія. Такимъ образомъ всѣ попытки Андрея Денисова освободить своего брата,

чрезъ сильныхъ тогда людей, не имѣли успѣха, и только послѣ смерти митрополита Іова Симеонъ былъ выданъ за деньги стражею его единовѣрцамъ и водою достигъ Выговскаго монастыря, проведя въ заточеніи около четырехъ лѣтъ.

Святѣйшій синодъ со своей стороны не могъ принять другой мѣры противъ Выгорѣцкаго центра старовѣрцевъ [1]), кромѣ отправки къ нимъ отеческаго увѣщанія, на что̀ и послѣдовало согласіе императора Петра I, 22-го апрѣля 1722 года. Съ этою цѣлью на Олонецкіе Петровскіе заводы посланъ былъ іеромонахъ Неофитъ, свѣдущій въ церковныхъ правилахъ. Ему дана была инструкція, состоявшая въ 17-ти пунктахъ. Со своей стороны, Неофитъ написалъ 106 вопросовъ о правовѣріи и передалъ ихъ чрезъ олонецкаго ландрата главнымъ наставникамъ Выгорѣцкаго монастыря. Когда тамъ узнали объ этой правительственной мѣрѣ, то во всѣхъ пустынножительствахъ предписаны были постъ и молитва, чтобы Господь Богъ помогъ имъ соблюсти свое благочестіе и на разглагольствіе съ іеромонахомъ Неофитомъ, на которое они потребованы были указомъ, «непостыднымъ явитися». На вопросы велѣно было написать отвѣты и съ ними явиться на разглагольствіе, въ концѣ декабря того же года; въ случаѣ же несоставленія отвѣтовъ или непрібытія на разглагольствіе, старовѣрцы должны были подлежать гражданской казни или покориться православной церкви.

Писать отвѣты на 106 вопросовъ принялъ на себя Андрей Денисовъ. Ему помогали братъ его, Симеонъ, и Трифонъ Петровъ. По словамъ поморскаго лѣтописца, Андрей Денисовъ писалъ преимущественно эти отвѣты въ Лексинскомъ скитѣ, куда онъ часто любилъ удаляться, предпочитая тамошнее уединеніе и безмолвіе. Тутъ же съ нимъ случилось и несчастіе. Однажды, онъ написалъ много «о святомъ трисоставномъ крестѣ и свидѣтельствомъ изъ священнаго писанія оное позлати». Затѣмъ онъ сталъ молиться и во время своихъ молитвъ вздремнулъ надъ тѣмъ, что написалъ. Вдругъ онъ проснулся отъ густаго дыма, наполнившаго его келію, и увидѣлъ, что отъ всего написаннаго осталась только пригорѣлая бумага, совершенно истлѣвшая. Отвѣты Андрея Денисова извѣстны подъ названіемъ «пустынножительскихъ», «выгорѣцкихъ», «олонецкихъ», «поморскихъ» и считаются у безпоповцевъ классическою книгою. Братъ его, Симеонъ, сверхъ того, написалъ два историческія сочиненія: одно о взятіи Соловецкаго монастыря при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и о убіеніи бывшихъ тамъ «мучениковъ» (т. е. мятежниковъ противъ царской власти), а другое «о страдальческой кончинѣ собратій своихъ, отъ Аввакума происшедшихъ», казненныхъ за бунты и мятежи.

---

[1]) Павелъ Любопытный и поморскій лѣпописецъ называютъ безпоповцевъ старовѣрами и старовѣрцами, а поповщинцевъ старообрядцами.

Андрей Денисовъ скончался 1-го марта 1730 года, на 56-мъ году жизни. По разсказу поморскаго лѣтописца, смерть ему была предсказана одною юродивою, Ириною, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Андрей Денисовъ, незадолго передъ своею кончиною, находился въ Лексинскомъ женскомъ монастырѣ и бесѣдовалъ тамъ «съ нѣкоторыми благоизбранными постницами о цѣломудренномъ постническомъ пребываніи». Затѣмъ, онъ поникъ головою и сказалъ: «А все у меня не выходитъ изъ головы скорое пресѣченіе жизни, въ такой юности преставившагося государя Втораго Петра Алексѣевича». Услышавъ эти слова, повѣнецкая юродивая Ирина, имѣвшая обыкновеніе часто бывать въ келіи настоятеля, сказала:

Старообрядческая Лексинская пустынь въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

«намъ, отче, тебя жаль», а потомъ вторично: «намъ тебя жаль». Андрей Денисовъ, помолчавъ немного, причемъ лицо его приняло горестное выраженіе, отвѣчалъ ей: «О свѣтъ, Ирина, ты мнѣ предвѣщаешь смерть, а я еще имѣю намѣреніе, если Богъ благословитъ, по разлитіи нынѣшнихъ весеннихъ водъ, ѣхать въ Москву, гдѣ меня ждутъ для нѣкоторыхъ благословныхъ случаевъ. А ты мнѣ смерть предвѣщаешь!» Ирина, прослезившись, въ третій разъ ему сказала: «намъ, отче, тебя жаль». Послѣ этихъ словъ, Ирина вышла изъ кельи настоятеля.

Митрополитъ Евгеній говоритъ, что Андрей Денисовъ скончался отъ апоплексическаго удара. Въ поморской рукописи болѣзнь его описана иначе. На третьей недѣлѣ великаго поста, въ четвергъ, послѣ обѣдни, онъ опасно занемогъ, такъ что въ пятницу и субботу страдалъ сильною головною болью. При наступленіи вечерней

службы, вся братія отправилась на богослуженіе въ соборный молитвенный храмъ, а при Денисовѣ остался только келейникъ Іоаннъ Герасимовъ. Андрей Денисовъ лежалъ въ «великой скорби», но вдругъ всталъ съ своего одра и, зажгя своими руками двѣ свѣчи, поставилъ одну передъ образомъ Всемилостивѣйшаго Спаса, а другую передъ иконою Пречистыя Его Матери, и, помолясь передъ ними, сказалъ Іоанну Герасимову, чтобы онъ поскорѣе кого нибудь послалъ за его сестрою Соломоніею. Онъ хотѣлъ еще кое-что сказать, но келейникъ уже не могъ разобрать сказаннаго ему. Къ умирающему собралась вскорѣ вся монастырская братья, пришли Симеонъ и Соломонія. Но Андрей Денисовъ, узнавъ ихъ и облобызавъ брата, ничего уже не могъ говорить и только крестился и смотрѣлъ на иконы. Въ три часа по полудни онъ скончался.

Павелъ Любопытный въ своемъ словарѣ перечисляетъ 119 сочиненій, принадлежащихъ перу Андрея Денисова, и присовокупляетъ къ тому слѣдующую ихъ характеристику: «Были его и другія изящныя творенія, ограждающія церковь Христову отъ лютости міра, никоніазма и поражающія враговъ и супостатовъ благочестія. Были прекрасныя посланія къ мѣстнымъ пастырямъ и благочестивымъ мужамъ о назиданіи Христова стада и благолѣпіи церкви. Тоже были его посланія занимательныя, живыя, любопытствомъ и краснорѣчіемъ дышущія къ царскимъ лицамъ, великимъ вельможамъ и архипастырямъ внѣшней церкви, никоніанамъ. Впрочемъ, къ сожалѣнію ученыхъ, всѣ они погибли то отъ лютости пожаровъ, то отъ грубаго невѣжества, то отъ тиранизма». По словамъ митрополита Евгенія, Андрей Денисовъ, въ похвалу экклесіарху Петру Прокофьеву, умершему въ 1719 году, написалъ надгробное слово, въ которомъ описалъ всю исторію олонецкихъ раскольничьихъ монастырей и главныхъ ихъ заводчиковъ. Петръ Прокофьевъ былъ также славнымъ писателемъ. Онъ собралъ двѣнадцать книгъ мѣсячныхъ миней, составленныхъ изъ разныхъ поученій и жизнеописаній своихъ единомышленниковъ, которые ежедневно читались и читаются въ скитахъ.

Поморскій лѣтописецъ утверждаетъ, что Андрей Денисовъ зналъ въ совершенствѣ не только пустынный постническій уставъ, но также торговый, приказный, воинскій. Когда онъ бесѣдовалъ съ иноками о постническомъ уставѣ, о благоговѣйныхъ предметахъ, то онъ являлся имъ совершеннымъ инокомъ. Если же онъ разсуждалъ о купеческихъ дѣлахъ съ торговыми людьми, то онъ представлялся имъ не иначе, какъ опытнымъ, знающимъ купцомъ. Также точно Андрей Денисовъ, съ полнымъ знаніемъ предмета, могъ говорить съ приказными о приказныхъ дѣлахъ, съ земледѣльцами о земледѣліи. Бесѣдуя съ премудрыми учителями о премудрыхъ дѣлахъ, онъ имъ являлся не иначе, какъ мудрымъ ученымъ. Такія же глубокія познанія онъ высказывалъ и въ воинскихъ уста-

вахъ, когда рѣчь касалась о нихъ въ разговорахъ съ военноначальниками. Подобныя всестороннія знанія его привлекали къ нему многихъ сторонниковъ, увеличивали его связи. Епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ[1]), славный риторъ своего времени, неоднократно собственноручными письмами приглашалъ къ себѣ на собесѣдованія Андрея Денисова. Онъ сдѣлался извѣстенъ не только во всей Россіи, но и въ заграничныхъ государствахъ, куда проникали въ то время его сочиненія. Петрозаводскіе ландраты много разъ имѣли съ нимъ пространныя сужденія о политическихъ, гражданскихъ дѣлахъ и всегда удивлялись глубинѣ его познаній и здравому природному уму. Одинъ изъ нихъ, восхищенный однажды его сужденіями, воскликнулъ: «Если бы ты, Андрей Діонисьевичъ, былъ согласенъ съ великороссійскою церковью, то надлежало бы быть тебѣ патріархомъ».

Андрей Денисовъ былъ средняго роста, худощавъ; волосы на головѣ и на бородѣ были русые, кудрявые, украшенные небольшою сѣдиною; борода у него была круглая, подобная бородѣ Іоанна Златоустаго (выраженіе поморскаго лѣтописца); глаза были свѣтлые; брови приподнятые, носъ продолговатый, немного горбатый. Это описаніе его совершенно сходно съ представленнымъ его изображеніемъ. Художникъ нарисовалъ Андрея Денисова за письменнымъ простымъ столомъ, пишущимъ одно изъ своихъ краснорѣчивыхъ посланій, которыя читались съ увлеченіемъ его единовѣрцами. Положеніе, данное фигурѣ Андрея Денисова, одежда его, занятіе представляютъ кое-что сходное съ изображеніемъ евангелистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все это сдѣлано художникомъ не безъ цѣли. Въ правомъ углу божница съ иконами; подъ нею лѣстовка. Книги на полкѣ, въ шкафу, на столѣ, свидѣтельствуютъ, что хотя мы видимъ передъ собою небольшую комнату, просто убранную, въ бревенчатомъ домѣ, однако въ этомъ скромномъ помѣщеніи хозяинъ оказывается мужъ начитанный, съ умомъ просвѣщеннымъ, владѣющій краснорѣчивымъ перомъ. Кресло, въ которомъ сидитъ Андрей Денисовъ, деревянная скамья подъ его ногами, одѣтыми въ тонкіе башмаки, дополняютъ собою обстановку, вѣрную картину которой взялся представить художникъ, чтобы воскрешать въ памяти послѣдователей поморскаго учителя память о немъ. На стѣнѣ у окна виситъ картина, изображающая епископа Павла Коломенскаго, передъ которымъ находятся протопопы Аввакумъ и Иванъ Нероновъ. И эта картина оказывается необходимою принадлежностью комнаты Андрея Денисова, въ которой онъ работалъ надъ своими многочисленными сочиненіями. Андрей Денисовъ питалъ глубокое уваженіе къ Павлу Коломенскому, которое и выразилъ слѣдующими словами въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Былъ онъ у насъ яко

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ сильнымъ покровителемъ Андрея Денисова.

нѣкій Моисей и Ааронъ, посланный Божіимъ изволеніемъ на утвержденіе новаго Израиля, то есть беззлобливыхъ и богобоязливыхъ поморскихъ людей, идѣже, нѣкое время пребывъ, свободно поучаше народы, утверждая ихъ жити въ святоотеческомъ благочестіи и нововышедшихъ уставовъ никоновыхъ блюстися наказуя» [1]).

Подобный выдающійся дѣятель, какъ Андрей Денисовъ, родившійся среди олонецкихъ лѣсовъ и всю жизнь дѣйствовавшій въ этомъ пустынномъ краѣ, обязанъ своимъ вліяніемъ на умы оторгшихся отъ православной церкви не столько своей безупречной жизни, сколько своимъ сочиненіямъ, которыя повсюду распространяли его мысли, его поученія, его наставленія. Они создали еще при его жизни такой ореолъ около его имени, который донынѣ заставляетъ поморцевъ чтить его память и имѣть его изображенія въ своихъ помѣщеніяхъ [2]).

Пав. Усовъ.

[1]) Выговская пустынь находится въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, въ 72 верстахъ отъ Повѣнца. Въ 1857 году, соборная молельня этой пустыни принята была въ вѣдѣніе православной церкви и обращена въ церковь Успенія Пресвятой Богородицы, а на мѣсто трапезы, составлявшей часть соборной часовни, устроенъ придѣлъ во имя св. Троицы.

[2]) Портретъ Андрея Денисова, посланный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Петрозаводска Эльпид. Васил. Барсовымъ ректору Кіевской духовной академіи, архимандриту Филарету (въ послѣдствіи бывшему рижскимъ преосвященнымъ), далъ послѣднему мысль основать при академіи историческій музей. Мысль эта была осуществлена, и означенный музей принадлежитъ нынѣ къ числу наилучшихъ учрежденій этого рода.

БѢЛАЯ ДАМА[1]).

I.

НЫНѢШНЯЯ столица Германской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ столица королевства Прусскаго — Берлинъ не былъ издревле достояніемъ Гогенцолернскаго дома, такъ какъ эта нѣкогда славянская селитьба была первоначально завоевана саксонскими герцогами. Послѣ же пресѣченія такъ называемой асканійской линіи саксонскаго дома, Берлинъ, какъ оказывается по новѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, былъ «вольнымъ городомъ», т. е. республиканскою городскою общиною, состоявшей подъ верховнымъ покровительствомъ римско-нѣмецкихъ императоровъ изъ австрійско-габсбургскаго дома. Въ виду этого, нынѣшніе обитатели Берлина задаютъ вопросъ, какимъ же образомъ предки ихъ, бывшіе прежде вольными, самоуправлявшимися гражданами, обратились въ вѣрноподанныхъ свѣтлѣйшаго Гогенцолернскаго дома, который съ первоначальной, весьма скромной степени маркграфовъ бранденбургскихъ перешелъ на степень герцоговъ прусскихъ, потомъ курфюрстовъ бранденбургскихъ, далѣе королей прусскихъ и, наконецъ, императоровъ германскихъ и въ которомъ появилась впервые «Бѣлая Дама».

---

[1]) Статья эта была передана намъ покойнымъ Е. П. Карповичемъ, по возвращеніи его изъ-за границы, въ октябрѣ прошлаго года, за нѣсколько дней до кончины. Случайное замедленіе въ полученіи гравюръ, выписанныхъ изъ-за границы, лишило насъ возможности напечатать статью раньше. *Ред.*

Разсказъ о постепенномъ возвышеніи Гогенцолернскаго или Бранденбургскаго дома не будетъ предметомъ настоящей нашей статьи, но одна изъ ступеней такого возвышенія тѣсно связана съ разсказами о «Бѣлой Дамѣ», о недавнемъ появленіи которой въ старинномъ берлинскомъ «бургѣ», жилищѣ курфюрстовъ бранденбургскихъ, говорили газеты.

Въ Берлинѣ, какъ въ городѣ, входившемъ въ составъ Ганзейскаго союза, пріобрѣли особенное значеніе торговые и промышленные люди, преимущественно купцы суконной гильдіи. Эти люди, хлопотавшіе только о своихъ денежныхъ выгодахъ, мало заботились о политическомъ устройствѣ своей родины, и этимъ обстоятельствомъ пожелалъ воспользоваться одинъ изъ предковъ Гогенцолернскаго дома, курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ I. Въ 1412 году, онъ, въ качествѣ государя той области, въ которой находился Берлинъ, вздумалъ было торжественно пожаловать въ этотъ городъ, но берлинцы заперли передъ нимъ ворота и не допустили его войдти въ городъ. Мало того, когда преемникъ Фридриха I захотѣлъ построить себѣ дворецъ, или, по-старинному, «бургъ», въ Берлинѣ или въ пригородѣ его Кёльнѣ-Старинномъ, славянскомъ урочищѣ, называвшемся Гольмъ, т. е. Холмъ,—то мѣстные жители не разрѣшили ему такой постройки въ городской чертѣ ни Берлина, ни Кёльна, а только позволили его свѣтлости поселиться на берегу рѣки Шпрее, занявъ ту полосу земли, которая считалась не принадлежащей ни тому, ни другому городу. Курфюрстъ былъ, однако, себѣ на умѣ. Онъ не отказался отъ такого ограничительнаго предложенія и на указанномъ ему мѣстѣ построилъ въ 1452 году «бургъ», въ которомъ нынѣ преимущественно обитаетъ таинственная «Бѣлая Дама».

«Бургъ» былъ возведенъ по образцу тогдашнихъ замковъ, которые, сверхъ того, что были жилищами владѣтельныхъ особъ, служили еще надежными крѣпостями и военнымъ оплотомъ какъ противъ внѣшнихъ враговъ, такъ равно и противъ мятежныхъ подданныхъ. Поселившись въ «бургѣ», въ промежуткѣ между Кёльномъ и Берлиномъ, и обзаведясь тамъ служилыми людьми, курфюрстъ Фридрихъ II, достаточно увѣренный въ своей безопасности и полагаясь на свою вооруженную силу, началъ мало-по-малу давать чувствовать своимъ сосѣдямъ-горожанамъ свое надъ ними господство. Обстоятельства благопріятствовали утвержденію власти курфюрста. Въ ту пору въ Берлинѣ, какъ въ вольномъ городѣ, спорили между собою жители о преобладаніи въ городскихъ дѣлахъ, и враждовавшія между собою стороны начали обращаться къ сильному сосѣду съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ. Курфюрстъ въ этомъ случаѣ не давалъ маху. Первоначально онъ вмѣшивался въ городскія дѣла только по призыву самихъ жителей Берлина и Кёльна, а потомъ началъ постепенно распоряжаться уже безъ всякаго приглашенія и, наконецъ, дошелъ до того, что сталъ притя-

гивать къ своему суду и тѣхъ горожанъ, которыхъ признавалъ виновными по своему собственному усмотрѣнію, или которые казались ему подозрительными. Короче сказать, засѣвъ въ своемъ «бургѣ», курфюрстъ Фридрихъ II сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ обоихъ сливавшихся между собою городовъ подъ однимъ общимъ для нихъ названіемъ—Берлинъ, который утратилъ постепенно всѣ свои привиллегіи и доходы, а всѣ улицы и площади были объявлены собственностью курфюрста, а не города, что существовало до 1878 года.

Между тѣмъ, постройки «бурга» расширялись, но пока никакихъ разсказовъ о являвшихся въ немъ привидѣніяхъ въ народной молвѣ не ходило, хотя мрачный и сурово-глядѣвшій «бургъ» располагалъ къ такому вѣрованію, но этому отчасти препятствовала новизна его постройки, такъ какъ вообще разнаго рода нечистая сила, по народному суевѣрію, не тотчасъ заводится въ новомъ строеніи, а только со временемъ. Притомъ «бургъ» долженъ былъ наводить на берлинцевъ болѣе осязаемый страхъ, нежели смутные разсказы о привидѣніяхъ, такъ какъ берлинцы поняли, что въ «бургѣ» засѣли такіе грозные владыки, которые съумѣютъ расправиться съ вольнолюбивыми горожанами, и потому появленіе суроваго курфюрста на берлинскихъ улицахъ, даже среди бѣлаго дня, нагоняло на жителей большій ужасъ, нежели тотъ, какой могло бы нагнать на нихъ появленіе «Бѣлой дамы» среди ночнаго мрака. Не даромъ берлинцы прозвали Фридриха II «Желѣзный Зубъ», такъ какъ попасть ему на зубъ было гораздо опаснѣе, нежели встрѣтиться съ привидѣніемъ въ видѣ «Бѣлой Дамы».

II.

Отвластвовали послѣ Фридриха II въ Берлинѣ преемники его, курфюрсты бранденбургскіе: Альбертъ, прозванный и Ахиллесомъ, и Уллисомъ; Іоганъ, прозванный Цицерономъ; послѣ него были слѣдомъ одинъ за другимъ два Іоакима, первый и второй, а преемникомъ этого послѣдняго былъ Іоганъ-Георгъ. Ко временамъ этихъ курфюрстовъ относится и первое появленіе въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы». Оба они проживали въ обители своихъ предковъ въ «бургѣ», гдѣ пока все обстояло благополучно до курфюрста Іогана-Георга. Никакихъ призраковъ и привидѣній въ прежнюю пору въ «бургѣ» не появлялось. Домовой тамъ не шалилъ и велъ себя такъ смирно, что даже не возился ни на чердакѣ, ни за печкой.

Курфюрсту Фридриху II, для постройки «бурга», отведено было мѣсто на сѣверной оконечности такъ называемаго Вердера, вблизи Стараго-Кёльна. Оно занимало пространство отъ монастыря доминиканов, находившагося на нынѣшней дворцовой площади, до Длиннаго моста, оттуда шло вдоль Шпрее до старинной городской стѣны,

а отсюда, захватывая въ своей чертѣ и стѣнныя башни, и лачужки, стоявшія по берегу Шпрее, шло до монастырской ограды (гдѣ нынѣ Брудеръ-Штрассе) и до городскаго кладбища, и примыкало къ нынѣшнему Лустгартену. До постройки «бурга» курфюрстъ Фридрихъ II проживалъ временно въ «высокомъ» давно уже не существующемъ домѣ, гдѣ, на время своихъ пріѣздовъ въ Берлинъ, останавливались ландсгерры, т. е. члены дворянскихъ сеймовъ.

Трудно сказать, на сколько измѣнился внѣшній видъ и внутреннее расположеніе бурга втеченіе слишкомъ четырехвѣковаго его существованія. Въ настоящее же время его окрестности и онъ самъ представляютъ такую картину.

Если, пройдя Королевскую улицу и войдя на Королевскій мостъ, взглянуть съ него направо, по теченію рѣки Шпрее, то на лѣвомъ берегу этой рѣки бросится въ глаза своеобразное, старинное зданіе, съ приземистымъ фасадомъ, въ нѣсколько этажей. Надъ этимъ зданіемъ возвышается невысокая башня съ покатистой, заостренной вверху крышей, называемой «Земною Шапкой». Къ этому зданію присоединены боковыя позднѣйшія, разновременныя пристройки. Всѣ эти старинныя постройки, какъ и самый «бургъ», по ихъ архитектурѣ далеко не соотвѣтствуютъ своими главными фасадами находящимся вблизи зданіямъ, построеннымъ во вкусѣ «ренессансъ» и обращеннымъ главными фасадами на Дворцовую площадь и на Лустгартенъ. Отъ «бурга», особенно при сравненіи его съ новѣйшими, такъ сказать, веселыми зданіями, вѣетъ таинственною стариною. Исторія Пруссіи тѣсно связана съ исторіею «бурга», который, при своей мрачности, можетъ считаться весьма подходящимъ жилищемъ для привидѣній разнаго рода.

Не смотря на суровость «бурга», въ немъ и послѣ того, какъ совершалось событіе, вызывающее появленіе въ его залахъ «Бѣлой Дамы», члены фамиліи гогенцолерновъ не очень скучно проводили время, и «бургъ», судя по гравюрѣ 1592 года, принималъ порою очень нарядный, а вмѣстѣ съ тѣмъ веселый и оживленный видъ, такъ что, взглянувъ на него въ это время, нельзя было предполагать, что въ немъ вздумало поселиться какое нибудь страшное привидѣніе. Въ это время изъ небольшихъ квадратныхъ его оконъ выглядывало порою множество молоденькихъ дамъ и дѣвицъ, и при взглядѣ на нихъ никому не могла прійдти мысль о загробныхъ призракахъ. Выглядывавшія изъ оконъ «бурга» живыя женскія существа были придворныя дамы и знатныя дѣвицы, собиравшіяся въ «бургъ», чтобы посмотрѣть съ его балконовъ и изъ его оконъ на происходившій передъ нимъ рыцарскій турниръ. Большіе балконы бурга, украшенные гербами областей, принадлежавшихъ курфюрстамъ бранденбургскимъ, были наполнены дамами, а внизу, вдоль внѣшней стѣны «бурга», стояли плотной толпою пышно-разодѣтые царедворцы и дворяне.

На площади передъ бургомъ устраивалось конское ристалище, въ которомъ, при игрѣ на трубахъ и при битіи въ литавры, участвовали и облеченные въ тяжелые желѣзные доспѣхи воины, и одѣтые въ легкій испанскій, тогда самый модный, костюмъ молодые и ловкіе кавалеры, снимавшіе турнирными копьями на всемъ скаку вѣнки, надѣтые на шею юношей, убѣгавшихъ отъ преслѣдовавшихъ ихъ всадниковъ. Участвовали въ этомъ ристалищѣ и молодыя дѣвушки, одѣтыя нимфами и ѣхавшія, сидя верхомъ, подамски, на волахъ.

Тотъ годъ, въ который происходило одно изъ такихъ пышныхъ празднествъ, сталъ замѣчателенъ тѣмъ, что подъ этимъ годомъ упоминается въ первый разъ о появленіи въ бургѣ «Бѣлой Дамы».

III.

О разныхъ замогильныхъ привидѣніяхъ существуетъ не только множество преданій, перешедшихъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ насъ вѣковъ, но и письменныя извѣстія, подкрѣпляемыя нерѣдко свидѣтельствомъ очевидцевъ. Между преданіями и извѣстіями о привидѣніяхъ занимаютъ весьма видное мѣсто разсказы о появленіи «Бѣлой Дамы». Изъ многихъ же другихъ, повидимому, наиболѣе достовѣрныхъ извѣстій, въ особенности замѣчательно извѣстіе о видѣніи шведскаго короля Карла X, въ залѣ собранія государственныхъ чиновъ, находящейся въ Риттерсгольмскомъ дворцѣ, въ Стокгольмѣ. Дѣйствительность этого страннаго явленія засвидѣтельствована актомъ, хранящимся въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

Другимъ также замѣчательнымъ явленіемъ было, по преданію, видѣнное многими свидѣтелями появленіе императрицы Анны Ивановны ночью, въ тронной залѣ прежняго Зимняго дворца въ Петербургѣ, за годъ до ея кончины. По другому же разсказу, внесенному въ «Записки» короля французскаго Людовика XVIII, видѣніе это относится ко времени императрицы Екатерины II, которой будто бы пришлось увидѣть самое себя, сидящею на тронѣ, при какомъ-то странномъ зеленоватомъ освѣщеніи всей залы, тоже въ прежнемъ Зимнемъ дворцѣ. Къ этому добавляютъ, что и Анна, и Екатерина приказали находившимся въ залѣ караульнымъ солдатамъ стрѣлять въ привидѣніе. Отъ сдѣланнаго изъ нѣсколькихъ ружей залпа разлетѣлись въ дребезги и оконныя стекла, и зеркала, причемъ привидѣніе медленно сошло съ трона и, проходя мимо Анны или Екатерины, погрозило и той и другой пальцемъ и затѣмъ исчезло безшумно и безслѣдно, а зала мгновенно погрузилась въ непроницаемый мракъ. Во время правленія принцессы Анны Леопольдовны, въ Петербургѣ ходила молва, будто въ соборѣ Петропавловской крѣпости встаетъ по ночамъ изъ могилы Петръ I

и требуетъ, чтобы русскій престолъ былъ отданъ его дочери Елисаветѣ. Причина распространенія такой молвы весьма понятна, такъ какъ въ то время готовился тайно династическій переворотъ въ пользу цесаревны Елисаветы.

Императоръ Павелъ Петровичъ самъ разсказывалъ, что, бывши еще великимъ княземъ, онъ вздумалъ, однажды, въ лунную ночь прогуляться по Петербургу, и во время этой прогулки видѣлъ шедшій съ нимъ о бокъ призракъ Петра Великаго, но сопутствовавшіе ему нѣкоторые особы его свиты, между которыми, какъ кажется, находился Куракинъ, не видѣли призрака, на который указывалъ имъ великій князь.

Сохранилось извѣстіе, что императору Наполеону I, передъ важнѣйшими событіями въ его жизни, являлся какой-то «красный человѣкъ», который, между прочимъ, пришелъ къ нему и наканунѣ роковаго его похода въ Россію.

Если въ настоящее время, когда даже среди ученыхъ естествоиспытателей оказываются спириты, настаивающіе такъ упорно на возможности появленія умершихъ съ того свѣта и на матеріализаціи духа, то, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ прежнее время такое вѣрованіе было еще въ бо̀льшемъ ходу, и вопросомъ о появленіи мертвецовъ занимались немало и извѣстные ученые. Такъ Лафатеръ, какъ кажется, предокъ извѣстнаго физіономиста того же имени, издалъ въ 1570 году, въ Цюрихѣ, сочиненіе подъ заглавіемъ «De spectris lecoribus etc.», а Лелойе издалъ, въ 1586 году, обширный трактатъ подъ заглавіемъ «Les spectres se montrants aux hommes», и, наконецъ, позднѣйшее сочиненіе о пришельцахъ съ того свѣта, о странныхъ призракахъ и о привидѣніяхъ было издано въ эпоху самаго сильнаго невѣрія, въ 1750 году, въ Парижѣ: въ этомъ году появилось обширное, написанное съ ученой точки зрѣнія, изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Traité des apparitions»; авторомъ его былъ нѣкто Лангле Дюфренуа.

IV.

Появленіе «Бѣлой Дамы» — «Weisse Frau», «La Dame Blanche», было всегда исключительною принадлежностью дворцовъ владѣтельныхъ особъ и считалось предвѣстіемъ кончины кого либо изъ нихъ. Кончина такихъ особъ могла имѣть важное политическое значеніе. Поэтому подобнаго рода призракъ считался всегда привидѣніемъ аристократическимъ. Такъ какъ въ прежнее время существовало въ Германіи множество мелкихъ владѣтельныхъ родовъ — графскихъ, княжескихъ, герцогскихъ и даже баронскихъ, то каждый такой родъ хотѣлъ поднять свое значеніе увѣреніемъ о существованіи въ его семействѣ призрака «Бѣлой Дамы». Такими разсказами, какъ полагали, возвышалось понятіе о знатности того или

другаго рода, такъ какъ «Weisse Frau» не зачѣмъ было безпокоить себя для извѣщенія о предстоящей кончинѣ какихъ нибудь Миллеровъ, Шульцовъ или Шмидтовъ. Замогильная дама могла заботиться только о членахъ владѣтельныхъ фамилій, и такъ какъ въ Германіи, какъ мы уже сказали, такихъ фамилій было множество, то ни въ одной странѣ не слышатся столь часто разсказы о появленіи «Бѣлой Дамы». Почти въ каждомъ старинномъ замкѣ переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому преданіе о существованіи такого зловѣщаго призрака. Повидимому, наиболѣе достовѣрные разсказы о появленіи «Бѣлой Дамы» можно слышать въ Бер-

Анна Сидовъ.

Съ оригинальнаго рисунка, находящагося въ охотничьемъ замкѣ Грюневальдъ.

линѣ, Байретѣ, въ Карслруэ, въ Анспахѣ, Клеве, Дармштадтѣ и Альтенбургѣ.

Обыкновенно, съ разсказами о появленіи «Бѣлой Дамы» связывается какая нибудь молва романическаго содержанія, причемъ, какъ поводъ къ ея появленію, выставляется чаще всего жестокость или ревность ея супруга, приведшая неповинную жертву къ насильственной смерти.

Хотя въ Германіи развелись «Бѣлыя Дамы» преимущественно, но по ходячей молвѣ онѣ являются порою и въ другихъ странахъ. Такъ разсказы объ ихъ появленіи можно слышать въ разныхъ мѣстахъ Богеміи, а также въ Лондонѣ и въ Копенгагенѣ.

Ходитъ также молва, что въ бывшемъ королевскомъ замкѣ, въ Варшавѣ, является по временамъ таинственный призракъ, въ видѣ

какой-то дамы. Неизвѣстно, впрочемъ, кого она изображаетъ собою. Живы и теперь тѣ лица, которымъ привелось увидѣть этотъ таинственный призракъ, когда они были еще дѣтьми и пріѣхали однажды къ князю Паскевичу, чтобы быть въ дворцовой церкви у всенощной. По окончаніи богослуженія, когда гости-малолѣтки, возвращаясь въ жилыя комнаты зàмка, проходили черезъ слабо освѣщенную тронную залу, они съ ужасомъ увидѣли призракъ таинственной дамы, появившейся съ того свѣта, и живо помнятъ тотъ переполохъ, какой произвело появленіе этого призрака. Такое убѣжденіе въ дѣйствительности явленія вполнѣ понятно, если только принять въ соображеніе возростъ свидѣтелей и подготовку ихъ воображенія. Ходитъ также молва,—за достовѣрность которой мы, разумѣется, не ручаемся,—будто бы и намѣстника князя М. Д. Горчакова посѣтила однажды таинственная незнакомка въ его кабинетѣ, гдѣ онъ позднею ночью слушалъ чтеніе какого-то французскаго романа. Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, былъ очень близорукъ и разсѣянъ, и съ перваго раза онъ не увидѣлъ, но только какъ будто ощутилъ присутствіе въ его кабинетѣ загадочной гостьи. Когда князь пристально, сквозь очки, взглянулъ на двери, то оказалось, что тамъ стоитъ какая-то дама. Князь, отличавшійся всегда вѣжливостью къ представительницамъ прекраснаго пола, поспѣшилъ вскочить съ креселъ и почтительно поклониться запоздавшей посѣтительницѣ, которая, въ свою очередь, ему сдѣлала глубокій реверансъ.

Въ головѣ князя-намѣстника быстро мелькнула мысль, что, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ въ Варшавѣ, къ нему могла проникнуть если не какая нибудь рѣшительная польская патріотка, чтобы покуситься на его жизнь, то, вѣроятно, могла пробиться какая нибудь настойчивая просительница.

Князь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы подойдти къ вошедшей неслышными шагами дамѣ и освѣдомиться о причинѣ ея неурочнаго прихода, и притомъ безъ всякаго предварительнаго о себѣ доклада, но каковъ былъ его ужасъ, когда посѣтительница вдругъ изчезла, и, по словамъ самого князя, онъ только почувствовалъ одуряющій могильный и трупный запахъ.

Въ зàмкѣ поднялась сильная тревога, начались осмотры, разспросы, повѣрка часовыхъ, но все это не привело ни къ какимъ разъясненіямъ таинственнаго явленія. Оказалось, что никто никого посторонняго не видалъ и ничего особеннаго не слыхалъ; всѣ караульные были на своихъ мѣстахъ, не спали и не дремали, но неусыпно бодрствовали, какъ это приличествуетъ военной стражѣ, поставленной на такомъ важномъ посту, каковымъ должно было быть жилище царскаго намѣстника. За что купили, за то и продаемъ,—скажемъ мы въ заключеніе по русской поговоркѣ.

V.

«Бѣлая Дама» во многихъ случаяхъ оказывалась покровительницею любовныхъ похожденій. Нельзя сказать, чтобы представительницы прекраснаго пола въ нѣкоторыхъ германскихъ владѣтельныхъ и высокихъ фамиліяхъ отличались, особенно въ прежнія времена, большимъ цѣломудріемъ. Напротивъ, хроники нѣмецкихъ дворцовъ и зàмковъ могли бы быть наполнены разсказами о любовныхъ похожденіяхъ высокопоставленныхъ дамъ и дѣвицъ. Мрачные переходы и длинные корридоры этихъ обширныхъ зданій,—изъ которыхъ надъ иными пронеслось уже нѣсколько столѣтій,—при дороговизнѣ въ прежнюю пору освѣтительныхъ матеріаловъ, освѣщались ночью весьма слабо, и это способствовало тайнымъ, заранѣе условленнымъ свиданіямъ въ глухую ночь, когда мракъ и темнота нагоняетъ суевѣрный страхъ даже на людей самаго неробкаго десятка. Если бы во дворцѣ или зàмкѣ замѣчено было, что въ неурочный часъ промелькнула гдѣ нибудь тѣнь, то появленіе такой тѣни могло быть легко приписано появленію «Бѣлой Дамы», и дозорные въ ужасѣ бѣжали бы отъ такого страшнаго призрака, не рѣшившись дознаться, кто именно прогуливается въ ночномъ мракѣ. Такая проявлявшаяся всюду трусость всего болѣе обезпечивала безопасность ночныхъ свиданій между влюбленными.

Нѣчто подобное случилось еще весьма недавно въ Германіи, въ одной изъ второстепенныхъ владѣтельныхъ фамилій. Представители этой фамиліи жили въ зàмкѣ, въ которомъ, какъ издавна ходила молва, появлялась время отъ времени «Бѣлая Дама». Въ томъ же зàмкѣ проживала съ своими почтенными родителями и принцесса, легкомысленную головку которой вскружилъ одинъ юный, красивый баронъ, состоявшій въ чинѣ поручика. Этого поручика, по его просьбѣ, очень часто наряжали въ караулъ въ зàмокъ, и онъ, пользуясь этимъ, устроилъ ночныя свиданія съ влюбившейся въ него принцессой. Слишкомъ тихій шопотъ, робкое дыханіе и неслышные шаги влюбленныхъ обращали эти существа, кипѣвшія жизнію, въ какіе-то призраки. Свиданія происходили нѣсколько разъ вполнѣ благополучно въ одномъ изъ длинныхъ и слабо освѣщенныхъ корридоровъ зàмка. Въ этотъ корридоръ выходили двери изъ аппартаментовъ принцессы и ея гофмейстерины. Однажды ночью, когда гофмейстеринѣ что-то не спалось, ей послышался въ корридорѣ шопотъ, робкое дыханіе и даже почудился звукъ смѣлаго поцѣлуя. Быстро эта почтенная и любопытная дама растворила дверь, и — о, ужасъ!—передъ ней явился призракъ «Бѣлой Дамы». Гофмейстерина только успѣла дико взвизгнуть и безъ чувствъ грохнулась на полъ, сильно ударившись въ него вслѣдствіе своей грузности.

Между тѣмъ призракъ, приведшій гофмейстерину въ ужасъ, порхнулъ по корридору, вбѣжалъ въ дверь, быстро, но осторожно затворилъ ее за собою, и принцесса, сбрасывая съ себя торопливо бѣлую кофточку и бѣлую юбочку, спѣшила улечься на свое дѣвическое ложе и притворилась спящею.

Караулъ въ зàмкѣ оказался чрезвычайно бдительнымъ, такъ какъ, одновременно съ ужасающимъ крикомъ гофмейстерины, въ корридорѣ послышались громкіе, быстрые шаги, и раздался, дрожавшій отъ страха мужской голосъ, усердно оравшій: «Weisse Frau!» Голосъ этотъ принадлежалъ молодому караульному офицеру. Во всемъ зàмкѣ поднялся страшный переполохъ. Подъ сводами корридоровъ слышался одинъ только тревожный крикъ: «Weisse Frau! Weisse Frau!» Поручикъ заявившій недавно свою беззавѣтную храбрость въ войнѣ противъ пруссаковъ, съ которыми не поладилъ его повелитель, казалось, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и съ прерывающимся дыханіемъ утверждалъ, клялся и божился, что онъ былъ до такой степени испуганъ привидѣніемъ, что, пропросто-на-просто, далъ при видѣ его такую постыдную тягу, какой онъ никогда въ жизни не позволилъ бы себѣ передъ самымъ многочисленнымъ и безпредѣльно-отважнымъ непріятелемъ.

До нѣкоторой степени поручикъ, баронъ Р., былъ правъ, такъ какъ внезапное появленіе гофмейстерины поразило его такимъ ужасомъ, какого онъ, по всей, вѣроятности, не извѣдалъ бы даже при дѣйствительномъ появленіи «Бѣлой Дамы». Какъ ни извинялъ влюбленный свой суевѣрный страхъ, но, всетаки, онъ за оказанную имъ трусость былъ на нѣсколько дней посаженъ подъ арестъ. Слѣдствіе о появленіи въ зàмкѣ привидѣнія было произведено весьма тщательно. Участіе въ немъ принимали и оберъ-гофмаршалъ, и оберъ-гофъ-камеръ-интендантъ, и егермейстеръ, и шталмейстеръ, и другіе придворные чины, при пособіи военнаго и гражданскаго начальства и судебныхъ властей, и всѣ розыски и допросы привели къ тому заключенію, что появленіе «Бѣлой Дамы» въ корридорѣ зàмка не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что оно еще разъ,—и притомъ въ данномъ случаѣ вполнѣ убѣдительно,—подтверждаетъ издавна существующее въ свѣтлѣйшемъ домѣ преданіе. Въ особенности при этомъ имѣли вѣсъ показанія упавшей почти замертво гофмейстерины, а также убѣжавшаго со страха предъ привидѣніемъ поручика, испытанная храбрость котораго была извѣстна каждому, и, слѣдовательно,—говорили и въ зàмкѣ, и въ публикѣ,—должна же быть чрезвычайно важная, нешуточная причина, если такой храбрецъ оказался трусомъ. О возможности появленія принцессы въ видѣ «Бѣлой Дамы», разумѣется, никто не могъ подумать.

Сама же принцесса, когда ей утромъ сказали о появленіи вблизи ея привидѣнія, съ испугомъ и изумленіемъ открыла свой ротикъ, на который, однако, пробивалась сдерживаемая ею съ трудомъ ве-

селая улыбка. Затѣмъ, какъ будто придя въ себя, она отозвалась, что въ эту ночь спала такъ крѣпко, что ровно ничего не слыхала, что̀ происходило въ корридорѣ. Поручикъ, въ свою очередь, тайкомъ подсмѣивался, хотя и говорилъ всюду, что ужасное явленіе, очевидцемъ котораго ему привелось быть, до такой степени разстроило его прежде столь крѣпкіе нервы, что ему необходимо уѣхать изъ города и пожить на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ.

Спустя нѣкоторое время, страшная политическая буря, вслѣдствіе нашествія пруссаковъ, разразилась надъ семействомъ принцессы, а нѣсколько позднѣе баронъ сдѣлался морганатическимъ супругомъ «Бѣлой Дамы», обратившейся, какъ и слѣдовало ей быть, въ принцессу Р.

Появленіе «Бѣлыхъ Дамъ» относитъ народное повѣрье къ разнымъ причинамъ. Одною изъ такихъ причинъ бываетъ, какъ думаютъ, совершонное ею какое нибудь страшное злодѣйство, какъ, напримѣръ, убійство мужа, сестры, брата или дѣтей, за что̀ преступница и бываетъ осуждена бродить по землѣ до тѣхъ поръ, пока Господь Богъ проститъ ее и избавитъ душу ея отъ мытарства. Иногда въ «Бѣлую Даму» обращается, послѣ смерти, какая нибудь страдалица, или вовсе неповинная, или совершившая только какой нибудь легкій грѣшокъ, за который, однако, привелось ей поплатиться жизнію. Мучительная же смерть ея осталась тайною для всѣхъ, кромѣ ея убійцъ. Предана она была погребенію безъ совершенія надъ нею христіанскаго обряда, а потому душа ея, въ видѣ призрака, ходитъ около того мѣста, гдѣ было сокрыто ея тѣло. Ходитъ же она въ ожиданіи, что добрые люди отъищутъ ея прахъ и похоронятъ ея останки, совершивъ надъ ними заупокойную молитву.

Сохраняется, между прочимъ, извѣстіе, что въ Богеміи Перта Розенбергъ обратилась въ «Бѣлую Даму» по слѣдующей причинѣ. Она собирала всю жизнь деньги съ тѣмъ, чтобы за эти деньги, какъ за церковный вкладъ, были совершаемы послѣ ея смерти заупокойныя о ней поминовенія. Между тѣмъ, накопленныя съ этой цѣлію деньги были украдены, а потому душа этой женщины, жившей еще въ XV столѣтіи, хотя и праведная, донынѣ не обрѣла желаемаго успокоенія. Дама эта ходитъ по за̀мку Нейгаузу въ Богеміи, имѣя въ рукахъ связку ключей, изъ-подъ которыхъ были украдены скопленныя ею деньги.

Но разсказъ объ этой «дамѣ», появляющейся и въ Берлинѣ, въ «бургѣ», передается въ переиначенномъ видѣ. По этому разсказу, маркграфъ бранденбургскій Іоакимъ II имѣлъ дочь, по имени Софію, которая вышла замужъ за богемскаго оберъ-бургграфа Вильгельма Розенберга и скончалась, спустя три года послѣ своей свадьбы. Послѣ смерти она, по неизвѣстной причинѣ, сдѣлалась «Бѣлою Да-

мою», появляющеюся въ разныхъ богемскихъ зàмкахъ и извѣстною подъ именемъ Перты Розенбергъ. По народной молвѣ, она быстро ходитъ по зàмкамъ, отпирая запертыя двери имѣющимися при ней ключами. Если кто при встрѣчѣ ей поклонится, то она ласково отвѣтитъ тоже поклономъ, старымъ же женщинамъ она сама кланяется первая и идетъ далѣе. Если же кто нибудь поклонится ей съ усмѣшкой, то лицо ея принимаетъ гнѣвное выраженіе, и она бросаетъ въ такого встрѣчнаго камнемъ, или тѣмъ, что попадетъ подъ руку. По преданію, она въ особенности любила послѣдняго своего потомка, Петра Розенберга, и когда няня его засыпала ночью, то «Бѣлая Дама» качала его колыбель или брала на руки и носила по комнатѣ, нѣжно убаюкивая его. Однажды, когда малютка остался въ своей комнатѣ одинъ, явилась «Бѣлая Дама» и показала ему въ стѣнѣ то мѣсто, черезъ которое она исчезаетъ. Когда же Петръ Розенбергъ выросъ и сдѣлался владѣльцемъ зàмка, то онъ приказалъ, въ 1611 году, разломать въ этомъ мѣстѣ стѣну и тамъ нашелъ несмѣтныя сокровища, изъ которыхъ онъ далъ императору Рудольфу 100,000 гульденовъ для веденія войны съ курфюрстомъ баварскимъ. Эта «Бѣлая Дама» Перта, или Прехта, не только не считается зловѣщею предвѣстницею, но, напротивъ, ее считаютъ чрезвычайно благосклонною къ Гогенцолернскому дому.

Кромѣ этой «Бѣлой Дамы», родственной Гогенцолернскому дому, причисляются къ нему еще три «Бѣлыя Дамы», а именно: графиня Лейнингенъ и Кунигунда Болгарская, и Анна Сидовъ. По разсказу одной хроники графиня Лейнингенъ жила въ XVI вѣкѣ при дворѣ курфюрста Іоакима I и хотѣла, чтобы онъ женился на ней. Курфюрстъ, какъ надобно заключить изъ разсказа одного хроникера, былъ человѣкъ сладострастный: графиня угощала его какимъ-то напиткомъ, который будто бы ускорилъ его смерть, а графиня лишена была за это загробнаго покоя.

Что же касается Кунигунды Болгарской, то она была женою могущественнаго короля богемскаго Оттокара II, а сестра ея была замужемъ за маркграфомъ бранденбургскимъ, непримиримымъ врагомъ императора Рудольфа Габсбургскаго, родоначальника австрійской династіи. Такъ какъ впослѣдствіи по такому родству маркграфъ Іоакимъ I сдѣлался опекуномъ сына Оттокара II Венцеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правителемъ Богеміи, которой онъ надѣлалъ много зла, то Кунигунда, родомъ Болгарская принцесса, и стала тревожить Гогенцолерновъ въ Берлинѣ, въ «бургѣ», и въ другихъ обитаемыхъ ими жилищахъ.

VI.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ иностранныхъ газетахъ сообщалось, что въ Берлинѣ, въ «бургѣ», — о которомъ мы уже

подробно говорили — видѣли призракъ «Бѣлой Дамы». Видѣли ее тамъ весьма немногіе, такъ какъ въ «бургѣ» издавна уже не живутъ представители Гогенцолернскаго дома, и, слѣдовательно, это обиталище не отличается многолюдствомъ.

Послѣ того, какъ въ 1701 году, одинъ изъ курфюрстовъ бранденбургскихъ, Фридрихъ, принялъ титулъ короля прусскаго, прежній «бургъ» казался гогенцолернамъ тѣснымъ и недостойнымъ быть

Графиня Агнеса Орламюнде.

Съ портрета, находящагося въ Байретскомъ замкѣ подъ названіемъ „черно-бѣлая дама".

королевскимъ жилищемъ. Тогда король Фридрихъ I началъ строить нынѣшній королевскій дворецъ въ новомъ вкусѣ, и по окончаніи его постройки гогенцолерны покинули давнишнее свое гнѣздо, свитое ихъ предкомъ еще въ XV столѣтіи на берегу Шпрее. Неизвѣстно навѣрное, но можетъ статься, что появившійся въ «бургѣ» грозный призракъ повыжилъ ихъ изъ древняго жилища ихъ предковъ. Впрочемъ, въ настоящее время и «новый» построенный за сто восемьдесятъ лѣтъ дворецъ остается пустымъ, такъ какъ императоръ Вильгельмъ никогда въ немъ не жилъ, а помѣстился онъ на постоянное житье въ своемъ собственномъ домѣ, на Unter-den-Linden,

не будучи даже еще наслѣднымъ принцемъ. Залы же королевскаго дворца наполняются теперь только во дни баловъ или какихъ нибудь особыхъ торжествъ и празднествъ, а въ покинутомъ королевской семьей «бургѣ» предоставлена «Бѣлой Дамѣ» полная свобода бродить по его вѣчно-пустымъ заламъ.

Достовѣрность появленія въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію со стороны берлинцевъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ крайнихъ изъ нихъ скептиковъ. Да и отъ чего же не вѣрить имъ въ возможность такого явленія, если берлинцы еще весьма недавно вѣрили, — да и теперь дѣлаютъ видъ, будто вѣрятъ,—въ другое еще болѣе невѣроятное чудо. По народной молвѣ, бронзовая статуя, такъ называемаго «Великаго курфюрста» наканунѣ каждаго новаго года соскакиваетъ со своего пьедестала, и тогда этотъ «мѣдный всадникъ» несется по Берлину, осматривая, все ли обстоитъ, какъ слѣдуетъ, въ его стольномъ градѣ. Въ разное время находились среди жителей Берлина такія лица, которыя подъ клятвою утверждали, что они сами не только видѣли мчавшагося на конѣ «Великаго курфюрста», но и весьма отчетливо слышали въ ночной тишинѣ звонкіе удары копытъ его бронзоваго коня о камни мостовой.

Что касается бѣлаго призрака, появляющагося въ «бургѣ», то оказывается, что при его неосязаемости онъ способенъ иногда и говорить. Такъ сохранилось извѣстіе, что «Бѣлая Дама» при одномъ изъ своихъ появленій, именно въ декабрѣ мѣсяцѣ 1628 года, сказала смотрѣвшимъ на нее людямъ: «я жду суда», и, что̀ въ особенности замѣчательно, слова эти она произнесла не понѣмецки, а полатыни.

Появленіе въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» считается зловѣщимъ предзнаменованіемъ, такъ какъ замѣчено, что обыкновенно является она передъ смертію одного изъ членовъ Гогенцолернскаго дома и преимущественно передъ смертію такого его члена, который находится еще въ дѣтскомъ возростѣ. Такимъ предзнаменованіемъ объясняется и бѣлая одежда таинственнаго привидѣнія, потому что въ прежнее время, въ Пруссіи,—какъ и во многихъ другихъ германскихъ государствахъ,—траурнымъ придворнымъ цвѣтомъ считался не черный, а бѣлый, и, слѣдовательно, одѣтая въ одеждѣ этого цвѣта женщина является въ траурѣ.

Одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ самое происхожденіе «Бѣлой Дамы», преимущественно въ Берлинѣ, объясняетъ тѣмъ, что остававшіяся послѣ бранденбургскихъ курфюрстовъ вдовы, при погребеніи ихъ мужей, шли въ похоронной процессіи въ бѣлой одеждѣ, съ высокимъ бѣлымъ остроконечнымъ колпакомъ на головѣ, и съ лицемъ, закрытымъ бѣлою вуалью, и такимъ образомъ появленіе «Бѣлой Дамы» совпадало всегда со смертію государя. Подобная одежда была принята и во Франціи для овдовѣвшихъ королевъ,

почему вдовы французскихъ королей и назывались «Dame Blanche», и это названіе обращалось въ собственное ихъ имя, отъ чего во Франціи и встрѣчается немало королевъ, носившихъ имя Blanche— бѣлая, въ замѣнъ крестнаго ихъ имени.

Не говоря о неоднократныхъ появленіяхъ въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» въ предшествовавшіе два вѣка, мы скажемъ, что она являлась нѣсколько разъ и въ текущемъ столѣтіи. Видѣла ее прислуга, жившая въ «бургѣ», стоявшій тамъ военный караулъ и мастеровые, занимавшіеся разною работою. Когда нѣкоторые, болѣе отважные, люди пытались преслѣдовать ее, то она внезапно исчезала. «Бѣлая Дама» появлялась, въ 1840 году, незадолго передъ смертію короля Фридриха-Вильгельма III; слѣдующее затѣмъ ея появленіе предшествовало смерти его преемника. Видѣли ее и въ 1879 году передъ смертію малолѣтняго принца Вольдемара, сына нынѣшняго наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма.

По народной молвѣ, въ «бургѣ» въ видѣ «Бѣлой Дамы» является блуждающая душа Анны Сидовъ, извѣстной подъ именемъ «прекрасной литейщицы». Вотъ ея печальная исторія.

Съ 1535 по 1571 годъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ былъ Іоакимъ II. Государь этотъ чрезмѣрно любилъ роскошь, пышность и великолѣпіе. Прежде всего онъ пожелалъ перестроить и заново отдѣлать устарѣлый уже «бургъ» и обратить его изъ укрѣпленнаго зáмка въ настоящій дворецъ. Въ 1538 году, знаменитый въ свое время архитекторъ Каспаръ Тейсъ началъ постройку новаго дворца, но постройка эта не была доведена до конца при жизни курфюрста Іоакима. При возведеніи этого дворца, составлявшаго, впрочемъ, собственно только пристройку къ древнему «бургу», Іоакимъ задался мыслію выстроить такую великолѣпную залу, которая была бы и которая, дѣйствительно, сдѣлалась предметомъ удивленія его современниковъ. Съ постройкою этой залы и связана исторія Анны Сидовъ. Для отдѣлки новой залы нужны были разные художники, которыхъ курфюрстъ Іоакимъ вызывалъ изъ разныхъ странъ Европы въ Берлинъ, и между этими художниками вызванъ былъ имъ изъ Бургундіи литейщикъ Матіасъ Дитрихъ, котораго курфюрстъ пожаловалъ капитаномъ артиллеріи. Дитрихъ, проживая въ Берлинѣ, прославился въ особенности отливкою памятника курфюрсту Іогáну, прозванному Цицерономъ. Памятникъ этотъ находится нынѣ въ Берлинѣ, въ соборной церкви, стоящей близь «бурга».

Если въ Берлинѣ Дитрихъ прославился своими художественными произведеніями, то жена его, рожденная Анна Сидовъ, прославилась еще болѣе красотою. Весь Берлинъ постоянно твердилъ объ этой чудной красавицѣ, и курфюрстъ Іоакимъ, большой любитель всего изящнаго, прельстился прекрасной Анной. Курфюрстъ Іоакимъ былъ женатъ два раза: сперва на Магдалинѣ, герцогинѣ

саксонской, а потомъ на Гедвигѣ, королевнѣ польской. Отъ послѣдняго брака онъ имѣлъ четырехъ дѣтей. Курфюрстина Гедвига, находясь однажды съ мужемъ въ охотничьемъ замкѣ Гримницѣ, идя по лѣстницѣ, какъ-то оступилась и упала въ нижній этажъ, гдѣ наткнулась на оленьи рога и такъ сильно себя поранила, что потомъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1553 году, ходила на костыляхъ. Вслѣдствіе неизлечимой ея болѣзни, курфюрстъ считалъ себя свободнымъ отъ супружескихъ обязанностей и потому сильно пріударилъ за прекрасной литейщицей, мужъ которой въ 1560 году умеръ, и она, оставшись молоденькой вдовой, поддалась искушенію со стороны курфюрста и стала съ нимъ жить какъ бы съ законнымъ супругомъ.

Іоакимъ безъ ума любилъ Анну и какъ на словахъ, такъ равно и въ письменномъ завѣщаніи просилъ своего сына и будущаго преемника Іогана-Георга, чтобъ онъ, Іоганъ, взялъ Анну Сидовъ и ея дѣтей подъ свою особенную защиту. У Анны отъ курфюрста были: дочь Магдалина, получившая фамилію графини фонъ-Арненбургъ, и сынъ, который, какъ надобно полагать, умеръ еще ребенкомъ. Еще при жизни курфюрста, сынъ и наслѣдникъ его Георгъ, въ іюлѣ 1561 года, далъ Аннѣ уцѣлѣвшую донынѣ въ подлинникѣ подписку въ томъ, что онъ, по смерти своего отца, сохранитъ за нею все ея богатство. Плохо, однако, исполнилъ Георгъ завѣщаніе своего родителя и свое письменное обѣщаніе, данное Аннѣ. Положимъ, что нельзя было надѣяться на щедрость со стороны новаго курфюрста, такъ какъ онъ, въ противоположность своему отцу, былъ порядочный скряга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было и ожидать, чтобъ онъ такъ жестоко поступилъ съ оставленною на его попеченіи беззащитною женщиною. Неизвѣстны тѣ причины и обстоятельства, которыя ожесточили Георга противъ Анны. Какъ бы то ни было, но лишь только, послѣ смерти его отца, верховная власть перешла въ его руки, онъ тотчасъ засадилъ Анну въ Шпандаускую крѣпость, гдѣ и держалъ ее до конца ея жизни въ самомъ строгомъ и тѣсномъ заключеніи. По другому преданію, онъ приказалъ утопить ее въ озерѣ, надъ которымъ донынѣ еще стоитъ замокъ Грюневальдъ, гдѣ и донынѣ показываютъ мѣсто, откуда несчастная женщина была брошена въ воду.

Народъ со злобою отнесся къ такому поступку курфюрста, тѣмъ болѣе, что ходила молва, будто онъ клятвенно обѣщалъ умирающему своему отцу свято исполнить его послѣднюю волю. Въ поступкѣ Георга увидѣли не только жестокость, но и вѣроломство, и въ народѣ укоренилось вѣрованіе, что неповинная ни въ чемъ Анна Сидовъ явилась въ первый разъ, въ видѣ «Бѣлой Дамы», наканунѣ смерти своего гонителя, а потомъ стала являться передъ смертію его потомковъ, какъ бы мстя имъ за тѣ преслѣдованія, какія пришлось испытать ей отъ одного изъ ихъ прародителей.

VII.

Года два тому назадъ въ Берлинѣ умеръ графъ Штильфридъ-Алькантара. Онъ былъ ветхій старецъ, такъ какъ семью годами раньше родился императора Вильгельма, который чрезвычайно любилъ и уважалъ его. Штильфридъ не занималъ видной государственной должности, но возился только съ гербами, титулами и родословными, такъ какъ онъ состоялъ въ должности королевскаго герольдмейстера. Былъ онъ, однако, не только приближеннымъ человѣкомъ къ императору, но и личнымъ другомъ Вильгельма, который любилъ бесѣдовать съ нимъ и пользоваться его обширными свѣдѣніями по исторіи и въ особенности по части нѣмецкой археологіи. Штильфридъ, между прочимъ, написалъ и издалъ «Исторію свѣтлѣйшаго Гогенцолернскаго дома» и въ этомъ историческо-генеалогическомъ трудѣ коснулся вопроса и о «Бѣлой Дамѣ».

Собравъ всевозможныя о ней свѣдѣнія — лѣтописныя извѣстія и народныя преданія, и, конечно, не утверждая, но и не отвергая дѣйствительности появленія знаменитаго призрака, Штильфридъ взглянулъ на вопросъ о «Бѣлой Дамѣ» исключительно съ точки зрѣнія историка, равнодушнаго къ дѣйствительному или мнимому существованію призрака, и сталъ разыскивать только ту причину, которую, по народному повѣрію, олицетворяетъ собою это грозное для Гогенцолерновъ привидѣніе, появившееся издавна въ древнемъ жилищѣ ихъ предковъ.

Не отвергая, что привидѣніе, являющееся нынѣ въ «бургѣ», представляетъ собою «прекрасную литейщицу» Анну Сидовъ, Штильфридъ подъискалъ еще и другой являвшійся нѣкогда призракъ, имѣвшій самыя близкія отношенія къ Гогенцолернскому дому, но такой призракъ, о появленіи котораго давно уже замолкли всякіе слухи. Въ добавокъ къ этому, Штильфридъ пришелъ къ тому заключенію, что «Бѣлая Дама» составляла первоначально родовую принадлежность исключительно одного рода гогенцолернскаго, и что именно въ подражаніе гогенцолернской «Бѣлой Дамѣ» стали являться въ другихъ владѣтельныхъ нѣмецкихъ фамиліяхъ разсказы о появленіи такихъ же призраковъ.

Не довольствуясь одною только Анною Сидовъ, Штильфридъ-Алькантара забрался въ болѣе отдаленную отъ насъ глубь вѣковъ и подыскалъ тамъ, какъ мы сказали, еще другую «Бѣлую Даму», которая была первообразомъ другихъ «Бѣлыхъ Дамъ». Дама эта была вдовствующая графиня Кунигунда фонъ-Орламиндъ, которая почувствовала неодолимую страсть къ прозванному недаромъ «Красавцемъ», Альбрехту, бургграфу Нюренбергскому, происходившему изъ Гогенцолернскаго дома. У этой, должно быть, очень влюбчивой

графини было, однако, двое незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ ею во время ея вдовства. Бургграфу очень желательно было вступить въ бракъ съ этой очаровательной вѣтренницей, но онъ не рѣшался на это, имѣя въ виду, что незаконныя дѣти Кунигунды будутъ пятнами на его супружеской чести. Когда началось сватовство, то бургграфъ, имѣвшій охоту иногда покропать вирши, отправилъ своей невѣстѣ слѣдующее двустишіе:

«Der Frau von Orlamünd
Schaden vier Augen und zwei Kind» —

т. е. графинѣ фонъ-Орламиндъ вредятъ четыре глаза и двое дѣтей. Подъ словами «четыре глаза» бургграфъ-стихоплетъ разумѣлъ своихъ родителей, которые препятствовали желаемому Альбрехтомъ браку, тѣмъ болѣе, что они въ это время собирались женить его на болѣе подходящей для него невѣстѣ — графинѣ Геннебергъ. Стихотвореніе бургграфа имѣло, однако, по употребленному въ немъ иносказанію, роковыя послѣдствія. Не смекнувъ, что «четыре глаза» должны быть замѣнены словами: «отецъ и мать», и имѣя въ виду, что у двухъ ея малютокъ были тоже, въ сложности, четыре глаза, графиня отнесла такое образное выраженіе только къ своимъ дѣтямъ. Такъ какъ, по ея мнѣнію, лишь эти малютки препятствовали ея браку съ бургграфомъ, то она и рѣшилась умертвить ихъ. Умертвила же она своихъ дѣтокъ, воткнувъ имъ въ затылокъ длинныя иглы. Тогда разгнѣванный такимъ злодѣйствомъ Кунигунды, и притомъ злодѣйствомъ совершенно безполезнымъ, бургграфъ приказалъ казнить ее, а Господь, въ свою очередь, лишилъ ее загробнаго покоя.

Пустившись въ историческіе поиски, графъ Штильфридъ отыскалъ и могильный памятникъ графини Кунигунды, находящійся въ прежнемъ монастырѣ, а нынѣ въ приходской церкви близъ Нюренберга, извѣстной подъ названіемъ «Небеснаго Престола». На памятникѣ этомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Anno MCCCLI obiit Domina Cunigondis de Orlamund, fundationis hujus abatissa in Coeli Throno»,
т. е. въ 1351 году скончалась госпожа Кунигунда Орламиндская, аббатисса этой обители во имя «Небеснаго Престола». Надпись надъ памятникомъ графини Кунигунды опровергаетъ, однако, лучше всего разсказъ объ ея казни за вымышленное дѣтоубійство, — разсказъ, внесенный въ послѣдующее время въ монастырскую хронику.

На могильномъ камнѣ графиня представлена въ «монашеской одеждѣ» ордена цистеріанокъ, которая должна была быть бѣлаго цвѣта, и, какъ надобно полагать, такая одежда и дала поводъ причислить графиню Кунигунду къ «Бѣлымъ Дамамъ».

Преданіе о Кунигундѣ было нѣсколько перепначено въ преданіи о третьей «Бѣлой Дамѣ», имѣющей тоже ближайшее отноше-

ніе къ Гогенцолернскому дому. По этому преданію, жила, — неизвѣстно, впрочемъ, въ какое именно время, — какая-то графиня Агнеса, бывшая любовницей маркграфа Бранденбургскаго, отъ котораго она имѣла двухъ сыновей. Когда маркграфъ овдовѣлъ, то графиня Агнеса была увѣрена, что онъ женится на ней, но маркграфъ отказался отъ брака съ нею, ссылаясь на то, что бракъ этотъ былъ бы без-

Надгробный камень надъ прахомъ графини Орламюнде.

честіемъ для его рода, такъ какъ у Агнесы было двое незаконныхъ дѣтей, хотя и родившихся отъ самого бургграфа. Тогда Агнеса отравила своихъ дѣтей, и за это преступленіе маркграфъ приказалъ ее замуровать живую въ стѣнахъ «бурга».

По другому разсказу, графиня Агнеса, желая выйдти замужъ не за маркграфа бранденбургскаго, а за герцога пармскаго, и полагая, что бывшія у нея, отъ связи съ маркграфомъ, двѣ дочери могутъ препятствовать ея браку съ герцогомъ, умертвила обѣихъ дѣ-

вушекъ. Хотя это преступленіе и не было вовсе обнаружено, или, быть можетъ, и обнаруженное осталось безнаказаннымъ, но Господь проклялъ дѣтоубійцу и осудилъ ее скитаться въ видѣ замогильнаго призрака.

VIII.

Кромѣ недавняго появленія одной влюбленной принцессы въ видѣ «Бѣлой Дамы», о которомъ мы говорили, были еще и другія появленія «Бѣлыхъ Дамъ» собственно въ семействѣ гогенцолерновъ, и появленія эти не имѣли ни малѣйшей романической окраски, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были сильно поколебать правдивость разсказовъ о появленіи «Бѣлыхъ Дамъ».

Въ герцогствѣ Аншпахскомъ, принадлежащемъ гогенцолернамъ, стали въ давнюю еще пору ходить слухи, что въ тамошнихъ зàмкахъ Байретѣ и Плессенбургѣ появляется «Бѣлая Дама». Въ 1540 году, безстрашный маркграфъ Альбрехтъ рѣшился лично провѣрить справедливость этихъ слуховъ и сталъ проводить ночи въ одной изъ громадныхъ залъ плессенбургскаго зàмка, поджидая грознаго привидѣнія. Однажды, въ самую полночь, отворились двери этой залы, и въ нихъ показался громадный призракъ, одѣтый въ бѣломъ. Альбрехтъ тотчасъ же подскочилъ къ нему и, схвативъ его за шею своими сильными руками, подтащилъ къ лѣстницѣ и оттуда изо всей силы сбросилъ его внизъ головою. На крикъ маркграфа сбѣжалась прислуга со свѣчами и увидѣла на послѣдней площадкѣ лѣстницы съ проломленною головою канцлера Христофора Штраза, при которомъ былъ найденъ тщательно отточенный кинжалъ. Въ жилищѣ же канцлера было отыскано письмо, изъ котораго было видно, что этотъ самый высокій сановникъ, сговорясь съ епископомъ Бамбергскимъ, хотѣлъ тайно извести маркграфа.

Въ 1598 году, «Бѣлая Дама» появилась въ первый разъ, какъ мы говорили, въ «бургѣ», въ Берлинѣ, не задолго передъ смертію курфюрста Іогана-Георга. Появленіе ея повторилось здѣсь 1-го декабря 1619 года, за двадцать три дня передъ смертію курфюрста Іогана-Сигизмунда. Разсказывали, что привидѣніе имѣло грозный и мертвенный видъ. Самъ курфюрстъ былъ свидѣтелемъ появленія «Бѣлой Дамы» и со страху тотчасъ же убѣжалъ изъ «бурга» въ домъ своего камердинера Антона Фрейтага, гдѣ онъ и умеръ. Полагаютъ, что привидѣніе было на этотъ разъ подстроено католическимъ духовенствомъ, которое враждовало съ гогенцолернами за ихъ переходъ въ лютеранство.

Въ 1651 году, «Бѣлая Дама» появилась прусскому оберъ-шталмейстеру Бургсдорфу въ то время, когда онъ, пришедши въ «бургъ» къ курфюрсту, поднимался на лѣстницу. Разсказывали, что нѣсколько дней тому назадъ «Бѣлую Даму» видѣли днемъ въ собор-

ной церкви, у алтаря, подъ которымъ находилась усыпальница курфюрстовъ. Слушая разсказы о такомъ появленіи, Бургсдорфъ повторялъ нѣсколько разъ въ шутку: «хотѣлъ бы я посмотрѣть въ лицо этой старухѣ». «Когда, однажды, вечеромъ,—такъ разсказывалъ самъ Бургсдорфъ: — я уложилъ въ постель свѣтлѣйшаго курфюрста, то вдругъ, при выходѣ на лѣстницу, появившаяся передо мной «Бѣлая Дама» громко сказала: «Ахъ ты, негодный старикашка! Развѣ мало ты пролилъ крови, или еще хочешь проливать ее?». У оскорбленнаго привидѣніемъ старикашки нашлась, однако, большая сила. Онъ такъ толкнулъ съ лѣстницы «Бѣлую Даму», что у ней лопнула кофта и затрещали ребра, но дальнѣйшихъ послѣдствій никакихъ не было. Услышавъ шумъ, курфюрстъ послалъ на лѣстницу со свѣчею своего камеръ-пажа посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Оказалось, однако, что «Бѣлая Дама» исчезла безслѣдно, а ровно черезъ годъ Бургсдорфъ умеръ, раскаявшись въ томъ, что позволилъ себѣ такъ грубо обойдтись съ явившимся передъ нимъ привидѣніемъ.

О позднѣйшихъ появленіяхъ въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» сохранились слѣдующія извѣстія.

IX.

Въ 1667 году, какъ сообщилъ придворный проповѣдникъ Бергіусъ, курфюрстина Луиза-Генріетта, войдя въ свою комнату, увидѣла, что за письменнымъ столомъ сидитъ какая-то дама, одѣтая въ бѣлое атласное платье, съ головою, причесанною по тогдашней модѣ. Курфюрстина подошла къ дамѣ, которая, вставъ съ кресел, кивнула курфюрстинѣ головой и вдругъ исчезла. Вскорѣ послѣ того Луиза-Генріетта скончалась. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что о такомъ видѣніи проповѣдникъ сталъ разсказывать только послѣ смерти курфюрстины. Но молчаніе его едва ли можетъ возбудить въ данномъ случаѣ сомнѣніе на счетъ правдоподобности разсказа, такъ какъ при жизни курфюрстины, онъ, вѣроятно, не хотѣлъ никому разсказывать, чтобъ не потревожить ея семейства.

Впослѣдствіи, при появленіи «Бѣлой Дамы» въ «бургѣ» стали замѣчать перемѣну въ ея прежнемъ нарядѣ, а именно, что иногда она являлась въ черныхъ перчаткахъ и въ башмакахъ съ черными передками. По поводу такихъ разсказовъ объ особенностяхъ въ туалетѣ «Бѣлой Дамы», одинъ изъ придворныхъ кавалеровъ высказалъ догадку, что «Бѣлая Дама» должна считаться предвѣстницею несчастья только тогда, когда она является въ черныхъ перчаткахъ и въ башмакахъ съ черными передками. Если же она является во всемъ бѣломъ, то ее слѣдуетъ считать хорошею вѣстницею. Такое истолкованіе было принято, и, разумѣется, тѣмъ, для кого появленіе «Бѣлой Дамы» могло считаться зловѣщимъ, разсказывали, чтобъ под-

бодрить ихъ, что хотя она и появилась, дѣйствительно, но на этотъ разъ во всемъ бѣломъ, безъ черныхъ перчатокъ и безъ черныхъ башмаковъ.

Чрезвычайно странный былъ случай появленія «Бѣлой Дамы» первому прусскому королю Фридриху I, умершему 25-го февраля 1713 года. За нѣсколько недѣль до его смерти къ нему явилась «Бѣлая Дама» въ самомъ ужасномъ видѣ: волосы ея были растрепаны, а руки облиты кровью. Она предстала передъ королемъ въ то время, когда онъ, несовсѣмъ здоровый, задремалъ, сидя въ креслѣ. Отъ происшедшаго около него шума, онъ встрепенулся и пришелъ въ ужасъ, увидѣвъ передъ собою «Бѣлую Даму» и притомъ съ окровавленными руками. Испугъ такъ сильно подѣйствовалъ на него, что онъ впалъ въ горячку и тотчасъ же слегъ въ постель, съ которой уже не всталъ. Король безпрестанно въ бреду повторялъ: «я видѣлъ «Бѣлую Даму», это значитъ, что я вскорѣ умру». Предсказаніе его сбылось.

Между тѣмъ, дѣйствительное появленіе передъ королемъ «Бѣлой Дамы» объясняется такимъ образомъ. Жена его, королева Софія-Луиза, подвергалась по временамъ сильнымъ припадкамъ сумасшествія. Окружавшія ее придворныя дамы не присмотрѣли за нею, какъ слѣдуетъ, и она, при наступившемъ съ нею припадкѣ, побѣжала въ комнату короля и, ударившись при этомъ о стеклянную дверь, порѣзала себѣ руки. Явилась же она предъ задремавшимъ своимъ мужемъ въ видѣ «Бѣлой Дамы» потому, что была въ ночномъ бѣломъ капотѣ. Хотя все это тотчасъ же объяснилось, но, тѣмъ не менѣе, король не могъ прійдти въ себя и умеръ, повторяя, что онъ видѣлъ вѣстницу своей смерти—«Бѣлую Даму». Случилось это уже не въ «бургѣ», а въ новомъ дворцѣ, построенномъ Фридрихомъ I.

Въ царствованіе короля Фридриха-Вильгельма I появлялась «Бѣлая Дама» два раза, но оба раза была поймана караульными солдатами. Первый разъ оказалось, что «Бѣлая Дама» была поваренкомъ, и король приказалъ высѣчь этого шутника, а потомъ выставить на публичное посмѣяніе въ придуманномъ шалуномъ женскомъ нарядѣ. Другой разъ былъ, въ видѣ «Бѣлой Дамы», пойманъ какой-то солдатъ, котораго король приказалъ посадить на деревяннаго осла, также въ уборѣ «Бѣлой Дамы». Главнымъ основаніемъ повѣрья о появленіи въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» служило то, что въ одной изъ трубъ, устроенныхъ тамъ для тяги воздуха, былъ найденъ человѣческій остовъ, который король приказалъ похоронить на кладбищѣ, бывшемъ при придворной церкви. Это распоряженіе подало поводъ разглашать, будто найденный остовъ былъ остатокъ какой-то царственной особы.

Въ текущемъ столѣтіи были въ особенности замѣчательны появленія «Бѣлой Дамы» въ старинномъ гогенцолернскомъ замкѣ, въ

Байретѣ; въ новомъ же Байретскомъ зáмкѣ она не показывалась ни разу. При этомъ «Бѣлая Дама» была выразительницею той патріотической ненависти, которую нѣмцы питали въ то время къ французамъ. Появлялась же она въ томъ мрачномъ костюмѣ, въ какомъ она изображена на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ. Рисунокъ этотъ снятъ со стариннаго портрета, находящагося въ Байрейтскомъ зáмкѣ.

Когда, въ 1806 году, при открытіи похода противъ Германіи, французская армія стала производить въ Пруссіи разныя безчинства, «Бѣлая», или, теперь вѣрнѣе сказать, «Мрачная Дама» начала появляться въ древнемъ Байретскомъ зáмкѣ, и многіе изъ останавливавшихся въ немъ французскихъ генераловъ были не только напуганы, но и оскорблены ею.

При проходѣ, въ 1809 году, французской арміею черезъ Байретъ, въ тамошнемъ зáмкѣ расположился на стоянку начальствовавшій надъ дивизіею генералъ д'Еспань. Ночью ординарецъ генерала былъ пробужденъ страшнымъ шумомъ въ той комнатѣ, которая служила спальнею для генерала. Вбѣжавшій въ эту комнату, ординарецъ нашелъ своего генерала лежащимъ на полу подъ опрокинутою кроватью, и такъ какъ съ вечера генералъ принялъ слабительное, то оно подѣйствовало на него очень быстро, вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма отъ испуга. Пришедшій въ себя генералъ разсказалъ, что онъ видѣлъ «Черно-Бѣлую Даму», нарядъ которой онъ описалъ съ большими подробностями. Вошедшая въ спальню генерала неслышными шагами «Таинственная Дама» погрозила ему пальцемъ, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ страха, онъ какою-то невидимою силою былъ отброшенъ на средину комнаты и здѣсь очутился подъ опрокинутою подъ нимъ постелью. Генералъ тотчасъ же оставилъ мѣсто такого страшнаго ночлега и перебрался въ дворцовую пристройку, носившую названіе «Фантазія».

По приказанію генерала, былъ тотчасъ же произведенъ въ зáмкѣ самый тщательный розыскъ французскими офицерами; подъ ихъ присмотромъ отдирали обивку стѣнъ и приподнимали половицы, старались найдти, нѣтъ ли какихъ нибудь потаенныхъ ходовъ, но всѣ эти розыски были напрасны, и вскорѣ разсказъ о страшномъ, а отчасти и забавномъ приключеніи съ генераломъ распространился во всей французской арміи. Самъ же генералъ д'Еспань въ появленіи ночнаго привидѣнія увидѣлъ предвѣстіе своей близкой смерти, которая, дѣйствительно, вскорѣ постигла его, такъ какъ въ томъ же году, 21-го мая, онъ былъ убитъ въ сраженіи съ австрійцами при Асспернѣ.

X.

Когда 14-го мая 1812 года, Наполеонъ, во время своего похода въ Россію, пріѣхалъ въ первый разъ въ Байретъ, то онъ жилъ здѣсь въ новомъ зàмкѣ, такъ какъ передъ его пріѣздомъ былъ посланъ изъ Ашафенбурга курьеръ съ увѣдомленіемъ, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не желаетъ занять тѣ покои, въ которыхъ появляется «Бѣлая Дама». Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы никого не допускать въ аппартаменты, предназначенные для императора. По прибытіи же въ Байретъ, Наполеонъ прежде всего спросилъ графа Мюнстера, исполнены ли въ точности приказанія, данныя относительно императорскаго помѣщенія? Проведя въ зàмкѣ ночь, императоръ утромъ выѣхалъ изъ Байрейта въ мрачномъ и грустномъ настроеніи, повторяя нѣсколько разъ: «Ce maudit château», т. е. «этотъ проклятый зàмокъ», и заявилъ окружавшимъ его лицамъ, что онъ въ другой разъ ни за что не остановится въ этомъ зàмкѣ. Чтò именно здѣсь случилось съ императоромъ, неизвѣстно, но было видно, что ночлегъ и въ новомъ зàмкѣ сильно разстроилъ его.

2-го августа 1813 года, Наполеонъ снова пріѣхалъ въ Байрейтъ, но ни за что не хотѣлъ остановиться здѣсь и уѣхалъ на ночлегъ въ зàмокъ Плауэнъ.

Съ 1822 года, «Бѣлая Дама» перестала появляться въ Байретѣ. Прекращеніе ея появленій совпало со смертію тамошняго замкòваго каштеляна Шлюттера, родомъ пруссака, заклятаго врага французовъ. Въ оставшемся послѣ него имуществѣ нашли костюмъ «Черно-Бѣлой Дамы», напугавшей въ этомъ костюмѣ за десять лѣтъ передъ этимъ сперва храбраго генерала д'Еспань, а вскорѣ послѣ того, какъ надобно полагать, и самого Наполеона.

Съ 1790 по 1812 годъ, «Бѣлая Дама» нѣсколько разъ наводила ужасъ въ берлинскомъ «бургѣ». Но когда послѣ ея появленія были произведены въ «бургѣ» тщательные поиски, то одинъ разъ тамъ нашли пудрмантель, а въ другой разъ, въ такъ называемой «Зеленой Шиппь» бѣлую гардину. По дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что въ одной изъ башенъ «бурга» призракъ «Бѣлой Дамы» воспроизводится отраженіемъ рѣки Шпрее, освѣщенной блескомъ луны.

«Бѣлая Дама» появлялась въ «бургѣ» нѣсколько разъ втеченіе сороковыхъ годовъ, столь прискорбныхъ для гогенцолерновъ. Въ 1850 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, появилась она, но уже не въ «бургѣ», а въ швейцарской комнатѣ королевскаго дворца. Здѣсь окликнули ее караульные солдаты, и она дала тягу, испугавшись, повидимому, гораздо болѣе сама солдатъ, нежели испугала ихъ своимъ появле-

ніемъ, и съ невѣроятной быстротою понеслась внизъ по лѣстницѣ, такъ что задержать ее не было никакой возможности.

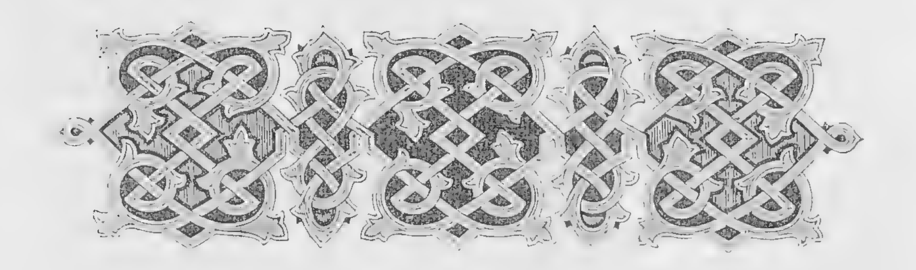
Нѣсколько позднѣе, одинъ унтеръ-офицеръ, бывшій въ дворцовомъ караулѣ, самымъ настойчивымъ образомъ увѣрялъ своихъ товарищей, что онъ видѣлъ «Бѣлую Даму», и, по тщательнымъ розыскамъ, оказалось, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ этотъ грозный призракъ, но только во образѣ безобидной старушки, проживавшей въ «бургѣ» и иногда гулявшей на чистомъ воздухѣ ночью по двору замка, въ бѣломъ капотѣ.

Въ одномъ старинномъ стихотвореніи «Бѣлая Дама», появляющаяся въ «бургѣ», описана такъ:

«Въ бѣлой одеждѣ и въ бѣломъ монашескомъ покрывалѣ проходитъ она въ полночь по бургу. Посинѣлыя руки сложены неподвижно на ея впалой груди, глаза тусклые, какъ у мертвеца, опущены долу...».

Е. Карновичъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ДРУЗЕЙ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

КОНЕЦЪ прошлаго столѣтія, на который сыпалось столько упрековъ въ безсердечіи, жестокости, отсутствіи гуманности, сдѣлалъ, однако же, для страдальцевъ и обиженныхъ природою гораздо больше, чѣмъ эпохи, славящіяся своею филантропіею. Если въ началѣ XVIII вѣка на несчастныхъ, лишенныхъ одного изъ главныхъ чувствъ или даровъ природы, на нѣмыхъ, слѣпыхъ, глухихъ и помѣшанныхъ, смотрѣли какъ на паріевъ, отверженцевъ человѣчества, въ концѣ этого вѣка ученые и филантропы признали ихъ своими братьями, перестали чуждаться ихъ и не только облегчили ихъ матеріальное положеніе, но придумывали различныя системы — развить ихъ умственныя и нравственныя способности. Учреждались убѣжища для калѣкъ, воспитательные дома, улучшалась метода леченія умалишенныхъ, и если знаменитый изобрѣтатель способа обученія глухонѣмыхъ, аббатъ де Л'Эпе умиралъ въ первый годъ французской революціи, въ то же почти время развился и прочно утвердился «институтъ слѣпыхъ», основанный Валентиномъ Гаюи, у насъ почти неизвѣстнымъ, но принесшимъ не меньше пользы человѣчеству, такъ какъ найдти способъ къ развитію слѣпыхъ было гораздо труднѣе, чѣмъ содѣйствовать обученію глухонѣмыхъ. Объ этомъ-то истинномъ другѣ человѣчества, теперь, къ сожалѣнію, забытомъ въ Россіи даже тѣми, кто пользуется плодами его изобрѣтательности и усилій расширить духовный міръ несчастныхъ, лишенныхъ возможности видѣть міръ физическій, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», редакція котораго получила очень рѣдкій гравированный портретъ этого тру-

женика на пользу общую. Прилагая снимокъ съ этого портрета къ настоящей книжкѣ нашего журнала, мы заимствуемъ біографическія свѣдѣнія о Валентинѣ Гаюи изъ любопытной статьи нашего извѣстнаго окулиста А. И. Скребицкаго объ этомъ дѣятелѣ, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Наблюдателя», журнала уже нѣсколько лѣтъ издаваемаго А. П. Пятковскимъ.

Валентинъ Гаюи.
Съ весьма рѣдкаго гравированнаго портрета.

Въ маѣ 1884 года, парижскій «Институтъ слѣпыхъ» праздновалъ столѣтнюю годовщину своего основанія Валентиномъ Гаюи, сыномъ бѣднаго деревенскаго ткача (род. 13-го ноября 1745 года, въ деревнѣ Saint-Just, въ департаментѣ Сены и Оазы), выдѣлившагося вмѣстѣ со своимъ братомъ изъ малообразованной крестьянской среды. Но въ то время, какъ братъ его, Рене-Жюстъ, сдѣлался знаменитымъ минералогомъ, Валентинъ, бывшій уже королевскимъ секретаремъ и пере-

водчикомъ (secretaire-interprète du roi), увлеченный успѣхомъ аббата Л'Эпе въ обученіи глухонѣмыхъ, задумалъ открыть пути къ образованію и другимъ обездоленнымъ природою несчастливцамъ—слѣпымъ. Онъ придумалъ систему обученія ихъ чтенію, письму, ариѳметикѣ, музыкѣ и разнымъ ремесламъ. Академія наукъ признала его методъ раціональнымъ и практическимъ. Гаюи основалъ на свои собственныя, скромныя средства, затѣмъ, съ помощью человѣколюбиваго общества, содержалъ «Мастерскую слѣпыхъ-рабочихъ» (Atelier d'aveugles-travailleurs). Людовикъ XVI, видя успѣхъ этого учрежденія, открылъ первый казенный институтъ для слѣпыхъ на 30 человѣкъ. Число это возросло вчетверо. Но смутная пора, наступившая для Франціи, подорвавшая ея финансы, уничтожившая монархію, поколебала благосостояніе и этого учрежденія. Окончательно уничтожилъ его министръ Шапталь, во время консульства, находившій, что для слѣпыхъ достаточно богадѣльни, а школа и мастерская имъ вовсе не нужна. Эта блестящая мысль одного изъ возстановителей порядка и основъ лишила возможности Гаюи трудиться на пользу несчастныхъ и приводила его въ отчаяніе. Но извѣстность его и результаты его благотворныхъ трудовъ проникли за предѣлы Франціи, и въ 1803 году онъ получилъ, черезъ посредство генералъ-маіора Хитрово, приглашеніе императора Александра I пріѣхать въ Россію и основать въ Петербургѣ институтъ для слѣпыхъ. Одинадцать лѣтъ пробылъ Гаюи въ сѣверной столицѣ, и объ этомъ пребываніи его у насъ г. Скребицкій составилъ свою статью по скуднымъ и съ трудомъ отысканнымъ архивнымъ источникамъ. Разсказъ автора о томъ, съ какими затрудненіями долженъ былъ бороться другъ человѣчества во время своихъ невольныхъ сношеній съ чиновничьимъ міромъ, въ Россіи, въ высшей степени любопытенъ и поучителенъ [1]).

Начать съ того, что въ самомъ институтѣ для слѣпыхъ не сохранилось ровно никакихъ свѣдѣній объ его основателѣ. Только въ департаментѣ народнаго просвѣщенія нашлось дѣло объ учрежденіи этого института, «веденное невѣждой чиновникомъ, не умѣвшимъ соблюсти даже простой хронологической послѣдовательности въ сборѣ матеріала». Немудрено, что по такимъ источникамъ трудно было представить полный очеркъ дѣятельности у насъ Гаюи, да и то, что мы узнаемъ, относится больше къ внѣшней, форменной сторонѣ дѣла, подтверждающей въ сотый разъ всю нецеремонность канцелярскаго отношенія ко всякому живому и полезному дѣлу. Изъ одинадцати лѣтъ—за шесть не нашлось въ архивахъ ни одного документа, за три года—по одному, и только за два года имѣются обстоятельныя свѣдѣнія. Самое дѣло о приглашеніи Гаюи въ Пе-

[1]) Монографія эта, подъ заглавіемъ: «В. Гаюи въ Петербургѣ», появилась и отдѣльной брошюрой, съ портретомъ В. Гаюи.

тербургъ тянулось три года. Въ августѣ 1803 года, онъ представилъ въ столицу проектъ института и только въ сентябрѣ 1806 года пріѣхалъ сюда, по окончаніи переговоровъ, поминутно замедлявшихся, конечно, не отъ условій, предлагаемыхъ безкорыстнымъ филантропомъ и принятыхъ безъ возраженій нашимъ правительствомъ. Пока оно раздумывало и собиралось, Гаюи, проѣздомъ черезъ Берлинъ, куда его также приглашали академія наукъ и король, изложилъ свой планъ обученія слѣпыхъ Августу Цейне, и тотъ уже въ 1806 году открылъ училище для слѣпыхъ, послужившее разсадникомъ всѣхъ подобныхъ учрежденій въ Пруссіи. У насъ Гаюи, прежде всего, просилъ разрѣшенія представиться Александру I со своимъ ученикомъ-слѣпцомъ, который наглядно показалъ бы всѣ преимущества методы его обученія. Гаюи, однако же, уѣхалъ изъ Россіи, не удостоившись чести быть принятымъ императоромъ, который съ такою предупредительностью и настойчивостью вызывалъ его въ Петербургъ. Вмѣсто того, съ первыхъ же почти дней пребыванія его въ нашей столицѣ, возникаютъ разныя дрязги, обусловленныя, главнымъ образомъ, неисполненіемъ со стороны нашихъ властей условій ученаго, принятыхъ правительствомъ. Прежде всего онъ не получилъ денегъ, слѣдующихъ ему за путевыя издержки, наемъ квартиры и т. п. Все это, конечно, было ему выдано, но послѣ многихъ проволочекъ и нескончаемыхъ формальностей. Министръ просвѣщенія, графъ Завадовскій, давъ обѣщаніе ученому изучить его систему, «не удосужился втеченіе трехъ мѣсяцевъ хоть поверхностно ознакомиться съ спеціальностью человѣка, встрѣчаемаго съ любопытствомъ всею Европою». Гаюи проситъ, чтобы ему присылали слѣпыхъ дѣтей, ему отвѣчаютъ изумительною фразою, что «въ Россіи нѣтъ слѣпыхъ!». Онъ находитъ въ Смольной богадѣльнѣ болѣе сотни слѣпыхъ обоего пола. Онъ проситъ позволить ему, подъ всевозможнымъ контролемъ, начать обученіе двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ. Ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ обратиться съ прошеніемъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, затѣмъ его отправляютъ къ гражданскому губернатору. Тотъ обѣщаетъ разсмотрѣть прошеніе «въ первый свободный часъ». Часъ этотъ длится нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣятельный Гаюи жалуется, что онъ восемь мѣсяцевъ проводитъ безъ всякаго дѣла. Наконецъ, въ августѣ 1807 года, утверждается примѣрный штатъ института слѣпыхъ па 15 человѣкъ.

Затѣмъ, съ разныхъ сторонъ начались обычныя вмѣшательства всякихъ начальствъ въ дѣло, устраиваемое Валентиномъ Гаюи. Каждый департаментскій чиновникъ старался доказать, что и онъ тоже — власть, имѣющая право дѣлать запросы и указанія человѣку, о дѣятельности котораго онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Начались урѣзыванія и оттягиванія суммъ, обѣщанныхъ Гаюи по первоначальному условію съ нимъ. Между министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія возникла переписка по дѣламъ института. Въ 1808 году, назначена была его ревизія. Директоръ гимназіи, которому она была поручена, сталъ дѣлать разныя придирки, хотя на него самого сыпались жалобы за неплатежъ денегъ по подрядамъ и поставкамъ въ гимназію. Личность эта, баронъ Дольстъ, отданный вскорѣ по высочайшему повелѣнію, за злоупотребленія, подъ уголовный судъ, является вершителемъ судьбы Гаюи. Помощникомъ къ нему опредѣлили негодяя и пьяницу Бушуева, и онъ началъ писать доносы на своего руководителя. Тотъ доводилъ нѣсколько разъ до свѣдѣнія Мартынова, Новосильцева, Врончепки, Тургенева о поступкахъ Бушуева. Тургеневъ откровенно отвѣчалъ, что начальству извѣстно о пьянствѣ Бушуева, но что, тѣмъ не менѣе, сдѣлать ничего нельзя, такъ какъ онъ назначенъ г. министромъ и пользуется его расположеніемъ. Учителей, рекомендуемыхъ самимъ Гаюи, находили неподходящими къ исправленію своихъ обязанностей. И въ средѣ враждебно настроенныхъ противъ него личностей, въ положеніи тяжеломъ, почти невыносимомъ, Гаюи оставался, однако, больше десяти лѣтъ, считая, что онъ, всетаки, приноситъ посильную пользу несчастнымъ слѣпцамъ. За эти десять лѣтъ г. Скребицкій не нашелъ никакихъ документовъ о томъ, что перенесъ филантропъ, но, судя по первымъ шагамъ его въ Петербургѣ на поприщѣ служенія человѣчеству, можно представить себѣ, какъ относилось къ нему чиновничество. Нахальство послѣдняго дошло до того, что оно, вычетами изъ жалованья Гаюи покрывало свое собственное содержаніе, объясняя этотъ поступокъ тѣмъ, что если бы служащіе не пользовались такими вычетами, то не было бы возможности удовлетворить прочихъ «чиновниковъ» института жалованіемъ, по крайней мѣрѣ, по 4 мѣсяца ежегодно! Такимъ образомъ захвачено было у Гаюи болѣе 5,000 рублей... Гаюи былъ легитимистъ, не любилъ Наполеона и не могъ питать особеннаго желанія вернуться на родину при императорскомъ правленіи. Но, когда во Францію вернулись Бурбоны, Гаюи, въ 1817 году, чувствуя упадокъ силъ, просилъ объ увольненіи. Ему было уже за 70 лѣтъ. Формальности по выдачѣ паспорта отсюда не позволили ему поѣхать во Францію дешевѣйшимъ морскимъ путемъ, а между тѣмъ, онъ изъ Россіи не вывезъ ничего и даже, живя въ ней, уплачивалъ изъ своего скромнаго жалованья долги, сдѣланные имъ еще въ Парижѣ, при началѣ управленія Наполеона, приказавшаго закрыть институтъ слѣпыхъ, учрежденный Гаюи. Г. Скребицкій отъискалъ еще документы, доказывающіе, что, во время своего пребыванія въ Россіи, филантропъ представлялъ правительству изобрѣтенную имъ новую систему телеграфовъ. Какіе были результаты опытовъ этой системы, — осталось, однако, неизвѣстнымъ. Онъ умеръ въ 1822 году, 77-ми лѣтъ. Памятникъ ему на кладбищѣ отца Лашеза воздвигнутъ на средства его слѣпыхъ уче-

никовъ. «И на родинѣ, и на чужбинѣ Гаюи оставался при жизни непонятымъ, неоцѣненнымъ по достоинству», — прибавляетъ г. Скребицкій. Въ 1861 году, воздвигли ему прекрасную статую на дворѣ института слѣпыхъ, возстановленнаго при Людовикѣ XVIII.

Чтобы оцѣнить вполнѣ заслугу Гаюи, обратившаго вниманіе Европы на положеніе слѣпыхъ, взглянемъ на этотъ вопросъ хотя только по отношенію къ нашему отечеству. Прошло восемьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ великому филантропу отвѣчали, что «въ Россіи нѣтъ слѣпыхъ». Но вотъ тотъ же авторъ, который составилъ, по архивнымъ источникамъ, любопытную монографію этого друга человѣчества, на съѣздѣ русскихъ врачей въ 1885 году прочелъ рефератъ «о распространенности слѣпоты и распредѣленіи слѣпыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи». И что же говорится въ этомъ рефератѣ, появившемся отдѣльною брошюрою? А. И. Скребицкій прямо утверждаетъ, что слѣпота достигла у насъ неслыханныхъ размѣровъ, между тѣмъ, какъ оффиціальная статистика никогда не касалась этого предмета. Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появились первыя свѣдѣнія о слѣпыхъ, собранныя частными лицами по Лифляндіи. Матеріалы эти, подвергнутые разработкѣ въ Дерптѣ, показали, что въ одной Лифляндской губерніи 2,806 слѣпыхъ на оба глаза. Затѣмъ, черезъ 20 лѣтъ по Кіевской губерніи нашли 4,220 слѣпыхъ, то есть 1 слѣпаго на 508 зрячихъ. Были еще свѣдѣнія и по губерніямъ Казанской и Полтавской, но всѣ они далеко неполны. Наконецъ, доктору Скребицкому пришла счастливая мысль искать отвѣта на этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ, въ матеріалѣ, несомнѣнно оффиціальномъ, но до сихъ поръ нетронутомъ, въ отчетахъ присутствій по воинской повинности за пять лѣтъ, 1879—1883 годъ, по 63-мъ губерніямъ. И эти цифры, касаясь только однихъ мужчинъ призывнаго возроста (21 годъ), поражаютъ своею чудовищностью: на 1.388,760 осмотрѣнныхъ юношей — 13,686 слѣпыхъ и еще, кромѣ 6,287 человѣкъ съ разными глазными недостатками, до 9,059 человѣкъ съ ослабленною на половину остротою зрѣнія! Отношеніе слѣпыхъ къ зрячимъ, по поламъ и по возрастамъ, даже вовсе не разработано. На Западѣ отношеніе слѣпцовъ — мужчинъ къ женщинамъ — 53 : 47. Одинъ слѣпой въ Даніи приходится на 1,429 зрячихъ, въ Саксоніи на 1,406, въ Швеціи на 1,241, въ Бельгіи на 1,232, въ Франціи на 1,178, въ Австріи на 1,102, въ Англіи и Ирландіи на 1,015, въ Венгріи на 750, въ Россіи въ среднемъ выводѣ по 63 губерніямъ—въ возрастѣ новобранцевъ 1 слѣпой приходится на 101 зрячаго! Это ли не грандіозная цифра! И между тѣмъ, въ нашихъ пріютахъ, богадѣльняхъ и училищахъ для слѣпыхъ, содержимыхъ въ разныхъ городахъ и въ Петербургѣ, на средства разныхъ обществъ, призрѣвается не болѣе 400 человѣкъ, а съ Польшею и Финляндіей всего 532 слѣпыхъ...

Существуетъ у насъ съ 1881 года и Попечительство о слѣпыхъ, открывшее свою дѣятельность съ готовымъ, при его основаніи, капиталомъ въ 216,400 руб. и успѣвшее въ короткое время собрать, въ недѣлю о слѣпомъ (ежегодно до 70,000 руб.), болѣе полумилліона рублей [1]). Устроило оно нѣсколько мелкихъ заведеній, частію содержимыхъ имъ вполнѣ, частію получающихъ субсидіи отъ него. Но во всѣхъ этихъ заведеніяхъ насчитывается не болѣе 104 человѣкъ изъ общаго числа 400 призрѣваемыхъ разными обществами русскихъ слѣпцовъ... О дѣятельности его, кромѣ публикацій о торжествахъ при перемѣщеніи его заведеній изъ одного дома въ другой и хвалебныхъ отчетовъ о благихъ его намѣреніяхъ, на дѣлѣ видимъ очень мало. По крайней мѣрѣ, нѣтъ соотвѣтствія между полученными средствами и сдѣланнымъ...

Гдѣ нужны знаніе и преданность дѣлу, тамъ Совѣтъ этого Попечительства оказывается, не смотря на свои крупныя средства, несостоятельнымъ. Въ этихъ случаяхъ частныя лица показываютъ ему примѣръ, достойный подражанія. Мы имѣли случай видѣть на дняхъ прекрасную, первую по времени появленія въ Россіи, типографскую новинку — «Сборникъ статей» для чтенія слѣпыхъ, шрифтомъ Брайля. Она составлена, собственноручно набрана и отпечатана дѣвицею Анною Адлеръ въ Москвѣ. Кромѣ того, книга эта, которой порадуются семьи, въ средѣ которыхъ находятся слѣпые, издана на собственныя средства г-жи Адлеръ. Продажная цѣна ея, конечно, покроетъ только часть затратъ.

Но какъ ни почтенны подобные труды, нельзя надѣяться, что усиліямъ частныхъ лицъ удастся облегчить несчастіе такого громаднаго числа лишившихся зрѣнія, какъ мы видѣли изъ изложеннаго выше.

Не ясно ли, что и общество, и государство должно оказать всевозможное содѣйствіе къ огражденію зла, пустившаго такіе глубокіе корни въ Россіи. Съѣздъ русскихъ врачей, соглашаясь вполнѣ съ сдѣланнымъ докторомъ Скребицкимъ предложеніемъ, призналъ настоятельною необходимостью изученіе ближайшихъ причинъ частаго заболѣванія органовъ зрѣнія въ массахъ сельскаго и рабочаго населенія, и изысканіе средствъ для отвращенія этого зла. Но все это только — pia desideria, которыя повліяютъ на уменьшеніе у насъ слѣпоты въ отдаленномъ будущемъ, для нынѣ же прозябающихъ русскихъ слѣпцовъ почти ничего не сдѣлано—сравнительно съ ихъ числомъ и собираемыми для этой цѣли средствами. Валентины Гаюи, рѣдкіе и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вовсе не находятъ у насъ и въ концѣ его достойныхъ преемниковъ...

В—ъ.

[1]) Точная цифра неизвѣстна, такъ какъ съ конца 1883 г., когда Совѣтъ располагалъ уже 489,368 р., онъ не публикуетъ отчетовъ о собранныхъ суммахъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО ВѢКА [1].

III.

Англійская армія и принудительная вербовка. — Сцены изъ дѣйствительной жизни и изъ романа Смоллета. — Флотъ и матросы. — Недостатокъ въ солдатахъ. — Богатые призы. — Уличные безпорядки. — Продажа военныхъ должностей и правительственныхъ мѣстъ. — Введеніе телеграфа. — Налоги и неурожаи. — Почта и гостиницы. — Картежная игра. — Леди-шулера. — Театры и артисты. — Опера и балетъ. — Война противъ короткихъ юбокъ. — Танцорка Гимаръ. — Маскарады и музыка. — Полиція и воры. — Вильямсъ Ренвикъ. — Обращеніе съ арестантами и переселенцами. — Боксъ и боксеры. — Страсть къ пари. — Продажа женъ. — Лицемѣріе англичанъ и ихъ семейная жизнь.

Мы упоминали уже въ первой статьѣ нашего очерка, что въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія англійская армія пополнялась преимущественно принудительною вербовкою. При этой системѣ спаиванія и насильственнаго захвата всякаго сброда, надо удивляться, какъ эти солдаты-поневолѣ, съ которыми и въ строю обращались самымъ варварскимъ образомъ, дрались храбро и не бунтовали противъ своихъ начальниковъ-мучителей. На кораблѣ, во время плаванія матросы могли еще переносить жестокое обращеніе съ ними, зная, что, по прибытіи въ гавань или во время стоянки въ портовыхъ городахъ своего отечества, имъ будетъ дана полная свобода гулять и пьянствовать. Не смотря на законъ, безу-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 432.

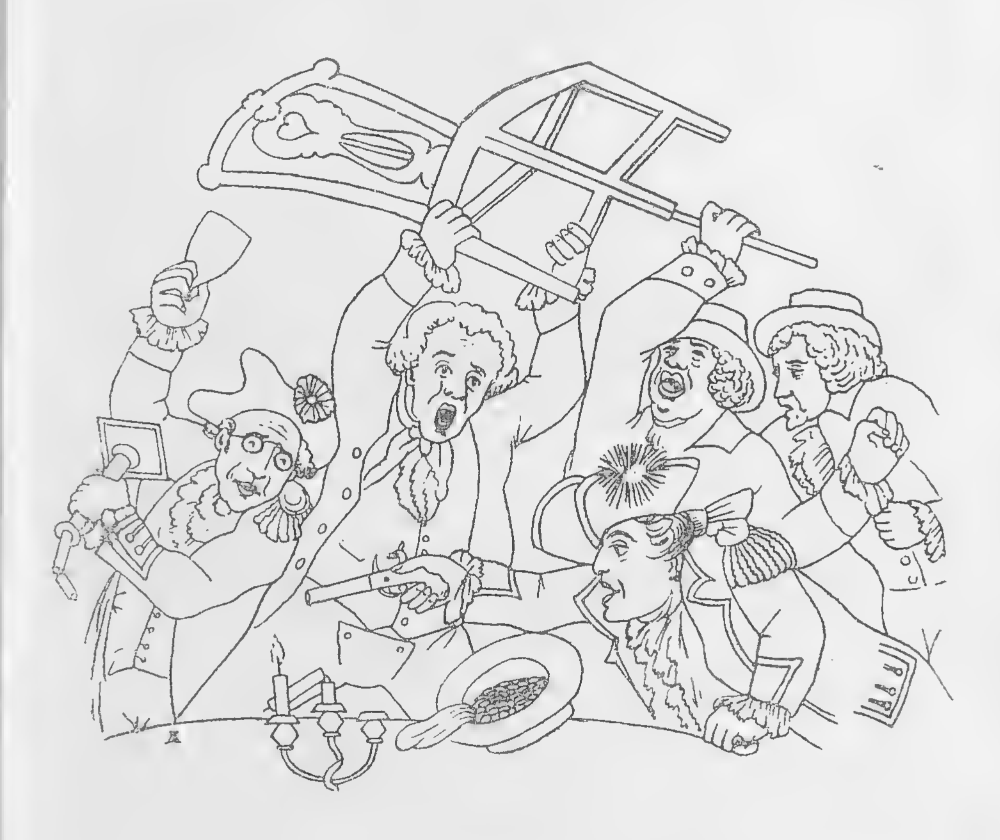
словно запрещающій пребываніе женщинъ на военномъ суднѣ, когда фрегатъ «Ройяль-Джорджъ» долженъ былъ выйдти въ море, на немъ, во время внезапнаго обыска, было найдено 200 женщинъ, которыхъ пришлось силою отправлять на берегъ. Въ романѣ Смоллета «Родерикъ Рандомъ» переданъ разсказъ, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, человѣкъ интеллигентный, гуляя по верфи, близъ Тоуэра, былъ схваченъ толпой вербовщиковъ, защищаясь отъ нихъ, раненъ въ голову и въ щеку, но приведенъ на корабль, гдѣ получилъ нѣсколько десятковъ ударовъ пинками «за возмущеніе»

Вербовщики, приводящіе въ рекрутское бюро захваченную ими жертву.

и связанный брошенъ на палубу. Чувствуя, что кровь льется по лицу его изъ глубокой раны, бѣднякъ попросилъ одного матроса достать платокъ изъ кармана его кафтана и перевязать ему голову. Тотъ исполнилъ просьбу связаннаго, вынулъ его платокъ, но взялъ себѣ и тутъ же продалъ какой-то бабѣ, а когда раненый пожаловался на это наглое воровство проходившему мичману, прося сдѣлать ему перевязку, иначе онъ изойдетъ кровью, тотъ выплюнулъ ему въ лицо табачную жвачку со словами: «Такъ тебѣ и надо: околѣвай, поганый бунтовщикъ!» И такая сцена не фантазія автора, а картина съ натуры. Чаще всего захватывали матросовъ съ купеческихъ кораблей, какъ болѣе опытныхъ «для королевской службы», и нерѣдко такіе корабли, уже нагруженные то-

варами, не могли выйдти въ море, такъ какъ экипажъ ихъ былъ завербованъ въ королевскій флотъ. Газеты того времени наполнены описаніемъ подобныхъ захватовъ, производившихся чаще всего въ Лондонѣ, раза по два въ мѣсяцъ. И это нисколько не возмущало тогдашнюю печать, очень добродушно сообщавшую: «Въ три послѣдніе дня на Темзѣ захвачено пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ» («Times», отъ 9-го марта 1795 г.), «вербовка въ эту ночь была очень

Драка въ игорномъ домѣ.

велика: взяты матросы со всѣхъ торговыхъ судовъ, не исключая отправлявшихся въ Восточную Индію» («Times», 27-го марта) и пр. Изрѣдка «Times» поднимаетъ вопросъ: полезны ли будутъ для службы солдаты, завербованные такими средствами? и предлагаетъ учредить комитеты для изысканія болѣе гуманныхъ способовъ пополненія арміи и флота. Только присяжные, когда дѣла о бунтѣ доходили до суда, не боялись обвинить лейтенантовъ въ умышленномъ убійствѣ новобранцевъ. Но, большею частью, съ бунтовщиками расправлялись, не прибѣгая къ суду. Такъ, когда въ гавани взбун-

товался экипажъ 74-хъ-пушечнаго фрегата «Куллоденъ», не хотѣвшаго отправляться, по назначенію, въ Вест-Индію, лорды адмиралтейства приказали кораблямъ: «Ройяль-Джорджъ» въ 110 пушекъ и «Королева» въ 98, стать по бортамъ возмутившагося фрегата и потопить его выстрѣлами, если онъ не будетъ повиноваться приказаніямъ правительства. Экипажу было дано полчаса на размышленіе, и черезъ двадцать минутъ онъ покорился. 12 зачинщиковъ, возбуждавшихъ къ неповиновенію, были повѣшены. Это происходило въ 1794 году, а въ 1795 году на всѣ купеческія суда, стоявшія въ англійскихъ гаваняхъ, было наложено амбарго и съ нихъ взято 20 тысячъ матросовъ для пополненія королевскаго флота, терявшаго множество матросовъ въ войнѣ съ Франціею.

До какой степени былъ великъ недостатокъ въ солдатахъ, видно изъ того, что судьи присуждали преступниковъ, вмѣсто заключенія въ тюрьму, къ отдачѣ въ солдаты. Такъ, одному каменьщику, укравшему скамейку, оцѣненную въ девять пенсовъ, судьи предложили въ наказаніе на выборъ — службу въ морскихъ или сухопутныхъ защитникахъ отечества, и когда онъ отказался отъ того и другого, силою сдали его въ солдаты. Одинъ изъ членовъ палаты общинъ донесъ парламенту о незаконномъ рѣшеніи суда, но жалоба его оставлена безъ послѣдствій. Тяжелая морская служба вознаграждалась по временамъ призами, полученными при захватѣ непріятельскихъ судовъ. Такъ, при взятіи испанскаго корабля Сант-Яго, изъ приза въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ каждый капитанъ получилъ на свою долю 13,920 фунтовъ стерлинговъ, каждый лейтенантъ 910, мичманъ 612, боцманъ 140, простой матросъ 26 фунтовъ. Церковные приходы и разныя учрежденія собирали деньги и вербовали людей на службу отечеству, по крайней мѣрѣ, по найму, а не насиліемъ. Предлагали даже каторжникамъ, присужденнымъ къ ссылкѣ въ колоніи, вступить въ армію. Но въ то время, когда иные изъ взятыхъ насильно въ солдаты рубили себѣ пальцы, чтобы сдѣлаться неспособными къ военной службѣ, во флотѣ добровольно служило нѣсколько женщинъ, поступившихъ въ мужскомъ костюмѣ на корабли, за своими возлюбленными. Онѣ не только исполняли всѣ тяжелыя обязанности матросской службы, но и храбро дрались съ непріятелемъ. Народъ, понятно, не могъ относиться иначе какъ съ враждебными чувствами къ насильственной вербовкѣ, и она была не разъ причиною кровавыхъ сценъ и серьёзныхъ возмущеній. Такъ, въ августѣ 1794 года, въ рекрутское депо, помѣщавшееся въ самомъ людномъ мѣстѣ Лондона, на углу Чаринг-Кросса, вербовщики притащили связаннаго молодого человѣка, на глазахъ толпы, которую онъ напрасно умолялъ освободить его. Что съ нимъ сдѣлали въ домѣ — неизвѣстно (обыкновенно, послѣ сильныхъ побоевъ приковывали къ стѣнѣ, загнувъ руки за спину и связавъ ноги); но часа черезъ два этотъ молодой человѣкъ съ связанными назадъ

руками выбросился изъ окна верхняго этажа на мостовую и разбился. Тогда толпа пришла въ ярость, ворвалась въ домъ, все тамъ перебила и уничтожила, побросала въ выбитыя окна всю мебель и начала разносить сосѣдніе дома. Только прибытіе сильнаго отряда войскъ положило конецъ разгрому. «Times», описывая это со-

Современное гостепріимство, или дружеская партія въ высшемъ обществѣ.

бытіе, видитъ въ немъ подстрекательство якобитовъ и революціонеровъ. Но пять человѣкъ, захваченные войсками и отданные подъ судъ, объявлены присяжными—невиновными. Попытки къ разрушенію домовъ въ Лондонѣ повторялись нѣсколько разъ, и въ сентябрѣ того же года трое зачинщиковъ были повѣшены.

Не меньше насильственной вербовки возбуждалъ въ народѣ негодованіе обычай, знакомый и русскимъ: давать въ колыбели чинъ сержанта сыновьямъ лордовъ, получавшимъ затѣмъ послѣдующіе военные чины еще на школьной скамейкѣ. Четырнадцати лѣтъ такіе господчики были уже капитанами и, поступая въ полкъ, относились съ наглостью и пренебреженіемъ не только къ старымъ заслуженнымъ солдатамъ, но и къ офицерамъ, которые, хотя въ меньшихъ чинахъ, не разъ проливали кровь на поляхъ сраженій. Герцогъ Іоркскій въ приказѣ по арміи постановилъ, что капитанъ на дѣйствительной службѣ не можетъ быть моложе 12-ти лѣтъ, а полковникъ—18-ти. Съ плѣнными обращались грубо и жестоко, что̀ и не могло быть иначе, такъ какъ обращеніе съ самими солдатами было варварское. За то и они, дорвавшись до возможности погулять на свободѣ, передавались самому скотскому пьянству и распутству, выдѣлывая при этомъ всевозможныя дурачества. Высшіе чины въ арміи пріобрѣтались не военными заслугами или долговременною службою, а покупкою; но пріобрѣтеніе полка за деньги было по карману только богатымъ лордамъ. Продавались въ арміи даже мѣста священниковъ. И все это находили если не законнымъ, то естественнымъ, даже такіе государственные умы, какъ Питтъ, Фоксъ или Боркъ. Сравнивъ то время съ нынѣшнимъ, только самобытники-ретрограды могутъ не признать прогрессивнаго движенія нашего вѣка въ либеральномъ направленіи.

Продавались въ Англіи, впрочемъ, не однѣ военныя должности, но и гражданскія. Въ газетахъ появлялись подобныя объявленія: «Ищутъ правительственнаго мѣста. Двѣ или три тысячи фунтовъ стерлинговъ и даже болѣе предлагается джентльмену, который доставитъ мѣсто въ какомъ либо правительственномъ учрежденіи съ содержаніемъ, соотвѣтствующимъ предлагаемой суммѣ. Комисіонеровъ и посредниковъ просятъ не являться: адресъ такой-то». Или вотъ объявленіе еще откровеннѣе: «Правительственное мѣсто. Предлагаютъ свободное выгодное мѣсто въ правительственномъ учрежденіи, жалованье сто фунтовъ и другіе доходы. Впослѣдствіи имѣется въ виду повышеніе. Джентльменъ, располагающій 500 фунтовъ, можетъ вступить въ переговоры, безъ посредства комисіонеровъ, доставивъ свой адресъ въ кофейню Батсона» («Times», отъ 15-го апрѣля 1793 г.). Въ 1798 году, та же газета печатала уже прямо: «Продается постоянное мѣсто въ государственномъ учрежденіи; занятія въ присутствіи 2—3 часа, легкія и пріятныя, доступныя всякому за незначительное вознагражденіе». Иногда разнымъ джентльменамъ и леди, доставляющимъ подобныя мѣста, предлагаютъ сохранить въ тайнѣ всѣ переговоры, но, большею частью, обходятся и безъ этого условія. Въ это же время возникли въ парламентѣ горячія пренія по поводу злоупотребленія чиновниками безплатной розсылки по почтѣ разнаго рода частныхъ писемъ и

посылокъ подъ печатью казенныхъ учрежденій. За почтовую пересылку плата взимлась тогда по разстояніямъ, и даровыя незаконныя отправленія частной кореспонденціи наносили большой ущербъ казнѣ. Въ 1794 году, введенъ въ употребленіе телеграфъ, конечно, оптическій, считавшійся настоящимъ чудомъ. Въ газетахъ онъ назывался долгое время «видимою кореспонденціею» и считался послѣднимъ словомъ науки. Изобрѣтенный во Франціи, онъ былъ значительно усовершенствованъ англичанами. Мода украсила вскорѣ же дамскія шляпки маленькими телеграфами съ вертящимися крыльями.

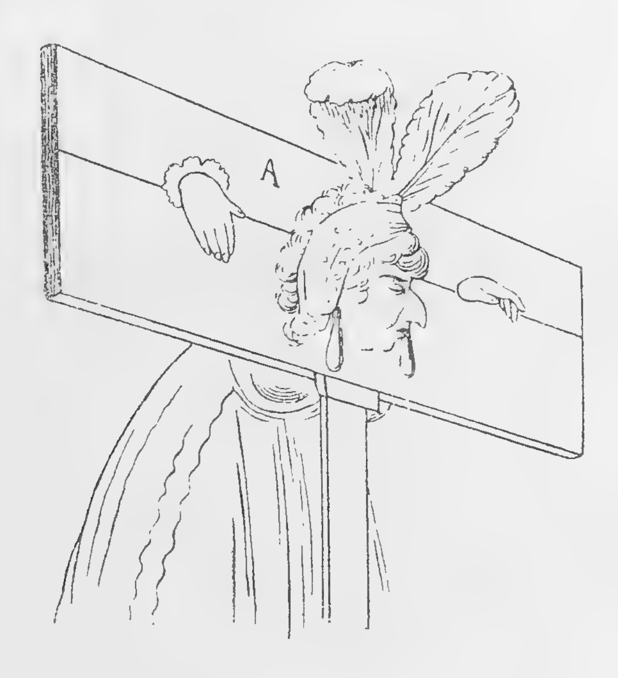
Дѣлежка добычи.

Война съ Франціей требовала постоянныхъ расходовъ, и Питтъ, увеличившій въ 1798 году прямые налоги на 7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, ввелъ въ томъ же году подоходный налогъ, начиная съ суммы въ 60 фунтовъ. Ни одинъ налогъ не возбуждалъ такого неудовольствія въ народѣ, сильно страдавшемъ къ тому же отъ неурожаевъ. Въ 1795—1796 годахъ былъ такой недостатокъ въ мукѣ, что многіе полки отказались отъ употребленія пудры для своихъ волосъ. Парламентъ назначилъ премію въ тысячу фунтовъ тому, кто соберетъ со своихъ полей большее количество картофеля, какъ лучшаго хлѣбнаго суррогата. Владѣтелямъ обширныхъ парковъ предлагалось, въ видѣ патріотическаго подвига, засѣять ихъ

картофелемъ, чтобы замѣнить имъ недостатокъ хлѣба. Вмѣстѣ съ цѣной на муку поднялись цѣны и на мясо, и городскія управленія напрасно старались объ ихъ пониженіи. Чтобы подать примѣръ экономіи, король приказалъ къ своему столу печь хлѣбъ пополамъ изъ муки пшеничной и ржаной, одинаково какъ для всей королевской семьи, такъ и для прислуги. Въ другихъ домахъ хлѣбъ пекли изъ крупичатой муки пополамъ съ картофелемъ. Альдермены строго смотрѣли за узаконеннымъ вѣсомъ хлѣба и штрафовали пекарей, обвѣшивавшихъ покупателей. Строго наказывались также скупщики хлѣба и подмѣшивавшіе въ муку разные суррогаты. Лимоны продавались по пяти пенсовъ за штуку. Но если народъ меньше ѣлъ въ эти годы, то пилъ онъ попрежнему, если не больше. Въ одномъ Лондонѣ съ окрестностями продано въ годъ элю, портеру и джину на 2.312,000 фунтовъ стерлинговъ, кромѣ выпитаго въ 5,204-хъ тавернахъ и трактирахъ на 975,000 фунтовъ. А сколько еще выпито иностранныхъ винъ, коньяку, рому и т. п.! Вмѣстѣ съ съѣстными припасами поднялись цѣны и на каменный уголь.

Дороги въ Англіи, даже почтовыя, были въ плохомъ состояніи и полны выбоинъ; мостовая—плохая даже въ Лондонѣ, гдѣ на улицу иначе нельзя было выйдти какъ въ сапогахъ, чтобы не запачкаться въ грязи. Для избѣжанія этого, прогулки обыкновенно дѣлали верхомъ и ѣзда на лошади, прежде чѣмъ превратиться въ спортъ, была простою необходимостью, единственнымъ удобнымъ средствомъ сообщенія. Въ Лондонѣ нелегко было найдти свободныхъ почтовыхъ лошадей, особенно въ воскресенье. Прогулки въ окрестности совершались въ общественныхъ экипажахъ. Въ Гринвичъ ходилъ огромный десятиколесный омнибусъ для 24-хъ пассажировъ внутри и до 9-ти снаружи. Почтовыя и частныя кареты нерѣдко ломались и опрокидывались и число несчастныхъ случаевъ на почтовыхъ дорогахъ было не менѣе, чѣмъ теперь на улицахъ. Въ трактирахъ и гостиницахъ съ посѣтителей драли не меньше нынѣшняго. Въ нихъ свирѣпствовала тайная картежная игра, открыто господствовавшая и въ частныхъ домахъ всѣхъ классовъ англійскаго общества. Лица, принадлежащія къ высшему кругу, какъ леди Арчеръ и Бокингамшейръ, стояли въ главѣ игорныхъ домовъ. Газеты не стѣснялись называть ихъ по именамъ и подсмѣиваться надъ ихъ румянами и косметиками; модными играми были — фаро и бреланъ. Жертвами этихъ азартныхъ игръ была молодежь, которую завлекали въ эти притоны, спаивали подъ видомъ дароваго угощенья и потомъ объигрывали навѣрняка. Очистивъ ихъ карманы, разрѣшали играть въ долгъ, но когда онъ достигалъ крупной цифры, заставляли въ другой комнатѣ писать векселя, приглашая къ этому нерѣдко подъ дуломъ пистолета. Онъ являлся по временамъ при карточныхъ столахъ какъ средство защиты или

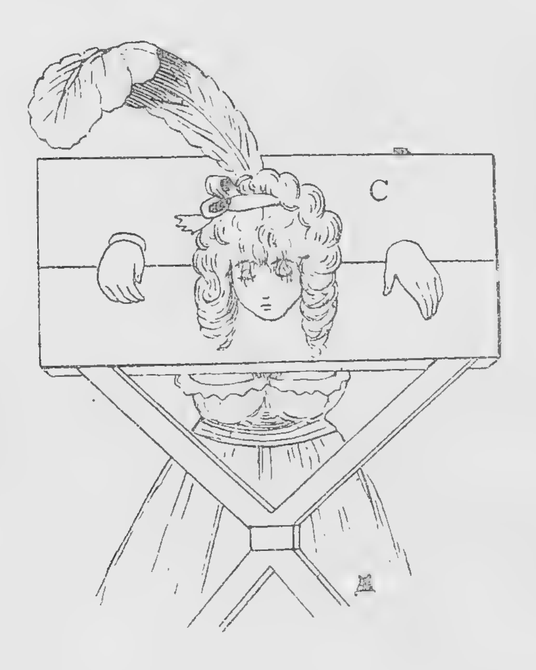
возмездія, когда какой нибудь горячій игрокъ ловилъ на мѣстѣ неопытныхъ или черезчуръ нецеремонныхъ шулеровъ. Грубые пріемы наказывались также грубо, но такая развязка могла произойдти только въ притонѣ низшаго разряда и была немыслима въ высшемъ кругу, гдѣ шулерничали высокопоставленныя особы и дамы. Даровитый карикатуристъ Джильрай, о которомъ мы упоминали въ первой статьѣ, оставилъ нѣсколько бойкихъ рисунковъ, напоминающихъ Гогарта и относящихся къ 1796 году. Мы помѣ-

Леди Арчеръ у позорнаго столба.

щаемъ пять очерковъ, изъ которыхъ два первые сняты съ натуры, а три послѣднихъ, къ сожалѣнію, только фантазія художника. На карикатурѣ «Современное гостепріимство» изображена партія игры въ фàро въ высшемъ обществѣ. Къ сожалѣнію, изъ 16-ти лицъ, сидящихъ за картами, мы знаемъ портреты только четырехъ: на лѣвой сторонѣ, передъ большою грудою банковыхъ билетовъ и свертковъ съ золотомъ, леди Арчеръ вскрываетъ валета—главную карту въ фàро, вѣроятно, не въ первый разъ, потому что всѣ присутствующіе выражаютъ изумленіе при необыкновенномъ счастьѣ хозяйки. Сидящій подлѣ нея принцъ Валлійскій только разводитъ руками;

нѣсколько далѣе неизвѣстная дама складываетъ руки отъ удивленія, проигравъ огромный кушъ, поставленный на карту. Подлѣ нея леди Бокингамшейръ, игравшая на двѣ карты, также изумленно смотритъ на хозяйку. Наконецъ, въ правомъ углу Фоксъ съ сѣдѣющей бородой повторяетъ жестъ принца Валлійскаго, поднимая глаза къ небу. Слѣдующая карикатура представляетъ «Дѣлежъ добычи». Двѣ уже извѣстныя леди спорятъ между собою, сидя за столомъ, на которомъ, кромѣ денегъ и банковыхъ билетовъ, лежитъ какой-то орденъ и шпага, вѣроятно, осыпанные драгоцѣнными кам-

Мистрисъ Конканонъ у позорнаго столба.

нями. Третья дама леди Эджкомбъ разсматриваетъ въ лорнетъ вексель, оставленной однимъ изъ проигравшихся. Четвертая неизвѣстная дама, сложа руки, слушаетъ споръ, даже не взглянувъ на лежащую передъ ней груду золота и ассигнацій. На слѣдующихъ двухъ рисункахъ художникъ помѣстилъ у позорнаго столба двухъ изъ высокопоставленныхъ «дочерей фаро», какъ ихъ называли въ Лондонѣ: леди Арчеръ и мистрисъ Конканонъ. Къ сожалѣнію, это наказаніе онѣ вынесли только въ карикатурѣ, а не въ дѣйствительности, хотя по закону, за обманъ въ игрѣ виновные присуждались къ нѣсколькимъ ударамъ розгами или плетью «по обнаженному тѣлу», смотря по цифрѣ мошенническаго выигрыша, и

Джильрай, на отдѣльной карикатурѣ, представилъ верховнаго судью съ «закономъ противъ обмана въ игрѣ», наказывающимъ леди Бокингамшейръ, привязанную къ телѣгѣ съ ярлыкомъ: «берегитесь дочерей фаро». Двѣ другія подруги леди — Арчеръ и Конканонъ стоятъ вдали у позорнаго столба, просунувъ, какъ это предписывалось, голову и руки въ отверстіе доски у столба, охраняемаго констеблемъ. Хорошо хоть и то, что печать и сатира могли клеймить подобныхъ женщинъ, которымъ законъ позволялъ безнаказанно совершать преступленія, потому только, что онѣ занимали высокое

Верховный судья, наказывающій леди Бокингамъ и другихъ «дочерей фаро».

положеніе въ обществѣ. За то простые люди ссылались по закону на семь лѣтъ въ Ботани-бей даже за честную игру, если только ихъ заставали за нею въ воскресенье. Истинно англійское правосудіе!

Послѣ игры, въ Англіи болѣе всего была распространена страсть къ театру. Спорта, какъ мы уже упоминали, въ то время еще не существовало. Въ Лондонѣ было 12 театровъ, кромѣ концертныхъ залъ. Актеры были хорошіе. Съ огромнымъ успѣхомъ началъ свое сценическое поприще Соэттъ, но, страдая запоемъ, окончательно спился и умеръ въ 1805 году. Мѣсто его занялъ Джонъ Кембль,

лучшій трагическій актеръ послѣ Гаррика. Предназначавшійся къ священническому званію, онъ бѣжалъ изъ духовнаго училища въ труппу странствующихъ комедіантовъ, гдѣ впервые развилось его дарованіе. Послѣ дебюта въ «Гамлетѣ» на Дрюриленскомъ театрѣ, онъ оставался на сценѣ до 1817 года и умеръ въ 1823 году, 66-ти лѣтъ. Въ 1788 году онъ сдѣлался директоромъ Дрюриленскаго театра (мы представляемъ видъ двухъ боковыхъ ложъ его) и аранжировалъ для него нѣсколько пьесъ стараго репертуара. Его собственные драматическіе опыты незначительны. Но какъ трагическій актеръ онъ долгое время не имѣлъ соперниковъ. Лучшія роли его были—Гамлета и Лира. На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ въ этихъ роляхъ, въ костюмахъ того времени. Датскій принцъ во французскомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ лентой черезъ плечо, бросающій книгу послѣ знаменитаго монолога «быть или не быть»; Лиръ, въ фантастической куцавейкѣ, произносящій свое обращеніе къ бурѣ и вѣтрамъ,—въ наше время нарушили бы всякую сценическую иллюзію, но въ концѣ прошлаго вѣка ни публика, ни критика не требовали отъ театра исторической правды и довольствовались психическою правдою и исполненіемъ ролей по принятымъ традиціямъ. Переворотъ въ сценическомъ искусствѣ въ Англіи произвелъ Эдмундъ Кинъ, да и то не вполнѣ. Но онъ началъ играть въ Лондонѣ только въ 1814 году и умеръ 46-ти лѣтъ отъ невоздержной жизни. Въ 1787 году, на сценѣ появился въ послѣдній разъ въ свой бенефисъ, въ роли Шейлока, девяностолѣтній актеръ Маклинъ, когда-то тоже славившійся въ шекспировскихъ роляхъ, но въ этотъ спектакль перепутавшій отъ старости свою роль и попросившій у публики снисхожденія и позволенія окончить за него пьесу — его товарищу. Маклинъ жилъ еще восемь лѣтъ послѣ этого представленія. Баллистеръ былъ въ одно время хорошимъ трагическимъ и комическимъ актеромъ. Лучшимъ комикомъ былъ Квикъ, доживші до 83 лѣтъ. Англичане, впрочемъ, всегда восхищались больше клоунами, чѣмъ серьезными актерами. Изъ актрисъ славились — мистрисъ Джорданъ (Доротея Бландъ), любовница герцога Кларанскаго, впослѣдствіи Вильгельма IV. Живя съ нимъ до 1811 года, она прижила десять дѣтей, и тогда какъ законныхъ наслѣдниковъ у него не оказалось, то англійскій престолъ перешелъ послѣ него къ племянницѣ его Викторіи, дочери герцога Кентскаго. Сара Сиддонсъ была первою трагическою актрисою втеченіе сорока лѣтъ (1775—1816) и жила еще 15 лѣтъ по оставленіи сцены, на которой вотъ уже 70 лѣтъ не было актрисы, равной Сиддонсъ по таланту. Хорошая актриса была миссъ Фарренъ. Высокая и худощавая донельзя, она составляла совершенную противоположность со своимъ возлюбленнымъ, лордомъ Дерби, толстымъ, съ огромной головой и короткими ногами. Превосходно исполняя роли королевъ и знатныхъ дамъ, она, однако, скоро оста-

вила сцену, выйдя замужъ въ 1796 году. Театральные нравы какъ за кулисами, такъ и въ зрительной залѣ были тѣ же что и теперь. Актеры грызлись между собою изъ-за ролей, актрисы изъ-за знатныхъ обожателей. Мистрисъ Джорданъ постоянно анонсировалась

Боковыя ложи Дрюриленскаго театра.

больною, какъ только Саррѣ Сиддонсъ хлопали больше, чѣмъ ей. Между зрителями зачастую являлись подкутившіе джентльмены, прерывавшіе представленіе и которыхъ надо было выводить изъ театра съ помощью полиціи. Споры въ партерѣ нерѣдко оканчи-

вались аплодисментами по щекамъ сосѣдей. Жалованье было небольшое. Сиддонсъ получала шесть фунтовъ въ недѣлю (меньше трехъ тысячъ рублей въ годъ). Въ ложахъ знатныя особы дѣлали визиты другъ другу, причемъ подавались разныя лакомства и угощенія. Любимыми пьесами были мелодрамы, въ родѣ «Дезертера», «Смуглеровъ», «Женщины въ маскѣ». Шекспира давали не часто, но такъ какъ англичане гордились этимъ писателемъ, то одинъ изъ плохихъ драматуровъ Эйрландъ, въ 1796 году поставилъ на Дрю-

Джонъ Кембль въ роли «Гамлета».

риленскомъ театрѣ будто бы вновь случайно открытую трагедію Шекспира «Вортигернъ и Равенна». Шериданъ повѣрилъ этой грубой поддѣлкѣ, тогда какъ Кембль не охотно игралъ Вортигерна и въ концѣ трагедіи съ такимъ комическимъ выраженіемъ произнесъ стихъ: «Вѣдь это все поддѣлка и обманъ»!—что публика расхохоталась и трагедія провалилась, чего она, впрочемъ, заслуживала. Эйрландъ признался потомъ, что онъ самъ сочинилъ эту пьесу.

Опера и балетъ привлекали публику не меньше драматическихъ представленій. Знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ было меньше, чѣмъ такихъ же актеровъ. Въ 1784 году пріѣхала въ Лондонъ, уже 34 лѣтъ, Елисавета Мара̀, рожденная Штеллингъ. Она сначала играла

на скрипкѣ въ Германіи, потомъ, выработавъ недурной голосъ, сдѣлалась оперной пѣвицей при дворѣ Фридриха II. Впродолженіе 18-ти лѣтъ, она была любимицею лондонской публики, но въ 1802 году уѣхала въ Россію, гдѣ остатками своего голоса заработала небольшую сумму, на которую и купила домъ въ Москвѣ. Но во время пожара 1812 года, домъ этотъ сгорѣлъ, и она, потерявъ все, что имѣла, переселилась въ Ревель, гдѣ жила въ бѣдности помощью старыхъ друзей. Въ 1819 году, она вздумала пріѣхать въ Лондонъ и дать концертъ — на 70-мъ году. Это была послѣдняя, печальная

Джонъ Кембль въ роли Лира.

попытка, послѣ которой она поспѣшила вернуться въ Ревель, гдѣ умерла въ 1833 году, 84-хъ лѣтъ. Судьба другой оперной звѣзды, мистриссъ Кроучъ была романическая. Въ 1780 году, она дебютировала въ Лондонѣ какъ драматическая актриса подъ своимъ дѣвическимъ именемъ Филлипсъ. Ей было всего 17 лѣтъ и успѣха она не имѣла. Тогда она уѣхала въ Ирландію, гдѣ въ нее влюбился молодой человѣкъ, схваченный однажды въ театрѣ въ то время, когда намѣревался выстрѣлить въ нее изъ пистолета. Онъ объявилъ, что рѣшился убить сначала ее, потомъ себя за то, что она не отвѣчала на его любовь. Его принудили покинуть островъ. Потомъ ее полюбилъ сынъ богатѣйшаго ландлорда Ирландіи и хотѣлъ на

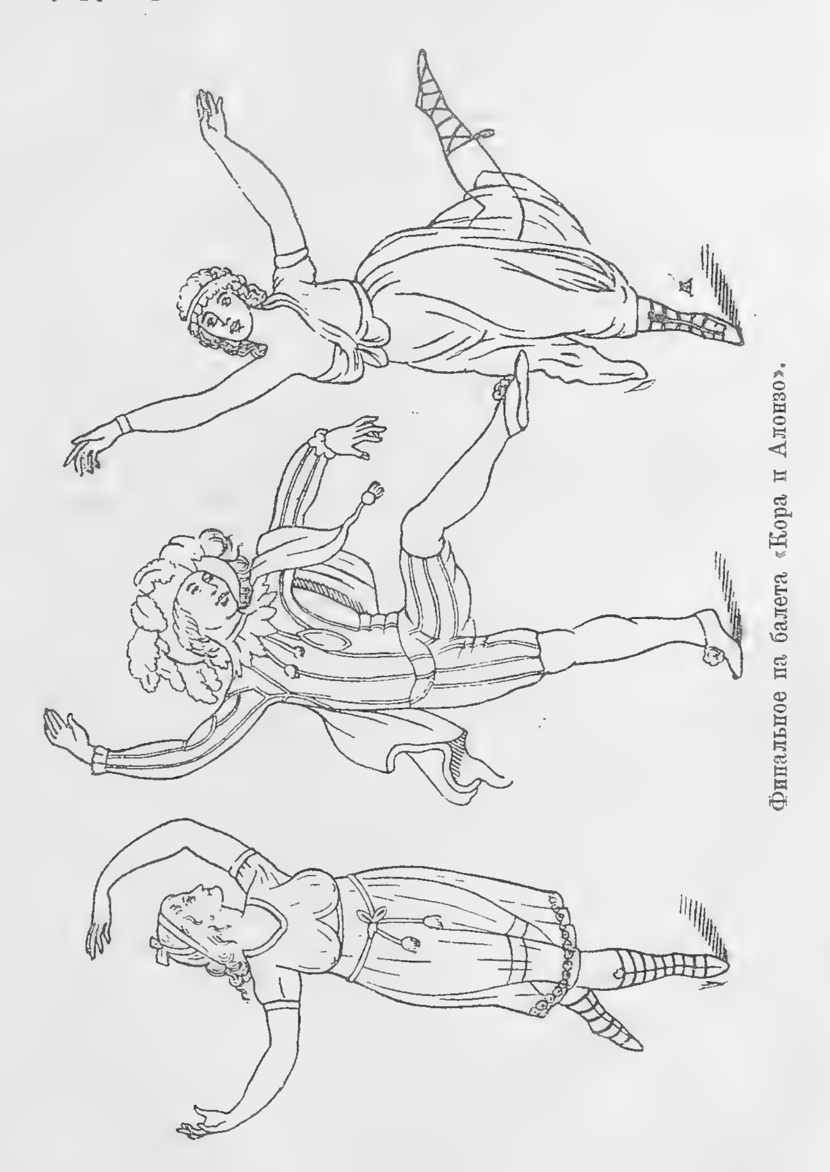
ней жениться. Они стояли уже передъ алтаремъ, когда католическій патеръ, узнавъ имя жениха, сбиравшагося сдѣлать своей женою актрису, отказался вѣнчать ихъ. Напрасно обращалась влюб-

Первая танцовщица — Гимаръ.

ленная пара и къ другимъ священникамъ. Встрѣчая вездѣ отказъ, они рѣшились бѣжать въ Шотландію, гдѣ ихъ не знали, да и попы были сговорчивы. Но не дремали и отцы влюбленныхъ и накрыли ихъ въ ту минуту какъ они садились на корабль. Затѣмъ послѣ-

довала вѣчная разлука и миссъ Филлипсъ, черезъ нѣсколько времени, вышла съ горя за лейтенанта Кроуча, красиваго собой, но гуляку и мота. Бракъ не могъ быть счастливъ при такихъ условіяхъ. Супруги разошлись, она поступила пѣвицею на сцену и

Финальное па балета «Кора и Алонзо».

умерла 42 лѣтъ. Изъ пѣвцовъ ни одинъ не пользовался европейскою извѣстностью. Нѣкоторые были вмѣстѣ съ тѣмъ и оперными композиторами, какъ Келли, Арнольдъ, Линлей. На сколько англичане понимаютъ музыку, видно изъ того, что «Донъ-Жуанъ» Мо-

царта, данный въ Лондонѣ въ 1794 году, былъ ошиканъ и игранъ всего одинъ разъ. Надо сказать, однако, что на этомъ представленіи были и защитники оперы, подравшіеся даже въ партерѣ съ ея противниками, а двое даже дрались на другой день на дуэли изъ-за «Донъ-Жуана».

Балетъ также имѣлъ своихъ поклонниковъ. Ихъ было немало у первой танцовщицы Гимаръ, пріѣхавшей изъ Парижа. Особенный фуроръ производила она въ балетѣ «Нисетта». Она была нехороша собой и очень худощава, но танцовала съ изумительною легкостью и граціею. Это признавали и враги ея, изобразившіе ее въ карикатурѣ только за то, что она была француженка, а революціонная Франція была въ войнѣ съ вѣрноподданной Англіей, распѣвавшей въ то время, при всякомъ удобномъ случаѣ: «God save the king». Подъ музыку этого гимна танцовали даже въ 1793 году, въ балетѣ «Кора и Алонзо» вставное pas de trois. Современный рисунокъ изображаетъ это па, исполнявшееся француженкой Паризо, некрасивой англичанкой по имени миссъ Роза и танцоромъ Дидло, перешедшимъ потомъ на петербургскую сцену въ званіи балетмейстера. Сюжетомъ балета «Кора и Алонзо, или дѣва солнца», поставленнаго Дидло и въ Петербургѣ, было покореніе Перу предводителемъ испанцевъ Пизарро, другъ котораго Алонзо влюбляется въ жрицу храма солнца. Костюмы танцорокъ и въ то время отличались откровенностью, что̀ видно изъ нашихъ рисунковъ. Второй изъ нихъ представляетъ балетные танцы на королевскомъ театрѣ, а именно па съ гирляндой, возбуждавшее особенный фуроръ. Противъ такого балетнаго «разоблаченія», въ 1798 году, епископъ Дургамскій произнесъ въ парламентѣ громовую рѣчь, проповѣдуя крестовый походъ противъ слишкомъ короткихъ и прозрачныхъ юбокъ танцовщицъ; прелатъ видѣлъ въ нихъ даже политическую интригу и утверждалъ, что французская Директорія, видя невозможность побѣдить Англію оружіемъ, задумала испортить ея нравственность и съ этой цѣлью послала на островъ своихъ танцорокъ. Епископъ утверждалъ, что такихъ неприличныхъ танцевъ, какіе исполнялись на королевскомъ театрѣ, не видали не только въ Парижѣ, но даже въ древнихъ Аѳинахъ и Римѣ. Рѣчь прелата оканчивалась предложеніемъ — подать адресъ королю съ просьбою, чтобы онъ приказалъ выслать изъ Англіи всѣхъ танцорокъ, разрушающихъ нравственность и религію и несомнѣнно подкупленныхъ Франціею. Другой высоконравственный членъ парламента предложилъ, чтобы юбки танцорокъ были не короче узаконенной длины, принятой для юбокъ въ полку шотландскихъ горцевъ, и чтобы судебные пристава провѣряли эту длину. Оба эти билля, конечно, не прошли въ парламентѣ, но послужили предметомъ множества карикатуръ. На одной изъ нихъ былъ изображенъ епископъ Дургамскій, прогоняющій со сцены пастырскимъ жезломъ танцорокъ, прикрытыхъ только

частями епископскаго облаченія — льняными рукавами и передниками. Другая карикатура Джильрая изображаетъ лицо судебнаго вѣдомства, явившееся съ аршиномъ въ рукахъ провѣрять законную длину юбки, снятой танцоркой, но засматривающееся не на юбку, а на ея обладательницу. Но и походъ противъ юбокъ не имѣлъ успѣха, какъ и походъ противъ иностранныхъ танцорокъ. Двухъ французскихъ танцоровъ, правда, выслали въ это время, но не по нравственнымъ, а по политичискимъ причинамъ, за то, что

Балетные танцы на Королевскомъ театрѣ.

онѣ, «выдѣлывая на сценѣ антраша, за кулисами пропагандировали не стѣсняясь крайнія, революціонныя идеи». Должна была также оставить Лондонъ и знаменитая Гимаръ, но потому, что не имѣла успѣха. Не смотря на несомнѣнный хореграфическій талантъ, этому «скелету грацій», какъ называли въ Парижѣ Гимаръ, за ея худощавость, было уже 53 года, когда она явилась въ Лондонѣ. Парижскую сцену она оставила уже семь лѣтъ тому назадъ, и тогда же вышла замужъ за танцора и писателя Депрео, не смотря на свои похожденія, о которыхъ говорили не только Парижъ и Франція,

но и модные кружки всей Европы. Ея связь съ принцемъ Субизъ, потомъ съ епископомъ Орлеанскимъ, наконецъ, съ банкиромъ Лабордомъ не была ни для кого тайною. Ея балы и вечера въ блистательномъ отелѣ Сенжерменскаго предмѣстья и на пантенской виллѣ изумляли сумасшедшею роскошью. На двухъ театрахъ, вы-

Судебное измѣреніе узаконенной длины юбокъ.

строенныхъ ею, давались не только балеты, но и пьесы модныхъ авторовъ, какъ Кармонтеля и Колле. Когда Людовикъ XV далъ ей пенсію въ полторы тысячи франковъ (жалованья она получала всего 1,200), она передала патентъ на полученіе этой пенсіи своему лакею, должность котораго состояла въ сниманіи щипцами нагара со свѣчей. Лѣтъ двадцать Гимаръ тратила громадныя суммы, но съ годами число обожателей, поддерживавшихъ ея безумную рос-

кошь, значительно сократилось, и танцорка должна была жить гораздо скромнѣе. Она продала свою виллу и разыграла парижскій отель въ лотерею. Людовикъ XVI увеличилъ ея пенсію до 6,000 ливровъ, управленіе театра Большой оперы назначило ей ежегодно такую же сумму. Но всего этого было, конечно, мало для женщины,

Уличная музыка въ Лондонѣ 1799 года.

привыкшей бросать деньги безъ разсчета, — и она явилась въ Лондонъ пожинать лавры и гинеи. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, она вскорѣ, однако же, вернулась въ Парижъ, гдѣ прожила еще 20 лѣтъ и умерла всѣми забытая на 73 году.

Маскарады были введены въ Англіи еще Генрихомъ VIII, но никогда не были въ такой модѣ, какъ въ концѣ XVIII вѣка. Они

давались въ Оперномъ театрѣ; за входъ платили по гинеѣ, но за эту плату подавали и ужинъ съ виномъ. Самый употребительный костюмъ въ маскарадахъ былъ матросскій. Принцъ Валлійскій любилъ являться въ маскарадахъ въ женскомъ платьѣ. Публики собиралось до трехъ тысячъ. Были маскарады и въ частныхъ домахъ, куда избранная публика допускалась хотя и за деньги, но по рекомендаціи. Таковъ былъ на Сого-скверѣ домъ мистриссъ Корнелисъ, гдѣ собиралось высшее общество, бывала королевская фамилія. Хозяйка давала также балы, вечера и концерты, нѣсколько разъ прогорала, то банкрутилась, то снова открывала свой салонъ, присоединяла къ нему то «школу краснорѣчія», гдѣ какой-то польскій карликъ читалъ лекціи о возвышенныхъ предметахъ, то «академію наукъ и искусствъ съ читальной залой», то «совѣщательный кабинетъ», гдѣ допускались къ преніямъ по различнымъ предметамъ люди обоего пола, то даже «дамскій тиръ», въ которомъ прекрасный полъ упражнялся въ стрѣльбѣ. Все это не спасло, однако, предпріимчивую Корнелисъ отъ раззоренія, и она умерла въ 1797 году въ долговой тюрьмѣ. Не смотря на то, что англичане считались всегда анти-музыкальнымъ народомъ, они усердно посѣщали всякіе концерты, стараясь опровергнуть несправедливое мнѣніе о ихъ немузыкальности. Охотнѣе всего слушали квартеты скрипки, віолончели, флейты и фортепьяно, начинавшаго входить во всеобщее употребленіе. Уличные музыканты собирали также толпы зрителей. Карикатура 1799 года представляетъ трехъ музыкантшъ, играющихъ на серинетѣ, трубѣ и тарелкахъ. Очень нравились также низшему классу маріонетки, называвшіяся тогда «андронидами». Были по временамъ и картинныя выставки, но ими публика занималась очень мало, почему и въ газетахъ встрѣчается объ нихъ мало свѣдѣній. Но всего меньше тогдашніе органы печати сообщаютъ извѣстій о литературѣ, а между тѣмъ, въ 1796 году «Times» сообщаетъ, что въ каталогѣ послѣднихъ лѣтъ однихъ произведеній, написанныхъ дамами, вышло 4,073. Только о смерти Гиббона сочувственно отозвались газеты того времени.

Мы говорили уже о торговомъ кризисѣ и частныхъ банкротствахъ этого времени. Недостатокъ въ звонкой монетѣ былъ такъ великъ, что Англія была наводнена фальшивыми деньгами. Полиція не могла открыть виновниковъ этой фабрикаціи. Да и что̀ за полиція была въ то время въ Лондонѣ, не говоря уже о другихъ городахъ! Даже ее вовсе не было видно; ночью полисмены выходили съ длинной палкой, фонаремъ и трещоткой и ходили въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ то время, какъ воры работали въ другомъ мѣстѣ. Не смотря на строгость англійскихъ законовъ, наказывающихъ смертью за малѣйшее воровство (вѣшали за кражу куръ и часовъ), число покражъ въ Лондонѣ было огромное.

Весною 1790 года, въ столицѣ распространился слухъ, что какое-то чудовище нападало ночью на женщинъ и поражало ихъ ударами кинжала. Въ короткое время, четыре женщины, имена

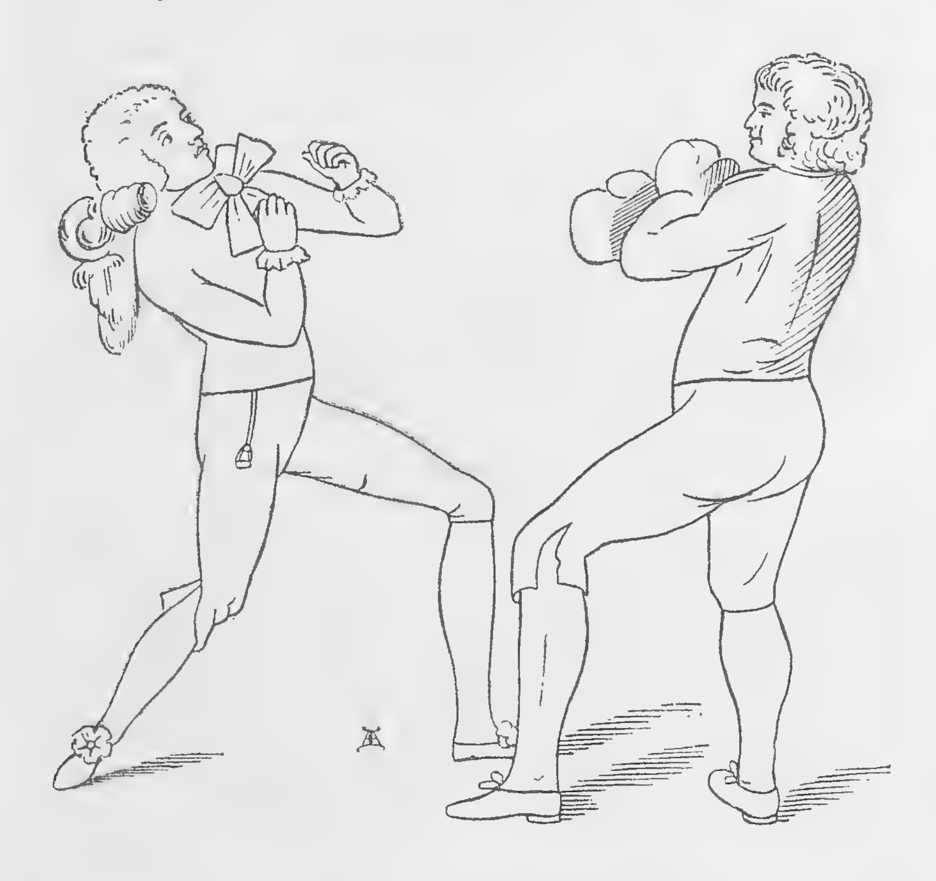
«Чудовище», наносившее раны женщинамъ.

которыхъ назывались въ газетахъ, были ранены въ бедро, въ бокъ, въ животъ. Полиція приняла мѣры для поимки чудовища, обѣщая награду въ тысячу рублей тому, кто откроетъ его. Въ объ-

явленіи перечислены примѣты преступника: средняго роста, лѣтъ тридцати, худощавый, лицо блѣдное, въ небольшихъ оспинахъ, хорошо одѣтъ. Слѣдствіемъ этого объявленія было то, что къ жертвамъ «чудовища», какъ его называли, прибавились еще двѣ женщины, потомъ число ихъ значительно увеличилось, и полиція заявила, что чудовищъ должно быть нѣсколько. Въ концертахъ пѣли пѣсенки, относящіяся къ этому случаю, на улицахъ начали забирать людей по подозрѣнію. Мошенники воспользовались этимъ и, ограбивъ кого нибудь, на крики его о помощи начинали также кричать: это — чудовище! онъ хотѣлъ убить женщину! И потомъ набрасывались на несчастнаго, избивали его до полусмерти. Случалось, что къ богатому джентльмену на улицѣ подходила дама, говорила, что она ранена чудовищемъ, и просила помочь ей нанять карету. Услужливый кавалеръ, конечно, не отказывалъ, помогалъ ей сѣсть въ экипажъ, и когда она исчезала, убѣждался, что и у него исчезли кошелекъ, часы или бумажникъ. Злодѣй былъ найденъ случайно. Одна изъ жертвъ его, миссъ Портеръ, проходя по улицѣ со своимъ знакомымъ, встрѣтила человѣка, ранившаго ее, и закричала: это онъ, это убійца! Онъ былъ схваченъ, и еще четыре женщины узнали въ немъ лицо, нанесшее имъ раны. Онъ не сознавался. Слѣдствіе обнаружило, что это уроженецъ Валлиса Ренвикъ Вильямсъ, бывшій танцоръ, потомъ писецъ въ судѣ, разгульнаго поведенія, не имѣвшій средствъ къ жизни. На судѣ семь женщинъ признали въ немъ убійцу. Присяжные вынесли ему обвинительный приговоръ, но судъ не согласился съ ними и послѣ кассаціи и вторичнаго разбора дѣла Ренвикъ былъ присужденъ только къ семилѣтнему заключенію въ Ньюгетъ и уплатѣ значительной пени. А между тѣмъ, въ то же время были приговорены къ смерти трое за кражу овецъ и одинъ за кражу четырехъ телятъ. Крали также немало труповъ съ кладбищъ для продажи ихъ въ анатомическіе театры.

Въ 1793 году, изъ Ньюгетской тюрьмы выпустили человѣка, просидѣвшаго въ ней 15 лѣтъ за кражу 45-ти шилинговъ. Содержащихся въ тюрьмѣ за долги кормили такъ плохо, что они взывали въ газетахъ къ общественной благотворительности. Должники, сидѣвшіе въ Ньюгетской тюрьмѣ, напечатали въ «Times» 1792 года благодарность леди Тейлоръ, приславшей имъ полтораста фунтовъ говядины, 66 сыру, сахару, 20 мѣшковъ угля—«все отличнаго качества». Тутъ же иронически благодарятъ и лорда-мэра столицы за великодушное пожертвованіе имъ одной гинеи, которую заключенные раздѣлили между собою, причемъ на каждаго пришлось по два пенса. И еще, на основаніи одного изъ странныхъ старыхъ законовъ, какихъ немало въ Англіи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ за долги обязаны были уплачивать по шиллингу въ недѣлю смотрителю флота. По другому закону, посаженные въ тюрьму за неплатежъ по-

винностей должны были, по выпускѣ изъ тюрьмы, платить за свое содержаніе въ ней. Къ самымъ употребительнымъ наказаніямъ въ тюрьмѣ принадлежалъ тяжелый желѣзный ошейникъ, надѣваемый на шею. Съ такимъ украшеніемъ ходили, впрочемъ, не одни арестанты. На хозяина большого ткацкаго заведенія въ Ламбетѣ рабочіе принесли жалобу, что они за ничтожную вину по мѣсяцу носятъ тяжелые ошейники, запирающіеся на затылкѣ

Ричардъ Гомфрейсъ, дающій уроки боксированія.

огромнымъ висячимъ замкомъ. Если просвѣщенные мореплаватели обходились такъ съ свободными рабочими, чего же можно было ожидать отъ обращенія съ осужденными закономъ? Такъ газеты приводятъ примѣры возмутительнаго отношенія къ ссылаемымъ въ Ботани-бей. По дорогѣ въ колонію и на мѣстѣ поселенія съ ними обходились безчеловѣчно и, не говоря уже о томъ, что смотрители надъ ссыльными обкрадывали ихъ безъ милосердія, кормя чѣмъ попало и пользуясь ихъ трудами, но имѣли право наказы-

вать ихъ плетьми, назначая отъ 500 до 1,000 ударовъ. Если такъ обращались со своими братьями по крови и христіанами, что же должны были переносить черные невольники? Ихъ положительно не считали за людей, и «Times», разсказывая, какъ одна леди бѣжала отъ своего мужа съ чернымъ слугою его, недоумѣваетъ, какъ объяснить этотъ поступокъ. У леди было двое дѣтей отъ лорда, которыхъ она захватила съ собою, вмѣстѣ со своимъ имуществомъ. Но бѣглецовъ вскорѣ же поймали и лордъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ отъ жены дѣтей и все имущество, а ей самой предоставилъ идти куда угодно. Сообщника ея, стрѣлявшаго въ преслѣдователей, отправили въ ссылку, за стрѣльбу ли, не причинившую никому вреда, или за увозъ леди, которая, однако, не увезена?—газета не сообщаетъ. Она возстаетъ, однако, противъ постановленнаго, въ то время, приговора къ повѣшенію какого-то бѣдняка, укравшаго бычка на Смитфильдскомъ рынкѣ, и къ двумѣсячному заключенію въ тюрьму еврея, купившаго на томъ же рынкѣ шляпу, безъ штемпеля на подкладкѣ, доказывающаго, что за шляпу уплачена пошлина, установленная закономъ. Газета жалуется также на непомѣрно-огромное число адвокатовъ въ Англіи, которые, для того, чтобы существовать, вчиняютъ всевозможные иски и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы начать процессъ. Въ 1796 году, въ Ньюгетской тюрьмѣ накрытъ одинъ изъ заключенныхъ Полленъ, занимавшійся, вѣроятно, отъ скуки фабрикаціей фальшивой монеты. У него найдены всѣ необходимыя для этого машины и инструменты и болѣе чѣмъ на сотню фунтовъ прекрасно поддѣланныхъ шиллинговъ, кромѣ другихъ монетъ.

Процвѣталъ также и любимый англичанами боксъ, которому покровительствовалъ принцъ Валлійскій, державшій огромныя пари за знаменитыхъ бойцовъ на кулакахъ. Въ этомъ пріятномъ занятіи упражнялись и джентльмены, изъ которыхъ иные, какъ Ричардъ Гомфрейсъ, давали уроки лордамъ въ искусствѣ сворачивать скулы противнику. Между знаменитыми боксерами были кучера, пивовары, жестянники, портные и даже одинъ еврей. Случались и дуэли — чаще всего между офицерами. Два капитана, обмѣнявшись въ оперѣ изъ-за мѣста затрещинами, на другое утро сочли нужнымъ обмѣняться пулями въ Гайдпаркѣ. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ въ плечо. Дуэли, по крайней мѣрѣ, не служили предметомъ пари, какъ боксированіе. Но газеты упоминаютъ и о такихъ пари, которымъ вѣрится съ трудомъ. Такъ лордъ Барриморъ бился объ закладъ съ герцогомъ Бедфордскимъ, что съѣстъ живаго котенка. «Times», говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что это не единственное пари и что въ Кильдарѣ одинъ ирландецъ съѣлъ полуживую лисицу, подстрѣленную на охотѣ. Правда, прибавляетъ газета, ирландецъ былъ идіотъ и полусумасшедшій. Но онъ, все-таки, жилъ на свободѣ, тогда какъ сумасшедшихъ въ то время

сажали на цѣпь, приковывая ихъ къ стѣнѣ длинною цѣпью, позволявшею несчастнымъ ложиться на солому и сидѣть у той же стѣны. Ихъ оставляли босыми и едва покрытыми одеждой, даже женщинъ, какъ видно на современномъ рисункѣ. Еще объ одномъ пари разсказываетъ «Times» 1795 года. Маленькій и худенькій джентльменъ бился объ закладъ, что пронесетъ на спинѣ стараго и необыкновенно толстаго лорда Чальконделя на извѣстномъ про-

Какъ содержатъ сумасшедшихъ.

странствѣ по главной улицѣ Брайтона. Присутствовать на пари приглашены были знакомые лорды и леди. Когда всѣ собрались въ назначенное мѣсто, джентльменъ потребовалъ, чтобы лордъ раздѣлся. —Какъ раздѣться!—возразилъ лордъ:—да вѣдь тутъ дамы, и къ тому же я могу простудиться! — Мнѣ-то что за дѣло! —былъ отвѣтъ:—я держалъ пари, что пронесу васъ, а не ваше платье. Раздѣвайтесь до рубашки включительно, или платите пари».—Лордъ, не желая показаться in puris naturalibus, долженъ былъ признать, что проигралъ пари.

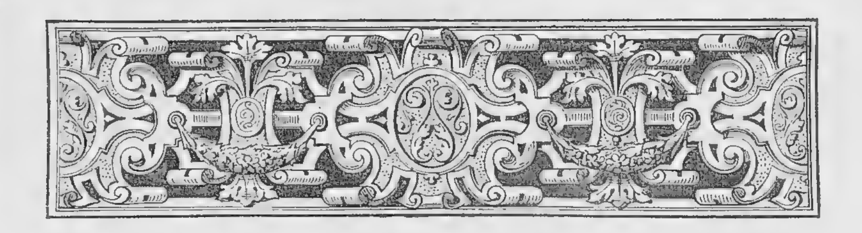
Какъ велика была торговля Англіи, видно изъ того, что въ одномъ 1796 году, движеніе судовъ въ лондонской гавани доходило до 13,500 кораблей съ грузомъ въ 670 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ томъ же году, въ столицѣ Англіи, на балахъ первый разъ начали танцовать вальсъ, очень понравившійся дамамъ, потому что,—какъ замѣчаетъ «Times»,—танцоры крѣпко прижимали и обнимали ихъ во время круженья. Но въ слѣдующемъ году вошло въ Англіи употребленіе опіума, конечно, въ высшемъ кругу и болѣе всего между женщинами. Французскихъ плѣнниковъ въ этомъ году было въ Англіи уже 23,600, тогда какъ англичанъ во Франціи взято 4,000. Французы получали ежедневно фунтъ хлѣба и полфунта мяса съ небольшимъ количествомъ зелени. Конечно, этого немного, но англійскіе бѣдняки были бы счастливы, если бы могли всякій день получать столько же.

Англичане не хотятъ сознаться, что обычай продавать своихъ женъ постоянно практиковался въ низшихъ слояхъ общества. Но если газеты нашего времени сообщали о случаяхъ подобной дикой продажи въ 1862, 1870, 1881 и даже въ 1882 году (два случая), то можно ли удивляться, что въ концѣ прошлаго вѣка англійскіе рабочіе и ремесленники вывозили своихъ женъ на Смитфильдскій рынокъ съ веревкой на шеѣ и предлагали желающему за дешевую цѣну. «Times» 1797 года приводитъ даже справочныя цѣны на рынкѣ этому товару и говоритъ, что онъ продавался отъ полгинеи до трехъ съ половиною. Вообще съ этимъ товаромъ твердо и курсъ на него поднимается, — прибавляетъ газета, въ то же время сокрушаясь, что не положенъ конецъ такому постыдному порядку вещей, унижающему человѣчество. Что такой торгъ унижаетъ прежде всего правительство, газета не прибавляетъ, хотя тутъ же приводитъ фактъ, что при продажѣ мѣдникомъ своей жены скорняку всего за 6 шиллинговъ, сборщикъ податей взялъ 4 шиллинга пошлины за утвержденіе этой продажи. Подобное взиманіе казенныхъ пошлинъ съ такого товара не казалось нисколько страннымъ органу печати, удивляющемуся въ то же время, что капитанъ британской службы привезъ на кораблѣ, пришедшемъ изъ Смирны, турецкому посланнику въ Лондонъ красавицу черкешенку, присланную султаномъ въ подарокъ его сіятельству. Посланникъ горячо благодарилъ капитана за особенную сохранность, съ какою этотъ живой подарокъ былъ привезенъ изъ Турціи,—замѣчаетъ газета. Но женщина, по понятіямъ мусульманъ, дѣйствительно товаръ, могущій быть предметомъ сдѣлокъ всякаго рода, а жены-то свободныхъ христіанъ-англичанъ по какимъ же нравственнымъ законамъ продавались на рынкахъ? Вообще лицемѣріе этой націи торгашей и эгоистовъ выражается не только въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, но и къ своимъ семьямъ. Если общественная жизнь Англіи поражаетъ наблюдателя ненор-

мальными явленіями, то жизнь семейная представляетъ еще болѣе неприглядные факты. По наружности въ ней все, конечно, очень прилично, но что дѣлается въ нѣдрахъ ея,—объ этомъ рѣдко получаются достовѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ англичанинъ не допускаетъ посторонних проникнуть въ святилище своего «home». Коечто объ этой жизни поразсказали Максъ о'Рейлли, графъ Василій и другіе нескромные хроникеры нашего времени, но близкое знакомство съ семейной жизнью Англіи представило бы не менѣе интересныхъ фактовъ, какъ и изученіе ея общественной жизни, и мы намѣрены сдѣлать очеркъ ея на основаніи новаго, только что появившагося въ нынѣшнемъ году сочиненія того же автора «Разсвѣтъ XIX столѣтія въ Англіи». Какъ и въ разобранномъ нами трудѣ Джонъ Аштонъ обращаетъ больше вниманія и въ новомъ сочиненіи на соціальное положеніе своего отечества. Но и среди чисто общественныхъ явленій встрѣчаются факты, ярко освѣщающіе домашнюю жизнь англичанъ. Эти факты мы постараемся изучить какъ можно тщательнѣе, считая ихъ далеко не безъинтересными для объясненія внѣшнихъ отношеній націи, явившейся, особенно въ наше время, такимъ упорнымъ противникомъ нашего отечества и грозящей сдѣлаться нашимъ явнымъ врагомъ, можетъ быть, въ весьма недалекомъ будущемъ...

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Н. И. Костомарова. Спб. 1885.

ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ и въ обществѣ давно сложилось убѣжденіе, что на сколько талантливъ былъ покойный Н. И. Костомаровъ какъ историкъ, на столько же онъ недостаточно талантливымъ выступалъ въ качествѣ беллетриста.

Но намъ кажется, что убѣжденіе это—плодъ поверхностнаго отношенія къ тому, что разумѣютъ и литература, и общество подъ беллетристическими произведеніями признаннаго всѣми художника-автора «Стеньки Разина» «Богдана Хмельницкаго», «Мазепы» и цѣлаго рода безсмертныхъ трудовъ покойнаго историка.

Надѣемся, мы лучше будемъ поняты, если установимъ на Костомарова ту точку зрѣнія, что какъ въ историческихъ своихъ работахъ, такъ и въ беллетристическихъ онъ всегда и неизмѣнно оставался историкомъ—вѣрнымъ служителемъ фактовъ, документальности, исторической правды. Въ пользу этой, священной для него, исторической правды, въ пользу исторической и бытовой точности—точности духа и колорита времени, онъ невольно жертвовалъ художественнымъ творчествомъ, вымысломъ романиста. А что же за романъ, что за художественность безъ свободнаго вымысла, какъ понималъ это и одинъ изъ самыхъ крупныхъ нашихъ художниковъ, покойный Тургеневъ. Всѣ беллетристическія произведенія Костомарова—«Сынъ», «Кудеяръ», «Черниговка» и стоящее въ заголовкѣ этой замѣтки — «Холуй», въ которыхъ критика видитъ недостатокъ художественности,— на сколько они выше своею исторической правдою, знаніемъ духа эпохи и ея языка и вѣрностью бытовыхъ чертъ,—на сколько они выше многихъ считаемыхъ художественными и талантливыми псевдо-историческихъ романовъ! Мы не го-

воримъ уже о какихъ нибудь прежнихъ романистахъ съ ихъ слащавою рѣчью—рѣчью XIX вѣка, влагаемою въ уста героевъ XVII, съ ихъ фальшивыми описаніями, съ ихъ невѣжественнымъ отношеніемъ къ исторической правдѣ; мы не говоримъ о какихъ нибудь жалкихъ «Стрѣльцахъ» Мосальскаго и иныхъ имъ подобныхъ; по сколько же, подобно Мосальскому, грѣшатъ противъ исторической и бытовой правды и колоритности и современные якобы талантливые историческіе романисты.

Повторяемъ, Костомаровъ и историческимъ романомъ хотѣлъ учить читателя и давать ему въ пищу только полезныя и точныя историческія знанія. Онъ и въ этихъ работахъ слѣдовалъ требованіямъ самой добросовѣстной точности, которая была его девизомъ, иной разъ даже до крайностей. Когда онъ слышалъ, напримѣръ, выраженіе: «Какъ много интереснаго видѣла эта комната!»—онъ сейчасъ возражалъ: «Комната не можетъ видѣть!—у нея нѣтъ глазъ». Когда онъ бывало затруднялся передать въ исторической повѣсти какой либо фактъ, котораго онъ не находилъ въ документахъ, и сожалѣлъ, что не увѣренъ въ этомъ фактѣ, ему говорили: «Вы теперь не историкъ, а романистъ; а романистъ долженъ все знать». Но онъ, всетаки, не рѣшался признать фактъ, котораго не находилъ въ исторіи. Оттого его беллетристическія произведенія и страдаютъ отсутствіемъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, свободнаго художественнаго творчества.

«Холуй»—чрезвычайно характерная и поучительная страничка изъ историческо-бытовой русской жизни временъ самовластія того, кого Пушкинъ охарактеризовалъ словами:

«И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ».

Въ это время, какъ извѣстно, особенно усердно практиковались системы застѣнка и пытокъ, передъ которыми всѣ были равны—и вельможный князь, и «холуй».

«Холуй» написанъ Костомаровымъ въ 1877 году и около этого же времени напечатанъ былъ въ фельетонахъ «Новаго Времени», но только, по желанію редакціи, подъ названіемъ «Холопъ». Теперь онъ вышелъ особымъ изданіемъ и подъ кличкою, какую далъ ему авторъ, имѣя на то основательныя причины.

Герой повѣсти Васька былъ «холуемъ» у вельможной княгини Анны Петровны Долгорукой, и его злоключенія, доведшія и его до застѣнка, и его вельможную госпожу, которую хозяинъ застѣнка, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, не постѣснялся «посѣчь» въ своемъ кабинетѣ,—составляютъ канву повѣсти. Злоключенія и застѣнокъ привели бѣднаго Ваську къ безвременной кончинѣ, а для «сѣченной» госпожи его были источникомъ благополучія: за то, что ее высѣкли, Меньшиковъ пожаловалъ ей 30,000 р., чтобъ уплатить долги кутилы-сынка.

Кромѣ достоинствъ, представляемыхъ бытовыми сторонами повѣсти, въ ней прекрасно очерчены нѣкоторыя историческія личности, какъ, напримѣръ, бывшій любимецъ Петра—Макаровъ, довольно загадочная личность.

Д. Мордовцевъ.

Сочиненія Корнелія Тацита, русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ В. И. Модестова. Томъ I. Спб. 1886.

Корнелію Тациту посчастливилось у насъ сравнительно съ другими римскими классиками: кромѣ переводовъ, сдѣланныхъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія [1],—въ это время, какъ извѣстно, у насъ были переведены всѣ главные классики, большею частію, съ оригиналовъ, и многіе съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и усердіемъ; даже нашъ вѣкъ, весьма incuriosa classicorum, обратилъ на него серьезное вниманіе: въ 1858 году, Алексѣй Кронебергъ издалъ такой изящный переводъ Анналовъ Тацита, что въ дни юности автора этихъ строкъ, благодаря его переводу и извѣстной книгѣ Кудрявцева: Римскія женщины по Тациту, Тацитъ былъ популярнѣйшій на Руси классикъ. Авторъ хорошо помнитъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкоторые неопытные юноши, дома готовившіеся въ университетъ, занимались латынью такимъ оригинальнымъ, но крайне непедагогичнымъ способомъ: отзубривъ съ грѣхомъ пополамъ коротенькую грамматику Якова Смирнова, или «составленную по Кюнеру», они пріобрѣтали Кронеберговскій переводъ, вмѣстѣ съ стереотипомъ Анналовъ и, ничтоже сумняся, начинали «изучать» Тацита фраза за фразой. И нельзя сказать, что результаты всегда выходили плачевные!

Г. Модестовъ, одинъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ классицизма и одинъ изъ очень немногихъ (чуть ли не изъ 2-хъ) представителей этой нынѣ столь высоко поставленной отрасли филологіи, удостоивающихъ спускаться съ высотъ философіи падежей и критики текста до уровня пониманія публики, занимается Тацитомъ болѣе 20 лѣтъ: еще въ 1864 году онъ защищалъ магистерскую диссертацію «Тацитъ и его сочиненія», надѣлавшую въ свое время сравнительно много шума. Теперь онъ приступаетъ къ полному переводу его сочиненій и приступаетъ такъ, что этотъ приступъ равняется не половинѣ, а девяти десятымъ дѣла; второй и послѣдній томъ, обѣщанный г. Модестовымъ черезъ годъ, будетъ заключать въ себѣ только Анналы, Кронеберговскій переводъ которыхъ, если не ошибаемся, еще существуетъ въ продажѣ, и подозрительный Разговоръ объ ораторахъ, безъ котораго публика легко можетъ обойдтись.

Статья о Тацитѣ, предпосланная переводу, очень кратка, но желающіе могутъ легко пополнить свои свѣдѣнія объ авторѣ по выше указанной диссертаціи г. Модестова или по соотвѣтствующей главѣ его «Исторіи римской литературы». Центръ тяжести книги не въ этой статьѣ и не въ небольшихъ, но довольно тщательно составленныхъ реальныхъ примѣчаніяхъ, а въ переводѣ Агриколы и Исторій, на современный русскій языкъ еще не переведенныхъ (переводъ г. Клеванова по причинамъ, весьма понятнымъ для всѣхъ знающихъ дѣло, мы не можемъ принимать въ разсчетъ).

Всякаго хорошаго классика для печати переводить трудно, а Тацита, вслѣдствіе его полунатуральнаго, полуискусственнаго лаконизма, труднѣе,

---

[1]) Ихъ перечень, вполнѣ согласный съ Смирдинскимъ каталогомъ, читатель найдетъ на II стр. предисловія г. Модестова.

чѣмъ кого бы то ни было. Переводчикъ нашего времени не можетъ поступать такъ съ оригиналомъ, какъ поступали, напр., въ Италіи въ XIV вѣкѣ, когда переводчикъ скорѣе пересказывалъ, чѣмъ переводилъ и безъ угрызенія совѣсти позволялъ себѣ вставлять въ классика свои собственныя «умныя мысли». Переводчикъ нашего времени долженъ не только рабски слѣдовать смыслу текста, но и долженъ стараться, по возможности, передать тонъ и стиль оригинала, а въ то же время онъ обязанъ оставаться вѣрнымъ синтаксису и духу роднаго языка. Требованія относительно вѣрности тексту именно Тацита наглядно выразилъ какой-то нѣмецъ въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, который хотѣлъ добиться или добился — не помню хорошенько — того, чтобъ въ его переводѣ было ровно столько же словъ, сколько въ оригиналѣ. Требованія относительно чистоты и изящества роднаго языка равны тѣмъ, которыя предъявляются ко всякому литературному произведенію, а они немалы. Такимъ образомъ переводчикъ постоянно долженъ маневрировать между Сциллой и Харибдой; въ каждой фразѣ ему предстоитъ опасность или слишкомъ удалиться отъ текста, или оскорбить плавность родной литературной рѣчи. Есть нѣкоторые облегчающіе пріемы, не всѣми, впрочемъ, допускаемые. Такъ, напримѣръ, иные переводчики, передавъ извѣстный терминъ или часть фразы свободно, въ скобкахъ или въ выноскѣ приводятъ соотвѣтствующее мѣсто текста съ буквальнымъ переводомъ или объясненіемъ. Студенты на письменныхъ экзаменахъ прибѣгаютъ обыкновенно къ пріему, сходному съ этимъ: въ затруднительныхъ мѣстахъ они даютъ два перевода: вольный и литературный и въ скобкахъ буквальный. Если приходится имѣть дѣло съ Тацитомъ, въ скобкахъ, главнымъ образомъ, ставятся слова, которыми надобно дополнить лаконизмъ и отрывистость его рѣчи; безъ такихъ дополненій почти нѣтъ человѣческихъ силъ сдѣлать легкопонятнымъ переводъ Тацита.

Проф. Модестовъ обратился именно къ этому пріему, и въ виду непреодолимой почти трудности задачи никто не вправѣ осудить его за это. Но, по нашему мнѣнію, переводчикъ при такомъ способѣ долженъ былъ бы употреблять два рода скобокъ: одинъ для своихъ вставокъ, другой для тѣхъ мѣстъ Тацита, которыя по законамъ русской интерпункціи, слѣдовало заключить въ скобки. Иначе малоопытный читатель можетъ оказаться въ затрудненіи, какъ въ данномъ случаѣ понимать скобки.

Увѣрять «съ серьезнымъ видомъ знатока», что переводъ такого спеціалиста по Тациту, какъ г. Модестовъ, въ общемъ вполнѣ удовлетворителенъ относительно вѣрности тексту и что языкъ перевода, сдѣланнаго такимъ опытнымъ литераторомъ, въ общемъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, было бы по малой мѣрѣ излишне. Мы только позволимъ себѣ предложить нѣсколько частныхъ замѣчаній, чтобы показать, что отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ почтенному труду г. Модестова, въ надеждѣ, что нѣкоторыми изъ нихъ онъ воспользуется при 2-мъ изданіи, котораго отъ души желаемъ полезной его книгѣ.

Въ VII гл. Агриколы hostiliter не совсѣмъ удачно переведено словами на непріятельскій манеръ.

Тамъ же вставку «по отношенію къ матери», при выраженіи: ad solemnia pietatis («для исполненія священнаго долга»), было бы удобнѣе замѣнить болѣе разъясняющими словами: для погребенія матери.

Тамъ же licentia, по нашему мнѣнію, не есть распутство, какъ переводитъ г. Модестовъ, а только произволъ.

Въ гл. XI: formido лучше было бы перевести робость, чѣмъ «страхъ въ устраненіи ихъ» (опасностей).

Въ концѣ гл. XII неудачно порусски: «Я скорѣе думаю, что жемчугу недостаетъ въ хорошемъ природномъ качествѣ, чѣмъ намъ въ корыстолюбіи». И т. д.

Въ заключеніе одно общее замѣчаніе типографскаго характера: переводы классиковъ отпугиваютъ русскихъ читателей внѣшней формой, такъ сказать, компактностью своихъ небольшихъ главъ, лишенныхъ въ серединѣ красныхъ строкъ. А. Кронебергъ поступилъ очень умно, сохранивъ дѣленіе на главы (они необходимы для справокъ и цитатъ), но внутри ихъ начиная съ красной строки всякую чужую рѣчь и продолженіе разсказа, за нею слѣдующее; книга получила видъ книги съ разговорами и читается легче. Мы совѣтовали бы то же и г. Модестову.

А. К.

Исторія родовъ русскаго дворянства. Составилъ П. Н. Петровъ. Томъ I. Спб. 1886.

Книгоиздательство Германа Гоппе, еще при жизни основателя этой фирмы, по случаю столѣтней годовщины дворянской грамоты, данной Екатериною II, заявило о томъ, что готовитъ къ печати исторію русскихъ дворянскихъ родовъ. Изданіе это, являющееся теперь въ свѣтъ, стоило несомнѣнно большихъ трудовъ и изысканій, хотя матеріалъ для него былъ подготовленъ въ замѣткахъ о родословіи многихъ фамилій, помѣщавшихся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ «Всемірной Иллюстраціи» вмѣстѣ съ гербами этихъ родовъ. Рисунки эти и родословныя вошли въ изданную нынѣ книгу въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ происхожденія. Хронологическая преемственность и систематическая классификація этихъ родовъ придаютъ еще больше значенія труду г. Петрова, заслуживающему полнаго вниманія и необходимаго для всякаго, занимающагося изслѣдованіями по русской исторіи. Это не родословная книга, въ родѣ изданной «Русской Стариною», перечисляющая всѣхъ лицъ, одного рода, безъ указаній на ихъ значеніе. «Исторія дворянскихъ родовъ», приводя ихъ происхожденіе и развитіе каждой вѣтви, говоритъ только о выдающихся членахъ этихъ фамилій и представляетъ такимъ образомъ факты, характеризующіе историческія событія и опредѣляющіе большее или меньшее значеніе отдѣльныхъ родовъ. Исторія родственныхъ или враждебныхъ отношеній между этими родами рисуетъ намъ положеніе партій въ данную эпоху, напримѣръ, придворной партіи въ періодъ Московскаго государства, и объясняетъ многое въ ходѣ событій того времени. Наше мѣстничество было основано на взаимныхъ отношеніяхъ родовитыхъ фамилій и уничтожено было потому, что московскіе цари видѣли необходимость, для государственныхъ и личныхъ цѣлей, обходить эти выродившіяся фамиліи и прибѣгать къ услугамъ новыхъ не именитыхъ, но даровитыхъ людей. Эта же причина заставила ввести и инородческій элементъ въ составъ русскаго служилаго дворянства. Значеніе своего дѣйствительно важнаго труда авторъ старается объяснить въ предисловіи, но дѣлаетъ это такимъ же тяжелымъ языкомъ, какимъ написаны всѣ его изслѣдованія. По его мнѣнію,

въ нашей исторіи недостаточно выяснены родовыя права князей Рюрикова рода и этотъ недостатокъ препятствовалъ разъясненію многихъ событій древняго періода. Эту простую мысль авторъ выражаетъ слѣдующей кудреватой и дубоватой фразой: «Поставивъ изслѣдованіе родовыхъ отношеній на принадлежащее ему по праву первое мѣсто, въ основѣ разработки отечественной исторіи уясняется прямо самый существенный тормазъ, удерживающій мысль историка передъ сплошною цѣпью безвыходныхъ препятствій». Или, напримѣръ, неужели въ духѣ русскаго языка составлена слѣдующая фраза: «Возбудить подобныя стремленія въ наше время относительно холодности ко всему, что трогаетъ душу путемъ любознательности, обращая ее на прошлыя судьбы отечества, многіе назовутъ, можетъ быть, иллюзіями». И такимъ неудобочитаемымъ языкомъ написана вся книга, хотя генеалогическія и біографическія данныя нисколько не требуютъ вычурнаго изложенія. Интересъ и польза ихъ несомнѣнны, хотя авторъ напрасно видитъ въ историческихъ родахъ только «хранилища указаній подвиговъ своихъ представителей, гдѣ дворяне идутъ объ руку съ князьями въ жертвованіи собою и всѣмъ, что было имъ дорого, во славу и на пользу отечества». Какъ будто князья и дворяне никогда и не дѣйствовали въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ! Видѣть въ исторіи всѣхъ дворянскихъ родовъ только одни подвиги во славу отечества—также странно, какъ представлять себѣ всеобщую исторію картиною однихъ прекрасныхъ событій.

Но, помимо этихъ внѣшнихъ недостатковъ книги г. Петрова, она составлена чрезвычайно тщательно и добросовѣстно. Начинается она изслѣдованіемъ Рюрикова рода, природныхъ князей и происходящихъ отъ нихъ дворянъ. Здѣсь авторъ говоритъ о значеніи «Степенной» и «Бархатной» книги, о басняхъ въ нашихъ родословіяхъ въ родѣ басни о Рюрикѣ, помѣщенной въ Бархатной книгѣ, о потомствѣ Михаила Черниговскаго, Владиміра Мономаха, князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ. Во второй части изслѣдуется знать инородческая въ Россіи, князья литовскіе, монгольскіе, грузинскіе и др.; въ третьей—дворянство жалованное, князья и графы, въ четвертой русское нетитулованное дворянство. Всего разсказана исторія 339 фамилій и помѣщены 32 родословныя таблицы, 150 гербовъ, кромѣ гербовъ территорій, три вида государственной печати и государственнаго знамени, алфавитный перечень всѣхъ 339 прозваній. Изданіе въ типографскомъ отношеніи роскошное—400 страницъ листоваго формата. Къ сожалѣнію, указано немало опечатокъ и поправокъ и, конечно, найдется еще много неуказанныхъ. По цѣнѣ книга недоступна для небогатыхъ людей. Въ такомъ изданіи она и не можетъ стоить дешевле, но принесла бы гораздо больше пользы, если бы, кромѣ роскошныхъ экземпляровъ, была напечатана еще въ обыкновенномъ форматѣ, безъ гербовъ, на простой бумагѣ. Подобныя книги нужны всякому, занимающемуся русскою исторіею; но не всякій можетъ заплатить за книгу 12 рублей.

В—ъ.

Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб. 1886.

Подъ этимъ заглавіемъ музыкальный магазинъ Битнера напечаталъ въ Лейпцигѣ 225 біографій, составленныхъ профессоромъ Петербургской консер-

ваторіи А. И. Рубцомъ. Нѣтъ надобности говорить, что отсутствіе подобнаго изданія въ русской литературѣ давно ощущалось среди лицъ, занимающихся музыкою, и потому крайне жаль, что составитель лексикона черезчуръ небрежно отнесся къ своей задачѣ и, кромѣ неряшливости въ составленіи біографій, въ которыхъ невѣрно даже названы многія имена и отчества, надѣлалъ немало пропусковъ. Такъ, напримѣръ, называя композиторовъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи: Галуппи и Кавоса, г. Рубецъ ни слова не говоритъ, что у насъ были:

Арайя, Францискъ. Написалъ «Споръ любви и ревности», къ 26 апрѣля 1736 года, т. е. къ коронаціи Анны Іоанновны, а въ 1737 году сочинилъ «Alia-sace», первую итальянскую оперу, розыгранную въ Петербургѣ. Сочиненная же имъ въ 1755 году опера «Цефалъ и Прокрисъ» составила эпоху русской сцены: это была первая опера, написанная на русскомъ языкѣ и исполненная русскими пѣвцами.

Бюланъ, Антонъ. Имъ написана музыка къ прологу «Счастливая Россія, или 25-тилѣтній юбилей», соч. М. М. Хераскова, данному на сценѣ 28 іюня 1787 года.

Дарсисъ (François-Joseph). Родился въ Парижѣ въ 1756 году, музыкальное образованіе получилъ у Гретри. Первыя его музыкальныя произведенія были «Fausse peur» и «Le Bal masqué», которыя обѣщали ему славу, но его любовь къ женщинамъ довела Дарсиса до того, что полиція посовѣтывала ему оставить Парижъ. Онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ по пріѣздѣ своемъ написалъ музыку къ оперетѣ «Приказчикъ» (1778), игранной на московскомъ театрѣ, но послѣ этого въ скоромъ времени дрался на дуэли съ однимъ офицеромъ и былъ убитъ.

Канобн, Карлъ, итальянецъ, былъ скрипачемъ въ Петербургѣ съ 1790 года. Изъ его сочиненій извѣстно: Six duos pour flute et violon, Paris, 1780. Въ 1794 году, онъ вмѣстѣ съ Сарти и Пашкевичемъ (имени котораго нѣтъ въ лексиконѣ, равно какъ Мартини, итальянскаго композитора, написавшаго съ Пашкевичемъ, русскимъ камеръ-музыкантомъ Екатерины, музыку къ многимъ ея піесамъ) сочинилъ музыку къ написанному императрицею представленію «Олегово правленіе».

Чимароза, Доминикъ, родился въ Неаполѣ въ 1755 году, † въ Венеціи 11 января 1801 года. Онъ въ царствованіе императрицы Екатерины II былъ въ Петербургѣ капельмейстеромъ итальянской оперы.

Пропущены также имена: Паэзіелло, Даніеля Штейбельта, Ивана Яковлевича Миллера, Ѳедора Евстафьевича Шольца, который еще въ 1819 году составилъ проектъ заведенія въ Москвѣ музыкальной консерваторіи и съ этою цѣлью открылъ въ 1830 году въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, безплатное преподаваніе генералъ-баса и композиціи, но смерть остановила его предпріятіе. Біографіи этихъ музыкантовъ напечатаны въ «Справочномъ энциклопедическомъ словарѣ», изданномъ подъ редакціею Старчевскаго.

Среди фамилій актеровъ мы не нашли: Якова Степановича Воробьева, родился въ 1766 † 7 іюня 1809 года, учился пѣнію у извѣстнаго капельмейстера Мартини и итальянскаго актера Маркети. Выпущенъ на сцену изъ театральной школы въ 1787 году. Онъ прекрасно зналъ музыку и итальянскій языкъ и былъ впослѣдствіи инспекторомъ оперной труппы. Дочь его, Елена Яковлевна, была оперною актрисою и потомъ вышла замужъ за Ивана Ивановича Сосницкаго. Имени ея нѣтъ въ лексиконѣ, также какъ нѣтъ

Ивана Даниловича Гуляева, пѣвца—преемника Я. С. Воробьева, ни Жозефины Фодоръ, знаменитой оперной пѣвицы петербургскаго театра, въ честь которой были выбиты медали въ Италіи (см. ихъ описаніе въ соч. Иверсена: «Медали въ честь русскихъ государственныхъ людей и частныхъ лицъ»); ни Елизаветы Семеновны Сандуновой, урожденной Урановой; ни русской же пѣвицы Лилѣевой, Александры Ивановны, бывшей замужемъ за музыкантомъ Латышевымъ.

Въ біографіи Виктора Матвѣевича (отчество котораго вовсе не сказано) Кажинскаго не говорится, что онъ совершилъ артистическое путешествіе вмѣстѣ съ А. Ѳ. Львовымъ по Германіи и сѣверной Италіи, гдѣ подружился съ первѣйшими артистами и композиторами, какъ-то: Спонтини, Мейерберомъ, Липинскимъ, графинею Росси, Давидомъ и др. Замѣтки объ этомъ путешествіи были изданы имъ на польскомъ языкѣ въ 1845 году въ С.-Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году переведены на русскій языкъ и помѣщены въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Пантеонѣ русскаго театра». Онъ занимался также составленіемъ «Исторіи драматической музыки въ Италіи», съ самаго ея начала до нашихъ временъ, отрывки которой были напечатаны тоже въ «Библіотекѣ».

Ничего не сказано и объ Иванѣ Алексѣевичѣ Рупинѣ, крѣпостномъ музыкантѣ шталмейстера П. И. Юшкова, извѣстнаго любителя и покровителя искусствъ, потратившаго на свои домашніе хоры и оркестры огромное состояніе. Сначала Рупинъ былъ обученъ церковному пѣнію, а потомъ онъ занимался у перваго тогдашняго учителя пѣнія въ Петербургѣ Мускети, у котораго Рупинъ бралъ уроки ежедневно втеченіе 2-хъ лѣтъ, и за каждый урокъ платилось по 25-ти руб. ассигнаціями. Этотъ учитель переименовалъ его изъ Рупина въ Рупини, ради того, чтобы русская фамилія не возбуждала предубѣжденія къ прекрасному пѣвцу. По окончаніи занятій у Мускети, онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ всѣ его успѣхи ограничивались церковнымъ пѣніемъ. Получивъ послѣ вольную, Рупинъ хотѣлъ поступить на оперную сцену, но это ему не удалось. Тогда подъ руководствомъ талантливаго капельмейстера русскаго театра Жучковскаго (фамиліи его опять нѣтъ въ лексиконѣ) онъ выучился правиламъ гармоніи и контрапункта. Имя Рупина скоро сдѣлалось извѣстно, его пѣніе считалось образцовымъ, и онъ сдѣлался первымъ и лучшимъ учителемъ пѣнія. Онъ замѣчательно хорошо пѣлъ народныя пѣсни и впослѣдствіи слышанные и заученные имъ родные напѣвы мастерски положилъ на ноты. Въ 1831 году, издалъ Рупинъ первую свою тетрадь «Русскихъ пѣсенъ», которая была посвящена императрицѣ. Необыкновенный успѣхъ перваго изданія побудилъ Рупина продолжать свой трудъ; въ 1833 году, появилась вторая его тетрадь, а въ 1836 году—и третья. Кромѣ «русскихъ народныхъ пѣсенъ», Рупинъ самъ создалъ до 50-ти пѣсенъ и романсовъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались совершенно народными и поются до сихъ поръ. Такова его пѣсня: «Вотъ мчится тройка удалая». Умеръ Рупинъ 22 марта 1850 года, на 70 году своей жизни. Подъ его руководствомъ образовались таланты: Степанова, Надежды Самойловой и покойнаго Петрова, манера пѣнія котораго ясно говорила за методу его учителя.

Этихъ указаній, сдѣланныхъ нами и далеко, однако, неполныхъ, достаточно, чтобы видѣть большіе недостатки маленькаго лексикона г. Рубца.

И. Божеряновъ.

Русскимъ дѣтямъ. Разсказы и очерки изъ исторіи древней русской словесности. Выпускъ I. (Отъ начала славянской письменности до татарщины). Составилъ Невзоровъ. Казань. 1885.

Мы думаемъ, что будемъ совершенно справедливы, если скажемъ, что едва ли въ какомъ нибудь царствѣ на бѣломъ свѣтѣ такъ много издается, для обученія дѣтей и юношей, различныхъ учебниковъ, пособій, руководствъ, вспомогательныхъ для классовъ чтеній, какъ у насъ, а между тѣмъ отъ преподавателей только и слышишь, что нѣтъ хорошихъ учебниковъ, что волей-неволей приходится учить по запискамъ. Чѣмъ объяснить всю эту безурядицу, весь этотъ рядъ непонятныхъ явленій въ школьномъ мірѣ? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ нашихъ учебниковъ, мы скажемъ, что причина упомянутаго явленія прежде всего должна заключаться въ неясномъ пониманіи педагогами тѣхъ требованій по отношенію къ знаніямъ дѣтей и юношей, которыя должны отвѣчать цѣли учебныхъ заведеній, возрасту дѣтей и степени ихъ умственнаго развитія. Это старый и давнишній нашъ грѣхъ, проистекающій изъ шаткихъ, не установившихся взглядовъ на дѣло обученія юношества, вслѣдствіе чего всякій учебникъ, всякое учебное пособіе преслѣдуетъ свои цѣли и задачи. Одинъ авторъ назначаетъ, положимъ, для маленькихъ дѣтей такое руководство, которое другой преподаватель считаетъ совершенно непригоднымъ для упомянутаго возраста; короче сказать: сколько учебниковъ, столько мнѣній о способахъ передачи тѣхъ или иныхъ знаній. Общихъ, твердо выработанныхъ взглядовъ на цѣль обученія, на способы передачи знаній не имѣется. Бываютъ даже и такіе примѣры, что учебники, болѣе или менѣе отвѣчающіе своему назначенію, бракуются, какъ негодные, именно потому только, что не удовлетворяютъ личнымъ взглядамъ учителей па дѣло преподаванія извѣстнаго предмета,—учителей, которымъ предложено заниматься по этимъ учебникамъ. Но въ томъ-то и бѣда, что дѣло не въ личныхъ взглядахъ, а въ тѣхъ строго выработанныхъ правилахъ дидактики, въ тѣхъ основательныхъ и глубоко сознанныхъ существенныхъ педагогическо-дидактическихъ положеніяхъ, на которыхъ строится всякое разумное преподаваніе. Стоитъ послушать наши различныя педагогическія конференціи, чтобы вполнѣ убѣдиться, до какого неслыханнаго разнообразія мнѣній, взглядовъ, положеній доходятъ наши гг. педагоги, да не въ частностяхъ, не въ мелочахъ, а въ самыхъ существенныхъ педагогическихъ истинахъ, такъ что самъ себѣ не можешь рѣшить, служатъ ли всѣ члены конференціи одному дѣлу, или разнымъ. Подтвержденіемъ нашихъ словъ о безурядицѣ, царствующей въ школьномъ мірѣ, по отношенію къ учебникамъ и учебнымъ пособіямъ, служитъ очень недавнее постановленіе министерства народнаго просвѣщенія о томъ, какимъ образомъ, при какихъ условіяхъ преподаватели могутъ вводить учебники или замѣнять ихъ другими, ибо замѣна однихъ учебниковъ другими приняла размѣры, ни съ чѣмъ не согласные и ничѣмъ не оправдываемые, т. е. ясно значитъ: всякій учитель въ данномъ случаѣ руководился лишь личнымъ мнѣніемъ о достоинствахъ или недостаткахъ того или другаго учебнаго руководства.

Если бы мѣсто и время позволили намъ, то мы привели бы живыя доказательства въ пользу того, до какой степени учебники, напримѣръ, нѣмецкіе и швейцарскіе отвѣчаютъ требованіямъ, которыя нѣмцы и швейцарцы предъявляютъ по отношенію обученія дѣтей и юношей. Но, говоримъ прямо,

не считаемъ себя въ правѣ, помимо недостатка времени и мѣста, касаться вопроса чисто педагогическаго, столь далекаго отъ задачи журнала историческаго.

Обращаясь къ разсматриваемому нами труду г. Невзорова, считаемъ нужнымъ высказать, что все выше нами изложенное имѣетъ, до извѣстной степени, отношеніе и къ этому труду. Авторъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ желалъ дать въ руки дѣтей такую книгу, которая служила бы переходною ступенью отъ учебника къ серьёзному чтенію. Мы думаемъ, что г. Невзоровъ въ данномъ случаѣ также руководился своими личными педагогическими воззрѣніями, не принявъ въ соображеніе общихъ, существенныхъ педагогическихъ требованій и положеній. Если бы онъ шире взглянулъ на дѣло, то, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ вопросу: чѣмъ оправдывается его желаніе дать юношѣ, прошедшему, положимъ, въ гимназіи, полный курсъ исторіи словесности, какой-то посредствующій курсъ, который служилъ бы ступенью къ дальнѣйшему серьёзному ознакомленію съ упомянутымъ предметомъ? Если существуетъ потребность въ подобномъ посредствующемъ курсѣ для исторіи словесности, то почему не составлять такихъ посредствующихъ, переходныхъ учебниковъ для всѣхъ остальныхъ наукъ? Намъ кажется, что мы задаемъ вопросъ логичный. Г. Невзоровъ возразитъ намъ, что его книга не учебникъ. Прекрасно, пусть его трудъ будетъ учебнымъ пособіемъ, но вѣдь отъ названія существо дѣла нисколько не измѣняется, и упомянутый вопросъ нашъ остается въ своей силѣ. Мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что если среднее учебное заведеніе, а именно гимназія, достигаетъ своего педагогическаго назначенія, то она своими системами обученія непремѣнно дастъ воспитанникамъ полную возможность продолжать занятія серьёзно. Иной гимназической подготовки и понять нельзя. Цѣль гимназіи дать такую основательную подготовку юношѣ, чтобы онъ, безъ усилій, могъ продолжать научныя факультетскія занятія. Къ чему же, послѣ этого, всѣ подготовительныя учебныя пособія, о которыхъ говоритъ г. Невзоровъ? Затѣмъ необходимо высказать еще слѣдующее. Разсказы и очерки г. Невзорова составлены такимъ образомъ, что они никакъ не удовлетворятъ ученика, прошедшаго полный курсъ словесности, не удовлетворятъ именно потому, что ученикъ гораздо полнѣе и серьёзнѣе знаетъ этотъ предметъ, чѣмъ онъ изложенъ въ упомянутомъ трудѣ г. Невзорова. Само собой понятно, что мы предполагаемъ, что означенный предметъ былъ пройденъ съ учениками вполнѣ обстоятельно. Если же исторія словесности занимала въ учебномъ курсѣ послѣднее мѣсто, то книга г. Невзорова, во всякомъ случаѣ, не дастъ ученику, по своей краткости, положительныхъ и основательныхъ знаній. Наконецъ, если эта книга не отвѣчаетъ требованіямъ взрослаго ученика, прошедшаго полный курсъ исторіи словесности, то она, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть полезна, какъ книга для чтенія, для 12 или 13-тилѣтняго ученика или ученицы того же возраста, ибо выше ихъ пониманья.

Вотъ наше мнѣніе по отношенію самой задачи труда г. Невзорова, что же касается ея исполненія, то любовь автора къ дѣлу, его основательныя знанія исторіи словесности не могутъ подлежать сомнѣнію, но желаніе кратко, сжато передать историческіе факты почти всегда неизбѣжно ведетъ къ тому, что иныя историческія событія представляются не въ надлежащемъ, невѣрномъ свѣтѣ и именно вслѣдствіе стремленія автора быть краткимъ и въ изложеніи сжатымъ. Напримѣръ, можетъ ли что ни-

будь объяснить ученику такая фраза: «Князь Владиміръ задумалъ изъ идолопоклонника стать христіаниномъ: противно стало его русской душѣ молиться камнямъ и деревамъ, и взыскалъ онъ Бога истиннаго»? Повторяемъ: объясняютъ ли что нибудь подчеркнутыя нами слова и какое значеніе можетъ имѣть въ данномъ случаѣ русская душа, побудившая Владиміра принять христіанство? Принятіе Владиміромъ христіанства составляетъ великое историческое явленіе, объясняемое многими причинами, которымъ, при составленіи учебника или учебнаго пособія, приходится посвятить не нѣсколько строкъ, а нѣсколько страницъ. Монастыри народились у насъ попреимуществу въ періодъ удѣловъ, когда дѣйствительно люди тихіе, кроткіе готовы были бѣжать на край свѣта отъ вѣчныхъ усобицъ, соединенныхъ съ пожарами, убійствами, со всѣми ужасами братоубійственной войны. Такимъ образомъ монастырь дѣйствительно являлся спасеніемъ, гдѣ люди впечатлительные, кроткіе духомъ находили покой и спасеніе отъ страшныхъ бѣдствій усобицъ. Между тѣмъ, г. Невзоровъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, говоритъ только, что люди шли въ монастыри и пустыни, спасаясь отъ соблазновъ и искушеній. Встрѣчаются въ книгѣ г. Невзорова лишь намеки на истинныя причины того или другаго историческаго явленія, но дѣло не въ намекахъ, безслѣдно проходящихъ для читателя, а въ ясныхъ и вполнѣ согласныхъ съ исторической правдой объясненіяхъ, что попреимуществу важно въ книгахъ, назначаемыхъ для серьёзнаго чтенія. Сильная, необыкновенно воспріимчивая природа князя Владиміра обрисована авторомъ блѣдно, слабо. Крутое перерожденіе этого князя, который, съ принятіемъ христіанства, является совершенно другимъ человѣкомъ, не подлежитъ, съ исторической точки зрѣнія, ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ перерождаться могутъ только сильныя, выходящія изъ ряда по душевнымъ свойствамъ, натуры; но, къ сожалѣнію, не такимъ рисуется Владиміръ подъ перомъ автора разсматриваемой нами книги. Для насъ остается неразрѣшеннымъ также вопросъ, почему г. Невзоровъ не привелъ ни одной былины объ этомъ князѣ Красномъ Солнышкѣ, между тѣмъ какъ приводитъ стихотворенія графа Толстаго, Сурикова и другихъ, описывающихъ, напримѣръ, пиры князя Владиміра. Совершенно не понимаемъ подобнаго игнорированія лучшихъ перловъ нашей народной поэзіи.

Не выяснены въ трудѣ г. Невзорова надлежащимъ образомъ языческія вѣрованія славянъ. По поводу духовнаго завѣщанія Владиміра Мономаха, который говоритъ о лѣни, какъ природномъ недостаткѣ русскаго человѣка, излагается въ трудѣ нами разсматриваемомъ, такъ сказать, исторія нашей лѣни, причемъ говорится о хандрѣ и приводятся стихи Лермонтова, въ которыхъ великій поэтъ, по словамъ г. Невзорова, мрачно смотритъ на будущность русскаго народа:

Печально я гляжу на наше поколѣнье,
Его грядущее — иль пусто, иль темно.

Главная причина такой невеселой будущности русскаго поколѣнія, по объясненію поэта, есть та, что

Въ бездѣйствіи состарится оно.

Въ данномъ случаѣ авторъ взялся за вопросъ не совсѣмъ легко разрѣшимый, но онъ справляется съ нимъ на одной страничкѣ, нѣсколькими строками, которыя, конечно, ровно ничего не разрѣшаютъ, т. е. ни причины нашей лѣни, хандры, ни причины печальной будущности нашего поколѣнія.

Кромѣ фразъ, мы ничего не находимъ у г. Невзорова по настоящему вопросу, но спрашивается: какую пользу извлекутъ юноши изъ этихъ фразъ, столь нежелательныхъ по педагогическимъ требованіямъ?

Если бы нашъ совѣтъ могъ имѣть какое нибудь значеніе въ глазахъ г. Невзорова, то мы отъ души посовѣтовали бы ему оставить составленіе своихъ выпусковъ, а приступить къ составленію полнаго курса исторіи словесности, для чего, сколько можемъ судить по настоящему его труду, онъ владѣетъ всѣми данными: знаніемъ дѣла и любовью къ своему предмету.

Въ полномъ курсѣ исторіи литературы, въ которомъ сказались бы и знаніе дѣла, и любовь къ предмету, и честное отношеніе къ вопросамъ историческимъ, и, наконецъ, живое изложеніе, дѣйствительно чувствуется настоятельная потребность.

И. Б——ъ.

Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора трагедіи, составилъ Е. Воскресенскій. Изданіе 2-е. Ярославль. 1886.

«Опытъ» г. Воскресенскаго составленъ съ педагогическою цѣлью, какъ предметъ изученія драмы «въ средней школѣ». Лучшая пьеса въ русской литературѣ служитъ автору основаніемъ и при изученіи теоріи драмы, и для разъясненія противоположности между французскимъ псевдо-классицизмомъ и свободно-художественною драмою Шекспира, и, наконецъ, какъ поэтическая иллюстрація исторіи Карамзина, во всѣхъ этихъ случаяхъ наводя учащихся на множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и задачъ. Называя далѣе въ короткомъ предисловіи опытъ свой «ученымъ пособіемъ», авторъ говоритъ, что онъ пытается дать отвѣты на нѣкоторые, поставленные выше вопросы, не разсчитывая на полноту и законченность и нерѣдко пользуясь уже готовыми критическими мнѣніями извѣстныхъ педагоговъ. Не понимаемъ, для чего г. Воскресенскій съузилъ такъ свою задачу. Мы не привыкли къ такой скромности со стороны нашихъ критиковъ, обыкновенно захватывающихъ своими «опытами» чуть не всѣ міровые вопросы и рѣшающихъ авторитетно и безповоротно всѣ спорные пункты. Разборъ г. Воскресенскаго интересенъ далеко не для однихъ учащихся и для «средней школы», для которой онъ и непригоденъ по широтѣ критическихъ мнѣній и богатству цитатъ такихъ писателей, съ какими знакомы не всѣ и высшія школы. «Опытъ» даетъ совершенно достаточные отвѣты на всѣ вопросы, относящіеся къ теоріи драмы древней, французской, шекспировской и пушкинской, а готовыя сужденія извѣстныхъ критиковъ вполнѣ подтверждаютъ выводъ автора, уже черезчуръ скромно относящагося къ своему труду, заслуживающему вниманія историковъ литературы, а не однихъ преподавателей. Брошюра г. Воскресенскаго вполнѣ исчерпываетъ свой предметъ, хоть она и не велика по объему: изъ 69-ти страницъ, впрочемъ, очень убористаго шрифта, 17 посвящены теоріи драмы, остальные разбору «Бориса Годунова». Не со всѣми мнѣніями автора можно согласиться, но всѣ они показываютъ въ немъ и основательное знаніе своего предмета, и добросовѣстное отношеніе къ нему. Такъ, нельзя согласиться съ авторомъ, что «историкъ не въ правѣ стараться разгадать побужденія дѣйствующихъ лицъ, если у него нѣтъ положительныхъ данныхъ»; дѣлать это можетъ только поэтъ. Но положительность исто-

рическихъ данныхъ понятіе относительное, зависящее отъ того, каковы источники этихъ данныхъ. И почему же поэтъ можетъ основаться на психическихъ, нравственныхъ сторонахъ человѣка, а историкъ не можетъ? Геттнеръ, а за нимъ и нѣкоторые русскіе критики требовали даже, чтобы историческая трагедія не вставляла ничего чуждаго исторіи въ свое содержаніе, но г. Воскресенскій справедливо отвергаетъ это крайнее сужденіе и принимаетъ болѣе близкое къ истинѣ мнѣніе Аристотеля о драмѣ и исторіи. «Исказить историческій характеръ, придавать ему ложную идеализацію—поэтъ не имѣетъ права»,—говоритъ г. Воскресенскій, подтвердивъ подобное же мнѣніе Лессинга. Ну, а Донъ-Карлосъ Шиллера развѣ вѣренъ исторіи? а сколько еще другихъ историческихъ лицъ у него идеализированы, не говоря уже о томъ, что поэтъ позволялъ себѣ измѣнять даже такія событія, какъ смерть Жанны д'Аркъ. Къ чему также ограничивать рамки древней русской драмы только царствованіемъ Ивана Грознаго, какъ дѣлаетъ г. Воскресенскій. Вѣдь «Псковитянка» Мея гораздо выше по драматичности положенія его «Царской Невѣсты». Развѣ эпохи татарщины, удѣльной, вѣчевой, даже варяжской Руси не даютъ сюжетовъ для драмы?

Драму Пушкина г. Воскресенскій разбираетъ сцена за сценой, дѣлая по временамъ отступленія для оцѣнки того или другаго характера. Онъ прочелъ все, что написано объ этомъ предметѣ, и приводитъ много цитатъ Анненкова, Бѣлинскаго, Стоюнина, Водовозова, Галахова, Аверкіева, даже г. Незеленаго. Въ концѣ брошюры авторъ приходитъ къ заключенію, что, судя по новымъ источникамъ, по болѣе строгому отношенію къ свидѣтельству лѣтописей, даже по осторожнымъ выводамъ Соловьева, Борисъ Годуновъ Карамзина и Пушкина—лицо не историческое. Не лучшее ли это доказательство того, что хорошая историческая драма должна быть основана не на историческомъ, а на психическомъ развитіи характеровъ?..

В. З.

Архивъ князя Воронцова. Книга XXXII. Москва. 1886.

Въ тридцать второй книгѣ «Архива князя Воронцова» мы находимъ продолженіе тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, о которыхъ въ свое время не разъ уже говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ: письма государственнаго канцлера графа М. Л. Воронцова къ любимцу императрицы Елисаветы Петровны, Ивану Ивановичу Шувалову, обнимающія періодъ времени съ января 1755 года по мартъ 1766 года (стр. 3—69); краткій очеркъ жизни графа С. Р. Воронцова, писанный вскорѣ послѣ его смерти какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ (стр. 71—76); письма графа С. Р. Воронцова къ брату его Александру Романовичу, съ марта 1760 года по 1785 годъ (стр. 79—206), наибольшая часть этихъ писемъ (съ 18-го до 47-го) относится ко времени турецкой войны (1769—1774), въ которой графъ С. Р. Воронцовъ принималъ значительное участіе, будучи близокъ къ фельдмаршалу графу Румянцову, и относительно которой въ этихъ письмахъ есть чрезвычайно интересныя подробности, такъ сказать, закулисной жизни боевой арміи. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ Дмитрія Петровича Бутурлина къ дѣтямъ его, графамъ Семену и Александру Воронцовымъ, съ 1780 по 1821 годъ. Какъ извѣстно, графъ Д. П. Бутурлинъ, въ

царствованіе императора Александра I, былъ директоромъ императорскаго Эрмитажа. Онъ родился въ 1763 году и умеръ въ 1829 году во Флоренціи, гдѣ имѣлъ дворецъ съ православной церковью и гдѣ потомство его старшаго сына живетъ и въ настоящее время. Это былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, страстный библіофилъ, знатокъ и покровитель искусствъ, человѣкъ необыкновенно добродушный, живой и остроумный, что и отразилось вполнѣ въ его задушевныхъ письмахъ къ дядьямъ, которыхъ онъ искренно любилъ. Въ письмахъ его, захватывающихъ конецъ царствованія Екатерины II и обнимающихъ царствованіе Павла I и Александра I, можно найдти замѣчательныя характеристики общества и отдѣльныхъ личностей того времени, писанныя блестящимъ французскимъ языкомъ, съ искрами самого неподкупнаго и незлобиваго остроумія. Къ царствованію Александра I относятся также письма графа А. Р. Воронцова изъ Москвы и изъ помѣстья его Матренино къ племяннику, князю Михаилу Семеновичу Воронцову, съ 1803 по 1805 годъ (стр. 463—491). Наконецъ, въ послѣдней части разбираемаго тома находимъ письмо графа А. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородку, писанное 3-го февраля 1787 года изъ Воронежа по вопросу о каменномъ углѣ, и тотъ же вопросъ трактуется въ письмахъ Николая Александровича Львова къ графамъ С. Р. и А. Р. Воронцовымъ въ періодъ времени съ 1784 по 1799 годъ.

Не входя въ историческую критику всего выше изложеннаго матеріала, возможную лишь при составленіи всѣхъ томовъ изданія, по которымъ разсѣяны данныя, относящіяся къ однимъ и тѣмъ же лицамъ и событіямъ, мы представили лишь описательную библіографію вышедшаго тома. Прибавимъ къ этому, что, какъ и въ предъидущихъ томахъ, интересующіеся отечественной исторіей найдутъ въ этой новой книгѣ «Архива» богатый запасъ данныхъ по самымъ различнымъ областямъ историческаго вѣдѣнія. Здѣсь попрежнему, конечно, преобладаетъ дипломатика, на поприщѣ которой семья графовъ Воронцовыхъ такъ много поработала, но и помимо этого вышедшая книга раскрываетъ передъ нами самыя любопытныя подробности бытовой и умственной жизни нашего высшаго общества второй половины прошлаго вѣка и начала нынѣшняго.

Е. Г.

Внѣшняя политика Наполеона III. Публичныя лекціи Г. Е. Аѳанасьева. Одесса. 1886.

Три лекціи, составившія предметъ вышедшей нынѣ брошюры, читаны были г. Аѳанасьевымъ въ пользу одесскаго славянскаго благотворительнаго Общества. Вмѣсто предисловія авторъ перечисляетъ 17 источниковъ, служившихъ ему для составленія лекцій, и между этими источниками встрѣчаются сочиненія весьма сомнительнаго достоинства, въ родѣ книги прусскаго шпіона Мединга (Григорія Самарова), пустѣйшей брошюры Луи Наполеона «Des idées Napoléoniennes» и др. Авторъ указываетъ также для чего-то на «Севастопольскіе разсказы» Л. Толстаго, не имѣющіе никакого отношенія къ внѣшней политикѣ императора-авантюриста. Характеристика его, впрочемъ, довольно вѣрно оцѣнена въ первой лекціи, предметомъ которой вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ бонапартизмъ и крымская война, хотя причины ея изложены не вполнѣ и недостаточно выяснены. Во второй лекціи разсмотрѣнъ итальян-

скій вопросъ и австро-прусская война. Война за освобожденіе Италіи изложена вполнѣ согласно съ историческими данными, только причину войны авторъ напрасно видитъ въ симпатіи Наполеона къ Италіи. Никакихъ симпатій не могъ онъ чувствовать къ странѣ, пославшей въ Парижъ Орсини со своими бомбами, и только боязнь дальнѣйшихъ покушеній мадзинистовъ да обѣщаніе уступки Ниццы и Савойи, въ соединеніи съ необходимостью занимать французовъ блескомъ внѣшнихъ событій, чтобы они не кричали о внутреннемъ растлѣніи имперіи, побудили Наполеона объявить войну Австріи. Заключеніе позорнаго мира въ Цюрихѣ также напрасно приписывается чувствительности Наполеона при видѣ жертвъ Сольферинскаго сраженія и опасенію, что Пруссія вступится за Австрію. Но вѣдь не мѣшала же Пруссія дальнѣйшему объединенію Италіи, совершившемуся уже безъ содѣйствія Франціи, ни присоединенію Тосканы, Пармы, Модены и Романьи, ни завоеванію Неаполя Гарибальди. Пруссія, напротивъ, была очень рада, что Австрія, вытѣсненная съ Апенинскаго полуострова, начала съ тѣхъ поръ искать вознагражденія за свои потери на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣдь еще въ 1863 году Пальмерстонъ противился созванію европейскаго конгресса, говоря, что на немъ Австрія непремѣнно потребуетъ себѣ Боснію и Герцеговину. О мексиканской экспедиціи говорится нѣсколько строкъ, а между тѣмъ она представляетъ очень важную сторону нелогичной внѣшней политики Наполеона. Эта нелогичность высказалась яснѣе всего въ согласіи его, послѣ двукратнаго свиданія съ Бисмаркомъ въ 1865 году, на союзъ Италіи съ Пруссіей при готовящемся столкновеніи послѣдней державы съ Австріею. Мы не знаемъ, правда, что Бисмаркъ обѣщалъ ему за нейтралитетъ Франціи въ предстоящей войнѣ, но странно было повѣрить, что объединеніе Германіи, къ которому стремилась Пруссія, будетъ полезно для Франціи, когда Наполеонъ всѣми силами мѣшалъ итальянскому объединенію. Послѣ пораженія Австріи и исключенія ея изъ германскаго союза, Бисмаркъ наотрѣзъ отказалъ въ требованіяхъ для Франціи границъ 1814 года и прервалъ переговоры о присоединеніи къ ней Бельгіи и Люксембурга. Война съ Пруссіей, очевидно, ставилась такимъ образомъ на очередь, и къ ней долженъ былъ прибѣгнуть Наполеонъ для поддержанія своего падающаго престижа. Она разсказана въ третьей лекціи, гдѣ приводится также любопытная попытка Наполеона купить Люксембургъ у голландскаго короля Вильгельма III за 10 милліоновъ франковъ, съ уплатою милліона его фавориткѣ, г-жѣ Мюзаръ, за то, что она склонила короля къ этой продажѣ. Дипломатическая сторона франко-прусской войны разсказана подробно и обстоятельно. Брошюра оканчивается оцѣнкою политики Наполеона III. Здѣсь авторъ говоритъ, что политика Наполеона стремилась къ переустройству европейскихъ государствъ на основахъ національности. Но въ дѣйствительности онъ не стремился ни къ чему другому, какъ къ сохраненію власти, захваченной имъ обманомъ, измѣною присягѣ и убійствами. Вѣдь самъ же г. Аѳанасьевъ говоритъ, что у него не было ни политической мысли, ни твердаго характера, ни способностей полководца, и что его слава тонкаго политика была въ сущности недоразумѣніе. Кавуръ и Бисмаркъ понимали, что императоръ молчитъ не потому, что желаетъ скрыть свой политическій планъ, а потому, что у него нѣтъ никакого плана. Признавая главнымъ явленіемъ нашего времени развитіе убѣжденія, что внѣ національнаго единства не можетъ быть единства политическаго, авторъ находитъ, что взглядъ на необходимость національнаго единства, какъ

условія единства государственнаго, можетъ повести при своемъ крайнемъ развитіи къ плачевнымъ послѣдствіямъ, возбудивъ національный фанатизмъ. Авторъ, однако, не изслѣдуетъ этотъ важный вопросъ, и мы также не можемъ остановиться на немъ при оцѣнкѣ сочиненія, во всякомъ случаѣ заслуживающаго вниманія публики.

В. З.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. В. Потто. Томъ II. Ермоловское время. Вып. 1-й. Спб. 1886.

Въ свое время, по выходѣ выпусковъ труда г. Потта, вошедшихъ въ составъ перваго тома, мы имѣли уже случай говорить о значительномъ интересѣ и большой занимательности въ чтеніи собранныхъ подъ этимъ заглавіемъ легендъ и сказаній, связанныхъ между собою исторіею завоеванія Кавказа. Второй томъ посвященъ авторомъ Ермоловскому времени и будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ. Первый, нынѣ вышедшій, занимается дѣятельностью знаменитаго генерала въ Чечнѣ, второй будетъ заключать въ себѣ эпизоды, касающіеся завоеванія Дагестана, третій—захватитъ дѣйствія въ Прикубанской области и Кабардѣ, и, наконецъ, четвертый будетъ отданъ дѣйствіямъ въ Закавказьѣ и персидской войнѣ 1826—1828 годовъ. Личность Ермолова одна изъ интереснѣйшихъ личностей въ галлереѣ русскихъ военноначальниковъ, и потому все, что бы ни было написано для освѣщенія характера и дѣйствій этого человѣка, конечно, заслужитъ живой интересъ у каждаго русскаго читателя.

Въ этомъ отношеніи и второй томъ «Кавказской войны» г. В. Потто обѣщаетъ быть весьма поучительнымъ и интереснымъ. Въ лежащемъ передъ нами первомъ выпускѣ, мы находимъ довольно обстоятельную (относительно хронологіи событій) біографію А. П. Ермолова, за которою слѣдуетъ описаніе его посольства въ Персію. Остальные очерки посвящены Чечнѣ и дѣйствіямъ Ермолова въ лѣсахъ и горахъ этого края.

Сравнительно съ очерками перваго тома, разсказы, посвященные Ермолову во время его чеченскихъ походовъ, показались намъ нѣсколько блѣдными. Въ этихъ разсказахъ какъ будто не все сказано, что бы можно было и слѣдовало сказать. Особенно это замѣтно на очеркахъ «Два типа» и «Плѣнъ Швецова». Въ первомъ разсказѣ авторъ рисуетъ намъ фигуры русскаго казака Чернова и чеченскаго джигита Бей-Булата, изъ которыхъ и тотъ и другой въ сущности были большими разбойниками. И Черновъ, и Бей-Булатъ пользовались, повидимому, нѣкоторымъ вліяніемъ на Ермолова и не всегда обращали это вліяніе на пользу русскихъ. Въ разсказѣ «Плѣнъ Швецова», мы хотя и видимъ энергію Ермолова въ сношеніяхъ съ горскими ханами, но въ концѣ-концовъ онъ, всетаки, выкупилъ Швецова за деньги, между тѣмъ, есть собственноручные приказы Ермолова къ народамъ Чечни и Дагестана такого грознаго характера и такой силы, что у этихъ народовъ не могла зародиться и мысль о какихъ бы то ни было договорахъ съ русскимъ правительствомъ по обмѣну или выкупу плѣнныхъ. Впрочемъ, объ этихъ приказахъ мы, вѣроятно, узнаемъ изъ послѣдующихъ выпусковъ втораго тома «Кавказской войны» г. Потто.

Въ числѣ трагическихъ эпизодовъ, ознаменовавшихъ похожденіе Ермолова въ Чечнѣ, укажемъ на Герзель-Аулъ, въ которомъ вѣроломно были убиты два славные русскіе генерала, Грековъ и Лисаневичъ. Описаніемъ похода Ермолова на Кумыкскую плоскость для покоренія чеченцевъ за гибель этихъ генераловъ и оканчивается этотъ первый выпускъ. Но вотъ именно здѣсь-то мы и встрѣчаемъ довольно необъяснимую странность въ распоряженіяхъ Ермолова. Въ чеченскомъ мятежѣ едва ли не главнѣйшую роль игралъ Бей-Булатъ, между тѣмъ, когда Бей-Булатъ былъ убитъ въ горахъ Салатъ-Гиреемъ, по обычаю кровомщенія, и этотъ Салатъ-Гирей самъ явился объявить русскимъ властямъ о случившемся, то Ермоловъ приказалъ судить его, какъ простаго убійцу и приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь.

Такая справедливость, которая русскому человѣку должна показаться чрезмѣрною, въ разсказахъ г. Потто не мотивируется и не объясняется ничѣмъ. Это тѣмъ болѣе странно, что пристрастіе Ермолова къ вѣроломному Бей-Булату, сдѣлавшему неисчислимое зло русскимъ и нѣсколько разъ обманывавшему довѣріе самого главнокомандующаго, ясно свѣтитъ изъ всей послѣдовательности собранныхъ г. Потто разсказовъ. Были же вѣрно къ такому пристрастію какія либо причины... пусть это было даже суевѣріе (къ которому склонны всѣ люди, постоянно пытающіе свою судьбу и къ числу которыхъ безспорно принадлежалъ Ермоловъ), но и эту причину слѣдовало бы освѣтить ярче, нежели это сдѣлано въ книгѣ г. Потто.

В. П.

Jeu d'amour. Французская гадальная книга XV вѣка. Издалъ по рукописи С.-Петербургской публичной библіотеки графъ А. Бобринской. Спб. 1886.

Памятникъ средневѣковой литературы, заглавіе котораго мы выписали, дошелъ до нашего времени въ единственной рукописи, сохранившейся въ Петербургской публичной библіотекѣ; сюда она перешла въ концѣ прошлаго вѣка изъ собранія извѣстнаго польскаго магната Дубровскаго, получившаго ее, въ свою очередь, изъ библіотеки С.-Жерменскаго монастыря, куда ее пожертвовалъ герцогъ де-Куаслэнъ (Coislin). Имя автора рукописи неизвѣстно, а написана она, по заключенію издателя, въ сѣверо-восточной Франціи, въ Пикардіи. Заключающаяся въ рукописи французская гадальная книга содержитъ въ себѣ двѣсти тридцать два краткихъ стихотворенія любовнаго содержанія, причемъ во главѣ каждаго изъ этихъ стихотвореній начертаны игральныя кости, въ томъ видѣ, какъ онѣ изображены въ текстѣ рукописи. Изъ содержанія нѣкоторыхъ строфъ видно, что для гаданій по подобной книгѣ собиралось цѣлое общество, и каждый бросалъ на столъ кости и прочитывалъ строфу, соотвѣтствующую сочетанію полученныхъ очковъ. Издатель безусловно точно воспроизвелъ рукопись, предложивъ съ своей стороны нѣкоторыя измѣненія и поправки, которыя требовались либо смысломъ, либо соблюденіемъ орѳографіи и стихосложенія. Кромѣ того, издатель снабдилъ текстъ обстоятельнымъ предисловіемъ, фототипическимъ снимкомъ страницы рукописи, словаремъ старо-французскихъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, и статьей «Объ игральныхъ костяхъ въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка», въ которой сказалось солидное знакомство автора съ обширной литературой предмета.

Въ общемъ, небольшая книга графа А. Бобринскаго представляетъ значительный вкладъ въ нашу научную литературу, не лишена общаго интереса, но особенное значеніе имѣетъ для западныхъ изслѣдователей, которымъ даетъ въ руки любопытный памятникъ, бывшій до сихъ поръ мало доступнымъ даже для самыхъ выдающихся въ Европѣ знатоковъ старо-французской литературы.

Е. Г.

Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Лекція В. Бузескула. Харьковъ. 1886.

Богатство нѣмецкой исторической литературы не подлежитъ сомнѣнію, хотя нельзя безусловно согласиться съ г. Бузескуломъ, что эта исторіографія имѣетъ наиболѣе универсальный характеръ, и что «нигдѣ историческія изслѣдованія не отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ». Именно этого-то разнообразія и не достаетъ нѣмецкимъ историкамъ, обращающимъ преимущественное вниманіе на прошлое своего отечества; даже въ разработкѣ всемірной исторіи германскому племени отводится всегда преобладающее мѣсто. Даже знаменитое изданіе старинныхъ памятниковъ нѣмецкой исторіи «Monumenta Germaniae», первый томъ котораго вышелъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, начинается съ документовъ карловингской эпохи и только въ послѣднее время появились лѣтописцы предыдущаго періода Іорданъ, Григорій Турскій, Павелъ-Дьяконъ, лонгобардской и меровингской эпохи. Такой сборникъ какъ «Византійскіе историки» и г. Бузескулъ признаетъ неудовлетворительнымъ, не смотря на то, что онъ выходилъ подъ редакціей Нибура. Но что касается собственно нѣмецкихъ источниковъ, тутъ богатство ихъ дѣйствительно замѣчательно, и одинъ перечень того, что издано объ эпохѣ среднихъ вѣковъ, приводимый авторомъ, поражаетъ если не количествомъ, такъ какъ авторъ многое пропускаетъ,—то качествомъ документовъ. Разбирая ихъ, авторъ останавливается только на новѣйшихъ, начиная съ Феликса Дана и его «Германскихъ королей» (1861—1870 г.). Съ этимъ историкомъ, считающимъ королевскую власть исконною принадлежностью германскихъ племенъ, не согласенъ Зибель, доказывающій, что власть эта—явленіе позднѣйшее, возникшее исключительно подъ вліяніемъ Рима. Затѣмъ авторъ говоритъ о трудахъ Вайца, опровергавшаго теорію раздачи королями своихъ земель дружинникамъ въ бенефиціи, возникшія только въ VIII вѣкѣ; о сочиненіяхъ Арнольда, Гизебрехта и множествѣ другихъ нѣмцевъ, между которыми только двое—Грегоровіусъ и Вегеле написали хорошую исторію Рима въ средніе вѣка, но потому, что эта исторія находится въ тѣсной связи съ германской. Въ подтвержденіе своего мнѣнія объ универсальномъ характерѣ исторіографіи въ Германіи, авторъ называетъ нѣсколько нѣмецкихъ сочиненій объ Англіи, Швеціи и Даніи, но вѣдь и между англійскими историческими книгами немало такихъ, которыя относятся и не къ одной Англіи. Сочиненія о крестовыхъ походахъ не могутъ служить доказательствомъ универсальности, такъ какъ походы эти были общеевропейскимъ явленіемъ, а исторія Византіи разработана новѣйшими трудами гг. Васильевскаго, Успенскаго и др.—не хуже, чѣмъ Герцбергомъ, Гиршемъ и Краузе (о послѣднемъ профессоръ Ламанскій отозвался особенно рѣзко), и сочиненіе англичанина Финлея о Византіи гораздо выше нѣмецкихъ, что признаетъ и г. Бузескулъ.

Брошюру свою онъ оканчиваетъ разборомъ «Всемірной исторіи» Ранке и радуется тому, что въ Европѣ гегемонія принадлежитъ теперь Германіи, сильной не только своею арміею, но и своимъ развитымъ самосознаніемъ и своею наукою. Но мы знаемъ, какую роль играетъ наука и самосознаніе тамъ, гдѣ владычествуетъ милитаризмъ, и потому не можемъ раздѣлять радости г. Бузескула.

В. З.

Записки императорскаго русскаго археологическаго Общества. Томъ I (новой серіи). Спб. 1886.

Вышедшій томъ «Записокъ императорскаго русскаго археологическаго Общества» представляетъ значительный интересъ для лицъ, занимающихся изученіемъ древностей. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ «Замѣтка о древней Климентовской церкви близъ Старой Ладоги», Д. А. Сабанѣева, съ приложеніемъ любопытныхъ снимковъ съ осколковъ фресковой живописи. Слѣдующая затѣмъ статья Н. П. Ильинскаго «Мортка въ XVIII в.», написанная на основаніи изученія авторомъ архива князей Куракиныхъ, съ цѣлью уясненія степени цѣнности монеты, носившей имя мортки и составлявшей $^1/_{24}$ алтына. Статья Д. Ѳ. Кобеко «О шертной грамотѣ ногайскаго князя Измаила» представляетъ критику изслѣдованія архимандрита Леонида о томъ же предметѣ. Извѣстный нумизматъ Д. И. Прозоровскій помѣстилъ въ разбираемомъ томѣ обширное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Хронологія, провѣренная по античнымъ медалямъ». Статьи А. Иванова «Греческое рукописное евангеліе, находящееся въ библіотекѣ Таврической духовной семинаріи» и «Греческій рукописный апостолъ, принадлежащій Предтеченской церкви въ Керчи» даютъ полное знакомство съ внѣшней стороной этихъ памятниковъ письменности XI в. и представляютъ богатый матеріалъ для исторіи церковнаго богослуженія. Наконецъ, «Письма А. Н. Попова, И. И. Срезневскаго и А. Ѳ. Гильфердинга къ архимандриту Леониду» заключаютъ въ себѣ интересныя подробности изъ жизни нашихъ извѣстныхъ палеографовъ.

Кромѣ того, въ протоколахъ Общества, занимающихъ значительную долю книги, помѣщено нѣсколько весьма интересныхъ сообщеній, какъ, напримѣръ, Н. Е. Бранденбурга—о работахъ по изслѣдованію Ладожской крѣпости, А. В. Прахова — о трудахъ Стефана, графа И. И. Толстаго—о трудѣ Ю. Б. Иверсена «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей», Л. Н. Майкова—о трудахъ Н. М. Мартьянова, И. В. Помяловскаго — объ изслѣдованіяхъ В. В. Латышева, Гаркави — статья, посвященная памяти И. П. Лерха, съ приложеніемъ подробнаго перечня трудовъ этого ученаго, и нѣкоторыя другія статьи.

Томъ снабженъ прекрасно составленнымъ именнымъ указателемъ, который въ значительной мѣрѣ облегчаетъ пользованіе книгой.

Е. Г.

Исторія Россіи. Народное изданіе, съ портретами императорскаго дома. Составилъ В. А. Абаза. 1885.

Просмотрѣвъ трудъ г. Абазы (а трудъ этотъ, замѣтимъ кстати, просматривается скоро и безъ особенныхъ усилій), мы не могли рѣшить недоумѣнія, порожденнаго въ насъ замѣткой на оберткѣ, что книга автора есть «народ-

ное изданіе». Какъ понять эту замѣтку? По всей вѣроятности, слѣдуетъ понять такъ, что г. Абаза назначаетъ свою брошюру для народнаго чтенія. Но въ такомъ случаѣ мы впадаемъ въ новое недоумѣніе: какимъ же образомъ назначать для народа книгу, въ которой ни языкъ, ни содержаніе, ни малѣйшимъ образомъ, положительно ничѣмъ, не указываютъ на подобное ея назначеніе? Трудъ г. Абазы — есть краткій конспектъ учебника для школъ, въ которыхъ проходится исторія родной земли для выполненія предписанной программы, чтобы ученикъ, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, могъ бы сказать, что первый князь на Руси былъ Рюрикъ, что князь Владиміръ крестился самъ и крестилъ своихъ подданныхъ, что князь Святославъ отличался храбростью и ѣлъ конину. Мы полагаемъ, что если пишутъ исторію родной земли для народа, то необходимо помнить, что послѣдній не въ силахъ многаго усвоить безъ надлежащихъ объясненій, не въ силахъ усвоить духа историческихъ событій, если эти событія не будутъ нарисованы ярко, рельефно. Въ «Исторіи Россіи» г. Абазы изложеніе ведется такимъ образомъ, что простому человѣку трудно усвоить смыслъ, существо содержанія. Мы не будемъ распространяться въ своихъ доказательствахъ, сохраняя увѣренность, что достаточно и одного примѣра. Подъ рубрикой: просвѣщеніе, театръ, литература — читаемъ: «Необходимость научныхъ знаній дѣлалась въ Московскомъ государствѣ ощутительнѣе со дня на день, и уже Борисъ Годуновъ задумывалъ русскіе университеты». Или: «Творчество Петра началось съ его дѣтскихъ лѣтъ».

Можно привести много выписокъ еще болѣе характерныхъ, но мы считаемъ это совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ глазахъ «Исторія Россіи» г. Абазы не имѣетъ никакого значенія и распространяться о ней не стоитъ.

И. Б—ъ.

Разсказы про Суворова. А. Петрушевскаго. Съ портретомъ. Спб. 1886.

Г. Петрушевскій, обогатившій русскую исторію прекрасной монографіей о Суворовѣ, въ настоящее время является съ небольшой, но просто и правдиво разсказанной, исторіей о томъ же полководцѣ, въ тонѣ разсказовъ для солдатъ и народа. Но не слѣдуетъ думать, что авторъ этимъ сочиненіемъ хотѣлъ еще болѣе распространить и дополнить тотъ «ходячій анекдотъ», въ который давно превратили Суворова его многочисленные біографы, составлявшіе свои біографіи не для народа, а для потѣхи народной. Совсѣмъ напротивъ. Г. Петрушевскій говоритъ, что его книжка могла бы выйдти гораздо полнѣе, если бы онъ захотѣлъ идти по широкому пути легендарныхъ вымысловъ, проторенному его многочисленными предшественниками. Но онъ хотѣлъ дать народу и русскому солдату въ руки краткую, но вѣрную исторію одного изъ величайшихъ русскихъ людей и знаменитѣйшаго нашего полководца. Эта задача весьма хорошо достигнута лежащей передъ нами книжкой. Правда, изложеніе ея, всетаки, нѣсколько суховато и серьёзно, но едва ли послѣднее повредитъ ей въ глазахъ тѣхъ читателей, для которыхъ она назначена. Мнѣніе о необходимости говорить съ людьми впервые грамотными непремѣнно шуточками да прибауточками едва ли на самомъ дѣлѣ вѣрно. Въ этихъ книгахъ, конечно, надо писать русскимъ языкомъ, безъ ино-

странныхъ словъ, незнакомыхъ народу, но ихъ надо писать серьёзно, потому что именно между лицами, въ первый разъ еще (въ своей семьѣ, разумѣется) пріобщившимися къ грамотнымъ, уваженіе къ книгѣ поддерживается ея серьёзностью. Въ этомъ отношеніи, новая книга г. Петрушевскаго о Суворовѣ можетъ разсчитывать на весьма прочный успѣхъ, и правдою и поучительностью своего предмета несомнѣнно принесетъ русскому воину большую пользу.

В. П.

Иллюстрованный календарь Общества имени Михаила Качковскаго, на годъ простый 1886. Составилъ О. А. Мончаловскій. Львовъ. 1885.

Въ Россіи весьма мало интересуются Галиціей, а многимъ изъ русскихъ людей даже неизвѣстно, что подъ скипетромъ Австрійской монархіи находится болѣе трехъ милліоновъ жителей, принадлежащихъ къ русской народности и исповѣдующихъ русскую вѣру. Правда, мы, русскіе, слыхали о «галичанахъ», въ особенности послѣ того, какъ въ нашихъ газетахъ говорили о Наумовичѣ, Площанскомъ и другихъ жертвахъ польской нетерпимости, но эти галичане, по понятію многихъ, какіе-то «русины». Мы почти совсѣмъ забыли о древнемъ Галицкомъ княжествѣ, обратившемся въ австрійскую провинцію, въ которой господствуютъ поляки и іезуиты, а, между тѣмъ, этотъ забытый нами русскій уголокъ не отрываетъ своей исторической духовной связи съ русскимъ народомъ и при всякомъ случаѣ — тѣмъ или другимъ путемъ — выражаетъ свою принадлежность къ великой русской семьѣ.

Однимъ изъ доказательствъ такого отношенія къ Россіи со стороны мало извѣстныхъ намъ «русиновъ» служитъ вышедшій во Львовѣ «Иллюстрованный календарь» на 1886 годъ, изданный мѣстнымъ патріотическимъ обществомъ имени Михаила Качковскаго [1]). Эта маленькая книжечка въ въ пять съ небольшимъ листовъ, съ первой своей страницы до послѣдней, выражаетъ близкое родство галицкаго народа съ русскимъ. Первая календарная страница — «Русская лѣтопись» начинается со времени вступленія Рюрика на русское княженіе и составленія св. Кирилломъ славянской азбуки. Въ «Уставѣ церковномъ», напечатанномъ церковно-славянскими литерами, возстановляется порядокъ богослуженія православной церкви. «Часть поучительная» состоитъ изъ краткихъ статей: «Крещеніе Руси», «Препод. Несторъ, русскій лѣтописецъ», «Городъ Москва», «Царь-колоколъ», «Церковь Василія Блаженнаго», «Битва при Куликовомъ полѣ» и т. п. Соотвѣтственные рисунки, весьма, впрочемъ, скромные по выполненію, поясняютъ текстъ. Даже «Часть забавная» открывается русской сказкой объ Ильѣ Муромцѣ.

Календарь составленъ на мѣстномъ нарѣчіи, весьма близкомъ къ великорусскому, и отпечатанъ, такъ называемымъ, гражданскимъ шрифтомъ (за исключеніемъ церковнаго устава). Нужно замѣтить, что этотъ «москев-

---

[1]) Извѣстный галицкій патріотъ и благотворитель, скончавшійся въ Кронштадтѣ, во время путешествія его въ Россію, 30 августа 1869 года.

скій»,—какъ называютъ его поляки, — шрифтъ допущенъ въ Галиціи въ весьма недавнее время, именно послѣ введенія въ Австріи конституціи 1861 года, а до того времени мало появлявшіяся тамъ русскія книги иначе не дозволялось печатать, какъ только церковно-славянскимъ шрифтомъ.

Привѣтствуя изданіе столь симпатичной для насъ русской книжечки, не можемъ, по поводу ея выхода, не упомянуть объ одномъ замѣчательномъ историческомъ явленіи, подробное изслѣдованіе котораго было бы такъ интересно встрѣтить въ печати. Дѣло въ томъ, что такой же народъ, какъ галичане, исповѣдывавшій еще такъ недавно ту же уніатскую вѣру, живетъ въ границахъ Русскаго царства. Извѣстно, что Холмскій край, входившій нѣкогда въ составъ Володиміро-Галицкаго княжества и при раздѣлѣ Польши доставшійся Россіи, въ историко-этнографическомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ Галиціи. И что же встрѣтило православіе въ Забужной Руси, когда ей было суждено возсоединиться (въ 1875 году) съ вѣрою предковъ? Уніатское духовенство, употребляя въ общежитіи языкъ польскій и считая себя, въ большинствѣ его членовъ, поляками, ничѣмъ не отличалось отъ польскихъ католическихъ ксендзовъ; холмская уніатская семинарія (до 1865 г.) была устроена на католическій ладъ и преподаваніе въ ней происходило на польскомъ и латинскомъ языкахъ; церкви по внѣшнему и внутреннему строю своему были тѣ же костелы — съ боковыми алтарями, органами и т. п.; богослуженіе совершалось хотя на славянскомъ языкѣ, но въ такомъ искаженномъ видѣ, что никто не призналъ бы въ немъ богослуженія восточной церкви. Народъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Люблинской губерніи считалъ еще себя русскимъ, въ другихъ же мѣстахъ простолюдины называли себя уніатами, чтобы не сказаться русскими, или просто поляками. И это все произошло въ Россіи, произошло въ то время, когда въ Галиціи ревниво охранялись и русскій языкъ, и русскіе народные обычаи, и православная обрядность, когда въ этой древне-русской землѣ господствовала чуждая власть...

М. Городецкій.

Календарь Рязанской губерніи на 1886 годъ. Изданіе рязанскаго губернскаго статистическаго комитета. Сост. подъ редакціею А. В. Селиванова. Рязань. 1886.

Календарь Рязанской губерніи вступаетъ уже въ четвертый годъ существованія. Въ первые два года (1883—1884) онъ давалъ почти исключительно одни только справочныя по губерніи свѣдѣнія, теперь же программа его расширяется и объемъ съ каждымъ годомъ увеличивается, въ календарѣ помѣщаются уже не одни только святцы, свѣдѣнія о почтовыхъ трактахъ, становыхъ квартирахъ, мѣстныхъ ярмаркахъ и пр., но и масса другихъ свѣдѣній, статистическихъ и историческихъ, имѣющихъ интересъ не только для однихъ мѣстныхъ жителей.

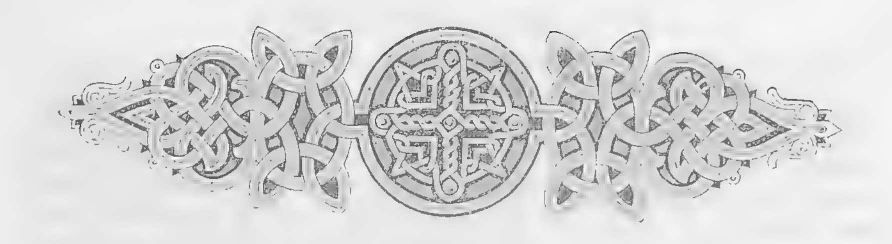
Въ послѣднемъ выпускѣ рязанскаго «Календаря» мы находимъ, между прочимъ, статьи — по статистикѣ: «Статистическое обозрѣніе пожаровъ въ Рязанской губерніи за 1884 годъ», «Статистическій очеркъ питейной торговли въ Рязанской губерніи за 1883 годъ», «Движеніе населенія въ губерніи», «Сводъ разныхъ статистическихъ свѣдѣній по губерніи» и т. д.; по исторіи: очень полно и добросовѣстно составленный «Хронологическій указатель замѣча-

тельныхъ въ Рязанской губерніи событій» и подробное «Историческое описаніе Солотчинскаго Рязанскаго монастыря». Солотчинскій монастырь основанъ былъ еще въ 1390 году рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ,— тѣмъ самымъ Олегомъ, который отказался пріидти на помощь къ великому князю московскому Дмитрію Ивановичу (проз. Донскимъ), когда этотъ послѣдній готовился идти противъ Мамая. Основавъ Солотчинскій монастырь, князь Олегъ принялъ въ немъ иноческій чинъ съ именемъ Іоны, но при этомъ не сложилъ съ себя и княжескаго сана, и жилъ попеременно то въ Рязани, занимаясь свѣтскими дѣлами управленія, то уединялся въ Солотчинскій монастырь, гдѣ надѣвалъ на себя иноческую рясу и проводилъ время въ богомоленіяхъ и постничествѣ. Какъ самъ князь—инокъ, такъ и всѣ послѣдующіе рязанскіе князья, до самаго уничтоженія Рязанскаго княжества (1520 г.) щедро надѣляли Солотчинскій монастырь движимыми и недвижимыми имуществами, такъ что въ 1678 году, по писцовымъ книгамъ, за монастыремъ числилось 37 деревень съ 787 дворами и съ 4,066 душами мужескаго пола, а въ 1748 году количество душъ возросло до 5,432; земли же во всѣхъ монастырскихъ селеніяхъ значилось 25 тысячъ четвертей, или около 40 тысячъ десятинъ, да еще, кромѣ того, лѣсу въ монастырскомъ владѣніи состояло— въ длину 28 верстъ и въ ширину 12 верстъ. Изъ прежнихъ архимандритовъ, управлявшихъ монастыремъ, особенно замѣчательны два: Игнатій Шангинъ (1688 — 1697) и Софроній Лихудъ (1723 — 1729). Архимандритъ Игнатій былъ впослѣдствіи епископомъ тамбовскимъ и игралъ замѣтную роль въ исторіи нашего раскола. По опредѣленію Московскаго собора въ 1699 году, онъ посланъ былъ въ заточеніе «за соучастіе съ раскольниками и за сопротивленіе указамъ царя Петра Алексѣевича о пожертвованіяхъ съ церквей на пользу отечества». Софронію Лихуду Солотчинская архимандрія была дана «въ вознагражденіе достохвальныхъ и достополезныхъ его трудовъ при обученіи россійскаго юношества».

Изъ «Хронологическаго указателя важнѣйшихъ событій» въ губерніи мы узнаемъ, что первая попытка историческаго описанія Рязанскаго края была сдѣлана еще въ 1793 году архимандритомъ Іеронимомъ, выпустившимъ тогда въ свѣтъ свои «Рязанскія достопамятности». Черезъ 29 лѣтъ послѣ этого, въ 1822 году, явилось уже полное «Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи», составленное Воздвиженскимъ, а въ 1858 году вышла въ свѣтъ извѣстная «Исторія Рязанскаго княжества» профессора Иловайскаго и т. д. Этотъ «Хронологическій указатель» замѣчательныхъ событій, совершившихся въ губерніи, составляетъ, кажется, новость въ нашихъ мѣстныхъ провинціальныхъ календаряхъ. Въ виду научнаго и практическаго интереса, какой имѣютъ подобные указатели, нельзя не пожелать, чтобы и другіе статистическіе губернскіе комитеты послѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру рязанцевъ и дали бы по возможности детальные перечни историческихъ событій, каждый по своей губерніи.

Н. Д—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Произведенія русскаго искусства въ англійскихъ музеяхъ. — Исторія Желтухинскихъ золотыхъ розсыпей. — Англійскіе переводы русскихъ беллетристовъ. — Русская политика въ 1867—1870 годахъ съ французской точки зрѣнія. — Письма Карамзина въ переводѣ Легрелля. — Неизвѣстная Турція. — Нѣмецкій духъ въ пословицахъ. — Французы въ Китаѣ. — Мирные революціонеры. — Многотомная исторія одного полустолѣтія. — Новое сочиненіе о Лессингѣ. — Датскій либералъ. — Радикальный министръ и писатель Англіи. — Египетскіе походы англичанъ. — Океанія при Кромвелѣ и въ наше время.

РУССКАЯ литература, русское искусство, русская жизнь продолжаютъ интересовать иностранцевъ. Въ Лондонѣ вышла книга, имѣющая значеніе не для однихъ художниковъ: «Русское искусство и художественныя произведенія въ Россіи: руководство для снимковъ въ южно-кенсингтонскомъ музеѣ» (Russian art and art objects in Russia: a handbook to reproductions in the south Kensington museum). Составилъ эту книгу Маскелль на основаніи свѣдѣній офиціальной комисіи, изслѣдовавшей русскія художественныя произведенія и постановившей снять копіи съ нѣкоторыхъ изъ нихъ для помѣщенія въ лондонскомъ музеѣ. Маскелль откровенно признается, что лично съ этими произведеніями онъ вовсе незнакомъ и въ своей книгѣ слѣдуетъ только указаніямъ комисіи. Не смотря на это, книга, всетаки, весьма полезна не только какъ путеводитель, знакомящій съ русскими произведеніями въ кенсингтонскомъ музеѣ, но и какъ указатель предметовъ, не вошедшихъ въ составъ его и разсѣянныхъ по дворцамъ, церквямъ и частнымъ колекціямъ въ Россіи. Маскелль не знаетъ и не видѣлъ многихъ замѣчательныхъ вещей, но въ его «руководствѣ» можно найдти много любопытныхъ данныхъ и послѣ роскошнаго, но слабаго въ археологическомъ отношеніи сочиненія Віоле ле Дюка «L'art en Russie» и вышедшей въ 1877 году книги Лабарта «Les origines de l'orfévrerie cloisonnée»

Вмѣстѣ съ русскими произведеніями авторъ говоритъ и о такихъ, которыя только найдены въ Россіи, какъ греко-скиѳскія и византійскія древности. Онъ описываетъ и нашъ Керченскій музей, и доисторическія сибирскія вещи, добытыя при раскопкахъ. Есть тутъ свѣдѣнія и о послѣднихъ находкахъ золотыхъ вещей въ Новочеркасскѣ, о славянскихъ, даже визиготскихъ коллекціяхъ, найденныхъ въ Толедо, объ итальянскомъ оружіи царско-сельскаго музея. Въ особой главѣ говорится объ англійской серебряной посудѣ, найденной въ Россіи, о ювелирныхъ предметахъ, сохраняющихся тамъ же, но выдѣланныхъ въ Германіи, Голландіи, Португаліи и другихъ странахъ, что̀ придаетъ уже слишкомъ широкое примѣненіе термину «художественныя произведенія въ Россіи». Болѣе трети перечисленныхъ авторомъ предметовъ — русскіе только по названію. Лучше всего обработаны въ книгѣ отдѣлы доисторическій, антикварный и московское золотыхъ дѣлъ мастерство.

— Русская жизнь, хотя и на далекихъ окраинахъ, послужила предметомъ любопытнаго и обширнаго изслѣдованія въ журналѣ «Revue française de l'étranger et des colonies». Наши періодическіе органы, озабоченные тѣмъ, что замышляютъ князь Бисмаркъ и князь Баттенбергъ, сообщили только краткія и отрывочныя телеграфическія свѣдѣнія о колонизаторскомъ движеніи по границамъ Сибири и Китая, имѣющемъ большое значеніе, но иностранцы обратили на него особое вниманіе, и вотъ какія подробности, пройденныя молчаніемъ нашими газетами, передаетъ, очевидно, близко знакомый съ этимъ дѣломъ. Еще въ 1884 году, бѣглые казаки, въ долинѣ, отдѣляющей на Амурѣ китайскія владѣнія отъ русскихъ, нашли золотоносныя розсыпи въ мѣстности, названной Желтухою и лежащей противъ русскаго поселка Игнатчино, на разстояніи отъ Благовѣщенска верстъ 700. Пробраться туда можно только зимою, когда морозъ скуетъ всѣ болота и трясины. Не смотря на совершенное бездорожье, на мѣстѣ пріисковъ скоро образовалось обширное поселеніе изъ лётныхъ,—какъ въ Сибири называютъ бѣжавшихъ съ каторги,—изъ якутовъ, остяковъ, корейцевъ. Но въ этомъ сбродѣ разноплеменныхъ бродягъ преобладалъ въ значительной степени русскій элементъ, устроившій жизнь на Желтухѣ на общинномъ и артельномъ началѣ. Къ началу нынѣшняго года было тамъ уже до 10,000 русскихъ поселенцевъ и до 6,000 китайцевъ, прослышавшихъ тогда о богатыхъ пріискахъ и явившихся ихъ эксплоатировать на томъ основаніи, что мѣстность находится въ ихъ владѣніяхъ. Это соперничество двухъ расъ, разжигаемое сотнею поселившихся тутъ же сѣверо-американцевъ, болѣе интелигентныхъ, но и болѣе распущенныхъ, не разъ вело къ крупнымъ столкновеніямъ, нерѣдко оканчивавшимся кровавыми сценами и жестокимъ самосудомъ. Этою свободною общиною, раздѣленною на 732 артели, управляли 12 выборныхъ старостъ, не работавшихъ на пріискахъ, но наблюдавшихъ за порядкомъ и получавшихъ за это въ мѣсяцъ по 200 рублей. Старосты эти избирались изъ торговцевъ золотомъ или съѣстными припасами и кабатчиковъ. Главою старостъ былъ венгерскій словакъ Карлъ Ивано́вичъ. Онъ имѣлъ право присуждать къ смерти, но отличался строгою справедливостью. Не смотря на дикіе нравы поселенцевъ, между ними были всего три случая убійства, но къ смертной казни приговаривали нерѣдко, такъ какъ только страхъ ея могъ удерживать въ повиновеніи разнузданную орду́. Смерть назначалась за воровство и разбой, за шулерство въ игрѣ, за обвѣшиваніе и фальсификацію золотого песку, такъ какъ вся добыча его дѣлилась по̀ровну между рабочими. За оба эти преступ-

ленія былъ повѣшенъ одинъ русскій; жида забили до смерти палками за то, что онъ сочинилъ подложную телеграмму объ отправленіи въ Желтуху казачьяго полка для разогнанія поселенцевъ. Цѣль его при этомъ была та, чтобы, напугавъ владѣльцевъ золотоносныхъ участковъ близкимъ раззореніемъ, пріобрѣсти дешево эти участки. Палочному наказанію подвергали за пьянство на работахъ, за драки съ товарищами, сопровождаемыя членовредительствомъ, за тайный приводъ на пріиски женщинъ, такъ какъ по уставу этого новаго казачества женщинамъ не позволялось быть на пріискахъ. Онѣ жили въ молоканской деревнѣ по ту сторону Амура и туда ѣздили золотопромышленики, по окончаніи работъ. За менѣе тяжкіе проступки: неповиновеніе, ссоры и т. п., назначались штрафы отъ 1 до 10-ти золотниковъ песку. Исполнителями приговоровъ были сами же старосты. Китайцы на Желтухѣ жили отдѣльно и управлялись особо. Ивановичъ основалъ двѣ больницы. Въ поселкѣ было пять гостинницъ очень грязныхъ, съ кроватями полными клоповъ. Въ 22-хъ кабакахъ, гдѣ продавались и съѣстные припасы, по вечерамъ играла русско-китайская музыка. Жизнь была вообще не дорога, такъ какъ за правильными цѣнами наблюдали старосты; только водка стоила недешево. Добывая до 6-ти рублей въ день, рабочій не-пьяница проживалъ не больше двухъ. Монетою служилъ золотой песокъ. За стаканъ водки, объемомъ съ четверть бутылки, платилась щепотка песку, сколько его можно захватить между большимъ и указательнымъ пальцемъ. При малѣйшемъ обманѣ, кабатчика раскладывали на его же лавкѣ и тутъ же били толстыми прутьями. Золотоносный песокъ лежитъ на глубинѣ отъ 2-хъ до 7-ми аршинъ, подъ песчаной глиною, на слоѣ голубой глины, но добывается только зимою, когда золотоносная толща промерзаетъ; лѣтомъ она залита водою. Прорытіе водосточнаго канала много помогло бы разработкѣ золота, но оно добывается самыми первобытными способами, безъ всякихъ машинъ и новѣйшихъ приспособленій. Песокъ просѣваютъ простыми грохотами и грубыми рѣшетками, и между тѣмъ изо ста пудовъ песку получалось 7 фунтовъ золота. Въ горахъ, окружающихъ Желтуху, отрогахъ Яблоннаго хребта, — несомнѣнно много золота. Мандарины и чиновники давно точили зубы на эти пріиски, и, по жалобамъ китайцевъ, пріискъ былъ раззоренъ въ январѣ нынѣшняго года, а поселенцы разогнаны казаками. Французскій журналъ не передаетъ подробностей этого раззоренія.

— Легрелль перевелъ на французскій языкъ «Грозу» Островскаго (L'orage) и Викторъ Дереле «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго (Le crime et le châtiment). Иностранныя періодическія изданія очень хвалятъ и пьесу, и романъ. Въ драмѣ Островскаго поражаетъ изображеніе «темнаго царства», купеческаго міра, съ его дикими взглядами на жизнь, непонятнаго для насъ, французовъ, говоритъ «Le Livre», удивляющійся созданію типа Катерины. Романъ приводитъ въ восторгъ въ особенности англичанъ, и «Athenaeum», знакомый только съ «Мертвымъ домомъ», переведеннымъ подъ названіемъ «Десять лѣтъ уголовной кары» (Ten years penal servitude), говоритъ, что впечатлѣніе, производимое «Преступленіемъ и наказаніемъ», гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ при описаніи убійства Монтегю Тигга и агоніи Іоны Чодзлевитта у Диккенса: оно не только поражаетъ, но «пожираетъ» читателя (devouring). «О такомъ реализмѣ никогда и не снилась Зола и его школѣ». Авторъ самъ переживаетъ со своимъ героемъ всѣ его ощущенія на шестистахъ страницахъ романа, и анализировать всѣ его подробности значило бы

написать психическій и уголовно-юридическій трактатъ. Не смотря на изображеніе грязныхъ характеровъ и преступныхъ чувствъ, цѣль романа благотворна и полезна. Это глубокій анализъ нигилизма не политическаго, но нравственнаго.

— Любопытна и по отношенію къ Россіи историческая брошюра Ротана, появившаяся сначала въ Revue des deux mondes: «Франція и Пруссія отъ 1867 по 1870 годъ» (La France et la Prusse de 1867 à 1870). Авторъ написалъ нѣсколько политическихъ сочиненій, возбудившихъ много шума, и былъ высланъ пруссаками изъ Альзаса за непочтительные отзывы о нѣмцахъ. Онъ большой патріотъ, но черезчуръ пристрастный къ своей родинѣ, какъ большинство французовъ, обвиняющій другія націи въ своихъ собственныхъ промахахъ и неудачахъ. Такъ и въ исторіи трехъ годовъ, предшествовавшихъ франко-прусской войнѣ, онъ обвиняетъ и Россію въ непрямодушной политикѣ по отношенію къ Франціи. «Journal de St-Pétersburg» вынужденъ былъ опровергнуть несправедливыя обвиненія Ротана, заслуживающія вниманія потому, что они рисуютъ направленіе нѣкоторыхъ классовъ французскаго общества и лучше всего объясняютъ: возможенъ ли союзъ между современной Франціей и Россіей, о которомъ мечтаютъ иные политики, возлагающіе радужныя надежды на всякіе союзы. О Пруссіи Ротанъ отзывается, конечно, въ самомъ враждебномъ тонѣ, но и о Россіи сужденія его отличаются крайнею непослѣдовательностью. Такъ онъ обвиняетъ Россію въ томъ, что она не приняла сторону Наполеона III въ его столкновеніи съ Пруссіей, хотя самъ же замѣчаетъ, что русскій императоръ, воспитанный въ ненависти къ Франціи своею матерью, дочерью королевы Луизы, и своимъ дядею, королемъ Вильгельмомъ, съумѣвшимъ совсѣмъ подчинить его своей волѣ, ничѣмъ болѣе не руководствовался, какъ чувствомъ досады, возбужденнымъ въ немъ Крымскою войною и польскимъ возстаніемъ. И, однако же, онъ, все-таки, пріѣхалъ въ Парижъ въ 1867 году, и это одно уже могло служить доказательствомъ желанія сохранить дружественныя отношенія. А между тѣмъ, какъ встрѣтили его въ Парижѣ? Покушеніемъ въ Булонскомъ лѣсу и неприличною выходкою въ Palais de Justice. Да и можно ли было въ чемъ нибудь сочувствовать нелѣпой политикѣ Наполеона III? Горчаковъ, котораго Ротанъ называетъ маріонеткою, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ приверженецъ союза съ Франціей и противникъ австрійской политики Нессельроде. А Наполеонъ дѣлалъ всевозможные промахи, чтобы разстроить этотъ союзъ, выставлялъ себя защитникомъ Польши, заявлялъ претензіи то на лѣвый берегъ Рейна, то на Люксембургъ, старался тайными интригами уничтожить вліяніе Россіи въ Константинополѣ, не смотря на то, что на случай распаденія Турціи между Горчаковымъ и Тувенелемъ былъ составленъ проектъ условія о признаніи федераціи балканскихъ народностей и провозглашеніи Константинополя вольнымъ городомъ и резиденціей федеральнаго правительства. И вмѣсто того, чтобы искать расположенія Россіи, Наполеонъ обратился къ Австріи, послѣ того какъ спокойно допустилъ разбить ее при Садовѣ, а Пруссію оскорбилъ грубымъ вмѣшательствомъ въ вопросѣ о кандидатурѣ принца Гогенцолернскаго на испанскій престолъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Ротанъ не хочетъ видѣть ошибокъ Франціи, а причину ея изолированнаго положенія видитъ въ «черныхъ замыслахъ» Россіи. Вотъ ужъ истинно—сваливанье съ больной головы на здоровую!..

Въ то время, когда нѣкоторые изъ русскихъ критиковъ находили из-

лишнимъ предпринятое г. Суворинымъ новое изданіе «Писемъ русскаго путешественника», появившееся въ прошломъ году, французы находятъ интереснымъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ сочиненіемъ нашего историка. Знатокъ русской литературы А. Легрелль издалъ книгу «Путешествіе Карамзина по Франціи» (Karamzine. Voyage en France. 1789—1790). Подобный же переводъ писемъ, относящихся къ Франціи, сдѣланъ былъ еще въ 1867 году Порошинымъ, но г. Легрелль совершенно справедливо находитъ этотъ переводъ тяжелымъ, неполнымъ, мѣстами искаженнымъ и потому взялъ на себя трудъ второго перевода. Французскіе критики находятъ письма эти весьма занимательными, вѣрно изображающими жизнь различныхъ классовъ общества, взволнованную наступающею революціонною бурею. «Карамзинъ, говорятъ они, вполнѣ симпатизировалъ Франціи и энциклопедистамъ, но не революціи, которой онъ не понялъ, видя только однѣ темныя стороны ея». Впрочемъ, и Легрелль относится къ ней не весьма симпатично, судя по примѣчаніямъ, которыми обильно снабженъ его во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный переводъ.

— Событія въ Болгаріи, гдѣ князь Батенбергскій, обманывавшій Россію изъявленіями покорности и преданности, вдругъ объявилъ, что не хочетъ исполнять договора, утвержденнаго всею Европою, обращаютъ вниманіе на эту страну, о которой говоритъ Леонъ Гюгонне въ своей книгѣ «Неизвѣстная Турція. Румелія, Болгарія, Македонія, Албанія» (La Turquie inconnue. Bulgarie, Macédonie, Albanie). Авторъ былъ газетнымъ корреспондентомъ во время войны 1877 года и на мѣстѣ познакомился съ описываемыми имъ странами. Это описаніе дышетъ правдой, хотя въ немъ немного новаго: тѣ же сцены ужасовъ, повторявшіяся въ каждой войнѣ: истребленіе ни въ чемъ неповинныхъ жителей, повѣшеніе мнимыхъ шпіоновъ. Самого Гюгонне приняли за шпіона, засадили въ тюрьму, таскали по судамъ и если не повѣсили, то потому только, что онъ французъ. Глупость турецкаго управленія равняется только его двоедушію, — говоритъ авторъ. На линіи желѣзной дорогѣ, въ Ускюбѣ, служилъ русскій машинистъ. Передъ началомъ войны его отставили, на это еще была основательная причина, но затѣмъ вмѣсто того, чтобы отправить его въ Салоники, откуда онъ могъ вернуться на родину, его послали подъ стражей въ Аріанополь; тамъ его заковали, бросили въ тюрьму и приговорили къ повѣшенію — за что?— вѣдаетъ одинъ Аллахъ. По счастью, бѣдняка увидѣлъ одинъ нѣмецъ, знавшій его въ лицо, и обратился къ своему консулу, защищавшему во время войны русскихъ подданныхъ. Тотъ потребовалъ освобожденія ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Консулу нагло отвѣчали, что никакихъ русскихъ нѣтъ въ числѣ осужденныхъ, но консулъ былъ настойчивъ, самъ отправился въ тюрьму, отыскалъ бѣдняка и спасъ въ то время, когда ему надѣвали веревку на шею. Изъ Софіи въ Салоники везли 1,500 раненыхъ, но въ такихъ удобныхъ экипажахъ и съ такимъ комфортомъ, что пріѣхало только 120 человѣкъ, остальные умерли въ дорогѣ. Авторъ разсказываетъ множество подобныхъ случаевъ, и книга его возбуждаетъ интересъ, не смотря на то, что говоритъ о событіяхъ, случившихся 9 лѣтъ назадъ.

— Учитель французскаго языка въ русской гимназіи, въ Динабургѣ, Пьеръ Пёжо, напечаталъ въ Парижѣ «Нѣмецкій духъ въ языкѣ и пословицахъ, объясненный 1,200 пословицами» (L'esprit allemand d'après la langue et les proverbes avec plus de 1,200 proverbes). Авторъ старается объ-

яснить характеръ нѣмецкой націи ея языкомъ и пословицами, изъ которыхъ многія, конечно, были извѣстны во Франціи до перевода г. Пёжо. Не смотря на то, что ихъ называютъ народною мудростью, нельзя основывать сужденіе о народѣ на пословицахъ, часто не зная, къ тому же, и ихъ историческаго происхожденія. Филаретъ Шаль назвалъ французскій языкъ склоннымъ къ анализу, «довѣрчивымъ языкомъ». Пёжо называетъ нѣмецкій языкъ—недовѣрчивымъ. На какомъ основаніи? Дѣлать выводъ, что нѣмцы не знаютъ деликатности, потому что у нихъ въ языкѣ нѣтъ этого слова,— пріемъ нѣсколько странный. Нѣмецкія пословицы доказываютъ любовь націи къ семьѣ и своему отечеству, излишнюю гордость и въ то же время послушаніе, почти рабское всякимъ властямъ. Таковы выводы автора, извлеченные имъ изъ духа нѣмецкаго языка.

— Графъ д'Эриссонъ, написавшій любопытные мемуары о послѣднихъ годахъ второй имперіи, издалъ «Журналъ переводчика въ Китаѣ» (Journal d'un interpète en Chine). Этотъ эпизодъ императорской политики, хотя прикончившійся и не такъ постыдно, какъ Мексиканская экспедиція, не принесъ, однако, Франціи никакой пользы и не сдѣлалъ Серединную имперію ни сговорчивѣе, ни доступнѣе для европейцевъ. Но авторъ сообщаетъ много новаго объ этой войнѣ. Такъ онъ приписываетъ причину войны обѣщанію, данному Наполеономъ III Англіи, еще въ Крымскую кампанію, помочь британскому флоту — дать хорошій урокъ зазнавшимся китайцамъ. Французское войско было, по выраженію автора, простою кошкою, таскавшею изъ печи каштаны для англичанъ... «Но если намъ суждено играть такую роль, прибавляетъ д'Эриссонъ, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ, на будущее время, чтобы и намъ доставалась хоть часть каштановъ». Авторъ говоритъ и о другихъ войнахъ Луи—Наполеона и подтверждаетъ, между прочимъ, что итальянскую войну онъ началъ единственно изъ страха передъ новымъ покушеніемъ Орсини и передъ кинжалами своихъ прежнихъ друзей, итальянскихъ заговорщиковъ.

— Подъ названіемъ, очевидно, разсчитывающимъ завлечь читателей, «Наши революціонеры» (Nos révolutionnaires) Филибертъ Одебрандъ представилъ рядъ интересныхъ біографій... вы думаете: Рошфора, Рауля Риго, членовъ коммуны, если не террористовъ 93 года. Ничуть не бывало! авторъ называетъ революціонерами — Тьера, Гизо, Ламартина, Дюверже де-Горанна, Клемана Лорье, даже короля Луи-Филиппа и принцевъ Орлеанскихъ. Все это очень скромные революціонеры, изъ ряда которыхъ выдаются развѣ Мишле и Кавеньякъ, первый—смѣлостью своихъ историческихъ парадоксовъ второй — безчеловѣчностью, съ какою онъ подавилъ іюньское возстаніе 1848 года. Всѣ остальные типы, выведенные авторомъ, не болѣе какъ революціонеры на розовой водѣ, по французской поговоркѣ. Это не мѣшаетъ, однако, тому, что біографіи ихъ читаются съ интересомъ.

— У нѣмцевъ выходятъ чрезвычайно длинныя исторіи, посвященныя сравнительно весьма краткому періоду времени. Такова исторія Отто Клопса «Паденіе дома Стюартовъ и наслѣдованіе Ганноверскаго дома въ Великобританіи и Ирландіи въ связи съ европейскими событіями 1660 — 1714 годовъ» (Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Grossbritannien und Irland in Zusamnenhange der europäischen Angelegenheiten von 1660—1714). Уже нѣсколько лѣтъ тянутся томы этой интересной, но слишкомъ обширной по объему исторіи. Въ нынѣшнемъ году вышли XI и XII томы, обнимающіе всего четыре года

отъ 1704 до 1707 годъ. Остается еще тома четыре. Такимъ образомъ изъ періода въ 54 года на каждый томъ приходится почти $3^1/_2$ года, хотя паденіе Стюартовъ вовсе не такое міровое событіе, какъ, напримѣръ, паденіе Римской имперіи, разсказанное Гиббономъ въ семи томахъ. Политическій штандпунктъ Клопса давно уже выяснился: историкъ прежде всего ультрамонтанъ, принадлежитъ къ вельфской партіи, потомъ противникъ Гогенцолерновъ, наконецъ, партизанъ Австріи, и не смотря на все это, исторія его, все-таки, интересна, хотя бы уже и потому, что теперь рѣдко кто пишетъ въ такомъ духѣ, и исторіи въ прусскомъ и протестантскомъ духѣ уже такъ пріѣлись, что любопытно встрѣтить книгу съ совершенно противоположнымъ характеромъ, придающимъ событіямъ другое освѣщеніе, иногда болѣе правильное съ точки зрѣнія эпохи, изображаемой авторомъ. Къ тому же, сужденія противниковъ общепринятаго мнѣнія всегда необходимо знать для вѣрной оцѣнки историческихъ событій. Кромѣ того, если мы въ подобномъ сочиненіи, находимъ, напримѣръ, похвалы прусскому королю или порицаніе поступковъ папы, то можемъ быть совершенно увѣренными, что тотъ и другой дѣйствительно заслуживаютъ похвалу или порицаніе. Клопсъ приводитъ много любопытныхъ документовъ изъ ватиканскаго архива, который ему, какъ благонамѣренному католику, былъ доступнѣе, чѣмъ протестантскимъ историкамъ. Подвиги герцога Марльбороу, уже черезчуръ ими возвеличенные, оцѣнены Клопсомъ гораздо вѣрнѣе, также какъ поступки знаменитаго венгерскаго патріота Ракочи, въ дѣйствіяхъ котораго было больше эгоизма, чѣмъ патріотизма. Вообще исторія венгерскаго возстанія разработана имъ вполнѣ добросовѣстно, также какъ исторія соединенія Шотландіи съ Англіей, въ 1707 году, представляющаго много важныхъ данныхъ для настоящаго времени, когда Гладстонъ готовится устроить на тѣхъ же основаніяхъ соединеніе Ирландіи съ Англіею. Удастся ли это министерству виговъ въ концѣ XIX вѣка, какъ удалось такому же министерству первое соединеніе въ началѣ XVIII вѣка, покажетъ ближайшее будущее.

— Обширныя изслѣдованія посвящаютъ нѣмцы и своимъ писателямъ. Такъ въ нынѣшнемъ году вышелъ второй томъ «Лессинга, исторіи его жизни и его сочиненій» (Lessing, Geschichte seines Lebens und seiner Schriften), профессора Эриха Шмидта. Первый томъ этого замѣчательнаго труда вышелъ два года тому назадъ; въ появившемся нынѣ томѣ разобрана дѣятельность писателя отъ изданія «Лаокоона» до переселенія въ Вольфенбюттель. Въ эту эпоху Лессингъ является замѣчательнымъ археологомъ, классическимъ филологомъ, объясняющимъ Аристотеля, и знатокомъ сцены въ своей Эмиліи Галотти, подробно разработанной Шмидтомъ, представившимъ также вѣрную оцѣнку драматургіи XVIII вѣка. Сочиненіе Шмидта, когда оно будетъ окончено, представитъ лучшую критическую біографію великаго нѣмецкаго писателя.

— На нѣмецкомъ языкѣ вышелъ переводъ біографіи Гольберга, написанной Георгомъ Брандесомъ, еще въ 1884 году, по поводу празднованія двухсотлѣтняго дня рожденія знаменитаго датскаго писателя въ 1684 году. Книга Брандеса носитъ названіе: «Ludvig Holberg. En Festskrift af Georg Brandes». Понѣмецки она названа: «Лудвигъ Гольбергъ и его современники» (Ludvig Holberg und seine Zeitgenossen). Жизнь этого человѣка, опередившаго свой вѣкъ, смѣлаго борца за свободу мысли и вѣротерпимость, чрезвычайно интересна. Сынъ полковника, онъ спасся отъ воен-

ной службы въ Копенгагенскій университетъ, былъ домашнимъ учителемъ, бѣдствовалъ въ Голландіи, добывалъ хлѣбъ въ Оксфордѣ, игрою на флейтѣ, въ Копенгагенѣ читалъ курсъ литературы, привлекавшій массы слушателей, но не принесшій ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ, также какъ и его первый историческій трудъ «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ». Зато «Подвиги Христіана IV и Фридриха III» доставили ему званіе профессора Копенгагенскаго университета и субсидію правительства для четырехлѣтняго путешествія по Европѣ. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и Римѣ, а вернувшись на родину, началъ писать сочиненія богословскія, философскія и юридическія, читалъ лекціи метафизики и риторики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, издалъ сатирическую поэму «Петръ Паарсъ», за которую Гольберга обвинили въ кощунствѣ, клеветѣ на религію, университетъ и законы. За это книгу слѣдовало сжечь, а автора приговорить къ смертной казни. По счастью, у него нашлись защитники и убѣдили короля прочесть поэму, которая и найдена была не болѣе какъ забавной шуткой. Вслѣдъ за тѣмъ Гольбергъ написалъ семь комедій (одна изъ нихъ «Донъ Ранудо-де-Калибрадосъ» въ передѣлкѣ П. Каратыгина играна и на нашей сценѣ) и нѣсколько историческихъ сочиненій: «Жизнь героевъ и героинь», «Исторія Даніи», «Исторія евреевъ», «Исторія церкви» и др. Но вѣнцомъ его сатирическаго таланта явилось «Подземное путешествіе Нильса Клима». За свои литературные труды онъ получилъ званіе барона, сдѣланъ былъ директоромъ театра, но вскорѣ отказался отъ всѣхъ занятій и умеръ скупымъ мизантропомъ, ненавистникомъ женщинъ. Георгъ Брандесъ превосходно очертилъ жизнь и значеніе этого страннаго человѣка и высокоталантливаго писателя.

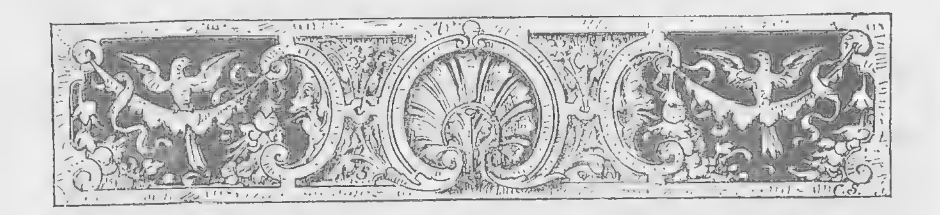
— Вышелъ первый томъ новаго изданія сочиненій новаго министра Гладстоновскаго кабинета, Джона Морлея (The collected Works of John Morley). Этотъ глава демократической партіи соединяетъ въ себѣ обширное политическое образованіе съ высокимъ литературнымъ талантомъ. Ему нѣтъ еще 50-ти лѣтъ и не было еще 30-ти, когда онъ былъ уже редакторомъ Fortnightly Review, основаннаго другомъ его Льюисомъ. Потомъ онъ основалъ лучшій радикальный органъ «Pall Mall Gazette». Съ 1878 года, онъ издаетъ замѣчательныя характеристики англійскихъ писателей «English men of letters». Въ первомъ нынѣ вышедшемъ томѣ собранія его сочиненій помѣщена монографія о Вольтерѣ, изъ которой отрывки являлись и въ нашихъ журналахъ. Но вполнѣ русская публика ознакомилась съ писателемъ въ прекрасныхъ переводахъ г. Невѣдомскаго послѣдующихъ сочиненій Морлея «Руссо», «Дидро и энциклопедисты» (оцѣнкѣ этого послѣдняго труда «Историческій Вѣстникъ» посвятилъ отдѣльную статью въ 1884 году). Въ Вольтерѣ Морлей видитъ родоначальника конституціонныхъ идей, такъ какъ въ Руссо — крайнихъ идей конвента и коммуны, и потому отдаетъ предпочтеніе Вольтеру. Въ его біографіи онъ также безпристрастно относится и къ Фридриху II, слишкомъ унижаемому Маколеемъ и слишкомъ превозносимому Карлейлемъ. Морлей видитъ въ Пруссіи Фридриха II проявленіе новаго типа монархіи, отличающейся терпимостью и гуманностью, не смотря на ея деспотическія формы, присущія понятіямъ той эпохи. Ни французская, ни австрійская монархія того времени, при узкомъ, личномъ деспотизмѣ ихъ властителей, не могли возвыситься до типа Прусскаго государства, которому Фридрихъ II придалъ своеобразно-либеральный характеръ. Сочиненія писателя, доставившія ему министерскій постъ, опровергаютъ мнѣніе Бисмарка,

что писатели вообще—натуры неспособныя къ серьезному дѣлу и не исполнившія своего призванія (die ihren Beruf verfehlt haben).

— Чарльзъ Ройль написалъ два тома о «Египетскихъ походахъ 1882—1885 года и о событіяхъ, которыя привели къ этимъ походамъ» (The Egyptian campaigns 1882 to 1885 and the events, which led to them). Исторія вмѣшательства Англіи въ дѣла Египта составитъ любопытную страницу во всеобщей исторіи нашего вѣка. Авторъ смотритъ, конечно, на двуличную англійскую политику, на возмутительное бомбардированіе Александріи съ англійской точки зрѣнія и оправдываетъ всѣ поступки своихъ соотечественниковъ, кромѣ, однако же, стратегическихъ промаховъ неумѣлаго генерала Грагама и другихъ плохихъ начальниковъ отрядовъ, самонадѣянныхъ какъ всѣ англичане и потому губившихъ много солдатъ отъ излишней увѣренности, что дикарямъ никогда не удастся одолѣть благоустроенную армію. Почти весь второй томъ посвященъ храброму Гордону, передъ которымъ авторъ преклоняется, не говоря, однако, кто же виноватъ въ томъ, что въ Хартумъ не были своевременно посланы подкрѣпленія и генералъ былъ оставленъ на жертву мятежникамъ, а его отечество даже не подумало отмстить за погибель единственнаго стойкаго и даровитаго англійскаго военачальника.

— Извѣстный англійскій историкъ Джемсъ Фроудъ, авторъ 12-ти-томной исторіи Англіи, издалъ замѣчательное сочиненіе «Океанія, или Англія и ея колоніи» (Oceana, or England and her colonies). Это полная интереса картина распространенія англійскаго могущества во всѣхъ частяхъ свѣта и отношеній метрополіи къ своимъ колоніямъ. Извѣстно, что подъ тѣмъ же названіемъ «Океанія» Гаррингтонъ представилъ Кромвелю отчетъ о состояніи англійскихъ колоній въ то время. Чтобы видѣть всю разницу тогдашняго положенія дѣлъ, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, надо вспомнить, что въ началѣ второй половины XVII вѣка могущественнѣйшей колоніальной державою была Испанія, Канада принадлежала французамъ; незначительныя англійскія поселенія по берегу Атлантическаго океана представляли только зародыши сѣверо-американскихъ штатовъ, да и между ними Нью-Іоркъ принадлежалъ голландцамъ, которые владѣли также всею южною Африкою и мысомъ Доброй Надежды; Австралія и Новая Зеландія были совершенно неизвѣстны, и Англія владѣла только вест-индскими островами, между которыми Ямайка была только что завоевана. А чѣмъ съ тѣхъ поръ завладѣли англичане! Совершилось то, что Гаррингтонъ писалъ Кромвелю: океанъ не раздѣляетъ теперь англійскихъ владѣній, а служитъ для нихъ соединительнымъ звеномъ. Фроудъ настаиваетъ на томъ, чтобы представители колоній приняли участіе въ управленіи дѣлами ихъ общаго отечества и заняли мѣсто въ государственномъ совѣтѣ Великобританіи. Только такимъ путемъ можетъ быть сохранена связь отдаленныхъ колоній съ ихъ метрополіей и поддержано могущество Англійской имперіи. Иначе отпаденіе Австраліи, а можетъ быть, и другихъ владѣній соединеннаго королевства, неизбѣжно. Книга Фроуда не говоритъ, однако, какимъ путемъ можно достигнуть объединенія всѣхъ владѣній Англіи въ виду ихъ многоразличныхъ интересовъ.

СМѢСЬ.

Двадцатипятилѣтіе крестьянской реформы отпраздновано было 19-го февраля, какъ пишутъ «Зарѣ», съ подобающей торжественностью въ аудиторіи народныхъ чтеній въ Одессѣ. Празднество назначено было вечеромъ, въ $6^{1}/_{2}$ часовъ, чтобы дать возможность рабочему люду присутствовать въ аудиторіи. Аудиторія была украшена разноцвѣтными флагами, гербами, транспарантами. Всѣ стѣны были декорированы. По обѣ стороны экрана были поставлены большіе портреты царя-освободителя Александра II и нынѣ царствующаго государя. Въ началѣ торжества членами коммиссіи народныхъ чтеній были розданы литографированные портреты покойнаго государя. Внизу портрета напечатано стихотвореніе Майкова, написанное по поводу 19-го февраля 1861 года. Портретовъ было роздано 1,000—по числу присутствующихъ. Затѣмъ оркестръ Модлинскаго полка совмѣстно съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ исполнилъ гимнъ «Боже Царя храни» и «Коль славенъ». Хоръ пѣвчихъ отдѣльно исполнилъ нѣсколько концертныхъ произведеній, а оркестръ нѣсколько пьесъ. Послѣ музыкальнаго отдѣленія, одинъ изъ распорядителей празднества прочелъ брошюру о царствованіи Александра II, изъ которой народъ могъ ознакомиться какъ съ крестьянской реформой, такъ и съ другими реформами прошлаго царствованія (судебной, воинской и проч.). Празднество закончилось показаніемъ туманныхъ картинъ, подъ оркестръ музыки.

Торжественный актъ университета. 8-го февраля въ большомъ актовомъ залѣ Петербургскаго университета, при многочисленномъ собраніи студентовъ и постороннихъ лицъ, происходилъ торжественный актъ, первый послѣ введенія новаго университетскаго устава, въ присутствіи ректора И. Е. Андреевскаго, профессоровъ Владиславлева, Бутлерова, Фаминцына, Менделѣева, Меньшуткина, Овсянникова, Бекетова, Градовскаго, Лебедева, Горчакова, Таганцева и др., бывшаго профессора Рѣдкина, академика Бычкова, и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Актъ открылся чтеніемъ профессоромъ Васильевскимъ годоваго отчета. Послѣ прочтенія слова о значеніи для науки и общества скон-

чавшихся почетныхъ 6-ти членовъ университета: И. И. Захарова, Н. И. Костомарова, Н. В. Калачева, какъ ученаго и учредителя археологическаго института, академика Гельмерсена, какъ геолога, астронома Клаузена и преосвященнаго Порфирія, какъ ученаго путешественника по Синаю, Аѳону и другимъ мѣстамъ и извѣстнаго собирателя рукописей, г. Васильевскій перечислилъ слѣдующихъ избранныхъ новыхъ почетныхъ членовъ университета: академикъ М. И Сухомлиновъ, профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, предсѣдатель московскаго Общества древностей И. Е. Забѣлинъ, члены государственнаго совѣта Головнинъ и баронъ Николаи и принцъ А. П. Ольденбургскій. Наличный составъ учащихъ и учащихся представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: ординарныхъ профессоровъ 41, экстраординарныхъ 20, приватъ-доцентовъ 41; поступило вновь 638 слушателей. Всего студентовъ 2,280, кромѣ того, 146 постороннихъ, итого всѣхъ 2,426 слушателей. Окончило курсъ наукъ 212 человѣкъ. По факультетамъ такъ: 252 на истор.-филолог., 968 на физ.-матем., 981 на юридическомъ и 79 на восточномъ. Послѣ чтенія г. Васильевскаго, прочелъ рѣчь спеціальнаго содержанія «объ образованіи коры» профессоръ Воейковъ и послѣ него И. Е. Андреевскій, изъ года въ годъ привѣтствующій студентовъ на ихъ годовомъ научномъ празднествѣ провозглашеніемъ молодыхъ ученыхъ, удостоившихся наградъ. Актъ закончился пѣніемъ гимна.

Торжественное засѣданіе славянскаго Общества. 15-го февраля, въ залѣ городской думы происходило торжественное собраніе петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества. Громадная зала оказалась мала, сотни лицъ стояли въ проходахъ и у входа. Имя покойнаго И. С. Аксакова собрало такую массу, все засѣданіе главнымъ образомъ было посвящено чествованію его памяти. Собраніе открыто было товарищемъ предсѣдаталя г. Васильчиковымъ, заявившимъ, что ему приходится открывать засѣданіе подъ гнетомъ скорби общественной и личной по такъ безвременно погибшемъ другѣ и гражданинѣ. Затѣмъ секретаремъ Общества былъ прочитанъ годовой отчетъ о дѣятельности славянскаго Общества и послѣ него начались рѣчи. Въ собраніи присутствовали высокопоставленныя лица, три оратора говорили о покойномъ: профессоръ Ламанскій представилъ біографію И. С. Аксакова, указалъ на его труды какъ поэта, художника, публициста и трибуна, г. Бестужевъ-Рюминъ выяснилъ его значеніе какъ борца за славянскую и русскую идею (самъ ораторъ за болѣзнію не былъ въ собраніи и за него читали его рѣчь). Профессоръ Миллеръ посвятилъ свою рѣчь выясненію публицистической дѣятельности Аксакова, какъ защитника свободы мысли и слова и какъ истинно русскаго патріота. Рѣчи вызвали шумные восторги. Рѣчь г. Ламанскаго богата цитатами изъ сочиненій и записокъ покойнаго. Профессоръ раздѣлилъ литературную дѣятельность Аксакова на 2 періода: съ 1843 по 1860 годъ и второй до 1886 годъ. Въ первомъ Аксаковъ былъ поэтъ и художникъ, во второмъ публицистъ, общественный дѣятель. Эта вторая половина началась со времени окончательнаго поселенія его въ Москвѣ. Она болѣе извѣстна, чѣмъ первая половина, здѣсь Аксаковъ-публицистъ заставилъ почти позабыть объ Аксаковѣ-поэтѣ. Между тѣмъ какъ труды его въ этой области даютъ ему право на мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ новѣйшаго времени. Вначалѣ Аксаковъ былъ на государственной службѣ. Въ собственноручной автобіографической запискѣ покойнаго, между прочимъ, говорится, что онъ никакимъ награжденіямъ знаками отличія не подвергался. Его литературная дѣятельность до самой могилы шла не безъ препятствій. Да и въ самой его жизни было немало терпія. Въ 1848 году (черезъ 6 лѣтъ по выпускѣ изъ училища) онъ былъ арестованъ неизвѣстно за что, но потомъ выпущенъ. Затѣмъ на службѣ въ провинціи, по доносу губернатора, сообщившему, что поэтъ читаетъ знакомымъ какую-то поэму (это было извѣстное художественное произведеніе «Бродяга»), потребовали отъ него рукопись. Онъ переслалъ въ Петербургъ съ свойственной ему правдивостью всю ру-

копись. Здѣсь, конечно, ничего не нашли въ поэмѣ и возвратили ее, но сдѣлали при этомъ конфиденціальное сообщеніе, что «занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ правительства». Аксаковъ вышелъ тогда въ отставку. И въ дальнѣйшей литературной дѣятельности ему приходилось терпѣть немало. Его русскія убѣжденія не могли быть понятны бюрократіи. Его рукописи арестовывались, его обязывали подпискою, уже когда онъ былъ въ Москвѣ, посылать свои произведенія для цензуры не въ мѣстные комитеты, а въ главное управленіе по дѣламъ печати. Наконецъ, его лишили права когда бы то ни было быть издателемъ или редакторомъ журнала. Полицейскій надзоръ за нимъ былъ усиленъ. Хотѣлъ онъ ѣхать кругомъ свѣта, III-е отдѣленіе не позволило. Тогда онъ принялъ порученіе отъ географическаго Общества. Крымская война побудила его вступить въ серпуховскую дружину въ ополченіе. По окончаніи ея, когда онъ сталъ издавать журналъ «Парусъ», тотъ былъ запрещенъ на третьемъ нумерѣ и далѣе, какъ извѣстно, все шло въ этомъ родѣ. Въ первомъ періодѣ дѣятельности своей это былъ поэтъ, сатирикъ, соціологъ, въ концѣ его онъ уже приготовлялся быть редакторомъ, но только во второмъ періодѣ развился вполнѣ его талантъ журналиста, публициста и трибуна. Послѣ прекрасной рѣчи о берлинскомъ трактатѣ, Аксаковъ долженъ былъ надолго замолчать, а бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ преслѣдовали всякое проявленіе его русской мысли, выражавшей всегда истинно русскія чувства съ неутомимой и достойной лучшаго примѣненія энергіей. Въ эти 10 лѣтъ молчанія народились въ обществѣ самыя вздорныя идеи нигилизма. Удалились отъ дѣлъ Милютинъ, Черкасскій, Ю. Самаринъ. Ложныя либеральныя стремленія вмѣстѣ съ нигилистическими бреднями бродили въ обществѣ и разрѣшились катастрофой. Дѣятелями были въ это время люди, для которыхъ русская мысль, русское чувство были непонятны, хотя нѣкоторые и носили славныя русскія фамиліи, но въ душѣ не принадлежали ни къ какой національности. Пошлость и умственная ничтожность этихъ дѣятелей была ясна для Аксакова; онъ указывалъ на трагическія ея послѣдствія, предостерегалъ. До послѣдней минуты онъ былъ на стражѣ интересовъ русской земли и славянства.

Не менѣе значительна была рѣчь О. Ѳ. Миллера. Профессоръ объяснилъ литературныя воззрѣнія покойнаго. Онъ ясно, словами Аксакова, показалъ значеніе печати въ жизни и развитіи общества. Печать разумѣется свободная, ибо слово свободно. Враги Аксакова клеветали на него или нарочно, или не понимая высоты его идеала. Всю жизнь до могилы приходилось ему проводить въ борьбѣ. Онъ отзывался на всякое явленіе въ жизни горячо и честно. Будучи русскимъ, онъ признавалъ одну правду для всѣхъ національностей. Это выяснилось въ его полемикѣ съ «Моск. Вѣд.» по польскому вопросу. Но русскіе интересы онъ не приносилъ въ жертву чужимъ. Онъ не могъ выносить униженія нашего передъ Европой, униженія государственнаго достоинства нашей дипломатіи, ея трусости при храбрости и доблести народа. Онъ видѣлъ, что это происходитъ оттого, что «общество», тотъ слой, который долженъ быть между царемъ и землей, что это общество какъ-то чуждо русскому духу, что оно не патріотично, что въ немъ надо развить и воспитать національное чувство. А между тѣмъ, это общество въ лицѣ властныхъ людей не разъ упрекало въ недостаткѣ патріотизма его, Аксакова! Это было еще недавно, и онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что истинный патріотизмъ гражданина состоитъ въ томъ, чтобы честно служить родинѣ, умѣть высказывать правду, хотя бы и горькую, а истинный патріотизмъ правительства въ томъ, чтобы умѣть выслушивать ее. Ошибочно думать, что патріотизмъ заключается въ подобострастномъ молчаніи, и слова государя у гроба Аксакова показали всему міру, что русскій царь признавалъ въ немъ истиннаго патріота...

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ собраніи Общества г. Кибальчичъ представилъ рукопись XVIII вѣка «О зачатіи и рожденіи царя Петра I-го»; писана она въ Петербургѣ. При этомъ было сообщено, что масса старыхъ памятниковъ изъ южно-русскихъ церквей попадаетъ въ руки евреевъ, которые сбываютъ эту русскую старину за границу; изъ такихъ скупателей русской старины всего больше извѣстенъ въ Кіевѣ еврей Хаимъ Ильчовскій. Кромѣ того, тѣмъ же докладчикомъ были представлены вниманію членовъ Общества шесть каменныхъ стрѣлъ и одна кремневая; многимъ изъ членовъ эти памятники показались сомнительными. Г. Саввантовъ къ замѣчанію г. Кибальчича о расхищеніи памятниковъ южно-русской старины прибавилъ, что само духовенство виновато въ томъ. Г. Владиміровъ сообщилъ нѣсколько сказаній византійскаго происхожденія, сдѣлавшихся на Руси народнымъ достояніемъ. Это «Хожденіе и кончина св. Николая», «Чудо св. Николая съ царемъ Синагрипомъ» и «Повѣсть объ Аѳанасьѣ и Еленѣ». Г. Красницкій сообщилъ свѣдѣнія объ иконѣ Божіей Матери Андроника, принадлежащей нынѣ Постникову, и другой иконѣ, представленной ея владѣльцемъ, Власопуло, Николаю I. Любопытна исторія этой иконы. Власопуло желалъ постоянно получать отъ императора денежное вознагражденіе за эту икону. Эти постоянныя требованія вынудили Николая I предложить Власопуло или назначить опредѣленную цѣну этой иконы, или взять ее обратно. За смертію императора дѣло было пріостановлено. При Александрѣ Николаевичѣ, икона была вытребована въ 1877 году изъ Зимняго дворца кредиторомъ Власопула, Ѳеодоровымъ, который продалъ ее Сивохину за 17,000 руб. Ѳеодоровъ поставилъ ее въ Троицкомъ соборѣ на Петербургской сторонѣ; оттуда Сивохинъ черезъ полицію вытребовалъ ее и переслалъ въ Вышній Волочекъ. Д. Ѳ. Кобеко сдѣлалъ дополненіе къ замѣчаніямъ, высказаннымъ въ прошедшемъ засѣданіи, объ «Описаніи Іерусалима» патріарха Хрисанѳа. Г. Кобеко привелъ догадку, что славянскій переводъ этого описанія сдѣланъ не Барсовымъ, а другимъ лицомъ — быть можетъ, тѣмъ же Симеономъ, который перевелъ «Поученіе» Хрисанѳа, и въ то же время обратилъ вниманіе на то, что славянскій переводъ, доставленный Обществу архимандритомъ Леонидомъ, сравнительно съ греческимъ подлинникомъ, очень кратокъ.

Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной академіи въ 1885 году. Недавно исполнилось 13 лѣтъ со времени учрежденія церковно-археологическаго Общества и музея при Кіевской духовной академіи. За все это время въ церковно-археологическій музей поступило 17,394 №№ предметовъ, изъ коихъ 1,825 №№ поступило въ прошломъ 1885 году. Важнѣйшими въ археологическомъ отношеніи пожертвованіями въ церковно-археологическій музей были въ 1885 году: коллекція древнихъ восточныхъ иконъ синайскихъ, іерусалимскихъ и аѳонскихъ, изъ 42 №№, и 76 таблицъ фотографическихъ снимковъ съ произведеній книжной живописи (миньятюръ) у латинянъ, грековъ, болгаръ, сербовъ, сиріанъ и арабовъ съ V по XVIII вѣкъ, завѣщанные покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ (Успенскимъ), и коллекція изъ 28 таблицъ акварельныхъ снимковъ съ фресокъ, открытыхъ во Владимірскомъ каѳедральномъ соборѣ въ 1882 году, пожертвованная г. оберъ-прокуроромъ св. синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Между иконами порфиріевской коллекціи есть весьма рѣдкія и замѣчательныя, напримѣръ, икона св. Константина и Елены VI-го вѣка, писанная восковыми красками, мозаическая икона св. Николая IX-го вѣка и др. Изъ другихъ предметовъ возбуждали особенный интересъ публики: глиняная египетская статуетка, съ надписью «Озирисъ Сутимесъ, блаженный», найденная въ окрестностяхъ г. Батурина, Черниговской губ., въ землѣ, и казацкое знамя на шелковой матеріи XVIII-го вѣка, полученное изъ села Сенчанскихъ Скоробогатокъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Церковно-археологическій музей былъ открываемъ по воскресеньямъ, съ 12-ти до 2-хъ часовъ по полудни.

Въ составѣ Общества, къ концу 1885 года, числились: покровитель Общества, его императорское высочество, великій князь Владиміръ Александровичъ, попечитель Общества митрополитъ кіевскій Платонъ, предсѣдатель, 25 почетныхъ членовъ, 88 дѣйствительныхъ и 39 членовъ — корреспондентовъ. Втеченіе 1885 года было 8 собраній церковно-археологическаго Общества, на которыхъ, кромѣ рѣшенія и заслушанія текущихъ дѣлъ, предложено было 12 рефератовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «О найденной близь г. Батурина, Черниговской губерніи, египетской статуеткѣ и о параллельныхъ явленіяхъ въ древне-египетской и народной русской литературахъ», «О предметахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ села Луневки, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи, на мѣстѣ нахожденія древнихъ серебряныхъ римскихъ монетъ II—III-хъ вѣковъ», «Описаніе древнихъ восточныхъ иконъ, завѣщанныхъ церковно-археологическому Обществу покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ», «О результатахъ раскопокъ на усадьбѣ Кіевской Трехсвятительской церкви», «О рукописной Кормчей XV-го вѣка, пріобрѣтенной отъ священника села Васильевки, Полтавскаго уѣзда, Н. И. Рассошинскаго» и др. По нѣкоторымъ вопросамъ составлялись Обществомъ особыя коммиссіи или давались членамъ особыя порученія. Такъ, напр., въ январѣ 1885 года образована была особая коммиссія для наблюденія за выемкою земли на усадьбѣ Кіевской Трехсвятительской церкви и могущими встрѣтиться археологическими находками. Два члена пересмотрѣли свыше 35 пудовъ мѣдной монеты, вышедшей изъ обращенія, въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ, и выбрали для церковно-археологическаго музея нужные экземпляры. Два члена занимались опредѣленіемъ монетъ, приведеніемъ въ болѣе строгій порядокъ нумизматическихъ коллекцій музея и описаніемъ ихъ. Почетный членъ общества, графъ М. Вл. Толстой, принималъ участіе въ занятіяхъ предварительнаго комитета въ Москвѣ по устройству VII-го археологическаго съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Постоянныхъ денежныхъ средствъ Общество не имѣетъ никакихъ. Но изъ разныхъ случайныхъ поступленій и пожертвованій, путемъ крайней бережливости, образовался маленькій фондъ Общества и музея, къ концу 1885 года простиравшійся свыше 2,200 р. Въ основаніе этого фонда положены были 500 р. серебромъ, единовременно пожалованные церковно-археологическому Обществу августѣйшимъ покровителемъ, великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Церковное древлехранилище. Въ Нижнемъ Новгородѣ, при тамошней духовной семинаріи учреждается «церковное древлехранилище» для собранія и храненія древнихъ церковно-историческихъ памятниковъ Нижегородской епархіи. Цѣль новаго учрежденія—лучшее сбереженіе старопечатныхъ церковно-богослужебныхъ и другихъ церковно-славянскихъ книгъ и рукописей, древнихъ иконъ, церковной утвари и другихъ памятниковъ, служащихъ къ уясненію религіознаго быта мѣстности Нижегородской епархіи. Новое учрежденіе можетъ доставить большую пользу вообще для церковно-исторической науки и послужитъ пособіемъ для изученія русской церковной старины. Комитетъ нижегородскаго древлехранилища, по уставу новаго учрежденія, приглашаетъ всѣхъ любителей и ревнителей сохраненія древнихъ церковно-историческихъ памятниковъ принять на себя трудъ сообщать древлехранилищу свѣдѣнія о памятникахъ старины.

Десятилѣтіе «Новаго Времени». Исторія нашей журналистики еще ожидаетъ своихъ изслѣдователей, хотя мы вступили уже во второе столѣтіе со времени ея существованія на Руси. Въ началѣ царствованія Екатерины II наша періодическая печать достигла значительной степени развитія; но также быстро совершилось и паденіе ея въ концѣ этого царствованія, когда журналы, книги и отдѣльныя лица, какъ Новиковъ, Радищевъ и много другихъ, расплачивались за переворотъ, совершившійся во Франціи. О царствованіи

Павла I уже не говоримъ, но и съ эпохи благодушнаго Александра I, когда литература была окончательно закрѣпощена цензурой, черезъ все правленіе Николая I до царствованія Александра II, исторія нашей печати можетъ назваться мартирологомъ русской литературы, въ которой всѣ выдающіяся произведенія являлись на свѣтъ, только благодаря монаршей благосклонности и вопреки желаній и мыслей цензуры. По исторіи періодической печати у насъ имѣются только два сочиненія: обзоръ русской журналистики эпохи Александра I и тридцатыхъ годовъ—А. П. Пятковскаго, печатавшійся въ «Современникѣ» пятидесятыхъ годовъ, да обзоръ журналовъ въ царствованіе Николая I — г. Весина, весьма неполный и поверхностный. А между тѣмъ исторія эта очень интересна и представляетъ замѣчательную иллюстрацію къ нашимъ общественнымъ и правительственнымъ стремленіямъ. Измѣненія и перипетіи, какимъ подвергались даже отдѣльныя періодическія изданія, заслуживаютъ вниманія. Такъ газета «Новое Время», основанная, въ 1868 году, гг. Киркоромъ и Юматовымъ для поддержанія помѣщичьихъ и польскихъ тенденцій, переходя постепенно черезъ руки разныхъ редакторовъ, въ февралѣ 1876 года, поступила отъ г. Трубникова къ нынѣшнему ея издателю А. С. Суворину съ 1,500 подписчиковъ, а черезъ десять лѣтъ число ихъ увеличилось почти въ двадцать разъ, такъ какъ, въ 1885 году, газета выпустила болѣе 12-ти милліоновъ листовъ. Успѣхъ этотъ доказываетъ, что газета удовлетворяетъ требованіямъ читателей, и сотрудники ея по истеченіи перваго десятилѣтія вздумали отпраздновать этотъ день, въ своемъ кругу, причемъ главнымъ лицомъ праздника былъ, конечно, тотъ, кто своими трудами и дарованіями довелъ «Новое Время» до его блестящаго положенія. Подобные праздники происходили и въ прежнее время: такъ «Голосъ» справлялъ десятилѣтіе и двадцатилѣтіе своего существованія; а за 15 лѣтъ отдалъ подробный отчетъ, въ отдѣльной книгѣ о своей журнальной дѣятельности. Въ брошюрѣ, изданной по случаю юбилея «Новаго Времени», подъ заглавіемъ: «На память о десятилѣтіи Новаго Времени», и напечатанной со всевозможною типографскою роскошью въ собственной типографіи газеты, помѣщены любопытныя статистическія данныя, относящіяся, впрочемъ, только къ внѣшней исторіи газеты, а также фотографическіе снимки съ разныхъ нумеровъ, машинъ, наружнаго зданія типографіи, портретъ А. С. Суворина и пр. Въ брошюрѣ этой, не поступавшей въ продажу, разсказаны всѣ улучшенія, сдѣланныя въ послѣднее время въ типографіи, гдѣ работаютъ 70 человѣкъ, и почти всѣ чернорабочіе пользуются безплатнымъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Съ 1884 года, открыта при типографіи на средства издателя общеобразовательная школа для наборщиковъ, гдѣ 32 ученика получаютъ элементарное и техническое образованіе по программѣ болѣе обширной, чѣмъ въ городскихъ училищахъ, пользуясь безплатно всѣми учебными пособіями. Брошюра представляетъ также любопытныя цифры суммъ по изданію газеты. За десять лѣтъ сумма эта составляетъ 3.848,106 рублей; по отдѣльнымъ статьямъ за послѣднія семь лѣтъ (за первые три года, когда соиздателемъ газеты былъ В. И. Лихачевъ, нѣтъ подробныхъ отчетовъ) расходы доходили по типографіи до 520,458 руб., за бумагу 905,419 руб., пересылку по почтѣ 272,132 руб., фальцовку 132,260 руб., гонорара сотрудникамъ 1.059,781 руб. Брошюра оканчивается «скорбною лѣтописью», изъ которой видно, что въ первый же мѣсяцъ существованія газеты на 17-мъ нумерѣ ея министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ уже розничную продажу; запрещеніе повторилось въ ноябрѣ того же года и въ слѣдующемъ году, тогда же объявлено и первое предостереженіе; въ 1878 году, новое запрещеніе розничной продажи, въ 1879—новое первое предостереженіе (прежнія были сняты, что не разъ практиковалось въ прошлое царствованіе по поводу разныхъ событій, какъ заключеніе мира и т. п.) и новое запрещеніе розничной продажи «за нарушеніе одного изъ многочисленныхъ циркуляровъ главнаго управленія

по дѣламъ печати», наконецъ, въ 1880 году, второе предостереженіе, подъ которымъ «Новое Время» находится и поднесь и будетъ находиться постоянно, до измѣненія временныхъ цензурныхъ правилъ, уже болѣе двадцати лѣтъ ожидающихъ своего окончательнаго утвержденія.

Празднованіе десятилѣтія «Новаго Времени» происходило, какъ мы уже сказали, въ семейномъ кругу, хотя и имѣетъ общественное значеніе. Въ 12 часовъ утра всѣ сотрудники газеты поздравили А. С. Суворина, причемъ г. Скальковскій сказалъ отъ лица ихъ весьма сочувственное привѣтствіе. Сотрудниками поднесена была издателю серебряная чернильница работы Сазикова, цѣною въ 1,000 рублей, и, отпечатанная на японской бумагѣ въ единственномъ экземплярѣ и вложенная въ роскошный футляръ, книга, заключающая въ себѣ автобіографіи 34-хъ сотрудниковъ. Завѣдующіе хозяйственною частью газеты А. П. и П. П. Коломнины поднесли замѣчательное по художественному исполненію работы Овчинникова большое серебряное прес-папье, изображающее первую страницу перваго нумера «Новаго Времени», вышедшаго при А. С. Суворинѣ 29 февраля 1876 года. Контора газеты поднесла прессъ-бюваръ, изображающій сложенный листъ газеты съ положеннымъ на него перомъ и карандашемъ; разсыльная контора—изящный столовый серебряный календарь. Затѣмъ, въ типографіи при собраніи всѣхъ служащихъ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго старшій корректоръ, г. Пензинъ, прочиталъ адресъ, покрытый многочисленными подписями, въ которомъ служащіе благодарили издателя за его гуманное отношеніе къ рабочимъ, заботы объ ихъ матеріальномъ положеніи, образцовое устройство типографіи, школы для ихъ дѣтей, а управляющій типографіею, А. И. Неупокоевъ, поднесъ отъ имени служащихъ бюваръ съ серебряной доской (работы Хлѣбникова), на которой выгравированы типографскія принадлежности. А. С. Суворинъ благодарилъ всѣхъ и положилъ начало новому учрежденію при типографіи: ссудо-сберегательной кассы, въ которую и внесъ тысячу рублей для начала дѣла. Кромѣ того, всѣ сотрудники получили отъ г. Суворина, на память о юбилеѣ, золотые, изящно сдѣланные, именные жетоны. Вечеромъ, у г. Суворина былъ раутъ, на который собралось до 150 приглашенныхъ, преимущественно представителей печати, художниковъ, артистовъ. Съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы было получено множество телеграммъ, писемъ и поздравленій.

Самаркандскія надписи. Вамбери въ лондонскомъ Athenaeum'ѣ сообщаетъ объ археологическихъ розысканіяхъ, произведенныхъ профессоромъ Н. И. Веселовскимъ въ окрестностяхъ Самарканда, отчасти же въ сѣверной части Коканскаго ханства. Особенно любопытны открытыя нашимъ ученымъ многочисленныя и важныя надписи до-исламическаго періода. Онѣ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на дѣянія Александра Македонскаго и на распространеніе буддизма въ Средней Азіи. Вамбери не сомнѣвается, что подобными археологическими розысканіями этнологія арійскаго племени должна освѣтиться совершенно въ новомъ видѣ.

Столѣтній юбилей Араго. Исполнившееся 15-го февраля, столѣтіе со дня рожденія знаменитаго французскаго ученаго Франсуа Араго русское техническое Общество почтило торжественнымъ собраніемъ, посвященнымъ памяти этого великаго человѣка. Собраніе происходило въ аудиторіи физическаго отдѣленія Общества. Предсѣдатель Общества, П. А. Кочубей обратился къ публикѣ съ рѣчью, въ которой охарактеризовалъ, на основаніи личныхъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ посѣщенія лекцій въ Петербургѣ зимою 1845 года, впечатлѣніе, которое производилъ Араго своею выразительною фигурою, благородною осанкою и рѣдкимъ въ то время умѣньемъ излагать свой предметъ. Свою рѣчь г. Кочубей закончилъ указаніемъ на то, что какъ ни хорошо изложеніе печатныхъ сочиненій Араго, но они даютъ далеко не полное понятіе о ясности и увлекательности его лекцій. За рѣчью Кочубея слѣдовало чтеніе Я. И. Ковальскаго, посвященное памяти Араго. Во время чте-

нія г. Ковальскаго на экранѣ былъ показанъ, при помощи волшебнаго фонаря, портретъ Араго. Послѣднее слово принадлежало А. Д. Путятѣ, указавшему на покровительство, которое оказывалъ Араго знаменитому Леверье.

† 5 февраля, въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи находившійся тамъ въ отпуску, совѣтникъ по ученой части императорскаго Эрмитажа, начальникъ гербоваго отдѣленія департамента герольдіи, баронъ Борисъ Васильевичъ Кёне. Покойный получилъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, который онъ окончилъ со степенью доктора филологіи и философіи, пріѣхалъ въ Россію въ 1842 году. Его свѣдѣнія въ нумизматикѣ ввели его, по пріѣздѣ, въ кругъ жившихъ въ Петербургѣ нумизматовъ; по предложенію Кёне и при содѣйствіи герцога Лейхтенбергскаго, было учреждено императорское русское археологическое Общество, котораго покойный былъ первымъ секретаремъ. Издаваемыя имъ записки Общества, рядъ ученыхъ трудовъ и знакомство съ директоромъ Эрмитажа Жилемъ, открыли ему двери въ это учрежденіе, гдѣ онъ первоначально получилъ мѣсто хранителя (conservateur) нумизматическаго отдѣленія. Ученые труды Кёне, преимущественно по нумизматикѣ, геральдикѣ и генеалогіи, помѣщались въ «Mémoires de la Societé d'Archéologie et de Numismatique de St.-Petersbourg», въ «Révue belge de Numismatique», въ «Berliner Blätter für Münz Siegel und Wappenkunde» и въ другихъ ученыхъ изданіяхъ. Изъ капитальныхъ трудовъ его по нумизматикѣ извѣстны: описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣковъ, найденныхъ въ Россіи, сочиненіе, подъ названіемъ: «Description du Musée du feu le Prince Basile Kotschoubey». По части археологіи онъ написалъ замѣчательное сочиненіе «Изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ города Херсонесса Таврическаго». По части геральдики и генеалогіи, подъ его руководствомъ составлены 11, 12 и 13 часть Гербовника Россійской имперіи и издано много отдѣльныхъ сочиненій: «Девизы русскихъ гербовъ», «Récherches sur l'origine de plusieures maisons souveraines de l'Europe», «Les familles célébres de la Russie». Во время службы его въ Эрмитажѣ имъ составленъ, совмѣстно съ Ваагеномъ, Бпреромъ, Лукашевичемъ, каталогъ этого музея. Послѣднее его сочиненіе, историческое изслѣдованіе отношеній между русскимъ и прусскимъ дворами съ 1649 по 1763 годъ, появилось въ 1882 г., подъ заглавіемъ «Berlin—Moscau—St.-Pétersbourg». Отдѣльныя статьи этого сочиненія были помѣщены въ разныхъ журналахъ. Труды покойнаго печатались на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, датскомъ, голландскомъ, итальянскомъ и испанскомъ языкахъ, которыми онъ владѣлъ. Онъ былъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, изъ которыхъ отъ «Institut de France» имѣлъ, весьма рѣдко дающуюся, большую золотую именную медаль; бельгійскаго и французскаго археологическихъ Обществъ, стокгольмской и мадридской археологическихъ академій; Общества археологіи въ Берлинѣ, Копенгагенѣ и Лондонѣ; института въ Римѣ; берлинскаго «Deutscher Herold» и «Verein für die Geschichte Berlin's»; вѣнскаго Общества «Adler», d'el Reale Academia Araldico-Genealogica, въ Пизѣ и многихъ (болѣе 20) другихъ. Въ перепискѣ покойнаго сохранились письма: А. Гумбольдта, герцога Лейхтенбергскаго, принца Гессенскаго, Лапперье, Даненберга и др. Въ послѣдніе годы Кёне, помимо прямыхъ служебныхъ обязанностей, мало занимался своею спеціальностью, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Потеря всего состоянія такъ подѣйствовала на его здоровье, что онъ сошелъ въ могилу на 68 году жизни, совершенно дряхлымъ старикомъ.

† Скоропостижно скончался тайный совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, прибывшій въ Петербургъ къ юбилею своего брата, протоіерея Троицкаго собора на Петербургской сторонѣ. Покойный началъ свою карьеру профессоромъ славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ 1851 г.,

былъ ректоромъ Варшавскаго университета съ 1869 по 1873 годъ и попечителемъ Оренбургскаго, а затѣмъ Одесскаго учебныхъ округовъ. Лавровскій извѣстенъ многими учеными сочиненіями: «О Ломоносовѣ» (1855), «Кириллъ и Меѳодій», славяне или греки (1868 г.), «Изслѣдованіе о миѳическихъ вѣрованіяхъ славянъ» (1862), «Житіе царя Лазаря» (1860), «Воспоминаніе о Ганкѣ и Шафарикѣ» (1861), «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской» (1856), «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (1852), «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго» (1869), «Русско-сербскій словарь» (1880) и др.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

По поводу изданія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго».

«Въ Историческомъ Вѣстникѣ», по мѣрѣ выхода въ свѣтъ томовъ изданія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго», помѣщался разборъ этихъ томовъ и сдѣланы нѣкоторыя указанія по поводу замѣченныхъ неточностей, вкравшихся при разборѣ такого громаднаго матеріала, какъ бумаги покойнаго писателя, поэта, критика, мемуариста и философа. Нынѣ, съ окончаніемъ этого прекраснаго изданія, я считаю долгомъ указать на небольшіе недосмотры, вкравшіеся въ томъ именно томѣ, гдѣ собраны поэтическія произведенія князя Вяземскаго. Нѣкоторыя стихотворенія покойнаго поэта, при незначительномъ ихъ измѣненіи, помѣщены особо, подъ различными названіями, или подъ другими датами. Привожу для примѣра:

Напечатано подъ датой 1820 г., стр. 200.

CVIII.

Къ красавицѣ уединенной.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей;
Какъ пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ сиротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Повторено подъ датой 1822 года, стр. 271.

CL.

Въ альбомъ к. А. П. Т.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Иль пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ насъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ сиротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Подъ датой 1821 года, стр. 248.

CXXXVIII.

Эпиграммы.

1.

Безстыдный лжецъ, презрительной рукой
На гибель мнѣ ты разсѣваешь вѣсти;
Предвижу я: какъ Геростратъ другой,
Безстыдствомъ ты добиться хочешь чести;
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю о имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣвца,—
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Подъ датой 1823 года, стр. 299.

CLXII.

Замѣтки.

3.

Надменный нуль, пигмей, крикунъ картавый,
Ты на меня задорно лѣзешь въ бой!
Тутъ есть резонъ: какъ Эростратъ другой,
Безславьемъ ты добиться хочешь славы!
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю объ имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣвца, —
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Подъ датой 1821 года, стр. 249.

CXXXVIII.

Эпиграммы.

7.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Такъ, это точно онъ: глаза, улыбка, видъ!
Живой Памфилъ! одна бѣда не говоритъ —
Но тѣмъ живѣе сходство!

Подъ датой 1823 года, стр. 302.

CLXV.

Къ портрету молчаливаго.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Вотъ всѣ его черты, его улыбка, видъ,—
Ну, только что не говоритъ,
И тѣмъ живѣе сходство.

Очевидно, это варьянты, и ихъ слѣдовало помѣстить или въ выноскахъ. или въ примѣчаніяхъ къ этому тому. Во всякомъ случаѣ, при слѣдующемъ

изданіи, необходимо пересмотрѣть болѣе тщательно поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго и сохранить только тѣ, за которыми будетъ признана окончательная редакція. Мѣра эта тѣмъ болѣе желательна, что, кромѣ приведенныхъ выше, есть еще нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ только что оконченномъ изданіи вдвойнѣ.

П. Мартьяновъ.

Къ «Воспоминаніямъ» графа Сологуба.

Считаю необходимымъ просить васъ исправить примѣчаніе, сдѣланное графомъ Сологубомъ въ 2 главѣ его «Воспоминаній», напечатанныхъ въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника».

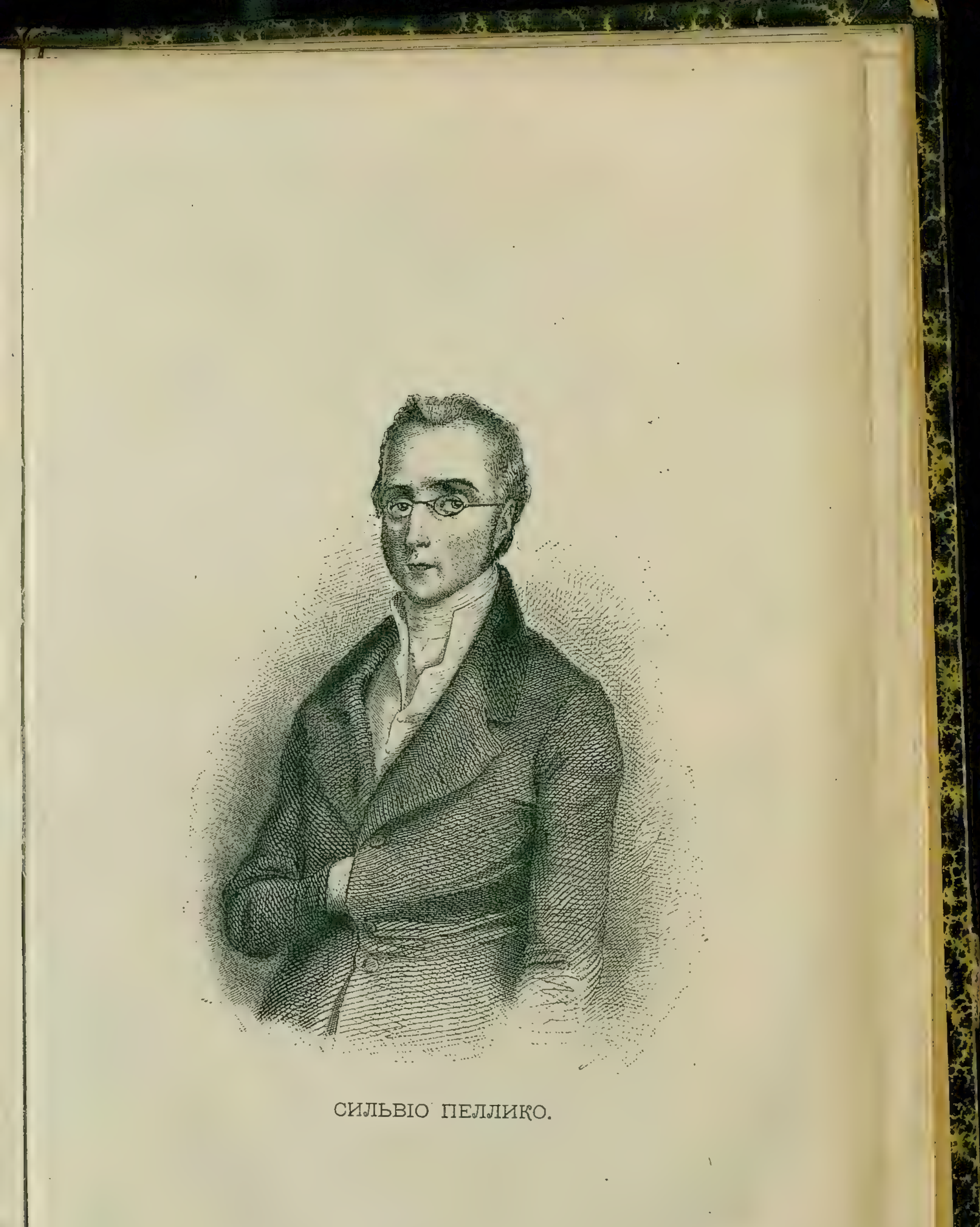
Почтенный авторъ пишетъ, что одинъ казакъ-старожилъ, говоря ему въ Новочеркасскѣ о посѣщеніи, въ 1852 году, Донской области покойнымъ императоромъ Александромъ II, въ бытность его наслѣдникомъ престола, замѣтилъ:

— «Ужъ какъ мы были счастливы, какъ счастливы увидать его свѣтлыя очи; вѣдь съ тѣхъ поръ, что отцы наши видали царя Петра III (Пугачева?), мы больше царей не видали у себя!» — «Это,—прибавляетъ графъ Сологубъ,— доказываетъ, какъ еще смутно въ народѣ того края мнѣніе о самозванцѣ».

Прежде всего, покойный императоръ Александръ Николаевичъ, въ бытность наслѣдникомъ, два раза посѣтилъ Донской край: въ 1837 году, вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ I, который въ это время вручилъ ему знаки атаманскаго достоинства и ввелъ его въ войсковой кругъ, и въ 1850 году. Въ 1852 году онъ ни въ Донской области, ни въ Новочеркасскѣ не былъ. Далѣе. Странно, что казакъ-старожилъ, да еще, какъ видно, и новочеркасскій, могъ забыть нѣсколько однородныхъ и даже болѣе замѣтныхъ событій. Въ 1825 году, посѣтилъ Донской край императоръ Александръ I, которому въ Новочеркасскѣ, предъ его пріѣздомъ, воздвигнуто двѣ, капитальной постройки, тріумфальныхъ арки на противоположныхъ концахъ города, сохранившіяся до сего времени. Прошелъ незамѣченнымъ для новочеркасскаго старожила и пріѣздъ на Донъ императора Николая I съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ октябрѣ 1837 года; въ ту пору, со всего Дона, было собрано въ Новочеркасскѣ нѣсколько десятковъ казачьихъ полковъ, которымъ государь дѣлалъ смотръ. Кромѣ того, императору въ то же время представлялись казачьи депутаціи если не отъ всѣхъ, то отъ большинства станицъ Донской земли.

Сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы не придать никакой цѣны словамъ старожила, выразившаго, по замѣчанію графа Сологуба, мнѣніе жителей Дона о самозванцѣ Пугачевѣ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что Емельянъ Пугачевъ, сравнительно, мало занимаетъ мѣста въ донскихъ народныхъ преданіяхъ, такъ какъ вся историческая дѣятельность его прошла на Волгѣ и Уралѣ, гдѣ онъ, если можно такъ выразиться, несравненно популярнѣе, или, лучше сказать, извѣстнѣе, чѣмъ на Дону. Здѣсь сохранились о немъ преданія не первоначальныя, а скорѣе позаимствованныя съ Поволжья. Самозванческая дѣятельность его на Дону почти не проявлялась, и не будь онъ донской казакъ Зимовейской станицы, здѣшнія преданія о немъ были бы также смутны, какъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыхъ не коснулась его агитаторская работа.

Алексѣй Карасевъ.

СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

дозв. ценз. спб., 26 магта 1886 г.

МОИ ТЕМНИЦЫ

ВОСПОМИНАНІЯ

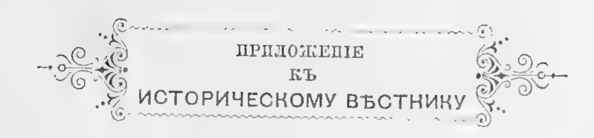
СИЛЬВІО ПЕЛИКО ДА САЛУЦЦО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

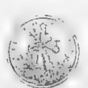
(съ 18 рисунками)

Homo natus de muliere, brevi vivens
tempore, repletur multis miseriis.
Job.

Тамъ была могила.
Гл. LXXVI, стр. 292.

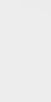
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Писалъ ли я эти „Воспоминанія“ изъ суетнаго желанія поговорить о себѣ? Желаю, чтобы этого не было, и на сколько каждый можетъ быть своимъ судьею, мнѣ кажется, что у меня были лучшія цѣли: содѣйствовать утѣшенію несчастныхъ изложеніемъ тѣхъ бѣдствій, которыя я перенесъ, и утѣшеній, которыя я испыталъ, доказавъ, что они могутъ быть получены и въ величайшихъ несчастіяхъ;—засвидѣтельствовать, что среди своихъ долгихъ мученій я не нашелъ, однако, человѣчества столь несправедливымъ, столь недостойнымъ снисходительности, столь бѣднымъ людьми, обладающими прекрасной душею, какъ обыкновенно его представляютъ;—побудить благородныя сердцà любить, а не питать ненависти ни къ кому изъ людей, непримиримо ненавидѣть только низкую ложь, малодушіе, коварство, всякое нравственное униженіе;—повторить истину, уже извѣстнѣйшую, но часто забываемую: только въ религіи и философіи можно почерпнуть стойкую волю и спокойное сужденіе, а безъ сочетанія этихъ двухъ условій нѣтъ ни справедливости, ни достоинства, ни твердыхъ принциповъ.

I.

Ъ ПЯТНИЦУ 13-го октября 1820 года, я былъ арестованъ въ Миланѣ и отправленъ въ С. Маргериту. Было три часа дня. Весь этотъ день, какъ и втеченіе слѣдующихъ, меня долго допрашивали. Но объ этомъ я ничего не скажу. Подобно любовнику, оскорбленному своей возлюбленной, я храню обиду про себя и, оставивъ политику, поговорю о другомъ.

Въ девять часовъ вечера, въ эту несчастную пятницу, я былъ переданъ актуаріусомъ тюремному смотрителю, который, отведя меня въ назначенную комнату, любезно предложилъ мнѣ передать ему часы, деньги и все, что только было въ моемъ карманѣ, чтобы въ должное время возвратить мнѣ ихъ, и почтительно пожелалъ доброй ночи.

— Постойте, любезный, — сказалъ я ему: — я сегодня еще не обѣдалъ; принесите-ка мнѣ чего нибудь.

— Сейчасъ,—гостинница здѣсь въ сосѣдствѣ, и вотъ вы увидите что за вино тамъ!

— Вино? Я не пью его.

Услышавъ такой отвѣтъ, синьоръ Анджіолино испуганно взглянулъ на меня, надѣясь, что я шучу. Тюремщики, содержащіе винную лавочку, боятся непьющихъ арестантовъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ не пью.

— Мнѣ жаль васъ: вдвойнѣ тяжелѣе будете чувствовать уединеніе...

Видя, что я не мѣняю своего рѣшенія, онъ ушолъ, и меньше чѣмъ черезъ полчаса мнѣ былъ принесенъ обѣдъ. Я немного закусилъ, выпилъ залпомъ стаканъ воды и остался одинъ.

Комната была въ нижнемъ этажѣ и выходила окнами на дворъ. Камеры здѣсь, камеры тамъ, камеры наверху, камеры напротивъ. Я прислонился къ окну и стоялъ тамъ, прислушиваясь къ шагамъ тюремщиковъ и къ разгульному пѣнію нѣсколькихъ заключенныхъ.

Я думалъ: вѣкъ тому назадъ это былъ монастырь. Вооображали ли когда нибудь кающіяся дѣвы, обитавшія въ немъ, что въ ихъ кельяхъ раздадутся сегодня не женскія мольбы, не благоговѣйные гимны, а богохульства и неприличныя пѣсни, что въ этихъ кельяхъ будутъ люди всякаго рода и, бо̀льшею частію, предназначенные къ острогу и висѣлицѣ? А черезъ столѣтіе кто будетъ жить здѣсь? О, скоротечность времени и постоянное движеніе вещей! Можетъ ли тотъ, кто знаетъ, кто понимаетъ васъ, печалиться, если счастіе перестаетъ улыбаться ему, если онъ умираетъ въ темницѣ, если ему угрожаетъ висѣлица? Я былъ вчера однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ смертныхъ, а сегодня лишенъ всего, что радовало и поддерживало меня въ жизни; нѣтъ больше свободы, нѣтъ общества друзей, нѣтъ больше надеждъ! Нѣтъ, безумно обманывать себя. Отсюда я не выйду иначе, какъ не будучи брошенъ въ ужаснѣйшій вертепъ или отданъ на расправу палача! И что же? Послѣ моей смерти взойдетъ день и будетъ такой же, какъ если бы я умеръ во дворцѣ и былъ погребенъ съ величайшими почестями.

Размышляя такимъ образомъ о скоротечности времени, я ободрился. Но вспомнились мнѣ отецъ, мать, оба брата, обѣ сестры, другое семейство, которое я люблю, какъ свое, и всѣ философскія разсужденія разлетѣлись въ прахъ. Я упалъ духомъ и зарыдалъ какъ дитя.

II.

Три мѣсяца тому назадъ, я пріѣхалъ въ Туринъ и свидѣлся тамъ послѣ долгой разлуки съ моими дорогими родителями, съ однимъ изъ братьевъ и съ обѣими сестрами. Въ нашемъ семействѣ мы всѣ горячо любили другъ друга! Но никого, кромѣ меня, не осыпали отецъ и мать такъ щедро всевозможными ласками. О, какъ я былъ растроганъ при встрѣчѣ съ ними, найдя ихъ такъ сильно постарѣвшими, чего я и не предполагалъ! Какъ бы я хотѣлъ тогда не покидать ихъ больше, посвятить себя на заботы о нихъ, утѣшать ихъ старость! Какъ мнѣ было горько, что въ короткое время моего пребыванія въ Туринѣ много другихъ обязанностей отрывало меня отъ роднаго крова, какъ грустно мнѣ было, что я не могу посвятить имъ бо̀льшаго времени. Бѣдная матушка все говорила съ печальною нѣжностью: «Ахъ! Сильвіо нашъ не для насъ пріѣхалъ въ Туринъ»! Я выѣхалъ въ Миланъ утромъ, и разлука съ родными была самая грустная. Отецъ сѣлъ со мной въ коляску и

проводилъ меня съ милю; потомъ возвратился домой одинокій, печальный. Я обернулся, чтобы взглянуть на него, и плакалъ, цѣловалъ кольцо, подаренное матушкой, и никогда я не чувствовалъ, удаляясь отъ родныхъ, такой удручающей тоски. Не вѣря предчувствіямъ, я удивлялся своей безпомощности осилить горе и съ ужасомъ говорилъ себѣ: «что за тоска, что за безпокойство со мною?» И казалось мнѣ, что я провижу грядущее горе.

Теперь въ тюрьмѣ мнѣ припомнились тогдашніе ужасъ и тоска моя; пришли на умъ всѣ слова родителей, слышанныя мною три мѣсяца тому назадъ, и горькая жалоба матушки: «Ахъ, Сильвіо не за тѣмъ пріѣхалъ въ Туринъ, чтобы повидаться съ нами!»—мнѣ вновь запала тяжелымъ камнемъ на сердце. Теперь упрекалъ я себя, зачѣмъ, зачѣмъ я былъ такъ мало съ ними нѣженъ? Я горячо люблю ихъ и такъ мало говорилъ имъ про то! Можетъ быть, я никогда ихъ больше не увижу, а между тѣмъ вдоволь не наглядѣлся на дорогія черты!.. Зачѣмъ былъ я такъ скупъ на доказательства моей сыновней любви? Думы такія разрывали мнѣ сердце.

Я закрылъ окно, съ часъ прохаживался по комнатѣ, думая, что не засну всю ночь. Легъ потомъ на постель, и усталость меня усыпила.

III.

Ужасно въ первый разъ, ночью, пробудиться въ тюрьмѣ. Возможно ли? (говорилъ я себѣ, вспоминая, гдѣ я) возможно ли? Я — здѣсь? И не сонъ это? Вчера арестовали меня? Вчера меня долго допрашивали? и завтра будутъ допрашивать? и кто знаетъ, когда это кончится? И вчера вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ заснуть, я такъ долго плакалъ, думая о родныхъ?

Отдыхъ, совершенная тишина, короткій сонъ, возстановившій мои умственныя силы, казалось, удесятерили силу горя. Горе родныхъ, при полномъ отсутствіи всего, что могло бы развлечь ихъ, въ особенности горе отца и матери, когда они услышатъ о моемъ арестѣ, рисовалось въ моемъ воображеніи съ невѣроятною силою.

— Въ эту минуту, — говорилъ я себѣ: — они спятъ еще спокойно или, можетъ быть, думаютъ съ нѣжностью обо мнѣ, вовсе не предчувствуя, гдѣ я? О, какъ бы они были счастливы, если бы Богъ взялъ ихъ къ себѣ прежде, чѣмъ дойдетъ въ Туринъ извѣстіе о моемъ несчастіи! Кто дастъ имъ силу выдержать подобный ударъ?

Какой-то внутренній голосъ, казалось, отвѣтилъ мнѣ: — Тотъ, Кого призываютъ всѣ несчастные, Кого они любятъ и Чье присутствіе они ощущаютъ въ себѣ! Тотъ, Кто даетъ силу Матери идти за Сыномъ на Голгоѳу и стоять у креста Его! Другъ людей, другъ несчастныхъ!

И впервые тогда восторжествовала въ моемъ сердцѣ религія; и этимъ благомъ я обязанъ сыновней любви.

Прежде, хотя и не былъ я противъ религіи, я мало и дурно ей слѣдовалъ. Возраженія, приводимыя обыкновенно противъ религіи, не казались мнѣ чѣмъ нибудь значительнымъ, и, всетаки, тысячи софистическихъ сомнѣній ослабляли мою вѣру. Но эти сомнѣнія давно уже не касались божественнаго существованія, и я говорилъ себѣ, что если Богъ существуетъ, необходимое слѣдствіе Его правосудія есть загробная жизнь для человѣка, который страдаетъ на землѣ такъ несправедливо; отсюда заключеніе — стремиться къ благамъ этой второй жизни, отсюда культъ любви къ Богу и ближнему, непрестанная жажда самоулучшенія безкорыстными жертвами. Уже давно говорилъ я себѣ все это и прибавлялъ: и что такое христіанство, какъ не вѣчная жажда самоулучшенія?

Не смотря на то, что уже давно такъ думалъ и чувствовалъ, я, всетаки, не рѣшался прійдти къ заключенію: будь же послѣдователенъ! будь христіаниномъ! не смущайся заблужденіями! не истолковывай въ дурную сторону какой нибудь трудный для пониманія пунктъ ученія церкви, такъ какъ главный и самый яркій пунктъ ея есть: люби Бога и ближняго!

Въ тюрьмѣ я рѣшилъ прійдти къ такому заключенію и пришолъ къ нему. Еще колебался нѣсколько, думая, что кто нибудь, узнавъ, что я сталъ религіознѣе прежняго, сочтетъ меня за ханжу, за лицемѣра, униженнаго несчастіемъ. Но чувствуя, что я ни то ни другое, я твердо рѣшилъ не заботиться вовсе о незаслуженныхъ, но возможныхъ порицаніяхъ и быть и объявить себя отнынѣ впредь христіаниномъ.

IV.

На такомъ рѣшеніи я остановился гораздо позже, но думать о немъ и почти желать его я началъ въ первую ночь ареста. Къ утру я успокоился и былъ чрезвычайно тѣмъ удивленъ. Снова сталъ думать о родителяхъ и о другихъ лицахъ, мною любимыхъ, и уже не отчаявался больше въ ихъ душевной силѣ. Меня утѣшило воспоминаніе объ ихъ прекрасныхъ, нравственныхъ качествахъ, издавна извѣстныхъ мнѣ.

Почему же прежде я такъ убивался, представляя себѣ ихъ безпокойство, а теперь такъ увѣренъ въ ихъ мужествѣ? Была ли чудомъ эта счастливая перемѣна? или это совершенно естественно вытекало изъ моей вновь ожившейся вѣры въ Бога? Да и что въ томъ, назовешь ли, или не назовешь чудомъ истинно великую благотворность религіи?

Въ полночь два secondini (такъ называются тюремщики, подчиненные тюремному смотрителю) пришли навѣстить меня и нашли, что я въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. На разсвѣтѣ снова пришли и нашли меня веселымъ и спокойнымъ.

— Эту ночь, синьоръ, у васъ былъ ужасный видъ,—сказалъ Тирола:—теперь совсѣмъ иное, что̀ меня радуетъ; это знакъ того, что вы, извините за выраженіе, не мошенникъ (я уже состарѣлся въ этомъ занятіи, и мои замѣчанія имѣютъ нѣкоторый вѣсъ),—тѣ еще болѣе безумствуютъ на второй день ареста, чѣмъ въ первый. Табакъ нюхаете?

— Этой привычки у меня нѣтъ, но я не хочу отказаться отъ вашей любезности. Что касается до вашего замѣчанія, то, извините, скажу, что оно не сто̀итъ такого мудреца, какимъ вы кажетесь. Если сегодня утромъ у меня нѣтъ ужаснаго вида, то развѣ такая перемѣна не могла бы быть доказательствомъ глупости и легкомысленной надежды на скорую свободу?

— Я боялся бы, что это такъ, если бы вы, синьоръ, по другимъ причинамъ были въ тюрьмѣ; а по тому, что̀ привело васъ сюда, въ теперешнее время невозможно и думать, чтобы все это такъ быстро кончилось. Да и не такъ же вы просты, чтобы вообразить себѣ это. Прошу прощенія. Не угодно ли еще щепоточку?

— Дайте-ка. Но какъ это можно жить среди несчастныхъ и быть съ такимъ веселымъ лицемъ, какъ ваше?

— Вы думаете, что это по равнодушію къ несчастію другаго; по правдѣ сказать, я и самъ не знаю хорошенько; но увѣряю васъ, что постоянно видѣть слезы другихъ мнѣ тяжело. Я иногда притворяюсь веселымъ, чтобы и бѣдные арестанты повеселѣли.

— Мнѣ пришла, мой другъ, мысль, которой никогда прежде у меня не было: что можно быть тюремщикомъ и, всетаки, доброй души человѣкомъ.

— Ремесло тутъ не при чемъ, синьоръ. По ту сторону воротъ, что̀ вы видите, кромѣ одного двора, есть еще другой дворъ и другія камеры, все для женщинъ. Тамъ... не надо бы и говорить про то... женщины дурной жизни. И, однако, синьоръ, есть между ними чисто ангелы, судя по сердцу. Вотъ если бы вы были секондино...

— Я?—(и я покатился со смѣху).

Мой хохотъ смутилъ Тирола, и онъ замолчалъ. Можетъ, онъ хотѣлъ сказать, что будь я секондино, мнѣ бы трудно было не полюбить кого нибудь изъ этихъ арестантокъ.

Спросивъ меня, что̀ я хочу на завтракъ, онъ ушолъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ кофе.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ лицо съ лукавой улыбкой, хотѣвшей сказать: «Не снесешь ли ты моей записочки другому несчастливцу—моему другу Пьеро»? А онъ мнѣ отвѣтилъ другою улыбкою, говорившей: «Нѣтъ, синьоръ; и если вы обратитесь къ кому нибудь изъ моихъ товарищей, который вамъ скажетъ: да,—берегитесь, какъ бы вамъ не измѣнили».

Я не увѣренъ дѣйствительно, понялъ ли онъ меня и я его. Только знаю хорошо, что я разъ десять почти готовъ былъ попросить у него клочекъ бумаги и карандашъ и не смѣлъ: было что-то въ его глазахъ, предупреждавшее, казалось, меня не довѣряться никому или ужъ сказать скорѣе ему, чѣмъ другимъ.

V.

Если бы у Тирола, хотя онъ и казался добрымъ, не было бы этихъ хитрыхъ взглядовъ, если бы у него физіономія была поблагороднѣе, я бы поддался искушенію сдѣлать его своимъ посломъ, и моя записочка, прійдя во время къ моему другу, можетъ быть, дала бы ему силу исправить какую нибудь ошибку и, можетъ быть, это спасло бы не его, бѣдняжку, такъ какъ уже многое было открыто, но многихъ другихъ, въ томъ числѣ и меня!

Терпѣніе! значитъ, такъ надо было.

Я былъ потребованъ къ продолженію допроса, который тянулся весь этотъ день и нѣсколько слѣдующихъ безъ всякаго перерыва, за исключеніемъ обѣда.

Пока длился процессъ, дни для меня быстро летѣли въ этихъ нескончаемыхъ отвѣтахъ на столько разнообразныхъ вопросовъ, а въ часы обѣда и вечеромъ—въ обсужденіи всего того, что спрашивалось у меня, и что я отвѣтилъ, и что еще, по всей вѣроятности, у меня спросятъ.

Въ концѣ первой недѣли со мной случилась большая непріятность. Мой бѣдный Пьеро, желая войдти со мной въ сношеніе, какъ этого желалъ и я, послалъ мнѣ записочку и воспользовался для этого услугами не кого нибудь изъ секондини, а услугами одного несчастнаго арестанта, приходившаго съ секондини убирать наши камеры. Это былъ человѣкъ лѣтъ 60—70, приговоренный, не знаю хорошенько, на сколько-то мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Булавкой, которая была у меня, я прокололъ себѣ палецъ и написалъ кровью въ отвѣтъ нѣсколько строкъ, что̀ и отдалъ посланному. Но, по несчастію, за нимъ подглядѣли, обыскали, нашли при немъ записку и, если не ошибаюсь, наказали его палочными ударами. Я слышалъ громкіе крики, показавшіеся мнѣ принадлежащими несчастному старику, и затѣмъ его уже больше никогда не видалъ.

Будучи призванъ на слѣдствіе, я задрожалъ при видѣ моей бумажонки, исписанной кровью. (Благодареніе небу, что тамъ не было ничего серьёзнаго; моя записочка носила характеръ простаго привѣта). Меня спросили, посредствомъ чего я добылъ крови, отняли у меня булавку и смѣялись надъ тѣмъ, что насъ ловко поддѣли. А мнѣ было не до смѣху! У меня все былъ передъ глазами несчастный старикъ. Я бы охотно вытерпѣлъ какое угодно нака-

заніе, лишь бы простили его, и когда до меня донеслись эти крики, которые, какъ я боялся, были его, сердце облилось у меня кровью.

Напрасно пытался я узнать о немъ у смотрителя и у секондини. Они качали головой, приговаривая: «Онъ дорого поплатился — больше ужъ не будетъ, пусть теперь отдохнетъ хоть немного». Больше я ничего не добился.

Показывало ли это болѣе тяжолое заключеніе, или они говорили такъ потому, что онъ, быть можетъ, умеръ подъ палками или вслѣдствіе ихъ?

Однажды показалось мнѣ, что я увидалъ его по ту сторону двора подъ навѣсомъ со связкой дровъ на плечахъ. Сердце затрепетало у меня, какъ будто бы я увидалъ роднаго брата.

VI.

Когда перестали мучить меня допросами и не стало больше ничего, что̀ бы заняло меня впродолженіе дня, тогда-то узналъ я всю горечь и тяжесть одиночества.

Хотя и дозволили мнѣ имѣть Библію и Данта; хотя и дана мнѣ была смотрителемъ въ мое распоряженіе его библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ романовъ Скудери, Пьяцци и хуже, но мой духъ былъ слишкомъ возмущенъ, чтобы я могъ заняться какимъ бы то ни было чтеніемъ. Училъ я наизусть ежедневно по одной пѣснѣ Данта, и это занятіе было, всетаки, такъ машинально, что я выполнялъ его, думая больше о своихъ дѣлахъ, чѣмъ о стихахъ. То же самое было со мной, когда я читалъ и другое что нибудь, за исключеніемъ иногда нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи. Эта божественная книга, которую я всегда сильно любилъ, даже и тогда, когда я, казалось, былъ невѣрующимъ, теперь изучалась мною съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ когда бы то ни было. И, всетаки, не смотря на все мое доброе желаніе, я весьма часто читалъ ее и не понималъ, такъ какъ думалъ совершенно о другомъ. Мало-по-малу я сдѣлался способнымъ вдумываться болѣе основательно и все больше и лучше цѣнить ее.

Это чтеніе не давало мнѣ ни малѣйшаго повода къ ханжеству, т. е. къ той дурно понимаемой благоговѣйности, которую имѣетъ трусъ или фанатикъ. Я научился любить Бога и людей, желать всегда больше всего царства справедливости, бѣжать неправды, прощать неправымъ. Христіанство, вмѣсто того, чтобы уничтожить то, что могла сдѣлать во мнѣ хорошаго философія, упрочило, завершило это разсужденіями болѣе высокими, болѣе могучими.

Прочитавъ однажды, что молиться нужно непрестанно, что истинно молиться не значитъ говорить много, какъ язычники, но поклоняться Богу съ простотою какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и дѣлать такъ, чтобы тѣ и другія были исполненіемъ Его

святой воли, я положилъ себѣ начать на самомъ дѣлѣ эту непрестанную молитву, т. е. не допускать въ себѣ ни одной мысли, которая бы не была одушевлена жаждой повиновенія волѣ Божіей.

Церковныхъ молитвъ, произносимыхъ мною, было всегда немного, не потому, чтобы я пренебрегалъ ими (я, напротивъ, считаю ихъ очень полезными, и полезными именно потому, что онѣ удерживаютъ вниманіе молящагося на предметѣ молитвы), а только по той причинѣ, что я чувствовалъ себя неспособнымъ произносить много церковныхъ молитвъ, не развлекаясь и не забывая мысли моей молитвы.

Мое рѣшеніе — быть постоянно въ присутствіи Бога вмѣсто того, чтобы быть мучительнымъ усиліемъ ума и предметомъ страха, было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Не забывая, что Богъ всегда вблизи насъ, что Онъ въ насъ, или, лучше, что мы въ Немъ, одиночество со дня на день становилось менѣе ужаснымъ для меня. «Развѣ я не нахожусь въ самомъ прекрасномъ обществѣ»,— говорилъ я себѣ и развеселялся, и напѣвалъ, и насвистывалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Да развѣ не могла бы быть,—думалось мнѣ:—со мной горячка и развѣ не могла бы она унесть меня въ могилу? Всѣ мои близкіе, которые обливались бы горькими слезами, теряя меня, вѣдь получили бы мало-по-малу силу покориться безропотно моей смерти. Вмѣсто могилы меня поглотила тюрьма: можно ли думать, что Богъ не дастъ имъ подобной же силы?

И мое сердце возсылало за нихъ жаркія мольбы, иногда со слезами; но это были тихія, нѣжныя слезы. Я былъ полонъ вѣры въ то, что Богъ поддержитъ и ихъ, и меня. Я не ошибся.

VII.

Жить на свободѣ далеко лучше, чѣмъ жить въ заточеніи,—кто въ этомъ сомнѣвается? Однако, и въ заточеніи можно жить съ удовольствіемъ, когда думаешь, что и тамъ Богъ присутствуетъ, что радости свѣта скоротечны, что истинное благо заключается въ спокойствіи совѣсти, а не во внѣшнихъ предметахъ. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ я помирился, не скажу—совершенно, но сноснымъ образомъ, съ своей участью. Не желая допустить недостойнаго поступка — купить свою безнаказанность гибелью другаго, я видѣлъ, что моя участь—или висѣлица, или долгое заточеніе. Было необходимо примириться съ этимъ. Я буду жить до тѣхъ поръ, пока не отнимутъ у меня дыханія,—говорилъ я себѣ,—и когда у меня возьмутъ его, я сдѣлаю то же самое, что дѣлаютъ всѣ больные, достигая своей послѣдней минуты—умру.

Я пріучалъ себя не жаловаться ни на что и доставлять душѣ своей всѣ возможныя наслажденія. Самое обыкновенное наслажде-

ніе было — снова и снова припоминать и перечислять всѣ блага, украшавшія мои дни: прекраснѣйшій отецъ, прекраснѣйшая мать, превосходные братья и сестры, такіе-то и такіе-то друзья, хорошее воспитаніе, любовь къ наукамъ и пр., и пр. Кто больше меня одаренъ былъ счастіемъ? Почему же не быть за него благодарнымъ Господу, если оно и уменьшено теперь несчастіемъ? Иногда, дѣлая это перечисленіе, я умилялся и плакалъ, но скоро присутствіе духа и веселость вновь возвращались.

Съ первыхъ же дней я пріобрѣлъ себѣ друга. Это не былъ смотритель, ни кто нибудь изъ секондини, ни кто нибудь изъ лицъ, ведшихъ процессъ. Говорю, однако, о человѣческомъ созданіи. Кто же это?—Дитя, глухонѣмой, пяти или шести лѣтъ. Отецъ и мать были воры, павшіе подъ ударомъ закона. Бѣдный сиротка былъ задержанъ полиціей со многими другими дѣтьми такого же самаго положенія. Всѣ они жили въ одной комнатѣ, напротивъ моей, и въ извѣстные часы ихъ выпускали на дворъ подышать чистымъ воздухомъ.

Глухонѣмой подбѣгалъ къ моему окну и, улыбаясь, дѣлалъ мнѣ знаки. Я бросалъ ему ломоть хлѣба, онъ схватывалъ его, подпрыгивая отъ радости, подбѣгалъ къ своимъ товарищамъ и раздавалъ каждому по куску; а потомъ приходилъ подъ окно и съѣдалъ свою часть, выражая мнѣ благодарность улыбкою своихъ прекрасныхъ глазъ.

Другія дѣти смотрѣли на меня издали, не смѣя подойдти ближе. Глухонѣмой питалъ ко мнѣ большую симпатію не потому только, что я давалъ ему хлѣба. Иногда онъ не зналъ, что дѣлать ему съ хлѣбомъ, который я кидалъ ему, и дѣлалъ мнѣ знаки, что онъ и его товарищи сыты и не хотятъ больше ѣсть. Если онъ видѣлъ, что идетъ ко мнѣ въ комнату секондино, онъ отдавалъ ему хлѣбъ, чтобы тотъ передалъ его мнѣ. Хотя онъ и ничего не ждалъ тогда отъ меня, онъ, всетаки, продолжалъ мило рѣзвиться передъ моимъ окномъ и радовался, если я смотрѣлъ на него. Както разъ одинъ изъ секондини позволилъ ребенку войдти ко мнѣ въ камеру: едва войдя, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и обнялъ мои ноги, испуская громкій крикъ радости. Я взялъ его на руки и не могу выразить, съ какимъ жаромъ онъ осыпалъ меня ласками. Сколько любви въ этомъ миломъ созданьицѣ! Какъ бы я желалъ воспитать его и спасти отъ того униченія, въ которомъ онъ находился!

Я никогда не зналъ его имени. Онъ и самъ не зналъ, есть ли у него какое. Былъ онъ всегда веселъ, и я никогда не видалъ, чтобы онъ плакалъ, исключая единственный разъ, когда его прибилъ тюремщикъ, ужъ не знаю за что. Странное дѣло! Жить въ подобномъ мѣстѣ, кажется, верхъ несчастія, однако, этотъ ребенокъ былъ навѣрно такъ же счастливъ, какъ могъ бы быть въ его возростѣ княжескій сынъ. Размышляя объ этомъ, я понялъ, что нужно дѣлать, чтобы расположеніе духа не зависѣло отъ мѣста, въ которомъ находишься. Если мы будемъ управлять своимъ воображеніемъ, мы почти повсюду будемъ чувствовать себя хорошо. День скоро проходитъ, и когда вечеромъ ложишься въ постель, не чувствуя голода, не имѣя сильнаго горя,—что нужды, что эта постель находится въ стѣнахъ, которыя зовутъ тюрьмою, а не въ стѣнахъ, называемыхъ домомъ или дворцомъ?

Прекрасное разсужденіе! Но какъ управлять воображеніемъ? Я пытался управлять имъ и иногда, казалось мнѣ, отлично достигалъ этого; но въ другой разъ воображеніе одерживало верхъ, и я, досадуя, недоумѣвалъ передъ своимъ безсиліемъ.

VIII.

И въ несчастіи я, всетаки, счастливъ,—говорилъ я себѣ,—счастливъ тѣмъ, что мнѣ дали камеру въ нижнемъ этажѣ, на этомъ дворѣ, гдѣ въ четырехъ шагахъ отъ меня находится этотъ милый ребе-

нокъ, съ которымъ мы такъ нѣжно бесѣдуемъ! Удивительна человѣческая понятливость! Чего, чего не говорили мы нашими взглядами и выраженіемъ физіономіи! Сколько прелести было въ его движеніяхъ, когда я улыбался ему! Какъ онъ старался поправить свои движенія, не понравившіяся мнѣ! Какъ онъ понималъ, что я люблю его, когда онъ ласкаетъ или угощаетъ кого нибудь изъ своихъ товарищей! Никто въ свѣтѣ не вообразилъ бы себѣ, что я, стоя у окна, могъ быть чѣмъ-то въ родѣ воспитателя для этого бѣднаго созданьица. Часто упражняясь въ разговорѣ знаками, мы усовершенствуемся въ взаимной передачѣ нашихъ мыслей. Чѣмъ умнѣе и благороднѣе онъ будетъ при моемъ посредствѣ, тѣмъ больше я буду любить его. Я буду для него добрымъ духомъ разума и добра; онъ научится повѣрять мнѣ свои печали, свои радости, свои желанія, я научусь утѣшать его, облагораживать его, направлять всѣ его дѣйствія. Кто знаетъ, можетъ быть, рѣшеніе моей участи будетъ откладываться съ мѣсяца на мѣсяцъ и меня оставятъ состарѣться здѣсь? Кто знаетъ, что это дитя не выростетъ на моихъ глазахъ и не будетъ приставлено къ какому нибудь дѣлу въ этомъ домѣ? Съ такими способностями, какія у него, чего онъ можетъ достичь здѣсь? Увы, ничего больше, какъ будетъ отличнымъ секондино или что нибудь въ этомъ родѣ. Такъ развѣ не сдѣлаю я хорошаго дѣла, если постараюсь возбудить въ немъ желаніе заслужить уваженіе честныхъ людей и уважать себя самого, если постараюсь развить въ немъ прекрасныя чувства?

Этотъ монологъ былъ совершенно естественъ. Я всегда имѣлъ большую склонность къ дѣтямъ, и обязанность воспитателя мнѣ казалась высокой. Я исполнялъ подобную обязанность нѣсколько лѣтъ у Джакомо и Джуліо Порро, двоихъ юношей съ прекрасными надеждами, которыхъ я любилъ и всегда буду любить какъ своихъ собственныхъ дѣтей. Одинъ Богъ знаетъ, сколько разъ я думалъ о нихъ въ тюрьмѣ! Какъ горевалъ я о томъ, что не могу довершить ихъ воспитанія! Какъ горячо я молился о томъ, чтобы они нашли новаго учителя, который бы ихъ любилъ такъ же, какъ я!

Иногда я восклицалъ про себя: «Какая это жестокая пародія! Вмѣсто Джакомо и Джуліо, дѣтей, одаренныхъ всѣмъ, что только могли дать природа и счастіе, у меня ученикомъ бѣдняжка глухонѣмой, оборванецъ, сынъ вора!.. который много, много что будетъ секондино, а въ обстоятельствахъ немного менѣе благопріятныхъ оказался бы сбирромъ».

Эти размышленія разстраивали меня и приводили въ уныніе. Но едва, бывало, заслышу я громкій голосъ глухонѣмаго, какъ вся кровь приливала мнѣ къ сердцу, точно у отца, услыхавшаго голосъ своего сына. И этотъ крикъ, и видъ его разсѣевали во мнѣ всякую мысль о томъ, что онъ хуже другихъ. И чѣмъ онъ виноватъ, что онъ оборванъ, что онъ глухонѣмой и отрасль вора? Че-

ловѣческое созданіе въ возростѣ невинности всегда достойно уваженія. Такъ говорилъ я, и со дня на день все больше и больше привязывался къ нему. Мнѣ казалось, что онъ становился понятливѣе, и это укрѣпляло меня въ моемъ рѣшеніи — посвятить себя на то, чтобы сдѣлать изъ него благороднаго человѣка. Строя въ умѣ всевозможныя случайности, я думалъ о томъ, что, можетъ быть, въ одинъ прекрасный день, я выйду изъ тюрьмы и найду средство помѣстить этого ребенка въ коллегію глухонѣмыхъ и та-

кимъ образомъ открою ему дорогу къ болѣе лучшей судьбѣ, чѣмъ судьба сбирра.

Среди такихъ размышленій о судьбѣ этого ребенка пришли ко мнѣ двое секондини, чтобы взять меня отсюда.

— Перемѣняется помѣщеніе, синьоръ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Приказано перевести васъ въ другую камеру.

— Почему?

— Другая крупная птица поймана, а такъ какъ это лучшая камера... понимаете...

— Понимаю: это первое помѣщеніе для вновь прибывшихъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять рублей** съ пересылкой и доставкой на домъ.

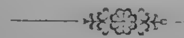
Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго **Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.